

ЕВГЕНИЙ ТОЛМАЧЕВ

АЛЕКСАНДР III

и его время

ВЕНЦЕНОСЦЫ

ЕВГЕНИЙ ТОЛМАЧЕВ

АЛЕКСАНДР III

и его время

Москва 2007

ТЕРРА TERRA

КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 947
ББК 63.3(2)
Т 52

Рецензенты
Доктор исторических наук, профессор *А. И. Уткин*
Доктор исторических наук, профессор *А. В. Чунаков*

Толмачев Е. П.

Т52 Александр III и его время. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007. — 720 с. — (Венценосцы).

ISBN 978-5-275-01507-2

Книгу «Александр III и его время» без преувеличения можно назвать энциклопедией исторической жизни России 1880–90-х годов, и значимость ее повышается в связи с тем, что до конца XX в. не было создано достойных работ, показывающих реально, взвешенно и объективно период царствования Александра III. Автор исследования Е.П. Толмачев, профессор, доктор исторических наук, опираясь на многочисленные источники и труды своих предшественников, расширяет представление о личности царя-миротворца, показывает основные проблемы его времени, людей, которые оказывали серьезное влияние на его становление и решение стоящих проблем.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-275-01507-2

© Е. Толмачев, 2007
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 октября 1894 г. в 2 часа 15 минут пополудни в Ливадии на пятидесятом году жизни скончался повелитель величайшего в мире Российского государства император Александр III. В течение 13 лет и 8 месяцев он крепко держал в руках штурвал государственного корабля и успешно вел его вперед через все трудности, бури и штормы. Разумеется, деятельность этого народоправителя могущественнейшей державы и его время привлекают внимание литераторов и историков. Тем не менее чуть ли не до конца XX в. не было создано достойных работ, показывающих реально, взвешенно и объективно период царствования Александра III. Мало о ком из императоров было сочинено столько небылиц, сколько об этом монархе.

Его изображали ограниченным, махровым реакционером, мракобесом, пьяницей и жестоким палачом, затормозившим своими «контрреформами» *прогрессивный путь развития России. Несомненно, столь негативный образ* этого властелина России создавался во многом под влиянием ленинской оценки того, что Александр III возглавил «разнузданную, невероятно бессмысленную и зверскую реакцию».

Важно подчеркнуть, что к настоящему времени исследователи располагают многочисленными воспоминаниями членов императорской семьи, крупных царских сановников, фундаментальными работами П. А. Зайончковского, В. А. Федорова, Л. Г. Захаровой, Н. С. Киняпиной, В. Я. Гросула, В. А. Твардовской, В. Г. Чернухи, Е. В. Пчелова, Ю. В. Кудриной, В. Л. Степанова, В. И. Федорченко, Д. Н. Шилова и других, посвященными проблемам и деятелям 80—90-х гг. XIX в. Высокой оценки заслуживают монографии об императоре Александре III, созданные А. Н. Боховым, а также О. Барковец и А. Крыловым-Толстиковичем.

Все эти работы доказали, что правление Александра III не менее знаменательно, нежели предыдущие монархии. В своей книге мне хотелось, опираясь на многочисленные источники и труды своих предшественников расширить представление об Александре III, показать основные проблемы его времени, людей, которые оказывали серьезное влияние на его становление и решение стоящих проблем.

Всего получилось 24 главы, которые я сгруппировал в 5 частях.

Первая часть включает в себя 6 глав, освещающих путь великого князя Александра Александровича к трону. Речь идет о его родителях и родственниках, первых воспитателях, наставниках и преподавателях.

В этот период будущий глава Российской империи пережил первый перелом в своей жизни. В апреле 1865 г., когда ему было 20 лет, в Ницце умирает его старший брат и неожиданно-негаданно великий князь Александр Александрович становится наследником престола, цесаревичем. К тому же вскоре он женится на невесте покойного брата, датской принцессе Дагмаре, тяжело преодолев свои чувства к прелестной фрейлине княжне Марии Мещерской.

Здесь же говорится о государственной и военной деятельности цесаревича, его участии в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., о тяжелом послевоенном периоде, годах волнений и тревог, связанных с террористической вакханалией народовольцев, закончившейся смертельным ранением Александра II.

Вторая часть книги вобрала в себя 8 глав. В ней показан второй перелом, пережитый Александром Александровичем в связи с гибелью его отца и вступлением на царский престол. После некоторого колебания молодой император выбрал консервативный политический курс, утверждающий незыблемость самодержавия и дальнейшее укрепление положения дворянства.

В главах второй части подробно рассматривается внутренняя политика нового царствования: проблемы императорской фамилии, кардинальные меры в сфере цензуры и просвещения, в национальном вопросе, корректировка реформ Александра II в местном самоуправлении, финансово-экономическое укрепление государства, преобразования в армии и флоте.

Третья часть, состоящая из 3 глав, раскрывает внешнюю политику России в Европе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Четвертая часть, образованная также из 3 глав, посвящена вопросам идейной борьбы и общественному движению в России при Александре III. В ней рассматриваются консервативное и либеральное направления, рабочее движение и социал-демократия, революционно-демократическое крыло. Здесь же показано неудавшееся покушение на царя 1 марта 1887 г.

Пятая часть содержит 4 главы, знакомящие читателя с состоянием науки, литературы и искусства 80-х — начала 90-х гг. XIX в., а также повествующих о последних годах жизни Александра III и судьбе членов его семьи.

Заключение подводит итоги исследования. В конце книги помещены основные даты жизни Александра III, указатель имен, список источников и литературы.

Новизна работы заключается в том, что в ней предпринята попытка комплексно рассмотреть все основные проблемы царствования Александра III.

В монографии вводятся в научный оборот многочисленные архивные документы, свидетельства очевидцев и современников событий.

Выражаю глубокую признательность за добрые советы и пожелания сотрудникам архивов, библиотек и музеев, оказавших мне содействие и помощь.

Часть I

Дорога к трону

Глава первая

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО (1845—1860)

1. ИСТОКИ

Будущий император Александр III родился в величественной и блистательной столице Российского государства — в Санкт-Петербурге. Это событие случилось на исходе зимы 1845 г. в главной официальной резиденции властелинов великой страны — в Зимнем дворце. Великолепное здание дворца, сгоревшее несколько лет назад, к этому времени было восстановлено вновь и внутренне и внешне. Только знатоки могли определить, что количество скульптур по периметру его крыши стало значительно меньше да изменились цвета фасадов. По свидетельству современников, всю зиму стояла умеренно холодная, бессолнечная погода. Как обычно «на мутном небе мгла носилась», дул порывистый, сырой ветер с Балтики. И вот в понедельник, 26 февраля 1845 г., в первый день Великого поста в 3 часа дня, внезапно, как снег на голову, начали стрелять орудия с бастионов Петропавловской крепости. Канонада продолжалась до позднего вечера. 301 пушечный выстрел возвестил жителям Северной Пальмиры о рождении сына в семье наследника престола великого князя Александра Николаевича и его жены Марии Александровны. Вечером город был богато и празднично иллюминирован.

Отцу семейства Александру Николаевичу, старшему сыну императора Николая I, было двадцать шесть лет. По характеристике современников, он был высокого роста, с прекрасными манерами, исполненный царственной простоты и достоинства. Получив основательную разностороннюю подготовку, свободно владея несколькими языками, цесаревич в любом обществе оказывался в центре внимания. На обветренном лице его выделялись большие

голубые глаза. Решительный, твердый подбородок с едва заметной ямкой выдавал в нем мужественного и смелого человека. Главным достоинством его было доброе, горячее, человеколюбивое сердце. Вот уже четыре года рядом с ним находилась его двадцатилетняя супруга, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, дочь великого герцога Гессенского Людвига II, отличавшаяся изящной фигурой и обаянием. У нее были чудные волосы, прекрасный нежный цвет лица, большие голубые чуть навыкате глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Мария Александровна была нежно привязана к мужу и детям и старалась добросовестно исполнять обязанности, которые налагала на нее семья.

Имея характер несколько холодный и сдержанный, она не обладала той приветливостью, которая может обвораживать сердца, но свою общественную роль она играла умно и с большим достоинством, а в узком кругу была чрезвычайно приятна. Речь у нее была умная, тонкая, живая, в отношениях с людьми проявлялась мягкость и обходительность. Не подлежит никакому сомнению, что эта высокообразованная женщина, представлявшая собой идеал женственности и беспорочности, имела большое влияние на развитие своих детей. Окружающие ее любили.

Первые годы супружества были наполнены безмятежным семейным благополучием. Один за другим рождались дети, появление которых подтверждало обоюдное счастье Александра и Марии. Первым ребенком была дочь Александра, вторым — сын Николай.

Роды третьего ребенка принимали доктор Василий Богданович Шольц и главная акушерка Воспитательного дома Анна Чайковская, широкоплечая, могучая дама с лицом, изрытым оспой. Ее насупленные густые брови, резкие манеры и строгий голос производили просто-напросто устрашающее впечатление. После знакомства с акушеркой цесаревна со вздохом промолвила: «Бедное дитя! Как только оно появится на свет, так тотчас должно испугаться — так ужасно выглядит эта женщина». Однако акушерка оказалась настоящим мастером сложного повивального искусства: роды прошли безупречно. Новорожденный был здорового и крепкого сложения.

В честь отца и в память благословенного двоюродного деда, победителя непобедимого Наполеона новорожденный был назван Александром.

О рождении внука император Николай I не замедлил уведомить своих верноподданных специальным манифестом. Глава государства распорядился на содержание потомка, как и его старшего брата,

выделять из Государственного казначейства по 50 тыс. рублей в год. На другой день, по древнему русскому обычаю, счастливый отец новорожденного выделил из своих средств по три тысячи рублей серебром на оказание помощи беднейшим жителям Петербурга и Москвы и на выкуп из тюрем тех из содержащихся, которые наиболее окажутся того достойными.

Появление на свет великого князя Александра Александровича стало истинным благом для всей царской семьи после понесенных ею незадолго до того двух скорбных утрат. 29 июня 1844 г., произведя на свет ребенка, скончалась великая княгиня Александра Николаевна (в семье ее называли Адини), вышедшая замуж в январе того же года за Гессенского принца Фридриха-Вильгельма, наследника датского престола. Около 10 часов утра девятнадцатилетняя княгиня преждевременно произвела на свет шестимесячного ребенка, которого сразу окрестил сам Николай I, так как «младенец не подавал ни малейшей надежды на спасение жизни». Александра Николаевна «изведала чувство материнского счастья», но это состояние продолжалось всего несколько часов. В половине пятого ее не стало (28а, оп. 1, д. 1988, л. 3—6 об.). Кончина музыкально одаренной Адини потрясла не только императорскую семью, но и близкое окружение.

16 января 1845 г. во цвете лет сошла в могилу также после неудачных родов старшая дочь великого князя Михаила Павловича, Елизавета, супруга владетельного герцога Адольфа Нассауского, по которой двор еще носил траур.

13 марта 1845 г. в большой церкви Зимнего дворца в присутствии императорской семьи и лиц придворного круга свершилось крещение великого князя.

В кормилицы младенца была подобрана крестьянка села Пулково Царскосельского уезда Екатерина Лужникова. По отзывам фрейлины баронессы М. П. Фредерикс, у маленького Саши, как звали его в царской семье, был вздернутый кверху носик и большие круглые глаза, смотревшие упорно прямо вперед, но взгляд его был ласковый и добрый. Чертами лица малютка немного напоминал прадеда своего императора Павла, что очень нравилось государю Николаю Павловичу, благоговейно чтившему память отца.

Из дошедших до нас отзывов частных лиц той эпохи заслуживают внимания строки письма друга и душеприказчика Пушкина, поэта и критика П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому. «Две утраты, столь горестные для семейства царского, теперь несколько облегчены явлением на свет сына цесаревича. Траур снят... Новый Александр, — писал он, — должен внести с собою в семью на-

следника все радости, какие соименный ему император некогда внес в сердце Екатерины. Нам не увидеть этого будущего, которое так таинственно и значительно. Чем некогда сделается Россия? А к ее бытию много, много судеб приобщено провидением...» В числе приветствовавших рождение царственного младенца служителей муз, наиболее удачным оказались стихи поэта Бориса Федорова в журнале «Маяк»:

Как Невский Александр — будь князь благочестивый,
Как новый Александр, герой позднейших лет,
Будь Александр Миролюбивый!
Смиреньем будь велик, любя небесный свет!
Благословенному достойно соименный
Еще величия России ты прибавь
И имя русское во всех концах вселенной
Своею жизнию прославь!

К удивлению всех, время показало насколько справедливым оказалось пророчество поэта. В официальной литературе Александр III действительно стал именоваться Миротворцем.

Будущий самодержец рос в многодетной семье. После его рождения в семье прибавилось еще пятеро: Владимир, Алексей, Мария, Сергей и Павел. Воспитание детей было предметом особой заботы императорской четы, цесаревича и цесаревны. Дети формировались в своеобразной атмосфере двора, в обстановке помпезной обрядности, изысканного этикета и великосветского блеска. Уже с рождения великие князья и их сестры несли на себе бремя государственных людей, являлись субъектами всеобщего внимания, обсуждения и критики. По неписаным канонам они не могли обучаться ни в частных, ни в казенных учебных заведениях, поэтому были окружены целым штатом воспитателей, наставников и учителей. С первых шагов у детей последовательно развивали образ мыслей, чувства и поведение по меркам, принятым в августейшей семье, в соответствии с традициями и потребностями времени.

Наибольшее внимание обращалось воспитанию старшего сына Николая Александровича, которому предназначалось царствование на основании принципа преемственности власти по старшинству.

Первоначальный уход за детьми был примерно одинаков, он был поручен опытным боннам-англичанкам Екатерине Стуттон, Марии Юз и Томасине Ишервуд под руководством надзирательницы С. Я. Поггенполь, а затем наставницы В. Н. Скрипицыной.

В то же время в процессе воспитания детей старались не баловать, к ним предъявляли повышенные требования, в основе

которых лежали строгость, пунктуальность, подчинение установленному этикету и правилам. Анна Федоровна Аксакова, старшая дочь знаменитого поэта Ф. И. Тютчева, бывшая фрейлиной Марии Александровны, удивлялась воспитанию самых маленьких великих князей, которые в продолжение всей длинной службы в церкви стояли молча и неподвижно. «Я никогда не понимала, — писала она, — как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали» (322, с. 100).

Безусловно, самой близкой и заботливой воспитательницей детей была их мать Мария Александровна.

Обоих старших братьев — Николая и Александра — практически одновременно начали обучать грамоте и военному делу. В 1846 г. к обучению малышей пригласили инспектрису Воспитательного общества благородных детей, вдову ярославского помещика Веру Николаевну Скрипицыну, которая научила детей читать и писать, познакомила с арифметикой и священной историей. Лето 1848 г. малыши безвыездно провели в Царском Селе, в 24 км к югу от Петербурга, где были приняты самые строгие меры профилактики от свирепствующей по всей стране холеры. Грандиозный дворцово-парковый ансамбль этого пригорода, который называют и Дворцовым городом, и Деревней царя, создавался с начала XVIII в. несколькими поколениями русских мастеров и стал одним из шедевров русского искусства. Памятники эти дороги нам вдвойне своей неразрывной связью с великим А. С. Пушкиным. Именно здесь в Царскосельском лицее восходило «солнце русской поэзии»:

...Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал...

В центре ансамбля возвышается несравненный Большой (Екатерининский) дворец, который строили архитекторы М. Земцов, А. Квасов, С. Чевакинский. Окончательный проект величественного дворца (1752—1757) принадлежит В. В. Растрелли. Вокруг строения создаются зеленые массивы парков: Екатерининского, Александровского, Баболовского и др. В парках — Александровский дворец (1792—1796 гг., архитектор Дж. Кваренги), многочисленные павильоны, в том числе Эрмитаж (1743—1754), Грот (1749—1763), пруды, каналы, памятники в честь русской армии и флота.

Император Николай Павлович, как обычно, занимал с императрицей Александрой Федоровной Александровский дворец, а цесаревичу Александру Николаевичу и его супруге Марии Александровне был предоставлен Зубовский флигель Екатерининского дворца, где они оборудовали для себя жилые и парадные половины. В начале октября 1848 г. «в комнаты» к трем сыновьям цесаревича для обучения строевым и ружейным приемам назначили унтер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка Тимофея Хренова. Старый добрый дядька стал участником детских игр и забав дома и на свежем воздухе и неизменным спутником на прогулках в Царском Селе и Петергофе. Несмотря на свою ворчливость, он очень скоро пришелся ко двору, дети полюбили его за сердечную расположенность, благодушие и заботу.

1849 г. стал сложным для царской семьи, принес и радости, и горести. 2 января в семье наследника родился четвертый сын — Алексей, — а 16 июня, незадолго до отъезда Александра Николаевича для подавления венгерских революционных войск, на его руках после перенесенной тяжелой детской инфекционной болезни скончалась горячо любимая восьмилетняя дочь Александра. Маленькие братья пролили первые слезы печали над гробом бесценной сестры. Во время подготовки Венгерского похода заболел и 28 августа после кровоизлияния в мозг на 52 году жизни скончался в Варшаве брат императора великий князь Михаил Павлович.

2. ПЕРВЫЕ ВОСПИТАТЕЛИ

Тогда же в 1849 г. первым по времени воспитателем будущего властителя России стал генерал-майор Николай Васильевич Зиновьев, который в день рождения наследника 17 апреля был назначен Николаем I состоять при его августейших внуках — Николае, Александре и Владимире Александровичах.

47-летний Зиновьев лично был известен императору как один из преданных ему офицеров, проявивший себя при осаде крепости Варны в Русско-турецкую войну 1828—1829 гг., а с 1844 г. успешно руководивший Пажеским корпусом, самым привилегированным и престижным военно-учебным заведением России.

В качестве помощников ему определили с 6 декабря 1849 г. полковника Григория Федоровича Гогеля, а с 1853 г. полковника Николая Геннадиевича Казнакова.

Определенной системы воспитания, как для старшего сына Николая I (будущего императора Александра II), выработано не было.

Первые наставники внуков Николая I оказались довольно разными людьми по своим воззрениям и образованию. И в дальнейшем школа воспитания цесаревича Николая Александровича и его братьев была крайне разнообразна, а воспитателями оказывались случайные люди. Известно, например, что Зиновьев, человек религиозный и строгих правил, зачастую действовал под влиянием своей умной жены Юлии Николаевны, рожденной Батюшковой, бывшей фрейлины императрицы Александры Федоровны. В этих случаях его взгляды и суждения были правильны и человечны. К сожалению, он подпадал и под другие влияния. Тем не менее за годы своего пребывания в должности воспитателя великих князей Зиновьев заслужил любовь и уважение своих питомцев, сохранивших о нем добрую память. Николай Васильевич постоянно пользовался благорасположением высочайших лиц государства и регулярно удостаивался их поощрения.

В 1850 г. он был назначен в свиту императора, через 2 года произведен в генерал-лейтенанты и 19 февраля 1855 г. назначен генерал-адъютантом. В 1859 г. в ознаменование дня совершеннолетия цесаревича Николая Александровича получил при высочайшем рескрипте золотую украшенную бриллиантами табакерку с портретом Их Величеств и Его Высочества (249, т. 10, с. 405).

В следующем году Н. В. Зиновьев назначается членом Комитета о раненых. В дальнейшем к его помощи не раз обращались при решении чрезвычайных и значимых проблем.

41-летний Гогель был назначен в помощники Зиновьеву по рекомендации покойного великого князя Михаила Павловича, который знал его как отличного фронтового офицера л.-гв. Волынского полка, а потом как примерного батальонного командира Института инженеров корпуса путей сообщения.

Действительно, Гогель отличился в сражениях при подавлении польского мятежа в 1831 г. Однако в 1836 г. за участие в дуэли состоял под судом, 3 месяца провел на гауптвахте. Со временем восстановил свое честное имя. Был помощником директора института. Был женат на дочери генерал-лейтенанта С. М. Степовой. В период пребывания при великих князьях следил за их выправкой, заботился об оснащении их помещений, об их одежде и туалете. Особенно он был изобретателен при устройстве праздников и увеселений и подготовке юных князей к разводам и парадам. К сожалению Гогель был совершенно не способен влиять на духовное развитие своих питомцев. Уже в 1852 г. Григорий Федорович назначается флигель-адъютантом и производится в генерал-майоры. Через два года ему присваивают звание генерал-адъютанта и назначают в свиту Его Величества.

8 сентября 1859 г. по случаю совершеннолетия цесаревича Николая Александровича Гогель получил на 12 лет аренду по 3000 руб. в год (потом продолжена на 6 лет). 6 декабря 1860 г. он произведен в генерал-лейтенанты и назначен помощником главноуправляющего Царским Селом. В то же время некоторые современники, хорошо знавшие Зиновьева и Гогеля, весьма критично отзывались о них.

Князь П. В. Долгоруков, например, считал, что оба воспитателя были людьми честными, но бездарными представителями николаевской эпохи, вовсе не понимающими потребностей времени.

Наиболее способным и образованным среди первых воспитателей считался 29-летний Н. Г. Казнаков. После окончания Императорской военной академии в 1847 г. первым с награждением большой серебряной медалью он был переведен в гвардейский Генеральный штаб.

В 1850—1853 гг. Казнаков, являясь адъюнкт-профессором тактики в Военной академии, читал лекции по этому предмету старшим офицерам гвардейского корпуса. В дни своей воспитательной деятельности с 1853 по 1861 г. Казнаков проявил себя эрудированным, внимательным и доброжелательным педагогом. Однако воспитательная роль его была пассивной. Зиновьев, относившийся к нему как к родному сыну, видимо, считал его недостаточно опытным или слишком молодым для того, чтобы принимать его взгляды и мнения и, следовательно, действовать в разрез с установившимся порядком. Сознавая это, Казнаков как честный человек вскоре стал скучать, тяготиться своим положением и жаждал другого назначения.

В 1855 г. он получил звание флигель-адъютанта, а в 1858 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Величества. В 1861 г. Николай Геннадьевич был командирован в Калужскую губернию, для того чтобы контролировать введение в действие положения о крестьянах. При этом за правильное решение возникших недоразумений в одном из имений получил высочайшее благоволение и в том же году назначен начальником штаба отдельного гренадерского корпуса.

Кроме военных воспитателей, или, как называли их при дворе, гувернеров, с двумя старшими сыновьями цесаревича продолжала заниматься Скрипицына, а с нового, 1850 г., по два раза в неделю давали им уроки учитель гимнастики Август Линден и учитель танцев Огюст.

Ежедневно дети вставали в 7 часов утра, после молитвы до занятий ходили здороваться с родителями и с императорской четой. Нередко «грозного аннапа» встречали в парке во время его обычной утренней прогулки, «чинно становились перед ним во фрунт и снимали фуражки, за что каждый получал по звонкому поцелую» от него. Около часа до завтрака ребята занимались с Хреновым маршировкой и ружейными приемами. После завтрака дважды в неделю они обучались воспитателями и дважды занимались гимнастикой на сетке. Каждый день в полдень начинался урок у Скрипицыной. В два часа следовал обед, после которого ходили гулять с гувернерами, либо ездили по окрестностям Царского Села в шарабане, тележке или верхом на маленьких лошадках. В 4 часа подавали чай, затем два раза в неделю проходил урок танца и дважды занятия со Скрипицыной.

Свободное от занятий время посвящалось прогулкам с воспитателями, пешком или в экипаже, а также различным играм (с оловянными солдатиками, в войну, в лошадки, в охоту и др.), катанию на лодках. С 7 часов вечера дети проводили время за чайным столом в Китайской комнате у своей «мама» Марии Александровны. Здесь же находился цесаревич Александр Николаевич с состоявшими при нем лицами. Чай разливала обычно дежурная фрейлина. Это время было самым отрадным для детей, где они испытывали радость общения со своими родителями, обменивались впечатлениями, получали от них поощрения, наставления и пожелания. Приняв благословение от отца и матери, обычно в 8 часов вечера, дети отправлялись спать.

В воскресные и праздничные дни после обеда к царевичам приглашались их сверстники из семей российской элиты (Никса и Володя Адлеберги, Саша Паткуль, Гриша Гогель и др.), с которыми они проводили время до вечера. «Те часы, которые мы проводили во дворце, — вспоминала позже А. П. Бологовская, — были для нас прямо чем-то сказочным. В длинной галерее Большого царскосельского дворца были собраны всевозможные игрушки, начиная с простых и кончая самыми затейливыми, и нашему воображению представлялся тут полный простор. Помню как сейчас длинную вереницу всяких экипажей, приводивших нас в неописуемый восторг. Однако, несмотря на обилие, разнообразие и роскошь игрушек, одной из любимейших наших забав была игра в лошадки, а так как у меня... были длинные локоны, то я всегда изображала пристяжную. Великий князь Александр Александрович вплетал в мои локоны разноцветные ленточки, садился на козлы, и мы с гиком летели вдоль всей галереи...» (51а, с. 43).

По давно устоявшейся традиции к 1 июля, дню рождения императрицы Александры Федоровны и ее бракосочетанию с Николаем Павловичем, двор непременно переселялся в Пе-

тергоф (в переводе с голландского «двор Петра»), или, как его называли в XVIII в., Русский Версаль, а позже Столица фонтанов. Это место, расположенное в 29 километрах от Петербурга на южном берегу Финского залива, произвело на царицу еще в 1817 г., по ее признанию, большее впечатление, нежели Павловск и Царское Село. По дерзновенному замыслу Петра I в небывало короткие сроки здесь были разбиты парадные парки и дворцы, превосходящие по красоте и роскоши европейские. Ко времени царствования Николая I Петергоф представлял собой уже внушительный архитектурно-художественный комплекс, включавший несколько парков, дворцовых зданий и павильонов, десятки фонтанов, каскадов и множество мраморных, бронзовых свинцовых статуй, бюстов и барельефов. Пышность и великолепие Петергофа прежде всего демонстрировал со стороны моря Большой дворец, вытянутый почти на 300 метров единым ярким фасадом.

Под влиянием желаний и вкуса своей супруги Николай I превратил за годы своего правления пустынную местность вокруг Петергофа в роскошные парки, застроенные изящными и причудливыми павильонами и дворцами. Почти каждый год в Петергофе, словно в волшебной сказке, появлялось новое сооружение. Уже в 1826—1829 гг. восточнее основного ядра по проекту архитектора шотландца А. Менеласа, работавшего в России, создается дворцово-парковый ансамбль «Александрия», названный так по имени жены Николая I. Основные строения парка расположились на его верхней террасе. В ее восточной части в эти же годы возведена главная постройка — дворец Коттедж (в переводе с английского — «сельский домик»). Он представляет собой удивительно красивое, четко спланированное двухэтажное здание с мансардой. 14 июля 1829 г. дворец был освящен и затем подарен императором Александре Федоровне. С 1 августа Коттедж стал именоваться Александрией — дачей Ее Величества. Вскоре были закончены такие оригинальные сооружения, как Готическая капелла (церковь Святого благоверного великого князя Александра Невского), Ферма, Телеграфный домик, Караулка, Готический колодец и другие. В 40-х гг. XIX в. по проектам русского архитектора А. Штакеншнейдера вдоль фонтанного водовода Петергофа были также разбиты обширные парки — Колонистский, Луговой, Озерковый и Бельведерский сад. Тем же зодчим построены на искусственных островах Ольгина пруда павильоны: Ольгин, Царицын и Озерки (Розовый) у начала чугунных фонтанных труб. На самой большой возвышенности в окрестностях Петергофа Бабигоне Штакеншнейдер

возвел дворец Бельведер (с итальянского — «прекрасный вид»), напоминающий древнегреческий античный храм.

Любимым местом императрицы стал утопающий в зелени и цветах Коттедж, а цесаревич и цесаревна с детьми располагались в Ферме, вокруг которой возникали разнообразные постройки для учебы и игр подрастающих великих князей. Там появились детская крепость, пожарная каланча, водяная мельница, крестьянская избушка, а на берегу Финского залива — детская фермочка.

Конечно, в небольших комнатах Фермы братьям жилось не столь просторно, как в огромных покоях роскошного Екатерининского дворца в Царском Селе. Тем не менее учеба с ними продолжалась по-прежнему. Занятия были не обременительны, они много гуляли по прекрасным петергофским паркам и окрестным рощам, где собирали грибы и ягоды. Особенно нравилось им бывать в районе небольшого увеселительном дворца Петра I Монплезира (по-французски — «мое удовольствие»), откуда открывалась широкая панорама моря и в отдалении просматривался Петербург. Нередко они отправлялись в гости в Сергиевку к великой княгине Марии Николаевне (местность эта известна под названием Собственная дача), в Ораниенбаум к Елене Павловне (вдове великого князя Михаила Павловича), в Стрельну к дяде Косте и тете Сани. Вечерами дети часто слушали музыку оркестров гвардейских полков, которую те исполняли перед Большим дворцом.

С осени 1850 г., по возвращении двора в Петербург, обоих старших братьев начали учить в манеже верховой езде, которую преподавал им берейтор Барш под высшим руководством обер-шталмейстера генерал-адъютанта барона Е. Мейендорфа.

О ходе обучения своих августейших подопечных, их поведении, взаимоотношениях, физическом развитии, наклонностях, достижениях, шалостях, допущенных ошибках воспитатели и преподаватели систематически рапортовали наследнику.

Одним из главных положительных качеств, зафиксированных у великого князя Александра Александровича в отзывах его пестунов, было старание.

Уже в сентябре 1850 г. Зиновьев несколько раз в докладах отмечает старание пятилетнего Александра к строевым занятиям. В итогах за июнь 1855 г. воспитатели сообщают, что к чистописанию великий князь относился «очень серьезно и старательно». Другими важными особенностями его склада были развитые с детства чувства самолюбия и справедливости.

По достижении 7-летнего возраста, великих князей одного за другим отделяли, поручая их воспитателям.

По установившейся традиции все великие князья в день рождения или крещения зачислялись в гвардейские полки и назначались шефами различных частей. Так «железный» император Николай I записал Александра Александровича в списки лейб-гвардии Гусарского, Преображенского и Павловского полков и поставил его шефом Астраханского карабинерного (позже 12-го Драгунского) полка.

В последующие годы многочисленные государственные и семейные праздники служили поводом для тиражирования шефства и зачисления в полки, пожалования высочайших наград и производства в офицерские звания.

Со временем он становится шефом более чем 10 полков и подразделений..

В семилетнем возрасте великий князь Александр получил чин прапорщика, в 10 лет стал поручиком, в 14 — штабс-капитаном, в 18 — произведен в полковники.

При всех своих недостатках первые воспитатели многое сделали для того, чтобы их питомцы познали основы военного дела, сызмальства прониклись уважением к воинской доблести и славе русского оружия, могли достойно ценить боевые подвиги соотечественников.

Через несколько лет в день принятия присяги (20 июля 1865 г.) великий князь Александр Александрович в рескрипте на имя Зиновьева, отдавая должное своему воспитателю, отмечал: «Николай Васильевич! Я помню всегда, что от вас первых слышал я о тех правилах чести, любви и преданности Государю и Отечеству, которые и составляют сущность присяги, принесенной мною сегодня пред престолом Всевышнего. Помолитесь вместе со мною, чтобы Бог помог мне во всех обстоятельствах жизни руководствоваться только теми побуждениями, которым в самых юных летах моих вы старались положить основание в моем сердце. В память этого великого дня в моей жизни, препровождаю вам табакерку с моим портретом и прошу вас сохранить ко мне навсегда вашу дружбу и привязанность».

В день коронации в 1883 г. Александр III, вспомнив об одном из здравствующих своих первых воспитателей, Н. Г. Казнакове, бывшем в то время уже генералом от инфантерии, вручил ему бриллиантовый перстень со своим портретом.

Для расширения кругозора великого князя Александра Александровича существенную роль имели регулярные экскурсии, поездки и путешествия. Первая поездка была совершена им в 4-х летнем возрасте вместе с августейшими родителями в июне—августе 1849 г. на пароходе «Грозящий» в Ревель (ныне г. Таллин) и

обратно в Петергоф. В августе — сентябре 1851 г. он ездил в Москву по только что сооруженной железной дороге с императорской четой, своими родителями и многочисленными родственниками. В июне — июле 1852 г. Александр отправляется на грязевой и климатический курорт Гапсаль (ныне г. Хаапсалу в Эстонии) вместе с августейшей родительницей и своими братьями для лечения морскими ваннами из-за золотушного предрасположения юных великих князей. Курорт этот, основанный в 1825 г., когда по инициативе местного врача К. А. Хунниуса была построена грязелечебница, постепенно становится излюбленным местом отдыха титулованной сановной знати. В Гапсале занятия с великими князьями продолжаются. Закон Божий преподавал протоирей Рождественский, французскому учил Куриар. Место Скрипицыной в изучении русского языка занял Классовский, а гимнастическим упражнениям обучал Дероп.

Наиболее яркой личностью из этих преподавателей был Владимир Игнатьевич Классовский, происходивший из дворян Тамбовской губернии. Окончив курс Московского университета по первому отделению философского факультета со степенью кандидата, он с 1836 по 1843 г. работал учителем латинского и русского языков в провинциальных и московских гимназиях. За совершенное им в припадке психического расстройства покушение на самоубийство был удален от обучения. Затем, увлекшись революционными и отчасти атеистическими учениями, он уехал за границу, где прожил около пяти лет. Тяжелая и продолжительная болезнь и неожиданное выздоровление произвели на него такое сильное впечатление, что он совершенно отказался от прежних взглядов и впал в мистицизм. Позже он сумел преодолеть эту слабость и развил в себе спокойное и здравое миросозерцание. Последние два года за границей он обучал детей графа Чернышева-Кругликова в качестве наставника, а вернувшись в Россию, получил место учителя русского языка в Пажеском корпусе, откуда и был приглашен преподавать тот же предмет августейшим детям. Как преподаватель он оказывал довольно сильное влияние на своих учеников. В 1867 г. Классовский был назначен инспектором классов Елизаветинского института, а в 1874 г. — членом ученого комитета Министерства народного просвещения. Он оставил значительное количество научных работ, в свое время пользовавшихся известностью (249, т. 11, с. 729; 263а, с. 70). По оценке Ф. Оома, секретаря собственной конторы детей цесаревича, среди названных преподавателей случайной личностью оказался учитель гимнастики француз Дероп, отличавшийся непомерной наглостью и без всякого основания на то величавший себя громким титулом гимназиарх.

3. Я. К. ГРОТ

С января 1853 г. по совету ректора Петербургского университета Плетнева учебную часть обучения великих князей возглавил известный впоследствии филолог, в то время профессор кафедры русской словесности и истории Гельсингфорсского университета 40-летний Яков Карлович Грот. Тогда же он стал профессором кафедры словесности Императорского Александровского лицея.

Родился Грот в Петербурге в дворянской семье 15 декабря 1812 г., в день окончательного изгнания французов из России. В 1832 г., окончив с золотой медалью Царскосельский лицей, служил в Канцелярии Комитета министров, с 1834 г. — Государственного совета, с 1840 г. был чиновником особых поручений при Статс-секретариатстве Великого княжества Финляндского и сотрудничал в журнале «Современник». С 1841 г. до переезда в Петербург преподавал в Гельсингфорсском университете.

Личность талантливая, даровитая и в высшей степени добросовестная, Грот всецело отдался новым обязанностям. Он составил учебный план для великих князей Николая и Александра, завоевал их симпатии и доверие и повел дело, хотя и несколько сухо, но довольно успешно.

Себе Яков Карлович оставил для преподавания русский, церковно-славянский и немецкий языки, всеобщую и русскую историю и географию.

Законоучителем великих князей стал протопресвитер, богослов, почетный член Петербургской академии наук Василий Борисович Бажанов. С 1848 по 1883 г. он был духовником последовательно Николая I, Александра II и Александра III. Французскому языку учил швейцарец, англиканский пастор старик Куриар, человек высокообразованный, как отмечал П. Долгоруков, отменно умный, с ясным и светлым взглядом на вещи, с характером благородным, с чувствами возвышенными, приятный и любезный в обхождении, но неуклонно твердый характером. Английскому языку обучал лектор С.-Петербургского университета И. И. Шау, арифметике — преподаватель Пажеского корпуса С. П. Сухонин, чистописанию — учитель протестантского училища св. Петра и Павла Лагузен. Уроки рисования давал академик Н. И. Тихобразов, музыки (игры на фортепиано) — брат учителя танцев И. А. Пуаро. С 1854 г. было введено фехтование, которое преподавал директор Института Корпуса инженеров путей сообщения генерал-майор Сивербрик. По-прежнему Вера Николаевна Скрипицына добросовестно репетировала с детьми все уроки, а Тимофей Хренов

отрабатывал с ними «свои экзерциции». Общее руководство обучением царевичей осуществляли военные воспитатели.

С обоими старшими сыновьями наследника престола преподаватели занимались отдельно. В записках Я. К. Грота во время преподавания с 1853 по 1859 г., которые ежедневно вела его жена Наталия Петровна (урожденная Семенова), зафиксировано немало наблюдений за августейшими учениками, где отмечаются их сильные и слабые стороны. По отзыву Грота, Александр Александрович по свойствам своего ума и нрава представлял полную противоположность старшему брату... В нем не замечалось внешнего блеска, быстрого понимания и усвоения... Он очень способный и любознательный мальчик, но медленно развивается, когда речь идет о сухих материях, грамматических правилах, тогда он невнимателен. Но зато как интересует и увлекает его всякое чтение... По характеру Александр Александрович был весел, добродушен и кроток. Кроме того, он обладал светлым и ясным здравым смыслом чисто русского человека, который составляет его коренную особенность и при всей еще неразвитости его ума вызывает в нем замечательную сообразительность, которую он сам в шутку прозвал «смекалкой»... Он любил учиться, на уроках допытывался, что называется, до корня вопроса и всякое знание усваивал хоть и не без труда, но обстоятельно и прочно... Настольной книгой служили ему рассказы американца Парлея о Европе, Азии, Африке и Америке, производившие на его детское воображение сильное впечатление... Книги, отобранные в ученическую библиотеку братьев, должны были способствовать воспитанию чувства долга, трудолюбие, порядочность, доброжелательность. В числе таких книг оказались «История России в рассказах для детей» Ишимовой, «Капитанская дочка» и «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» Пушкина, «Божьи дети» Квитка-Основьяненко, «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового Завета» Зонтаг, «Детские комедии, повести и были» Фурмана, «История всеобщая в рассказах для детей» Ламе-Флери и др.

Несмотря на начавшуюся в 1853 г. Крымскую войну, занятия с великими князьями продолжались в соответствии с намеченными учебными планами. Естественно, император Николай I и цесаревич Александр Николаевич, обремененные сложным развитием военных и политических проблем, стали реже посещать уроки царевичей. В Петербурге вновь, как в Царском Селе, стали проводить «воскресные собрания» у великих князей — Николая, Александра и Владимира, на которые приглашались их сверстники. Как вспоминает их участник граф С. Д. Шереметев: «Нас было довольное количество, и народ довольно буйный. Тут были

Козлов, два Мейендорфа, Олсуфьев, два Адлерберга, двое Барятинских (сыновья князя Анатолия Ивановича), Опочинин, Юрьевский, Ламберт, Толстой, Барятинский (сын князя Владимира), двое Дадианов. Я здесь называю решительно всех, но в первые годы нас было гораздо меньше» (354, с. 19). «Собрания» эти, а правильно — потехи, проходили с 6 до 9 часов вечера в Зимнем дворце. Сначала игра под названием бомбардирование держалась несколько лет, а позже ее заменили игрою в разбойники. Для бомбардирования все разделялись на два враждебных лагеря, из которых один занимал деревянное укрепление, сделанное в комнате, — бруствер, другой же осаждал его, бросая крепкие резиновые мячики. Для игры в разбойники участники разделялись на две неравные группы. Все старшие и силачи, имея во главе Александра Александровича, были солдатами и преследовали повсюду человек пять-шесть, главою которых обычно был Владимир Александрович.

На исходе 1853 г. оба старших сына наследника в присутствии родителей успешно выдержали первый экзамен по всем изучаемым предметам. В мае и июне 1854 г. двор, как обычно, находился в Царском Селе, а в июле и августе — в Петергофе, не взирая на то, что невдалеке перед Кронштадтом стоял многочисленный англо-французский флот, хорошо просматриваемый с Красной горки за Ораниенбаумом и верхнего балкона Александрии. В декабре царская семья несколько дней провела в Гатчине, где перед Рождеством оба старших брата выдержали второй годичный экзамен.

В 1855 г. в царской семье произошли важные события. В конце января перед Масленицей император Николай I слегка простудился на свадьбе дочери гр. Клейнмихеля (249, т. 16, с. 153). Вскоре простуда перешла в воспаление легких и болезнь быстро начала прогрессировать. Многие современники считали, что фатальную роль в развитии болезни «рыцаря самодержавия» сыграло известие о неудаче русских войск в «деле под Евпаторией». «Колосс силы» жил от курьера до курьера и очень болезненно переживал неудачи в Крыму. «Факт был несомненный: Николай Павлович умирал от горя, — утверждал кн. В. П. Мещерский, — и именно от русского горя. Это умирание не имело признаков физической болезни, — она пришла только в последнюю минуту, — но умирание происходило в виде несомненного преобладания душевных страданий над его физическим существом» (186, с. 24).

18 февраля в 12 часов 20 минут, простившись с супругой, со всеми членами царской семьи (в том числе и внуками), бывшими в то время в Петербурге, с приближенными и слугами, Николай I

скончался. «Боже мой! — писал управляющий 3-м Отделением Императорской Канцелярии Л. В. Дубельт, — Не стало нашего государя Николая Павловича! Плач всеобщий, всеобщее изумление — никто не верит, чтоб этот дуб телом и душою, этот великан так внезапно свалился!.. Удар неожиданный, никто не подозревал, что недуг его принял опасное направление. Скорбь так велика, что описывать ее — дело невозможное!» (390, Вып. VI. М., 1995, с. 140). Умный и расчетливый глава императорского дома проявил себя как незаурядная личность, неутомимый труженик, царь-законодатель, твердый охранитель завоеваний своих предков, приравнявший религиозную крамолу, к крамоле политической. Этот благородный и великодушный человек, считавший себя достойным наследником Петра Великого, стремился по-своему обеспечить стабильность и процветание государства Российского, стимулировал развитие торговли и промышленности, построил первую в России железную дорогу общественного пользования. Идейная жизнь в стране при нем подчинялась известной триаде — самодержавие, православие и народность. Несостоятельность правления этого жандарма Европы наиболее ясно проявилась в ходе Крымской войны.

Всесторонне образованный «жестокий деспот», боготворивший свою супругу Александру Федоровну, дал прекрасное образование всем своим детям, особо своему наследнику Александру Николаевичу, ставшему со временем одним из наиболее выдающихся реформаторов в отечественной истории.

Смерть Николая I стала своего рода рубежом, расколовшим XIX в. на две половины. 19 февраля 1855 г. на престол вступил Александр II, старший сын которого великий князь Николай Александрович был провозглашен наследником и цесаревичем. Выступая в тот же день в Государственном совете молодой император признал себя продолжателем «желаний и видов» своих августейших предшественников — «Петра, Екатерины, Александра Благословенного и незабвенного нашего родителя», а на приеме дипломатического корпуса в Зимнем дворце 23 февраля заявил, что будет «настойчиво придерживаться» политических принципов отца и дяди — принципов «Священного союза» (28а, оп. 5, д. 2265, л. 4).

Никаких перемен в организации учебы великих князей не произошло. Три старших сына государя — Николай, Александр и Владимир, — бывшие уже офицерами, получили на эполеты вензеля императора Николая I. Повышены в званиях были их военные воспитатели. Лето 1955 г. прошло для царевичей тревожно в связи с известиями о больших потерях наших героических войск

в Севастополе. В сентябре юные князья вместе с родителями и августейшей бабушкой побывали в Москве и в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Для ознакомления с историческими ценностями древнего Кремля был приглашен их знаток академик М. П. Погодин. Как обычно, перед Рождеством великие князья успешно выдержали годовые экзамены в присутствии императорской четы. Державный отец был приятно удивлен основательными знаниями двух старших сыновей по истории. Александр Александрович, например, без единой ошибки начертал на доске таблицу всего удельного периода. Государь крепко пожал руку Гроту после экзамена и удовлетворенно произнес: «Очень, очень хорошо. Я очень доволен. Благодарю».

1856 г. принес конец Крымской войне. 18 марта в Париже был подписан мирный договор. На следующий день, объявляя в манифесте о заключении мира, Александр II выражал надежду, что мир даст России громадную выгоду, что совокупными стараниями его и всех подданных благоденствие страны будет упрочено. «Да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство, — уповал он, — правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новою силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да насаждается в мире плодом трудов невинных...» (2ПСЗ, т. 31, отд. 2, с. 131). Слова эти были как бы предначертанием тех больших дел, которые совершены были в последующие 25 лет правления Александра II. С воцарением его наступила оттепель в общественно-политической жизни страны, первым проявлением которой становится гласность. Отменяется цензурный террор, запрет на печатное слово, наложенный Николаем I. В России возникает целый ряд новых изданий. Снимаются стеснения, введенные в университетах после 1848 г., разрешается свободная выдача заграничных паспортов, создание акционерных обществ и др.

В июне — июле 1856 г. царские дети вторично со своей матерью побывали в Гапсале, где останавливались в том же доме графини Де-Ла-Гарди, как и четыре года назад. День старших братьев начинался и заканчивался купанием в море, чему предшествовали теплые грязевые ванны. Обычным порядком продолжалась учеба.

Наибольшее удовольствие детям доставляло плавание под парусами и пальба из орудий на небольших судах — шхуне «Никса» и люгере «Нева», — подаренных соответственно цесаревичу Николаю и семилетнему Алексею. 26 августа того же года дети присутствовали в Успенском соборе Кремля при священном

коронации свих родителей. В честь дня венчания на царство воспитатели и преподаватели царевичей удостоились высочайших наград и отличий. В частности, Грот был произведен в действительные статские советники. 18 сентября сыновья сопровождали царскую чету в Троице-Сергиеву лавру.

Между тем вскоре произошли некоторые изменения в обучении царевичей.

Придворная служба, особенности которой Грот недостаточно представлял при независимости его характера и непоколебимой твердости взглядов и принципов, была сопряжена для него со многими нравственными испытаниями и разочарованиями. Из-за недоверчивого и ревнивого отношения генералов-воспитателей он систематически отстранялся ими от непосредственных контактов с августейшими родителями. Кроме того, он вынужден был вести постоянную, столь не свойственную его характеру борьбу с поставленными над ним мало понимавшими дело военными воспитателями за свои начала и убеждения в сфере учебных методов, приемов и программ.

4. В. П. ТИТОВ

Искренне преданный делу, но педантичный Я. К. Грот, не вполне удовлетворял молодую императрицу как руководитель обучения великих князей, и она в конце декабря 1856 г. передала эти функции по рекомендации королевы Вюртембергской Ольги Николаевны (второй дочери Николая I) бывшему посланнику в Константинополе Владимиру Павловичу Титову. 53-летний дипломат, беллетрист и критик, человек живой, умный, мягкий, образованный и отменно честный, любящий науку и просвещение, Титов осознал огромную ответственность, возложенную на него перед историей, и добросовестно принялся за свое дело.

В короткое время он определил к великим князьям целый ряд весьма опытных и эрудированных преподавателей. Вместо Классовского, убывшего по болезни за границу, учителем русского языка и словесности к наследнику был назначен известный писатель И. А. Гончаров, а к Александру и Владимиру Александровичам — Э. Ф. Эвальд 3-й. Курс правоведения и русскую историю цесаревичу начал читать именитый общественный деятель, юрист, психолог и этнограф К. Д. Кавелин. Некоторые из этих назначений, однако, не были согласованы императрицей с государем, что вызвало с его стороны явное неудовольствие. «Видимо вы распоряжаетесь воспитанием моих детей без моего

согласия», — упрекнул царицу рассерженный Александр II, получивший клеветническую информацию от всего боящихся шефа жандармов князя В. А. Долгорукова и обер-гофмаршала графа Олсуфьева о либерально настроенных учителях. В частности, такая информация прошла о профессоре Кавелине, имевшим репутацию отчаянного либерала, западника. Так, говоря о суде и судьях, Кавелин однажды заметил, что никто не может быть наказан без суда и никто не может наказывать человека, не приговоренного судом к наказанию. В этих словах заметили посягательство на ограничение прав верховной власти. Точно так же ему был сделан упрек за то, что он порицает существующие постановления, когда, говоря о чине, заметил, что, вероятно, со временем чины утратят свое значение как средство поощрения юношества к поступлению в высшие учебные заведения, дающие оканчивающим курс право на чины. Известны также и другие причины отставки. В начале 1858 г. в «Русском заграничном сборнике» (Париж) было напечатано резкое «Письмо к наставнику государя наследника» видного историка М. П. Погодина, написанное еще в 1856 г. Как говорилось ранее, во время посещения в сентябре 1855 г. Первопрестольной юными великими князьями для ознакомления с ее достопримечательностями был приглашен академик М. П. Погодин. Короткое и поверхностное знакомство маститого ученого в течение нескольких дней с великими князьями и окружающими их лицами послужило поводом к его письму в 1857 г. к В. П. Титову, своему товарищу по Московскому университету. В письме Погодин, в частности, писал о том, что в комнатах детей императора он кроме оружия ничего не видел и что они воспитываются будто бы исключительно по рутине военно-учебных заведений. Это письмо без согласия В. П. Титова и даже без его ведома появилось, как отмечено выше, в «Русском заграничном сборнике».

Тотчас оно было представлено Александру II и послужило отчасти причиной к сложению своих обязанностей Титовым при великих князьях.

По распоряжению царя начальник III отделения Долгоруков запрашивал Погодина, каким образом его письмо оказалось в руках редакторов «Заграничного сборника». Ответ Погодина неизвестен.

В июне — июле 1857 г. юные князья вновь оказались в Гапсале, ознакомившись в пути с Гельсингфорсом (ныне г. Хельсинки), Свеаборгом и Ревелем. После возвращения в Петергоф 20 июля, Николай, Александр и Владимир до конца августа ежедневно по несколько часов проводили практическое военное обучение в составе 1-го Кадетского корпуса, занимались гимнастикой,

стрельбой в цель и фехтованием. С осени 1857 г. Александра Александровича начали учить игре на фортепиано, музыку преподавал ему полковник М. А. Половцов.

5. А. Ф. ГРИММ

Титова в начале мая 1858 г. сменил невежественный Август Фридрих Гримм, который в свое время преподавал всеобщую историю сыновьям Николая I — великим князьям Константину, Николаю и Михаилу. Но Гримм, не знавший русского языка, которому он не успел научиться за двадцать с лишним лет пребывания в России, ненавидящий все русское, не сумел снискать привязанности своих воспитанников. Главный упор в своей системе воспитания он делал на математику, а в развитии духовности, чувств и ощущений — на музыку. По его настоянию изучение русского языка, словесности и истории было отодвинуто на второй план, а преподавание всеобщей истории и географии стало вестись на немецком языке, который царственные питомцы понимали плохо. Войдя в доверие к императрице, Гримм фактически получил более широкие права, нежели те, которые ранее имел Титов. Той же весной 1858 г. несколько были расширены полномочия главного воспитателя Н. В. Зиновьева, который возглавил созданную тогда Контору августейших детей. Секретарем этой конторы по протекции адмирала Литке был назначен молодой чиновник А. Ф. Оом.

30 мая, в день рождения Петра I, юные царевичи совместно с державными родителями и всей императорской фамилией присутствовали на открытии грандиозного Исаакиевского собора, созданного напряженным долголетним трудом отечественных мастеров-строителей. Освещение этого великолепного храма подвело своеобразный итог полуторавековым усилиям самодержцев династии Романовых увековечить имя святого преподобного Исаакия Далматского, византийского монаха, ставшего покровителем основателя города и Российской империи Петра Великого, а также создать впечатляющий символ единства православия и государственности. Предыстория постройки собора началась в 1710 г., когда близ Адмиралтейства была сооружена деревянная церковь Исаакия Далматского, в которой 19 февраля 1712 г. Петр I венчался с Екатериной I. В 1717 г. эта церковь была заменена каменной, разобранной из-за ветхости в середине XVIII в. В 1768—1802 гг. на вновь созданной городской площади (современная Исаакиевская) был построен первый Исаакиевский собор (проект архитектора А. Ринальди, строил архитектор В. Ф. Бренна). Возведенный на

скорую руку, с незаконченной колокольней, собор дисгармонировал с торжественной застройкой центра города, поэтому в первом десятилетии XIX в. состоялся конкурс на проект нового собора. Сооружение собора велось в 1818—1858 гг. по проекту А. А. Монферрана, доработанному специальной комиссией (1821—1825 гг., В. П. Стасов, А. А. Михайлов 2-й и др.). Начиная с 1825 г., строительство храма чуть ли не ежедневно «надзирал» Николай I, внося существенные коррективы в проектные разработки. Например, четыре малые главы, окружавшие по проекту главный купол, были заменены на четыре колокольни, а на углах здания появились монументальные фигуры коленопреклоненных ангелов. В основание фундамента здания было забито 10 762 просмоленных сосновых свай. С огромными трудностями были сопряжены выломка огромных гранитных блоков из скал на побережье и островах Финского залива, погрузка их на специальные суда, транспортировка, обработка и наконец подъем и установка 112 колонн, из них 48 весом около 110 тонн каждая. Монументальный объем здания завершен металлическим куполом диаметром 21,8 м, установленном на высоком барабане, окруженном монолитными гранитными колоннами. Общая высота храма составила 101,5 м.

Внутренняя отделка собора содержит многие породы ценных камней: лазурит, малахит, порфир, мраморы разнообразных оттенков. Стены и своды покрывают многочисленные живописные и мозаичные картины, авторами которых являются известные художники К. П. Брюллов, Ф. А. Бруни, П. В. Басин, В. К. Шебуев, Т. А. Нефф и др. И внутри, и снаружи здание украшено скульптурой, выполненной по моделям И. П. Витали, Н. С. Пименова, А. В. Логановского, П. К. Клодта и других выдающихся мастеров XIX в. Громадные барельефы во фронтонах и многие другие изваяния изготовлены с помощью гальванопластики.

В ходе строительства был решен целый ряд сложных технических и инженерных задач. В архитектуре собора отразились новые веяния в русском зодчестве середины XIX в. После открытия и освящения Исаакиевский собор стал главным кафедральным собором С.-Петербургской епархии и считался «первенствующим в империи». Он вмещает несколько десятков тысяч человек.

После знаменательного церковного торжества во второй половине июня юным великим князьям была предоставлена возможность посетить некоторые священные обители северо-запада России. Поводом к этой поездке послужило возвращение Александра II из двухнедельного путешествия на север, в Соловецкий монастырь. 26 июня навстречу ему в Лодейное Поле, расположенное в 244 км от Петербурга на старинном Архангельском тракте,

на пароходо-фрегате «Александрия» отправилась императрица в сопровождении четырех сыновей и гостившей при дворе принцессы Вюртембергской Ольги Николаевны с супругом.

В тот же день царственные путешественники осматривали в истоке Невы из Ладожского озера знаменитую Шлиссельбургскую крепость (ныне Петрокрепость), основанную новгородцами в начале XIV в. на Ореховом острове как форпост для борьбы со шведской экспансией. Особенно поразил Александра Александровича рассказ сопровождающего гида об опальном императоре Иоанне Антоновиче, трагически погибшем в стенах этой крепости.

На обратном пути с Лодейного Поля августейшие путники совместно с властителем России посетили обители в устье реки Свири и на островах Валаам и Коневец в Ладожском озере. 27 июня они побывали в Свято-Троицком Александро-Свирском мужском монастыре, основанном в 1484 г. Там, в Преображенском соборе, у чудесно сохранившихся нетленных мощей преподобного Александра Свирского была отслужена литургия и молебен с коленопреклонением.

Наиболее теплый прием был оказан Александру II и его семье 28 июня в северо-западной части Ладожского озера, на Валааме, на протяжении веков являвшемся духовном центром православной Руси и по праву называемом Северным Афоном. При выходе с корабля на берег царская семья была встречена игуменом и братией криками «ура» и проведена вверх по дороге, усыпанной свежими полевыми цветами, к собору Св. Сергия и Германа, основавших монастырь в начале XIV в. На приветствие настоятеля, благодарившего царскую чету за милостивое посещение обители, Александр II отвечал: «Это мое давнишнее желание. Слава богу, что оно исполнилось». После обедни августейшие паломники побывали в келье игумена, осмотрели оба соборных храма и ризницу, любовались видом на озеро и на монастырском катере, на котором гребцами были монахи, а кормчим отец казначей, поехали в принадлежащие обители скиты Св. Николая и Всех Святых. Там монарх ласково беседовал со схимниками и при прощании поцеловал у каждого из них руку, а в церкви св. Николая цесаревич собственноручно поставил свечу пред иконою своего патрона. Возвратясь в монастырь, государь и его спутники вошли в трапезную и, заняв места за общим столом, присутствовали при обеде иноков. На старом братском кладбище среди могил иноков августейшие гости обратили внимание на захоронение шведского короля Магнуса. По монастырской легенде, флот Магнуса во время похода на Новгород и Карелию погиб, застигнутый бурей в

Ладоге. Сам же король спасся на Валааме, где в благодарность за свое чудесное избавление от смерти принял православие, против которого раньше боролся, постригся в монахи с именем Григория и вскоре в 1371 г. скончался в монастыре. Настоятель проводил царскую семью на пароход и при прощании благословил императорскую чету и их детей. Когда пароход отчалил, братия на берегу запела «Спаси, Господи, люди твоя», Александр II с сыновьями взошли на штурманский трап, императрица — на палубу. Торжественное пение монахов сливалось с громкими криками «Ура!». Государь снял фуражку и поклонился насельникам обители. В знак памяти своего посещения августейшие дети подарили Валаамскому монастырю две драгоценные лампады к мощам преподобных Сергия и Германа.

На пути в Петербург 29 июня царственные путешественники посетили Рождество-Богородичный коневский мужской монастырь, расположенный на о. Коневец, в 3 км от западного берега Ладожского озера, примерно в 100 км от столицы. Великие князья с интересом рассматривали огромный валун Конь-камень весом более 750 т, от которого происходит название острова. Монастырь был основан в 1393 г. преподобным Арсением Коневским, прожившим до этого 3 года на Афоне.

Вскоре по возвращении, выйдя из Кронштадта на пароходо-фрегате «Рюрик», царевичи побывали в Нарве, Выборге, на водопаде Иматра и озере Сайма. Пройдя по Сайменскому каналу, спустились обратно в Выборг, откуда шхерами проследовали на Пютерлакскую гранитную ломку и к устью реки Кюмени. В этом вояже, продолжавшемся со 2 по 11 июля, их сопровождали военные воспитатели, наставник Гримм, врач Обломиевский и секретарь Оом. Из-за интриг Гримма в этой поездке по наиболее восхитительным местам Финляндии не участвовал ее знаток Грот.

Значительная часть июля и августа была посвящена занятиям в Петергофском лагере военно-учебных заведений, в рядах 1-го Кадетского корпуса. Изредка сыновья сопровождали своего августейшего отца на ученья, маневры и смотры Гвардейского корпуса в Красном Селе.

1859 г. принес немного изменений в системе обучения Александра и Владимира Александровичей. Всеобщую историю и географию им продолжали читать на немецком языке соответственно Мюнцлов и Венд. Отечественную историю им не преподавали. Гримм при каждом удобном случае пытался подчеркивать значение высокой германской культуры, по словам Погодина, «презирая веру, язык, литературу, историю, народ русский». Наиболее резкое неприятие создавшегося положения проявлял 14-летний

Александр Александрович. Он с болью терял интерес к ранее любимым предметам — истории и географии.

25 июня, в день рождения императора Николая I, вся царская фамилия присутствовала на Исаакиевской площади при открытии ему памятника перед Мариинским дворцом. В числе приглашенных находился посланник от Пруссии князь О. Бисмарк. Памятник понравился большинству сиятельных особ. Он органически вписывался в пространство площади. Великие князья с интересом рассматривали пьедестал, разработанный архитектором О. Монферраном, по проекту которого строился Исаакиевский собор, и конную статую, изготовленную скульптором П. К. Клодтом. Николай I был изображен гарцующим на рослом скакуне, дугой выгнувшем шею. Очевидцы единодушно отметили непринужденность позы всадника, облаченного в мундир офицера конногвардейского полка, естественность поворота головы, реалистичность выражения сурового державного лица. Уникальность массивной шестиметровой бронзовой конной фигуры заключалась в том, что она опиралась только на две точки опоры, которыми служили задние ноги коня. Превосходным произведением монументальной скульптуры оказался и пьедестал памятника. Скругленные углы его в верхней части украшены четырьмя аллегорическими женскими фигурами, выполненными скульптором Р. К. Залеманом и олицетворяют Правосудие и Силу, Веру и Мудрость. Головы этих фигур стали портретными изображениями императрицы Александры Федоровны и дочерей Николая I — Марии, Александры и Ольги. Отлично были исполнены и четыре барельефа в средней части пьедестала, изображающие деяния «железного императора». Один из них — «Поднесение Сперанским свода законов», создан скульптором Р. К. Залеманом, три других — скульптором Н. А. Рамазановым; они воспроизводили подавление восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., усмирение холерного бунта в 1831 г. и открытие железной дороги Москва — Петербург в 1851 г. Столичные острословы сразу же уяснили, что памятники Петру Первому и Николаю I находятся на одной оси, обращены в одну сторону и отгорожены друг от друга Исаакиевским собором. Говорят, что уже на следующий день после открытия, на сгибе передней правой ноги коня висела табличка с надписью «Не догонишь!», а по городу разнеслась поговорка: «Коля Петю догоняет, да Исаакий мешает». Были и другие варианты. Неизвестный поэт посвятил монументу свои стихи:

Бронзовый царь гарцует,
Повод зажав в кулаке.
Ветер морозный дует,
Замер собор вдалеке.

Бронзовый конь играет,
Вкровь удила закусив.
Мрачно народ взирает,
Руки по швам опустив.

8 сентября 1859 г., когда старшему брату цесаревичу Николаю Александровичу исполнилось 16 лет, состоялась торжественная церемония провозглашения его юридического совершеннолетия. В этот день в присутствии членов императорской семьи и сановной знати он принес духовную присягу на верность государю и гражданскую присягу на верность Отечеству. Сразу же после принесения присяг наследник престола был отделен от младших братьев и получил специальные апартаменты в Зимнем дворце.

К концу 1859 г. на рождественские праздники, которые традиционно с елкой отмечались царской семьей, в Петербург приехал главнокомандующий Кавказской армией князь А. И. Барятинский. Ему как победителю знаменитого предводителя горцев Шамиля было присвоено звание фельдмаршала. По установленному правилу новому 44-летнему фельдмаршалу были представлены все высокопоставленные военные лица, в том числе и сыновья императора.

Глава вторая

ЮНОСТЬ (1860—1865)

Юность сама по себе есть уже поэзия жизни, и в юности каждый бывает лучше, нежели в остальное время своей жизни.

В. Г. Белинский

Юность будущего Александра III, была также коротка, как и вся его жизнь. Эти годы были спрессованы для него учебой, развлечениями, многочисленными встречами и поездками и наконец первой любовью.

1. НАСТАВНИК Б. А. ПЕРОВСКИЙ

Зиновьева, Гогеля и Казнакова заменили генерал-майор граф Перовский, полковник барон Валлен и поручик Литвинов. Попечителем великих князей Александра и Владимира Александровичей, т. е. руководителем их воспитания, с декабря 1860-го стал граф

Борис Алексеевич Перовский. По рекомендации своего старинного друга графа А. В. Адлерберга в этот период официально он занял пост заведующего конторой августейших детей министерства императорского двора. По отзывам современников, это был добрый, преданный, честный и благородный человек. Б. А. Перовский был младшим (родился в 1815 г.), четвертым из побочных сыновей графа А. К. Разумовского от дочери берейтора (специалиста, объезжающего лошадей или обучающего верховой езде) М. М. Соболевской (позднее вышла замуж за генерал-майора Денисьева). Фамилию свою он получил от подмосковного села Перово. Учился в Московском университетском пансионе, затем окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, откуда в 1833 г. произведен в прапорщики Кавалергардского полка. В конце 1830-х гг. Перовский принимал участие в боевых действиях на Кавказе. В 1856 г. за верную и усердную службу Александр II возвел его в графское достоинство. С 1858 по 1860 г. Борис Алексеевич — начальник штаба Корпуса инженеров путей сообщения.

Считается, что будущий наследник престола Александр Александрович благодаря умелому воздействию своего наставника был застрахован от некоторых неблагоприятных влияний придворной жизни — лжи, лести, интриг. Оба великих князя сердечно любили и уважали своего попечителя.

До наших дней сохранились отчеты Б. А. Перовского, в которых он довольно своеобразно квалифицирует отдельные черты характера и способностей Александра Александровича. «Я никак не могу упрекнуть Ал. Ал., — пишет он 26 мая 1861 г., — в том, что до сих пор почиталось в нем главным пороком или недостатком: в непреодолимой лени. Напротив, он старается и готовит свои уроки по своему разумению совестливо. Но он не по летам ребенок… заслужив дурную отметку там, где он ожидал лучшего, он расстроен на весь день, и последующие уроки — даже те, которые (мне самому известно) были приготовлены очень порядочно, — выходят от его малодушия дурными. Это, однако, имеет и хорошее влияние. Так, например, сегодня, вместо того чтобы после обеда кончить приготовление уроков к завтраку как обыкновенно, в 7 часов, он занимался до 8 без всякого с моей стороны принуждения или приказания. Ал. Ал. чувствителен как нельзя более к ласковому слову или выговору, когда он этого заслуживает, и я уверен, что несколько слов, написанных ему иногда Вашим Императорским Величеством или императрицей, заключающих в себе упрек за то, что Вы не всегда получаете о нем вести утешительные, и вместе с тем ласковое слово для его ободрения, имело бы на него самое благотворное влияние…»

Несмотря на рыцарский характер, глубоко религиозные чувства и доброе, отзывчивое сердце, Перовский, по отзывам некоторых близких ему людей, имел серьезные недостатки как воспитатель. Он был крайне впечатлителен, часто упрям, не допускал объяснений. Но если со временем случайно узнавал истину, поневоле менял мнение и отказывался от предвзятой или необдуманной идеи. Часто он в этих случаях выражал сожаление и не стеснялся извиниться перед своим подчиненным или младшим себя. 17 апреля 1862 г. Перовский был назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству, а в 1865 г. произведен в генерал-лейтенанты. В августе 1874 г. состоялось назначение гр. Перовского членом Государственного совета, а в апреле 1878 г. он был произведен в генералы от кавалерии. Последние годы Перовский лечился на юге Франции, в Канне, где и скончался 25 ноября 1881 г.

В качестве помощников себе Перовский пригласил двух офицеров артиллерии: полковника барона Валлена и поручика Литвинова. Однако полковник А. К. Валлен вскоре по болезни вынужден был отказаться от предоставленной ему должности и заменен морским офицером капитаном 2-го ранга Боком. Георгий Тимофеевич Бок считался человеком более образованным, нежели граф Перовский. Наставником великих князей он стал в 1862 г. Бок был на пять лет моложе Перовского. Специальное образование получил в Морском корпусе, из которого в 1835 г. был выпущен мичманом. Служил на Черноморском и Балтийском флотах. В 1845—1847 гг. совершил заграничное плавание в Средиземное море и к берегам Англии, а позже занимал различные командные должности. В 1858 г. в чине капитана 2-го ранга был назначен состоять при детях принца П. Г. Ольденбургского во время заграничного вояжа. Находясь при сыновьях императора по 1867 г., он постоянно сопровождал их в поездках по Европейской России и заграницу, имея чин контр-адмирала свиты Его Величества. Юным великим князьям Бок казался довольно скучным.

В 1868—1869 гг. он сопровождал Великого князя Владимира Александровича в путешествиях по России, Швеции и Италии.

В 1872 г. он стал гофмейстером двора Его Высочества и в этой должности находился до дня своей смерти, имея чин вице-адмирала с января 1876 г. Скончался Георгий Тимофеевич 31 мая 1876 г. в Шверине (249, т. 3, с. 172).

Что же касается Николая Павловича Литвинова — поручика лейб-гвардии конной артиллерии, то все считали его назначение случайным. Говорили, будто на него указала подруга императрицы Анастасия Николаевна Мальцева. Родился он в 1833 г. в семье

тульских дворян. С первых шагов в своей должности помощника воспитателя Литвинов вел дневник, где фиксировал будничные подробности двух братьев — великих князей Александра и Владимира. В означенной должности Николай Павлович находился до совершеннолетия младшего из сыновей Александра II — Павла. Примечательно, что за все время службы Литвинова, императрица ни разу не удостоила его разговора. В 1885 г. в звании генерал-лейтенанта Литвинов вышел в отставку и жил в своем тульском имении, занимаясь сельским хозяйством и участвуя в уездной общественной жизни в должности почетного мирового судьи и губернского гласного от Каширского уезда. Умер Николай Павлович 28 ноября 1891 г. в Москве и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря (263а, с. 445).

2. ВЕДЕНИЕ ДНЕВНИКА

Немаловажным воспитательным средством будущего императора являлось ведение им записных, памятных книжек и дневников, где он пытался описывать свои впечатления и мысли. Первую записную книжку Александр начал вести в 1857 г. в двенадцатилетнем возрасте и на протяжении всей жизни вносил в книжки различные детали своего времяпрепровождения, о встречах с людьми, записывал расходы, выигрыши и проигрыши в карточной игре, о полученной и отправленной корреспонденции, об уловах рыбы, о количестве убитой дичи на охоте. Встречаются в них отдельные рисунки, а также переписанные стихотворения любимых русских поэтов, сделанные его рукой.

Любопытную информацию несут дневники Александра, которые он вел с 1861 по 1881 г. с перерывом на 1877 г. — время пребывания в Дунайской армии.

При всех явных недостатках — субъективизме, отрывочных сведениях, грамматических ошибках — дневники великого князя Александра Александровича позволяют представить быт членов императорской семьи, их времяпрепровождение, привычки и привязанности. В определенной степени он раскрывает духовный мир, круг вопросов о поездках и путешествиях, встречах и отношениях с придворной челядью, людьми различных классов и сословий.

Вот некоторые записи 1861 г. с сохранением орфографии и пунктуации подлинника. Шестнадцатилетний Александр описывает свою поездку с четырнадцатилетним братом Владимиром Александровичем в Москву с 19 по 27 августа 1861 г.

«18 августа мы еще были в Царском Селе. В $^1/_2$ 12 у нас был молебен. Теперь все укладывают и рано утром все вещи отправляются в Колпино. Мы сами едем завтра в 7 часов. Сегодня приезжала к нам тетя Мери мы с ней простились.

19 августа. В 5 часов мы встали и пили чай. В 6 часов поехали в Колпино где мы сели в вагоны и в 7 часов уже поехали, было очень приятно и погода была чудесная, но по середине дороги начался дождь и продолжался несколько часов.

Обедали на Спировской станции в $^1/_2$ 3 часа. Обед был очень хорош но с нас взяли очень дорого за него. С нами ехал полковник путей сообщения Зуев, он очень много рассказывал интересного. В $^1/_2$ 9 часа мы прибыли благополучно в Москву, где нас встретили Московский Губернатор и обер-полицмейстер. Мы сейчас же поехали к Иверской Бож (ией) Мат (ери) а оттуда домой где нас встретили генерал-губернатор Тучков, обер-гофмаршал Трубецкой (Вероятно, в дневнике допущена неточность. В 1861—1862 годах должность обер-гофмаршала занимал граф Андрей Петрович Шувалов, а князь Николай Иванович Трубецкой был гофмейстером.) и Комендант. Потом мы пили чай а в 10 часов легли спать.

20 августа. Встали в $^1/_2$ 8 часа и пили кофе. Потом я повел Н. П., М. Р. и Д. Ф. по залам дворца и на терассу с которой видели весь вид Замоскваречия. Они восхищались им и залам. Потом я поехал с визитами к Генерал Губернатору Тучкову в Петровской парк, потом к Митрополиту Филарету а потом возвратился домой и купил разных Лукутинских вещей. В $10^1/_2$ у нас была обедня в церкви Рождества Богородицы. Потом Б. А., Д. Ф., Трубецкой и я пошли в Успенский Собор, где я прикладывался к мощам и к иконам: оттуда мы пошли в Чудов монастырь и прикладывались к мощам Святителя Алексия. Из Монастыря мы пошли в Архангельской и Благовещенской собор где мы опять прикладывались к мощам и к иконам. Возвратясь домой мы завтракали а потом я делал визиты. В 3 часа у меня были начальник корпуса и офицеры моего полка. В 4 часа мы обедали с Н. Г. а потом поехали на Воробьевы горы, где мы гуляли и к нам пришли крестьянки а потом и крестьяне, они показали нам место где Папа и Мама стояли и смотрели на вид, там они на память посадили 4 березы. Погуляв немного мы возвратились домой и пили чай а потом М. Реми нам читал Les Martyrs («Жертвы» (фр.)). Написав мой журнал я иду спать и лягу около 10-ти часов.

21 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми. После чая мы пошли опять в Терема и осматривали разные книги и письма Петра, вот одно из них:

Катеринушка друг мой! Я отсель сего момента отъезжаю в Карлсбад и чаю завтра туда поспеть. Платье и прочее вам куплено, а устерсов достать не мог. За сим вручаю вас в сохранение Божие. Петр.

В 11 часов у нас был Митрополит Филарет, который подарил нам образа. Он довольно долго у нас оставался и очень интересно рассказывал о разных вещах. В 12 часов мы пошли все в Архангельский собор в ризницу где очень много старинных вещей и утварей, потом мы осматривали гробницы Старинных Русских Царей и Князей, мы довольно долго оставались в соборе и в 1 час были уже дома.

В 2 часа мы собирались ехать в Романовский дом, Б. А. нас познакомил с одним любителем древности Снигиревом, с которым мы и поехали осматривать Романовский дом: он теперь прилично отделан и мы ходили в нем довольно долго, оттуда мы поехали домой и сели скоро обедать, Снигирев обедал у нас и после обеда мы с ним простились, а сами пошли в Оружейную палату где мы ходили 2 часа и осмотрели ее довольно подробно. Нам показывал все полковник Яковлев, который знает все вещи очень хорошо; оттуда простившись с ним мы пошли смотреть Комнаты Никсы, которые мне не очень понравились. Возвратясь домой мы поехали кататься по городу и к 8-ми часам возвратились домой пить чай а потом я сел писать сей журнал после коего я лягу спать.

22 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома. В 9 часов мы поехали в колясках на железную дорогу, чтобы ехать в Новый Иерусалим. Скоро мы сели в вагоны и отправились. С нами поехал Н. В. Исаков, который был в Иерусалиме и мог нам рассказать об нем. Когда мы приехали на Крюковскую станцию то мы сейчас же сели в кареты и отправились в путь. В 1-й карете сидели: Б. А., М. Реми, А. Б. и я, во 2-й сидели Н. В. Исаков, Д. Ф., Н. П. и Владимир. Через $1^1/_2$ часа мы уже были в Монастыре. Никто нас не ждал и оттого мы дожидались прихода Архимандрита который нас встретил с духовенством и отслужил маленький молебен. Потом мы начали наш осмотр который продолжался 2 часа из церкви в которой теперь 39 пределов, мы пошли в скит патриарха Никона и осмотрев его пошли в трактир обедать нас провожала ужасная толпа. Обед был прост но хорош и мы с аппетитом пообедали. После обеда мы сидели в комнатах где все курили и разговаривали. Севши в коляски мы поехали в обратный путь и приехали на станцию раньше чем ожидали и потому поезд не был еще готов. Через несколько минут все было готово и мы поехали назад в Москву. Приехали туда в 6 часов. Прямо с станции мы отправились домой где застали Никсу который приехал

из Нижнего Новгорода. Мы с ним пошли к себе и там пили чай со всем обществом. Теперь я намерен итти к Никсе осматривать его вещи а потом лягу спать.

23 августа встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми а потом я писал письма. К нам приходили Ф. А. и И. В. После завтрака мы пошли в Патриаршию Ризницу и осматривали там старинные вещи. Там есть очень хорошие древности: напр(имер):

Евангелие на Греческом языке VII или VIII века, потом очень много богатых риз и митр Патриарха Никона. Там есть еще перстень который был дан Ханом за исцеление его дочери Святителю Алексею. Походив там около $1^1/_2$ часов мы пошли опять в Терема а оттуда домой. В 2 часа мы поехали кататься я с М. Реми а Владимир с Н. П. Покатавшись около часу мы возвратились домой и я сел писать журнал. В 4 часа мы сели обедать, после обеда я и Владимир пошли к Никсе и я оставался там довольно долго а потом пришел домой где все готовы были ехать смотреть Храм Спасителя. Мы видели там только одну часть отделанную а прочие все закрыто. Потом мы осматривали колонны и пиедесталы из яшмы. Больше нечего было смотреть. Приехав домой мы пили чай у Б. А. куда пришел и Никса. Потом мы пошли к нему и смотрели виды Нижнего Новгорода, Казани и Владимира. Потом я пришел домой где застал И. В. и А. И. Они у нас оставались довольно долго. Этим кончился наш день.

24 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми. Потом мы все кроме Владимира пошли в церковь Спас на Бору. Там теперь все переделывается и пишут образа. Мы прикладывались к мощам Степана (правильно Стефана) Пермского. Там похоронены тоже Князья и Княгини Русские. В старине это был Княжеский монастырь и там постригали Русских Князей в монахи, перед смертью. Оттуда мы пошли в Церковь Св. Лазаря. Эту церковь недавно отыскали она была погребом и в ней нашли бочки с дегтем.

Теперь ее подновили и там служат. Осмотрев церкви мы возвратились домой. В 11 часов мы поехали в Новоспаский монастырь где похоронены все Романовы и их родные. Нам показывал Архимандрит монастыря Агапит. Осмотрев Собор и могилы мы простились с Архимандритом который подарил мне образ. Оттуда мы поехали в Донской монастырь и там тоже осматривали собор и другую церковь где похоронен Амвросий который был убит во время бунта когда была чума. Настаятель монастыря дал мне там образ Донской Божией Матери. Простившись с ним и с монахами я с Б. А. сели в коляску и уехали, а за нами наша свита. На дороге домой мы заехали к Графу Блудову который живет в

Александрие, и пили у него чай. Побыв там около получаса мы поехали домой обедать. У нас обедал Гн Снегирев который ездил с нами по монастырям. После обеда мы поехали в четверках на Смоленскую дорогу и заходили в дом где был совет Генерала Кутузова в 1812 году 1-го Сентября. Дом этот в нутри остался как он был тогда; теперь там висят портреты Генер (алов) 12-го года. С этого места мы поехали в Новодевичий монастырь, и там осматривали собор где был маленький молебен. После молебна мы пошли смотреть келью где жила Софья Петровна (очевидно Алексеевна), теперь там Настоятельница монастыря. Мне подарили там образ Спасителя очень хорошо сделанный. Простившись с ними мы поехали домой, где Владимир пил чай. В $^1/_2$ 9 мы пошли к Никсе пить чай. Оставшись там около часу я пошел домой писать журнал. Н. П., М. Р. и А. Б. поехали в эрмитаж. Я иду спать.

25 августа. Встали в 7 часов и пили чай дома с М. Реми. Потом пошли к Б. А. и там наши курили. Побыв там немного мы поехали с Б. А. в Симонов монастырь к обедне, туда поехали тоже И. В. и А. Б. Когда мы приехали в Монастырь то там никого не было, наконец мы нашли одного человека который нам показал дорогу и мы вошли во Церковь там уже началась обедня, мы стали с Б. А. около стенки и нас никто не узнавал около часу; но наконец узнали и начали суетиться. Когда мы увидели что нас узнают то тогда мы потихонько вышли вон и пошли к коляскам и были уже под воротами как пришел Настоятель монастыря и приглашал нас в ризницу и осмотреть монастырь; но мы ему сказали что нам нет времени и уехали домой. Приехавши домой мы завтракали а потом все пошли к Б. А. курить, а я пошел писать журнал. Потом я с Б. А. поехал по магазинам, но ничего не нашли хорошего. Возвратившись домой мы застали у себя Графа Блудова который оставался у нас довольно долго. В 4 часа я пошел к Никсе обедать; у него было довольно много за обедом но все свои. После обеда я надевал костюмы и сапоги привезенные из Нижнего Новгорода. В 6 часов мы поехали в Коломенское Село где был прежде дворец Алексея Михайловича, теперь его нет но остался только челобитный столб. Церкви там очень старинные их 4, почти все в одном месте. Летом там бывает Кадетский лагерь. На возвратном пути мы встречали много экипажей дорожных ехавших в Тулу. Этот вечер по всей Москве бывают всенощные потому что это Канун дня Коронации. Возвратившись домой мы с Б. А. пошли одни в Успенский собор, послушать службу и видеть как простой народ молится. Нам это хорошо удалось, нас никто не узнал в Соборе и мы постаяли там немного и потом вышли вон, и пошли домой через коридоры. В 8 часов мы все пили чай и долго сидели вместе.

Потом Никса пошел домой а я снова сел писать журнал и потом уйду спать.

26 августа. Встали в 7 часов и потом пили чай с М. Реми. После чего я долго с ним сидел и говорил. В 10 часов я пошел в полной парадной форме к Никсе а оттуда мы пошли в залы где стояли все Генералы, Сенаторы и офицеры. Когда мы прошли мимо их то они все пошли в Церковь, а мы другой дорогой взошли в Храм где нас встретил Митрополит с духовенством. Он сказал речь Никсе. Потом началась обедня и мы взошли во внутрь. Обедня шла очень долго а потом был молебен. Когда вся эта церемония кончилась мы вошли во дворец тем же ходом. Возвратившись домой мы завтракали. После завтрака я с Б. А. поехал с визитами к Тучкову, к Н. Г. и к генер(алу) Рамзаю.

Кончивши свои визиты я пошел смотреть образа которые нам принесли продавать, а потом пошел писать журнал. В $4^1/_2$ часов был большой обед в Александровской зале; на этом обеде был Митрополит. Обед не долго продолжался, и был очень хорош. Музыка играла очень хорошо. После обеда все вышли в Андреевскую залу и там разговаривали. Когда мы пришли домой то я начал выбирать образа, а потом А. И. читал «Богдан Хмельницкой». В 8 часов пил у нас чай Ник(с)а. За чаем приходил к нам простится Снегирев. Потом Д. Б. читал нам свой журнал. Простившись с Никсей я пошел доканчивать свой журнал. Завтра в 7 часов мы оставляем Москву.

27 августа. Встали в 6 часов и пили чай с нашими. После чаю мы поехали к Иверской Божией Матери, а оттуда мы поехали на железную дорогу. Там приехал нас проводить обер-полицмейстер Крейц. В 7 часов поезд тронулся и мы в последний раз увидели часть Москвы. Завтракали и обедали в вагоне с офицерами путей сообщения которые нас проводили от станции до станции. Мы шли очень скоро 60 верст в 1 час. В Колпине мы были в $8\ ^1/_2$ часов и сейчас же поехали в Царское в колясках, было очень темно и оттого мы часто должны были ехать тихо. Приехали в Царское в $^1/_2$ 10 часа где нас встречали все наши на подъезде. Потом мы пошли пить чай, а после чаю легли спать. Этим окончилось наше приятное путешествие в Москву. 43 страницы. 1861 года 27 Августа».

Приведенные здесь дневниковые записи 1861 г. прежде всего говорят о том, что писал их наивный еще подросток с доброй и чистой душой. Он старается подробно описывать проведение каждого дня, указывает многие имена и фамилии, названия посещаемых исторических мест и храмов.

Уже в этих записях проявляется воспитанность и дисциплинированность великого князя Александра Александровича, его

достоинство, любовь к родине, ее истории, глубокая религиозность, осознание высокой роли и значимости династии Романовых в судьбах России. Чувствуется, что взаимоотношения между членами семьи и окружающими их лицами вполне уважительные и доброжелательные, ни о ком царевич не отзывается резко или осуждающе.

Я думаю, что мы не должны здесь строго судить грамматические и орфографические ошибки великого князя, ведь он писал дневник в спешке, обычно поздно вечером, для себя. Посмотрите на свои записи в блокнотах, мы также пишем с сокращениями, не всегда проставляя знаки препинания. Хотя, конечно, от 16-летнего князя можно было ожидать большего.

3. СВЕЖИЕ СИЛЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

> Дела плохи. Но они станут еще хуже, если мы не будем делать все, что в наших силах, чтобы улучшить их.
>
> *В. Франкл*

Среди новых преподавателей и воспитателей великих князей Александра и Владимира Александровичей были А. И. Чивилев, И. В. Рождественский, И. Е. Андреевский, М. И. Драгомиров и другие, в том числе и те, кто обучал их старшего брата цесаревича Николая Александровича.

В декабре 1859 г. воспитателем великих князей на место Гримма назначили доктора исторических наук, политической экономии и статистики Александра Ивановича Чивилева, которому тогда исполнился 51 год. По рекомендации С. Г. Строганова ему восстановили должность инспектора классов, или наблюдателя за учебными занятиями великих князей. Зарекомендовал Чивилев себя человеком умным и благородным. Профессор А. В. Никитенко, знавший его со студенческой скамьи, считал, что Чивилев не отличался особенной даровитостью, но чистота его нравов в юности, благородство и честность его во всю жизнь были безукоризненны. Он был выбран Петербургским университетом в Дерптский профессорский институт и со многими другими молодыми людьми послан за границу для подготовки себя к профессорской кафедре. Позже он стал профессором политической экономии Московского университета и директором Дворянского института, приобрел репутацию не блестящего, но дельного профессора и хорошего педагога.

В Москве он сблизился с бывшим попечителем графом С. Г. Строгановым, который со временем рекомендовал его в наставники к детям Александра II.

Познакомившись с маленькими великими князьями, Чивилев обнаружил их ужасно запущенными в умственном отношении. Он понял, что серьезно о развитии их и приобщении к умственному труду до сих пор никто не заботился. В то время в императрице Чивилев нашел прекрасную женщину с добрым, любящим сердцем и возвышенными понятиями. Чивилев возмущался, как могло случиться, что воспитание князей велось так небрежно, он уверял, что вина в этом не Гримма и не тех, кто его выбрал и так долго терпел.

Александр Иванович был воспитателем будущего императора Александра III и его брата Владимира до своей трагической гибели во время пожара запасного дворца в Царском Селе 16 сентября 1867 г., виною которого, как полагают, был сам. Благодаря Чивилеву значительно обновился состав преподавателей великих князей. Были удалены иностранцы, преподававшие на немецком языке. Вместо Цунка всеобщую историю стал читать В. Эвальд 2-й, вместо Венда географию поручили вести Шпереру, а естественные науки — Э. Гофману.

С 1860 г. законоучителем великих князей вместо престарелого Бажанова стал 45-летний протоиерей Иван Васильевич Рождественский, который пользовался большим уважением не только своих питомцев, но и симпатиями всей царской семьи. Рождественский был известен как широко образованный и страстный проповедник православной веры.

Он отличался добротой и благожелательностью в общении с людьми, постоянно оказывал материальную помощь неимущим, сирым и убогим. Иван Васильевич состоял членом Священного синода, был членом конференции Петербургской духовной академии и главным наблюдателем за преподаванием Закона Божьего в военно-учебных заведениях.

Курс энциклопедии законоведения с 1863 г., а позже государственного права читал великому князю Александру Александровичу даровитый ученый, юрист Иван Ефимович Андреевский. Получив образование в первой с.-петербургской гимназии и на юридическом факультете Петербургского университета, в 1852 г. был удостоен степени кандидата, в 1854 г. — магистра, в 1864 г. — доктора наук. Читал лекции в Императорском училище правоведения, а с 1857 г. в университете занял самостоятельную кафедру полицейского права.

Андреевский постоянно привлекал на свои лекции множество слушателей живостью, блеском и изяществом изложения, умением затронуть много незамеченных сторон вопроса, научной точностью и полнотой. Выдающиеся лекторские способности Андреевского были по достоинству оценены еще в самом начале его ученой деятельности. В декабре 1857 г. Александр II при посещении училища правоведения, зашел на лекцию молодого, 26-летнего преподавателя, читавшего о задачах государственной деятельности, остался на ней до конца и затем пожаловал Андреевскому золотой перстень, украшенный бриллиантами. В дальнейшем талантливый профессор неоднократно приглашался для преподавания юридических наук августейшим детям императора. С 1883 по 1887 г. Иван Ефимович был ректором Петербургского университета, в 1890—1891 гг. являлся главным редактором Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Редкое беспристрастие и уважение к чужому мнению в общениях с товарищами-профессорами, полная доступность и приветливое обращение со студентами, постоянная готовность помочь им словом и делом, влиянием, рекомендацией и деньгами снискали Андреевскому глубокую признательность всего коллектива университета. Надпись надгробного серебряного венка от университетских студентов — «Идеальному ректору, любимому профессору и честному человеку Ивану Ефимовичу Андреевскому» — убедительно свидетельствовала, насколько дорог был покойный учащейся молодежи. Андреевский оставил в память о себе много трудов по истории и теории государственного права.

Какой бы талантливый преподаватель ни был, все же знания обучаемого по предмету зависят во многом от последнего, от его эрудиции, самостоятельной работы, от его настроенности, терпения и настойчивости. Видимо, не всегда это удавалось юному князю Александру Александровичу, поскольку попечитель Б. А. Перовский в 1863 г. пишет царю о некоторых затруднениях царевича на занятиях с И. Е. Андреевским. «Когда дело доходит до ответов и Ал. Ал. надо говорить, — отмечает воспитатель, — в особенности же когда дело касается понятий несколько отвлеченных, в таком случае он впадает в крайнее затруднение, мешается и не находит или не решается находить выражений для объяснения самой простой мысли. Все это происходит от непривычки вести и поддерживать серьезный разговор. Но эти лекции для Ал. Ал. полезны в высшей степени... Я вхожу в большие подробности об учении, успехах и вообще об образовании Ал. Ал., потому что это наше больное место. Как часто размышляя о нем, видя его старание и замечая даже его успехи, я, несмотря на это, прихожу в сомнение о том, как решится для него трудная задача окончательного его образования...»

Курс тактики и военной истории с 1861 г. читал великому князю Александру Александровичу Михаил Иванович Драгомиров, в последующем ставший крупным военным деятелем, теоретиком и писателем. Родился Драгомиров в 1830 г. в семье офицера близ г. Конотопа. Службу начал с 1849 г. в Семеновском полку. В 1856 г. окончил Императорскую военную академию с золотой медалью и был оставлен в гвардейском Генеральном штабе. Драгомиров в 50-е гг., по словам хорошо знавшего его М. И. Венюкова, был «гегелист, герценист, атеист и политический либерал...» Во время Австро-итало-французской войны 1859 г. находился при штабе Сардинской армии.

В следующем году он становится преподавателем, а с 1863 по 1869 г. являлся профессором кафедры тактики Николаевской академии Генштаба. В Австро-прусскую войну 1866 г. состоял при штабе прусской армии. Несколько позже Драгомиров занимал ряд высоких воинских должностей, отличился в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. и получил серьезное ранение на Шипке в колено пулей навылет. Более 10 лет был начальником Академии Генштаба. Киевский военный округ, которым он командовал с 1889 г., стал кузницей передовых военных идей.

Помимо изучения военной теории должное внимание уделялось физическому воспитанию и практическим навыкам великого князя. Как и других сыновей Александра II, его обучали гимнастике, фехтованию, верховой езде, стрельбе из ружей и револьверов. В летнее время 1860—1862 гг. великие князья Александр и Владимир исправно несли лагерную службу в кадетском корпусе, в 1863 г. принимали участие в маневрах войск в Финляндии. Для ознакомления с армейской службой, бытом и дисциплиной, начиная с 19-летнего возраста, Александр Александрович регулярно участвовал в лагерных сборах под Красным Селом. Так, в 1864 г. с 1 июля по 8 августа Александр вместе со своим братом Владимиром был прикомандирован к учебному пехотному батальону, который находился в так называемом главном лагере невдалеке от речки Дудергофки. Здесь Александр Александрович показал себя с самой лучшей стороны. С большим старанием и любовью относился он к воинской службе, командуя на маневрах стрелковой ротой батальона. За проявленное усердие великий князь всемилостивейше был пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени. В дальнейшие годы Александр Александрович последовательно командовал батальоном, л.-гв. Преображенским полком, 1-й гвардейской пехотной дивизией, гвардейским корпусом и наконец войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Следует особо подчеркнуть, что великий князь Александр, также как и его братья, в конце 50-х — первой половине 60-х гг. стали свидетелями важных событий, в той или иной степени затронувших членов царской семьи. 20 октября 1860 г. в 8 часов утра в Александровском дворце Царского Села скончалась мать императора и горячо любимая бабушка его детей Александра Федоровна. По воспоминаниям современников, что-то глубокое, внутреннее, непоказное жило в этой женщине. Немало было написано о ее красоте, обаянии, чистосердечии и приветливости. Для многих она осталась своего рода поэтическим идеалом, воплощением вечной женственности, прекрасной дамой средневековых баллад. В ней отмечали чувство долга и самодисциплины, любовь к своей новой отчизне и подданным, сострадание к окружающим, стремление делать добро и помогать обездоленным.

«...Я поняла Россию, — как-то призналась она, — и стала гордиться тем, что принадлежу ей!» «Для императрицы, — писала в свое время А. Ф. Тютчева, — фантастический мир, которым окружало ее поклонение ее всемогущего супруга (Николая I. — *Е. Т.*), мир великолепных дворцов, роскошных садов, веселых вилл, мир зрелищ и феерических балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантасмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шелка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь ее многочисленным нуждам» (322, с. 103).

Великий князь Александр Александрович был очевидцем того, как при активном участии его отца в Российской империи стали проводиться грандиозные преобразования практически во всех отраслях государственного строя. Самый мощный резонанс в стране получила отмена крепостного права. Вслед за эмансипацией крестьян (1861) рухнула система грубых телесных наказаний (1862), проведены университетская (1863), земская и судебная (1864) реформы. В этот период завершилась Кавказская война (1864), произошло присоединение к России Амурского края (1858) и Приморья (1860), подавлено Польское восстание (1863—1864), прогремели Датско-прусская (1864) и другие войны.

Все эти события активно обсуждались на всех уровнях российского общества, и до царевича доходили самые разнообразные, порой прямо противоположные суждения о происшедшем, нередко задевая его самолюбие.

Говорят, жребий всегда падает на того, кто его не ждет. Так случилось с великим князем Александром Александровичем, ставшим впоследствии властителем огромной многонациональной Российской империи. Будучи вторым сыном Александра II, он до 20 лет и не помышлял о высоком титуле монарха и сосредоточении самодержавной власти в своих руках. Но в 1865 г., как говорится, грянул гром — на императорскую семью обрушилось непоправимое несчастье. После тяжелой болезни — туберкулезного менингита — в Ницце, на вилле Бермонт, расположенной на юго-востоке Франции, вблизи Лазурного берега Средиземного моря, в ночь с 11 на 12 апреля скончался престолонаследник Николай Александрович.

В соответствии с порядком наследования престола цесаревичем становится Александр Александрович. Чтобы правильно понять логику дальнейших событий в биографии будущего императора, мы должны хотя бы коротко познакомиться с последними годами жизни Николая Александровича, а также с его окружением, которое почти всецело перешло к новому цесаревичу.

Глава третья

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

По свидетельству современников, цесаревич Николай Александрович был очаровательным юношей, подававшим большие надежды стать в будущем умным и просвещенным монархом. Александр II и особенно императрица Мария Александровна уделяли трогательное внимание воспитанию его как наследника престола.

1. ПОПЕЧИТЕЛЬ С. Г. СТРОГАНОВ

Высочайшим указом 8 сентября 1859 г. попечителем к цесаревичу был назначен граф Сергей Григорьевич Строганов. Вряд ли тогда можно было сделать лучшее назначение. Из всех лиц, претендовавших на эту должность, Строганов был не только наиболее просвещенным, но и весьма заинтересованным в обучении человеком (381, т. 1, с. 86).

По своему происхождению и состоянию (имел более 80 тысяч душ крестьян) граф принадлежал к высшему аристократическому кругу общества. Родился он в 1794 г. в Вене в семье советника

русского посольства. В 15-летнем возрасте поступил в Институт путей сообщения и сразу по окончании его курса был зачислен на военную службу. Произведенный в офицеры в 1811 г., участвовал в ряде стычек и боев 1812 г., отличился в сражении при Бородине, затем проявил себя с лучшей стороны в заграничных походах, в турецкой войне 1828—1829 гг. и Севастопольской кампании.

Свои административные способности Строганов показал в работе Комитета учебных заведений (с 1826 г.) на посту военного губернатора в Риге и Минске, а также в качестве попечителя Московского учебного округа и руководителя старейшего университета. Время управления Сергея Григорьевича Московским университетом с 1835 по 1847 г. составило в истории этого учебного заведения эпоху, именуемую «строгановским временем». Б. Н. Чичерин сравнивал его с лучом света среди долгой ночи. И хотя ко времени вступления Строганова в управление округом университет уже доживал «архаический» период своего существования, а в студенческой среде закипала новая жизнь, попечитель сумел понять складывавшуюся обстановку, выбрать верный тон и такт в работе с людьми. Он регулярно посещал университет, внимательно слушал самые разнородные лекции. Избегал церемониала. Окружающие часто видели, как он среди группы студентов, никем не сопровождаемый, входил в аудиторию, опираясь на палку, слегка прихрамывая на свою сломанную ногу.

Граф наладил деловые контакты с ректором. При нем университет пополнился свежими силами. Основное внимание просвещенного попечителя было направлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми со знанием и талантом. Строганов знал всех преподавателей и довольно верно их ценил. Он умел находить, поощрять и поддерживать светлые и даровитые умы, такие, как профессора О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. Н. Кудрявцев, С. М. Соловьев, Ф. И. Иноземцев и др. Воодушевленные любовью к науке, полные сил и надежд, молодые ученые стали возвращаться в Россию из-за границы. Среди всех людей, причастных к университету и знавших его жизнь, преподавателей и студентов Сергей Григорьевич пользовался благоговейным уважением (327а, с. 26—27).

После графа Закревского около полугода Строганов был московским генерал-губернатором. Много лет он возглавлял Общество истории и древностей российских, для которого добился титула императорского и постоянную субсидию. Увлекался граф и археологией. Его усилиями была создана Археологическая комиссия. Кроме того, Строганов известен как страстный любитель искусств, особенно живописи и скульптуры, знаток и коллекцио-

нер русской нумизматики и иконописи. Именно он является основателем первой рисовальной школы (Строгановского училища).

Став попечителем наследника, Строганов на первых порах убедился в том, что царский первенец обладал всеми дарами, какими природа наделяет лишь избранных своих. Он нашел в нем ум, восприимчивость, любознательность, прекрасную память. Вместе с тем он обнаружил редкие душевные качества в юноше скромном, даже застенчивом, который понимал свое высокое призвание, но тяготился недостаточной подготовкой, ограниченностью знаний в 16 лет, а главное, чувствовал, что, кроме основательного изучения русской грамоты, все прочие знания были поверхностны. С жаром граф принялся за дело, выяснил у академика Грота основные недостатки в содержании воспитания цесаревича и, посоветовавшись со своими бывшими учениками, в то время уже профессорами Московского университета, в короткое время составил особую программу занятий с наследником на три с половиной года, пригласив для ее реализации группу наиболее выдающихся ученых и педагогов. В их число вошли словесник Ф. И. Буслаев, историки С. М. Соловьев и М. М. Стасюлевич, статистик И. К. Бабст, экономист А. И. Чивилев, профессор финансового права Н. Х. Бунге и знатоки юридических наук К. П. Победоносцев, Б. Н. Чичерин и И. Е. Андреевский. Преподавание истории философии, которую Строганов считал необходимым элементом серьезного образования, было поручено профессору Московской духовной академии В. Д. Кудрявцеву.

Военные науки преподавали генералы Э. И. Тотлебен, А. С. Платов, полковники М. И. Драгомиров и И. С. Шварев.

В то же время новый попечитель сохранил нескольких прежних преподавателей. По его предложению продолжали читать курсы по математике — преподаватель этой дисциплины в Пажеском корпусе капитан С. П. Сухонин, по механике — инженер-технолог мануфактурного совета Министерства финансов Н. Ф. Лабзин, по химии — химик, член Вольного экономического общества А. И. Ходнев. Преподавателем немецкой литературы вместо Р. Мюнцлова был назначен директор Главного немецкого училища при церкви Св. Анны Ю. Кирхнер. Гримму одному было предоставлено еще некоторое время читать всеобщую историю на немецком языке. Все остальные курсы читались на русском языке. Не сникав ни любви, ни уважения великих князей, Гримм был уволен 22 декабря 1860 г. с огромной пенсией в 7 тысяч рублей. В информированных кругах это увольнение связывали также с «Письмом к императрице Марии Александровне» Искандера-Герцена, напечатанном в «Колоколе» 1 ноября 1858 г. Письмо

произвело сильное впечатление при дворе. Герцен обоснованно, в отличном стиле подверг уничтожающей критике «сладкоглаголивого льстеца», «бездарного немецкого школяра» Гримма, приглашенного в воспитатели наследника. В целом, надо признать, вокруг вопроса о воспитании царевичей плелась сложная сеть придворных потаенных интриг, которые лишь в незначительной степени становились достоянием общественности.

Занятия наследника с 1860 г. впервые пошли по вполне определенной системе. Будучи человеком высоко образованным и начитанным, с сильным характером, способным внушить к себе уважение и приобрести нравственный авторитет, Строганов сумел объединить деятельность преподавателей и создать для цесаревича ту школу, в которой он мог получать самое богатое, полное и в то же время твердое и определенное умственное развитие. По мнению князя П. В. Долгорукова, в 1860 г. Строганов оказал цесаревичу двойную услугу, удалив от него генералов Зиновьева и Гогеля, людей добросовестных, но отсталых представителей николаевской эпохи, и оставив при наследнике назначенного к нему еще в 1858 г. полковника Рихтера (117, с. 136). Флигель-адъютант Оттон Борисович Рихтер немец по происхождению, но вполне обрусевший и преданный России, учился в Пажеском корпусе, затем служил на Кавказе. Оттуда его вызвал бывший воспитатель наследника Зиновьев, который обратил на него внимание еще в Пажеском корпусе. Человек честнейших правил и благороднейшего характера, в своих отношениях к цесаревичу Рихтер отличался необыкновенной заботливостью, преданностью и искренностью.

Великий князь Николай Александрович отвечал Рихтеру за его заботы горячей привязанностью, любовью и сердечностью. По словам Чивилева, наследник был умен, способен к труду мысли и сочувствовал всем ее интересам, но слишком был мягок сердцем (324а, т. 11, с. 359). Эта сердечная мягкость соединялась у наследника со слабостью телосложения, которой лица, окружавшие его, и сам государь, не замечали. Александр II даже находил, что сын его est trop effemine (чересчур женственный) и рекомендовал ему физические упражнения, которые могли бы придать ему больше мужества и смелости.

Как уже отмечалось, Николай Александрович с малых лет болел золотухой, для лечения которой ежегодно отправлялся в Гапсаль и Либаву (ныне г. Лиепая) для морских купаний, после которых чувствовал себя относительно хорошо.

Лето 1860 г. он также провел на Балтийском побережье в Либаве, по пути побывав в Ревеле, а по окончании купального

сезона проездом из Либавы в Петербург посетил многие города и замки Прибалтийского края, в том числе Митаву (ныне г. Елгава) и Ригу.

2. ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ

Путешествия учат больше, чем что бы то ни было.

Анатоль Франс

При Строганове цесаревич совершил ряд летних путешествий по России с целью ознакомления с внутренней жизнью коренных губерний необъятной страны. Первое образовательное путешествие с 6 августа по 5 сентября 1961 г. в сопровождении графа Строганова, полковника Рихтера, доктора Шестова и исполняющего обязанности дорожного секретаря Оома ограничилось Москвою, Владимиром, Нижним Новгородом и Казанью. Для объяснения царственному питомцу своеобразия и самобытности Поволжья был приглашен знаток народной жизни и быта края, состоявший в то время при министре внутренних дел в должности чиновника особых поручений, П. И. Мельников, ставший со временем выдающимся беллетристом-этнографом, известным под псевдонимом Андрей Печерский. Расставшись с августейшими родителями в Первопрестольной, цесаревич к полудню 8 августа прибыл во Владимир по только что открытой ветке Московско-Нижегородской железной дороги. В городе, основанном Владимиром Мономахом в 1108 г. (по другим предположениям — ок. 990 г. кн. Владимиром Святославовичем) на высоком левом берегу Клязьмы для защиты ростово-суздальской Руси с юго-востока и ставшим одним из главных общероссийских центров, пояснения давал большой знаток истории этой земли К. Н. Тихонравов, прослывший «владимирским Нестором-летописцем». Наследник престола внимательно осмотрел древнейшие Успенский (1158—1160) и Дмитровский (1194—1197) соборы, храмы мужского Рождественского (1191) и женского Успенского, или Княгинина (1200) монастырей и построенные в 1164 г. белокаменные Золотые ворота с надвратной церковью. В Рождественском монастыре в 1263 г. был погребен вел. кн. Александр Невский, мощи которого в 1724 г. по приказу Петра I были перенесены в Александро-Невскую лавру С.-Петербурга.

На следующий день во втором часу дня цесаревич со спутниками на почтовых лошадях приехали в Нижний Новгород, заложенный в 1221 г. владимирским князем Юрием Всеволодовичем как крепость при слиянии Оки и Волги. С 1350 г. город стал столицей созданного в 1341 г. Нижегородско-Суздальского княжества. В 1392 г. при Василии I он был присоединен к Москве и вскоре стал опорным пунктом Руси в борьбе с Казанским ханством. Так же, как и во Владимире, наследника престола повсеместно восторженно встречали и провожали многотысячные толпы народа. По словам Чичерина, великий князь производил на людей, видевших его в первый раз, самое благоприятное впечатление: «Высокий, стройный, красивый, при этом умный, живой и приветливый, он мог очаровать и привязать к себе всех, кто к нему подходил. Вся окружающая его атмосфера дышала каким-то задушевным и возвышенным строем». В течение 6 дней, проведенных в самый апогей ярмарки, царский первенец помимо посещения многочисленных общественных, учебных, военных и духовных учреждений значительную часть времени посвятил осмотру памятников старины и подробному изучению ярмарки. В главном кремлевском Спасо-Преображенском соборе, основанном в 1225 г., он с интересом осмотрел древнее рукописное Евангелие начала XV в., стяг князя Д. Пожарского, хоругви Нижегородского ополчения 1611 г., знамена народных формирований 1812 и 1855 гг., а также старинные облачения нижегородских митрополитов. В подземной усыпальнице он обошел гробницы суздальских и нижегородских князей XIV в., а перед погребением народного героя Кузьмы Минина, где в его память был устроен придел во имя Косьмы и Дамиана, долго молился на коленях и положил земной поклон. (В 1962 г. Спасо-Преображенский собор был разобран и прах К. Минина был перенесен в Михайло-Архангельский собор, сооруженный в 1631 г. в честь победы Нижегородского ополчения 1612 г. — *Е. Т.*) цесаревич посетил также целый ряд храмов мужских и женских обителей, ярмарочный собор, армяно-григорианскую церковь и мечеть. Обошел он зубчатые стены и башни Нижегородского кремля (1500, 1508—1511) — единственного из русских кремлей, никогда не взятого неприятелем. С высоты его стен царевич любовался неповторимой панорамой города и ярмарки, слияния Оки с Волгою и уходящего вдаль Заволжья. Довольно основательно вел. кн. Николай Александрович познакомился с Нижегородской (Макарьевской) ярмаркой, ежегодно функционирующей с 15 июля по 10 сентября. Ему напомнили ее прошлое. После покорения Казани существовавший там с XIII в. торг был переведен к стенам Макарьевского Желтоводского монастыря на Волге, где быстро развился. По петровскому указу 15 февраля 1817 г., после пожара ярмарочных зданий, торг был переведен в Нижний Новгород.

Ознакомление с ярмаркой цесаревич начал с Сибирской пристани и стоявшими в ней судами, загруженными различными товарами, затем один за другим обошел основные торговые ряды — железный, медный, кафтанный, мучной, рыбный, обжорный и другие, заходил в лавки, покупал образцы товаров, беседовал с торговцами и покупателями. Наблюдал изобилие кустарных поделок на складах: из металла — ножей, гвоздей, замков, из дерева — мебели, посуды, игрушек, всевозможные текстильные, кружевные, кожевенные, керамические и другие изделия. Осмотрел он также соляную мельницу купца Блинова, пароходный завод Колчина, водоподъемную машину и подземные ярмарочные галереи для стока нечистот. Побывал в пригородном селе Подновье, знаменитом своими крестьянскими садами и огородами, «смотрел, как варят там варенье, и сам помогал солить огурцы» (263а, с. 281). Все эти дни царский сын встречался со многими людьми различных сословий, запросто беседуя с рабочими на судах и волжскими бурлаками, чем окончательно покорил их. «Вот молодец, так молодец! — слышны были возгласы в народе. — Любит мужика цесаревич! До всего доходит!»

Рано утром 15 августа наследник и его спутники отплыли вниз по Волге на пароходе общества «Самолет» «Джон Кокериль». Сопровождавший царского сына П. И. Печерский, знавший каждый уголок нижегородского Поволжья, подробно рассказывал о прибрежных селениях, особенностях быта местного населения, его промыслах и занятиях, легендах, поверьях, нравах и обычаях. Наследник был очарован новизной и необычностью рассказов Мельникова. И когда около Лыскова, расположенного напротив бывшего ярмарочного центра, Мельников особенно подробно и увлекательно распространялся о жизни раскольников за Волгой, об их скитах, лесах и промыслах, он сказал ему: «Что бы Вам, Павел Иванович, все это написать — изобразить поверья, предания, весь быт заволжского народа». Мельников стал уклоняться, отговариваясь «неимением времени при служебных занятиях», но цесаревич настаивал: «Нет, непременно напишите. Я за вами буду считать в долгу повесть о том, как живут в лесах за Волгой» (250, т. 10, с. 197). Мельников обещал, но только через несколько лет после безвременной кончины вел. кн. Николая Александровича выполнил его завет, создал уникальную дилогию «В лесах» и «На горах», «усмотрев в старообрядческом Заволжье религиозно-эстетический идеал русского народа, его непреходящее достояние».

На речном пути из Нижнего Новгорода в Казань наследник престола трижды выходил на берег — в с. Лыскове, в г. Чебоксарах и в деревне Чакуры. В Казани он провел 3 дня, посетил все

храмы и осмотрел все памятники. Казань была основана в 1177 г. булгарами. С конца XIII в. город назывался Булгараль-Джадид (Новый Булгар) и являлся пограничным форпостом, защищавшим северо-западные границы Волжско-Камской Болгарии. В XIII—XIV вв. являлся столицей Казанского ханства. В 1552 г. Казань была завоевана Иваном IV и присоединена к Русскому государству. Цесаревич тепло принял делегации всех инородческих (неславянских) народов, населявших Казанскую губернию: татар, мордвы, чувашей, черемисов (марийцев) и вотяков (удмуртов). Наибольшее внимание он уделил двум высшим учебным заведениям северо-востока России: Казанскому университету и Духовной академии.

19 августа наследник убыл из Казани на пароходе и, проведя следующий вечер в Нижнем Новгороде, 22-го в полдень по железной дороге через Владимир прибыл в Москву.

В 1862 г. период с 7 июля по 1 августа цесаревич провел в Либаве, где в то время находились великие князья Александр и Владимир Александровичи, великие княжны Мария и Евгения Максимилиановны с младшими братьями. Там же с ними с 15 по 27 июля были Александр II с императрицей.

В 1863 г. вел. кн. Николай Александрович отправился во второе большое образовательное путешествие. Оно проходило в сопровождении Г. Г. Строганова, полковника Рихтера, врача Шестова, дорожного секретаря Оома, двух адъютантов, двух профессоров К. П. Победоносцева и И. К. Бабста и художника А. П. Боголюбова. Подобные путешествия предпринимались и раньше. Но приглашение при этом в свиту ученых было нововведением. Победоносцев объяснял устройство различных учреждений, Бабст рассказывал об экономическом состоянии края, а ознакомление цесаревича с памятниками искусства проводил внук А. Н. Радищева, художник, академик Боголюбов.

Вояж этот продолжался более 4 месяцев, с 11 июня по 19 октября, за это время цесаревич подробно познакомился с обширной частью империи, охватывающей 20 губерний. Он проплыл и проехал от С.-Петербурга через Неву и Ладожское озеро, откуда по р. Свирь в Онежское озеро с заходом в Петрозаводск. Далее по Мариинской системе, соединяющей Неву с Волгой, через Белозерск и Череповец в Рыбинск. По Волге с остановками во многих портах дошел до Астрахани. Затем, поднявшись вверх до Царицына (ныне г. Волгоград), проследовал по железной дороге и Дону до Новочеркасска. Через Ростов-на-Дону, Таганрог и Керчь прибыл в Крым, остановившись в Ливадии. Из Ялты на пароходе отправился в Поти. Проведя на Кавказе неделю, вновь

возвратился в Ливадию, откуда выехал в Бердянск и, проследовав через Екатеринослав (ныне г. Днепропетровск), Харьков, Курск, Орел, Тулу, Москву, прибыл в Царское Село. План этого путешествия был всецело составлен графом Строгановым, которого благодарили и участники путешествия, и жители посещаемых цесаревичем городов.

Любопытный эпизод произошел в период посещения наследником Петрозаводска, где он на пароходе, плывущем по Онежскому озеру, слушал песни известного сказителя, певца древнерусских былин слепца Кузьмы Ивановича Романова. Старик, представший перед цесаревичем в сермяге, лаптях и дырявой шляпенке, был поражен, когда узнал, что песнь о Вольге Буслаевиче ему подпевал сам цесаревич. Нижняя отвислая губа его затряслась, слезы покатились из глаз, и он в восторге воскликнул: «Вот до чего дожил, что первенец царский поет наши излюбленные песни!» Вел. кн. Николай Александрович целый вечер почти не отходил от старца, прослушал былины его «Добрыня Никитич», «О добром молодце и о жене неудачливой», расспрашивая его о былом, о русских богатырях, о Петре Великом... На Белом озере цесаревич побывал в двух известных монастырях: женском Горицком Воскресенском, основанном кн. Андреем Старицким в 1544 г. и мужском Кириллo-Белозерском, созданным в 1397 г. преподобным Кириллом.

Занятная оказия произошла в Рыбинске. Тамошняя биржа давала большой обед. Среди прочих тостов пили за здоровье графа Строганова и благодарили его за то, что он привез наследника престола в главный склад привозимого с юга хлеба. Граф незамедлительно ответил: «Благодарю вас, господа, за тост, я сам радуюсь, что нахожусь в Рыбинске, потому что вновь убедился, что под вашими туго набитыми деньгою карманами бьются истинно русские сердца». Впечатление было крайне оригинальное: все стояли с открытыми от удивления ртами (418, 1896, № 7, с. 432—433).

Благодаря любви цесаревича к старине, были спасены в Ярославле и Костроме ценные памятники. В Ярославле, например, в старинной церкви Св. Иоанна Богослова наследник восторгался древним русским стилем и украшениями из изразцов и, узнав от настоятеля, что епископ Нил хочет приказать закрасить их, чтобы церковь эта не привлекала прихожан преимущественно перед другими, поехал лично к епископу, которому выразил свое восхищение старинными церквами. Этого было достаточно, чтобы епископ Нил отказался от мысли закрашивать их.

Отношение народа к цесаревичу было уважительное и трогательное. Матери приносили к нему младенцев с просьбою благословить их.

Как отмечает Оом, в Костроме произошел курьезный случай. Цесаревич там лично принимал просьбы и разные мелкие подношения народа, стоявшего перед губернаторским домом. Среди прочих поднесены были одной старушкой на тарелке бумага с просьбой, при ней просфора и какая-то из бумаги же сделанная коробка, вроде ковчега. Когда занесли все это в комнату, обратили внимание, что бумажный ковчег, стоявший возле просфоры на тарелке, покачивается. Взглянув внутрь коробки, обнаружили множество тараканов, ползающих по дну и стенкам ковчега. Когда стали разбираться, выяснилось, что просфора была поднесена старушкой как доказательство, что она утром помолилась за цесаревича, а тараканы в коробке как выражение пожеланий ему счастья (там же, с. 436).

В Саратове какой-то древний старец лет 80 или более, умиленный доступностью цесаревича пожелал благословить его самого, и великий князь благоговейно преклонив голову, подошел под благословение. Старик осенил широким знамением креста, и вслед затем упал ему в ноги.

В Сарепте (бывший город, с 1931 г. в черте нынешнего Волгограда. — *Е. Т.*) августейший сын с любопытством знакомился с самобытными чертами этой колонии саксонских гернгутеров посреди русского Приволжья, располагавшей правами полного самоуправления под сенью двуглавого орла.

В районе Астрахани на Каспийском море цесаревич наблюдал рыбную ловлю известной тогда астраханской ватаги. Не прошло и получаса после отплытия за добычею рыбацких лодок, как они уже возвратились с целыми грудами белуги, осетров, севрюги и стерляди. На его глазах быстро и ловко была вынута из пойманной рыбы икра. Обед был предложен от имени рыболовной компании.

Довольно меткую характеристику цесаревичу дал в своем дневнике наказной атаман донцов генерал-адъютант граф П. Х. Граббе, встречавший царского сына на земле Войска Донского. «До этого мне случалось нередко видеть его в разных парадах, выходах, — отмечает Граббе, — а теперь в первый раз одного как хозяина у себя. Как он прекрасен! Какой симпатичный голос! Какая умная и скромная приветливость! Любуясь им, пролетела ко мне мысль, какие судьбы готовит Провидение созданию, украшенному лучшими его дарами, и к приятным вообще впечатлениям примешалось как будто что-то похожее на сострадание».

В целом путешествия по родной стране имели большое значение для развития великого князя. Он непосредственно видел Россию такою, какой она была на самом деле. 19 октября 1863 г.

цесаревич возвратился в Петербург, а в апреле 1864 г. Александр II принял решение отправить его в новое, заграничное путешествие. Разработанный графом Строгановым подробный план этого путешествия кроме научно-образовательных целей, знакомства с иностранными дворами, предусматривал возможность укрепить здоровье царского первенца морскими купаниями и самому цесаревичу по сердцу сделать выбор августейшей невесты.

Как мы знаем, это путешествие стало для царственного юноши последним.

3. ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

18 июня 1864 г. великий князь Николай Александрович из Царского Села выехал поездом за границу. В составе его свиты были граф С. Г. Строганов, флигель-адъютант полковник О. Б. Рихтер, наставник цесаревича профессор Московского университета Б. Н. Чичерин, дорожный секретарь Ф. А. Оом, доктор Н. А. Шестов и адъютанты: поручик л.-гв. Кирасирского Его Величества полка П. А. Козлов и прапорщик л.-гв. Преображенского полка князь В. А. Барятинский. С первыми двумя спутниками мы уже познакомились. Что же представляли собой остальные члены свиты?

Бесспорно, наиболее авторитетным и способным из этой группы был Борис Николаевич Чичерин. Ко времени путешествия Чичерин получил общественное признание как один из идеологов умеренного либерализма. Им был опубликован целый ряд статей по истории России. В начале 1861 г. он был избран советом Московского университета исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре государственного права. С восторгом встретил он крестьянскую реформу, охарактеризовав ее как «лучший памятник русского законодательства». Резко отрицательно оценивал революционно-демократическое движение, особенно деятельность А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, называя ее «неистовым беснованием». Летом Чичерин получил приглашение от графа Строганова принять на себя чтение курса государственного права наследнику-цесаревичу. С начала 1863 г. цесаревич приступил к изучению этого курса под руководством Чичерина по программе, составленной последним для университетских лекций. Уже на первых занятиях стало ясно, что великий князь довольно легко справляется с весьма сложным материалом, кратко и ясно излагая целый ряд учений, насыщенных философским содержанием, причем излагает это довольно отчетливо, последовательно и

даже изящно. По воспоминаниям Чичерина, «самые отвлеченные мысли, категорический императив Канта, философское учение Гегеля, легко усваивались даровитым юношей, которого природные способности и восприимчивый ум восполняли недостаток первоначального обучения » (381, т. 1, с. 88).

Вся хозяйственная часть путешествия лежала на Федоре Адольфовиче Ооме. Как заметил Чичерин, это был отменный, безукоризненно честный и добрый человек, происходивший из голландского рода. Он целиком был предан своему долгу и тому лицу, к которому он был приставлен. Живой, веселый, общительный, участливый, Оом сердцем стоял, может быть, выше всех остальных. Он важно обсуждал все вопросы, придавая несколько преувеличенное значение мелочам.

Николай Александрович Шестов был человек не дурной, обходительный, но пошлый. К наследнику он был определен в 1859 г. по рекомендации лейб-медика Енохина, которому он приходился племянником. По отзывам, Шестов учился хорошо, но доктор из него получился неважный. Он не питал любви к медицине, хотя и был преподавателем Петербургской медико-хирургической академии. Оба молодых ординарца были добрыми, милыми, веселыми ребятами, настоящими гвардейскими офицерами, но без всяких умственных интересов и без прочного образования. Все жили в полном согласии.

Надо добавить, что кроме вышеназванных лиц, был прикомандирован к цесаревичу поручик фельдъегерского корпуса Шлотгауэр и взят в качестве курьера женевец Бо. При цесаревиче состояли также камердинер Костин и рейткнехт Вельцин.

Как отметил в своих воспоминаниях Чичерин, из всей свиты цесаревича только граф Строганов мог поддерживать с ним серьезный умственный разговор, в котором наследник со свойственной ему восприимчивостью всегда принимал живое участие. Отношения между ним и свитой были самые непринужденные, разговор был всегда оживленный и дружественный, и можно было высказываться обо всем с полною откровенностью. «Мы путешествовали, — пишет Чичерин, — как кружок друзей разных возрастов, различных положений, но все соединенные общим чувством и общими стремлениями. Центром этого маленького мира был прелестный юноша с образованным умом, с горячим и любящим сердцем, веселый, приветливый, обходительный, принимающий во всем живое участие, распространяющий вокруг себя какое-то светлое и отрадное чувство » (там же, с. 126).

Цесаревич с тяжелым сердцем расставался с родиной и, в частности, с Петергофом. «Если я за границей увижу один такой

прелестный вид, то я буду вполне доволен», — признался он перед отъездом.

Через Берлин наследник престола прибыл в старинный баварский курортный город Киссинген, где тогда отдыхала российская императорская чета и другие влиятельные особы с их свитами. Там можно было увидеть императрицу Австрии Елизавету, короля Баварии, великую кн. Ольгу Николаевну с супругом — наследным принцем Вюртембергским, великого герцога Мекленбург-Шверинского. Среди отдыхающих цесаревич встретил вице-канцлера Горчакова и своего бывшего наставника, посланника в Штутгарте Титова. Король Баварии Людвиг II, сверстник великого кн. Николая Александровича, приветливо принимал всех гостей, но больше всех старался угодить венценосным родителям цесаревича.

Из Киссингена в начале июля императорская фамилия в экстренном поезде отправилась через Франкурт-на-Майне в Ганновер, Швальбах, Эйзенах и Веймар.

В Веймарском замке герцог Александр-Карл показал цесаревичу комнаты, носящие имена великих немецких писателей — Гете, Шиллера, Виланда и Гердера. Эти знаменитости, так же, как Бах и Лист, упрочили за Веймаром название «германских Афин».

Далее Николай Александрович направился на четырехнедельное пребывание в Схевенинген, близ Гааги, где ему были предписаны морские купания. Однако эти купания в водах Северного моря, по мнению очевидцев, не принесли пользы наследнику.

Из Схевенингена цесаревич ездил в окрестности Гааги, в разные города: Амстердам, Роттердам, Утрехт и Харлем. Посетил он и Заандам (Саардам), знаменитый пребыванием в нем молодого Петра Первого. В память посещения царственным питомцем Заандама князь П. А. Вяземский написал уже по смерти наследника трогательное стихотворение, в котором назвал цесаревича «минутным гостем, ангелу подобным, блеснувшим на земле, но не земли жильцом».

В Схевенингене граф Строганов вынужден был покинуть на время цесаревича в связи с внезапной смертью своего 46-летнего сына Александра в его псковском имении.

На время отсутствия Строганова заменил граф Матвей Юрьевич Виельгорский, добрейший, обходительный человек и страстный музыкант. Однако еще до его прибытия компания цесаревича увеличилась другим типом — Владимиром, или, как его называли, Вово Мещерским — будущим редактором пошлой и нахальной газеты «Гражданин». Как заметил Чичерин, у последнего была «прирожденная наклонность к самому утонченному искательству и раболепству».

Грустные предчувствия начинали тревожить царского первенца уже в самом начале его пребывания в Схевенингене, но их рассеяло сообщение о заключении перемирия между Данией и Пруссией, открывавшее ему возможность посетить Данию.

Престолонаследник по телеграфу испросил у отца позволения на поездку в Данию, и, получив это разрешение, незамедлительно отправился туда через Гамбург и Киль. В связи с войной Дания вовсе не входила в составленный ранее маршрут.

По прибытии в Копенгаген, великий князь остановился в доме российского посланника барона Н. П. Николаи, у которого узнал некоторые подробности о датском королевском доме. У короля Кристиана IX, вступившего на престол в 1863 г., и королевы Луизы было три сына и три дочери. Уже тогда в августейших домах мира эту королевскую чету называли «европейскими тестем и тещей». Старшая дочь Александра Красивая в 1863 г. вышла замуж за будущего короля Великобритании Эдуарда VII, а средний сын Вильгельм Георг тогда же женился на великой княгине Ольге Константиновне, двоюродной сестре Николая Александровича, и стал греческим королем под именем Георга I. Забегая вперед, скажем, что Кристиан IX через своих детей сумел породниться еще с целым рядом европейских дворов.

Итак, на следующий день Николай Александрович в сопровождении свиты отправился в замок Фреденсборг, где был встречен всей королевской фамилией.

Прожив в Дании более двух недель, цесаревич решил сделать предложение очаровавшей его дочери короля Кристиана IX Дагмаре и, получив уверенность, что его чувства разделяются принцессой, отправился в Дармштадт, чтобы испросить разрешение родителей сделать это предложение. 1 (13) сентября наследник с августейшими родителями отправился в Фридрихсгафен к королеве Вюртембергской Ольге Николаевне, где провел неделю, затем вместе с отцом должен был принимать участие в прусских маневрах в Бранденбурге, для чего отправился в Берлин.

Здесь, судя по всему, под влиянием долгой езды верхом, когда Николаю Александровичу приходилось с 5 часов утра до 6 часов вечера следовать за Александром II на маневрах, боли в спине у него усилились. 13 сентября 1864 г. из Киля наследник престола со своей свитой снова отправился в Копенгаген, куда прибыл 15-го.

20 сентября произошла его помолвка, и в тот же день был отправлен в Дармштадт князь В. А. Барятинский для испрошения родительского благословения на обручение. Дав на него свое согласие, Александр II повелел сообщить об обручении наследника престола

с датской принцессой Дагмарой жителям столицы 101 пушечным выстрелом. Никто тогда не мог представить, что нареченный жених через шесть месяцев уйдет из жизни в самом цвете лет.

Между тем в Бернсторфе, где пребывал тогда датский двор, прошел ряд торжеств.

На другой день после помолвки был дан обед у короля. За этой торжественной трапезой отличился капитан царской яхты «Штандарт» Дмитрий Захарович Головачев. Когда подали шампанское, он после тоста за помолвленных выпил глоток и сказал Чичерину с гримасой, что вино кисло. Чичерин расхохотался. Король, заметив гримасу спросил: «Что говорит капитан?» Тогда Головачев без малейшего стеснения отвечал: «Горько!» — «Пусть подадут другую бутылку», — приказал добрый король. Цесаревич, поняв, в чем дело, через стол заметил Головачеву, чтобы он оставил эти шутки. Что же? Попробовав вновь шампанское, он, видя, что король следит за его выражением, опять-таки сказал: «Все-таки кисло!» Тогда королева спросила цесаревича, в чем дело? Престолонаследник, видимо, недовольный неуместной шуткой, объяснил, однако, что, по принятому в России обычаю, заздравное вино при подобных случаях, признается горьким или кислым, пока жених не поцелует невесту. «Если в этом дело, так поцелуйте ее», — отвечала умная и глухая королева Луиза. Цесаревич, чтобы положить конец неловкому положению, поцеловал принцессу в щечку. «Теперь сладко», — воскликнул бессовестный Головачев. Но зато и досталось ему на другой день от графа Строганова, который, объяснив ему все неприличие поступка, объявил, что если он позволит себе еще раз подобную выходку, то или будет отправлен в Петербург или исключен из свиты Его Высочества, дабы не могли его приглашать ко двору (418, 1896, № 8, с. 553). 30 сентября (12 октября) Николай Александрович простился с невестой и отправился в Дармштадт, где встретился со своими родителями. В Дармштадт вызван был из Висбадена протоиерей И. А. Янышев, которому предполагалось поручить занятия Законом Божьим с невестой наследника. Обучить Дагмару русскому языку и русской истории цесаревич намеревался сам.

В октябре 1864 г. вел. князь Николай Александрович с остановками в Штутгардте, Нюрнберге, Мюнхене и Тироле прибыл в Венецию. 5 дней провел он в этом знаменитом центре итальянской национальной культуры, с утра до вечера осматривая уникальные архитектурные памятники. Царственный юноша побывал в соборе Св. Марка, построенном еще в XI в., во Дворце дожей, дворцах вдоль Большого канала, музеях и картинных галереях, совершил несколько прогулок в гондолах.

Именно здесь, в Венеции, появились впервые угрожающие признаки его болезни. Наследник почувствовал сильную усталость и в последние дни уже без особого интереса осматривал творения архитектуры и живописи.

Из Венеции через Милан преемник прибыл в Турин. В Милане он обедал у принца Гумберта, будущего короля Италии, который на вопросы цесаревича об интересующих его конституции Италии и, в частности, о судебных учреждениях не смог дать вразумительные ответы. «Вы меня спрашиваете о вещах, — ответил он великому князю, — о которых я не имею никакого понятия. У вас в монархической стране князья обязаны знать законы и государственное устройство страны, у нас это дело палат».

По прибытию в Турин 27 октября первый король Италии Виктор-Эммануил II в связи с приездом цесаревича дал большой обед, на котором присутствовал весь бюрократический олимп Пьемонта. Юный князь Николай Александрович так умело и с таким тактом вел разговор с итальянскими министрами, что покорил их всех своим обаянием. Например, военный министр Ламормора сказал, что молодой великий князь — совершенство (там же, с. 563).

Из Турина наследник проехал в Геную, а оттуда на фрегате «Александр Невский» отплыл в Ниццу. Сюда прибыла на зиму его любящая мать — государыня Мария Александровна — для которой петербургский климат был противопоказан.

Из Ниццы в течение несколько дней на военном корабле «Витязь» через Ливорно, цесаревич со свитой проследовал во Флоренцию. В это время Николай Александрович, несмотря на повторившиеся приступы болезни, был полон радужных надежд и мечтал о своей будущей семейной жизни. «Теперь я у берега, — говорил он, — Бог даст, отдохну и укреплюсь зимою в Италии, затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа... В Схевенингене все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми: не ошибусь, если скажу, что моя невеста их мне дала, и с тех пор я живу мечтами будущего... Я утешаю себя тем, что у нас вся будущность впереди». В письме к Н. П. Литвинову, поручику л.-гв. конной артиллерии, который состоял при наследнике, Николай Александрович пишет: «Хорошие я пережил минуты и искренно благодарю Бога, что нашел то, чего так желал, о чем так долго мечтал: любить и быть любимым».

Для характеристики душевного состояния цесаревича много любопытного дают его письма к брату Александру Александровичу, с которым, как известно, его связывала нежная дружба

и любовь. Цесаревич не раз признавался матери, что никому не пишет таких нежных и откровенных писем, как Саше, и даже не может отдать себе отчета, кого он больше любит — Сашу или Дагмару.

4. ОБОСТРЕНИЕ БОЛЕЗНИ

Во Флоренции на третий день пребывания, т. е. 12 (20) ноября вел. князь слег. Возникли сильные боли в спине, на которой появилась краснота с небольшой опухолью. Приглашенный итальянский профессор Бурчи высказал предположение, что у больного происходит воспалительный процесс в области позвоночника. Этот диагноз впоследствии оказался верным. Хотя наследнику стало несколько легче, однако, он двигался с трудом и, боясь возобновления острых болей, почти никогда не выпрямлялся и ходил сгорбившись. В течение целого месяца ему делали растирания, но, когда это лечение не принесло заметного облегчения, его решили перевезти в Ниццу. Окружающие великого князя надеялись, что молодость все же возьмет свое. Они веровали в южное небо, в благотворный воздух, в теплый и умеренный климат.

20 декабря 1864 г. (1 января 1865-го) цесаревич со свитой выехал из Флоренции, в Ливорно пересел на «Витязь», который быстро доставил его в Ниццу. В Ницце, где наследник поселился на вилле Дизбах на Promenade des Anglais («прогулка англичан»), ему становилось все хуже и хуже. Тогда в феврале были приглашены знаменитые французские доктора Рейе и Нелатон, которые не нашли ничего опасного в состоянии больного. В письменном протоколе они отметили, что болезнь цесаревича есть укоренившийся ревматизм и что последовательное лечение паровыми душами и купаниями в Барьер-де-Люшоне окончательно его поправит.

Между тем болезнь прогрессировала. Силы великого князя слабели с каждым днем. Он все время ходил сгорбленным, был ужасно худ и бледен (418, 1905, № 6, с. 287).

В марте 1865 г. доктора пришли к заключению, что ухудшение происходит от приморского климата и решили перевести его на берега озера Комо, а пока на время перевели в отдаленную от моря виллу Бермон, которая садом соединялась с виллой императрицы. В первые дни апреля 1865 г. состояние наследника резко ухудшилось и стало практически безнадежным (418, 1896, № 9, с. 34).

4-го в Ниццу был вызван вел. князь Александр Александрович, а 6-го вечером выехал сам император с сыновьями Владимиром

и Алексеем. Путь до Ниццы был преодолен с необычайною быстротою, всего за 85 часов. Можно представить, что испытывал отец в этом скоростном переезде из конца в конец Европы под «картечью телеграмм, несколько раз в сутки раздиравших сердечную рану его». В Берлине российского монарха на вокзале ожидал король Вильгельм I, в Париже — император Наполеон III. На востоке Франции в Дижоне к царскому поезду присоединился другой, везший из Копенгагена принцессу-невесту цесаревича с августейшей матерью королевой Луизой и братом, наследным принцем датским. Титулованные путешественники прибыли в Ниццу 10 апреля.

Как свидетельствует один из приближенных наследника Оом, о приезде государя нужно было объявить Николаю с большой осторожностью. Сделала это сама императрица.

Августейшие родители вошли в комнату больного вместе, но отец остался за ширмами, а Мария Александровна подошла к кровати. Николай, лежавший в беспамятстве, тотчас пришел в себя, взял руку матери и, по обыкновению, стал целовать каждый палец отдельно. «Бедная ма, что ты будешь делать без твоего Ники?» — спросил он, глядя на мать. В первый раз он при ней высказал сознание своего положения.

«Дорогой мой, — отвечала императрица, — зачем такие грустные мысли? Ты знаешь, что нас ожидает радость». — «Я знаю, что ожидали па, но теперь уверен, что он уже приехал».

Государь, услышав эти слова, вышел из-за ширм и, опустившись перед страдальцем-сыном на колени, стал целовать руки больного. Оом высказывает мысль, что государь бывал строг к своему наследнику: «Скажу даже, в некоторых случаях, немилосерд, и мне казалось, что в эту минуту он почувствовал потребность нежностью изгладить все, что могло остаться в памяти сына из болезненных ощущений, которые вызываемы были резкими замечаниями, запрещениями выражать мнения молокососу, как он его называл. Никогда не забуду горьких слез цесаревича после прочтения ему официальной бумаги министра двора графа В. Ф. Адлерберга к Рихтеру, в которой ему было сообщено высочайшее повеление объявить Его Высочеству, чтобы он никогда не утруждал государя императора личным ходатайством по прошениям, на имя цесаревича поступающим.

Были минуты трогательные, когда вошла невеста умирающего, когда он, смотря на нее, говорил императрице „Не правда ли, какая она милая?", когда он держал руки стоявших с обеих сторон его одра любимого брата и дорогой нареченной его; когда она, эта бедная, едва познавшая первую любовь, стоя на коленях

у изголовья царственного жениха своего, молилась за него или поправляла подушку, на которой покоилась голова с этим чистым, непорочным ликом».

5. СМЕРТЬ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

Итак, возле постели юного страдальца, на вилле Бермон собралась вся царская семья: безутешные родители, принцесса Дагмара, братья и сестра. Цесаревич часто впадал в забытье, но большее время находился в памяти. У него началась сильнейшая головная боль, сопровождаемая рвотой.

Утром 11 апреля больному сделалось значительно хуже, в 12-м часу ему предложили приобщиться св. тайн, что он исполнил с полным сознанием. После причащения Николай Александрович начал со всеми прощаться. Как отмечает Литвинов, он каждого присутствующего называл по имени и говорил по два раза: «Прощай, прощай». Последний консилиум врачей, в числе которых были профессора Здекауер и Пирогов и вызванный из Вены доктор Оппольцер, пришел к заключению, что у цесаревича цереброспинальный туберкулезный менингит и спасения нет. Тем не менее Николаю Александровичу беспрестанно давали мускус по настоянию Пирогова, который утверждал, что доктора не должны терять надежды до тех пор, пока в больном не перестанет биться сердце. Однако мускус только мучил страдальца. В 16.00 на него нашла икота, и его беспрестанно рвало мускусом. Несчастная принцесса Дагмара, стоя на коленях перед умирающим женихом, все время вытирала ему рот и подбородок (51а, с. 57).

В 19 часов 30 минут началась агония, во время которой невеста и брат ни на минуту не отходили от изголовья умирающего.

Три раза в его комнату приглашали духовенство для чтения отходной. Наконец во время третьего чтения с 11 на 12 апреля в 0 часов 50 минут местного времени Николай скончался. В минуту кончины августейшие отец и мать держали одну руку умирающего, принцесса-невеста и любимый брат, великий князь Александр Александрович — другую.

Лейб-медик профессор Н. Ф. Здекауер позже говорил, что бред цесаревича был характерным. Он выступал перед какими-то депутатами, в другой раз как будто брал Кексгольм приступом. Вообще смерть показала, сколько обещала его жизнь. Замечательно слово, сказанное им насчет нынешнего цесаревича: «В нас всех есть что-то лисье, Александр один вполне правилен душой».

Как признавалась императрица, последними словами цесаревича были: «Стоп машина!»

Тело царственного первенца было вскрыто и бальзамировано. Вскрытие установило не только туберкулезный менингит, но и внутренний нарыв в спинной кости, который был основным источником болезни. Выяснилось, что итальянский доктор один был прав в своем диагнозе.

Пошли толки и догадки: откуда мог произойти этот нарыв? Тогда вспомнили, что года два тому назад наследник в присутствии всей августейшей семьи принимал участие в скачке наперегонки с принцем Ольденбургским на ипподроме в Царском Селе. Цесаревич велел положить себе новое, щегольское, но непривычное для него английское седло и на всем скаку слетел с лошади. Он тут же вскочил на ноги; казалось, падение не оставило о себе следа. Но прирожденная ему золотуха, по всей видимости, устремилась в ушибленное место, медленно и незаметно подтачивая организм. С той поры он изредка стал жаловаться на боль в пояснице. Ложное лечение, в особенности паровые души, ускорило болезнь и уменьшило страдания.

Рано утром 12 апреля 1865 г., в пятницу, известие о смерти наследника престола по телеграфу дошло до С.-Петербурга от министра императорского двора генерал-адъютанта графа Адлерберга 2-го. Тогда же утром о печальном событии было объявлено в приложениях к газетам и сообщено в губернии по телеграфу. Это был второй случай в России, начиная с Петра Великого, когда русские теряли своего наследника престола.

В тот же день в Ницце был обнародован высочайший манифест о кончине наследника и назначении другого. Несмотря на то, что ранее было известно о тяжелой болезни Николая Александровича, весть о его кончине потрясла все слои русского общества. И как обычно, среди народа распространялись всевозможные фантастические слухи и толки, в которых было много нелепого. В Москве стоустая молва говорила, будто цесаревича отравили великий князь Константин Николаевич или его супруга «Константиниха». В Петербурге профессору А. В. Никитенко один генерал с весьма важным видом выразил свое мнение, что в болезни, а следовательно, и в смерти наследника сильно повинен Наполеон. «Каким же это образом?» — спросил Никитенко. Говоривший не сумел этого объяснить, но все же остался при своем мнении.

Рассказывали, например, что лейб-медик Н. Ф. Здекауер требовал теплых ванн, а цесаревича отправили купаться на побережье Северного моря на курорт Схевенинген, что один флорентийский врач указывал на спинной мозг, как на гнездо болезни и требовал

скарификации, но его не послушали, что французский хирург Нелатон поставил фонтанели, а врач наследника Шестов их закрыл, что от государя скрывали правду и что он случайно узнал от фельдъегеря о готовящейся катастрофе и т. д. и т. п.

В образованном обществе преобладала своя точка зрения. Никитенко, например, считал, что жизнь этого благородного, много обещавшего для России юноши, возможно, была бы и сохранена, если бы пестуны его Гогель, Зиновьев и граф Строганов побольше заботились о его физическом воспитании и не были бы так «непростительно беззаботны в этом отношении». Ему вторил и поэт Тютчев, живший в Ницце с осени 1864-го до весны 1865 г. По его словам «наследника уморили нелепым образом воспитания, особенно тем, как вел его в последние годы Строганов... Его страшно утомляли, заставляя учиться и двигаться свыше сил и не внемля спасительным предостережениям некоторых рассудительных медиков...»

В связи с этими суждениями Тютчева находится и его эпиграмма на графа С. Г. Строганова:

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил;
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».

Вот один из примеров того, как в народе относились к наследнику. Во время Ломоносовского обеда в зале Дворянского собрания Петербурга возле профессора М. М. Стасюлевича сидел какой-то купец. Когда провозгласили тост за наследника, — тогда было известно еще только, что он опасно болен, — зал огласился восторженными криками в честь его и пожеланиями ему выздоровления. Крики не затихали в течение пяти минут. Стасюлевича это растрогало до слез. Сидящий рядом купец, заметив их, спросил:

— Видно, вы очень любите наследника?

— Да, — отозвался Стасюлевич, — потому что знаю его хорошо: я был его учителем.

— Учителем? — повторил купец. — Ну, хорошо, что вы были его учителем, а не дядькою, а то вас стоило бы разорвать на клочки.

Стасюлевич, который три года преподавал историю наследнику, говорил, что цесаревич учился очень хорошо и вообще был прекрасным существом. Стасюлевич, как отмечал Никитенко, не мог вспоминать о нем без глубокой скорби и умиления. Он показывал ему тетради, в которых царственный юноша записывал свои уроки по истории. В них видна особенная тщательность в занятиях.

Я. К. Грот, И. А. Гончаров, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, М. И. Соловьев были также в восторге от занятий и успехов цесаревича. Соловьев говорил, что если бы из Московского университета выходил раз в десять лет один студент с познаниями русской истории, какие имел цесаревич, то он считал бы свое призвание исполненным.

«Всем горько, все притихли и приуныли от страшной вести, — писал К. П. Победоносцев 12 апреля 1865 г. А. Ф. Тютчевой, — но мы, знавшие его, всего сильнее чувствуем, что значит для всех потеря нашего царевича... Я верю, я чувствую всей душой... что этот час — роковой час в судьбах России. На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, тем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса.... И эту надежду Бог взял у нас. Что с нами будет? Да будет его святая воля» (217, с. 504).

Между тем Ницца встретила русское горе теплым и единодушным участием. Жители всех возрастов и званий приходили благоговейно поклониться гробу. Тело покойного цесаревича Николая было перенесено 14 апреля в русскую церковь, а 16-го — через весь город и потом вдоль моря на фрегат «Александр Невский», отплывший из Виллафранки в Кронштадт в составе эскадры под командой адмирала С. С. Лесовского. В этот же день государь и императрица Мария Александровна с детьми выехали из Ниццы в Дармштадт. Там в замке Югенгейм они в тесном семейном кругу, в состав которого вошла и принцесса Дагмара, провели несколько дней, нужных для восстановления сил императрицы, истощенной длительным уходом за больным сыном и потрясением безвременной его кончиной. 9 мая августейшая семья выехала из Дармштадта и 12-го прибыла в Царское Село.

На исходе 35 суток плавания 21 мая эскадра с прахом покойного цесаревича прибыла в Кронштадт, куда ездил и Александр II. В знак траура весь Балтийский флот приспустил флаги. Смертные останки Николая 25 мая были доставлены на пароходе «Александрия» под балдахином на палубе в Петербург, где с Английской набережной препровождены в церемониальном шествии к месту вечного упокоения в Петропавловскую крепость. Процессия следовала от Николаевского моста мимо Исаакиевского собора по площади и набережной на Троицкий мост.

«Войска, — как отмечал Никитенко, — с обеих сторон окаймляли площадь. Сперва потянулись разные придворные чины, ордена на подушках, бесконечный ряд духовенства в черном

облачении и потом колесница с останками юноши, которого оплакивала Россия. За нею государь верхом на лошади…

Народ стоял безмолвно, сняв шапки, и с появлением колесницы крестился. Не было ни малейшего шума, ни толкотни, ни беспорядка. Вокруг царствовало полное безмолвие, нарушаемое только колокольным звоном с церквей и зловещими пушечными выстрелами с крепости… На всем Петербурге лежала какая-то печать уныния и скорби, а над ним, как черное покрывало, висело сумрачное небо». 28 мая состоялось само погребение в Петропавловском соборе, усыпальнице императорского дома. «В этой ранней могиле, — писал Чичерин, — были похоронены лучшие мои мечты и надежды, связанные с благоденствием и славою отечества. Россия рисковала иметь образованного государя с возвышенными стремлениями, способного понять ее потребности и привлечь к себе сердца благороднейших ее сынов».

Князь П. А. Вяземский в своих стихах говорил:

Гаданья светлые напрасны!
Им сбыться не дано судьбой:
Надежд грядущих цвет прекрасный
Сражен внезапною грозой.

Стасюлевич в предисловии к III тому своего сочинения «Материалы для истории Средних веков», посвященного памяти царственного ученика, писал следующее: «Мы оплакиваем в эти минуты смерть, в которой заключались тысячи смертей: умирал не только человек, умирала юность, умирала красота, умирала первая и едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды миллионов добрых людей, умирали идеи высокого, справедливого, благородного, умирало все, что есть заметного и доброго на земле».

2 марта 1867 г. на месте кончины Николая Александровича была заложена и в течение одного года построена по проекту и под наблюдением академика Гримма часовня-памятник. Освещение ее было проведено 26 марта 1868 г. в присутствии цесаревича Александра Александровича, членов русской колонии, местной администрации и войск местного гарнизона. В эту часовню были принесены драгоценные иконы от членов императорской семьи, а также от всех частей, в которых числился великий князь Николай Александрович. Одна из близлежащих улиц стала называться бульваром имени цесаревича.

В память умершего цесаревича, а также во имя святителя Николая Мирликийского чудотворца 12 апреля 1903 г. в Ницце в садах виллы Бермон состоялась закладка нового православного

Свято-Николаевского собора. Попечительницей Строительного комитета этого храма была вдовствующая императрица Мария Федоровна, а первым председателем комитета — двоюродный брат цесаревича князь Георгий Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский. Постройка этого великолепного храма, сооруженного в стиле московско-ярославских соборов XVII в., была закончена в 1911 г., освещен 17 декабря 1912 г. Новый проезд к храму с разрешения императора Николая II получил название Avenue Nikolas II.

Глава четвертая

НОВЫЙ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК

1. ВЕЛИКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Высочайший манифест о назначении нового наследника, как было сказано, обнародован в Ницце 12 апреля 1865 г. «Лишившись первородного сына и прямого преемника нашего, — говорилось в конце этого манифеста, — ныне в бозе почившего государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича, мы, на точном основании закона о престолонаследнике, провозглашаем второго сына нашего, Его Императорское Высочество великого князя Александра Александровича наследником нашим и цесаревичем». Манифест этот был доставлен в Россию с нарочным и обнародован в С.-Петербурге 19 апреля.

29 мая в белом зале Зимнего дворца в 1-м часу дня Александр II принимал представителей иноземных держав и многочисленные депутации от всех сословий, прибывших из разных губерний для присутствия на похоронах цесаревича Николая. К депутациям присоединились представители петербургского дворянства и городского общества.

Император вышел к ним в сопровождении цесаревича Александра Александровича. «Я желал вас видеть, господа, — сказал он, — чтобы лично изъявить вам от себя и от имени императрицы нашу сердечную благодарность за участие всей семьи русской в нашем семейном горе. Единодушие, с которым все сословия выразили нам свое сочувствие, нас глубоко тронуло и было единственною для нас отрадою в это скорбное время. В единодушии этом наша сила, и пока оно будет существовать, нам нечего бояться ни внешних, ни внутренних врагов. Покойному сыну суждено было,

во время путешествия его по России в 1863 г., быть свидетелем подобного же единодушия, вызванного тогда посягательством врагов наших на древнее достояние русских и на единство государства... Да сохранится единодушие это навсегда! Прошу вас, господа, перенести на теперешнего наследника моего те чувства, которые вы питали к покойному его брату. За его же чувства к вам я ручаюсь. Он любит вас также горячо, как я вас люблю и как любил вас покойный. Молитесь Богу, чтобы он сохранил его нам для будущего благоденствия и славы России! Еще раз благодарю вас, господа, от души».

На царском приеме впервые после восстания 1863—1864 гг. участвовали высшие гражданские чины и аристократы Царства Польского. Император, в присутствии цесаревича Александра Александровича, обращаясь к ним, сказал: «Я желал видеть вас, господа, чтобы поблагодарить за чувства, которые вы выразили мне при последних тяжких обстоятельствах. Хочу верить, что они искренни, и желаю, чтобы были разделены большинством ваших соотечественников, подданных моих в Царстве Польском. Чувства эти будут лучшим ручательством в том, что мы не подвергнемся уже тем испытаниям, через которые прошли в недавнее время. Я желаю, чтобы слова мои вы передали вашим заблужденным соотечественникам. Надеюсь, что вы будете содействовать к образумлению их. При сем случае не могу не припомнить те слова, поставляемые мне в укор, как бы оскорбление для Польши, которые я сказал в 1856 г. в Варшаве по прибытии туда в первый еще раз императором. Я был встречен тогда с увлечением и в Лазенковском дворце говорил вашим соотечественникам. «Оставьте мечтания!» («Point de reveries!»). Если бы они последовали этому совету, то избавили бы ваше отечество от многих бедствий. Потому-то возвращаюсь к тем же прежним моим словам. Оставьте мечтания! Я люблю одинаково всех моих верных подданных: русских, поляков, финляндцев и других; они мне равно дороги; но никогда не допущу, чтобы дозволена была самая мысль о разъединении Царства Польского от России и самостоятельное без нее существование его. Оно создано русским императором и всем обязано России. Вот мой сын Александр, мой наследник. Он носит имя того императора, который некогда основал царство. Я надеюсь, что он будет достойно править своим наследием и что он не потерпит того, чего я не терпел. Еще раз благодарю вас за чувства, которые вы изъявили при последнем печальном событии».

20 июля в Большой церкви и Георгиевском зале Зимнего дворца состоялось торжественное принесение присяги цесаревичем. Александр Александрович подробно описал этот день в своем

дневнике. В первой половине дня он вместе с родителями и братом Владимиром побывал в Петропавловской крепости на могиле «милого Никсы». Затем, переодевшись в атаманский мундир, вместе с отцом обошел войска. В час дня началась церемония. «...Все пошли с тетями и племянницами, — записал цесаревич. — Я шел с т(етей) Соней. Мари и Ольга тоже были в русских платьях. Придя в церковь, начался молебен. Молитвы великолепные, я молился сколько мог, страшно было выходить посреди церкви, чтобы читать присягу. Я ничего не видел и ничего не слышал; прочел, кажется, недурно, хотя немного скоро. Из церкви пошли тем же порядком в Георгиевскую залу, где папа, мама и все тети стояли на троне и на ступеньках. Тут я прочел военную присягу...» Приняв присягу под штандартом Атаманского своего имени полка, Александр преклонился перед императором, который заключил сына в свои объятия и поцеловал. Также изъявила свои чувства и императрица. Присутствовавший на этом церемониале министр внутренних дел П. А. Валуев заметил: «Обе присяги — церковно-гражданскую и военную — он (цесаревич) прочитал внятным и ровным голосом, но голос еще не сложился... После присяги прием. Вел(икого) князя заставили сказать по нескольку слов всем членам Государственного совета и всем сенаторам. Вероятно, еще и многим другим лицам военного звания. Тяжелая задача без надлежащей подготовки. Особое впечатление произвела на меня императрица во время военной присяги. Она стояла одна перед троном лицом к нам. Государь сошел и стал близ цесаревича. Императрица стояла неподвижно, не поднимая глаз и только как бы шатаясь от усилия выдержать до конца. На лице то глубокое выражение страдания или скорби, которое заключается в отсутствии всякой подвижности впечатлений. Душа обращена вовнутрь. Внешне безжизненна. Если бы я мог быть уверен, что при этом не было никакой aigreur (чувства досады), я пожелал бы преклониться перед ней, как пред иконой. В сильном и безмолвном страдании есть святость и повелительное обаяние». Сиятельный Петербург отметил этот день блестящей иллюминацией и народным гулянием. Как признался цесаревич, этот день для него был тяжелым, словно камень свалился с плеч.

О состоявшемся событии Александр II известил своих подданных новым прочувствованным манифестом. Заметим, что император еще до присяги назначил нового наследника атаманом всех казачьих войск, шефом л.-гв. Атаманского казачьего и 3-го Смоленского уланского полков и поселенного № 9 выборгского финского стрелкового батальона. Также царь зачислил его в л.-гв. гусарский полк, в л.-гв. кавказские эскадроны собственного Его

Величества конвоя, в л.-гв. казачий уральский дивизион и в л.-гв. донскую казачью батарею. По принесении присяги цесаревич Александр Александрович зачислен в Гвардейский экипаж, во все полки и отдельные части гвардии, в которых сам государь состоял шефом и в которых новый наследник еще не числился. Тогда же он был возведен в звание канцлера Александровского университета в Финляндии. Цесаревичу сохранен весь придворный штат усопшего брата в неизменном составе. Помимо графа С. Г. Строганова и генерала О. Б. Рихтера, к нему перешли Ф. А. Оом, И. К. Бабст, К. П. Победоносцев, князь В. П. Мещерский. Оба ординарца брата — П. А. Козлов и князь В. А. Барятинский — были назначены адъютантами к Александру Александровичу. Кроме этих «унаследованных» лиц вскоре ближе всех стал к цесаревичу флигель-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, ничем не связанный с покойным братом. Попечителем к особе наследника назначили генерал-адъютанта Б. А. Перовского. С 1868 г. адъютантом его также стал граф С. Д. Шереметев.

Титул наследника престола принес Александру производство в чин генерал-майора (30 апреля 1865 г.) с зачислением в свиту императора. Некоторые правители зарубежных государств выразили новому цесаревичу знаки своего особого признания. Так, от короля Швеции Карла XV он получил орден Серафимов, от короля Бельгии Леопольда I — орден Леопольда. Император Франции Наполеон III наградил наследника орденом Почетного легиона Большого креста, король Италии Виктор-Эммануил II — орденом Аннунциады…

Смерть любимого старшего брата цесаревича Николая Александровича глубоко потрясла Александра. Горестные дни, проведенные им на юге Франции, глубоко врезались в память. «Приехать великим князем, а уехать наследником, — признавался он, — тяжело, и в особенности лишившись самой верной моей опоры, лучшего друга и любимейшего брата».

С раннего детства их связывали нежные близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности и общности интересов. Они постоянно устно и письменно обменивались мыслями и впечатлениями. Братья были откровенны и искренни друг с другом.

В дни своего детства и юности Александр не готовился стать царем. Намерения его отличались благородством. Он помышлял быть верным другом и добрым помощником старшего брата. Однако превратности судьбы поставили его лицом к лицу с новой высокой жизненной задачей, к которой он, по собственному признанию, был не готов. «Я одно только знаю, — откровенно говорил

Александр Александрович князю В. П. Мещерскому, — что я ничего не знаю и ничего не понимаю. И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдешь… Прожил я себе до 20 лет спокойным и беззаботным, и вдруг сваливается на плечи такая ноша…» (186, с. 223).

В самом деле, новому цесаревичу предстояло многое познать, приступить к изучению труднейшей из всех наук — науки управлять огромным государством, каким являлась Российская империя.

Был ли он готов к такой гигантской работе? Надо признать, что некоторые родственники и близко знавшие его люди были настроены к нему довольно критично. Великая княгиня Елена Павловна, тетушка наследника, в то время, по словам государственного деятеля А. А. Половцова, «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу» (221, т. 2, с. 426). Хотя известно, что Владимир не отличался особыми талантами.

Родной дядя Александра великий князь Константин Николаевич вскоре после восшествия его на престол утверждал, что и он, и Владимир в отличие от цесаревича Николая Александровича «в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе» (208, с. 46). Он не щадил самолюбия, не стесняясь отзывался презрительно о наследнике. Даже подруга императрицы Марии Александровны А. Н. Мальцова «не скрывала своего слабого мнения о новом цесаревиче» (354, с. 418).

Воспитатель Александра профессор А. И. Чивилев, узнав, что его ученик объявлен наследником престола, ужаснулся и в разговоре со своим коллегой профессором К. Н. Бестужевым-Рюминым, по признанию крупного сановника Е. М. Феоктистова, сказал: «Как жаль, что государь не убедил его отказаться от своих прав: я не могу примириться с мыслью, что он будет править Россией». «Конечно, — пишет Феоктистов, — опасения эти были преувеличены, но нельзя отрицать, что в интеллектуальном отношении государь Александр Александрович представлял собой весьма незначительную величину — плоть уж чересчур преобладала в нем над духом» (327, с. 217).

Но существуют и более благожелательные отзывы о наследнике. «Из достоверных источников известно, — вспоминал позднее С. Ю. Витте, — что, когда цесаревич Николай был безнадежно болен (о чем он сам знал), на восклицание одного из приближенных к нему: «Что будет, если что-нибудь с вами случится? Кто будет править Россией? Ведь ваш брат Александр к этому совсем не подготовлен»! — он сказал: «Вы моего брата, Александра, не знаете: у него сердце и характер вполне заменяют и

даже выше всех других способностей, которые человеку могут быть привиты».

По свидетельству современников, у Александра Александровича было немало привлекательных черт. Он был предельно честен, правдолюбив, бескорыстен, самостоятелен в своих мнениях, добродушен, благожелателен, откровенен. Одним из определяющих начал его жизни было сознание долга, высокое чувство ответственности. Он любил выслушивать и уважать мнение людей, но презирал угодливость и фразерство, сплетни и клевету. В то же время он был несколько угловат, застенчив, резковат. Безусловно, новый престолонаследник был менее талантлив и менее подготовлен, нежели его предшественник, старший брат. Как отмечает в своих воспоминаниях В. П. Мещерский, личность Александра Александровича «сложилась за последние годы под сенью, так сказать, и под влиянием духовного мира его старшего брата... Они жили эти последние годы, что называется, душа в душу... И это не было слепое подчинение младшего брата старшему, совсем нет, это был взаимный обмен и мыслями, и чувствами, и впечатлениями, при котором один дополнял другого. Дружба эта была объединением двух совсем различных и притом самостоятельных существ. В старшем брате не было никаких элементов философии; напротив своим чутким и восприимчивым ко всем оттенкам окружающего его мира, своим тонким и проницательным умом, понимавшим сразу намеки на мысль, он всецело воспринимал и влияние на себя жизни или считался с нею и признавал ее силу; младший брат потому и представлялся философом, что, наоборот, он не подчинялся, так сказать, силе окружавшей его жизни, не моделировал себя по ней, не дорожил никаким on dit («говорят») и крупными и цельными, так сказать, штрихами выражал свой образ мыслей и свой духовный мир, минуя те оттенки и утонченности, которые в личности старшего брата играли свою роль и имели свое значение. Первый был художник мысли, второй был ее философ своей собственной школы; и чтобы конкретнее выразить это различие, я бы сравнил первого с искусным столяром, а второго с плотником с верным взглядом и с верною рукою» (186, с. 225—226).

2. РАСШИРЕНИЕ КРУГОЗОРА БУДУЩЕГО ВЕНЦЕНОСЦА

После объявления Александра наследником цесаревичем отец стремился восполнить его знания, расширить кругозор, подготовить к обязанностям будущего руководителя величайшего на свете государства. Александру дополнительно были спланированы лекции лучших историков, правоведов, экономистов. Среди них были С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, К. П. Победоносцев, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, Ф. Г. Тернер, М. А. Корф и др.

В 1865 и 1866 гг. русскую историю будущему императору Александру III преподавал профессор Сергей Михайлович Соловьев. По мнению современников, для этого чистого и возвышенного ученого чувство долга было единственным руководящим началом его действий. Профессор не ограничивался только лекциями, а нередко подолгу беседовал со своим царственным питомцем по проблемам исторического развития.

К изучаемым фактам и событиям Соловьев относился как истинный ученый: честно, основательно и вдумчиво, стараясь уловить их настоящий смысл. Он рассматривал историю как закономерный, последовательный и прогрессивный процесс. Ведущей причиной развития общества историк считал изменение государственных форм. У него государство воплощало в себе народ. «Произвол одного лица, — подчеркивал Соловьев, — как бы сильно это лицо ни было, не может переменить течение народной жизни, выбить народ из его колеи».

Особая задушевность тона, — писал о Соловьеве А. Кони, — чувствуемая всеми глубокая, страстная любовь профессора к своему предмету и новые горизонты, открываемые им своим слушателям, придавали особую прелесть этим лекциям» (161, т. 7, с. 102). Известно, что ко времени преподавания истории великому князю Соловьев проявил себя как неутомимый труженик, посвятивший жизнь мысли, науке, любимому им Московскому университету.

В 1851 г. Сергей Михайлович опубликовал первый том «Истории России», обнаружив при этом основательный и глубокий анализ прошедших событий. С тех пор без перерыва в течение 28 лет выходило по тому этого труда ежегодно. Последний 29-й том, доведенный до 1775 г. вышел посмертно. С 1864 по 1870 г. Соловьев занимал должность декана историко-филологического факультета, а в 1871—1877 гг. — ректора университета. В 1872 г. он был избран действительным членом Академии наук. В последние годы жизни Сергей Михайлович являлся председателем Московского общества истории древностей российских, а также директором Оружейной палаты.

Узнав о смерти ученого, последовавшей 4 октября 1879 г. наследник престола Александр Александрович в послании на имя его жены выразил свое соболезнование и уважение к почившему. «С живейшим прискорбием услышал я по возвращении

моем, — писал цесаревич, — о кончине многоуважаемого Сергея Михайловича. Вам ближе и ощутительнее, чем кому-либо, скорбь невозвратной потери, но эту скорбь разделяют с вами все русские люди, издавна привыкшие видеть в супруге вашем не только ученого и талантливого писателя, но и человека добра и чести, верного сына России, горячо принимавшего к сердцу и в прошедших, и в будущих судьбах ее все, что относится к ее славе, верно хранившего в душе своей веру и преданность церкви, как драгоценнейший залог блага народного. Приняв от него всегда памятные мне уроки и наставления в истории нашего отечества, я не могу быть равнодушным к нашему горю и вменяю себе в сердечный долг выразить вам свое искреннее и глубокое сочувствие».

В период 1865—1879 гг. русскую историю великому князю также читал историк и писатель Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. В отличие от Соловьева он отвергал принцип исторической закономерности. Лекции его были насыщены яркими примерами из Библии, Данте, Шекспира, древней и новой русской литературы. Являясь знатоком источниковедения и историографии, Бестужев-Рюмин, критически разбирал взгляды разных авторов на прошедшие события истории, как правило, воздерживаясь от собственных суждений. В то же время, создавая портреты государственных деятелей, большое значение он придавал их художественно-психологическим характеристикам. Бестужев-Рюмин был официальным учредителем и первым директором (1878—1882) высших женских курсов в Петербурге. Им написан цикл популярных книг по русской истории IX—XVI вв.

С декабря 1865 г. курс законоведения новому наследнику стал читать Константин Петрович Победоносцев. Этот человек занял особое место в жизни будущего императора Александра III. Долгие годы, практически до конца его правления, он был наставником, интимным советником и вдохновителем проведения внутренней политики в России, «свидетелем, — как он признавался сам, — отчасти и участником многих важных событий». Естественно, биография этого государственного деятеля заслуживает более подробного изложения.

Родился он 21 мая 1827 г. в Москве в Хлебном переулке в семье профессора российской словесности Императорского Московского университета, магистра философии и словесных наук, воспитанника Заиконоспасской академии Петра Васильевича. Мать происходила из старинного рода костромских дворян Левашовых. Дед его был священником в Звенигородском уезде, затем настоятелем церкви Св. Великомученика Георгия в Москве на Варварке. В 14 лет он поступил в одно из самых привилегированных учебных заведений — Императорское училище правоведения в С.-Петербурге, по окончании которого в июне 1846 г. был определен на службу в канцелярию 8-го московского департамента Сената с чином титулярного советника. В 1859 г. будущий вице-император публикует статью в герценовских «Голосах из России», в которой резко критикует существующую отечественную судебную систему, заявляет о гласности как об основном лекарстве, с помощью которого можно вылечить главные болезни российской бюрократии — малокомпетентность и безответственность. В этом же году он защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства», а в 1860 г. избирается профессором Московского университета по кафедре гражданского права. Главный его труд — «Курс гражданского права» — выдержал пять изданий и стал настольной книгой для нескольких поколений русских юристов.

По рекомендации графа С. Г. Строганова Константин Петрович в 1861—1862 гг. преподает законоведение цесаревичу Николаю Александровичу и его братьям — великим князьям Александру и Владимиру. С восторгом он воспринял отмену крепостного права. В письме к смоленской помещице С. П. Энгельгардт 9 марта 1861 г. он пишет: «Мы до сих пор еще недостаточно оцениваем всю важность этой перемены, но, господи боже, какая великая перемена! Каково же, подумайте, в России нет крепостного права! Нет больше людей, которые считались бы собственностью себе подобных. Нет бесправных! Мы еще не можем понять, что это значит...» (36, оп. 94, д. 24, л. 1). В то же время Константин Петрович принимает участие в комиссии по подготовке судебной реформы. «...В особенности ставил он высоко начало гласности (судебного. — *Е. Т.*) производства, — вспоминал знаменитый юрист А. Ф. Кони. — Его не удовлетворял канцелярский образ Фемиды, совершающей свое дело с повязкою на глазах». «Что прячется от света и скрывается в тайне, — говорил он нам на лекции о публичности производства, — в том верно есть неправда, и если цель правосудия состоит в отражении правды, в исправлении и обличении неправды, в соблюдении закона, то оно не может опасаться света и все его действия должны совершаться открыто... Мог ли я тогда думать, — пишет далее Кони, — что через четверть века после этого тот же Победоносцев, к которому я вынес из университета большую симпатию, как к своему профессору, будет мне говорить с презрением «о той кухне, в которой готовились Судебные уставы...» (161, т. 7, с. 100). По свидетельству Кони, в середине 60-х гг. Победоносцев был высокого роста, чрезвычайно худощавого телосложения, с

бледным «гладковыбритым лицом, в толстых черепаховых очках, сквозь которые устало и безразлично глядели умные глаза, а из бескровных уст лилась лениво и бесшумно монотонная речь. Победоносцев, предшествуемый литературною известностью и славой опытного цивилиста, внушал нам уважение, но не оживлял нас и оставлял равнодушными к своему предмету» (161, т. 2, с. 254). Жил он уединенно, в общении был сух и немногословен, не терпел необоснованных возражений. Бедным людям часто оказывал материальную помощь. Имел дар убеждать собеседника в правоте своих идей. Внимательно следил за развитием науки, литературы, формированием политических течений.

Близость к царской семье помогла будущему «интимному советнику» довольно круто продвигаться по служебной лестнице. В 1865 г. он назначается членом консультации Министерства юстиции, с 1868 г. — сенатор, с 1872 г. — член Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных сил. В 1880 г. Константин Петрович по инициативе наследника престола и не без помощи Лорис-Меликова выдвигается на пост обер-прокурора Святейшего синода и члена Комитета министров.

Несомненно, многое дали будущему народоправителю могущественнейшей империи лекции об истории русской словесности достославного Федора Ивановича Буслаева, профессора Московского университета, академика, талантливого исследователя русского языка, древнерусской литературы, искусства и фольклора.

Ранее, в 1860 г., курс русской словесности Буслаев читал первому сыну Александра II. В период с 1861 по 1881 г. он возглавлял кафедру русской словесности. Некоторое представление о Буслаеве в середине 60-х гг. дают воспоминания о нем А. Ф. Кони. «И рядом с образом Соловьева, — пишет он, — вижу я угрюмое лицо профессора истории русской литературы, входящего на кафедру и после некоторого молчания начинающего свою лекцию словами: «В-третьих!» Это знаменитый Федор Иванович Буслаев, читавший необязательный курс для студентов-юристов, посвященный памятникам древней русской письменности. По богатству материала, раскрываемого перед слушателями в ярком научном освещении, со звучавшей иногда в голосе тонкой насмешливостью над наивными верованиями отдаленного прошлого, лекции эти представляли даже и для юристов большой интерес, тем более что иногда Буслаев делал экскурсии в сторону и подвергал беспощадной критике того или другого из ученых, считавшихся авторитетами» (161, т. 7, с. 102).

В своих исследованиях Буслаев серьезное внимание уделял изучению и изданию письменных источников XI—XVII вв. Видел в языке отражение всей духовной жизни человека. Показал связь истории языка с бытием народа, с его нравами, обычаями, преданиями и верованием. Выступал последовательным представителем мифологической школы в русской науке. В языке и мифологии Буслаев стремился найти зарождение и развитие тех начал, которые определяют народное мировоззрение и «нравственное бытие народа». Главное место отводил в курсе русского языка лингвистическому методу, предполагавшему изучение его языка на основе литературы. Ученый опубликовал большое число исследований и заметок по истории языка, литературы, русской и западно-европейской живописи, иконографии, миниатюры и орнамента. На исходе жизни, потеряв зрение, Буслаев продиктовал свои мемуары. Скончался Федор Иванович на 80-м году жизни.

Экономику и статистику великому князю Александру Александровичу преподавал профессор политической экономии Московского университета Иван Кондратьевич Бабст, который, как мы уже отмечали, в 1862—1863 гг. читал этот же курс старшему сыну Александра II Николаю. В 1864—1868 гг. Бабст был директором Лазаревского института восточных языков в Москве, с 1867 г. управлял Московским купеческим банком. Кони лаконично говорит о нем: «Иван Кондратьевич Бабст читал нам политическую экономию по Рошеру, прибавляя от себя лишь краткое исследование об организации и деятельности банков. Когда на кафедре появлялась его крупная фигура с заспанным лицом землистого цвета и он, закатывая глаза, начинал тягучим голосом свою лекцию, часто употребляя выражение «Можете себе предста-а-а-вить», слушателями овладевала невольная сонливость. Его лекции статистики состояли из голых цифр и географических терминов. Было очевидно, что практическая финансовая деятельность, которой он в начале шестидесятых годов предался, отвлекала его от ученых трудов и от кафедры» (161, т. 7, с. 100—101).

В 1866 и 1869 гг. Бабст сопровождал наследника престола в путешествиях по России. Работы Бабста по проблемам всеобщей истории, политэкономии, экономической географии и статистике печатались в различных периодических изданиях. Сотрудничал он в журнале «Вестник промышленности», в газетах «Акционер», «Москва» и «Москвич». Выступал за необходимость и благотворность реформ второй половины XIX в. Являлся сторонником конституционно-монархического государственного строя. Скончался Иван Кондратьевич в 1881 г. на 58-м году жизни.

Ряд лекций по экономике цесаревичу прочитал Федор Густавович Тернер. Это был довольно начитанный, безукоризненно

честный, но по характеристике Половцова весьма ограниченный человек. После окончания Петербургского университета в 1850 г. он в возрасте 27 лет поступил на службу в Министерство иностранных дел. Через 6 лет Тернер был назначен секретарем экспедиции церемониальных дел при Особой канцелярии Министерства императорского двора. В 1859 г. его причислили к канцелярии Кавказского и Сибирского комитетов для занятий по статистической части. В 1862 г. он переведен в Министерство финансов чиновником особых поручений, откуда был командирован в Германию для изучения работы прусских таможен. В 1864 г. Тернера определили совещательным членом статистического совета при Министерстве внутренних дел, а вскоре — вице-директором департамента внешней торговли. В течение зимы 1865—1866 гг. он давал по четыре урока статистики и экономики новому цесаревичу. В своих «Воспоминаниях жизни» Тернер писал: «Я тогда не предвидел, что много лет спустя мне самому придется в течение почти полугода докладывать ему по разным финансовым делам во время моего управления Министерством финансов за болезнью Вышнеградского. Я мог заметить во время моих занятий с Его Высочеством, что уже и в эти молодые годы в нем проявлялись те черты характера, которые впоследствии выступили у него еще с большей ясностью. Чрезвычайно скромный и даже недоверчивый к себе, государь наследник проявлял, несмотря на то, замечательную твердость в отстаивании раз сложившихся у него убеждений и мнений. Он всегда спокойно выслушивал все объяснения, не вдаваясь в подробное возражение против тех данных, с которыми он не соглашался, но под конец просто и довольно категорически высказывал свое мнение. Так, напр., по вопросу о таможенной охране, когда я объяснял ему вредные последствия чрезмерного таможенного покровительства, Его Высочество, внимательно выслушав все мои объяснения, под конец высказал мне откровенно, что, по его мнению, русская промышленность все же нуждается в значительной охране. Это, впрочем, был единственный пункт, в котором он высказал мне свое определенное мнение, не вполне согласное с тем взглядом, который я развивал на данный предмет» (51а, с. 49). В 1872 г. Тернер стал членом совета при министре финансов, а в 1880 г. — директором Департамента государственного казначейства. В 1892 г. при И. А. Вышнеградском Тернера назначили на должность товарища министра финансов и сенатором. Подчеркивая его честность, Победоносцев остроумно заметил, что «...это та лампада, которая горела перед образом у нигилиста Желябова, когда его пришли арестовать». С 1896 г. Тернер — член Государственного совета. Был известен своими

работами по земельным вопросам. Скончался Федор Густавович в 1906 г. Похоронен на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге.

Основы государственного устройства русской империи наследнику престола читал Модест Андреевич Корф. 1 июня 1865 г. Александр Александрович отметил в своем дневнике: «В $^1/_2$ 1 был у меня в первый раз М. А. Корф. Начал он очень хорошо и умно, надеюсь, что будет так продолжаться». Действительно и все последующие лекции его были прослушаны великим князем с большим интересом. За плечами Корфа была довольно насыщенная кабинетная жизнь. Родился он в Петербурге в 1800 г. Происходил из старинного дворянского рода Вестфалии. Был лицеистом первого выпуска. С 1826 г. работал у знаменитого М. М. Сперанского во втором отделении императорской канцелярии, участвовал в подготовке «Полного собрания законов» и «Свода законов». Корф выделялся высокой культурой и государственным умом. Он олицетворял собой деликатность и вежливость, приличие в поведении и речах. Немало значимых, общедержавных документов прошло через его руки на посту управляющего делами Комитета министров, Государственного секретаря, начальника Второго отделения императорской канцелярии, председателя Департамента законов Государственного совета. «В эпоху Николая I барон Корф, — заметил Д. А. Милютин, — как и все современные государственные люди, отличался изворотливостью в ведении дела, прилаживанием к чужим взглядам и неустойчивостью собственных убеждений». Николай I выказал Корфу особое доверие: в 1847 г. ему было поручено читать курс правоведения великому князю Константину Николаевичу. Впоследствии он читал основы государственного устройства русской империи младшим сыновьям императора Николаю и Михаилу Николаевичам, а в царствование Александра II великим князьям Николаю, Александру, Владимиру и Алексею Александровичам. Корф умер тихо в 1876 г., как будто заснул, от старческой слабости. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

Помимо вышеназванных педагогов занятия с цесаревичем проводили и другие преподаватели. Французскому языку продолжал обучать его М. Реми, который находился рядом с великим князем с его ранних лет. Государственное право изучал с наследником Г. Пискарев, английскую литературу преподавал М. Мечин. Когда 31 мая 1865 года он провел последнее занятие, великий князь отметил в своем дневнике: «Мне всякий раз жаль кончать с каждым учителем занятия, потому что разом прерываются все близкие отношения между учителем и учеником, а иногда эти отношения бы-

вают очень хорошие. М. Мечин — человек солидный и отличный англичанин, которого мы все любили и любим, но с ним по крайней мере я буду еще видеться, потому что он будет продолжать с моим братом Владимиром». Бесспорно, чтение курсов различных наук расширяло кругозор нового наследника, но, по всей видимости, не могло изменить основные черты его сложившегося характера. Кроме того, новое положение великого князя возлагало на него, так сказать, представительские функции, что ограничивало время для учебы. Цесаревич вынужден был вместе с государем соблюдать церковный и светский этикет, бывать на различных официальных заседаниях, приемах, визитах и встречах, смотрах, парадах и балах, тем более что Александр II «дорожил тем, чтобы новый наследник везде являлся и везде его сопровождал».

3. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Величайшая радость в жизни человека — быть любимым, но не меньшая — самому любить.

Плиний Младший

Издавна известно, что ничто не усиливает любви так, как неодолимые препятствия. В полной мере эта истина соответствует той любви, которая возникла между двумя сердцами — великого князя Александра Александровича и фрейлины его матери, княжны Марии Элимовны Мещерской.

Впервые он увидел ее весной 1864 г. в свите императрицы. Молодая фрейлина была довольно мила: стройная брюнетка, приветливая и общительная. Великого князя она пленила своей элегантностью и живостью ума. От самого рождения судьба ее несла некоторый отпечаток трагизма. Мария была дочерью князя Элима Петровича Мещерского и его жены Варвары Степановны (в девичестве Жихаревой). Родилась она 12 февраля 1844 г. Отец ее известен как сотрудник русских альманахов и журналов, поэт, писавший преимущественно на французском языке. Служил он в качестве атташе русского посольства в Дрездене, Турине и Париже, был корреспондентом Министерства народного просвещения, имел придворное звание камер-юнкера, а также чин титулярного советника.

Элим Петрович многое сделал для укрепления культурных связей между Россией и Францией, ознакомления французского читателя с современными ему русскими поэтами: А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, Е. А. Баратынским, В. Г. Бенедиктовым,

И. И. Козловым, Н. М. Языковым и другими. Современники отмечали европейскую образованность, благородство натуры и «русский дух» Мещерского. Вел он богатую, беспечную светскую жизнь, имел красивую внешность и экзальтированность человека, исполненного романтических причуд, был краснобаем и задиристым дуэлянтом. Умер 7 ноября 1844 г. от водянки, сопровождающейся истощением, на 47-м году жизни, когда Марии не исполнилось и года. Мать, красивая молодая женщина, оказалось в сложном положении, средств для существования осталось немного. В то же время взаимоотношения со свекровью — безбедной, но своенравной Екатериной Ивановной (урожденной Чернышевой), разведенной с мужем, обер-прокурором Священного синода, сенатором, князем Петром Сергеевичем Мещерским, — не сложились.

Детские годы Марии прошли в одном из красивейших городов мира — Париже и на Лазурном берегу Средиземного моря, во Французской Ривьере, под контролем то матери, то бабушки. В пятнадцать лет она потеряла мать, бабушка Катя перевела ее в Ниццу, где она была взята под покровительство императрицы Александры Федоровны, жены Николая I. Мария за границей почти все время болела. Когда ей исполнилось 18 лет, состоялся переезд «парижской сиротки» в Петербург, в дом на Сергиевскую к тетке — княгине Елизавете Александровне Барятинской (до замужества кн. Чернышевой). Граф С. Д. Шереметев в своих мемуарах пишет: «...я был в полку, когда прибыла в дом Барятинских девушка очень молодая, с красивыми грустными глазами и необыкновенно правильным профилем. У ней был один недостаток: она была несколько мала ростом для такого правильного лица... Красивое, словно выточенное лицо с глубоким выражением глаз, в ней было что-то загадочное, она была молчалива и на меня смотрела несколько свысока» (354, с. 71).

«Нельзя сказать, — продолжает Шереметев, — чтобы княгиня Барятинская ее баловала. Напротив того, она скорее держала ее в черном теле. Она занимала в доме последнее место, и мне как дежурному и младшему из гостей, когда приходилось обедать у полкового командира, не раз доставалось идти к столу в паре с княжной Мещерской и сидеть около нее... Присутствие такой скромной и красивой девушки не могло остаться не замеченным. Хотя она говорила не совсем правильно по-русски, но старательно, пребывание за границей, конечно, давало себя чувствовать, хотя она и старалась втянуться в новую обстановку. Впрочем, дом княгини Барятинской всего менее был русским домом, несмотря на присутствие хозяина, князя Владимира Ивановича» (354, с. 415).

По протекции родственников Мария была представлена императрице Марии Александровне, супруге Александра II и получила фрейлинский шифр. С первых дней пребывания в России, по ее признанию, она почувствовала себя хорошо как никогда.

И вот встреча с наследником престола... Ей 20, ему 19 лет. Имело ли это значение тогда? Возможно. Ведь девушка, как правило, в эти годы опережает юношу в своем развитии. Не будучи красавицей, в строгом смысле, она была довольно симпатична, приветлива и добра, отличалась откровенностью, насмешливостью и остроумием. Кроме того, она была хорошо воспитана, изящна и грациозна, неплохо разбиралась в литературе, искусстве и музыке, прекрасно владела французским и английским, играла и рисовала, писала стихи, ездила верхом на лошади.

Уже после первых встреч открытый и честный Александр почувствовал глубокую симпатию к Марии и естественную потребность видеться с ней. Находясь в Царском Селе в мае и июне 1865 г., почти ежедневно он бывает на вечерних собраниях у императрицы в Китайской комнате Большого дворца, где видится с молодой фрейлиной. После 12 апреля 1865 г. императрица, всегда от природы сдержанная, еще более ушла в себя и ограничивалась узким кругом избранниц. Помимо государя и отдельных высокопоставленных лиц, приглашаемых на эти вечерние собрания, здесь собиралась блестящая компания молодежи, группировавшаяся вокруг нового цесаревича. Сюда входили оба его адъютанта П. А. Козлов и князь В. А. Барятинский (Бака), брат Владимир, граф И. И. Воронцов-Дашков, Мария Мещерская и ее подруга фрейлина Александра Васильевна Жуковская, которая всего на два года была старше ее. Общего разговора на этих вечерах, как правило, не было, играли в карты, в лото, рассматривали картины, рисовали и т. д. Александр Александрович скрупулезно фиксирует в своем дневнике встречи с Марией Элимовной Мещерской. «...В собрании (3 июня) играли все в лото, очень было приятно, потому что я сидел около М. Э.», через день «сидел как обыкновенно возле моего милого друга, потому что большего я и не желаю, как быть ее другом», «...играли (7 июня) в мистигри, сидел как обыкновенно. Каждый день тоже самое было бы невыносимо, если бы не М». «Покатавшись в Павловском (8 июня), на возвратном пути нашел М. Э. и А. В. (Жуковскую) на Луговой дорожке под деревом, сошел с лошади и присел к ним; разговаривали около 20 минут, потом отправился домой», «...я поехал по Английской дороге (10 июня), нашел там М. Э. и А. В. и гулял с ними по лесу». Александр испытывает потребность видеться с Марией. «...Отправился с А. Б. в Павловск (11 июня)

и гуляли в парке в надежде встретить М. Э.». Вечером в собрании «веселились немало, я почти всегда бываю в духе по милости моей соседки». В дневнике Александра покоится высохший цветок от М. Э., преподнесенный ею в Царском Селе 11 июня 1865 г. «17 июня катался под парусами с М. Э. и А. В.», «проводили М. Э., А. В. до церкви». 18 июня катались в лодке, в которой «сидели папа, М. Э., А. В., а Алексей и я гребли».

Теплые отношения цесаревича с Марией Мещерской становятся заметными для окружающих. Поздно вечером, почти до часа ночи у Александра задержался В. П. Мещерский, которому он откровенно читал свой дневник. «Было много интересного, — отмечает наследник, — в особенности разговора В. П. с кн. Вяземским, который касался лично до меня и моих отношений к М. Э.».

На следующий день Александр, встретив Марию с ее неизменной подругой Жуковской на Английской дороге от Царского Села к Павловску, решается предупредить ее о возникших сплетнях в свете. «Я давно искал случая ей сказать, — помечает он в дневнике, — что мы не можем быть в тех отношениях, в каких мы были до сих пор. Что во время вечерних собраний мы больше не будем сидеть вместе, потому что это дает повод к различным нелепым толкам и что мне говорят уже об этом многие. Она совершенно поняла, и сама хотела мне сказать это. Как мне ни грустно было решиться на это, но я решился... Но наши дружеские отношения не прервутся, и если мы увидимся просто без свидетелей, то будем всегда откровенны. М. Э. мне сказала между прочим: «Ma seule priere pour vous sera toujours, que les hommes, ce que vous etes a prisent» («Я умоляю вас: оставайтесь всегда таким, каким вы есть сейчас»). Я ее очень благодарил за это чувство ко мне и сказал, что теперь трудно меня испортить, потому что мой характер уже немного сложился, и что я тверд в своих убеждениях, но все-таки я буду только тогда покоен, когда женюсь. ...На прощание мы обругали порядком le beau monde (бомонд) за его интриги, я сел верхом и, простившись с милыми собеседницами, отправился на рысях домой».

Однако не так просто было ему расстаться со своей симпатией. Ведь добрые чувства — соседи любви. В этот же вечер во время игры в секретер он первый раз сел на другое место, а не рядом с Марией. На следующий день 20 июня после завтрака он проводил ее до лестницы и «получил от нее карточку верхом, которая очень удалась». Вечером же он снова сидел на прежнем месте и не скучал. При любой возможности он не упускает случая хотя бы несколько минут поговорить с Марией.

23 июня на Английской дороге Александр встречает Мещерскую с Жуковской. После оживленного разговора «М. Э. сорвала какой-то белый цветок и поднесла мне, уверяя, что это символ невинности и чистоты душевной, — записал он в дневнике, — я его разорвал, она непременно хотела отыскать другой, но нигде не могла найти. Я заметил ей на это, что как трудно отыскать между людьми символ этого цветка. Она поднесла мне другие, объясняя прелесть их. Не знаю, что с ней было, но она была в таком странном настроении духа и так настойчиво объясняла каждый цветок, облокотясь на мой экипаж, что я бы принял ее за сумасшедшую, если бы не знал ее ближе. Она сказала мне шутя: «Возьмите меня с собою» — я подумал про себя, хорошо было бы, если это было возможно».

В дневнике цесаревича до наших дней также сохранился и второй засушенный цветок от М. Э., подаренный ему уже в среду 23 июня 1865 г. в Павловске на Английской дороге.

В этот же день Александр с родителями переехал в Петергоф. Как бы подводя итог проведенным дням в Царском Селе, он записал: «Никогда не забуду я этой весны, всегда останется она у меня в памяти, потому что это может быть последняя весна, которую я провожу так приятно после всех тяжелых дней в Ницце и в Петербурге».

Однако Мещерская не выходит из головы. Через два дня в пятницу Александр записывает: «...М. Э. я до сих пор не видел, что мне весьма досадно, не знаю даже, где она ездит гулять и что она делает в Петергофе; это далеко не Царское, но что делать, не вечно же веселиться, надо и поскучать. Впрочем, разве до веселья ли мне теперь перед присягою. А все-таки М. Э. не достает, так привык видеться с нею каждый вечер, а иногда еще и утром. Разговаривать с нею хочется и всегда находить разговор, иногда не интересный, но все-таки приятный, потому что это она с вами говорит. С тех пор что я в Петергофе я больше думаю о Dagmar и молю Бога каждый день, чтобы он устроил это дело, которое будет счастьем на всю мою жизнь. Я чувствую потребность все больше и больше иметь жену, любить ее и быть ею любимым... До сих пор нет никаких известий из Дании после возвращения Fredy. Мама писала королеве об ее желании, если можно, то приехать сюда с Dagmar, но я боюсь, что королева не согласится...»

В последующие дни, каждый из которых, как и предыдущие, довольно насыщен для цесаревича различными мероприятиями: встречами, приемами, поездками, занятиями, военными учениями, посещениями, он тем не менее как правило, находит время видеться и разговаривать с Мещерской. Когда же это не удается,

Александр по-своему испытывает тревогу, волнения и переживания. 28 июня он был в собрании у императрицы, «все почти играли в карты, я сочинял стихи с Д. С. Арсеньевым и страшно скучал и грустил по М. Э., которая не была приглашена на вечер».

Вместе с близкими друзьями наследник в Петергофе совершает ряд морских прогулок, в большинстве которых принимает участие и Мария. При этом всякий раз ей отводится главное внимание.

7 июля в дневнике Александр помечает о письме от королевы Дании, которая сообщает, что не хотела бы теперь прислать Дагмару, поскольку ей нужны сейчас покой и купания в море. Зимой же она будет продолжать заниматься русским языком и, может быть, Законом Божьим... «Кажется, — резюмирует цесаревич, — сама Дагмара желает выйти замуж за меня. Что же касается меня, то я только об этом и думаю и молю Бога, чтобы он устроил это дело и благословил его».

Однако Дагмара далеко, где-то в призрачном тумане, а реальная жизнь проходит здесь. Ежедневно он помечает в своем дневнике о присутствии Марии Мещерской, где ее видел, периодически приводит разговор с ней. 10 июля за чаем она спросила: «...Люблю ли я, когда поют за обедней «Отче наш»?» Я отвечал, что очень и в особенности слова «Да будет воля твоя». Она мне сказала, что именно это она всего больше любит в этой молитве. Потом она просила меня вспоминать о ней, когда будут петь эту молитву, и прибавила что-то еще, но я не расслышал, а она ни за что не хотела мне повторить слова».

Через день вечером поехал верхом по берегу моря и потом в Английский парк: «Проезжая мимо новых фрейлинских домов, я в первый раз увидел М. Э. на балконе, раскланялись».

С 22 июля по 8 августа цесаревич в основном находился в военном лагере под Красным Селом и на маневрах, командуя 1-м батальоном л.-гв. Преображенского полка. Ныне Красное Село входит в состав С.-Петербурга. В те времена это было одно из живописных мест, расположенное в 25 верстах юго-западнее столицы на речке Дудергофка и озерах Дудергофское, Долгое и Безымянное. Все правители России, начиная с Петра I, любили бывать в этой местности. С 1823 г. в районе Красного Села регулярно располагались лагеря войск гвардейского корпуса.

В лагере Александр Александрович принимал участие в маневрах кавалерии и конной артиллерии, в полковых учениях, испытал на себе тяготы походов и переходов, стрелял в тире, наблюдал скачки, общался с офицерами и солдатами в непринужденной обстановке у костра, пел с ними песни, спал в стоге сена, питался, фотографировался. В то же время при любом удобном случае

он бывал в Петергофе, виделся и обменивался впечатлениями с Марией Мещерской.

Дни с 10 по 13 августа наследник престола считал лучшими из всего петергофского пребывания, поскольку мог общаться с М. Э.

По установленной ранее традиции Александр II пожелал сам представить своего наследника Первопрестольной. С 14 по 20 августа в этой поездке приняли участие также брат цесаревича Владимир и дядя — великий князь Михаил Николаевич. После возвращения из Москвы вновь продолжаются приятные невинные встречи с Мещерской. В собрании у императрицы играли в разные игры, Александр был очень доволен, когда сидел рядом с Марией. Она писала здесь же и дарила ему стихи на русском и английском языках, они много и непринужденно говорили между собой. В один из вечеров Мария заметила, что не может говорить с ним серьезно, поскольку со всех сторон их слушают. «Это, к несчастью, правда!» — признался Александр.

Как-то в одном из разговоров о высшем свете Мещерская сделала заключение, что именно ему она «обязана всеми своими несчастьями и неприятностями с самого ее детства». В последний день лета после завтрака Мария объявила Александру, что «вчера был счастливый день, потому что мы виделись восемь раз». В тот же день вечером он сказал ей: «Сегодня несчастный день, потому что виделись только два раза». 4 сентября во время прогулки верхом на Английской дороге из Царского Села в Павловск Александр встретил Марию, которая ехала в коляске с берейтором. Между ними состоялся серьезный и даже несколько грустный разговор. Их никто не мог слышать, кроме берейтора, который не понимал по-французски. Говорили о будущем, о том, какие глупости сочиняют на них обоих. Мария, между прочим, сказала Александру, что она очень бы хотела, чтобы люди знали его больше, и уверяла, что его никто не знает и поэтому сочиняют бог знает что.

— Молитесь ли вы когда-нибудь за меня? — спросила она.

— Я молюсь за всех меня любящих и за всех моих друзей, — ответил он.

Потом говорили о разных других вещах, о том, как тяжело жить на свете. Александр сказал ей, что он очень завидует своему милому брату, который больше не на этой неблагодарной земле. Мария ответила, что, конечно, он очень счастлив теперь там и что ему можно завидовать (как будто предчувствовала свой скорый конец).

После поездки с 6 по 10 сентября в подмосковное село Ильинское, где отдыхала императорская чета, цесаревич продолжил

регулярные встречи с Мещерской. 17 сентября Александр получил от нее альбом со стихами, в котором она просила написать ей что-нибудь. На следующий день наследник помечает в дневнике: «Сегодня опять несчастный день, не виделся совсем с М. Э.».

Что бы ни описывал в своем дневнике Александр, везде ежедневно и непременно присутствует Мария. Во второй половине сентября царевич тренируется в Царском Селе в гребле на озере, а затем участвует в гонке и выигрывает призы на двойке «Славянка» и одиночке «Дротик». Для него важно, что среди присутствующих зрителей была и М. Э.

Время от времени в обычную жизнь императорского двора некоторое оживление вносили выступления мастеров искусства: артистов, музыкантов, композиторов, писателей и поэтов.

В начале октября появился совершенно новый, необычный жанр выступлений. Состоялись два спиритических сеанса известного тогда в Западной Европе мага Юма, «посвященного» в секреты общения с душами умерших людей. Ради любопытства на этих сеансах присутствовал и великий князь Александр. Из его записей 10 октября мы узнаем: «Были Юм, Папа, дядя Костя, князь Гагарин с женою, графиня Тизенгаузен, А. В. и я. Сначала долго ничего не было, но потом пошло отлично. Аккордеон играл великолепно, стол подымался, крутился и отвечал на вопросы. Потом начал писать княгине Гагариной, как будто бы от имени ее отца, который недавно умер. Потом еще что-то писал и кончил тем, что написал Rmim mnjiv Rherft («абракадабра»), и тем кончились все манифестации духов. Во время сеанса многие чувствовали, что их трогали. Я чувствовал несколько раз в колено и даже раз в нос, а А. В. (Жуковскую) в плечо. Вернулись домой только в половине второго». На следующий вечер на сеанс была приглашена и М. Э.

Мещерская, милая, умная, общительная девушка с образованием, которое далеко превышало обычный уровень женского образования того времени, очень тонко пользовалась своими преимуществами и влиянием на князя. Она продолжала дарить ему книжки, стихи, рисунки, фотографии. Александр чувствовал себя наверху блаженства, когда на вечерних собраниях у императрицы разговаривал, рисовал, рассматривал иллюстрации, играл в карты или слушал кого-либо, находясь рядом с Марией. Нередко по пустякам они обижались друг на друга и также легко мирились.

Находясь под ее обаянием, он каждый день искал встреч с ней, хотя бы на несколько минут. 30 октября выпало много снега, начался санный путь. Вскоре наследник стал часто кататься на коньках и получал истинное удовольствие, когда имел возможность на льду катать Марию в кресле.

Понимая всю бесперспективность своих отношений с Мещерской, Александр 7 ноября завел с ней разговор о своем друге, адъютанте Илларионе Ивановиче Воронцове-Дашкове. «Я ей сказал, — пишет цесаревич, — жалко, что она так мало знает И. И. Она мне отвечала, что она очень хотела бы с ним познакомиться поближе, но остерегается слишком много и часто разговаривать с ним, чтобы не говорили про нее, что она ухаживает за ним, потому что он очень богат, и надеется выйти за него замуж... Я подумал, как было бы хорошо, если бы она могла выйти за него. Это был бы великолепный муж, честный, благородный и умный малый. Я был бы совершенно счастлив и спокоен, если бы этим кончилось».

К сожалению, как мы знаем, эти пожелания повисли в воздухе. Воронцов-Дашков в 1867 г. счастливо обвенчался с Елизаветой Андреевной (Лили) Шуваловой, внучкой первого кавказского наместника князя Михаила Семеновича Воронцова, приходившегося Илларион Ивановичу троюродным дядей.

Как это не удивительно, через много лет единственный сын Марии Мещерской Елим заключил брачный союз с дочерью Иллариона Ивановича Софьей...

Пока же все шло своим чередом. Александр и Мария стремятся видеть друг друга везде, где это возможно. На одном из вечеров Мещерская сказала ему, что к ней пристают, зачем она садится возле него. Но Александр признается, что не она, а он садится возле нее. С досадой он пишет в дневнике: «Снова придется сидеть бог знает где и премило скучать на собраниях. О глупый, глупый свет со своими причудами». 17 ноября стояла прекрасная погода. Было тепло. Во второй половине дня взошла луна и освещала лед. Каток был просто волшебным. Александр много катал Марию в кресле, а она рассказывала ему о своей сложной жизни за рубежом.

«Это катанье, — отметил цесаревич, — я никогда не забуду, так было чудно хорошо при этой луне». В последующие дни подобные катания повторялись.

Однако 23 ноября Мария не появилась на катке. Преданная ей подруга Александра Жуковская поведала, что Мещерская больше не будет ходить на каток. Оказывается, камер-фрейлина Тизенгаузен сделала ей замечание за то, что она слишком часто приходит на каток. Кроме того, много слухов, что Мария бегает за наследником. Жуковская передала также просьбу княжны, чтобы Александр Александрович не сердился на нее и не садился вечером рядом.

Возмущению цесаревича не было предела: «Опять снова начались сплетни, толки. Проклятый свет не может никого оставить в

покое. Даже из таких пустяков подымают истории. Черт бы всех этих дураков побрал!!! Даже самые невинные удовольствия непозволительны, где же после этого жизнь, когда даже повеселиться нельзя. Сами делают черт знает что, а другим не позволяют даже видеться, двух слов сказать, сидеть рядом. Где же после этого справедливость?»

К удовольствию цесаревича, совместное катание на льду продолжилось уже через день. Вскоре он вновь сидел в собрании рядом с Марией.

28 ноября Александра пригласил к себе отец, передал ему фотографию Дагмары, зачитал ее письмо и просил на него ответить в ближайшие дни. Однако эту просьбу сын исполнил только 15 декабря. Все эти дни он находился под очарованием Марии Мещерской, с которой встречался по несколько раз в день.

1 декабря неизменная подруга Марии Саша Жуковская передала Александру ее записку, в которой та пыталась описать его портрет и его характер. Со многим он согласился, но просил Марию добавить и отрицательные черты.

7 декабря 1865 г. весь императорский дом переехал на зимние квартиры в Петербург. «Жалко было покидать Царское, — отметил цесаревич, — где, может быть, в последний раз провел такую весну и осень. Столько милых воспоминаний. В час приехали в С.-Петербург и отправились с Владимиром в санях в Зимний дворец... Я поселился в милых комнатах покойного брата».

Для Александра началась обычная размеренная жизнь. Она была заполнена учебой, приемами, визитами, встречами, охотой, регулярными посещениями манежа, катка в Тавриде, театров, цирка. Немало времени отводилось занятиям музыкой, чтению, вечерним собраниям у императрицы. Все активнее подключается он и к решению государственных вопросов, присутствуя на докладах у императора, шефствует над многими учреждениями и воинскими частями, возглавляет Комитет по предотвращению холеры. Напомню, что поздней осенью 1865 г. над Россией разразилось одно из тех бедствий, которых невозможно было избежать. Явилась острая инфекционная болезнь холера. В С.-Петербурге первая жертва холеры скончалась 17 ноября и вскоре 21 ноября последовало высочайшее повеление об учреждении в столице временного комитета для принятия необходимых мер против этого опасного заболевания. Во главе комитета был поставлен наследник престола.

Однако, его душа по-прежнему была наполнена нежными чувствами к Марии Мещерской. 10 декабря Александр встречается с княжной на катке в Тавриде: «Много говорил с М. Э., которую

не видел уже три дня. Сожалели очень, что больше не в Царском и ругали город с его обществом. Потом катались с горы с М. Э. и кончили прогулку кругосветным путешествием с Бакою, М. Э. и А. В.». В этот же день вечером он был впервые в Мариинском театре на опере А. Н. Серова «Рогнеда» (на сюжет из русской истории). Опера очень понравилась, в особенности хоры странников, «хороши и печальны». Александр не забыл отметить, что оперой была довольна и Мария, которая находилась недалеко, в средней ложе. Следует отметить, что будущий император любил театр и еженедельно бывал на различных спектаклях, поддерживал контакты со многими артистами Мариинского, Михайловского, Александринского и Большого (Каменного) театров, был знаком с некоторыми композиторами.

15 декабря у царевича состоялся разговор с императрицей о Дагмаре, которой он написал письмо и благодарил за фотокарточку. Говорили о Никсе, о Ницце, о Строганове, который теперь вызывает гораздо больше скорби, чем в те времена, и в особенности, чем в Ницце.

О Дагмаре, судя по его дневнику, он почти не вспоминает, зато нет дня, где бы несколько раз не отметил о Марии Мещерской. В последний день года он как бы подводит короткий итог: «Этот год будет всегда памятен мне во всю мою жизнь. Много горя принес он мне, и с ним началась для меня совсем новая жизнь... Лишился я лучшего своего брата и друга, которого я всего более любил на этой неблагодарной земле... И как бы утешением мне за все мои огорчения были для меня нынешняя весна и осень в Царском... без этого бы я совсем упал бы духом и все казалось бы мне конченным для меня в этой жизни... Прощай, ужасный и милый 1865 год».

В первые месяцы 1866 г. он по-прежнему с первым юношеским увлечением, с большим вниманием и нежностью относится к Марии. С ней ему легко, весело и хорошо. 3 января он помечает, что на обеде для испанского посла Оссуны и бельгийской делегации было много гостей, стариков и старух, «М. Э. и А. В. были тоже. М. Э. удивительно хороша и в духе».

10 января вечером вновь у императрицы долго говорили о Дагмаре, о предстоящей поездке в Данию «и о свадьбе, если Бог даст все, как желал». Вновь говорили о Ницце, о старшем брате и его письмах. «Вообще разговор был интересный и приятный». В конце января и особенно в феврале Александр часто бывает на разных спектаклях в театрах. Некоторые из них смотрит по несколько раз («Африканку», «Теолинду», «Конек-Горбунок»). Помимо вышеназванных театров, бывает и в Морском театре (опера-фарс «Орфей в аду»).

16 февраля он послал Марии Элимовне свою новую карточку и велел поздравить с днем рождения. Ей исполнилось 22 года. Почти весь этот день Александр провел на охоте с отцом в районе Колтулина, где было убито семь лосей. В последующие дни февраля цесаревич почти ежедневно встречается с Мещерской в Тавриде на катке и получает душевное удовлетворение от общения с ней. 26 февраля ему исполнился 21 год. Получил много поздравлений. Особо ценны для него были знаки внимания от М. Э., которую встретил в коридоре со своей преданной подругой. Обе поздравили его и объявили, что будут молиться за него. Поздно вечером на ужине «сидел возле М. Э., которая была непозволительно хороша» и произвела на него «большой эффект».

В этот же день он записал в дневнике: «Вот минуло мне 21, что-то будет в этом году? Вспомнил я письмо милого брата, которое он написал мне ровно год тому назад, где он поздравляет меня с 20-ю годами. Все, что он мне желал, может желать только такой брат и друг, которому я был бы верен всю свою жизнь и готов был сделать для него все, что он желал. Но вот его не стало, и он оставил мне свое место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного и желал, чтобы брат мой был женат скорей и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться».

15 марта Александр особенно остро переживает свою первую любовную идиллию. После обеда с Марией и своим братом Владимиром он прошел по верхнему коридору Зимнего дворца и зашел посмотреть ее комнаты. Был в спальне и видел подаренные им фотографии в рамках на стене, «потом, поцеловав у нее руку, пошли домой». Вечером у цесаревича состоялся очень важный для него разговор с Вово Мещерским, с которым он регулярно встречался и обменивался впечатлениями о своих дневниковых записях.

«Между прочим, — пишет Александр Александрович, — говорили о М. Э.; он уверял меня, что она сама ему говорила, что совсем меня не любит. Но я, конечно, ему не верю, потому что этого не может быть после всего, что она сама мне говорила и писала. Я ее люблю не на шутку, и если бы был свободным человеком, то непременно бы женился и уверен, что она была бы совершенно согласна».

Через день вечером его охватывает страстная тоска по своей очаровательнице. Находясь вечером в золотой гостиной, слушая французскую пьесу и музыку «я страшно скучал, и было несносно, потому что видел все время душку М. Э., а разговаривать с ней не мог и не хотел. Даже ужинать не удалось с ней». Лег спать около

двух часов ночи. «Плакал, как ребенок, — признается он, — так меня этот вечер перевернул и измучил».

23—24 марта 1866 г. у Александра заканчивается очередной журнал его дневниковых записей с 30 мая 1865 г. Он использует последние страницы для подведения некоторых итогов прожитого времени. «Это было прощание с моей молодостью и с моей отчасти беспечной жизнью. Теперь настает совсем другое время, серьезное, я должен думать о женитьбе, и дай бог найти мне в моей жизни друга и помощника в моей незавидной доле. Прощаюсь я с М. Э., которую любил как никого еще не любил и благодарен ей за все, что она мне сделала хорошего и дурного. Не знаю наверное, любила ли она меня, или нет, но все-таки она со мною была милее, чем с кем-либо. Сколько разговоров было между нами, которые так и останутся между нами».

Чувства переполняют его душу, и он помещает в дневник стихи известных ему авторов, слова, которые соответствуют его переживаниям.

Безумно жаждать твоей встречи,
Со страхом встречи ожидать,
С восторгом слушать твои речи,
Дыханье томное впивать.

Тебя одну повсюду видеть
Тебе всю душу перелить
Весь этот мир возненавидеть,
Чтобы тебя одну любить.

Слезами неги упиваться,
Тебя терзать, тебя томить,
Твоим томленьем наслаждаться —
Вот как желал бы я любить.

Александр признается: «Были неприятности и ей и мне за нашу любовь, сколько раз я хотел отстать от этой любви и иногда удавалось на несколько времени, но потом опять сойдемся и снова мы в тех же отношениях.

Весна и осень в 1865 г. в Царском Селе останутся всегда в моей памяти, я жил моей милой М. Э.

Пред строгим светом, пред мольбою,
Быть может, и виновен я,
Но перед Богом и тобою
Была чиста любовь моя.

Не скажу никому,
Где я был вчера.
Кого я видел там,
С кем время я провел.

Любить, но кого же?
На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно!
.....
А жизнь, как посмотришь
С холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка!!!

В воспоминаниях есть прелесть,
Они на то судьбой даны,
Чтоб в мыслях летом жил зимою,
А в осень памятью весны!

Из стихотворения Лермонтова «Договор»:

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз.
.....
В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

Шекспир в свое время писал: «Сын имеет, конечно, право выбирать себе жену, но ведь и отец, оставляющий все свое счастье в достойном потомстве, вправе участвовать хоть советом в таком деле». Александр II, заботясь о судьбе своего наследника, на семейном совете в конце марта 1866 г. принял решение о том, что цесаревич поедет на исходе мая в Данию, проведет там недели три, а по возвращении совершит образовательное путешествие по России. О предстоящем визите наследника в Копенгаген доверительно было сообщено датскому королю Христиану IX. Цель этой поездки была довольно прозрачна: Александр Александрович должен был предложить руку и сердце датской принцессе. Казалось все точки над «i» были проставлены. Однако вскоре вся империя содрогнулась от страшного драматического события. «4 апреля точно обухом треснуло всех по голове», было совершено ужасное, небывалое на Руси преступление — покушение на жизнь государя. Наследник престола узнал об этом где-то около пяти

часов вечера в Зимнем дворце. Он быстро выбежал из комнаты, сообщил страшную весть брату, и оба помчались к кабинету отца. Александр II только что возвратился с Казанского собора, где отслужил молебен после своей полуденной прогулки, которая могла стать для него последней. В момент, когда император благодарил членов Государственного совета возле своего кабинета за первые поздравления о его спасении и бодро говорил: «Верно, я еще нужен России», вбежали цесаревич с великим князем Владимиром и кинулись с рыданием в объятия отца». «Меня Бог спас, — промолвил растроганный отец и твердо сказал наследнику: — Ну, брат, твоя очередь еще не пришла».

Выяснились подробности покушения. Глава империи в четвертом часу дня садился в коляску у северных ворот Летнего сада после прогулки в нем с племянницей принцессой Марией Баденской и племянником герцогом Николаем Лейхтенбергским и, конечно, со своим Милордом, породистым черным сеттером.

Когда Александр II стал надевать шинель, раздался выстрел из толпы, собравшейся поглазеть на монарха. Как было установлено, стрелял одетый по-крестьянски Д. В. Каракозов, 25-летний дворянин Саратовской губернии, исключенный в свое время из Казанского и Московского университетов. По уверению свидетелей, в том числе генерала Э. М. Тотлебена, оказавшийся в толпе крестьянин Костромской губернии, шапочный мастер Осип Комиссаров, подтолкнул стрелявшего в царя террориста, чем спас жизнь царя.

Цесаревич негодовал. «Боже мой, что за люди! — отметил он с возмущением в дневнике. — Стрелять в государя! Какие-то выродки! Что он им сделал, как у них могла подняться рука! Безумцы! Ведь папа так много делает для России: он отменил крепостное право, проводит многие реформы, которые должны укрепить государство и привести к миру и процветанию. Он работает целыми днями, не жалея себя, не покладая рук, но находятся выродки, не дорожащие Россией, ум которых отравлен ядом европейских учений». А если бы злодейство удалось, то ведь вместо «дорогого папа» он бы мог оказаться на троне! Уму непостижимо! Нет, нет об этом даже страшно подумать!

Между тем со всех концов России поступали письма и телеграммы, в которых сообщалось о беспредельной любви и преданности населения императору, о благодарственных молебнах Всевышнему Творцу за спасение августейшего монарха и выражениях общего негодования к злодею, посягнувшему на священную жизнь царя. В трактирах и гостиницах, в общих залах

и отдельных комнатах восторженно пили за здоровье государя. Вечером в театрах проходили торжественные спектакли, при полном праздничном освещении.

Не довольствуясь вестью, что Александр II избежал опасности, в Петербурге все желали увидеть своими глазами обожаемого монарха. Властитель России соблаговолил назначить на 6 апреля парад в своем присутствии. В назначенное время на Марсовом поле состоялся грандиозный парад под восторженные крики народа. Цесаревич Александр Александрович командовал л.-гв. Преображенским полком, а некоторые из великих князей находились в строю тех частей войск, в которых они числились. Наследник престола был хорошо информирован о принятых его отцом мерах в связи с покушением. Прежде всего император широко отблагодарил своего спасителя, громогласно заявив, что жалует крестьянина Комиссарова потомственным дворянством. Государь назначил ему единовременную субсидию в 50 тыс. рублей и 3 тыс. ежегодного содержания. С высочайшего разрешения была открыта подписка на составление капитала для приобретения Комиссарову дома в Петербурге и имения. Вскоре на Невском проспекте разносчики с криком: «Комиссаров, Комиссаров!», продавали портреты «спасителя», как его стали везде называть. Появились даже папироски «комиссаровские».

Одновременно была назначена следственная комиссия во главе с графом Н. М. Муравьевым, который поклялся «скорее лечь костьми, чем оставить неоткрытым это зло — зло не одного человека, а многих, действовавших в совокупности». В верхних эшелонах власти произошли серьезные перестановки. В целом покушение 4 апреля 1866 г. стало переломом в истории царствования Александра II и гранью, которая резко отделила его деятельность после этого события. Консервативный крен во внутренней политике России усилился.

Апрельское происшествие не изменило намеченной поездки цесаревича в Данию. Однако в середине месяца неожиданно для него всплыла малоприятная новость. Тетя Мария Николаевна (сестра царя, в замужестве герцогиня Лейхтенбергская) уведомила его, что в одной из французских газет была напечатана зазорная статья, в которой сообщалось, что наследник русского престола ведет несерьезную жизнь, отказывается от брака с датской принцессой, поскольку увлечен княжной Мещерской. Мало того, эта статья была тиражирована в газетах других стран и даже — о, ужас! — в Дании. Александр был шокирован этим сообщением. Он представил, как могли среагировать на это в королевской датской семье. Но больше всего его беспокоило другое: «За себя

мне все равно, но бедная, бедная М. Э.! Вот до чего я ее довел, что об ней печатают в газетах! Вот он, мир-то! Вот люди!»

Александр II, не на шутку встревоженный дошедшими до него толками, спросил у наследника, какие у него отношения с Мещерской? Сын ответил, что никаких и что все эти разговоры — досужие домыслы.

Молодой царевич, конечно, не был лишен впечатлительности. Он питал к Мещерской нежную привязанность, искал общения с ней. В его жаждущей любви душе происходила тяжелая борьба между чувством и долгом. Княжна обладала всеми качествами для того, чтобы вскружить голову такому восприимчивому человеку, как Александр. Ее приветливость, доброта и любезности, грациозные и непринужденные, полные достоинства движения и манера — все это действовало неотразимо.

18 апреля 1866 г. на большом императорском балу в Зимнем дворце цесаревич узнает от княжны «ужасную» новость, после которой приходит к радикальному и твердому решению — отказаться от престолонаследия! Вот, что он записывает в свой дневник: «18 апреля... выбрился, вымылся и завился и, одевшись, отправился к папа. Стояли в коридоре и смотрели, как собираются на бал. В $^1/_2$ 10 бал начался полонезом. Было великолепно. Приглашенных более 2000 человек. После польского начались танцы, я как хозяин так усердно танцевал, что от непривычки у меня закружилась голова, и я насилу стоял на месте. Маруся (сестра его. — *Е. Т.*) была очень мила, но грустна, потому что завтра уже уезжает, что ей совсем не хочется. Я с нею танцевал мазурку. После ужина решился пойти вальсировать с М. Э., и это было единственное утешение на балу. После 2-х туров она мне сказала: «Знаете, что было со мною сегодня на балу? Витгенштейн решился просить моей руки». Я чуть не упал, услыхав это. Но она просила никому не говорить об этом и сказала, что она хотела, чтобы я первый это узнал. После этого я был как сумасшедший, но к счастью бал скоро кончился, и мы, простившись с мама и папа, пошли домой. Было уже 2 часа, курили еще у меня с компанией, но мне было не до разговоров, я был так убит морально и физически после этого проклятого бала. Как будто нарочно М. Э. была так убийственно хороша сегодня вечером, так, что многие мне это говорили как будто для того, чтобы еще больше меня тревожить. Что со мною было, когда я видел милую М. Э. под руку с Витгенштейном, я не могу пересказать, я был готов на все, только чтобы помешать этому браку. Но бог с нею, пусть она будет счастлива, когда другого жениха ей отыскать трудно. Может быть, со временем свыкнусь с этой мыслью. Но все-таки

буду всегда сожалеть, что она мне не принадлежала хоть на час. Прощайте, Дусенька!» (22, оп. 1, д. 298, с. 36—37).

Однако Мария не выходила из головы. Она всецело завладела его мыслями и чувствами. Александр не мог уснуть в ту ночь, ворочался, вставал курить, наконец утром решил посоветоваться с опытным Владимиром Мещерским, который на целых шесть лет был старше его. Разговор оказался непростым. Вово знал об увлечении цесаревича своей дальней родственницей Марией Мещерской, но не предполагал, что это увлечение столь глубоко.

Александр заявил, что готов отказаться даже от престола, лишь бы соединить свою судьбу с «ненаглядной Дусенькой».

Мещерский пытался было отговаривать великого князя от опрометчивого шага, умолял подумать о России, о его высоком предназначении, но вскоре понял, что доводы рассудка мало действуют на пылкие чувства влюбленного. «Хорошо — сказал Вово, — вы откажетесь от права на престол, от титула, от престолонаследия, откажетесь от всего и женитесь на Мещерской. Но ведь она вас не любит, она неспособна любить. Это мелкая эгоистическая натура, испытывающая удовольствие от того, что кружит голову престолонаследнику!» — «Я достаточно знаю М. Э., — парировал Александр, — уже два года, чтобы не ошибаться, по крайней мере, в этом».

Великая страсть овладела душой молодого человека. «Что бы я дал за один поцелуй от нее. Были минуты, — вспоминал он, — когда было недалеко до этого, но все-таки было нельзя, потому что или А. В., или Владимир были там, хотя и не видели и не слышали, что мы делали. Когда мы христосовались, то эта минута была для меня каким-то сном, когда я прикасался к ее губам, почти к самым губам».

В третьей декаде апреля императорский двор переехал в Царское Село. Александр по-прежнему продолжал жить по предписанному ему учебному режиму, присутствовал на докладах сановников государю, встречался с высокопоставленными и близкими лицами, в том числе и с Марией Мещерской. Потребность любви и нежности переполняло его юное сердце. Ему мало было видеться и говорить с Марией. У него пробудилась чувственность, желание владеть ею. Сдерживая себя, он принимает решение не ходить на вечерние собрания к своей матери-императрице: «Во-первых, чтобы заниматься дома, а во-вторых, они мне надоели. Мне теперь мало видеться только с М. Э., что прежде уже для меня было счастьем, я чувствую, что теперь это меня не насыщает и мне надо больше, но что это больше...» Для его чистой и непорочной души было противоестественным обладать женщиной

вне брачных уз. В мае после длительной и трудной внутренней борьбы, после многих бессонных ночей Александр принимает решение отказаться от права наследования престола и жениться на Марии Мещерской.

В его дневнике появляется запись: «Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжелого положения и, если будет возможность, жениться на милой М. Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Dagmar, которую я не могу любить и не хочу. Ах, если бы все, о чем я теперь так много думаю, могло бы осуществиться! Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но, может быть, и удастся. Может быть, будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало ценю людей, мне страшно надоедает все, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены, как М. Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то все может быть, я буду счастлив с Дусенькой и буду иметь детей. Вот мысли, которые теперь меня все больше занимают, и все, что я желаю. Несносно, что поездка в Данию на носу и преследует меня, как кошмар».

Александр считал, вместо него наследником престола вполне может быть брат Владимир, который всего на два года младше его. Царский сын хотел в ближайшее время высказать свое решение отцу и надеялся, что тот все поймет.

«Я каждый вечер молю Бога, — пишет Александр 17 мая в дневнике, — чтобы Он помог мне отказаться от престола, если возможно, и устроить счастье мое с милой Дусенькой. Меня мучит одно, это то, что я боюсь очень за М. Э., что, когда наступит решительная минута, она откажется от меня, и тогда все пропало. Я непременно должен с ней переговорить об этом и как можно скорее, чтобы ее не застали врасплох. Хотя я уверен, что она готова за меня выйти замуж, но Бог один знает, что у нее на сердце, не хочу больше об этом».

18 мая вечером наследника пригласил к себе отец и сообщил, что датский король, прочитав статью о нем и Мещерской, интересуется: правда ли это? Александр ушел от прямого ответа, но сказал, что сейчас не желает ехать в Данию и совсем не хочет жениться. «Что же мешает тебе ехать в Данию? Уж не любовь ли к Мещерской?

Видя молчание сына, император порекомендовал ему хорошенько подумать и перенес разговор на завтра.

Александр после встречи с отцом пошел в собрание к своей матери и, сидя за столом отдельно от Мещерской, написал ей краткую записку, в которой сообщил, что отказывается от поездки

в Данию. Мария сразу же ответила, что он должен ехать. Царевич был уверен, что Мещерская на самом деле рада такому решению, ибо в душе готова стать его женой, но говорить об этом он не стал, потому что «она может испугаться и отказать».

На следующий день Александр написал письмо Марии, в котором объяснил, что во имя их любви решил отказаться от престола. Письмо запечатал и собрался переправить своей обожаемой возлюбленной после собрания у императрицы. Тогда же вечером 19 мая 1866 г. состоялся откровенный и тяжелый разговор с отцом, который нашел отражение в дневнике цесаревича: «...Я остался с Папа один. Он у меня спросил, подумал ли я о вчерашнем и на что я решился. Я отвечал, что решительно не могу ехать в Данию. Тогда Папа спросил у меня, что мне мешает ехать, я отвечал, что чувствую, что не могу любить ее и поэтому не хочу ехать. Папа сам сказал, что, наверное, твои чувства к М. Э. мешают ехать. Я хотел молчать, но Папа заставил меня сказать. Тогда Папа рассердился и сказал мне: «Что же ты хочешь, чтобы я так и написал в Данию, что все, что написано в газетах правда, и поэтому ты не приедешь?» Я отвечал: «Конечно, я этого не желаю». Тогда я решился высказать все, что у меня было на душе, и сказал о том, что я решил отказаться от престола, потому что чувствую себя неспособным. Папа окончательно рассердился на меня и сказал: «Что же ты думаешь, что я по своей охоте на этом месте, разве ты так должен смотреть на свое призвание? Ты, я вижу, не знаешь сам, что говоришь, ты с ума сошел». И потом прибавил: «Если это так, то знай, что я сначала говорил с тобой как с другом, а теперь приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а к(няжну) Мещерскую я отошлю...» Папа сказал мне: «Убирайся вон, я с тобой говорить не хочу». С тем я и вышел, но что происходило у меня в груди, этого описать нельзя: грусть, тоска и раскаяние » (там же, с. 43). Негодование отца положило конец всем пылким надеждам юного цесаревича, оно означало крушение всех его светлых мечтаний о милой княжне, крах его желаний, дум и чаяний. Александр не ожидал, что разговор примет такой оборот, что его родитель откажется понимать его. Особенно больно задели его слова об участи «милой Дусеньки». Тяжелые душевные страдания выпали на долю великого князя. Римский философ Сенека писал: «Ничего на свете не заслуживает такого уважения, как человек, умеющий мужественно переносить несчастья... Переноси с достоинством то, что изменить не можешь». Александр чувствовал потребность излить свою душу близкому человеку. Но кому? Получить от него моральную поддержку и совет. Вернувшись к себе, он немедленно послал за Мещерским и рассказал ему о случившемся. Вово

пытался по-своему рассеять угнетенное состояние и волнения цесаревича. Но сердце того продолжало кровоточить. Особенно его тревожило сознание вины за причиненные горести Марии. Да, ему было плохо, но это не причина, чтоб доставлять страдания и боль другим. «О Боже, что за жизнь, — горестно восклицает он в своем дневнике, — стоит ли того жизнь после этого! Зачем я родился, зачем я не умер раньше». В этот же вечер он написал письмо М. Э., в котором кратко изложил о случившемся и посоветовал, если будут спрашивать, не давать никаких писем и записок, а все, что у нее есть, или спрятать, или сжечь. Новый день шел обычным порядком. Занятия, встречи, разговор с родителями. Александр заявил, что готов ехать в Данию. Государь был доволен решением сына и дружески добавил, «что он сам был совершенно в этом же положении перед тем, как жениться. Он тоже любил и хотел тоже отказаться от престола, но, что все вышло к лучшему» (там же, с. 33). История умалчивает: знал ли сын о юношеском увлечении своего отца Ольгой Калиновской! Но сейчас сын вынужден был смириться, хотя душевная рана напоминала о себе. Было скучно и грустно. В записке, переданной после завтрака через Сашу Жуковскую, Мария известила Александра о глубоком потрясении после полученного от него письма. Саша поведала, кроме того, что княжна страшно расстроена, не находит себе места, плачет не переставая и, сославшись на болезнь, даже не смогла быть на выходе. Встретившись вечером в парке, Александр сказал Марии, *что он вынужден ехать в Данию, что у него нет другого выхода*, но что он навсегда сохранит к Марии нежные чувства любви и признательности. Милая княжна все понимала, она ни в чем его не винила. М. Э. была грустна как никогда и призналась, как показалось Александру, с сожалением, что не подозревала о его любви. Пожав друг другу руки, они разошлись.

Вечером у императрицы Александр, улучив момент, обратился к отцу с просьбой не поступать с княжной бессердечно, поскольку она ни в чем не виновата. Услышав это, августейшая мать заметила, что сын может не беспокоиться: удаление от двора Мещерской будет незаметно под предлогом ее поездки на время в Париж к своей тетушке княгине Чернышевой.

Мало-помалу жизнь Александра входила в прежнюю колею. Хотя надвигалась поездка в Данию, он ежедневно виделся с Мещерской. Встречи эти чем-то напоминали те прежние — идиллические, чистые и невинные. Накануне отъезда наследник горячо молился в Петропавловском соборе на могиле милого Никса. В день отъезда он встретился в парке с Марией, где они нежно простились. Вскоре после с обедни цесаревич пошел прощаться с

камер-фрейлиной графиней Тизенгаузен. Но, войдя в коридор Лицейского корпуса, где теперь жили придворные служащие и фрейлины, он увидел Мещерскую, шедшую к себе. Словно обезумев от радости, они бросились друг к другу и вскоре очутились одни в пустой комнате. Они долго целовались... прямо в губы и крепко обняв друг друга» (там же, с. 32). Однако, как писал Лопе де Вега: «Давно известно — меж неравных не уживается любовь». У них были разные судьбы и разные дороги. Его уже ждала яхта для следования в Данию. Мария вынуждена была покинуть царский двор. Граф Шереметев пишет, как вскоре князь Владимир Иванович Барятинский пригласил его с собою в коляску для прогулки в Павловск на музыку. «Рядом с ним темнее ночи, — замечает он, — сидела княжна Мария Мещерская. Я видел, как расстроен был князь, какое испытывал он волнение, но не знал, в чем дело... Это был канун окончательного выезда княжны за границу» (354, с. 74). За границей она против своей воли была выдана замуж за великосветского савраса (князя П. П. Демидова Сан-Донато) и была глубоко несчастна. Уже беременная поехала она в театр, кажется, в Вене, когда муж ее внезапно выстрелил из пистолета в ее ложе в виде шутки, чтобы ее напугать. Она пожила недолго и, родив сына, умерла» (там же, с. 420).

Довольно трудно сложилась судьба ее подруги, также фрейлины императрицы, дочери В. А. Жуковского Александры Васильевны Жуковской (1842—1899), ставшей впоследствии женой барона фон Вормана. В конце 1860-х — начале 1870-х гг. она состояла в связи с великим князем Алексеем Александровичем. В 1871 г. они просили императрицу Марию Александровну разрешить им повенчаться, но получили категорический отказ. Тайно обвенчались в Италии, но брак был аннулирован Александром II. В конце 1871 г. А. В. Жуковская родила в Зальцбурге сына Алексея, получившего титул барона Седжиано. Указом Александра III от 21 марта 1884 г. барон Алексей Седжиано был возведен с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство с присвоением ему отчества Алексеевич и фамилии Белевской. Он был женат на княжне Марии Петровне Трубецкой (род. в 1870 г.), младшей дочери действительного статского советника С.-Петербургского уездного предводителя князя П. Н. Трубецкого. Накануне 1-й Мировой войны гр. А. А. Белевской-Жуковский состоял шталмейстером высочайшего двора. После октябрьского переворота 1917 г. остался в России. В 1932 г. был расстрелян в Тбилиси. Он имел сына Сергея Алексеевича (ум. в 1953 г.) и двух дочерей. Одна из них гр. Мария Алексеевна (1901—1996), в первом браке была за В. А. Янушевским. Скончалась она в Париже.

4. ПОМОЛВКА

В воскресенье 29 мая 1866 г. в 3 часа дня наследник убыл в Данию из Кронштадта на императорской яхте «Штандарт», сопровождаемой кораблем «Олаф». Александру сопутствовали в этом вояже его брат Владимир, генерал Перовский, контр-адмирал Бок, полковник Литвинов, секретарь Оом и личный адъютант Козлов.

2 июня в полдень, не доходя одной мили до Фреденсборга, «Штандарт» бросил якорь в проливе Эресунн напротив небольшой рыбацкой деревни Хумлебак. Вскоре к яхте пришвартовался катер с русским послом при королевском дворе Николаи и датским адмиралом Ермингером, назначенным сопровождать великих князей. На берегу высоких гостей встречал сам король Христиан IX со свитой. После взаимных приветствий, представлений и обмена любезностями монарх пригласил Александра и Владимира в свою карету.

В парке Фреденсборга цесаревич увидел во встречающем их экипаже Дагмару. Рядом с ней была королева. И Александр, и принцесса испытали здесь и радость, и тревогу, и смущение. В краткие мгновения взаимных приветствий все были безупречно вежливы и почтительны. В памяти Александра всплыли совместные драматические дни с Дагмарой в Ницце и короткие милые встречи с ней в Югенгейме. Вместе с королем он пересел к дамам, и вскоре кортеж проследовал к королевскому замку, утопающему под сенью величественных старых лип.

Возле парадной лестницы дорогого гостя встречали чопорные придворные и празднично разодетые младшие дети короля: двенадцатилетняя дочь Тира и семилетний сын Вольдемар.

Добрый король сам проводил царственного юношу до его покоев, сказав, что именно здесь останавливался его старший брат Николай. Апартаменты Александра располагались на первом этаже в северо-западной части главного здания и состояли из трех комнат. Знакомясь с помещением, он обратил внимание на прекрасные картины голландской школы и портрет Екатерины II во весь рост работы Дартеса. Главная комната была обставлена белой с позолотой мебелью, крытой светло-голубой шелковой тканью. Из этого же материала были и занавеси.

Увидев на стекле одного из окон нацарапанные имена Nix и Dagmar, цесаревич вспомнил, что Никса в свое время писал ему об этом. Почему-то стало невыразимо грустно. Александр перекрестился и мысленно попросил брата помочь устроить его земное счастье с Дагмарой.

Сидя вскоре на позднем завтраке между королевой и Дагмарой, он ощущал повышенный интерес к себе как русскому принцу, смущался и чувствовал себя весьма стесненно, как бы не в своей тарелке. Рядом сидели малознакомые или совсем незнакомые члены королевской семьи. Александр почти ничего не ел и произнес за столом всего несколько фраз. Брат Владимир стал для него как бы палочкой-выручалочкой, вел себя уверенно и бойко, рассказывал подробности плавания из Кронштадта «по балтическим волнам».

Сразу после завтрака королевская семья отправилась с великими князьями на прогулку в дворцовый парк, затем беседовали в салонах короля, отдыхали. В шесть часов состоялся парадный обед в зале с куполом. Мужчины блистали во фраках при орденских лентах, дамы сияли в вечерних туалетах. Король исполнил почетную миссию, наградил Владимира высшим датским орденом Слона (Александр был удостоен этого ордена ранее).

К сожалению, как и утром, русский престолонаследник чувствовал себя неловко и стесненно, не находя нужных слов Дагмаре, которая все время была рядом с ним.

На душе у него стало несколько легче на вечернем рауте, когда он обменялся улыбками с датской принцессой.

Расставшись около 12 часов ночи, Александр записал: «...мысль и желание на ней жениться снова возникли во мне».

Уверенность и раскованность пришли на следующий день. Александр проснулся в хорошем расположении духа. Внутреннее смятение его улеглось, сомнения развеялись. День выдался теплый, солнечный. Стоя у окна, несколько минут он наслаждался красотой дворцового парка и спускающейся к озеру террасой, богато убранной цветами и украшенной статуями старого датского скульптора Иоганна Видевельта.

Словно угадав его настроение, хозяева устроили завтрак в парке. Столы были изящно сервированы на берегу сказочного озера Эсрума. Обстановка была естественной и непринужденной. Много говорили, шутили, смеялись. После завтрака пили легкие виноградные вина, запросто болтали обо всем на свете. Всем было весело и приятно. Александр настолько почувствовал себя привычно в новой обстановке, что вместе с братом Владимиром рискнул спеть несколько куплетов из новой оперетты Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена», которая с успехом шла в Петербурге, но которую еще не знали хозяева Фреденсборга.

Новое чувство расположения и симпатии к Дагмаре овладевало им все больше и больше, и об этом он написал отцу сразу же, расставшись с ней вечером: «Я чувствую, что могу, и даже очень,

полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Решительно не знаю, что скажет на все милая Минни; я не знаю ее чувства ко мне, и это меня очень мучит. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе».

Целыми днями Александр неотлучно проводил время вместе с Дагмарой. Ему было интересно с ней, ежедневно благодаря ей он открывал все новые и новые страницы датского королевства, которое все больше нравилось ему. По предложению Дагмары русским гостям показали замок Эльсинор, где провел свою короткую жизнь Гамлет, герой одноименной трагедии Шекспира, сводили и на его могилу. 5 июня вместе с принцем Фредериком и сопровождающими лицами Александр побывал в Копенгагене, где сфотографировались на память, посетили русскую церковь и русское посольство. Наиболее яркие впечатления оставил королевский музей. Великий князь подивился особенно «поясу целомудрия» — «сложной штуке с замком», которую надевал своей возлюбленной датский король Христиан IV, правивший в XVI в.

В тот же день цесаревич встретился с братом Алексеем, прибывшим на корабле «Ослябя», где он проходил морскую практику в качестве гардемарина под руководством своего воспитателя адмирала К. Н. Посьета. Впервые в Копенгагене встретились три брата — три великих князя…

День проходил за днем, а долгожданного предложения со стороны русского наследника не было. Он никак не решался объясниться в любви с Дагмарой, хотя у него уже состоялся обстоятельный разговор с ее братом Фредериком и с ее отцом. Вступивший в ноябре 1863 г. на датский престол Христиан IX Глюксбург был искренно заинтересован в брачном союзе с властелином Российской империи. Дания переживала не лучшие годы своей истории. Начавшаяся в феврале 1864 г. Австро-прусско-датская война, привела ее к поражению. По Венскому перемирию, закончившемуся 30 октября того же года, Дания потеряла герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург. В те дни, когда русский престолонаследник находился в Дании, возник конфликт между Австрией и Пруссией из-за области Шлезвиг-Гольштейн, который послужил непосредственным поводом Австро-прусской войны. В этих условиях Дания, постоянно чувствуя дыхание мощного германского хищника, как никогда ранее, нуждалась в сохранении своего суверенитета и поддержке сильного европейского государства. Такую поддержку Дания могла получить в лице России в том случае, если состоится брак по любви между наследником русского престола и датской принцессой.

Христиан IX был несколько встревожен сообщениями в некоторых европейских газетах о сердечной склонности цесаревича к русской княжне. И хотя, как заверил его державный отец Александра, это всего лишь салонные измышления и пересуды, тем не менее душевное беспокойство у короля сохранялось.

И вот наконец 11 июня, на десятый день пребывания цесаревича в датском королевстве, случилось то, чего ждали правящие династии двух государств: Романовых и Глюксбургов. Двадцатилетний Александр Александрович предложил руку и сердце семнадцатилетней Марии-Софии-Фредерике-Дагмаре.

В этот день после утреннего чая цесаревич гулял со своими братьями и Фредериком, как обычно, в парке. Затем перед завтраком после рисования Дагмара пригласила Александра посмотреть ее комнаты. На второй этаж поднялись вместе с ее отцом и великим князем Алексеем. Христиан IX и Алексей вскоре ушли, оставив милую парочку наедине. В какой-то момент сообразительная принцесса Тира закрыла дверь комнаты на ключ. Александр понял, все пути назад отрезаны, предстояло сделать решительный шаг навстречу судьбе. И он был сделан.

Поздно вечером престолонаследник описал эти минуты в своем дневнике: «Сначала осмотрел всю ее комнату, потом она показала все вещи от Никсы, его письма и карточки. Осмотрев все, мы начали перебирать все альбомы с фотографиями… Пока я смотрел альбомы, мои мысли были совсем не об них; я только и думал, как бы решиться начать с Минни мой разговор. Но вот уже все альбомы пересмотрены, мои руки начинают дрожать, я чувствую страшное волнение. Минни мне предлагает прочесть письмо Никсы. Тогда я решаюсь начать, и сказал ей: «Говорил ли с Вами король о моем предложении и о моем разговоре?» Она меня спрашивает: «О каком разговоре?» Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня. Я сидел на углу дивана, а она на ручке. Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее. Потом я ей сказал, что милый Никса много помог нам в этом деле и что теперь, конечно, он горячо молится о нашем счастье.

Говорили много о брате, о его кончине и о последних днях его жизни в Ницце».

Итак, две чистых, непорочных души сделали важный шаг навстречу друг друга. Вскоре дверь отперли, комната быстро наполнилась родными и близкими.

Первыми поздравили король и королева. На лицах многих были слезы радости. Александр чувствовал себя на седьмом небе,

смотрел на всех именинником. Дагмара, казалось, не помнила себя от счастья, смеялась и плакала. О помолвке наследника русского престола с принцессою Дагмарой было объявлено официально, что было воспринято датским народом с величайшей радостью.

На берегу моря в шесть часов последовал праздничный обед, на котором в присутствии многочисленных гостей состоялся, по сути, обряд объявления молодых женихом и невестой. Много раз провозглашались тосты за их счастливое будущее, за здоровье их родителей и близких.

Самый молодой из присутствующих трех братьев великий князь Алексей настолько был рад за старшего брата, что несколько перебрал на этом вечернем пиру и «не помнил, что говорил и что происходило».

В этот же счастливый день отправили телеграмму в Петербург, а наутро получили ответ от императорской четы: «От всей души обнимаем и благословляем вас обоих. Мы счастливы вашим счастьем. Да будет благословение Божие на вас».

По принятому обычаю, жених подарил своей невесте от себя и от родителей драгоценности, которые привели Дагмару в восторг. Она радовалась этому дару, как дитя, тем более что подарок был преподнесен ей с любовью.

Чувства радости и счастья по случаю помолвки Александр и Дагмара выразили в своих письмах августейшей семье, которые были отправлены в Петербург специальным нарочным.

Казалось, можно было уже возвращаться домой. Однако по просьбе короля и Дагмары Александр задержался в Дании еще на полмесяца. Все дни были насыщены для него важными поездками, посещениями и встречами. Христиан IX позаботился, чтобы использовать это пребывание для укрепления своего политического престижа.

12 июня Александр вместе с братьями посетил главный город страны — Копенгаген, где в русской церкви протоиерей И. В. Рождественский отслужил для них обедню и благодарственный молебен.

На другой день королевская датская семья совместно с великими князьями прибыла с визитом на корабли русской эскадры в порту датской столицы. На флагманском фрегате «Ослябя» накрыли стол, убранный флагами и цветами. Во время ужина Дагмара была центром всеобщего внимания. Звучали восторженные тосты и здравицы. После каждого тоста следовал салют из пушек, что производило соответствующий эффект на гостей. Улучив минуту, Александр увлек свою невесту после ужина в одну из кают и там ее горячо, с чувством поцеловал «первый раз на русской территории».

14 июня под вечер цесаревич и принц Фредерик вместе с королем на его яхте «Шлезвиг» отплыли на север страны на сельскохозяйственную выставку. Их сопровождал русский «Штандарт». Утром следующего дня подошли к пристани старинного города Орхус на востоке полуострова Ютландия, где их встречали представители местной власти и ликующие жители. Приветственные речи по случаю прибытия высоких гостей неоднократно прерывались аплодисментами и криками «Ура!». Хорошее впечатление оставил военный парад под музыку оркестра. Для Александра день оказался трудным и от жары, и от постоянного к нему повышенного внимания. Он несколько раз по своему адресу мысленно пускал крепкое словцо за то, что согласился на эту поездку. Вместо того чтобы уютно провести часы в прохладе Фреденсборга, ему пришлось неотлучно от короля целый день находиться под палящим солнцем в павильонах и загонах. К вечеру знакомство с выставкой наконец закончилось, и наутро русский принц с королевской свитой благополучно вернулся в Копенгаген, а затем и во Фреденсборг, где его с нетерпением ждала прекрасная и милая Минни.

В течение двух последних недель Александр и Дагмара провели немало восхитительных и дорогих их сердцам совместных часов. Несмотря на то, что она значительно уступала ему в росте, цесаревич не замечал этого. Она была хорошо сложена, подвижна и чрезвычайно грациозна. Минни многое рассказала о себе, о взаимоотношениях с Никсой, о переписке с ним, показала даже сокровенное место у беседки в парке Бернсдорфа, где они впервые поцеловались. В один прекрасный день они объяснились в любви, поднялись на верхний этаж дворца во Фреденсборге и на окошке нацарапали перстнем свои имена. В те солнечные июньские дни они много фотографировались. Благодаря придворному фотографу Хансену их счастливые лица сохранились до наших дней. Дагмара, свежая, как утренняя роза, словно излучает красоту, нежность и любовь. Александр подтянутый, крупный, уверенный, как будто олицетворяет прекрасное здоровье, силу, честность и надежность.

28 июня 1866 г. цесаревич покинул гостеприимную Данию. Он тепло попрощался с королевской семьей. Нежная Минни не смогла сдержать слез, Александр также был растроган, но крепился. Он уезжал переполненный новыми впечатлениями и новыми чувствами. О свадьбе договорились на май следующего года, пообещав до того регулярно писать друг другу письма. Александр был намерен также еще непременно посетить королевство. Своим родителям он вез небольшое послание от своей невесты. «Это

письмо Вам передаст Саша, — писала Дагмара, — потому что, к несчастью, момент нашего расставания уже пришел. Я очень сожалею, что он уезжает. Но я также очень признательна Вам, дорогие родители, что Вы позволили ему так долго побыть у нас. Мы воспользовались этим, чтобы лучше узнать друг друга. Каждый день сближал наши сердца все больше, и я могу сказать Вам, что уже чувствую себя счастливой. Заканчивая, я хочу еще раз выразить Вам мою искреннюю признательность за Ваши дорогие письма, адресованные нам обоим, которые нас так тронули! Шлю Вам также просьбу прислать ко мне его осенью! Я Вас покидаю, дорогие родители, чтобы побыть с ним еще немного до его отъезда. Обнимаю Вас от всего сердца, остаюсь навсегда Вашей. Минни».

1 июля на подходе к Кронштадту «Штандарт» с возвращающимися великими князьями был встречен яхтой «Александрия», на которой находился император Александр II. Присутствовавший при встрече министр внутренних дел Валуев отметил: «Все в хорошем духе и довольны. Свита великих князей весьма довольна пребыванием в Дании. Много расспросов и рассказов. Казалось, ни в Европе, ни в России нет туч пред зарею будущей свадьбы». Возвращаясь в Петергоф, встретили великого князя Константина Николаевича (дядю Костю), председателя Государственного совета, который также вышел со своим пароходом навстречу цесаревичу. В высших кругах предстоящий брак наследника вызывал живейший интерес. 17 июня в России официально была объявлена помолвка Александра Александровича. Избранное общество на все лады обсуждало эту тему. Например, Валуев отмечает, что вел. княгиня Елена Павловна передала ему разные подробности о неохоте, с которою цесаревич ехал в Копенгаген, о его любви к кн. Мещерской, о том, что он будто бы просил государя позволить ему отказаться от престола и пр.

Для наследника наступили тяжелые дни. Уже 1 июля, в день прибытия он отметил в дневнике: «Так грустно без милой душки Минни, так постоянно об ней думаю. Ее мне страшно не достает, я не в духе и долго еще не успокоюсь». Александр решил рассказать о своих чувствах своей матери, как только она вернется из подмосковного Ильинского и попросить перенести свадьбу с Дагмарой на осень текущего года. О своем решении он написал невесте.

Переписка их дышит нежностью и любовью. Дагмара писала ему каждые 2—3 дня о тех же чувствах, что испытывал и он сам. «Мой милый душка Саша! Я даже не могу тебе описать, с каким нетерпением я ждала твое первое письмо и как была рада, когда

вечером получила его... я все время думаю о тебе, день и ночь, не проходит минуты, чтобы я не посылала к тебе мои мысли, чтобы они следовали за тобой повсюду. Ну когда же настанет день и мы вновь увидимся?»

4 июля приехала императрица... Но только 10 июля в Петергофе во дворце Коттедж состоялся серьезный разговор Александра с родителями о времени свадьбы. Мария Александровна пообещала написать королевской чете в Данию о том, что Дагмара могла бы приехать в сентябре, а свадьбу устроить в октябре.

Желанный ответ был получен 26 июля в письме, которое доставил из Копенгагена полковник О. Рихтер. Король и королева выразили свое согласие о проведении свадьбы осенью текущего года.

Дни до свадьбы летели стремительно, как птицы. Цесаревич, повинуясь предписаниям отца, все активнее входит в сферу гражданского и военного управления. С 8 июля по 8 августа он находится в лагере и на маневрах под Красным Селом, командуя л.-гв. Преображенским полком.

В то же время он регулярно присутствует на докладах у императора, встречается с различными государственными деятелями и друзьями, читает. Вечера, как правило, проводит у императрицы.

К обычным его занятиям добавились и заботы об устройстве жилья с его будущей супругой. На семейном совете было решено передать будущим молодоженам Аничков дворец, чему очень рад был Александр. Построено здание было в середине XVIII в. в стиле барокко (архитекторы М. Г. Земцов, Г. Д. Дмитриев, В. В. Растрелли), а первым владельцем его стал морганатический супруг императрицы Елизаветы Петровны граф А. Г. Разумовский. Дворец был обращен главным фасадом не на Невский проспект, еще не имевший тогда значения главной улицы города, а на Фонтанку. К нему примыкал регулярный сад, украшенный павильонами, трельяжами, беседками и садовой скульптурой. Дворец отличался нарядностью внешнего облика и затейливостью отдельных деталей. Несмотря на различные перестройки, со временем он обветшал и требовал серьезного ремонта.

Реставрация этой стройной громады в срочном порядке была поручена даровитому архитектору И. А. Монигетти.

Для проживания в теплое время будущей чете великого князя предназначался в Царском Селе величественный Александровский дворец. Сооружен он был в стиле русского классицизма архитектором Дж. Кваренги по заданию Екатерины II в конце XVIII в. для своего любимого внука Александра Павловича.

5. ПОЕЗДКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА ПО РОССИИ В 1866 Г.

Важным приложением к образованию цесаревича Александра Александровича стало его путешествие по России в 1866 г. Александр II, отправляя сына в путешествие по России, стремился по собственному опыту лично познакомить наследника с особенностями страны в районе Поволжья. Недаром говорится: лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. В конце лета, с 8 по 28 августа, наследник престола совершил 3-недельное путешествие по России. Вместе с ним в поездке приняли участие его брат Владимир, граф Перовский, секретарь Оом, доктор Гирш, князь В. Мещерский, а также преподаватели: законоведения Победоносцев и политической экономии Бабст, дававшие цесаревичу объяснения по своим предметам. Для ознакомления царственных питомцев с памятниками искусства был приглашен внук А. Н. Радищева, художник, академик А. П. Боголюбов. Кроме того Александра сопровождали адъютанты: князь Барятинский, Литвинов, Козлов и Иванцев.

Маршрут поездки включал посещение Твери, Рыбинска, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода, Казани и Москвы. План этого путешествия был всецело составлен графом Перовским. Благодаря ему внимание цесаревича акцентировалось на наиболее важных экономических и культурных центрах Поволжья, природных и бытовых особенностях региона, архитектурных и исторических памятниках. Важно подчеркнуть, что эта поездка была первым путешествием нового наследника по России. Отношение народа к цесаревичу было уважительным и трогательным. Повсеместно огромные массы простого люда собирались для того, чтобы увидеть и поприветствовать царских сыновей. Во время первой остановки в Твери, куда царский поезд прибыл по Николаевской железной дороге утром 9 августа, путешественников тепло встретили губернатор князь П. Р. Багратион, командующий войсками Московского округа генерал А. И. Гильденштуббе и губернский предводитель дворянства князь Б. В. Мещерский. Сразу же по приезде цесаревич с князем Багратионом, племянником героя Отечественной войны, посетил собор, затем губернаторский дом. Во время представления дворянства и гражданских чинов великие князья познакомились с героем войны 1812 г. семидесятивосьмилетним поэтом и прозаиком Федором Николаевичем Глинкой и престарелым ветераном-декабристом Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, которому некогда смертную казнь заменили каторгой, а позже поселением в Сибири. По амнистии

1856 г. Муравьев-Апостол Александром II был восстановлен в прежних правах.

После представления Александр проехал по городу, побывал в мужской и женской гимназиях, в городском приюте для девочек и мальчиков. Заехал в Успенский Отрочь монастырь, был в соборе и у настоятеля. Видел келью, в которой в заточении находился московский митрополит Филипп, задушенный по повелению Ивана Грозного Малютой Скуратовым. Вечером в городском саду цесаревич наблюдал фейерверк над Волгой, затем на полчаса зашел в залу дворянского собрания. Там в числе других была представлена ему вдова адмирала Корнилова с дочерью. Из Твери утром 10 августа наследник престола отправился со своей свитой вниз по Волге в Рыбинск на пароходе «Наяда». До Калязина их сопровождал князь Багратион. Плывя вниз по Волге, участники путешествия останавливались в небольших городках и знакомились с их достопримечательностями. Первая остановка была сделана в небольшом местечке Корчево, где посетили собор. Александру поднесли здесь хлеб-соль и образ. Также выходили на берег в селе Кимры. У села Медведь остановились, чтобы принять хлеб-соль, но на берег не выходили. К вечеру часов в 7 пришли в Калязин. Там пошли в Никольский собор, который позже, в 1940 г., при создании Угличского водохранилища оказался затопленным. Ныне об этом месте напоминает только многоярусная колокольня, возвышающаяся прямо из воды. В Калязине Александр распрощался с Багратионом и отправился дальше на пароходе. Верстах в трех от города бросили якорь и расположились на ночлег. Как отметил цесаревич, ночь была великолепная и лунная. Рано утром 11 августа путешественники пришли в один из древнейших и красивейших городов России Углич, известный с 937 г. Здесь они ознакомились с его историческим центром — кремлем, Спасо-Преображенским собором, церковью Дмитрия на Крови и др. Александру напомнили, что в угличском кремле с 1584 г. в почетной ссылке находилась седьмая жена Ивана Грозного Мария Федоровна, из рода местных бояр Нагих. 15 мая 1591 г. в дворцовом саду при неясных обстоятельствах погиб их сын болезненный мальчик восьми лет царевич Дмитрий, последний отпрыск угасавшей династии Рюриковичей. Вскоре на крови поставили часовенку, затем деревянную церковь. А в 1692 г. заменили ее существующей каменной церковью.

Александр обратил внимание как удивительно скоро и хорошо рисовал Боголюбов: «Куда бы мы ни приехали, везде он успевает набросать виды и даже иногда детали». Короткие остановки были сделаны в небольших уездных городках Мышкине и Мологе, где

посетили соборы. В Рыбинск царственные путники прибыли в 6 часу вечера. На пристани их встречал ярославский губернатор И. С. Унковский и купечество. Взойдя на крутую набережную по широкой лестнице, усыпанной с обеих сторон массою народа, Александр со свитою посетили Спасо-Преображенский собор и после литии вернулись на пристань. Отсюда они отправились на пароходе «Ярославль» в Шексну на фабрику купца Журавлева, который сопровождал путешественников. Выйдя на берег, вояжеры осмотрели сначала канатную фабрику громадных размеров, потом механический завод и литейную, зашли в конторский дом и расписались все в книге почетных посетителей. По возвращении на пароход, хозяин поднес Александру свои произведения на серебряном подносе. Прибыв вновь в Рыбинск, остановились в доме купца Переславцева, в котором в свое время останавливался старший брат Никса. В этот же вечер Александру было представлено местное дворянство, земство и купечество. Рыбинск покинули утром 12 августа уже не на «Наяде», а на пароходе «Поспешный». Масса народу стояла на пристани и на набережной и дружно кричала «Ура!». Александр и его спутники стояли на мостике и кланялись, снимая кепи.

На пути пароход сделал непродолжительную остановку в небольшом прелестном городке Романове-Борисоглебске (с 1918 г. Тутаев). Александр с братом Владимиром и Унковским посетили Крестовоздвиженский собор, поднявшись в четверке по высокому и довольно крутому левому берегу Волги. Много баб и мужиков влезли в воду, чтобы ближе подойти к высоким путникам. В половине второго пришли в один из крупнейших промышленных центров России Ярославль, основанный князем Ярославом Мудрым около 1010 г. на месте древнего поселения Медвежий Угол, при слиянии реки Коростель с Волгой. По преданию, тут князь зарубил секирой медведя. Не случайно впоследствии медведь стал изображаться на гербе губернии. По принятому обычаю, отправились в Спасо-Преображенский собор одноименного монастыря, где путников встретил архиепископ Нил, сказавший теплую приветственную речь. После краткого молебна цесаревич с братом Владимиром и спутниками побывали в Духовном училище, Сиротском доме и Демидовском лицее. После обеда с высшими чиновниками губернии цесаревич продолжил осмотр разных учреждений. Побывал в Николаевском приюте, основанном в память совершеннолетия Никсы, в военном училище, в богадельне, устроенной ремесленниками, а также в нескольких церквах.

13 августа наследнику престола были представлены дворянство, гражданские чиновники, военные, купцы, горожане и крестьяне. Затем он со своими спутниками побывал в Метрополичьих палатах и на мукомольной паровой мельнице купца Крохоняткова. Особое впечатление на всех произвела церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Этот выдающийся памятник архитектуры является вершиной ярославской школы церковного зодчества XVII в. Пятнадцатиглавая церковь поразила всех не только своими размерами и совершенством композиции, но и роскошью декоративного убранства и мастерством его исполнения. А. П. Боголюбов пришел в восторг от отделки храма, в которой использованы фигурный кирпич и цветные расписные изразцы. В этот же день путники посетили земскую больницу, сумасшедший дом, приют для приходящих девочек и мальчиков, нанесли визит губернатору и побывали в погребе купца Соболева, где дегустировали венгерское вино. После обозрения фейерверка в комнате Александра состоялся содержательный разговор о русской живописи, в котором задавал тон академик Боголюбов. Также два дня пробыли в Костроме. Особое впечатление на наследника престола произвел Ипатьевский монастырь, с которым связана Ипатьевская летопись — список конца XIV — начала XV вв. с одного из древнейших летописных сводов Киевской Руси. С большим интересом великие князья Александр и Владимир осмотрели здание бывших Келарских келий, чаще называемое палатами бояр Романовых. Здесь в 1613 г. жил молодой боярин Михаил Романов незадолго до избрания его на царство. В Костроме цесаревич побывал также на механическом заводе Шипова, льнопрядильной фабрике купца Зотова, посетил женскую гимназию, Романовский институт и Богоявленский женский монастырь. Вечером 15 августа на центральной площади города около памятника Ивану Сусанину присутствовал на концерте хора Ивана Молчанова. Утром следующего дня «Поспешный» продолжил свое плавание вниз по Волге. На пути к Нижнему Новгороду пароход сделал короткие остановки в небольших уездных центрах — Плесе, Кинешме и Юрьевце. Около 10 часов утра путешественники прибыли в Нижний Новгород, который поразил их своей чудной панорамой, огромным множеством пароходов и барок. Три дня цесаревич провел в Нижнем Новгороде. Со своими спутниками 17 августа он побывал в местном кремле, в Михайло-Архангельском соборе, сооруженном в 1631 г. в честь победы Нижегородского ополчения 1612 г. Осмотрел гробницы нижегородских князей и Кузьмы Минина. Побывал в трех церквах, в женском институте, в военном госпитале, земской больнице, где видел публичных женщин. Ему сообщили, что в период работы ярмарки их приезжает со всех сторон России до 3 тысяч. В этот же день посетил сумасшедший дом, один из женских приютов,

нанес визит генерал-губернатору Н. А. Огареву и посмотрел в театре на ярмарке драму «Ришелье», где заглавную роль исполнял знаменитый В. Самойлов. 18 августа наследник престола посетил знаменитую ярмарку, переведенную в Нижний Новгород в 1817 г. из уездного города Макарьева после пожара. Осмотрев Спасский староярмарочный собор, познакомился с главным зданием ярмарки, хлебной биржей, стеклянным рядом, Сибирской пристанью, чайным складом. Там же на ярмарке вечером побывал на представлении в цирке Сулье. На следующий день Александр присутствовал на освящении новой часовни, в которой поставили образ преподобного Макария, покровителя ярмарки. Побывал у купца Королева в сапожном ряду, затем у Боткина, чайного торговца, в меховом магазине московских купцов, где купил шубу из бурой лисицы для Минни. Окончил осмотр ярмарки железными рядами и пекарней. Заехал также на место, называемое Самокат, где расположены трактиры и увеселительные заведения для простого народа. На конной ярмарке затем купил для своей сестры Мари маленькую пегую сибирскую лошадку за 50 рублей. Во второй половине дня цесаревич принял участие в народном празднике. Хорошее впечатление произвели на него выступления всевозможных хоров песенников, фольклорных ансамблей черемисов (марийцев), тирольцев, цыган, а также свирельщиков и гусляров. Вечером в театре был на спектакле «Свадьба Кречинского».

20 августа Александр со всей свитой вновь побывал на ярмарке, зафиксировал свое пребывание у фотографа, после чего продолжил знакомство с различными учреждениями города. Несмотря на жару, русский принц посетил богадельню для стариков, 1-й приют для девочек и мальчиков, женский монастырь, два стрелковых батальона, механический завод купца Колчина. Вечером, отмывшись от пота и пыли, посмотрел две пьесы в театре ярмарки и выступления певцов и танцоров.

Утром 21 августа путешественники отправились на «Поспешном» по Волге к Казани. По пути сделали краткие остановки в Лыскове и Козьмодемьянске. Около полудня следующего дня судно причалило к пристани Казани, где высоких гостей встречали представители власти во главе с губернатором Нарышкиным. После посещения Благовещенского собора Александр в залах губернаторского дома принял депутации от разных слоев населения. В этот же день он провел прием дворянства, председателей палат и профессоров университета, побывал в Казанском женском монастыре и Татарской слободе, где обратил внимание на обилие местных красавиц. Вечер провел на приеме у губернатора и на балу в дворянском собрании.

23 августа он посетил женский приют, университет, Родионовский женский институт, военные госпиталь и лагерь, побывал на народном празднике в т. н. Русской Швейцарии. Около 7 часов вечера вместе с губернатором отправился на пароходе в село Спасский затон, куда прибыл к полуночи. Оттуда на экипажах, приготовленных Молоствовыми, через два часа добрались до села Никитское. Отдохнув до 8 утра, поехали на охоту. В результате шести загонов было убито 140 зайцев, 13 лисиц и 3 волка. Как признался сам Александр: «Удачнее охоты быть не могло». Поздно вечером 24 августа охотники вернулись в Казань. На следующий день цесаревич отбыл через Нижний Новгород в Москву, откуда прибыл в Царское Село 28 августа. Трехнедельная поездка по России произвела сильное впечатление на наследника престола, он получил немало новых и полезных знаний о своем отечестве, познакомился со многими историческими памятниками, различными предприятиями, святыми обителями, учебными заведениями, больницами и богадельнями, встречался с людьми всех сословий и званий.

6. ДИНАСТИЧЕСКИЙ БРАК

> Брак, основанный на взаимной склонности и на рассудке, есть одно из величайших благ человеческой жизни.
>
> *И. С. Тургенев*

1 сентября 1866 г. в Копенгаген на императорской яхте «Штандарт» из Кронштадта отбыла представительная русская делегация под началом флигель-адъютанта и контр-адмирала графа А. Ф. Гейдена, которая должна была сопровождать в Россию датскую принцессу.

Через десять дней весь датский королевский дом трогательно провожал взволнованную, переполненную радужными надеждами и ожиданиями Дагмару (Дагмара по-датски «утренняя заря», аналог имени Аврора). Наступивший перелом в ее судьбе выдавали быстро стекавшие по лицу крупные слезы. Это были слезы и разлуки, и счастья, и радости. Наблюдавший эту сцену датский поэт вдохновенно произнес: «Слезы твоей разлуки обратятся в жемчуг», «...в ожидающем тебя свадебном венке таится императорская корона величайшего в свете государства» (74а, с. 6).

В числе провожающих был и знаменитый датский сказочник Ханс Кристиан Андерсен, который позже в письме графине Мими

Хольштейн так рассказал об этом эпизоде: «Вчера наша дорогая принцесса Дагмара прощалась с нами. За несколько дней до этого я был приглашен в королевскую семью и получил возможность сказать ей до свидания. Вчера на пристани, проходя мимо меня, она остановилась и протянула мне руку. У меня навернулись слезы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней! Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ и религия, и с ней не будет никого, кто окружал ее раньше...» (168, с. 13).

14 сентября престолонаследник встречал свою «Звезду Севера», которая впервые засияла на горизонте русской истории. Высоконареченную невесту на королевской яхте «Шлезвиг» сопровождал ее родной брат, наследный принц Фредерик. Навстречу «Шлезвигу» из Кронштадта на яхте «Александрия» вместе с цесаревичем вышла императорская чета со старшими детьми Владимиром, Алексеем и Марией. По всему периметру акватории внушительно разместилась расцвеченная флагами русская эскадра из более чем 20 судов. Царственная невеста прибыла на кронштадтский рейд и при восторженных возгласах встречающей толпы впервые вступила на русскую землю. Из Кронштадта принцесса и царская семья проследовали на «Александрии» в Петергоф. На всем пути им четко салютовали корабли и орудия прибрежных фортов. Грандиозная встреча ждала Дагмару и на петергофской пристани, откуда она отправилась в Царское Село. Никто из старожилов не помнил такой прелестной осенней погоды, какая была в 1866 г. Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в своем дневнике: «Слышал гром пушечных салютов в честь приезда принцессы Дагмары. У нас три дня итальянское небо, итальянское солнце. Торжественное вступление на русскую почву словно благословляется небом. Светло, тепло, тихо, кротко и мирно на небе и на земле. Да будет это предзнаменованием и да исполнится предзнаменование. Много слез на Руси, много скорби и грусти. Да будет Дагмара им утешительницей и миротворицей. Мысленно призываю на нее благословение Божие...» (114, т. 11, с. 149). Очевидцы отмечали, когда принцесса проезжала по царскосельским аллеям с Александром II, императрицей и августейшим женихом к Александровскому дворцу, толпы народа видели на выразительных лицах государя и его супруги чувства глубокой внутренней радости.

Цесаревич не отводил влюбленных глаз от миловидной невесты. Дагмара сияла своими большими темными глазами, очаровывая всех мягким, как бархат, глубоким и вдумчивым взглядом. «Никогда не смогу забыть, — восторженно записала она 14 сентября в дневнике, — ту сердечность, с которой все

встретили меня. В тот момент я чувствовала себя так, как будто я вовсе не была им чужая, и, казалось, что и они испытывают по отношению ко мне те же чувства, потому что они приняли меня, как будто я была им своя. Я не могу описать, что происходило во мне, когда я впервые ступила на русскую землю. Я была так взволнована и более, чем когда-либо, думала о моем усопшем ангеле и очень отчетливо чувствовала, что в тот момент он был рядом со мной» (10, оп. 1, д. 8, л. 6).

Получив первую приветственную телеграмму от Кубанского казачьего войска, принцесса обратилась к царю с просьбой позволить ей ответить самой и немедленно составила ее на русском языке.

17 сентября, в день Софии, Веры, Надежды и Любови, состоялся торжественный въезд царственной невесты в Петербург. И на этот раз чудная, совершенно летняя погода придавала особый праздничный колорит всей дивной картине, развернувшейся в северной столице. Сидя в золотой карете вместе с императрицей, Дагмара была поражена великолепием происходившей церемонии и праздничной атмосферой, царившей на всем пути, по которому двигалась пышная кавалькада. Вслед за ее экипажем виден был внушительный ряд золоченых карет, состав конвоя Его Величества, отрядов гвардейских полков в парадной форме и многочисленной свиты, следовавшей верхом. С левой стороны ее кареты ехал цесаревич Александр Александрович. На Невском проспекте, как и на прилегающих к нему улицах дома были украшены национальными русскими и датскими флагами, коврами и цветами. Все окна, балконы и места, незанятые войсками, были заполнены горожанами, которые встречали невесту радостными криками «Ура!», приветственно махали руками и шляпами. У Казанского собора шествие на некоторое время остановилось. После совершения в храме молебна перед иконою Казанской Богоматери, шествие продолжилось дальше к Зимнему дворцу. Отвечая на несмолкаемый гул приветствий, датская принцесса беспрерывно приветливо кланялась на обе стороны. Наблюдавший процессию Валуев отметил: «Торжественный въезд состоялся при великолепной погоде с большим великолепием земного свойства. Да будет это согласие неба и земли счастливым предзнаменованием. Видел принцессу. Впечатление приятное. Есть ум и характер в выражении лица. Прекрасные стихи кн. Вяземского под стать той милой Дагмаре, которой и наименование он справедливо называет милым словом» (там же).

По прибытии в Зимний дворец императорского кортежа, высочайшие особы направились в домовую церковь. При входе в храм царственная невеста вслед за императрицей широко осенила себя

православным знамением креста, произведя огромное благоприятное впечатление на окружающих.

В последующие дни проходила череда празднеств: балы, иллюминации, фейерверки. Все они были тягостны для цесаревича. «Я был на одном бале, — вспоминает С. Шереметев, — и видел, как цесаревич стоял во время кадрили около своей невесты, но это продолжалось недолго. Он решительно заявил, что танцевать не намерен, и слово это сдержал к немалому смущению придворных и семьи... Он показывался в публике по обязанности, у него было отвращение ко всяким иллюминациям и фейерверкам, ко всему показному и деланному. Он не стесняясь делал по-своему и вызывал нетерпеливое неудовольствие родителей» (354, с. 421).

12 октября в Зимнем дворце свершился обряд миропомазания и присоединения к православной церкви высоконареченной невесты. Впервые на ектеньи принцесса Дагмара была провозглашена благоверной великой княгиней Марией Федоровной.

«Слишком 25 лет тому назад, — заметил Валуев, — видел в той же церкви совершение того же обряда над нынешнею императрицей. Не только мои тогдашние глаза, но и зрелище было другое. Мария-Дагмара — неразгаданная загадка. Ее осанка и все приемы во время обряда были безукоризненны. Но вместе с тем мне казалось, что она вполне сознавала, что совершается только необходимый обряд. Не чувства, а мысль царила в ее чертах. Какая мысль? В металлических звуках ее голоса слышалась сила. Куда направится и как отзовется эта сила? Во время литургии она стояла неподвижно и напоминала мне другое видение, в другой местности и при совершенно противоположной обстановке. Отчего могла она мне его напомнить? Кругом меня толпились другие зрители. Внимание всех было сосредоточено на том, что и предо мною, как и перед ними, происходило... Воспреемницею или свидетельницею по чину обряда на сей раз сама императрица... Императрица стояла возле принцессы. Она же подводила ее к иконам и к святому причастию. Величава, печальна, но мягко любезна и почти нежна» (там же, с. 156). Присутствующие при этом трогательном таинстве высочайшие особы были поражены необычайными успехами принцессы в русском языке. Все ответы, ожидаемые при совершении этой процедуры, были произнесены невестой так ясно, четко и правильно на русском, что император был приятно изумлен и немедленно, здесь же в соборе, выразил свое полное благоволение.

На следующий день, 13 октября, в Николаевском зале Зимнего дворца прошло торжественное обручение престолонаследника с царственной невестой. На обряде присутствовали многие члены придворного общества, аккредитованных в Петербурге

иностранных посольств и прибывшие из-за границы представители датского и английского королевских дворов. Затянувшиеся торжества основательно измотали их виновников. За два дня до венчания цесаревич отметил в дневнике: «Я теперь нахожусь в самом дурном настроении духа в предвидении всех несносных праздников и балов, которые будут на днях. Право не знаю, как выдержит моя милая бедная душка Минни все эти мучения. Даже в такие минуты жизни не оставляют в покое, а мучают целые две недели. Это просто безбожно. А потом будут удивляться и кричать, что я не в духе, что я нарочно не хочу казаться веселым. Что же здесь делать, решительно приходишь в отчаяние. Господи, как я буду рад, когда все кончится и наконец можно будет отдохнуть спокойно и сказать себе: теперь можно пожить тихо и как хочешь. Но будет ли это когда-нибудь или нет?» (22, оп. 1, д. 299, л. 109)

28 октября последовало торжественное бракосочетание цесаревича и новой цесаревны. Как отмечают очевидцы, в обширные и богато убранные залы Зимнего дворца давно не приглашалось такого многочисленного общества. Только одна императорская семья насчитывала 25 особ. Широко были представлены духовенство, Государственный совет, Сенат, военное руководство. Присутствовали многие губернаторы, предводители дворянства, лица городских сословий. Помимо высшей российской элиты, сюда прибыл в полном составе весь дипломатический корпус. Среди приглашенных был имам Шамиль, который в течение 25 лет вел непримиримую борьбу против русского царя и был взят в плен 26 августа 1859 г. Проживая в Калуге, он стал искренним верноподданным императора, который назначил его сына в свой собственный конвой. Здесь же находилась свита датского наследного принца Фредерика-Христиана, родного брата высоконареченной невесты. Заметна также была свита английского наследного принца Альберта-Эдуарда Уэльского, женившегося 26 февраля 1863 г. на родной сестре Дагмары, датской принцессе Александре-Каролине. В числе августейших гостей были кронпринц Прусский Фридрих-Вильгельм, герцог Веймарский Карл-Александр и принц Гессенский Александр.

Сигналом торжественного выхода в собор стал пушечный выстрел с Петропавловской крепости, раздавшийся ровно в час дня. За Александром II и императрицей шествовала об руку с цесаревичем царственная невеста. На царе, одетом в мундир казачьего лейб-атаманского полка, была цепь ордена Святого Андрея Первозванного и голубая лента датского ордена Слона. Александр Александрович был в точно таком же мундире и с теми же знаками орденов. Невеста в бриллиантовой короне, в русском

сарафане из серебряной парчи и в бархатной малиновой мантии, подбитой горностаем, была поразительно прекрасна.

Встреченные при входе в дворцовый собор с.-петербургским митрополитом Исидором, членами Святейшего синода и придворным духовенством, высочайшие особы прошли на обычные свои места.

Как только голоса придворной певческой капеллы запели псалом: «Господи, силою Твоей возвеселится царь...», Александр II, взяв за руки обрученных жениха и невесту, подвел их и поставил на приготовленное возвышение.

Обряд венчания совершал духовник Их Императорских Величеств, протопресвитер В. Б. Бажанов. Роль шаферов, которые держали венцы над головами молодых, исполняли четверо. Венец над головой цесаревича держал его брат великий князь Владимир Александрович, над невестой — датский наследный принц Фредерик-Христиан. После прочтения Евангелия, их сменили великий князь Алексей Александрович у жениха и герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский у невесты. По окончании венчания новобрачные подошли к императорской чете, выразили благодарность и заняли свои места рядом для принятия поздравлений от иностранных принцев и членов императорского дома.

Сразу же по окончании венчания, митрополитом Исидором с высшим духовенством был совершен благодарственный молебен с коленопреклонением, в ходе которого певчие исполнили благодарственную песню «Тебе Бога хвалим...» В эти минуты столица была извещена о происшедшем радостном событии сто одним выстрелом со стен Петропавловской крепости.

В 5 часов в Николаевском зале Зимнего дворца прошел парадный обед с тостами, музыкой и пением. Несомненно, длительная церемония венчания утомила молодых. И Валуев, наблюдая за ними, записал в дневник: «Вел. кн. Марию Федоровну я сегодня в первый раз видел утомленную и как будто утратившую временно ту силу воли, которая до сих пор брала верх над всем, что она испытывала» (там же, с. 162). Тем не менее новобрачным пришлось выдержать еще придворный бал, который начался в 8 часов вечера в Георгиевском зале с изобилием нарядов, мундиров, фраков, цветов и улыбок. К счастью, бал был непродолжительным и в 10 часов все отправились провожать виновников торжества при их переезде в собственный Аничков дворец. Трудно представить, что тогда творилось в столице. Все обширное пространство от Зимнего дворца, включая Большой Морской и Невский проспекты до ворот Аничкова дворца, было сплошь усеяно народом. На празднично украшенных улицах было светло как днем. Колоритный блеск газовых вензелей и корон, разноцветные бенгальские огни и пышная иллюминация домов ярким светом освещали путь церемониального поезда новобрачных среди сплошного потока приветствующего народа.

Напротив Аничкова дворца была поставлена великолепно освещенная декорация в виде русской избы с надписью:

Живите России на радость,
Всему миру на красу.

В тот момент, когда царская карета подъехала к Аничкову дворцу, вдруг пошел небольшой дождик. «Слава богу! Слава богу! — закричал народ. — Счастливо жить молодым!» И вещее слово народа исполнилось.

В своем дворце цесаревича и цесаревну ждал ужин для членов императорской фамилии. Наконец и эта утомительная процедура закончилась, гости разъехались. Александр Николаевич остался с наследником, императрица Мария Александровна уединилась с Минни. Доверительный разговор перед брачным ложем. По обычаю предков дома Романовых жених должен войти к невесте перед первой брачной ночью в серебряном халате и туфлях из серебряной парчи. Получив благословение, Александр как в лихорадке вошел в комнату к своей избраннице. Потушена единственная свеча у постели... В его объятиях прекрасная, милая Минни, дар небес, его счастье, захватившее его целиком, с головою, сердцем и телом: «Такое приятное и вместе с тем необыкновенное чувство думать, что наконец, я женат и самый главный шаг в жизни сделан...» (там же, л. 287).

Супружеский союз этот, как показало время, был полон чистой и совершенной любви. От этого брака родилось шестеро детей: Николай (1868—1918), Александр (1869—1870), Георгий (1871—1899), Ксения (1875—1960), Михаил (1878—1918) и Ольга (1882—1960).

* * *

21 апреля 1867 г. высокая новобрачная чета в сопровождении императора и великого князя Владимира посетила Москву. Как писали тогда газеты, под звон всех колоколов, под перекатное «Ура!» от Тверских ворот до Красного крыльца въехал царь со своим сыном и дочерью в свою Первопрестольную. И Москва встретила их так, как следует встречать царственных гостей любовью и молитвой внесла их в царские чертоги...

29 апреля августейшие особы посетили, по древнему в царской семье обычаю, Троице-Сергиеву лавру. Таково было начало 28-летней совместной, безупречной в супружеском отношении жизни Александра Александровича и Марии Федоровны.

Глава пятая

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕСАРЕВИЧА

Вступление в брак ознаменовало новый период в жизни цесаревича, продолжавшийся около 15 лет. С переездом из Зимнего дворца в Аничков, где он поселился после свадьбы, Александр почувствовал себя счастливым человеком. В то же время, когда реформы следовали одна за другой, отец все активнее вводит его в сферу гражданского управления и высших государственных учреждений. «Я знаю, что Бог тебе даровал чистое, любящее и правдивое сердце... — говорил император, — желаю только, чтобы ты почаще и серьезнее думал о твоем будущем призвании и готовил себя меня заступить ежеминутно» (22, оп. 1, д. 669, л. 87).

В день бракосочетания сына Александр II назначил его членом Государственного совета, затем он становится членом Комитета и Совета министров, председателем особой комиссии по сбору и распределению пособий голодающим, атаманом казачьих войск и канцлером Гельсингфорсского университета. Одновременно он проходит службу в войсках в Петербурге вплоть до командования гвардейским корпусом, а в 1877—1878 гг. принимает участие в Русско-турецкой войне, командуя отдельным сорокатысячным Рущукским отрядом. По окончании войны цесаревич командовал в Петербурге гвардейским корпусом, был инициатором создания Добровольного флота и участвовал в заседании особых комитетов и совещаний, создаваемых Александром II для борьбы с революционным экстремизмом. Он был почетным председателем Русского исторического общества, основанного при ближайшем его участии. С большим интересом он занимался музыкой, играл в духовом оркестре, участвовал в домашних концертах, солируя на валторне и на басу. Помимо всего перечисленного, цесаревичу приходилось регулярно сопровождать отца-императора в его многочисленных поездках по стране и за рубежом, что не всегда было безопасно. Особо следует выделить поездку на Всемирную выставку в Париже. 20 мая (1 июня) 1867 г., как отмечалось в прессе, стал великим днем для парижан и для Франции, ибо со времен Петра Великого в первый раз русский государь посещает эту страну с официальным и дружественным визитом. Пышная встреча на Северной станции железной дороги, внушительная процессия по столичным улицам. Все дома, все окна без исключения украшены трехцветными знаменами, развевающимися вокруг русских знамен с императорским двуглавым орлом. Радушные встречи, блистательные балы, посещение выставки, исторических памятников и учреждений...

И вот 25 мая (6 июня) страшная весть о новом покушении на жизнь Александра II, как порыв бури, пронеслась по всем стогнам и углам С.-Петербурга, и сердечная радость, что провидение не перестает хранить драгоценные дни Его Величества для России. Как выяснилось, в этот день за Булонским лесом в Лоншане происходил грандиозный смотр войск, в котором участвовало 50 тысяч солдат. Зрелище великолепное. Возвращаясь со смотра, Александр II ехал в 4-местной коляске, сидя рядом с Наполеоном III. Против Александра II сидел цесаревич, против Наполеона III — великий князь Владимир Александрович. По заведенному здесь обычаю, по бокам экипажа ехали верхом дежурные шталмейстеры, со стороны Александра II ехал г-н Бургуан, со стороны Наполеона III — г-н Ренбо. Толпа, возвращавшаяся со смотра, окружала экипажи и мешала им двигаться вперед. Подъехав к кафе «Каскад», поезд императоров встретил особенно большое стечение толпы и повернул налево, чтобы объехать по боковой аллее и выехать на большую аллею ближе к Парижу. Когда экипажи повернули против кафетерия, раздался выстрел из пистолета, пуля попала прямо в голову лошади г-на Ренбо, ибо выстрел раздался с той стороны, с которой сидел Наполеон III. Лошадь мотнула головой, брызги крови полетели в карету и обагрили лицо вел. князя Владимира Александровича. У убийцы был двуствольный пистолет Лефоуша, вслед за первым выстрелом раздался второй, но это был разрыв пистолета, которым у злоумышленника оторвало два пальца. Общий крик негодования раздался вокруг экипажа, и толпа бросилась на убийцу, который хладнокровно поднял руки и, желая спасти себя, закричал: «Vive l'Empereur de Russie!» Но толпа не вдалась в обман и готова была бы разорвать на части убийцу, если бы тут не подоспел жандармский полковник г-н Алеман, который прикрыл собою преступника и объявил, что он принадлежит правосудию. Тем не менее толпа успела разорвать на куски его одежду, так что он почти голый попал в руки полиции, посадившей его в первую попавшуюся извозчичью карету, из которой высадили двух дам. Король Пруссии, ехавший с императрицей Евгенией на расстоянии четверти часа сзади первой кареты, узнал о происшедшем только в Тюильрийском дворце. Наполеон III, удостоверившись, что ни Александр II, ни кто-либо из великих князей не ранен, сказал Его Величеству: «Государь, мы были с Вами вместе в огне». На что Александр II отвечал: «Дни наши в руках провидения». «Чуяло мое сердце что-то недоброе в Париже, — отметил цесаревич в своем дневнике, — и вот сбылось! Боже милосердный, помоги рабам Твоим. Господи, не оставь нас и помилуй нас! Да будет Воля Твоя!» (там же, оп. 1, д. 301, л. 111).

Преступником оказался двадцатилетний поляк Антон Березовский, уроженец г. Дубно Волынской губернии, участник восстания 1863 г. С 1865 г. он жил в Париже. Отец его, однодворец, был сначала униатом, затем при Николае I присоединился к православию. На суде покушавшийся сознался, что пытался совершить преступление еще в день въезда и потом во время народного спектакля в опере. Он продолжал настаивать на том, что не имел сообщников. Тем не менее рассказывали, что, когда экипаж императоров подъезжал к месту, где было совершено преступление, восемь или десять стоявших там блузников закричали: «Vive la Pologne!» Вскоре раздался выстрел и те же блузники бросились вперед с криком: «Vive l'Empereur!» Березовский был сослан в Новую Каледонию на пожизненную каторгу, где умер в 1869 г. (по некоторым данным, жил до 1907 г.).

1. ЗАНЯТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬЮ

Только благотворительностью и можно заставить простить себе богатство.

А. Прево

В 1867 г. впервые после отмены крепостного права в России заговорили о тяжелом неурожае, охватившем Смоленскую, Орловскую, Новгородскую и другие губернии. Неурожай отозвался примерно в двух десятках губерний тягостною нуждой в хлебе и дороговизной на самые необходимые жизненные продукты. Те хлебные запасы, которые остались в губерниях от прежних малоурожайных годов, быстро истощились. Между тем с наступлением холодной зимы прекратилась даже возможность заработков для крестьян. Аграрная реформа сняла с помещиков заботу о помощи крестьянам и, естественно, переложила ее на государство. Министерство внутренних дел, возглавляемое П. А. Валуевым, не приняло должных мер по оказанию помощи населению пострадавших губерний, поэтому в будущем 1868 г. можно было опасаться неминуемого голода, так как во многих местностях отсутствовали запасы зерна для яровых посевов. В стране стали распространяться тревожные слухи о надвигающемся голоде и бездействии властей. Известный общественный деятель и писатель князь В. Ф. Одоевский 3 октября 1867 г. пометил в дневнике: «Беспокойство от слухов о неурожае. Сетуют на дозволение вывозить хлеб за границу, на пустоту хлебных магазинов и на непринятие мер для продовольствия»... «Голод! Голод даже в Рыбинске, в

Орловской губернии, когда в Курской не знают куда девать хлеб. Общее негодование на отсутствие распоряжений Министерства внутренних дел» (381а, т. 22—24. М., 1935, с. 235, 240). 19 января 1868 г. «Московские ведомости» напечатали, что «во многих местностях северной и средней полосы нашего отечества... голод, последствие неурожая, достигает размеров народного бедствия» (№ 15). В этих условиях Александр II разрешил открытие повсеместно в империи подписки для сбора добровольных денежных пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Для того чтобы правильно распределить поступающие пожертвования, он учредил в С.-Петербурге временную комиссию под почетным председательством наследника. В рескрипте, опубликованном в газетах 24 января 1868 г. на имя цесаревича, подчеркивалась инициативная роль его в этом предприятии: «Поручая Вашему Императорскому Высочеству почетное председательство в оной, нам отрадно видеть в искренности и теплоте принимаемого Вами сердечного участия залог успешного достижения предполагаемой благотворительной цели». На Аничковом дворце был повешен ящик в виде кружки для пожертвований. В. П. Мещерский написал и опубликовал воззвание в «Русском инвалиде» о пожертвованиях, принимаемых цесаревичем, и «деньги стали приливать потоком». Министр Валуев, посчитав себя обойденным, очень болезненно отреагировал на статью Мещерского и царский рескрипт. Прочитав рескрипт 24 января, он записал в дневнике: «Пока я шлю в «Голос» сообщение, опровергающее тенденциозную и паникерскую статью о голоде. Это сообщение неизбежно становится косвенным опровержением пасквиля Мещерского и даже императорского рескрипта» (114, т. 2, с. 241). Заметим, что общее недовольство Валуевым привело его к отставке, которая состоялась 9 марта 1868 г. и мотивировалась пошатнувшимся здоровьем. На самом деле, как указывалось выше, причиной увольнения Валуева было общественное возмущение в связи с упорным отрицанием им голода и нежеланием принять какие-либо меры для его смягчения. Считается, что именно отсюда идет взаимная неприязнь его и будущего Александра III.

Между тем в руках августейшего председателя быстро накапливались сотни, тысячи рублей на доброе дело. Но собрать пожертвования еще мало! Нужно было разумно воспользоваться ими и оказать быструю помощь нуждающимся до наступления весны. Сформировали комиссию, куда были включены энергичные, деловые люди. Товарищем председателя назначили генерал-адъютанта Н. В. Зиновьева. В качестве своего помощника цесаревич пригласил архангельского губернатора, бывшего председателя

губернской земской управы в Новгороде Н. А. Качалова. Качалов, пишет Мещерский, прямо сказал цесаревичу, что для успеха дела мало иметь расторопных распорядителей, нужен торговый человек, практически знакомый с делом хлебной торговли, и указал на своего земляка, череповецкого купца Милютина, который решительно и всецело отдался этому святому делу. Условились, что помощь хлебом не должна быть даровая, ибо раздача дарового хлеба даст больше вреда, нежели пользы, и может деморализовать крестьян. Решили нуждающемуся в хлебе населению продавать его по обычной, доступной цене и принудить этим хлеботорговцев не поднимать цен на хлеб. По предложению Качалова весь план действий был соблюден в строжайшей тайне, а закупка хлеба поручена одному лицу — Милютину.

Вместе с тем из государственного казначейства была отпущена заимообразно сумма в миллион рублей для своевременной закупки крупных партий хлеба.

Закупленный хлеб отправлялся в те губернии, которые больше всего нуждались в нем. Таким образом было заготовлено в короткое время до 156 000 четвертей разного хлеба (1 четверть для сыпучих тел составляла 209,91 л) для бедствующих губерний. Помимо этого, значительная помощь была оказана жителям Финляндии, где также проявился неурожай. Наконец тот миллион рублей, который был отпущен комиссии в долг, к 1 сентября 1868 г. был сполна возвращен в государственное казначейство. На всеподданнейшем докладе временной комиссии об успешном выполнении своего дела Александр II собственноручно написал: «Спасибо». Миллионы тружеников, поддержанных вовремя, благословляли царя и его деятельного помощника в этом деле — цесаревича.

5 октября 1868 г. Александр II удостоил своего сына и членов бывшей комиссии благодарственным рескриптом.

Под влиянием своего отца наследник престола еще с 1865 г. принял под свое покровительство дом призрения бедных детей. Взяв на себя эту обязанность, он проявил особую заботу о создании в С.-Петербурге образцового ремесленного училища. Через несколько лет его усилия дали результат. На территории первой роты Измайловского полка возникло великолепное здание — ремесленное училище цесаревича Николая в С.-Петербурге. На этом месте, где до лета 1872 г. был болотистый пустырь, появился дом, один из самых красивых в столице. Благодаря деятельному участию цесаревича, средства на это училище были собраны довольно скоро. Частные лица собрали 226 200 руб., городское общество внесло 66 300 руб., а правительство приняло на себя 97 500 руб. Работы при таких деньгах и при постоянной заботе августейшего покровителя были проведены в самое короткое время. 9 июля 1872 г. произошла

закладка здания, а 28 декабря 1874 г. состоялось торжественное открытие училища. Освящение здания выполнил митрополит Исидор с духовенством. При этом присутствовали цесаревна Мария Федоровна, великая княгиня Александра Петровна, принцесса Евгения Максимилиановна, несколько министров, членов Государственного совета, сенаторы, представители городского общества и ремесленного сословия. Около ста детей, будущих учеников, привезли из дома призрения. Протоиерей И. Л. Янышев произнес слово, в котором разъяснил значение ремесленного училища, указав при этом на его цель и средства к достижению этой цели. По окончании молебствия в залах мастерской посетителям был предложен завтрак, а затем в особом зале была устроена для детей елка. Две больших елки возвышались среди зала и были унизаны детскими подарками. Цесаревна долгое время разговаривала с детьми, наделяя каждого подарком и ласковым словом. Нетрудно представить себе радость детей.

Почти одновременно с этим полезным заведением, рассчитанным на триста учащихся, возникло и другое, также под покровительством цесаревича. Речь идет о доме призрения для душевнобольных. Это заведение было создано близ станции Удельной, в 8 верстах от С.-Петербурга. Дом призрения для душевнобольных предназначался для лиц разного звания и пола, но предпочтение отдавалось тем, которых доктора признавали неизлечимыми. Всего предназначалось сто тридцать мест, из которых платными были тридцать. Усилия наследника по устройству и поддержанию обоих названных заведений, естественно, обратили на себя внимание. Александр II, ценя в своем сыне благотворную деятельность на пользу России, удостоил его 26 февраля 1875 г. вторично милостивым рескриптом.

2. ВЛЕЧЕНИЕ К ИСТОРИИ

Люди, близко знавшие Александра III, отмечали его повышенный интерес к отечественной истории. Это качество не возникло случайно. Победоносцев подчеркивает, что еще в детстве любимым чтением будущего венценосца были исторические романы М. Н. Загоскина и И. И. Лажечникова, и в нем, как во многих русских детях, это чтение возбудило первое движение к отечеству и национальной гордости. Интерес к этому чтению Александр сохранил и в юности, и в последующие годы своей жизни. Занятия с даровитым С. М. Соловьевым открыли ему внутренний смысл русской истории и значение многовековой борьбы, «которую вело собиравшее землю государство с противогосударственными и противоязычными силами. Ему случалось сходиться с умными

русскими людьми, и он любил слушать их речи о русской старине и суждения о делах и событиях нового времени с русской точки зрения: так росла в нем та чуткость к русским интересам, которая в годы царствования открылась нам в силе истинной государственной мудрости» (217, с. 408).

Хорошо известно стремление Александра Александровича поднять русское самосознание, национальную гордость и значение отечественных памятников. Являясь страстным коллекционером, знатоком иконографии, он оказывал широкое покровительство изучению русских древностей, изысканиям, раскопкам и археологическим трудам отдельных лиц и ученых обществ.

Самых добрых слов заслуживает Александр Александрович за свою деятельность в Русском историческом обществе (РИО). Создание научных обществ, справедливо указывает историк В. Г. Чернуха, было делом не простым, ибо, как всякое учреждение, оно требовало хотя бы минимального штата и расходов на свое функционирование. Любительских средств, как правило, на это не хватало. И инициаторы таких обществ прибегали к испытанному средству, вводили в его состав высокопоставленного покровителя, чье имя стимулировало бы и вступление в него, и доброхотные пожертвования (51а, с. 19). Подобный прием был использован в середине 60-х гг. XIX в., когда среди патриотически настроенных лиц, близких к наследнику престола, возникла мысль об учреждении Исторического общества, тем более что Экономическое, Географическое и Юридические уже существовали.

Членами-учредителями общества в марте 1866 г. стали 12 человек: К. Н. Бестужев-Рюмин, М. И. Богданович, А. Ф. Бычков, П. А. Вяземский, А. Ф. Гамбургер, А. Г. Жомини, К. К. Злобин, М. А. Корф, Б. А. Перовский, А. А. Половцов, Д. А. Толстой и Е. Ф. Феоктистов. Общество было основано, «чтобы положить конец тем недостойным нападкам, коим в отечественной прессе подвергалась история России...». По уставу Русского исторического общества, рассмотренному в Комитете министров и утвержденному Александром II, оно находилось в ведении Министерства иностранных дел и именовалось императорским. Главной целью его являлось собирание, обработка и публикация материалов и документов по отечественной истории из государственных и частных архивов. В статье, опубликованной в «Северной почте» 28 марта 1867 г. учредители общества уточнили, что в основном будут специализироваться на публикации материалов преимущественно послепетровского времени.

Первым председателем РИО избрали князя Вяземского, а ответственным секретарем Половцова, ставшего в 1879 г. председателем общества. «Кроме председателя, — говорилось в его уставе, — общество может иметь почетного председателя, если кто-либо из членов императорской фамилии удостоит общество принятием на себя этого звания» (139, с. 7). Почетное председательство с самого начала с большим желанием принял на себя цесаревич Александр Александрович, оказывая обществу всемерную поддержку. При его помощи члены РИО получили доступ в важнейшие отечественные и зарубежные архивы.

Основной костяк общества состоял из профессиональных историков и представителей высшего света, хорошо знавших прошлое России и занимавшихся реальным управлением империи. Зачастую историк и государственный деятель соединялись в одном лице. Так, из 12 членов-основателей РИО 10 человек имели генеральское звание. В составе РИО было немало руководителей министерств, членов Государственного совета, сенаторов. В разные годы в деятельности РИО принимали участие видные историки — С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Н. Ф. Дубровин, П. П. Пекарский, В. И. Сергеевич, Я. К. Грот, И. Е. Забелин, А. Н. Пыпин, С. Ф. Платонов, В. С. Иконников, Н. Д. Чечулин, А. Н. Попов и др. В ответ на сочинения оппозиционных изданий, распространявших карикатурные портреты похотливых и сумасбродных правителей и вельмож, РИО приступило с 1867 г. к публикации подлинных документов, проливающих свет на деяния создателей великой России. За полвека своего существования (по 1916 г.) было издано 148 томов «Сборника Русского исторического общества», включивших в себя различные документы по истории России XV—XIX вв. Скрупулезная работа была проведена по извлечению дипломатических документов, относящихся к русской истории из лондонских, венских, парижских и других заграничных архивов.

После 1 марта 1881 г., свидетельствует С. Д. Шереметев, «государь решил, что годичные заседания будут проходить у него в Аничковом дворце в библиотеке». Благодаря последовательности Александра III «общество сделало многое, и заседания его под гостеприимным кровом высокого председателя отличались тем своеобразным оттенком, который ложился на все, в чем участвовал лично государь. Память об заседаниях в аничковской библиотеке останется незабвенною. Присутствие его сразу придавало всему жизнь. Непринужденно допускались рассуждения, в которых он сам принимал участие со свойственной ему величественною скромностью, и впечатление присутствия его было чарующее.

Перед ним читалась русская история, его семейная хроника, по выражению князя Петра Андреевича Вяземского, и сам

он — воплощение русского царя — казался среди всех нас таким простым, доступным, приветливым и в то же время внушительным в своей простоте. Величавый образ его не замрет в сердцах присутствующих, как не замрет он в летописях, созданного им общества, отныне неразрывно связанного с именем мудрого царя Александра III» (354, с. 490).

Уже после его смерти с 1896 г. РИО предприняло издание замечательного «Русского биографического словаря», выпустив до 1918 г. 25 томов. Вне всякого сомнения, РИО сыграло положительную роль в развитии русской исторической науки. Последний председатель его великий князь Николай Михайлович (Романов) совместно с великими князьями Дмитрием Константиновичем, Павлом Александровичем и Георгием Михайловичем был расстрелян 29 января 1919 г. в Петропавловской крепости «в порядке красного террора» и в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта».

Долгое время общество не функционировало. На новой основе РИО было воссоздано в Москве 16 апреля 1991 г.

Следует подчеркнуть, что Александр Александрович также состоял членом Московского археологического общества и выделял ему средства на производство раскопок и издание трудов. Русское общество ему обязано созданием основанного в 1872 г. в Первопрестольной Исторического музея, почетным председателем которого он был до 1881 г. По свидетельству С. Д. Шереметева, мысль о таком учреждении всецело принадлежала цесаревичу Александру Александровичу под впечатлением виденного им в Копенгагене главного музея скандинавских древностей и королевского музея древностей в замке Розенборг. Душою этих исторических центров был известный датский ученый И. Ворсо. Будущему властителю России особо запало в душу посещение замка Розенборг, образцового исторического музея Дании, где в каждом зале представлены различные века и наглядно разворачивается величественная картина исторического прошлого страны, о чем с большой любовью и увлечением рассказывал Ворсо. Цесаревичу пришлось приложить немало усилий, чтобы организовать подобный музей у себя на родине. Сейчас нам известно, что предложения создания национального исторического музея высказывались еще в 1817 г. сотрудниками Румянцевского кружка, а в 1872 г. — устроителями Севастопольского отдела Политехнической выставки. С самого начала дело создания музея переходило из одних случайных рук в другие, пока к нему не примкнул граф А. С. Уваров. Музей создавался в условиях противоборства разных точек зрения на историю России. Организационный комитет

по устройству музея (полковник Н. И. Чепелевский, археолог А. С. Уваров, генерал А. А. Зеленый), получив в феврале 1872 г. высочайшее разрешение на учреждение в Москве Музея имени Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича Александра Александровича, был преобразован в управление музея. В январе 1873 г. приняли «Общие основания музея». Определили цель музея — «служить наглядной историей», для чего «будут собираться все памятники знаменательных событий истории Русского государства». В 1874 г. сформировали ученую комиссию во главе с Уваровым для разработки организационных и научных вопросов, выявления памятников и отбора экспонатов. В комиссию вошли К. Н. Бестужев-Рюмин, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, В. Е. Румянцев, С. М. Соловьев и др. Тогда же был создан строительный комитет, объявивший конкурс на лучший проект музейного здания. В августе 1874 г. утвердили первый музейный устав, составленный Уваровым. Музей был определен как общественное учреждение с широкими научными и просветительными целями (242, т. 1, с. 237). Только личное участие цесаревича, его настойчивость, посещения и вклады, позволили оградить все дело от застоя. С 1875 по 1883 г. было построено здание музея в русском стиле по проектам В. О. Шервуда и А. А. Семенова. В декоре использовали мотивы стоящего напротив храма Василия Блаженного. С 1881 г. музей был передан в ведение Министерства народного просвещения, получив статус правительственного учреждения. Он стал называться Императорским Российским историческим музеем (до 1917 г.).

3. ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

В ноябре 1872 г. по желанию великого князя Александра Александровича было основано Общество любителей духовой музыки, которое первоначально называлось хором наследника цесаревича Александра Александровича. Царевич лично участвовал в этом музыкальном кружке в течение девяти лет вплоть до своего восшествия на престол, после чего этот хор продолжал существовать, но был переименован в Общество любителей духовой музыки. Как свидетельствует Александр Берс, офицер л.-гв. Преображенского полка, мысль об основании музыкального кружка созревала у царского сына постепенно, по мере того как возрастала у него любовь к музыке.

В юные годы Александр Александрович игрывал квартеты с покойным цесаревичем Николаем Александровичем, генералом М. В. Половцовым, В. В. Вурмом и Тюрнером. В 1869 г. узнав о

существовании октета, который собирался во дворце у принца А. П. Ольденбургского, наследник престола выразил желание послушать его игру, и в один из вечеров пришел во дворец, захватив с собой на всякий случай корнет. Видя, что кроме участвующих никого более в зале не было, Александр Александрович подсел к медным инструментам, вынул из футляра корнет и промузицировал с ними весь вечер. Игра в большом оркестре понравилась цесаревичу. В один из последующих вечеров наследник сыграл на корнете с аккомпанементом оркестра маленькую арию из оперы «Фауст» Гуно, а после ужина, когда любители-музыканты пели по обыкновению по нотам известные квартеты, великий князь, сидя рядом с бароном В. А. Фридериксом, очень твердым певцом, пел вместе с ним партию второго тенора. Наследник не мог оставаться долго без музыки, к которой все более и более привязывался. Ему захотелось поиграть септеты для медных инструментов. Это желание проявлялось в весенние периоды времени, которые великий князь обычно проводил в Царском Селе.

В числе постоянных участников септета были кроме наследника принц Александр Ольденбургский (альтгорн), граф Адам Олсуфьев (корнет), адъютант цесаревича граф Александр Олсуфьев (корнет), генерал Михаил Половцов (альтгорн), Александр Берс (бас). Кроме этих любителей музыки, наследник приглашал еще артистов Шрадера, Тюрнера и Бергера. Несколько позже к септету примкнул барон Александр Мейендорф (альтгорн). Нередко репетиции оркестра устраивались на чистом весеннем воздухе в саду Царского Села.

Однажды во время игры в Красном Селе музыкантов посетил император Александр II. «Его Величество, — вспоминает А. Берс, — подошел к нам и с самой добродушной улыбкой, через которую проглядывало не особенно большое доверие к искусству участвующих, просил нас что-нибудь сыграть. Мы все, не исключая и цесаревича, сконфузились и засуетились... Во время нашей игры государь не переставал добродушно улыбаться, а когда мы кончили, то Его Величество сказал: «Ну, неважно, могло бы быть лучше». За нашу робость и неумение показать товар лицом мы получили от государя то, что на этот раз заслужили, а между тем, у нас было немало пьес, которые звучали стройно и красиво».

Желание цесаревича организовать большой медный оркестр относится к лету 1872 г. В тот же год осенью графом Олсуфьевым и Берсом был осуществлен отбор членов этого оркестра. В качестве помещения для репетиций был выбран большой зал Морского музея в здании Адмиралтейства. Оркестр собирался в 8 часов вечера по четвергам неизменно вплоть до 1881 г. Великий князь

входил в зал всегда с сияющим лицом, показывая свое удовольствие, когда не было отсутствующих членов кружка.

Александр Александрович исполнял в кружке партию самого низкого баса на очень большом медном инструменте геликоне, в который надо было сперва влезть головой, а уж потом положить его на плечо. Цесаревич заказал себе инструмент особенно больших размеров, потому что в геликоны обычных размеров ему было трудно влезть.

Первоначально оркестром дирижировал помощник заведующего хорами гвардии Беккель, после его смерти управлять оркестром стал Шрадер.

В последние годы дирижерство перешло к заведующему хорами гвардии Вурму, а Шрадер, как один из лучших корнетистов, стал исполнять партию первого корнета.

Постепенно репертуар оркестра пополнялся произведениями Бетховена, Глинки, Шумана, Вагнера, Мейербера и других известных композиторов. Значительно расширился и сам состав оркестра и насчитывал в последние годы около пятидесяти человек.

В последний четверг каждого месяца оркестр собирался в Аничковом дворце для цесаревны Марии Федоровны, которая приглашала на эти вечера узкий круг близких ей людей, всего человек шесть-восемь.

Нередко приезжал на эти вечера сам император Александр II, который иногда просил исполнить какую-либо понравившуюся ему пьесу. Несколько раз там же в оркестре великий князь Николай Николаевич старший музицировал на маленьком турецком барабане, выбивая дробь отчетливо и красиво. Этот барабан был привезен Александром Берсом из Софии во время последней Русско-турецкой войны. Вечера в Аничковом дворце неизменно заканчивались прекрасным ужином, которым потчевал радушный хозяин своих музыкальных коллег. Однажды цесаревич передал оркестрантам желание его матери, государыни Марии Александровны, послушать их музыку у нее в Зимнем дворце.

В назначенное время музыканты в парадной форме собрались в Зимнем дворце в гостиной императрицы. Ее Величество довольно мягко и приветливо встретила оркестрантов, расспрашивала о репетициях и репертуаре, рассматривала ноты и музыкальные инструменты. Концерт прошел вполне благополучно, хотя по отзывам самих исполнителей, из-за обилия мягкой мебели в гостиной, звучание не было столь эффектным, нежели в пустом зале Адмиралтейства.

Во время чая, сервированного на отдельных небольших столах, Александр II подходил к музыкантам, следил за тем, хорошо ли их

угощают, затем подсел к одному столу и дружелюбно беседовал с сидящими за ним.

Все чувствовали себя легко среди радушной семьи первого лица империи.

Лучшие дни для оркестрантов начинались обычно с наступлением весны и переездом наследника престола в Царское Село. Туда соответственно переносились и репетиции. Музыканты обычно приезжали к часу дня. В ожидании завтрака они, как дети, вырвавшиеся после зимы на волю, забавлялись находившимися в большом зале дворца игрушками августейших детей цесаревича.

Вместе с ними развлекался и Александр Александрович. Позавтракав, оркестранты занимались сыгровкой, что продолжалось обычно до 5 часов вечера.

Затем около часа они прогуливались пешком по парку. В 6 часов обедали, после чего прогулка по паркам продолжалась уже в фантастических экипажах цесаревича, которые он любезно предоставлял своим музыкальным коллегам. К 8 часам приезжали в Павловск на музыку. «Сначала публика недоумевала и никак не могла понять, — по признанию А. Берса, — зачем возят в царских экипажах такой пестрый букет из самых разнообразных форм, между которыми были и прапорщики, и генералы, и цилиндры. Для нас выбегали караулы, офицеры становились во фрунт, штатские снимали шляпы; все предполагали, что между нами непременно должен находиться кто-нибудь из царской фамилии. Мы всегда сажали на самое видное место генерала Половцова; он брал на себя труд откланиваться за всех направо и налево». Во дворце оркестр собирался в 9 ½ часов вечера и музыка звучала до самого ужина. Только на рассвете специальный поезд с одним прицепленным вагоном отвозил оркестрантов в Петербург. Сидя в вагоне, они вынимали свои инструменты и играли марши наизусть.

«Дни, проводимые в Царском Селе, — вспоминал Берс, — были всегда полны самых приятных и разнообразных впечатлений. Припоминаю необыкновенно веселую поездку нашего кружка вместе с наследником цесаревичем на казенном пароходе в Петергоф. В продолжении всего пути от Петербурга до Петергофа игрались на палубе знакомые пьесы. В Петергофе нас уже ожидали придворные линейки, которые и доставили нас во дворец. Мы музицировали там на воздухе, а под конец наш кружок построился в несколько шеренг и продефилировал вместе с цесаревичем в ногу перед цесаревной, играя на ходу марш».

За все время существования духового оркестра с 1872 по 1881 г. только дважды прерывались его репетиции. Первый раз из-за серьезной болезни Александра Александровича тифом и второй

на полтора года в период Русско-турецкой войны в 1877 г. В конце 70-х гг. весь оркестр в полном составе был снят фотографом Левицким. В знак памяти об оркестре цесаревич утвердил для ношения жетон с инициалами и царскою короною над ними. Внутри жетона была помещена миниатюрная фотография великого князя. Следует заметить, что благодаря существованию данного кружка у будущего императора развилась сердечная склонность к музыке. Не случайно при нем в корпусах, в гимназиях, на заводах, в различных учреждениях создавались и культивировались свои оркестры.

По личной инициативе Александра Александровича вскоре после его воцарения был учрежден придворный оркестр, единственный в своем роде во всей Европе.

Известно, что Александр III был тонким ценителем хорошего исполнения и высказывал всегда верные суждения о музыке, кроме того, он до конца своих дней являлся покровителем музыкального дела в России. Иногда в часы досуга он вспоминал прошлое и играл на валторне.

4. УЧАСТИЕ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 ГГ.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!

Ф. И. Тютчев

В 1877—1878 гг. великий князь Александр Александрович принял участие в священной освободительной войне России против Турции. Эта грандиозная военная схватка была не только серьезным испытанием, но и жестокой школой для будущего императора, из которой он сделал непреложные выводы для себя.

Фитиль войны был зажжен на Балканах. В 1875 г., не выдержав нечеловеческого отношения и гнета турок, вспыхнуло восстание сербского населения Боснии и Герцеговины, которое затем было поддержано в Болгарии. Стремясь защитить единоплеменников против Оттоманской империи, в июне 1876 года выступили Сербия и Черногория.

Неслыханные зверства башибузуков при подавлении болгарского восстания вызвали в России возмущение и горячее сочувствие братьям-славянам. Под давлением общественности Александр II разрешил офицерам выходить во временную отставку и в качестве волонтеров вступать в сербскую армию. Сбором средств и отправкой добровольцев в пользу южных славян занимались Славянские комитеты.

Наследник престола и его ближайшее окружение (будущий обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, отставной генерал Р. А. Фадеев, редактор журнала-газеты «Гражданин» В. П. Мещерский и др.) с пристрастием обсуждали события на Балканах и реальные их последствия.

Цесаревич, также как и императрица, и брат царя великий князь Николай Николаевич, считал, что Россия должна вступить в поддержку слабо вооруженных единоверцев. В начале событий и царь, и канцлер, и военный министр, и министр финансов искренне желали избежать войны. Они еще не забыли крымское поражение и вполне разумно остерегались, как бы России не пришлось вторично отражать натиск почти всей Европы.

Осенью 1876 г. в Ливадии Александр II провел ряд совещаний по вопросам, связанным с положением на Балканах. Участником этих совещаний был и наследник престола, который в тот период писал Победоносцеву: «Да, бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что наконец пришли к какому-нибудь плану действий» (148, т. 1, п/т 2-й, с. 1016).

В конце концов, исчерпав все меры дипломатического воздействия, Александр II вынужден был 12 (24) апреля 1877 г. подписать манифест об объявлении войны султану Абдул-Гамиду II. В этот же день военные действия начались на обоих театрах — на Балканском и Кавказском — и продолжались свыше десяти месяцев, по день заключения Сан-Стефанского договора 19 февраля (3 марта) 1878 г. Основные события развернулись на Балканском полуострове.

Русская Дунайская армия в составе 4-х корпусов с прикомандированными частями (185 тыс. человек, 810 орудий) перешла границы империи и начала наступление к пределам Турции. Уже 10—20 июня русские полки переправились у Галаца, Браилсва и в районе Зимницы и вторглись в пределы вражеской территории. С плацдарма в районе Систово Дунайская армия развернула наступление тремя отрядами: Западным (около 35 тыс. человек, 108 орудий) — на Никопол, Плевну (Плевен); Восточным (40 тыс. человек, 216 орудий) — на Рущук (Русе) и Передовым (до 12 тыс. человек, 32 орудия) — к Балканским перевалам. Около 70 тыс. человек находились на подходе на левом берегу Дуная и в резерве.

Русской армии на Балканах противостояла турецкая армия сердарэкрема Абдул-Керим-Надир-паши (более 206 тыс. человек, 400 орудий). Главные силы, всего 96 тыс., занимали знаменитый четырехугольник турецких крепостей: Рущук — Силистрия — Варна — Шумла, имея часть сил восточнее р. Янтры. Другая часть — до 58 тыс. — под руководством прославившегося в эту войну Осман-паши, была расположена в районе крепости Виддин. Остальные войска обороняли Балканский хребет и занимали важнейшие пункты внутри государства. Кроме этих сил, корпус Сулеймана-паши, в составе 41 батальона с 4 батареями, уже приступил к посадке на корабли, чтобы из Черногории морским путем поспешить на оборону Балканского хребта и путей, ведущих к Константинополю.

Такое расположение турецких сил указывало на принятый турками план предстоявших военных действий. Они рассчитывали ударить по переправившимся через Дунай русским силам с обоих флангов и уничтожить их. Подобный план мог быть реализован при искусном турецком главнокомандующем и при недостатке сил русской армии. Однако, как мы знаем, турецкие генералы воинского мастерства почти не проявили. Что же касается русской армии, то, хотя она и была усилена тремя корпусами, тем не менее силы ее были еще недостаточны, отчего и произошли многие неудачи. В целом следует отметить, что русская армия превосходила турецкую в организации, выучке войск, подготовке командного состава, в моральном отношении, но уступала ей в качестве вооружения, которое Порта получала из Англии, Германии и США.

25 мая император вместе с цесаревичем прибыли поездом в действующую армию. Поезд доставил их в небольшой румынский городок Плоешти, где располагался в то время штаб главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича старшего.

Наследнику престола Александру Александровичу, ранее командовавшему гвардейским корпусом, было поручено начальство над Рущукским отрядом, сформированным 22 июня 1887 г. из 12-го (командир вел. князь Владимир Александрович) и 13-го (командир генерал-лейтенант А. Ф. Ган) армейских корпусов. Всего в составе отряда находилось $49^1/_2$ батальонов, 41 эскадрон и сотен, общей численностью до 40 тыс. человек и 216 орудий. 26 июня цесаревич прибыл в селение Павло и тот же день вступил в командование рущукским отрядом. Начальником штаба отряда стал бывший командир 12-го корпуса генерал-лейтенант П. С. Ванновский (впоследствии, во время царствования Александра III — военный министр). Кавалерией командовал близкий наследнику по духу генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков

(в его царствование — министр императорского двора и уделов). Штаб состоял из лиц, большинство которых было хорошо известно цесаревичу, что сыграло немаловажную роль для их слаженной и оперативной работы.

Наследник, как говорили, был недоволен тем, что его не вернули на его должность командира гвардейского корпуса, из-за чего были некоторые трения между ним и главнокомандующим.

Великий князь Николай Николаевич сразу же по назначении главнокомандующим в начале ноября 1876 г. уехал в Кишинев и оттуда написал Александру II письмо, в котором затрагивал один из самых существенных вопросов организации действующей армии. Письмо написано с полной откровенностью и с завидным гражданским мужеством.

Великий князь писал по весьма деликатному вопросу о присутствии государя в действующей армии и о службе в ней великих князей.

По российским законам император являлся верховным вождем армии и флота. Подобный закон существует и в других государствах. Даже штатские президенты республик имеют такое же звание. Бесспорно, русский император имел полное право предводительствовать войсками и в военное время. В то же время у государя были и другие обязанности — управлять государством, что требовало от него еще более напряженной работы, чем в мирное время. Поэтому всякий раз перед войной возникал вопрос: вступать ли монарху в управление армией лично или доверять ее особому главнокомандующему, облеченному полным доверием и самостоятельностью в решении задач войны.

Николай Николаевич, сознавая все это, решил откровенно высказать свое мнение в письме Александру II, своему державному брату. Ссылаясь на исторические примеры, он подчеркивал, как пагубно и для армии, и для самого монарха было присутствие его в армии без вступления в командование ею. Также определенно он выразил свое желание, «чтобы никто из великих князей не получил назначения в армию, как лица безответственные и не привыкшие всей обстановкой их жизни к строгой дисциплине». Ответ Александра II был написан в самом спокойном духе, без малейшего упрека и раздражения. Царь вполне соглашался с мнением великого князя, что присутствие монарха в армии стесняет главнокомандующего, и поэтому он заявлял, что постоянно в армии находиться не будет. Но так как предстоявший поход имеет религиозно-народный характер, он не может оставаться в Петербурге, а будет находиться в тылу армии, в Румынии, и только время от времени будет приезжать в Болгарию, чтобы поблагодарить войска за боевые подвиги, посещать

раненых и больных. «И каждый раз, — писал государь, — я буду приезжать не иначе как с твоего согласия. Одним словом, я буду братом милосердия» (122, с. 92—95).

Соглашаясь в принципе с мнением Николая Николаевича, государь обращал его внимание на то, что, ввиду особого характера похода, отсутствие в армии всех великих князей может быть понято общественным мнением как уклонение их от исполнения патриотического и военного долга. «Во всяком случае, — писал Александр II, — Саша, как будущий император, не может не участвовать в походе, и я хоть этим путем надеюсь сделать из него человека» (там же, с. 95).

Забегая вперед, следует отметить, что почти все великие князья, принявшие участие в войне, проявили себя самым достойным образом. Как свидетельствует генерал Н. А. Епанчин, находившийся тогда в Дунайской армии, вели они себя вполне серьезно, добросовестно несли службу в нелегких условиях войны и жизни в Болгарии, где не было даже порядочных помещений для жилья, особенно зимой. Достаточно сказать, что самому Александру II приходилось жить в крестьянских хатах с земляным полом, с примитивным отоплением. Также и главнокомандующий нередко жил в землянках. Великий князь Владимир Александрович безупречно командовал 12-м армейским корпусом. Неплохо показали себя герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский в передовом отряде генерала Гурко, великие князья Алексей Александрович и Константин Константинович, работавшие на Дунае, принц Константин Петрович Ольденбургский, служивший в л.-гв. Гусарском Его Величества полку и другие.

Главнокомандующий поставил цесаревичу задачу прикрыть дорогу от переправы через Дунай у Систово к Тырнову, взять Рущук, овладеть Никополем и, продвинувшись вперед, занять важнейший горный проход через Балканы у Шипки. Поскольку планы полевого Штаба армии постоянно менялись, до осады Рущука дело так и не дошло. 10 июля отряд, сосредоточив главные силы на реке Янтре и, выдвинув авангард к Обретенику, предпринял было наступательное движение на крепость Рущук, но уже 12 июля события под Плевной вызвали приостановку наступления. Отряду пришлось занять оборонительную позицию на левом берегу р. Кара-Лома и, вступив в связь с осман-базарским отрядом, ограничиться прикрытием от армии Мехмет-Али 120-верстного пространства от Дуная до Елены.

Здесь на Балканах цесаревичу многое открылось. Он увидел реальные стороны войны, то, чего не мог увидеть в столице в царских апартаментах. Свои впечатления, свое мироощущение он

старается передать в письмах к жене и Победоносцеву, с которыми ведет активную переписку.

В ряде писем он довольно смело и беспристрастно критикует главнокомандующего, Главную квартиру и пребывание своего отца в действующей армии:

«Вообще, во всем и везде порядка мало, и большего сумбура и беспорядка, как здесь, трудно себе представить. Нет уж, Боже избави от подобных главнокомандующих и начальника штаба всего полевого управления; это просто наказание и кара Божья. Терпим, терпим, но, наконец, и не выдержим, и всякое терпение лопнет» (10, оп. 1, д. 707, л. 67—68). 30 июля из бивака у Широко он пишет жене: «Начало войны было столь блестящее, а теперь от одного несчастного дела под Плевной все так изменилось, и положительно ничего мы не можем делать» (10, оп. 1, д. 707, л. 6). 4 августа оттуда же он сообщает супруге: «Только что получил твое маленькое-премаленькое письмо № 27, за которое все-таки благодарю, хоть грустно получать такие крошечные записки вместо длинных писем. Получил я тоже отчаянное письмо от К. П. Победоносцева, который пишет о печальном настроении умов в Петербурге после неудач под Плевной и тоже говорит, как все желают возвращения Папа обратно в Россию и как это необходимо в настоящую минуту. Я совершенно с этим согласен, и как бы мы все радовались бы, если наконец Папа решился бы вернуться в Россию, но об этом, к крайнему нашему сожалению, и думать нельзя. Папа так недоволен, когда ему об этом говорят, что мы более и не смеем пикнуть об этом. Просто досадно видеть жизнь в Главной квартире Папа: переходит с места на место, как цыганский табор, пользы от нее никакой, никому она не нужна, путает и вмешивается во все, а Милютин уже начинает играть роль главнокомандующего или, по крайней мере, роль Мольтке в войну 1870—71 гг. Для бедного дяди Низи, я думаю, это очень неприятно, и, вместо того чтобы распоряжаться спокойно ходом всего дела, его суетят, требуют туда, сюда и предлагают свои планы или даже насильно навязывают их. Положительно не следует государю быть при армии, если он не главнокомандующий: он только служит помехой, и роль, которую играет при армии, странная, если не сказать больше» (там же, л. 42—43). Переход турецкой армии в наступление на Шипку и движение Сулеймана-паши на соединение с Мехметом-Али повлекли приказ главнокомандующего Рущукскому отряду встретить армию Мехмета и не допустить ее к дальнейшему продвижению. Усиленная рекогносцировка, произведенная под непосредственным руководством цесаревича, обнаружила сосредоточие значительных сил противника,

вследствие чего 14 августа фронт отряда был перемещен в новом направлении.

Медленные и нерешительные действия турецкой армии, имевшей в то время значительное превосходство сил, позволили Александру Александровичу сосредоточить оба свои корпуса на небольшом фронте и таким образом обезопасить от восточной армии противника тыл наших войск, расположенных у Плевны.

К сожалению, план штурма этой крепости, подготовленный полевым Штабом главнокомандования, свидетельствовал о весьма малой искушенности в военном искусстве его составителей. Третий штурм Плевны, также как и два предыдущих, окончился полным провалом.

В трех штурмах наши войска потеряли 32 тыс., румыны — 3 тыс. человек. Главнокомандующий растерялся и предлагал русскую армию отвести за Дунай. «Никогда еще не видал государя в таком глубоком огорчении, — отметил военный министр Д. А. Милютин, — у него изменилось даже выражение лица (187, т. 2, с. 215).

Александр Александрович, остро переживая случившееся, направил императору 11 сентября письмо, в котором со всей откровенностью высказал существующее в армии недовольство на главное начальство, потерявшее всякое доверие войск. Наследник убеждал государя принять личное командование армией, назначив Милютина своим начальником штаба. Государь, читая это письмо, прослезился (187, т. 2, с. 219). Чтобы убедить Александра II принять такое решение, в тот же день наследник направил к нему своего брата великого князя Владимира Александровича, а 17 сентября снова написал длинное письмо государю, доказывая опять необходимость решительных действий. Государь не ответил на это письмо, а вызвал к себе в Горний Студень наследника лично. Цесаревич прибыл к царю 15 сентября с великим князем Владимиром Александровичем и начальником штаба Ванновским. На следующий день у государя состоялось совещание, на котором обсудили и приняли план предстоящих боевых действий. Только благодаря Д. А. Милютину было принято решение — держаться на прежних позициях и ждать прибытия подкреплений.

Неудачи и тяжелые потери под Плевной произвели гнетущее, удручающее впечатление на армию и русское общество. «Войска не падают духом, — отметил в своем дневнике военный министр, — однако ж слышится отовсюду ропот на начальство. В России же этот ропот принимает характер общего неудовольствия; громко порицают и начальство армии, и самого государя. Не скрывают негодования на то, что должности в армии розданы

великим князьям и принцам, как будто вся кампания ведется для того только, чтобы доставить случай членам царского дома украситься Георгиевскими крестами. Этот боевой почетный знак, так высоко ценившийся в общественном мнении, раздается теперь с такой щедростью, достается так легко, что начинает терять прежнее высокое значение. Злые языки, даже в свите государя, громко говорят, что война ведется по образцу красносельских маневров. Ходят слухи, будто в России, в самом Петербурге, намереваются подать государю адрес для убеждения его возвратиться в свою столицу» (187, т. 2, с. 225).

«...Это несчастье и большое несчастье, что Папа сам был под Плевной, — писал Александр Александрович жене 18 сентября 1877 г. из с. Дольный Монастырь, — потому что он, не видевши никогда в жизни ни одного сраженья, попал прямо на эту ужасную бойню, и это произвело на него такое страшное впечатление, что он только об этом и рассказывает и плачет, как ребенок. Не знаю, отдает ли он себе отчет, что эта громадная жертва была принесена напрасно и совершенно бесполезно, что собственно не было никакой нужды штурмовать турецкую позицию и что можно было, наверно, предвидеть этот исход. Мы все уверены, что эта кровавая драма 30 августа была результатом того, что хотели непременно покончить с Плевной эффектом и поднести государю подарок в день его именин, ну и поднесли! Нечего сказать? Непростительно и преступно со стороны главнокомандующего подобные необдуманные действия, и нет сомнения, что он должен будет ответить перед всей Россией и отдать отчет Господу Богу за эту отвратительнейшую драму» (10, оп. 1, д. 707, л. 189—190, 171).

Во многих письмах Александра Александровича чувствуются боль и страдания в связи с большими и неоправданными потерями русских воинов.

5 сентября 1877 г. он пишет: «...Невыносимо грустно и тяжело то, что мы опять потеряли такую массу людей, дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!..»

На следующий день, 6 сентября, признается: «...До сих пор брали все прямо на штурм; от этого и была у нас эта страшная потеря, дошедшая за последнее время до ужасной цифры 16 000 человек убитыми и ранеными, а одних офицеров выбыло под Плевной до 300 человек » (10, оп. 1, д. 707, л. 70—72).

С возмущением цесаревич пишет о кровавых злодеяниях османов, творимых ими на болгарской земле:

«При занятии проходов в Балканах наши войска находили кучи отрубленных голов солдат и офицеров и тела страшно изуродованы! Какая мерзость! Из пойманных башибузуков (воинов

турецкой иррегулярной армии. — *Е. Т.*) 4 человека были сейчас же расстреляны и, по показанию болгар, они всего больше неистовствовали и резали жителей» (там же, л. 134—135).

11 сентября 1877 г. великий князь просит цесаревну не ездить по театрам в такое тяжелое, скорбное время для всей России. «Если ты хочешь мне сделать огромное удовольствие и если тебе это не слишком тяжело, не езди в театры, пока эта тяжелая кампания благополучно не кончится. Я уверен, что и Мама разделит мой взгляд и все найдут это приличным и более достойным для моей жены. Прости меня, что это пишу тебе, потому что уверен, что ты и без того этого не делала бы и что тебе и самой казалось это неприличным. Так ли это или я ошибаюсь?..» (там же, л. 189—190).

12 октября в отряде наследника был убит турецкой пулей наповал в лоб его двоюродный брат, 28-летний князь, генерал-майор С. М. Лейхтенбергский, состоявший при Рущукском отряде. Этот молодой принц, красавец собой, был общим любимцем. «До того нас всех поразила смерть бедного Сережи Лейхтенбергского, — писал Александр Александрович 14 октября из с. Брестовец, — ты можешь себе представить, когда видишь человека веселого, здорового еще за несколько часов и вдруг узнать, что он убит, это до того поражает, что не отдаешь себе ясного отчета в том, что случилось...

...В 8 ч вечера после обеда мы перенесли тело бедного Сережи из его домика в здешнюю булгарскую церковь. Эта церемония по простоте обстановки и при чудной лунной ночи была удивительная. Несли его на носилках для раненых, и эти носилки уже были, как видно, много раз в употреблении, потому что они покрыты были кровью. Несли я, Сергей и все наши; впереди шли офицеры Невского и Софийского полков вместо певчих и отлично пели и мои конюшенные люди с факелами, а солдаты кругом с фонарями, а сзади священник и все остальные. Никогда я не забуду это печальное шествие. В церкви поставили тело на тех же носилках на пол, а тело прикрыли его пальто, и сейчас же отслужили первую панихиду и, могу сказать, положительно все молились усердно и искренно о бедном товарище. При церкви постоянно находится офицерский караул попеременно, один день мои атаманцы, а другой день от батальона Бендерского пех[отного] полка. Кроме того, 2 часовых у тела и постоянно дежурят день и ночь у тела, сменяясь попарно: Сергей, Эжен, Стюрлер, Воронцов, Литвинов, Ники Долгорукий, все мои адъютанты и все офицеры моего отрядного штаба» (10, оп. 1, д. 707, л. 155—156).

С наступлением распутицы и холодов тыловое обеспечение, особенно продовольственное и фуражное снабжение Рущукского

отряда, также как и всей Дунайской армии, значительно ухудшилось, что вызвало крайнее недовольство солдат и офицеров. «...Интендантская часть отвратительная, — сообщал цесаревич жене, — и ничего не делается, чтобы поправить ее. Воровство и мошенничество страшное, и казну обкрадывают в огромных размерах...» (там же, л. 6).

Цесаревич серьезно обеспокоен состоянием военно-медицинского обеспечения. Он пишет о том, что госпитали переполнены больными и ранеными, одетыми в грязное белье, в котором их перевезли. «...Некоторые (раненые. — *Е. Т.*) в сапогах и мундирах; рубашки у многих были все в крови, совершенно запекшейся, как они были вынесены из дела, хотя некоторые лежали в госпитале по 5 и 6 дней...» (там же, л. 59—60). «Многие ужасно страдают и стонут, другие, напротив, такие молодцы; но, когда видишь постоянно все новых да новых раненых и новые мучения, тяжело становится на сердце и поневоле думаешь: да когда же, Боже, конец этим мученьям, этим жертвам, этой ужасной войне! Тяжело и далеко непривлекательно вид этих несчастных здесь, на месте, в скверной относительно обстановке, в этот холод, без постелей, большей частью просто на соломе.

В Петербурге и, вообще, по всем городам России раненые блаженствуют и как бы в раю, а здесь, Боже, что они страдают, что претерпевают, через что проходят. Себе представить нельзя, какое впечатление и какой вид представляют наши госпитали теперь, осенью... Все, что только можно сделать для улучшения больных и раненых, сделано у нас, да кроме того, сколько пожертвовано вещей, и Красный Крест снабжает всем, чем только может, а все еще мало на такую массу госпиталей и лазаретов» (там же, л. 167—168). Зная о том, что его супруга возглавила Российский Красный Крест и организовала пересылку на фронт теплых вещей, медикаментов и различных подарков русским воинам, цесаревич 4 ноября пишет ей из с. Брестовец: «...Вчера в 11 часов утра получил посланные тобой вещи для офицеров и солдат. Первый транспорт уже роздан во все части, где в каждом полку устроена была лотерея и доставила большое удовольствие людям; и этим путем никто не был обижен, а иначе не знаешь, как раздавать вещи. Тюк с 20 пудами табаку, который по ошибке остался в Систове я на днях получил и послал в части...»

«Если будешь еще присылать, — обращается Александр Александрович к цесаревне 5 ноября, — то, пожалуйста, побольше табаку и именно махорки. Главное удовольствие бедных солдат, и даже более удовольствия им делает махорка, чем чай, который они получают иногда от казны, а табак никогда, фуфайки очень

полезны и хороши; набрюшников не стоит вовсе присылать; солдат не станет носить их и непременно сделает что-нибудь другое из них. Одеяла, чулки, колпаки и проч. — все это хорошие вещи и нужны. Папиросы для офицеров тоже нужны, здесь трудно достать и дороги...» (10, оп. 1, д. 707, л. 181—182).

В одном из писем Александр Александрович выражает благодарность датским родственникам за то, «что в Копенгагене они устроили базар для наших раненых и это делает им честь. Фуфайки, присланные Мама Бошзе, чудные и теплые, и будет весьма приятно и полезно, если ты выпишешь еще подобные для офицеров и солдат» (там же, л. 189). Следует подчеркнуть, что военно-медицинское обеспечение русской армии было лучше, чем во время Крымской войны, а в ряде положений стояло много выше, чем в иностранных (64, с. 307).

Так, в турецкой армии во время Освободительной войны 1877—1878 гг. количество умерших от болезней было очень велико, так как военно-санитарное дело в Турции находилось на крайне низком уровне. Об этом свидетельствует состояние турецкого военного госпиталя в Плевне, в котором турки оставили при отступлении 800 человек. По вступлении в город русские врачи застали в госпитале 600 трупов в различной степени разложения, остальные 200 человек были очень сильно истощены (371, с. 290—291).

«На улицах и дворах домов, — говорят наши врачи-очевидцы, — где помещались больные и раненые, было страшное зловоние... Дворы, лестницы и сени были покрыты массой извержений, по преимуществу дизентерийных... В отдельных комнатах смрад достигал невозможной степени, и глазам представлялась картина, способная потрясти даже самые твердые нервы; на полу, большей частью голом, а в некоторых домах на соломенных, до невероятия загрязненных матрацах сплошь лежали живые люди, а между ними — трупы. Да и эти живые по степени истощения мало отличались от трупов. Умершие же были в состоянии сильной гнилости...» (см. 55, с. 279).

До половины ноября отряд цесаревича не выходил из оборонительного положения, оказывая упорное сопротивление всяким попыткам продвижения турок. 14 ноября главнокомандующий восточной турецкой армией Сулейман-паша атаковал части Рущукского отряда (12-й корпус), доведенного до 70 тыс. человек. У Трестеника и Мечки произошел решительный бой, в котором победа досталась войскам цесаревича.

Новая попытка Сулеймана атаковать наш отряд со стороны Рущука была локализована в самом начале 26-й пехотной диви-

зией генерала Малахова, нанесшей туркам крупное поражение в бою у Златарицы 24 ноября 1877 г. Решительный удар Александр Александрович готовил главными силами отряда по левому флангу турецких войск у Челнова и Двух Могил, однако турки 30 ноября сами перешли в наступление у Мечки, в результате чего были отброшены с большими потерями.

Падение Плевны 28 ноября (10 декабря) и события на главном театре военных действий позволяли Рущукскому отряду покинуть оборонительную линию. С 25 декабря 1877 г. начался завершающий 3-й этап войны. Было решено распределить всю Дунайскую армию на три группы: западный отряд под начальством наследника Александра Александровича, средний — ген. Радецкого и восточный — ген. Тотлебена. В связи с таким перемещением цесаревич телеграфировал государю, что просит себе в начальники штаба ген. Обручева. Выбор этот был одобрен Александром II. Однако вскоре выяснилось, что выбор Обручева не был одобрен главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. (187, т. 2, с. 257). Сущность этих разногласий цесаревич излагает в письме к жене, написанном в с. Брестовец 28 декабря. «Папа тебе наверное говорил, что я просил его по телеграфу назначить ко мне начальником штаба генер. Обручева, — пишет цесаревич, — в случае, если мне придется принять войска Западного отряда под мое начальство. Я остановился на Обручеве как на человеке весьма умном, энергичном и занимавшимся много вопросом о Турции. Главное, почему я в особенности настаиваю на его назначении, это потому, что я не имею ни малейшего доверия к Д. Низи и его штабу и их распоряжениям, а принять начальство над Западным отрядом, имея генер. Гурко начальником штаба, как хочет, чтоб я сделал, Д. Низи, я решительно не хочу, потому что Гурко будет фантазировать и делать то, что желает Д. Низи, а не то, что я хочу. Генер. Обручев — весьма самостоятельная личность, и поэтому главнокомандующий и слышать не хочет об его назначении; кроме того, Д. Низи хорошо знает мое мнение о всей компании и его распоряжениях и боится, что я с Обручевым вдвоем будем ему помехой. Он уже мне несколько раз телеграфировал шифром, что ни за что не хочет, чтобы я брал Обручева и что никогда не согласится иметь Обручева здесь, в армии. Я ему телеграфировал, что без этого условия я принять начальство Западным отрядом не могу. Папа я телеграфировал то же самое, хотя от него я получил сейчас же разрешение на назначение Обручева.

Теперь я жду ответа от Папа, чтобы знать, согласился ли он окончательно, несмотря на то, что Д. Низи этого не желает, и ему телеграфировал с своей стороны. Итак, теперь у нас с Д. Низи

своего рода баталья, посмотрим, чья возьмет! Все зависит от решения Папа. Я твердо решился, если Папа согласится с просьбой Д. Низи, проситься прочь из армии, потому что мое положение в отношении Д. Низи становится невозможным и я здесь не нужен. Я говорил об этом с Владимиром, и он совершенно со мною согласен. Принять начальство Западной армией в тех условиях, как того желает Д. Низи, я не могу; стало быть, что ж мне здесь делать? В Рущукский отряд уже назначен Тотлебен, так что я свободен. Если же, несмотря на все это, Папа прикажет мне оставаться и принять начальство над Западным отрядом, имея Гурко начальником моего штаба, конечно, я подчинюсь и исполню долг свято, но не могу скрыть, что этим Папа принесет в жертву своего сына!..» (10, оп. 1, д. 707, л. 246—247).

1 января 1878 г. последовал приказ о наступлении Рущукского (Восточного) отряда по линии Разград — Рущук — Осман-Базар. 3 января 1878 г. наследник пишет супруге: «Папа тебе, вероятно, передал его решение насчет меня и Владимира. Я получил вчера вечером телеграмму Папа с приказанием мне и Владимиру оставаться на наших местах впредь до приказаний. Решительно непонятно, зачем один день нас требуют в Петербург, потом приказывают ехать догонять гвардию, потом опять оставаться, опять ехать — и так в продолжение месяца, мы получили четыре разных приказания, и ничего из этого не вышло. Замечательно, что ничего не могут решить окончательно и все так идет здесь. Папа пишет одно, Дядя Низи другое. Папа хочет так, Дядя хочет иначе, и опять ничего решенного нет. Ах, дай Бог, чтобы все это кончилось наконец, пришло бы в нормальное положение... Общество сделалось еще приятнее с приездом Тотлебена и кн. Имеретинского и вообще живется всем хорошо, потому что все в ладу [друг] с другом и все порядочные люди и ведут себя отлично. С Тотлебеном я больше познакомился и сблизился, и замечательно здраво он судит о событиях; совершенно самостоятельно и прямой и честный человек, как я теперь вполне убедился. Кн. Имеретинский — умный способный офицер и весьма приятный собеседник; всегда в духе, интересуется всем и порядочный во всех отношениях человек. Я боюсь только одно, что Тотлебену и Имеретинскому все-таки неприятно и неловко, потому что они оба приехали сюда заменить меня и Ванновского и, между тем, уже целый месяц прошел, а я все тут же».

Через день, 5 января, цесаревич сообщает: «Сегодня получили известие, что сербы взяли Ниш с большим количеством орудий, ружей, патронов и всякого запаса. Наши войска тоже подвигаются все вперед и идут безостановочно. У нас здесь тихо, ничего нового

и скука страшная; да, невесело оставаться таким образом на месте и знать, что мой гвардейский корпус там, за Балканами. Странная, правда, судьба моя и Владимира: участвовать в войне и все время не при своих частях, а казалось бы, чего же проще, как принять мне мой корпус, а Владимиру — свою дивизию. Здесь, слава богу, мы исполнили свою задачу, свой долг, до конца довели возложенное на нас дело, ну так и нечего больше делать. А теперь вот уже больше месяца, что все обещают вернуть нас обоих к гвардии, а вместо того только и есть, что обещания да нерешительность и неопределенность нашего положения, как это было все время.

Если будет на днях заключено перемирие, то, конечно, нам не стоит ехать туда, но если будут продолжаться военные действия, то будет весьма трудно догнать и доехать до гвардии и легко можно опоздать» (там же, д. 708, № 62, л. 1—7). 6 января Александр Александрович информирует жену: «Погода сегодня ужасная, холодно, страшный ветер с вьюгой, отвратительно.

Дунай окончательно замерз и уже пешком можно ходить, надеемся, что скоро можно будет перевозить и тяжести, а то очень трудно с продовольствием, потому что сколько уж дней почти подвоза не было и перевозили только маленькую часть на катерах и понтонах весьма медленно.

Кажется, что скоро придется нам снова начать военные действия и идти на Рущук и Разградъ; по крайней мере, Д. Низи очень настаивает на этом. Завтра собираются у меня корпусные командиры для обсуждения этого вопроса, и тогда решим, что можно будет предпринять для приведения сего плана в исполнение. Дай бог, чтобы это не нужно было, потому что, может быть, перемирие будет закончено к этому времени, но на всякий случай надо быть готовыми, если прикажут идти.

Посылаю тебе сегодня еще целую коллекцию видов села Брестовец, сделанных одним саперным офицером-любителем. Пожалуйста, собери все фотографии, которые я тебе прислал в два альбома; один — для видов Румынии, а другой — для Болгарии. Жаль будет, если они растеряются, у меня нет вторых экземпляров, я все послал тебе, что мог достать, а для меня это останется приятным воспоминанием нашей боевой жизни. Пожалуйста, не забудь заказать и сделай это» (там же, л. 7—8).

О том, что цесаревич находился не в лучших условиях, он сообщает 8 января: «Сегодня опять сильный мороз, и в комнате моей было всего 1 градус тепла, когда я встал; печка топится трудно, потому что дрова сырые и нескоро нагревается, но зато потом тепло и хорошо, но дует от пола и от стен страшно. Приходится постоянно сидеть в теплых сапогах, а когда и это не помогает, то

я влезаю ногами в меховой мешок, купленный в Бухаресте, но такой маленький, что обе ноги за раз не влезают, а приходится согревать сначала одну ногу, а потом другую».

Вся неприязнь к главнокомандующему, накопившаяся у цесаревича за последние дни, прорывается в письме к жене 9 января: «Вчера целый день прождал понапрасну известий из Главной квартиры о ходе мирных переговоров, так-таки ничего и не получили, а все ждут с страшным нетерпением. Нам весьма важно знать, чем кончатся переговоры, потому что в случае, если турки не согласятся на наши требования, мне приказано с моим отрядом идти на Разград и, если возможно, овладеть им и потом с сильным отрядом подойти к Рущуку и постараться заставить турок сдать нам эту крепость и город. Ведь наши, конечно, рвутся вперед, если сегодня еще я ничего не получу, то завтра с утра войска начинают наступление. Авось Господь не оставит нас и здесь, и благословит наше оружие, и поможет, как до сих пор помогал во всем! Но, конечно, дай бог, чтобы это не нужно было; еще лучше было бы без боя покончить с этими городами, и опять дорогая русская кровь не была бы понапрасну пролита. Довольно мы ее проливали и часто совершенно напрасно! Ты уже, конечно, знаешь от Папа, что он приказал мне и Владимиру оставаться на своих местах и не ехать к гвардии. Теперь милый наш Рущукский отряд переименован в Восточный отряд и присоединены к нему еще войска Тырновского отряда; так что все пространство от Дуная до Балкан в моем распоряжении. Конечно, тут особенно лестного нет и я уверен, что это сделано главнокомандующим только для того, чтобы меня не пускать за Балканы, где он не желает меня иметь, да и не особенно мне самому хочется ехать туда, потому что в этой обстановке, в которой находится теперь отряд генер. Гурко, невесело принимать отряд, уже сильно расстроенный и ослабленный! ...Что за беспорядок в тылу армии, это себе представить нельзя. Интендантство продолжает бездействовать. Товарищество жидов продолжает грабить казну самым бесцеремонным образом, и несмотря на это мы все-таки ничего не получаем и ничего к нам не подвозят.

Теперь Д. Низи и вся эта компания увлеклась забалканским походом, никаких распоряжений о продовольствии армии не делают, о сообщениях не заботятся, добиться толку до сих пор нельзя никакого от Полевого штаба; просто отвращение, что за администрация. С каждым днем все больше и больше приходишь к заключению, что Д. Низи — отвратительный главнокомандующий... мерзейший поляк (видимо, Непокойчицкий. — *Е. Т.*), и весь штаб и Главная квартира — подлейшая сволочь. Ропот на главнокомандующего и его штаб увеличивается с каждым днем,

и никакие забалканские победы и успехи не изгладят в армии того впечатления, которые она вынесла из этой 8-месячной компании; не главнокомандующему Россия обязана последними успехами, а молодецким, геройским и чудным нравственным духом русским войскам и честным начальникам.

Сам Д. Низи ничего не видит, ничего не понимает, ничего не знает, воображает, что все идет великолепно, что все его обожают и что он всему голова! Сильно же будет его разочарование, если когда-нибудь он увидит и узнает все, что было, и все, что происходит; но не думаю, что он когда-нибудь сознается наконец что он совершенно не способен быть главнокомандующим, недостаточно у него такта на это и недостаточно он умен, чтобы сознать это! Бог ему судья и Бог ему простит, не ведает, что творит! Но армия не простит, она не может, она не смеет ему простить! Слишком эта неспособная личность стоила России, армии и нам, всем русским! Грешно было бы забыть все это и непростительно для потомства! Что за приказания получаем мы от главнокомандующего, просто смешно, дочего глупо! Все решительно смеются! Например, 4 дня назад получаю я вдруг телеграмму от Д. Низи следующего содержания: «Немедленно пошли парламентера в Рущук, потребовать сдачи его. Необходимо поддержать это требование наступлением войск, не ввязываясь в настоящий бой». Конечно, получивши эту телеграмму все хохочут и становятся в тупик, что это — шутка или серьезно? Вот до чего глупость главнокоманд. может дойти!» (там же, д. 708, л. 11).

Свои обиды и недовольства цесаревич также изливает жене в письме 11 января: «На днях получил приказание Главнок. отменить всякие движения вперед и войскам оставаться на прежних местах. Просто ничего не разберешь: один день немедленно сделать то, на другой день — не сметь предпринимать ничего, да что же это наконец? Да если бы я исполнял все приказания главнок., то черт знает что было бы с нами и моим отрядом. Слава богу, я проучен и знаю цену этим приказаниям и поэтому не тороплюсь или вовсе не исполняю, если они слишком глупы, как высылка парламентера к Рущуку; конечно, я никого не посылал и через день получил приказание отнюдь не трогаться вперед. Хорош бы я был, если исполнил приказание. Посмешище перед всей армией, перед Россией, да никто бы верить не хотел, что это приказание главнокомандующего, и, конечно, все бы пало на мою шею. Почему отменили наступление нашего отряда на Разград и Рущук, не знаю, но полагал, что оно в связи с мирными переговорами; но каково же было наше удивление: мы думаем, что ввиду переговоров, которые идут хорошо, приказано было приостановить всякие движения вперед, но ничуть не бывало, все

отряды идут вперед не останавливаясь, одному нашему приказано ничего не предпринимать! Непонятно и досадно для войска. Мое терпение совершенно лопнуло, я твердо решился просить у Папа разрешения выехать из армии и чтобы он окончательно вызвал нас обратно домой.

Жду теперь только, чтобы узнать, чем кончатся переговоры о мире. Если хорошо кончатся, то, само собой разумеется, нам больше нечего здесь делать, если же затянутся и мы все-таки с Владимиром останемся в том же положении, как теперь, то мы решились проситься прочь отсюда. Невыносимо оставаться здесь и ничего не делать, ничего не знать, без известий, кроме дурацких и безграмотных телеграмм главнокомандующего. Он ни разу не потрудился мне сообщить, как идут переговоры и какие главные условия для заключения перемирия, я решительно ничего не знаю и совершенно, как будто меня здесь нет. Для чего я здесь, я сам не знаю! Что мне тут оставаться, к чему, кому я приношу пользу, решительно не понимаю. Остался я здесь, потому что Папа желал, чтобы я принял мой гвардейский корпус, но Дядя Низи, видно, не желает, и мне приказано оставаться здесь.

Боже, что я претерпел морально здесь за это время, не желаю никому пройти через это испытание, и все время мое положение было ненормальное, самое незавидное, каким-то чернорабочим, а прочим предоставили уже пожинать лавры за Балканами и именно тем, которые всего менее заслуживали это, как, например, Скобелев, Струков и Гурко! А например, молодец генер. Радецкий, герой Шипки, оставлен в резерве. Кн. Мирский тоже. Все выдвигают самых низких и непорядочных людей. Правда, досадно и отвратительно. Я не о себе хлопочу, мне ничего не надо, я ничего не желаю, слава Богу, Господь помог мне исполнить мой долг до конца с честью, чего же мне больше, но за прочих досадно. Гвардия, например, какими молодцами себя показала, а об ней почти ничего не говорится, всегда глухо выражаются: отряд генер. Гурко, и больше ничего» (там же, л. 11—15).

13 января началось наступление отряда, вызвавшее сначала отход турецкой армии на линию укрепленных городов, а затем и овладение этими пунктами и Силистрией. В этот же день свои переживания, горечь и обиду наследник высказывает супруге в очередном письме: «...сегодня, наконец, приехал курьер и привез твое милейшее интересное и длинное письмо № 78. Ты не можешь себе представить, какое счастье для меня получать такие письма, как я наслаждался и как мне грустно становится, как тянет домой. Я даже плакал немного, потому что я себе не позволяю это удовольствие, часто и тяжело становится, как начнешь вспоминать

про дом, про детей, а в особенности про тебя, моя душка! Прости, что пишу все это и еще больше тебя расстраиваю; знаю, что и тебе не весело, нелегка эта разлука, но что же делать, Господу так угодно, и мы должны преклониться перед Его святою волею, и это ведет всегда к лучшему, к нашей же наверняка пользе, оно и быть иначе не может, и это громадное и единственное утешение. Тяжело мне лично одно — это то, что я оставался здесь, по-видимому, понапрасно; вместо того чтобы быть за Балканами, как того желал сначала Папа, я сижу здесь и хоть счастлив, что расстался с моим милым отрядом, да ему не дают ничего делать; и в настоящую минуту оно особенно тяжело и неприятно ввиду того, что все идут вперед, кроме меня и Владимира».

В письме от 14 января цесаревич высказывает опасения об удачном исходе мирных переговоров с турками: «Что делается в Главной квартире Д. Низи, решительно ничего не знаем: вот уже 3-й день без телеграмм. Ужасно боюсь, чтобы там не заварили кашу, которую потом придется расхлебывать несчастной России, из-за неспособности главнокомандующего. Ты не можешь себе представить, до чего доходит недоверие к Д. Низи; несмотря на все эти блестящие дела за Балканами, которые, правда, шли великолепно по результатам, достигнутым нами, все еще боятся, чтобы он чего-нибудь не напутал, а теперь в особенности боимся, чтобы при мирных переговорах он не наделал бы глупостей с детским и наивным до глупости воззрением на настоящие события, от которых зависит все будущее для России. Получил я сегодня в 3 ч. твое милейшее письмо № 79 от 1 января: ты не можешь себе представить, до чего эти 2 последних письма сделали мне удовольствие, просто не знаю, как тебя благодарить за них. Я с таким вниманием, с такой жадностью читал их. Теперь мне немного стало ясно, почему Папа решился нас оставить здесь, но не понимаю, как он мог не настоять на том, чтобы Обручев был бы наконец назначен; тогда еще было время, теперь уж поздно! ...Посылаю тебе еще целую коллекцию фотографий, и ты можешь видеть меня на ней с бородой, в моем полушубке. Одну группу отдай Сергею, с надписью для него... До свиданья, моя милая душка Минни, обнимаю тебя от всей души и целую мою собственную маленькую жену. Крепко целую душек детей. Христос с вами, мои душки. Твой верный друг Саша» (там же, л. 18 об).

Но вот, как снег на голову, цесаревичу пришло мягкое письмо от главнокомандующего. Дядя Низи, сообщая о прекращении военных действий и подписании временного соглашения с Портой, рассыпался в любезностях. «Милый Саша! — писал он. — Нет у меня достаточно слов, чтобы тебе выразить всю мою глубокую и душевную благодарность за все время кампании, в которую тебе

выпало на долю столь трудное дело сохранения моего левого фланга. Ты, поистине, выполнил эту нелегкую задачу вполне молодецки». Итак, 19 (31) января 1878 г. воюющие стороны заключили перемирие, окончилась и боевая служба наследника. 1 февраля он вместе с братом Владимиром Александровичем отбыл в Петербург, куда прибыл через пять дней.

Во время командования отрядом с 25 июня 1877 г. по 1 февраля 1878 г. наследник престола был вне упреков и добросовестно исполнял свои нелегкие обязанности. В этот период проявились особенные черты его характера — спокойствие, медлительная вдумчивость, твердость воли и отсутствие интриг. Он показал также искусную распорядительность, энергию, умение руководить маневрированием войск на довольно обширном районе действий. Во всех распоряжениях цесаревича видна непрестанная забота о людях, их своевременном снабжении всеми видами довольствия. За все эти качества и личную храбрость император пожаловал цесаревичу 15 сентября 1877 г. в Горном Студене орден Св. Владимира I степени с мечами, 3 декабря в с. Брестевце наследник стал кавалером ордена Св. Георгия II степени, а 26 февраля 1878 г. в Петербурге был награжден золотой, украшенной бриллиантами, саблей с надписью «За отличное командование Рущукским отрядом». Не была забыта и патриотическая деятельность его супруги. За попечительство о раненых и больных воинах указом Александра II от 24 апреля 1878 г. Мария Федоровна была награждена знаком отличия Красного Креста I степени.

Известно, что общие потери России и Турции в эту войну определяются в 190 000 человек (371, с. 536), число убитых составило 34 000 человек, из них по Дунайской армии 11 905 человек, а вместе с кавказской армией — 15 567 человек. Турки потеряли убитыми 17 000 человек, а румыны — 1350 солдат и офицеров (там же, с. 105). Цесаревич отмечал, что его отряд, (который не вел активных боевых действий), лишился 3000 человек.

Многие историки считают, что именно в годы Русско-турецкой войны у будущего императора Александра III сложилось устойчивое отвращение к войне, убежденность в необходимости для России мирного государственного развития. «Я рад, что был на войне, — говорил позже Александр III С. Ю. Витте, — и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избегать ужасы войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятие и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал» (84, т. 1, с. 401).

5. СОЗДАНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ФЛОТА

Вскоре после возвращения с войны цесаревич возглавил движение общественности по созданию так называемого народного Добровольного флота. Возникновение такого движения было связано с враждебными действиями Англии, которая не признала положения Сан-Стефанского договора и ввела в Мраморное море крупную эскадру, угрожая фактически беззащитному русскому Причерноморью.

Отдавая должное героическим действиям возрождающегося Черноморского флота в минувшей войне, нельзя не отметить, что в России не было тогда полноценных военно-морских сил, способных обеспечить государственные интересы нашей страны на море. Не случайно наследник престола в одном из писем Победоносцеву утверждает, что: «Морское министерство не желает обращать внимания на хорошие суда, а исключительно занялось погаными поповками и сорит на них русские миллионы десятками» (305, т. 1, п/т. 2-й, с. 1041).

В этих условиях Императорское общество содействия русскому торговому мореходству выступило с инициативой сбора народных средств для покупки быстроходных судов, которые после вооружения могли бы в военное время использоваться для борьбы с кораблями противника. В марте 1878 г. в Первопрестольной учреждается Главный комитет для организации Добровольного флота, создаются местные комитеты в губерниях и начинается сбор денег. В прессе появляются обращения Главного комитета. Вот некоторые выдержки из такого документа, опубликованного в ряде газет 28 апреля 1878 г.: «Враг наш силен на море. И числом, и громадностью средств морские силы его далеко превосходят наши. Но есть возможность нанести ему и на морских путях чувствительный удар. Кто не знает, что все интересы врага нашего сводятся к барышу и наживе? Он обладает громадным купеческим флотом. Тридцать тысяч судов его покрывают океаны вселенной. Вот куда следует направить удар. В то время, когда враг запрет наши моря и, как в Крымскую войну, будет жечь и грабить беззащитные селения на берегах наших, торговый флот его на просторе океанов да подвергнется в свою очередь бедствиям войны. Для этого нам нужны быстрые и крепкие суда, которые являлись бы нежданною грозою на морских торговых путях нашего врага.

Последняя война покрыла славой русских моряков, сражавшихся на утлых судах с грозными броненосцами и выходивших победителями из борьбы столь неравной. Дайте им настоящие морские суда, пошлите их в океаны на ловлю вражеского купеческого флота, и враг наш раскается в своей самонадеянности.

Дети земли русской, вы, вставшие как один человек, каждый раз, когда опасность угрожала святой матери нашей России, вы и на этот раз единодушно откликнетесь на ее призыв и всем миром создадите Добровольный флот, который вновь покажет свету, на что способен русский пород, когда он станет на стражу чести своего Отечества.

Но время не терпит. Надо действовать быстро. Хочешь мира — готовься к войне» (78, с. 289).

Пожертвования вносили практически все слои общества. Только граф Строганов, внес 100 тыс. рублей. Уже к началу мая было собрано более 2 млн рублей, а к концу года — 3,7 млн руб.

Рескриптом императора 11 апреля учреждается Комитет по устройству Добровольного флота, председателем которого становится цесаревич, а вице-председателем — статс-секретарь К. П. Победоносцев.

«Дело это оттянуло мне руки, — пишет вице-председатель Е. Ф. Тютчевой 30 мая 1878 г., — и я не верю в него, а надобно его делать поневоле. Если б оно ограничилось одною простою задачей — снаряжением судов, оно бы не тяготило меня. Но в Москве легкомысленно завязали его в такой узел, который не знаю, как и распутать... Его задумывают вести... под верховным покровительством цесаревича. Дай бог, чтоб я ошибался, но я начинаю думать, что в этом замысле участвуют, кроме наивных людей и идиотов, еще другие, руководимые задней мыслею, в личном интересе. При таких условиях оставить в этом деле имя цесаревича немыслимо, но из Москвы на этом настаивают со страстью. А я ставлю своей задачей выгородить его из этого дела; авось либо это удастся» (149, с. 473). Выгородить не удалось, и Победоносцев как честный и добросовестный человек вынужден был вплотную заниматься организацией Добровольного флота, а 23 мая 1879 г. был избран председателем его правления.

Комитет включал в себя три отделения: учредительное, хозяйственное и военно-морское. Последнее, возглавляемое адмиралом К. Н. Посьетом определило главные требования для закупки судов за границей. Было решено закупать быстроходные океанские суда крейсерского типа.

6 июня 1878 г. был подписан первый контракт с одной из известных немецких судоходных компаний на приобретение трех товаро-пассажирских пароходов, которые после прибытия в Кронштадт были вооружены и зачислены в списки военного флота как крейсеры «Россия», «Москва» и «Петербург». Таким образом, как отмечали исследователи, за фантастический срок, спустя три месяца после возникновения идеи, Добровольный флот уже реально существовал.

Через двадцать дней после первой покупки у той же немецкой фирмы был приобретен очередной пароход, переименованный в «Нижний Новгород».

Так уже с первых шагов сложилась традиция: судам Добровольного флота присваивать названия губернских городов в зависимости от величины их пожертвований.

В связи с завершением в июле 1878 г. Берлинского конгресса, пересмотревшего условия Сан-Стефанского договора, международная обстановка стабилизировалась и угроза войны с Англией исчезла.

Купленные суда 1 августа того же года передали в распоряжение Комитета Добровольного флота для коммерческой деятельности.

Поскольку Комитет не был приспособлен для руководства хозяйственной деятельностью компании, его преобразовали в Общество Добровольного флота и передали в ведение Министерства финансов.

По уставу, утвержденному царем 7 мая 1879 г., основная задача общества заключалась в эксплуатации судов Добровольного флота в мирное время и их использование в военных целях по требованию правительства.

Свои возможности суда общества впервые показали в операции 1878—1879 гг. по возвращению русских войск из Варны и Бургаса в Одессу и Севастополь. Эту работу успешно выполнили «Россия», «Москва» и «Петербург».

«Нижнему Новгороду», переоборудованному в Марселе под тюремное судно, пришлось свой первый рейс совершить на Сахалин с ссыльными и каторжниками. 7 июня 1879 г. он вышел с этими семистами необычными «пассажирами» из Одессы, положив начало регулярным рейсам судов Добровольного флота на Дальний Восток.

Александр Александрович добросовестно относился к возложенным на него функциям: следил за прессой, за перемещениями судов, встречался с моряками, плававшими на этих пароходах.

8 мая 1879 г. Победоносцев вынужден был признаться: «Год тому назад, когда внезапно упало на мои плечи дело добровольного флота, я не мог предвидеть, что выйдет. А теперь вижу, что это *дело повернуло меня совсем в другую сферу привычек, дел* и отношений. Я перестал уже читать книги — и читаю людей: совсем иного рода литература» (там же).

В 1880 г. из-за обострения отношений с Китаем Морское министерство использовало пароходы Добровольного флота («Москву», «Петербург», «Владивосток») для усиления Тихоокеанской эскадры под командованием адмирала С. С. Лесовского.

Став императором, Александр Александрович передал управление Добровольным флотом Морскому министерству и стал субсидировать его.

Благодаря государственной поддержке численность судов Добровольного флота непрерывно возрастала: в 1878 г. имелось 5, в 1884 г. — 7, в 1900 г. — 15, в 1914 г. — свыше 45 судов. С 1909 г. Добровольный флот находился в ведении Министерства торговли и промышленности. Еще до Русско-японской войны он выдвинулся на второе место после Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) среди отечественных пароходных компаний (393, с. 75).

В Русско-японскую войну 1904—1905 гг. 4 парохода Добровольного флота стали вспомогательными крейсерами, а 7 — военными транспортами и госпитальными судами. В первую мировую войну корабли этого флота использовались для перевозки военных и хозяйственных грузов между портами Дальнего Востока, русского Севера, а также портами союзных государств. После Октябрьской революции многие суда Добровольного флота незаконно были реквизированы правительствами иностранных государств, или уведены белогвардейцами.

11 января 1922 г. СНК РСФСР принял декрет и утвердил Положение о советском Добровольном флоте России. Он передавался в ведение Наркомата внешней торговли для перевозки грузов и пассажиров. Были приняты меры к возвращению судов из-за границы.

В 1924 г. Добровольный флот России насчитывал 16 пароходов, имел 214 отделений и контор в СССР и за границей. В 1925 г. он вошел в состав «Совторгфлота», объединившего все государственные пароходства и судоходные общества СССР.

Целый ряд пароходов бывшего Добровольного флота активно использовался в годы Великой Отечественной войны. Вблизи Ялты 26 июля 1941 г. от торпеды немецкой подводной лодки затонул пароход «Ленин» (бывший «Симбирск»), переполненный ранеными, женщинами и детьми, эвакуированными из осажденной Одессы. Последним из пароходов Добровольного флота в 1953 г. закончил свою службу «Теодор Нетте» (бывший «Тверь»).

Глава шестая

ГОДЫ ВОЛНЕНИЙ И ТРЕВОГ (1878—1881)

1. КРИЗИС ВЕРХОВ

Вернувшись с освободительной войны, наследник престола окунулся в привычную для него жизнь императорской семьи.

Здесь он узнал о покоробивших его душу нововведениях в Зимнем дворце. Его отец, увлеченный княжной Долгорукой, отвел ей в третьем этаже дворца три большие комнаты, точно соответствовавшие своим личным покоям во втором этаже и соединенные с последними подъемной машиной. Цесаревич, нежно любивший мать и придерживавшийся пуританских взглядов на семейные узы, был в негодовании.

Императрица, занимавшая покои, смежные с комнатами мужа, вскоре узнала о странном навязанном ей соседстве. Терзаемая горем и снедаемая тяжким недугом, Мария Александровна нашла в себе силы сохранить свое достоинство. Со стороны она казалась еще более замкнутой и недоступной.

В высшем свете слухи по поводу широко известной связи государя росли, как морской вал. Большинство осуждало его за «старческую слабость», кое-кто из сановников вынужден был лавировать, а некоторые пытались использовать ситуацию, действуя через Долгорукову, имевшую огромное влияние на монарха.

В это время обязанности цесаревича расширяются. Александр II доверяет ему все текущие дела во время своего отъезда. Наследник принимает активное участие в совещаниях бюрократического олимпа и оказывает существенное влияние на ход внутренней политики.

Проблемы возникают за проблемой: экономические, социальные, политические. Гигантские расходы на войну (1026 млн рублей), дипломатическое поражение на Берлинском конгрессе, глухой ропот в деревне по поводу грядущего «черного передела», создание «Народной воли», студенческие выступления, серия покушений на представителей высшей администрации чрезвычайно накалили внутриполитическую обстановку в стране.

После неудачного покушения А. Соловьева 2 апреля 1879 г. на Александра II (пять пуль, выпущенных из револьвера, не достигли цели; см. подробнее об этом третьем покушении 380, кн. 2, с. 216—218) К. П. Победоносцев предлагает против злоумышленников скорые и радикальные меры, которые излагает в тот же день в письме к цесаревичу: «Надо объединить власть, вооружив ее средствами для быстрой и решительной кары. Надобно, чтобы казнь как можно скорее следовала за преступлением. А главнее всего, надобно выбрать людей и не мешать им действовать. Стоит только захотеть, и они найдутся; стоит государю призвать их и не слушать болтунов, трусов и лакеев, которые состоят — увы — ближайшими ныне советниками» (216, с. 475).

Хотя Александр II не был сторонником крайних мер, как я отмечал в своей работе (см. 380, кн. 2, с. 217), тем не менее он

решился на введение военного положения в особо тревожных регионах страны. 4 апреля в Петербурге, Харькове и Одессе, а затем в Москве, Киеве и Варшаве были учреждены временные генерал-губернаторства с предоставлением чрезвычайных полномочий генерал-губернаторам. Известно, что цесаревич высказывался «гораздо энергичнее и круче».

Ощущение тревоги, беспокойства и волнения не покидало представителей высшей администрации. 7 апреля, заботясь о жизни наследника престола, Победоносцев, напоминает ему о террористах: «Все эти дни думаю о вашей безопасности. Сегодня сказывали мне, что вы третьего дня проезжали в Морской музей на музыку без провожатого и так же уехали обратно. Ради бога берегите себя, будьте осторожны. Повсюду теперь тайные злоумышленники, и кто знает, что замышляют...» (216, с. 475).

Сопровождающий царя в Крыму, военный министр Д. А. Милютин 20 апреля 1879 г. отмечает в своем дневнике: «Нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу до верху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений, — все отжило свой век, все должно бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах» (187, т. 3, с. 139).

28 мая в Петербурге утром, в день приезда императора из Ливадии свершилась казнь над Соловьевым. Он был повешен на Смоленском поле при стечении большой толпы народа.

Председатель Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности империи» П. А. Валуев, посвятивший всю жизнь упрочению самодержавия, 3 июня 1879 г. записывает: «Чувствуется, что почва зыблется, зданию угрожает падение; но обыватели как будто не замечают этого, — а хозяева смутно чуют недоброе, но скрывают внутреннюю тревогу» (78, с. 38).

«Чуя недоброе», правительство вынуждено было искать пути к стабилизации положения.

Решения зависели от двух групп, сложившихся в верхах. Одна консолидировалась вокруг брата Александра II, великого князя Константина Николаевича, и сыграла заметную роль при подготовке и проведении реформ 60—70-х гг. Эти люди, в число которых входили Д. А. Милютин и П. А. Валуев, выступали за продолжение реформ и в тоже время поддерживали жестокие репрессии против революционных экстремистов.

7 июня Валуев фиксирует в дневнике: «Государь, по-видимому, сознает, что нельзя ничего не делать для будущего или в

будущем... Он опять сам заговорил о конституционных толках» (78, с. 38).

Другая группа, объединившаяся вокруг цесаревича Александра Александровича, исповедовала «охранительные начала»: неограниченный абсолютизм, прекращение реформ, возвращение дореформенных порядков, режим полицейского террора.

Таким образом, кризис самодержавия выразился в колебаниях правительства и отсутствии единства правящей элиты.

На первом этапе этого кризиса правительство пыталось укрепить положение путем усиления жандармско-полицейского террора и широкого применения исключительных мер.

По указу 5 августа 1879 г. значительно было упрощено судопроизводство по отношению к «Дон Кихотам революции». Любой обвиняемый в политическом преступлении мог быть предан суду без предварительного следствия, осужден без свидетельских показаний и приговорен к смертной казни без права обжалования.

Череда убийств, казалось, была приостановлена.

2. ТЕРНИИ АВГУСТЕЙШЕЙ СЕМЬИ

Мрачные мысли не покидали наследника престола во время его очередной поездки в Европу. 8 августа 1879 г. он отправился на собственной яхте «Царевна» в Стокгольм, куда прибыл 12 августа. Здесь цесаревич узнал, что столица Швеции была основана Биргером Ярлом, в свое время потерпевшим поражение в Невской битве. Город поразил Александра Александровича своей необычностью. Центр его расположен на острове Стаден, который мостами соединен с прилегающей сушей и другими островами. С интересом он осмотрел главные достопримечательности города — Королевский дворец, Оружейную палату, Королевский монетный двор, Казначейство и Исторический музей.

16 августа цесаревич покинул Стокгольм, направившись к берегам Дании. 19 августа он прибыл в Бернсдорф, где тепло был встречен своими датскими родственниками.

3 октября Александр Александрович с супругой и дочерью Ксенией выехал из Копенгагена в Париж, прибыв туда 6 октября. Из столицы Франции наследник отправился на Лазурный берег Средиземного моря в Канны, где после лечения в Киссингене, находилась его больная мать. Непривычный, морской климат Петербурга, частые роды подорвали и без того слабое здоровье

Марии Александровны. Кроме того, глубокая душевная травма, нанесенная ей начавшимся в 1866 г. серьезным увлечением Александра II княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, ускорила развитие тяжелой болезни легких. Сын знал, что слабое здоровье государыни окончательно пошатнулась после покушения на императора 2 апреля 1879 г. После него она уже не поправилась. Фрейлина А. А. Толстая, самоотверженная и преданная служанка царской семьи, позже вспоминала: «Я, как сейчас, вижу ее в тот день — с лихорадочно блестящими глазами, разбитую, отчаявшуюся.

— Больше незачем жить, — сказала мне она, — я чувствую, что это меня убивает.

Она произнесла эти слова с некоторой горячностью, не свойственной ее натуре. Затем она добавила:

— Знаете, сегодня убийца травил его, как зайца. Это чудо, что он спасся» (314, с. 26).

Пробыв у императрицы неделю, цесаревич с августейшей супругой 21 октября предпринял обратное путешествие через Париж, Гмунден, Вену, Берлин и 7 ноября вернулся в Царское Село.

Пользуясь казавшимся успокоением революционеров-радикалов, Александр II 26 августа вернулся в Ливадию, рассчитывая там пробыть до зимы. Дни монарха, как свидетельствует сопровождавший его Милютин, были насыщены многочисленными встречами с представителями высшей администрации, обычными докладами, совещаниями по европейским и азиатским делам, изучением различных письменных известий и телеграмм. Вместе с тем отсутствие императрицы давало возможность императору более открыто и свободно посещать княжну Екатерину Долгорукую, которая располагалась вблизи от Ливадийской слободки в местечке Биюк-Сарай. Александр Николаевич приезжал сюда обычно верхом на одном из трех великолепных жеребцов, подаренных ему турецким султаном Абдул-Гамидом.

Княжна всегда ожидала его, окруженная своими детьми: Георгием, Ольгой и малюткой Катей.

Венценосный родитель сначала играл с ними, а затем уединялся со своей «дамой сердца». Ему было хорошо с ней. Он мог часами быть с нею то в парке, укрываясь от лучей заходящего солнца, то на балконе, «с которого открывался безграничный вид на серебристую лазурь Черного моря». Морис Палеолог, пользуясь доверительной информацией, пишет, что Александр II в мельчайших подробностях рассказывал княжне «все, что случилось за истекший день... о посетивших его лицах, об обращенных к нему

просьбах, о присланных донесениях, об отданных приказах. Их беседа оканчивалась бесконечной песнью любви.

Часто, вернувшись от нее, он вновь писал ей, чтобы высказать свое счастье, свою благодарность, свое обожание, свою ненасытную потребность быть около нее» (205, с. 60).

Как жаль, что нельзя было продолжить эту счастливую жизнь в Крыму надолго! С неподдельной грустью покидал император Ливадию утром 17 ноября.

19 ноября около 10 часов вечера он благополучно прибыл со свитой в Москву. Въезд правителя государства в Первопрестольную сопровождался обычными восторженными криками толпы, ожидавшей его проезда по иллюминированным улицам. Приехав в Кремль, Александр II телеграфировал императрице: «Благополучно прибыл в Москву, где теперь 14 градусов морозу. Получил твою телеграмму в Туле. Огорчен, что ты все в том же состоянии. Чувствую себя хорошо и неутомленным. Нежно целую. Александр».

Однако, не успев еще разобраться в своих апартаментах, прибывшие с удивлением узнали, что второй поезд, шедший на полчаса позже первого с багажом царя и личным составом его канцелярии, на третьей версте Московско-Курской железной дороги потерпел крушение от взорванного снаряда.

Александр II, узнав о четвертом покушении, которое он только избежал, воскликнул: «Что хотят от меня эти негодяи? Что травят они меня, как дикого зверя?»

В ходе расследования было установлено, что взрыв произошел от мины, заложенной под полотно железной дороги и соединенной со взрывным устройством в нижнем этаже дома, расположенного в 20 саженях от железнодорожного пути и купленного незадолго перед тем человеком, выдававшим себя за саратовского мещанина Сухорукова. Позже выяснилось, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживал архангельский мещанин Лев Николаевич Гартман, а выдававшая себя его женою, была дворянка Софья Львовна Перовская (312, кн. 2, с. 220—221).

Взрыв под Москвой стал одним из первых жестоких шагов, предпринятых революционерами во исполнение августовского 1879 г. постановления исполнительного комитета «Народной воли» о подготовке убийства Александра II. Народовольцы, отчаявшись, начали настоящую охоту на царя, не останавливаясь в своей террористической вакханалии не перед какими возможными и случайными жертвами невинных людей.

Последний взрыв наложил на придворное общество какой-то мрачный колорит, навевая состояние опустошенности и безысходности. Наследник престола в переписке с Победоносцевым в декабре 1879 г. оценил ситуацию как «грустное и страшно тяжелое положение» (215, т. 1, п/т 2-й, с. 1035).

Между тем климат в Каннах не пошел на пользу императрице. К тому же, без всякой подготовки ей передали о новом покушении на царя под Москвой, что ее смертельно напугало. Мария Александровна продолжала угасать, и, когда все надежды на ее выздоровление были исчерпаны, было принято решение перевезти ее домой в Россию прямо зимой. В Канны был послан граф Александр Адлерберг, и 23 января 1880 г. в 4 часа дня императрица в сопровождении сына — великого князя Сергея Александровича и дочери — герцогини Эдинбургской Марии Александровны прибыла в Петербург. Александр II с сыновьями и невестками встретил больную супругу в Гатчине. Чтобы уберечь ее от лишних волнений и перенапряжений было строго запрещено кому-либо, кроме членов семьи находиться на вокзале или во дворце. При проезде скорбного экипажа, наполненного шубами, укрывавшими от взглядов больную царицу, все снимали шапки и крестились. На прильнувших к окнам дворца фрейлинам, по уверению графини А. Толстой, подъезжавший экипаж произвел впечатление открытой могилы.

Казалось, чаша терпения была переполнена, но через две недели после приезда государыни на императорскую семью обрушился новый смертельный удар.

5 (17) февраля 1880 г. в 6 часов 20 минут вечера был совершен очередной террористический акт, сатанинской целью которого было погубить не только царя, но и всю его семью за столом во время обеда по случаю приезда принца Александра Гессенского (брата императрицы и отца князя болгарского) с сыном Людвигом. Вот как описывает происшедшее цесаревич в своем дневнике: «В $^1/_2$ 6 отправился на Варшавскую дорогу встречать вместе с братьями Д[ядю] Александра и Людвига. Со станции все отправились в Зимний дв(орец) к обеду, и только что мы успели дойти до начала большого коридора Папа, и он вышел навстречу Д. Александру, как раздался страшный гул и под ногами все заходило и в один миг газ потух. Мы все побежали в желтую столовую, откуда был слышен шум, и нашли все окна перелопнувшими, стены дали трещины в нескольких местах, люстры почти все затушены, и все покрыто густым слоем пыли и известки. На большом дворе совершенная темнота, и оттуда раздавались страшные крики и суматоха. Немедленно мы с Владимиром побежали на главный караул, что было нелегко, так как все потухло и везде воздух был так густ, что трудно было дышать. Прибежав на главный караул,

мы нашли страшную сцену: вся большая караульная, где помещались люди, была взорвана и все провалилось более чем на сажень глубины, и в этой груде кирпичей, известки, плит и громадных глыб сводов и стен лежало вповалку более 50 солдат, большей частью израненных, покрытых слоем пыли и кровью. Картина раздирающая, и в жизнь мою не забуду я этого ужаса!

В карауле стояли несчастные финляндцы, и, когда успели привести все в известность, оказалось 10 человек убитых и 47 раненых. Сейчас же вытребованы были роты первого батал(ьона) Преображенских, которые вступили в караул и сменили остатки несчастного финляндского караула, которых осталось невредимыми 19 человек из 72 нижних чинов. Описать нельзя и слов не найдешь выразить весь ужас этого вечера и этого гнуснейшего и неслыханного преступления. Взрыв был устроен в комнатах под караульной в подвальном этаже, где жили столяры. Что происходило в Зимнем дв(орце), это себе представить нельзя, что съехалось народу со всех сторон. Провели вечер у Папа, в комнатах Мари. Мама, слава богу, ничего не слышала и ничего не знала, так она крепко спала во время взрыва.

В $^1/_2$ 12 вернулись с Минни домой и долго не могли заснуть, так нагружены были все нервы и такое страшное чувство овладело всеми нами. Господи, благодарим Тебя за новую Твою милость и чудо, но дай нам средства и вразуми нас, как действовать! Что нам делать!» (390, 1995, т. VI, с. 350). О полном смятении в обществе свидетельствует и запись великого князя Константина Константиновича в своем дневнике 7 февраля: «Мы переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем ни малейшего понятия о их численности... всеобщая паника» (41, ф. 253, д. 16, л. 101).

3. ДИКТАТУРА ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Взрыв в Зимнем дворце вызвал у первых лиц империи необходимость введения оперативных мер против революционного экстремизма. Уже 7 февраля царь обсуждал этот вопрос со своим сыном Александром Александровичем. «Утро все провел у Папа, много толковали о мерах, — пометил в дневнике цесаревич, — которые нужно же, наконец, принять самые решительные и необыкновенные, но сегодня не пришли еще к разумному. Следствие идет своим порядком, и кое-что открывается интересного и полезного. Завтракали у Папа, а потом ездили с ним в Казанский собор и

оттуда в Конюшенный госпиталь осмотреть раненых, которых осталось 14 человек, а остальные отправлены в полковой госпиталь. Потом поехали в госпиталь Финляндского полка, в котором застали конец панихиды в церкви по 10 убитым взрывом. Было все начальство, все офицеры и почти половина полка. Грустно и тяжело было видеть эти 10 гробов несчастных солдат, таким страшным образом покончивших жизнь! Потом обошли всех раненых, большею частью все хорошо идут, и надо надеяться, что они поправятся» (413, 351, 352).

8 февраля Александр II и цесаревич сочли своим долгом присутствовать на похоронах солдат, погибших при взрыве Зимнего дворца. С высоко поднятой головой, по словам очевидцев, царь шел своим ровным и величественным шагом. Но его бледное, сморщившееся лицо обнаруживало глубокое страдание. Когда он подошел к выстроенным в ряд гробам, то не смог удержать рыдания и разбитым голосом прошептал: «Кажется, что мы еще на войне, там, в окопах под Плевной!» (205, с. 62).

В этот же день император созвал совещание, на котором, кроме наследника престола, присутствовали Валуев, Милютин, Маков, Адлерберг и Дрентельн. «Наследник, — отметил Милютин, — настаивал на учреждении следственной комиссии, ссылаясь на пример бывшей комиссии под председательством гр. Муравьева и явно высказывал недоверие свое к III Отделению» (187, т. 3, с. 214). Александр II отклонил это предложение, и совещание закончилось безрезультатно.

Однако на следующий день государь изменил свое мнение и на созванном вновь совещании объявил о создании «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» и назначении председателем ее генерал-адъютанта графа М. Т. Лорис-Меликова.

В памятной книжке императора за это число появилась такая запись: «Совещ(ание) решил(и) назнач(ить) Лорис-Мелик(ова) председ(ателем) Верхов(ной) след(ственной) ком(иссии)» (23, д. 334, с. 16).

11 февраля великий князь Александр Александрович пометил в своем дневнике: «В $^1/_2$ 9 был у меня гр. Лорис-Меликов, который получает новое назначение, а именно председателя Верховной комиссии, в которой должны соединиться все политические дела, и ему предполагается дать большие права и полномочия. Толковали с ним слишком два часа и о многом успели переговорить» (390, 1995, т. VI, с. 352). Создание комиссии было узаконено указом монарха 12 февраля 1880 г. Возглавивший ее Лорис-Меликов получил полномочия диктатора.

Как тогда считали в верхах, потрясенный император неизбежно должен был ощущать себя родившимся в рубашке, переложив на кого-нибудь основную тяжесть своего бремени.

Михаил Тариелович происходил из армянского дворянства. Родился он в 1825 г. в Тифлисе в семье состоятельного армянина, занимавшегося обширной торговлей с Лейпцигом. «Мой отец, — вспоминал позже граф, — был человек полудикий, едва умел подписать свою фамилию по-армянски, а по-русски ничего не знал. Я рос привольно, без всякого воспитания». В 10-летнем возрасте Михаил был определен в Лазаревский институт восточных языков в Москве, а позднее переведен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. Окончив курс учебы в 1843 г., он был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Свою карьеру он сделал в кавказских войсках, выделившись своими незаурядными способностями. А. Толстая вспоминает, что «Лорис был человеком тонким, приятным, вкрадчивым, тактичным. Его армянское происхождение почти вменялось ему в вину его хулителями. Внешне он представлял собой резко выраженный восточный тип — своей худобой, чрезвычайной бледностью и носом с горбинкой он напоминал больного грифа. Всесилие этого человека в ту пору было так велико, что хотелось бы видеть в нем все таланты и добродетели для блага управляемой им страны... Лорис абсолютно честен и бескорыстен в денежном вопросе... Что касается честолюбия, оно выглядело у него из каждой поры, каждой черточки лица» (314, с. 40).

Наряду с чисто полицейскими задачами устрашения и подавления, на комиссию Лорис-Меликова была возложена задача привлечения на сторону власти умеренной, «благомыслящей» части общества.

Михаил Тариелович начал с обращения к населению столицы, напечатанном 15 февраля в «Правительственном вестнике». В нем он подчеркивал, что смотрит на поддержку общества как на «главную силу, могущую содействовать власти».

Либеральная общественность встретила назначение Лорис-Меликова с глубоким удовлетворением. «Слава богу! На душе стало легче», — писал «Голос» А. А. Краевского. В этом назначении «Голос» видел «новую программу, новую систему» и обещал тогда же поддержать графа нравственно.

Либералы называли диктатуру Лорис-Меликова «диктатурой ума и сердца», одобряя его девиз: «Сила не в силе, сила в любви». Тем не менее один из идеологов народничества, ведущий критик «Отечественных записок» Н. К. Михайловский назвал ее «диктатурой пушистого лисьего хвоста и волчьей пасти».

Несмотря на то, что народовольцы отслеживали каждый шаг императора, 19 февраля в столице с особенной торжественностью был отмечен 25-летний юбилей его царствования.

Этот день наследник престола отразил в своем дневнике: «В $^{3}/_{4}$ 10 собралась вся фамилия поздравлять Папа, и все, имеющие преображенский мундир, были целый день в нем. В 10 ч была военная серенада перед Папа комнатами на разводной площади; были собраны музыки от всех полков и представители частей Петерб(ургского) гарнизона и его окрестностей, по 100 человек с полка. Папа вышел на балкон, и музыка началась при оглушительных криках «Ура!» всех офицеров, солдат и массы народа. Гимн повторяли несколько раз, и был салют от 2-х гвард(ейских) батарей. Серенада удалась отлично, и это было великолепное начало торжественного дня. В 11 ч Папа принял в своей приемной и арсенале всю свиту. В $^{1}/_{2}$ 12 был прием в белой зале всех начальников частей гвардии и всех офицеров юбилейных полков государя. После этого был прием в приемной всего Государственного совета. В 12 ч начался выход в большую церковь. Никогда я не видал такой массы народу на выходе и в особенности дам. Отслуживши молебен, пошли обратно, и в Петровской зале Папа принимал Дипломатический корпус. Потом был фамильный завтрак в Малахитовой зале... а потом мы поехали все в оперу, где итальянцы давали «Жизнь за царя» и очень не дурно. Энтузиазм был огромный. Гимн повторяли раз 6... Оттуда поехали в Русскую оперу, давали ту же оперу, и тоже настроение публики было самое восторженное, и гимн повторяли более 10 раз! Вообще этот день произвел на нас самое отрадное и приятное впечатление и Бог благословил этот торжественный и славный праздник!» (390, 1995, т. VI с. 353).

Однако на следующий день последовало новое злодеяние, которое сами народовольцы считали преждевременным.

На оживленной Большой Морской в ту минуту, когда Лорис-Меликов выходил из кареты у своего подъезда, к нему бросился находившийся под надзором полиции молодой революционер-народник из Слуцка, еврей по рождению Ипполит Млодецкий и выстрелил в него в упор. К счастью, пуля не задела графа, пробила шубу и вырвала кусок мундира на спине. Одним прыжком Лорис-Меликов оказался возле покушавшегося, сбил его с ног и с величайшим спокойствием передал городовым. Такое проявление хладнокровия и мужества значительно подняло симпатии общественности к новому «спасителю» Отечества. «Слава богу, что уцелел этот человек, который так нужен теперь бедной России!» — отметил цесаревич в дневнике. 22 февраля он записал: «Сегодня в 11 часов совершилась казнь (над Млодецким. — *Е. Т.*) на Семеновском плацу при огромном стечении народа...» (там же, с. 354).

Начало эпохи диктатуры окрылило как либералов, так и консерваторов. Либералы разумели, что всестороннее обновление российского законодательства возможно только под покровительством власти, способной защитить их от революционного экстремизма.

Сторонники консервативной линии видели в первых шагах нового повелителя возвращение к традициям сильной и несокрушимой власти.

«С первого же дня, — сообщал Победоносцев 25 февраля в письме Е. Ф. Тютчевой, — все правительство в лице г. министров встретило его глухим противодействием, и самая главная и трудная борьба его будет с этими господами... Если он успеет сначала обойти их, потом одолеть и отбросить, тогда дело сделано. Если нет, то ничего не выйдет, как теперь пророчат г. министры» (43, к. 449, д. 2, л. 13—14).

В короткое время, находясь у кормила государственной власти, Лорис-Меликов во многом преуспел. Для борьбы с революционным движением была проведена немалая работа по объединению всех жандармско-полицейских и судебных органов. Так уже 3 марта граф подчинил себе III Отделение совместно с корпусом жандармов. Для усиления политического сыска была организована постоянная заграничная агентура. Соответствующая работа проводилась для ускорения производства дел по политическим преступлениям и пересмотру существующей организации административной ссылки и политического надзора.

11 апреля 1880 г. этот вице-император предложил Александру II довольно разностороннюю программу преобразований, которую перед этим согласовал с цесаревичем. Она предусматривала проекты податной системы, перестройки местного управления, расширения прав старообрядцев, пересмотра паспортной системы, налаживания отношений рабочих и предпринимателей, изменения в системе народного образования. Программа включала привлечение сведущих людей (выборных представителей дворянства, земств и органов городского самоуправления) к обсуждению проектов ряда правительственных решений. Царь полностью одобрил предложения графа.

12 апреля Михаил Тариелович получил ободряющее письмо от цесаревича. «С огромным удовольствием и радостью, — сообщал Александр Александрович, — прочел все пометки государя, теперь смело можно идти вперед и спокойно и настойчиво проводить Вашу программу на счастье дорогой родины и на несчастье министров, которых, наверно, сильно покоробит эта программа и решение государя, да бог с ними» (381, 1925, кн. 1910, с. 108).

Удачной деятельности Лорис-Меликова способствовали его добрые отношения с наследником престола и с княгиней Е. М. Долгорукой. Не забывал он навещать также больную, умирающую императрицу, чем еще больше расположил к себе цесаревича.

Репрессии при этом «обновителе России» не уменьшались, а только упорядочивались, ибо он стремился сделать их разумными и строго направленными к одной цели. Программа Лорис-Меликова, получившая название «новые веяния», содержала наряду с репрессивными мерами систему реформ, направленных на облегчение материального положения населения. В своей деятельности он делал все возможное, чтобы завоевать доверие всех слоев общества. В интересах дворянства стремился расширить права земств. Для улучшения жизни городских слоев пытался развивать органы самоуправления. Идя навстречу интеллигенции, облегчил правила печати, значительно ослабил цензурный гнет, хотя свобода слова не входила в его программу, он заменял ее «разумным руководством». Изменилась правительственная политика по университетскому вопросу.

При Лорис-Меликове сразу открылось много новых газет, среди которых выделялись либеральный, с явными конституционными тенденциями «Порядок» М. М. Стасюлевича, «Страна» Я. П. Полонского, «Земство» В. Ю. Скалона и А. И. Кошелева и славянофильская «Русь» И. С. Аксакова.

В числе толстых журналов в это время возникла «Русская мысль» под редакцией С. А. Юрьева, человека близкого по своим взглядам к славянофилам.

Важной заслугой «бархатного диктатора» Лорис-Меликова считается устранение с постов наиболее одиозных фигур царской администрации. Д. А. Толстого сменил в должности министра народного просвещения А. А. Сабуров, имевший репутацию либерала, а на посту обер-прокурора Синода — К. П. Победоносцев.

При участии главного начальника Верховной распорядительной комиссии была дарована жизнь осужденным, приговоренным к смерти, и смягчены несколькими степенями наказания всем прочим. Также смягчены все приговоры военных судов по политическим делам в Киеве, Харькове и Одессе и ни один из преступников, осужденных на смерть, не казнен.

Граф вполне оправдал высокое доверие монарха, призвавшего его в самую тяжелую для России годину на трудный пост начальника Верховной распорядительной комиссии. Он внес мир и спокойствие в общество, светлый и согревающий луч в мрачную пучину действительности. Блеснула надежда на лучшее будущее. Это была пора «новых веяний».

4. ТАЙНЫЙ БРАК ЦАРЯ С ЕКАТЕРИНОЙ ДОЛГОРУКОЙ

В начале мая 1880 г. встал вопрос о переезде императрицы Марии Александровны в Царское Село, однако доктора наотрез воспротивились этому. Силы ее стремительно таяли. Ей не давали покоя кашель и удушье.

Жизнь ее тихо угасла после длительной болезни легких. Ранним утром 22 мая (3 июня) она скончалась в Зимнем дворце на 56-м году жизни. «Никто не был при ней в самый момент смерти», — отметил Д. А. Милютин, — неотлучная ее камер-фрау Макушина, войдя в спальню в девятом часу утра, нашла уже бездыханный труп. Можно полагать, что больная кончила жизнь спокойно, без агонии, как бы заснула». Узнав о кончине императрицы, Александр II экстренным поездом прибыл в Петербург из Царского Села. После ее смерти, кроме завещания, как явствует фрейлина А. Толстая, по которому она передавала в наследство свою недвижимость, бриллианты и другие предметы, нашли лишь единственное письмо к Александру II, написанное когда-то давно. Императрица трогательно благодарила его за счастливо прожитую жизнь рядом с ним. Помимо этого, в ее столе остались разрозненные листки с выражением последней воли: «1. Я желаю быть похоронена в простом белом платье, прошу не возлагать мне на голову царскую корону. Желаю также, если это возможно, не производить вскрытия. 2. Прошу моих милых детей поминать меня сорок дней после смерти и по возможности присутствовать на обедне, молиться за меня, особенно в момент освящения Святых Даров. Это самое большое мое желание» (314, с. 43). Четыре дня спустя останки усопшей были торжественно перенесены в Петропавловский собор в пасмурный день, при сильнейшей буре на Неве, а 28 мая совершено отпевание и погребение (78, с. 98—99).

Большинство из тех, кто видел царя в это время, были поражены его болезненным видом: он стал совершенно седым, на лице появилось выражение постоянной усталости, в глазах отражалась беспредельная грусть и безнадежность. Астма его значительно усилилась и причиняла ему большие страдания. Единственным утешением ему были княгиня Екатерина Михайловна Долгорукая и трое их детей.

В день окончания Петровского поста, 6 (18) июля в 3 часа дня в Большом Царскосельском дворце состоялась церемония венчания Александра II с княжной Долгорукой, с которой он был близок в течение 14 лет. Император в голубом гусарском мундире и княжна в скромном светлом выходном платье длинными коридорами

прошли в маленькую залу с окнами на пустынный двор, где все было приготовлено для ритуала бракосочетания. Кроме протоиерея Никольского, протодьякона и дьячка на обряде венчания присутствовали министр двора граф Адлерберг, генерал-адъютанты Баранов и Рылеев, а также доверенная княжны госпожа Шебеко. По окончании службы царь с молодой супругой и двумя старшими детьми — Георгием и Ольгой совершили прогулку в коляске по тенистой дороге, соединяющей Царскосельский парк с Павловском. В тот же вечер император подписал следующий указ:

«Указ Правительствующему сенату

Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом светлейшей. Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям сообразно ст. 14 Основных законов империи и ст. 147 Учреждения императорской фамилии.

Александр

Царское Село, 6 июля 1880 года».

Данным указом Александр II признавал свое отцовство и создавал своим детям от Екатерины Михайловны законное положение. Возможно, как отмечает Вс. Николаев, более всего удручало императора отношение к Долгорукой его братьев и сыновей, а еще более — их жен. Те были возмущены, что Александр Николаевич даже не счел необходимым соблюсти год траура по своей первой жене, императрице Марии Александровне, о которой по всей России служили традиционные панихиды, об упокоении ее души молилась вся православная Русь.

Довольно правдиво описывает отношения между императором, его тридцатичетырехлетней морганатической женой и родственниками царя родной племянник самодержца, сын его брата великий князь Александр Михайлович, крестный царя, которому тогда шел пятнадцатый год. На первом ужине после заключения морганатического брака Александр II захотел представить супругу своей семье. «Когда государь, — вспоминает Александр Михайлович, — вошел в столовую, где уже собралась вся семья, ведя под руку свою молодую супругу, все встали, а великие княжны присели в традиционном реверансе, но отведя глаза в сторону... Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны! По любопытству я внимательно наблюдал за ней и ни на минуту не отвел глаз. Мне нравилось грустное выражение ее прекрасного лица, и я любовал-

ся великолепным блеском ее роскошных светло-золотистых волос. Она была явно очень взволнована. Часто она поворачивалась к императору и слегка пожимала его руку. Она, возможно, привлекла бы мужчин, если бы за ними пристально не наблюдали их жены. Ее усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание. Мне было жалко ее, и я просто не мог понять, почему ее подвергали остракизму за то, что любила она красивого, доброго и приветливого человека, который случайно был императором России...»

«К концу ужина, — продолжает Александр Михайлович, — трое его детей были приведены их гувернанткой в столовую. Старшему мальчику Георгию было восемь лет. Он вскарабкался на колени к императору и начал играть с его бакенбардами. «Скажи мне, Гого, как твои имя и фамилия?» — спросил Александр. «Я князь Георгий Александрович Юрьевский», — ответил мальчик. «Хорошо, мы все очень рады с вами познакомиться, князь Юрьевский. Скажите, князь, хотели ли бы вы стать великим князем?» — «Пожалуйста, Саша, не надо...» — нервно перебила княгиня...

Когда мы возвращались домой, — заканчивает Александр Михайлович свой рассказ, — моя мать сказала отцу: «Что бы ты ни говорил, я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть Сашей твоего брата» (50, с. 45).

Неприязнь членов династии Романовых к княгине Юрьевской подтверждается также письмом великой княгини Марии Павловны, жены младшего сына императора великого князя Владимира Александровича Гессенскому принцу Александру, брату покойной императрицы. «...Эта женщина, которая уже четырнадцать лет занимает столь завидное положение, — пишет Мария Павловна, — была представлена нам как член семьи с ее тремя детьми, и это так грустно, что я просто не могу найти слова, чтобы выразить мое огорчение. Она является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать ее, а также делать ей визиты... И так как ее влияние растет с каждым днем, просто невозможно предсказать, куда это все приведет. И так как княгиня весьма невоспитанна и нет у нее ни такта, ни ума, вы можете легко себе представить, как всякое наше чувство, всякая священная для нас память просто топчется ногами, не щадится ничего» (196, с. 575).

Процитированные здесь свидетельства ближайших родственников императора не оставляют сомнений в драматизме личной

жизни Александра II, вина которого была в том, что он любил женщину, всецело разделившую его судьбу, женился на ней церковным браком и узаконил своих детей от нее. Сам Александр считал «вступление в этот брак долгом совести и чести» (187, т. 3, с. 27).

Большинство великих князей также имели любовниц и вторые семьи, кроме официальных, но они лицемерно умалчивали об этих своих связях ради общественного мнения, боясь повредить своему престижу и положению. Александр же, узаконив свою любовь с княжной Долгорукой, нанес весьма серьезный удар по своей репутации в семейном кругу. Несомненно, он глубоко переживал всю эту конфликтную ситуацию.

Эти обстоятельства, не меньше чем внутриполитические неурядицы России, тяжко угнетали этого гуманного и честного человека. Несмотря на свое мужество и присущий ему фатализм, «всемогущий» император постоянно сознавал, что его жизнь подвергается ежедневной опасности. Под влиянием этих предчувствий он еще в 1876 г. (8 сентября) в Ливадии составил подробное духовное завещание, в котором не забыл никого из своего многочисленного семейства и своих приближенных (23, оп. 1, ед. хр. 948, л. 2—14). В 1880 г. (11 сентября) снова в Ливадии он возвращается к завещанию, где определяет материальное обеспечение своей молодой супруги Е. М. Долгорукой и их детей в сумме более 3 млн рублей. К завещательному распоряжению он присоединил письмо на имя наследника, датированное 9 ноября 1880 г. (205, с. 82—83).

5. «КОНСТИТУЦИЯ» ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Верховная распорядительная комиссия просуществовала всего шесть месяцев и была ликвидирована указом 6 августа 1880 г. (2 ПСЗ, т. LV, № 61279).

Последовала некоторая реорганизация центральных государственных органов: упразднялось ненавистное III Отделение собственной Его Величества канцелярии с передачей его дел Министерству внутренних дел. Министром внутренних дел и шефом жандармов назначается граф М. Т. Лорис-Меликов, удостоенный получить 30 августа того же года всемилостивейший рескрипт и самый высокий знак отличия — орден Андрея Первозванного. Александр II писал графу: «Прискорбные события последних лет, выразившиеся целым рядом злодейских покушений, вынудили меня учредить под главным Вашим начальством верховную рас-

порядительную комиссию и облечь Вас чрезвычайными полномочиями для борьбы с преступною пропагандою, пытавшеюся путем насилия поколебать спокойствие дорогого нам отечества...

Последствия вполне оправдали мои ожидания. Настойчиво и разумно следуя в течение шести месяцев указанным мною путем к умиротворению и спокойствию общества, взволнованного дерзостью злоумышленников, Вы достигли таких успешных результатов, что оказалось возможным, если не вовсе отменить, то значительно смягчить действие принятых временно чрезвычайных мер, и ныне Россия может спокойно вступить на путь мирного развития» (5, оп. 1, ед. хр. 113, л. 3 об.). К сожалению, дальнейший ход событий не оправдал этих надежд. Государственная работа на Руси — бремя крайне тяжелое, потому что принимающий его несет ответ не только за дело своих рук, но и за многих своих предшественников. Лорис-Меликов принял портфель министра внутренних дел именно при таких неблагоприятных условиях и в короткое время своего служения на этом посту не успел, конечно, изменить их существенно.

Хотя народовольцы время от времени напоминали о себе подпольными изданиями и, хотя Лорис-Меликов знал, что главные деятели этой организации, названные арестованным в 1879 г. Г. Д. Гольденбергом за убийство в Харькове князя Д. Н. Кропоткина, еще на свободе, однако, обманутый временным прекращением террористических актов, он стал думать, что этот враг почти уничтожен или, по крайней мере, сильно ослаблен, не подозревая насколько глубоко эта организация пустила корни.

Успокаивая и смягчая нетерпение более горячих либералов в личных беседах и переговорах, широко им практиковавшихся, Лорис-Меликов предпринял в то же время сенаторские ревизии в разных губерниях Российской империи.

Сенаторские ревизии имели вообще хорошие последствия, но в целом они как административные ревизии были недостаточны тогда, когда радикально изменившийся социальный и экономический строй требовал полного переустройства форм местного быта.

При назначении Лорис-Меликова министром внутренних дел вся иностранная печать возликовала и предсказывала «новую», «счастливую» и «спокойную» эру всей России... безопасность... и очищение страны от «революционно-социалистической-анархической филоксеры!» (там же, л. 6 об.). Многие ожидали, что он займется столь необходимым преобразованием губернской администрации, поможет вызвать к жизни земские элементы, свяжет в одно целое разрозненные земские силы и даст волости и уезду ту самостоятельную и разумную жизнь, которая послужила

бы краеугольным камнем развития народного благосостояния и залогом будущей правильной связи народной массы с царем-самодержцем.

Печать после первого знакомства с графом Лорис-Меликовым ожидала для себя широкой будущности и значительной свободы. Литературные кружки всех оттенков чувствовали себя как бы поощренными. Образовался комитет для пересмотра Положения о печати (там же, л. 4). Но мало-помалу все вернулось к прежнему неопределенному и туманному положению дел.

28 января 1881 г. Лорис-Меликов представил царю свою программу (3, 1918, кн. 4—5, с. 162). В первой ее части предлагались: расширение прав земств и печати, частичная децентрализация административного управления, определенные финансовые и экономические меры, в том числе завершение крестьянской реформы и понижение крестьянских платежей. Разработку этих мероприятий предполагалось осуществить во временных подготовительных комиссиях, учрежденных в Петербурге, с широким участием в них представителей от земств и городских дум.

Подготовленные материалы должны были поступить в Общую комиссию, а затем в Государственный совет, куда также включались выборные от губерний. Эта программа получила наименование «конституции Лорис-Меликова». Проект ее обсуждался в Особом совещании и в основном был одобрен. 17 февраля 1881 г. Александр II утвердил журнал Особого совещания (там же, с. 172). В конце февраля на основе его был подготовлен проект правительственного сообщения о созыве представителей земств.

Утром 1 марта 1881 г. Александр II одобрил этот проект и передал его Валуеву. На 4 марта было назначено слушание этого вопроса в Совете министров (35, д. 21, л. 1). Однако смертельное ранение Александра II изменило ход дальнейших событий, прервало реформаторскую деятельность царя.

6. ЦАРЕУБИЙСТВО 1 МАРТА 1881 Г.

В воскресенье 1 марта 1881 г. по заведенной еще со времен Павла I давней традиции император присутствовал на разводе караулов. В третьем часу дня Александр II выехал в карете в сопровождении обычного конвоя из Михайловского дворца по Инженерной улице. Выехав на набережную Екатерининского канала, карета повернула к Театральному мосту.

Примерно в 100 метрах от угла Инженерной улицы, в 14 часов 15 минут под каретой раздался страшный взрыв. Два казака

и мальчуган, тащивший салазки, лежали на земле. Александр II, оставшийся целым и невредимым, подошел к раненым, затем направился к задержанному преступнику Рысакову, назвавшемуся мещанином Глазовым. Один из офицеров в сбежавшейся толпе, не узнав сразу царя, спросил: «Что с государем?» На что тот, оглянувшись и не доходя шагов десяти до Рысакова, сказал: «Слава богу, я уцелел, но вот...», указывая при этом на лежавшего около кареты раненого казака и кричавшего от боли раненого мальчика. Услышав слова царя, Рысаков, злорадно ухмыльнувшись, крикнул: «Еще слава ли Богу?» Как только Александр II сделал несколько шагов в направлении к экипажу, Гриневицкий (как это стало известно позже) бросил бомбу к самым ногам монарха. Раздался второй оглушительный взрыв. Когда дым рассеялся, пораженным взорам присутствующих открылось ужасающее зрелище. В числе поверженных и раненных взрывом находился и государь. Прислонившись спиною к решетке канала, упершись руками в панель, без шинели и без фуражки полусидел Александр II, окровавленный и тяжело дышавший. Ноги его были раздроблены, кровь ручьем струилась с них, мышцы висели кусками, лицо было окровавлено.

Истекающий кровью монарх был доставлен в Зимний дворец. Картина, которую представлял его кабинет, производила потрясающее впечатление. Окровавленный император лежал с раздробленными ногами на походной кровати в бессознательном состоянии, окруженный врачами и многочисленным августейшим семейством. Он едва дышал, лицо его вспрыскивали водой. Для поддержания дыхания государю вдували кислород. Пока хирурги бинтовали раздробленные члены, обезумевшая от горя княгиня Юрьевская и заливающийся слезами престолонаследник держали голову страдальца. Несмотря на все усилия лейб-медика С. П. Боткина продлить его жизнь, Александр II, не приходя в сознание, скончался в 3 часа 35 минут дня вследствие большой потери крови. Бажанов причастил умирающего и прочел отходную. Все присутствующие стали на колени вокруг смертного одра и затем перенесли тело в другую комнату — в парадный кабинет.

Трагическая смерть Александра II произвела потрясающее впечатление на родственников и близких к императору людей.

Мария Федоровна, ставшая императрицей, 4 марта писала своей матери, датской королеве Луизе: «Какое горе и несчастье, что наш император ушел от нас, да еще при таких ужасных обстоятельствах. Нет, кто видел эту страшную картину, никогда не сможет забыть ее! Я вижу перед собой это постоянно — день и ночь!

Бедный безвинный император, видеть его в этом жутком состоянии было душераздирающе! Лицо, голова и верхняя часть тела были невредимы, но ноги абсолютно размозжены и вплоть до колен разорваны в клочья, так что я сначала не могла понять, что собственно я вижу окровавленную массу и половину сапога на правой ноге и половину ступни — на левой. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Нет, это было ужасно!» (168, с. 25). Последние минуты жизни своего деда зафиксировал и будущий царь Николай II: «Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречных были бледные лица. На коврах были большие пятна крови. Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дяди и тети. Никто не говорил. Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели. «Папа, — сказал он, повышая голос, — Ваш «луч солнца» здесь». Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но он не мог поднять рук, ни сказать то, что он хотел, но он несомненно узнал меня...» (там же).

Высшая сановная элита по-разному отнеслась к смерти монарха. Военный министр Д. А. Милютин отзывался об Александре II как о замечательном государе, царе-освободителе, царствование которого было обильно благими делами (см. 187, с. 30). Министр двора А. В. Адлерберг считал, что «мученическая кончина государя, быть может, предотвратила новые безрассудные поступки и спасла блестящее царствование от бесславного и унизительного финала» (там же, с. 79).

Государственный секретарь Е. А. Перетц отметил, что «покойный государь был замечательно добросовестный работник. Все представлявшееся Его Величеству, — а представлялась ему масса дел, в числе которых бывали и сложные записки, — рассматривалось безотлагательно... Одним словом, каждому из нас можно было бы научиться у покойного государя чрезвычайной добросовестности в исполнении обязанностей» (208, с. 30).

Итак, закончилось царствование обновителя и устроителя Российской империи, названное «эпохой великих реформ».

Освобождение своего народа от крепостного гнета стало величайшим гражданским подвигом Александра II, подготовило другие реформы и занимает самое видное место среди результатов его царствования. Вслед за падением крепостного права рухнула

система грубых телесных наказаний, проведены земская, городская, судебная, университетская, военные, финансовые и другие реформы. Величие этих реформ во многом заключается в том, что в каждой из них без исключения реализована одна и та же мысль — привлечение общества на помощь правителю. В ходе грандиозных нововведений учитывались многие предложения и программы «либеральных демократов». Принципиальный характер всех преобразований по сути один и тот же: уничтожение сословных привилегий. Уже одного того факта, что Александр II даровал 23 миллионам своих подданных сознание их человеческого достоинства, хватило бы, чтобы поставить этого императора в число крупных реформаторов и наиболее выдающихся личностей нашей истории. Недаром современники назвали его царем-освободителем. А простой люд на свои средства воздвигнул ему десятки памятников.

В период царствования Александра II завершились Крымская и Кавказская войны, состоялась освободительная для балканских народов Русско-турецкая война 1877—1878 гг., произошло присоединение к России Амурского края, Южного Сахалина и большей части Средней Азии.

Активная внешнеполитическая деятельность петербургского правительства определялась принципом «национальных интересов» и была направлена на выход из дипломатической изоляции и поддержание постоянного европейского равновесия. Во время международных конфликтов (Датско-прусская, Австро-прусская, американская Гражданская и другие войны) Российская империя неизменно занимала позицию вооруженного нейтралитета. Лично Александр II оказал огромное влияние на ход европейской дипломатии и значительно поднял авторитет России, подорванный исходом Крымской схватки.

Кроме царя во время взрыва пострадало 20 человек, из которых 3 человека скончались, в том числе и Гриневицкий.

Часть II

Властитель империи. Внутренняя политика России

Трагедия 1 марта 1881 г. на многие годы предопределила внутриполитическое развитие великой страны.

Глава седьмая

ПЕРВЫЕ ШАГИ МОЛОДОГО ЦАРЯ

1. ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III

Со смертью царя-освободителя 1 марта 1881 г., власть по закону о престолонаследии сразу же перешла к его наследнику — цесаревичу Александру Александровичу. В первые же дни правления на нового императора обрушился огромный вал неотложных текущих дел. Ему пришлось пережить нелегкий ритуал похорон отца, многосложную процедуру вступления на престол, стабилизировать деятельность государственного организма огромной Российской империи, локализовать террористическую вакханалию революционного экстремизма. Прежде всего Александр III, глубоко расстроенный смертью отца, отдал ряд приказаний собравшимся около него министрам.

Повсеместно были разосланы телеграммы о постигшем Россию несчастье. Председателю Комитета министров П. А. Валуеву было поручено написать манифест о восшествии на престол нового императора. Проект манифеста был подготовлен им при соучастии министра юстиции Д. Н. Набокова, председателя Департамента законов князя С. Н. Урусова, государственного контролера Д. М. Сольского и подписан поздно ночью в Аничковом дворце.

2 марта в полдень состоялось чрезвычайное заседание Государственного совета, на котором государственный секретарь

Е. А. Перетц зачитал этот манифест, явившийся первым документом вступившего на престол императора. Он извещал Россию о смерти царя-освободителя и о воцарении Александра III, который брал на себя обет посвятить всю свою жизнь «попечениям о благоденствии, могуществе и славе России». Одновременно с этим манифестом, одним из первых актов царской воли молодого государя стал обнародованный указ Сенату от 1 марта о приведении крестьян к присяге. Многие не без удивления узнали из этого указа, что русский крестьянин впервые призывался принести верноподданническую присягу своему царю. Первое царствование крестьянин встречал как гражданин земли Русской, а не бесправный раб, не крепостной или холоп, знающий только одну власть — своего барина, только ему обязанный верностью и повиновением.

Ровно в час дня в Зимнем дворце прошел так называемый выход воцарения: государь и императрица вышли не только заплаканные, но, можно сказать распухшие от слез. Александр III был в общегенеральском мундире, императрица Мария Федоровна в белом платье с бриллиантовой диадемой на голове. Наследник престола Николай Александрович в мундире Преображенского полка следовал непосредственно за августейшими родителями. Далее в шествии участвовали остальные члены царской семьи.

Несмотря на явное волнение, императорская чета весьма милостиво раскланивалась на обе стороны. Проходя мимо караулов, Александр III останавливался и приветствовал войска краткими речами.

В большой дворцовой церкви, куда проследовали кроме царской семьи члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари, высшие придворные и военные чины, министр юстиции прочитал манифест, после чего духовник императорской четы Бажанов во всеуслышание произнес присягу на верность подданства, которая повторялась вполголоса всеми присутствующими. По возвращении из церкви во внутренние покои Александр III выходил к представлявшимся ему отдельно Государственному совету (в Малахитовом зале), Сенату (в Концертном зале) и свите. Каждый раз император обращался с краткой речью, в которой благодарил за верную службу покойному государю, выражал надежду, что заслужит такое же доверие и расположение, какими пользовался почивший родитель.

Вот как описывает Перетц прием Александром III членов Государственного совета: «Государь вышел в 2 часа. Прежде всего он подошел к стоявшему во главе совета великому князю Константину Николаевичу и подал ему руку. Великий князь

обнял государя, который в свою очередь обнял его. Затем Его Величество произнес с некоторою расстановкою и чрезвычайно взволнованным голосом приблизительно следующее: «Господа! Душевно сожалею, что я лишен возможности передать вам по поручению самого покойного государя его благодарность. Смерть постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам от его имени благодарности за честную и усердную службу, которую вы в продолжение стольких лет оправдали доверие незабвенного императора. Я до сих пор не имел еще возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесете на меня те чувства, которые питали к моему родителю, что буду достоин их и, трудясь вместе с вами, принесу пользу России! Да поможет мне Бог! Еще раз благодарю вас всех от имени моего батюшки».

По произнесении этих слов государь подошел к великому князю Михаилу Николаевичу, горячо обнял его, пожал руку принцу Ольденбургскому и некоторым другим старейшим членам Государственного совета, поклонился всем и ушел» (208, с. 25). Через два дня после покушения Воронцов-Дашков посылает взволнованное письмо Александру III, в котором умоляет его не рисковать и переехать в Зимний дворец, чтобы не подвергать себя опасности во время ежедневных передвижений из Аничкова дворца. «Преступники идут напролом, — уверяет он, — но именно эти последние судороги страшны» (22, оп. 1, д. 741, л. 96—96 об.). 6 марта Валуев отмечает в своем дневнике: «Третьего дня открыта под Садовой улицей мина, которая не только могла иметь то же смертельное действие, как и снаряды 1-го числа, но, вероятно, не оставила бы и останков покойного венценосца... Государь и императрица переехали на время в Зимний дворец» (78, с. 150).

Последний путь Александра II

7 марта в одиннадцать с половиной часов утра состоялось перенесение тела Александра II из Большого придворного собора Зимнего дворца в Петропавловский собор. Почти все население Петербурга, множество народа из окрестностей, а также прибывшие с дальних концов России провожали гроб усопшего монарха. С рассветом началось оживленное движение на улицах. Народ валил со всех сторон сплошными массами и занял громадное пространство на всем длинном семиверстном пути печального шествия. Дома города облеклись в глубокий траур; особенно выделялось траурное убранство здания Думы, гостиного двора и помещений иностранных посольств, выкинувших траурные

флаги. Ровно в половине десятого утра, тремя пушечными выстрелами с Петропавловской крепости дан был первый сигнал для лиц, участвующих в печальной церемонии. Войска гвардии и Петербургского военного округа расположились шпалерами от Зимнего дворца до Петропавловской крепости на пути всего следования печального кортежа, кроме тех частей войск, которые участвовали в процессии. Всеми войсками командовал генерал-адъютант А. Костанда. Войска были одеты в парадную форму, в мундиры, при караульной амуниции, в глубоком трауре. В начале одиннадцатого вдоль пути шествия между Зимним дворцом и Николаевским мостом началось интенсивное движение. Лица, участвующие в процессии, спешили занять свои места. Окна и балконы домов по пути были заняты множеством людей. Начавшееся суетливое движение было как бы предвестником скорого установления порядка всего церемониала. Действительно, когда в одиннадцать часов утра раздался второй сигнал, все были на своих местах.

В это время в Большом соборе Зимнего дворца вокруг гроба императора собралась вся царская семья. По отслужении краткой литии митрополитом Исидором, в сослужении митрополитов Московского Макария, Киевского Филофея и четырех епископов сперва вынесены из церкви ордена и регалии, затем в предшествии певчих и духовенства гроб понесли члены царской семьи.

Изголовье гроба нес Александр III. Гроб был вынесен на Иорданский подъезд и поставлен на траурную колесницу, запряженную восемью лошадьми в траурных попонах с императорскими гербами. Колесница имела вид балдахина из золотой парчи. Вокруг карниза балдахина был ряд букетов из страусовых перьев, а на его вершине помещалась императорская корона.

Раздался третий сигнал: удар большого колокола в Исаакиевском соборе, затем во всех церквах погребальный перезвон. Это было в половине двенадцатого.

Чтобы судить о протяжении печального кортежа, достаточно сказать, что, когда траурная колесница двинулась от Иорданского подъезда дворца, голова процессии — собственный Его Величества конвой — находилась уже в первой линии Васильевского острова. В процессии приняли участие представители учреждений, созданных только что минувшим царствованием: представители городских общественных управлений, земских учреждений, судебных установлений и крестьянского самоуправления. Из иногородних прибывших выделялись представители Первопрестольной: московский губернский предводитель дворянства граф А. Бобринский и московский городской голова С. Третьяков.

Тут были студенты Петербургского университета, Медико-хирургической академии, Института инженеров путей сообщения, гимназий, реальных училищ и других учебных заведений.

57 иностранных орденов и 15 русских знаков отличия и орденов несли особы первых трех классов. Императорское знамя нес генерал-адъютант Грейг, щит — генерал-адъютант князь Меншиков, императорский меч на трех подушках — граф Шувалов (бывший посол) при двух ассистентах. Короны несли: грузинскую — генерал-адъютант Семека, таврическую — генерал-адъютант Бистром, сибирскую — генерал-адъютант Глинка-Маврин, польскую — генерал-адъютант Непокойчицкий, астраханскую — граф Валуев, казанскую — действительный тайный советник Титов; государственную державу — генерал-адъютант Новосильский; государственный скипетр — граф Гейден; корону императорскую — князь Суворов. За регалиями шествовало после певчих духовенство в траурных ризах. Во время шествия войска, стоявшие шпалерами, отдавали честь, музыка играла на молитву и «Коль славен». Непосредственно за гробом шел Александр III без пальто, в одном мундире, в общей генеральской форме с Андреевской лентой через плечо. За государем следовали, также пешком и без шинелей, члены императорской семьи, несколько правее — министр двора и свита государя. Императрица с наследником цесаревичем следовали в траурной карете. В следующих каретах ехали герцогиня Эдинбургская и великие княгини.

В целом, как отмечали очевидцы, процессия перенесения останков императора в крепость была проведена крайне небрежно. Согласованность и стройность шествия не выдерживались, многие чиновники разговаривали и шли не попарно, как было предписано, а кучками и даже курили. Несшие ордена порой обращались с ними бесцеремонно, держа, например, подушку под мышкой. До прибытия процессии к Петропавловскому собору, в нем собрались чины дипломатического корпуса, придворные дамы, генералы, не участвовавшие в кортеже, высшие гражданские чины, дворянство и купечество.

Собор преобразился. Среди храма между четырьмя колоннами был сооружен балдахин и катафалк.

Только в 2 часа 20 минут дня гроб прибыл к собору, был внесен вовнутрь членами царской семьи и поставлен на катафалк. Александр III и вся царская фамилия стояли на возвышении подле гроба. Во время внесения гроба в храм все присутствовавшие преклонили колена. То же самое было повторено при совершении панихиды, когда пелось «Со святыми упокой» и «Вечная па-

мять». По окончании панихиды, новый император и августейшие родственники благоговейно преклонились пред гробом и затем покинули собор.

Могила Александра II, согласно его желанию, выраженному задолго до катастрофы, находится рядом с гробницей недавно почившей императрицы Марии Александровны и цесаревича Николая. О том, что останки Александра II внесены под сень Петропавловского собора, столица узнала в 2 часа 20 минут по раздававшимся с крепости пушечным выстрелам.

15 марта в Петропавловском соборе прошла последняя торжественная печальная церемония погребения тела почившего императора Александра II.

Отклики на смерть Александра II

Следует отметить, что гибель царя-освободителя мощным резонансом прокатилась по всей стране и нашла широкое отражение в отечественной прессе. И монархические и либеральные органы печати подробно комментировали происходящие события и не скупились на различные советы, рекомендации и пожелания.

Выразительница охранительных взглядов газета Каткова «Московские ведомости» настойчиво требовала усиления государственного начала: «По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти... вместо явного правительства появляются тайные». Ответственность за убийство императора 1 марта газета возложила не столько на «ничтожную кучку ошалелых мальчишек», сколько на общество в целом, которое, «гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, попало в... духовное рабство».

На события 1 марта повсеместно откликнулись земские и городские учреждения, многочисленные профессиональные объединения, высшие и средние учебные заведения.

Многие земства представили новому монарху верноподданнические адреса с изъявлением глубокого сочувствия и заявлением о полной поддержке царя и правительства и готовности «пойти на борьбу с крамолой». По данным историка Б. Б. Веселовского, с адресами к Александру III обратились 31 уездное и 7 губернских земств. В ряде этих адресов содержались призывы к непосредственному единению царя и народа, т. е. созыву «представителей земли» (Рязанское, Тверское и др.). Экстренное московское губернское земское собрание, состоявшееся 7 марта, обратилось к молодому императору с ходатайством о сооружении в Московском кремле на средства всей земли русской памятника Александру II за его достойные дела: освобождение миллионов крестьян, создание земского и городского самоуправления, введение правого и скорого суда.

На многих собраниях принимались решения о выделении средств на сооружение храма в Петербурге на месте смертельного ранения Александра II, а также об увековечении его памяти в пределах своего края. В Финляндии, например, во многих городах была открыта подписка на памятник почившему государю, который со временем был установлен в Гельсингфорсе (Хельсинки) и сохранился до наших дней. Во всех храмах Российской империи состоялись панихиды по усопшему царю-освободителю.

Тяжелая, мученическая кончина монарха, царствование которого было так обильно благими делами, произвела, конечно, глубокое впечатление не только на русский народ, но и за границей. Кроме немногих радикальных органов революционных партий, вся зарубежная пресса выразила громкое негодование против фанатиков-террористов и скорбь о царственном мученике. До сих пор, при подобных случаях, только главы царствующих династий выражали свои чувства: это было их исключительное право.

Относительно же постигшего несчастья 1 марта к чувствам царствующих династий присоединились чувства и народных представителей для выражения соболезнования Александру III и народу России.

Сенат и парламент Франции чествовали в погибшем царе одного из величайших реформаторов XIX столетия, даровавшего свободу миллионам рабов, и видели в нем истинного благодетеля и друга Франции.

Аналогично с Францией прислал России германский народ свои соболезнования «о лучшем друге Германии». Такие же чувства выразили итальянский парламент, греческая, голландская, английская, американская палаты, из Испании и из далекой Бразилии. Лишь в австрийском рейхстаге не признали уместным какое-либо заявление в связи с происшедшей трагедией.

2. ПРОЕКТЫ СПАСЕНИЯ РОССИИ

Гибель царя-освободителя и вступление на престол Александра III вызвали появление ряда записок — проектов «спасения России» и совершенствования государственного управления.

Обстоятельную и в то же время противоречивую по своему содержанию записку «Задачи нового царствования» в начале марта через Победоносцева передал Александру III видный обществен-

ный деятель Б. Н. Чичерин. «Теперь, — убеждает он, — всякое ограничение власти было бы гибелью» (215, т. 1, с. 113). В то же время он предлагает привлекать «здоровые элементы», до сотни выборных от дворянства и земств в высший законосовещательный орган — Государственный совет. Главным мотивом в записке Чичерина является призыв всеми средствами, без оглядки, решительно бороться с революционным движением.

«Задача верховной власти, — рассуждает Чичерин, — состоит в настоящее время в образовании однородного, вполне согласного между собою правительства... От министров следует потребовать общей программы действий и, следовательно, совокупного обсуждения важнейших вопросов и принятия совокупных мер (162а, с. 37).

6 марта к царю с докладной запиской обратился маркиз Велепольский. Стараясь воспользоваться обстоятельствами, он предлагал расширить местную автономию и обеспечить своим польским соотечественникам признание их национальных особенностей и полную веротерпимость. Для москалей же он требовал только одного — поражающих воображение репрессий (162а, с. 41—42).

В записке Лорис-Меликову изложил свои мысли один из основоположников российского либерализма, сотрудник газеты «Голос», профессор государственного права А. Д. Градовский. Не выдвигая в ней никакой конкретной программы, он доказывал необходимость создания какой-то следственной комиссии для изучения причин возникновения нигилистического движения (162а, с. 42).

Бывший петербургский губернский предводитель дворянства А. А. Бобринский в записке, датированной 10 марта, подчеркивал: «По нашему убеждению то время, когда Россия должна быть призвана к совету, настало. Исторический вопрос необходимости того или другого представительства страны созрел» (381, 1928, т. 6 (31), с. 142).

Профессор политической экономии и статистики киевского университета Д. И. Пихно в письме от 18 марта писал: «Многие у нас, как и у вас, ищут спасения в конституции. Другие, в том числе и я, утверждают, что, не создавая никаких ограничений для власти, не связывая ее, нужно прежде спросить страну, призвать ее только для совета, а затем уже решать, что нужно делать » (162а, с. 47).

В записке, посланной в мае, граф П. П. Шувалов считал, что одних репрессивных мер для борьбы с нигилизмом недостаточно. Необходимо привлекать выборных от земства.

Поступали различные советы царю также и из-за рубежа. Прислал письмо император Вильгельм I, внучатый дядюшка Александра III. Не отрицая пользы созыва народных представителей, престарелый император предостерегал своего внука от «подводных камней, которых необходимо избегать при даровании конституции». Он рекомендовал не вводить всеобщего избирательного права и не допускать парламент к реальному управлению государством. Практиковать трехгодичный бюджет. Разрешить равноправность вероисповеданий. «Не допускать неограниченной свободы преподавания и печати» (162а, с. 47—48).

Не имея никакого представления об условиях российской жизни, прислал свои рекомендации префект парижской полиции Андрие. Он предложил молодому царю издать манифест, в котором объявить, что он желает дать народу гарантии благосостояния и спокойствия не только строгим сохранением существующих законов, но также реформами и постепенно расширяемой свободой, подобно тому, как это делал его усопший родитель. Никакое правительство не должно уступать перед насилием нигилистов. Есть раны, которые требуют раскаленного железа, и нигилизм из числа таких ран. «Для страшных болезней нужны страшные лекарства...Террористов следует укротить, как укрощают диких зверей... Следует купить кого-либо из нигилистов: купленный продаст и сообщников» (162а, с. 49—51). Наиболее радикальные предложения исходили все же от «излюбленного интимного советника», как его позже окрестили, К. П. Победоносцева. Своими письмами, записками и советами изо дня в день он побуждал Александра III к более решительной и жесткой политике. Известно, что уже 1 марта он писал новому монарху: «Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак». «Не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от Вас исходящую», — напоминает он вновь уже 3 марта.

6 марта Победоносцев обстоятельно рекомендует Александру III направить правительственную машину по более правому политическому курсу. «Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, — настаивает этот «русский папа», — надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день... Не оставляйте графа Лорис-Меликова, — вновь настаивает обер-прокурор Синода. — Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги» (211, т. 1, с. 315—316).

3. КОЛЕБАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ

Потревоженные внезапной кончиной Александра II, все органы великой страны постепенно входили в свою колею, и государственная жизнь, казалось, потекла обычным путем. Первые шаги молодого императора были весьма осторожны и предусмотрительны. Около двух месяцев Александр III словно выжидал, оценивал расстановку сил в правящих сферах и колебался в выборе курса своего правления.

В циркулярной депеше 4 марта русским дипломатическим представителям за границей говорилось, что «государь император посвятит себя прежде всего делу внутреннего государственного развития, тесно связанному с успехами гражданственности и вопросами экономическими и социальными, составляющими ныне предмет особых забот всех правительств» (22, оп. 1, д. 530, к. 12).

Первый дипломатический акт нового царствования был встречен образованным обществом России с признательностью за те слова, которые касались собственных внутренних дел страны. Новый монарх как бы обещал в этом заявлении проводить взвешенную прогрессивную политику.

Александр III помнил, что его покойный отец планировал 4 марта провести особое совещание, на котором следовало решить вопрос, публиковать ли правительственное сообщение о создании редакционных комиссий, предложенных Лорис-Меликовым, или же не публиковать. Это значило — продолжать ли реформы, начатые родителем, или проводить другой курс? 7 марта молодой император решил обсудить проект министра внутренних дел на Совете министров, назначив его на следующий день.

8 марта, в воскресенье, ровно неделю спустя после катастрофы 1 марта состоялось заседание Совета министров под личным руководством нового царя. Кроме обычных членов Совета министров, собравшихся в Малахитовом зале Зимнего дворца: председателя комитета министров Валуева, министров Лорис-Меликова, Милютина, Сабурова, Адлерберга, Посьета, Ливена, Абазы, Набокова, Макова, главноуправляющего вторым отделением С. Е. И. В. канцелярии Урусова, государственного контролера Сольского, управляющего Морским министерством Пещурова, товарища министра иностранных дел Гирса, управляющего делами Совета министров Мансурова, главноуправляющего Четвертым отделением С. Е. И. В. принца Ольденбургского, Государственного секретаря Перетца, по особому приказанию монарха были приглашены престарелый граф Строганов, Победоносцев и член

Государственного совета генерал-адъютант граф Баранов. В числе собравшихся были также трое великих князей: Константин, Михаил Николаевичи и Владимир Александрович.

Большинство прибывших на совещание только перед самым началом его узнали, что обсуждаться будет предложение графа Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земств и городов для разработки обширной программы новых законодательных вопросов.

В настоящее время мы имеем возможность восстановить доподлинно многие детали проведенного совещания, ибо оно нашло отражение в дневниках Валуева, Милютина и Перетца, а также в дневнике историка В. А. Бильбасова, который утверждал, что рассказ об этом заседании записан им со слов Лорис-Меликова. Впечатления об этом совещании изложены также в письме Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой от 11 марта 1881 г.

Ровно в 2 часа дня Александр III уточнил, все ли налицо, и когда ему было доложено, что не явился только великий князь Николай Николаевич в связи с болезнью, царь вышел в Малахитовый зал и, остановясь у дверей, пригласил всех перейти в назначенный зал, через комнату от Малахитового. С каждым из проходивших император приветливо здоровался, с чувством пожимая его руку. В зале заседания стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном, вокруг которого было расставлено 25 кресел. Перед каждым креслом на столе лежали бумага и карандаш. В центре стола, спиною к окнам, обращенным на Неву, было место монарха. Напротив государя, рядом с заведующим делами совета, расположился Лорис-Меликов, который должен был докладывать свои предложения. Все остальные заняли места, как случилось. Когда все уселись за длинный стол, Александр III не без некоторого смущения сказал: «Господа! Я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного. Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моем, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц. Журнал совещания, которое в сущности согласилось с проектом, был представлен Его Величеству и одобрен им. Покойный государь

сделал, однако, некоторые заметки относительно частностей. Нам предстоит теперь обсудить эти заметки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел прежде окончательного утверждения проекта созвать для рассмотрения его Совет министров» (298, с. 32).

Далее, обратясь к министру внутренних дел, Александр III, поручил ему прочесть записку о предложениях и проект публикации в «Правительственном вестнике». Материал, зачитанный Лорис-Меликовым, был подготовлен еще до страшного события 1 марта, поэтому первые страницы, где говорилось об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени, звучали малоубедительно во время «междупанихидного заседания». В этом месте Александр III, прерывая чтение, справедливо заметил: «Кажется, мы заблуждались». Затем Лорис-Меликов изложил недостатки в местном управлении и высказал необходимость разработки важных законодательных проектов. Для того чтобы проекты эти были реальными и эффективными, он предлагал учредить особую редакционную комиссию, в которой кроме должностных лиц правительственных ведомств участвовали бы представители земства (по два от каждой губернии) и городов (по одному от каждого губернского города и два от столиц). Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсуждения отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение Государственного совета, права которого остаются без всякого изменения. В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, причем сказано было, что предложенные меры одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором. Чтение Лорис-Меликовым предлагаемых для обсуждения документов продолжалось более часа.

Как явствует Д. А. Милютин, ему сначала казалось, что проходившее заседание будет «одною формальностью», поскольку дело получило уже высочайшее одобрение покойного императора и ныне царствующего государя, председательствовавшего в секретной комиссии и подписавшего ее заключение. Однако же произошло другое. В ходе обсуждения четко определились две различные тенденции, два подхода к решению насущных вопросов государства: либеральный, реформаторский и консервативный, реакционный. Первому высказать свое мнение Александр III

предложил сидевшему рядом с ним графу Строганову. «Ваше Величество, — заявил этот старый аристократ, обращаясь к Александру III, — предполагаемая вами мера, по моему мнению, не только несвоевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная. Мера эта вредна потому, — уверял он, — что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время и без предполагаемой новой меры власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что и проповедуют невозможные доктрины». Речь графа прерывалась репликами Лорис-Меликова. В заключение Строганов сказал: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России...»

На это император сочувственно признался: «Я тоже опасаюсь, что это — первый шаг к конституции» (там же, с. 33). Затем Александр III предложил выступить Валуеву.

«...Я, с моей стороны, — заметил председатель Комитета министров, — не могу разделить тех опасений, которые только что были высказаны глубокоуважаемым мною графом Сергеем Григорьевичем. Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного... Вам, государь, небезызвестно, что я — давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно было сделано мною в несколько иной только форме в 1863 году во время польского восстания и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей...» В целом Валуев «произнес красноречивую речь» в пользу предложений Лорис-Меликова. Затем аналогично выступил военный министр граф Милютин. «Предлагаемая Вашему Величеству мера, — сказал он, — по моему мнению, совершенно необходима, и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего» (там же, с. 33—34). Милютин высказал твердое убеждение «в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора». Он напомнил также, что почти все прежние реформы разрабатывались также с участием представителей местных интересов и никаких неудобств от того не замечалось» (187, т. 4, с. 33). Министр почт и телеграфов Маков, выступивший после Милютина, пел ту же песнь, что и Строганов. Начав свою

речь, он признался, что предложения графа Лорис-Меликова ему не были вовсе известны, в силу чего он не мог их продумать как следовало. «Но сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел, — уверял он, — основная его мысль — ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разумения, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к погибели» (298, с. 36). Вслед за Маковым взял слово министр финансов Абаза. Как отмечает в своем дневнике Милютин, он «произнес прекрасную речь, в которой, опровергнув намеки Макова на покушение ограничить самодержавную власть, объяснил, что, напротив того, призыв к деятельности представителей от земства укрепит и поддержит авторитет правительства. Абаза привел в пример предстоящую и совершенно необходимую податную реформу, которую решительно невозможно совершить без содействия представителей от всех классов общества» (187, т. 4, с. 34).

Вынужденный выступить в прениях, Лорис-Меликов подчеркнул важность того, «чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди». «Предлагаемая теперь мера, — убеждал он, — может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время, — через три месяца нынешние, в сущности, весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми» (298, с. 38).

С обширной шокирующей речью выступил обер-прокурор Св. синода Победоносцев, по словам Перетца, «бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный. «Ваше Величество, по долгу присяги и совести, — начал он патетически, — я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae». При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...» Глубоко преданный принципам самодержавия, отстаивая его незыблемость, Победоносцев с порога отбрасывал все, в чем чувствовал хотя бы малейшее веяние демократии. Сейчас, подобно Строганову и Макову, он увещевал, что предложения Лорис-Меликова прямо ведут к конституции по примеру Западной Европы. «Конституции, там существующие, — утверждал Константин Петрович, — суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество... Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды...» «Я думаю то же, — поддержал его молодой государь. — В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей».

Далее, заявив, что «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем», Победоносцев обрушился с резкой критикой на всю систему реформ 60-х гг. Уничтожающему порицанию подверг он разного рода «говорильни» — земские, городские, судебные учреждения и печать. «И когда, государь, предлагают нам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? — задал оратор риторический вопрос. — Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, — когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми... В такое ужасное время, государь, — подчеркнул обер-прокурор Синода в заключение, — надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!» (там же, с. 40). Речь Победоносцева произвела ошеломляющее впечатление на всех присутствующих и особенно на Александра III. Валуев записал в своем дневнике: «Обер-прокурор Синода сказал невозможную речь, в которой назвал все предложенное и все европейское (sic) величайшей фальшью» (78, с. 152). Милютин с возмущением отметил: «...Все сказанное Строгановым, Маковым и Посьетом было бледно и ничтожно сравнительно с длинною иезуитскою речью, произнесенною Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера» (187, с. 35).

Министр финансов Абаза, «как ножом в сердце пораженный» речью Победоносцева, первый пытался нейтрализовать

его пылкие инсинуации. «Ваше Величество, — обратился он к императору, — речь обер-прокурора Св. синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого, скажу смело — великого царствования» (298, с. 40).

Выступивший с большой речью государственный контролер Сольский, аргументировано защищал предложения Лорис-Меликова. В заключение он проницательно заметил, что Победоносцев «представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего положения. Но дальше этого он не пошел. Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего. ...Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным — невозможно» (там же, с. 42—43). Выступивший затем министр путей сообщения Посьет «довольно нескладно и темно» выразил свое мнение против предложения министра внутренних дел.

Принявшие участие далее в обсуждении Сабуров, Набоков, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович однозначно высказались за обсуждаемое предложение. Князь Урусов, принц Ольденбургский и князь Ливен довольно неопределенно обозначили свои взгляды, предложив еще раз обсудить рассматриваемый проект Лорис-Меликова в Комитете министров. Граф Строганов незадолго до закрытия совещания заявил, что также не возражал бы против пересмотра в Комитете министров. Председатель же департамента законов князь Урусов, уточняя свое предложение, посоветовал обсудить проект Лорис-Меликова сначала не в Комитете министров, а в небольшой комиссии из лиц, назначенных государем. Александр III тут же на это дал согласие, предложив председательство в комиссии графу Строганову. Однако последний отказался от этой роли, сославшись на свои 86 лет, и согласился принять участие только в числе членов. Итак, молодой император, не осмелясь прямо отвергнуть проект, одобренный отцом, решил снова обсудить его «как можно основательнее и всесторонне» в особой немногочисленной комиссии, а потом и в Комитете министров. Хотя большинство выступивших на совещании (9 человек) высказались в поддержку проекта и только четверо против, тем не менее, как отмечает Милютин, «мы вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа

и нервном раздражении» (187, с. 37). Все понимали, что новый император вне всякого сомнения был целиком и полностью на стороне Победоносцева и Строганова, но не высказал своего мнения, а занял выжидательную позицию. В результате проведенного совещания на высшем бюрократическом олимпе империи определились две противоположные, антагонистические силы: партия либеральной бюрократии — Лорис-Меликов, Абаза, Милютин и партия консерваторов во главе с Победоносцевым. Неустойчивое противостояние между двумя этими группировками, казалось, на какое-то время качнулось в пользу сторонников «новых веяний». Александр III колебался. Связываемый на первых порах еще доверием к Лорис-Меликову, он выражает ему готовность идти по пути покойного. В это же время среди высшего чиновного люда распространяются слухи о выходе Лориса в отставку. «Победоносцев, — как отмечает Милютин 16 марта 1881 г., — злоупотребляя авторитетом старого учителя... подносит молодому царю одну записку за другою со своими фарисейскими поучениями и иезуитскими советами... Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и комп. Также и многие другие из лучших наших товарищей должны будут сойти со сцены. Какие же люди займут их места? Какая будет их программа? Реакция под маской народности и православия!» (Там же, с. 40.)

4. ПЕРЕЕЗД В ГАТЧИНУ

27 марта Александр III из Петербурга переезжает с семьей в Гатчину, расположенную в 46 км к юго-западу от С.-Петербурга. В свою памятную книжку царь в тот день занес краткую запись: «Переехали с Минни и детьми на жительство в Гатчину» (22, оп. 1, д. 270, л. 31). Переезд этот был не случаен. Петербургские сановники, напуганные убийством народовольцами Александра II, высказывали опасения относительно жизни его преемника. Об этом пишут в своих мемуарах Милютин, Валуев, Богданович и др. Вспоминая этот период, С. Ю. Витте говорит, что тогда «чувство преобладало над разумом» (84, т. 1, с. 132). Чтобы представить обстановку, в которой находился молодой император в первые дни царствования, достаточно привести одно из посланий Победоносцева, искренне тревожившегося за царя. «Ради бога, примите во внимание нижеследующее. 1) Когда собираетесь ко сну, — напоминает он Александру III в письме от 11 марта, — извольте запирать за собою дверь не только в спальне, но и во всех

следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты. 2) Непременно наблюдать каждый вечер перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать. 3) Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке. 4) Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах. 5) Все ли надежны люди, состоящие при Вашем Величестве? Если кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его...» (301, т. 1, с. 318—319).

Состояние глубокого волнения и страха императорской семьи мотивировалось также незнанием реальных сил революционеров-экстремистов. «Тревожное впечатление не укладывается, — записывает 5 марта в своем дневнике А. В. Богданович, — напротив, живет и растет с каждым днем. Трудно прийти в себя, опять начать прежнюю жизнь, отдаться прежним настроениям. Говорят, найдено много новых людей» (75, с. 47). Усилению тревоги и смятения в придворной среде способствовали и некоторые приближенные, намеренно преувеличивавшие опасность. Назначенный петербургским губернатором Баранов, например, распространял вокруг неправдоподобные слухи о раскрытых им новых заговорах и арестах. 15 марта Победоносцев пишет Тютчевой: «Баранов явился, едва держась на ногах. Со времени назначения он еще не отдыхал ни днем ни ночью. Ночью у него происходит главная работа. «Ну, завтра, — сказал он, — будет страшный день... Готовится покушение на государя и на принца прусского в четырех местах по дороге; в одном месте, на Невском, соберутся люди, переодетые извозчиками, с тем чтобы открыть перекрестные выстрелы». У него в руках был уже план всех предположенных действий. «...Теперь из 48 человек, которые должны действовать, 19 у меня в руках. Сейчас еду делать аресты. В эту ночь, — заключил он свой рассказ, — что еще открою — неизвестно...» Представьте положение бедного государя, — замечает в этом письме Победоносцев, — который непременно должен был ехать сегодня в крепость, зная, что на каждом шагу его может ждать смерть».

Затем Победоносцев поведал Тютчевой о том, что перед Зимним дворцом, против Салтыкова подъезда роют по распоряжению Баранова канаву «при этом успели перерезать 17 проволок от мины» (416, 1907, кн. 2, с. 96). Таким образом, Баранов, разоблаченный вскоре из-за своего вранья, пытался доказать свою кипучую энергию в борьбе против страшного демона террора. Занимаясь розыском революционеров, Баранов ввел досмотр пассажиров на железных дорогах, организовал заставы вокруг

Петербурга и пикетирование казачьих разъездов. По его инициативе от каждого из 228 околотков столицы был избран при петербургском градоначальстве своеобразный «совет общественного спасения» в составе 25 человек. Практических результатов совет не дал. Вскоре о нем появился анекдот. Рассказывали: подписывают сначала «Совет 25-ти», и Баранов после них подписывает свою фамилию, выходит — «Совет 25 баранов». Деятельность «бараньего парламента», как его окрестили шутники, завершилась в начале лета. Некоторые исследователи считают, что совет при градоначальнике явился предшественником «Священной дружины», особенно его подкомиссия, занимавшаяся охраной царя и руководимая Воронцовым-Дашковым (см. 128, с. 311). В августе 1881 г., после упразднения С.-Петербургского градоначальства, Н. М. Баранов был назначен архангельским губернатором

В Гатчине в загородном дворце Павла I царь провел большую часть времени 1881—1894 гг., за что получил шутливое прозвище «гатчинский узник». Сам Александр хорошо знал и любил это место и провел здесь в юношеские годы немало времени. Еще в 1857 г. отец его перевел сюда императорскую охоту и нередко брал сыновей с собой в заповедник. «Не раз задолго до 1 марта, — отмечает С. Д. Шереметев, — слышал я от него, что, если бы зависело от него, он тотчас бы переехал в Гатчину и что жизнь в Петербурге для него тягостна» (354, с. 479).

Объясняя причину переезда Александра III, его зять и двоюродный брат великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях писал: «Сформировав Совет министров и выработав новую политическую программу, Александр III обратился к важному вопросу обеспечения безопасности царской семьи. Он разрешил его единственным логическим способом — именно переехав на постоянное жительство в Гатчинский дворец... Что же касается его государственной работы, то она только выиграла от расстояния, отделявшего Гатчину от С.-Петербурга. Это расстояние дало Александру III предлог для того, чтобы сократить, елико возможно, обязанности по представительству, а также уменьшить количество визитов родственников.

Император томился на семейных собраниях. Он находил бесцельной тратой времени бесконечные разговоры со своими братьями, дядями и двоюродными братьями (50, с. 64—65). Значительно уменьшилось число различных пышных приемов, раутов, совещаний и балов.

Всегда легкая на подъем Мария Федоровна, понимая, что переезд на новое место есть необходимое условие их жизни, сначала без особого энтузиазма отнеслась к Гатчине. В письме

к матери она сообщала: «На следующий день после их отъезда (сестры и брата. — *Е. Т.*) мы поехали сюда (в Гатчину), что поначалу было для меня ужасно. Но сейчас, когда мы устроились довольно красиво и уютно в маленькой скромной entre sol (антресоли) в большом дворце, я начинаю находить это лучше, чем я могла ожидать, потому что здесь спокойно, и я не должна принимать так много людей...» (10, оп. 1, д. 646). Как обычно всякая перемена прокладывает путь другим переменам, и через полгода хозяйка дворца императрица Мария Федоровна пишет матери уже в другом стиле: «Сейчас мы снова устроились в красивой Гатчине в наших маленьких, но очень удобных комнатах, которые стали даже более красивыми, потому что я взяла только старую красивую мебель, находящуюся здесь, всю в стиле jakob, которая смотрится так красиво» (10, оп. 1, д. 647, л. 182 об.). Переезд императора в загородную резиденцию произвел гнетущее впечатление на петербургское общество. А. А. Половцов в тот же день 27 марта записал в своем дневнике: «В городе... сожалеют, что вместо Гатчины не избрана Троицкая лавра, куда можно ехать говеть для всенародного сведения. В Гатчине будут они жить еще уединеннее, чем в Петербурге, т. е. будут слушаться одних Победоносцева и Баранова, последний своими шарлатанскими выходками восстановляет против себя всех» (583, д. 18, с. 218). Посетивший Гатчину 31 марта с докладом императору Милютин оставил нам свои впечатления об этом визите. «В Гатчине, — пишет военный министр, — поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч., и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя. Гатчина и без того носит мрачный, подавляющий отпечаток; теперь же она производит удручающее впечатление. Их Величества живут в совершенном уединении. Объявлено, что государь будет принимать представляющихся лиц только по средам и пятницам» (187, т. 4, с. 51).

Известно, что самого Александра III усиленная охрана ставила в неудобное положение, обременяла и тяготила. И нередко охранники вынуждены были скрываться от него. «Я не боялся турецких пуль, — признавался с досадой царь, — и вот должен прятаться от революционного подполья в своей стране» (50, с. 65).

В то же время молодой император понимал, что спокойствие в стране — это немалое благо и во многом зависит от безопасности царской власти, уверенно исполняющей свой долг. Потеряв одного властелина России, нельзя рисковать потерять следующего. Как

отмечает в своих воспоминаниях генерал Н. А. Епанчин, меры для обеспечения безопасности главы государства безусловно были необходимы, поскольку Гатчина, так сказать, поросла «травой забвения». Например, будочники, охранявшие дворцовый комплекс, стояли у своих будок с алебардами. Епанчин пишет, что ближайший к их даче будочник, добродушный чухонец, в то же время был у них дворником. Оставив алебарду в будке, он приходил на их дачу и работал как дворник, а затем вновь возвращался в свою будку. Бесспорно, такая средневековая стража не могла быть надежной.

По указанию Воронцова-Дашкова охрана Гатчинского дворца была возложена на лейб-гвардии Кирасирский полк, занявший 11 внутренних и 19 наружных постов. Кроме того, специально выделенный полуэскадрон кавалерии выставлял 2 постоянных поста и высылал 2 разъезда с офицерами. Охрану парка и «Зверинца» несли назначенные от полка 4 офицера с 70 конными рядовыми. В первые полтора месяца пребывания монарха в Гатчине ежедневно в дворцовом карауле находилось до 170 человек. Для поддержки кирасиров в Гатчину был переброшен Терский эскадрон Собственного Его Величества конвоя, а из Варшавы вызван Кубанский дивизион. Эти подразделения сменяли кирасиров через день на постах внешней охраны и выставляли усиленные посты внутреннего наряда. Помимо этого была сформирована особая охранная команда от гвардейских полков — Сводно-гвардейская рота. В дополнение ко всему во время ежегодного пребывания царской семьи в Гатчине из столицы переводилась специальная дворцовая полицейская команда и отряды полиции (51, с. 5).

Случались и «перехлесты». Так, еще до переезда монарха были перекрыты все дачные калитки, через которые местные жители раньше ходили во дворцовый парк. Александр III, узнав об этом от Воронцова-Дашкова, сказал, что он не желает стеснять жителей и дачников Гатчины и, шутя, добавил: «Неужели же им удобнее будет лазить через забор». «В этом, — отмечает Епанчин, хотя и мелком, случае сказался и здравый смысл, и чисто русский юмор царя» (122, с. 176).

Осмотр комнат Арсенального каре дворца (комплекс залов XIX в., где жил император) без высочайшего согласия не разрешался. В порядке исключения желающим позволялось обозреть Главный корпус, представлявший залы XVIII в. Во дворце также размещалась и секретная часть, и морские минеры под руководством лейтенанта А. Смирнова для обеспечения безопасности на водах.

Наряду с охраной императорскую семью в Гатчине в течение 13 лет окружал довольно широкий штат придворных служителей и свитских чинов. Эти люди выполняли специальные поручения императора, сопровождали прибывающих в Россию иностранных высочайших особ, находились «на всех выходах, парадах, смотрах... где Его Величество изволит присутствовать», несли дежурство при императоре во дворце или церемониях вне дворца. Кроме того, они принимали участие в проведении праздников, богослужений, театральных представлениях, приемах, охотах и прогулках. «Положение о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о предоставлении Их Императорским Величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий», утвержденное еще в предыдущее царствование 13 апреля 1858 г., при Александре III было значительно упрощено. Как подметил Н. А. Вельяминов, из числа придворных и свиты помимо фрейлин графинь А. В. и М. В. Кутузовых и Е. С. Озеровой в Гатчине постоянно жили генерал-адъютант П. А. Черевин (дежурный генерал и по этой должности начальник охраны), его помощник генерал П. П. Гессе, командир сводного гвардейского полка флигель-адъютант С. С. Озеров, другие члены охраны, лейб-хирург Г. И. Гирш и воспитатели августейших детей. «Даже гофмаршал, — пишет Вельяминов, — бывал наездами. Кроме того, в Егерской слободе зимой жил начальник Императорской охоты генерал-адьютант Д. Б. Голицын с семьей и ловчий государя Диц. Фрейлины помещались в нижнем этаже «арсенального каре», все остальные, как живущие, так и часто приезжавшие, имели свои квартиры в так называемом кухонном каре; там же было и помещение дежурного флигель-адъютанта и столовая для приезжавших. П. А. Черевин занимал 3—4 комнаты рядом со своей канцелярией, ведавшей охраной, и пользовался особыми правами: ему полагался в его квартире стол от двора на то число персон, которые он указывал» (394, т. 5, 1994, с. 279—280).

В определенной мере лицам высочайшего двора было вверено спокойствие империи. Молодой император, или гатчинский «военнопленный революции», как называли его классики марксизма, спутал на время все революционные карты. Мучимые страстями души были нейтрализованы, и «Гатчинский дворец стал наконец тем, чем он должен был быть, — местом трудов самого занятого человека России» (50, с. 65). Для нас небезынтересен и сам облик молодого императора в этот период. Хорошо нам известная А. Ф. Тютчева, бывшая многие годы фрейлиной императрицы Марии Александровны, встретившись в конце марта 1881 г. с

Александром III, оставила нам о нем свое довольно любопытное впечатление. «Я знала государя с детства... — характеризует Александра А. Ф. Тютчева, — с этого раннего возраста отличительными чертами его характера всегда были большая честность и прямота, привлекающие к нему общие симпатии. Но в то же время он был крайне застенчив, и эта застенчивость, вероятно, вызывала в нем некоторую резкость и угловатость... В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное... Теперь... у него появился этот спокойный и величественный вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, — одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами. Невозможно, видя его... не испытывать сердечного влечения к нему и не успокоиться, по крайней мере, отчасти, в отношении огромной тяжести, падающей на его богатырские плечи; в нем видны такая сила и такая мощь, которые дают надежду, что бремя, как бы тяжело оно ни было, будет принято и поднято с простотой чистого сердца и с честным сознанием обязанностей и прав, возлагаемых высокой миссией, к которой он призван Богом. Видя его, понимаешь, что он сознает себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти» (322а, с. 226—227).

Конечно, молодой государь не испытывал надежд, что террористы обойдут его своим «вниманием», и продолжал появляться на людях, сознавая, что самые строгие полицейские меры не смогут полностью гарантировать его безопасность. Напомню, что Александру III очень часто приходилось покидать Гатчину. Ежегодно в летнее время, как правило, на полтора месяца он переезжал с семьей в Александрию, часть Петергофа, где продолжал трудиться, затем на три недели они отправлялись в Данию к родственникам императрицы.

По возвращении в Россию государь на некоторое время отправлялся в Крым, в обожаемую всеми членами его семьи Ливадию. Здесь, кстати, со временем была отмечена серебряная свадьба царской четы.

Когда императорская семья приезжала в Петербург, то резиденцией ее был не Зимний, а Аничков дворец.

Императору кроме вышеназванных поездок приходилось нередко выезжать в различные места России, а также за границу, присутствовать практически на всех крупных учениях и смотрах войск, посещать многочисленные учреждения. В июле 1881 г. он побывал в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Рыбинске,

в августе — в Данциге для свидания с германским императором. В сентябре 1882 г. царь провел смотр войскам Московского военного округа, тогда же в Первопрестольной посетил Всероссийскую художественно-промышленную выставку. В 1883 г. после возвращения с коронования в Москве присутствовал на открытии Свирского и Сяського каналов. В июне 1884 г. Александр III побывал в Финляндских шхерах, в июле — на закладке броненосного крейсера «Адмирал Нахимов», происходившей на Балтийском механическом заводе в Чекушах. В августе — сентябре того же года с семьей совершил поездку в Вильно, Варшаву, крепость Новогеоргиевск и затем в Скерневицы, где встречался с императорами Германии и Австрии. В июле 1885 г. монарх побывал в Финляндии, в августе в Австрии, в Кремзире на встрече с императором австрийским. В марте — мае 1886 г. посетил юг России, в Николаеве присутствовал при спуске второго нового броненосного стального двухвинтового корабля «Екатерина II», в Москве провел смотр войск. В августе — сентябре того же года император находился в Брест-Литовске на маневрах войск Виленского и Варшавского округов. В апреле 1887 г. посетил столицу Войска Донского — Новочеркасск, а в ноябре — Берлин. В августе — октябре 1888 г. правитель государства присутствовал на маневрах войск Харьковского и Одесского военных округов под Елисаветградом близ посада Новая Прага, а затем побывал в Спале, на Кавказе и Севастополе. Как видим, Александр III не был «гатчинским затворником», как его изображали раньше, а вел довольно активный образ жизни.

5. ГАТЧИНСКИЙ ДВОРЕЦ

Гатчинский дворец, ставший резиденцией Александра III, при первом знакомстве с ним, действительно, оставляет впечатление романтической таинственности и суровости. Своим внешним обликом и расположением он напоминает крепость, подготовленную к обороне в условиях длительной осады. По мере более близкого знакомства с дворцом и прилегающим к нему прекрасным водным парком, это впечатление постепенно улетучивается.

Известно, что Гатчина в 1765 г. была подарена Екатериной II своему фавориту графу Г. Г. Орлову. Дворцово-парковый ансамбль формировался в живописной холмистой местности вокруг цепочки озер — Белого, Черного, Серебряного и других. В 1766—1781 гг. архитектор Антонио Ринальди построил к западу от Серебряного озера и Карпина пруда главное сооружение ансамбля — 3-этажный

прямоугольный в плане дворец в стиле раннего классицизма. На углах паркового фасада размещались две пятигранные башни и два боковых корпуса, соединенные с дворцом полуциркульными галереями. На южной правой — Часовой башне — были установлены часы-куранты, на левой — Сигнальной — поместили громоотвод, который позже перенесли на городскую каланчу. Передний фасад дворца чрезвычайно прост и скромен. Уроженец Италии Ринальди по традиции своих земляков-зодчих не стал штукатурить стены дворца, как это было принято в Петербурге, а сохранил открытой красивую фактуру известняка серовато-желтого оттенка, добывавшегося неподалеку, в деревнях Пудость, Парица и Черница. Характерной особенностью этого камня является способность изменять цвет в зависимости от погоды или от времени года. В яркий солнечный день стены дворца кажутся золотистыми, а в пасмурную погоду они приобретают холодный стальной оттенок. Строгому внешнему облику дворца Ринальди намеренно противопоставил изысканную и утонченную внутреннюю отделку. Екатерина II, проявлявшая живой интерес к ходу строительства и к своему фавориту, многократно посещала Гатчину.

После смерти графа Орлова в апреле 1783 г. Екатерина II выкупила Гатчину назад и в августе того же года подарила своему сыну Павлу Петровичу. В этом сказалась злая ирония судьбы. Павел, испытывавший ненависть к братьям Орловым и считавший их главными виновниками гибели своего отца, получает в дар именно орловскую усадьбу, которая становится его любимым местопребыванием. Наступила новая пора в истории этого удивительного пригорода Северной столицы. Павел превратил бывшую орловскую мызу в свое маленькое государство. В течение 13 лет, ожидая своего звездного, коронного часа, «гатчинский затворник» отрабатывал здесь модель будущей империи с четкой регламентацией и беспрекословным повиновением. Художественный образ дворцово-паркового ансамбля Гатчины претерпел существенные изменения после поездки цесаревича Павла Петровича с супругой Марией Федоровной в Европу. Особо благоприятное влияние оказало посещение Франции. Под руководством архитектора Викентия (Винченцо) Бренна перестраивается дворец и возводятся новые парковые сооружения. По наблюдению проницательного знатока Гатчины архитектора Н. Е. Лансере дворец в облике своем запечатлел противоречивость и двойственность характера его нового хозяина — «русского Гамлета», умевшего быть обворожительным, надменным, суровым до жестокости и сентиментальным до умиленности. Так и в городе, его строениях можно увидеть суровую строгость и очаровательное изящество,

угрюмость и сухое однообразие, великолепие и изысканность. На шестой день после восшествия на престол Павел издал указ, где провозглашалось: «Собственную нашу мызу, переименовав городом, повелеваем управление его с уездом...» (314, с. 179). Таким образом Гатчина 11 ноября 1796 г. стала 320-м городом великой империи.

Бывшая усадьба превращается в одну из главных резиденций Павла, куда он переводит купцов и мещан из упраздненного города Рождественска. Гатчина трансформируется в образцовый город-крепость, где создаются условия для определенного рода занятий. Возводятся стекольный, фаянсовый, полотняный заводы и различные мастерские. Открыты были также госпиталь, аптеки, гимназия, военно-сиротский дом для солдатских детей. Павел отличался и веротерпимостью, при нем в Гатчине помимо православных храмов были созданы лютеранская кирха и католический костел.

Продолжались работы по благоустройству дворца. По замыслу В. Бренна произвели надстройку боковых корпусов, устроили сквозные галереи первого этажа, застеклили аркады и др. Дворец приобрел более строгий, внушительный, близкий к крепости облик. Внутри он превратился в подлинную сокровищницу произведений искусства. Из Эрмитажа сюда было переправлено 168 картин, старинное оружие, античные статуи, французские гобелены. Зеленый луг перед дворцом был превращен в плац — парадную площадь с каменными бастионами и подъемным мостом. В это же время воплощаются оригинальные «затеи» Николая Львова. Венцом деятельности его стал Приоратский дворец у Черного озера (1797—1797) — изящный, западноевропейского типа «замковый ансамбль из умятой земли» с высокой каменной башней. Как отмечают знатоки, он стал единственным в мире образцом применения в строительстве землебитной техники. Это «земляное игуменство», или католический монастырь предназначался для учрежденного в России в 1797 г. великого приорства Мальтийского ордена. Возглавлял его приор (игумен) француз Конде, которого Павел I пригласил в Гатчину. Сам же правитель России принял титул великого магистра Мальтийского ордена. Павел I считал, что Мальтийский орден поможет ему преодолеть растущее влияние идей французской буржуазной революции. Однако выдворенные с Мальты иоанниты — члены духовно-рыцарского ордена, в холодную Россию не приехали. И Приоратский дворец так и не использовался по своему прямому назначению.

К началу XIX столетия дворцово-парковый ансамбль Гатчины становится подлинным шедевром ландшафтного искусства. Он состоит из четырех крупных массивов общей площадью более

700 га, зеленым кольцом опоясывающих Гатчину: Дворцовый, Приоратский парки, Зверинец и Сильвия. На территории парков находится система прекрасных озер со множеством островов и протоков. Соединенные руслами рек Гатчинки и Колпанки, озера придают удивительную, поэтическую гармонию всему дворцово-парковому ансамблю, его павильонам, мостам, воротам, террасам и видовым площадкам. Подмечено, что озера нередко излучают особый свет, мистическое сияние, как правило, в туманную или дождливую погоду. В создание парков Гатчины свой вклад внесли мастера Д. Шпарро, Д. Хекет, Ф. Гельмгольц.

Парк украшается мифологическими и жанровыми статуями русских и итальянских мастеров. Возникают новые мосты, паромы, водоемы. Появляются инженерные сооружения, подпорные стены, насыпные террасы, облагораживающие рельеф. По озерам курсировала флотилия из двух яхт и многих малых судов.

После гибели Павла I до 1828 г. Гатчина принадлежала вдовствующей императрице Марии Федоровне, затем Николаю I. В 1845—1857 гг. здание Гатчинского дворца подверглось частичной перестройке. По проекту архитектора Р. Кузьмина была увеличена высота флигелей, надстроены Часовая и Сигнальная башни, заново отделан ряд помещений.

1 августа 1851 г. перед фасадом главного дворца на place d'Honner по повелению Николая I был установлен бронзовый памятник Павлу I по модели скульптора Ивана Витали. По свидетельству современников, «при открытии этого памятника Александр III, тогда еще маленький мальчик, стоял в форме павловского солдата почетным часовым. Думал ли он в то время, что ему придется впоследствии царствовать и резиденцией своей избрать именно этот заброшенный многие годы дворец» (51, с. 11). Через 30 лет это стало реальностью.

Александр III с семьей, как говорилось выше, разместился в Арсенальном каре дворца. К удивлению всех, для личных апартаментов из 528 помещений дворца было выбрано несколько маленьких и невысоких комнат в так называемых антресолях, между нижним этажом и бельэтажем, где в Павловы годы, по всей видимости, размещалась лишь придворная челядь. Обыкновенный человек среднего роста легко доставал там рукою до потолка, а император был высок, тучен и любил воздух. Одни окна комнат выходили в Собственный сад, другие — в Голландский. По указанию царя эти апартаменты были украшены картинами его любимых художников — Боголюбова, Поленова, Зичи. Из всех комнат наибольшее впечатление оставляла гостиная императрицы, которая всегда была заполнена цветами, и ее дети

называли «комнатой ароматов». Мария Федоровна в письмах не раз отмечала уют комнат, напоминающих каюты, «отсутствие туалетов и стеснения». В письме к матери от 8 октября 1886 г. она сообщает: «...Живем мы здесь как кроты — вполне для себя и только по воскресеньям даем большие обеды, а обычно обедаем здесь с двумя, самое большее, с тремя лицами из живущей здесь свиты» (там же).

Царские апартаменты, по мнению телохранителей, имели бесценное достоинство: все они выходили в круговой коридор, что облегчало охрану. Срочно был заложен подземный ход из здания и установлена сложная секретная сигнализация.

Чтобы попасть в апартаменты царя надо было пройти по двум ничем не примечательным винтовым лестницам, либо по коридору от роскошной мраморной лестницы, открывающей парадные покои. Посетив дворец, приятель и в какой-то степени ментор царя В. П. Мещерский, был поражен скромной обстановкой царских апартаментов. «Я пришел в изумление, — признавался он, — когда пройдя все залы, все гостиные и спустившись вниз по лестнице в какой-то коридор, остановлен был скороходом у одной двери и услышал от него, что это дверь в кабинет императрицы. Я вошел в маленькую комнату, где застал императрицу в обстановке, где не было заметно малейшего признака роскоши и где никак нельзя было себе представить жилище русской царицы. После аудиенции у императрицы тем же коридором я был проведен скороходом до комнат государя. По приемной, в которую меня ввели, я увидел те же маленькие комнаты и ту же полнейшую простоту, а когда вышедший камердинер мне сказал: «Государь Вас просит» — и я вошел в кабинет русского государя, мне показалось, что я в комнате скромного по положению и по средствам жильца в хорошо содержимом доме» (51, с. 14). У Александра III было четыре приемных зала и кабинет в бельэтаже Арсенального каре. Мария Федоровна прием своих посетителей проводила в бывших залах императрицы Александры Федоровны — жены Николая I. В случае особо значимых приемов гости собирались в залах XVIII в. — Белом, Тронных, Мраморной столовой. В дни праздников или памятных дат для трапез нижних чинов и прислуги использовались третий этаж центрального корпуса и помещения Кухонного каре. По распоряжению царя в Гатчинский дворец закупались и привозились из других дворцов живопись, иконы, фарфор. Из Таврического дворца и дворцовых складов здесь разместили мебель XVIII в., в том числе и вышедшую из мастерской Давида Рентгена, бронзу лучших французских мастеров — часы, канделябры, вазы. Обстановку приемных залов и кабинета монарх

подбирал сам, о чем отмечал в памятных книжках: «Устраивал картины Зичи в Арсенале и вазы в галерее», «в $3^1/_4$ был в залах, устраивал старинную мебель», «устраивал образа в церкви».

Александр III ревностно относился к своим функциям правителя огромной империи. Как отмечали современники, фигура это была цельная, натура незаурядная, характер крупный. И достоинства, и недостатки имел далеко не мелкие. При росте 193 см молодой император был наделен огромной работоспособностью и физической силой Геркулеса. Он, шутя, сгибал подковы и серебряные тарелки. Однажды у себя в кабинете он согнул, а затем разогнул железную кочергу. Он никогда не показывал свою силу в присутствии чужих людей. По свидетельству Н. А. Вельяминова, Александр III «с удивительной, редкой добросовестностью и честностью исполнял свои обязанности царя-самодержца. Обязанности эти требовали громадной, почти сверхчеловеческой работы, которой не соответствовали ни его способности, ни его познания, ни его здоровье, но он работал, не покладая рук, до самой своей смерти, работал так, как редко кто другой. Эта неустанная, непосильная работа его очень утомляла...» Вставал император в семь утра, умывался холодной водой, облачался в крестьянское платье, после краткой прогулки по парку сам варил кофе в стеклянном кофейнике и, наполнив тарелку сушками, грыз их.

Мария Федоровна поднималась позже, заходила к нему в кабинет, два лакея вносили небольшой столик. Муж и жена завтракали вместе, обычно они ели крутые яйца и ржаной хлеб с маслом.

Затем царь принимал представлявшихся и доклады министров. Приезжавшие в Гатчину в назначенные дни с докладами и делами, как правило собирались в приемном зале. Императрица в определенные дни принимала доклады своего секретаря, главноуправляющего Ведомством учреждений императрицы Марии, председателя Главного правления Красного Креста, начальниц институтов, представляющихся и немногих городских дам. Около часу дня царская семья собиралась ко второму завтраку в маленькой столовой в антресоле, к которому по очереди приглашались немногие из министров, имевших доклад в этот день и некоторые из придворных. Еды, конечно, там всегда было вдоволь, но, поскольку детям разрешалось садиться за стол последними после всех приглашенных, а вставать приходилось сразу же после того, как отец поднимался со своего места, они часто оставались голодными.

После завтрака державный отец «закуривал большую сигару и пил кофе в гостиной императрицы». Затем монарх занимался у себя в кабинете до 3—4-х дня или проводил время на воздухе,

обычно в парке. После обеда (в 8 часов вечера), он вновь работал до 2—3 часов ночи, знакомясь с текущими документами, и приходил в спальню, когда супруга давно спала. Близким он говорил, что «его дело за него никто не сделает». Ведь каждый день на стол перед ним ложились кипы указов, приказов, докладов, которые ему следовало прочитать и подписать. Сколько раз, вспоминала младшая дочь Ольга, папа возмущенно писал на полях документов: «Болваны! Дураки! Ну что за скотина!» (112а, с. 189.) Даже находясь на отдыхе, он через день принимал фельдъегеря с бумагами, и все они на следующий день возвращались с резолюциями. Нередко посещали Гатчинский дворец-замок братья императора великие князья Алексей Александрович, Владимир Александрович с женой Марией Павловной и детьми, Сергей Александрович с Елизаветой Федоровной, Павел Александрович с Александрой Георгиевной, «жившей здесь вплоть до своих вторых родов, которые привели к безвременной кончине» (51, с. 7). Часто наезжала в Гатчину жена великого князя Константина Николаевича Александра Иосифовна с детьми и внуками. Все они имели свои апартаменты в Арсенальном каре дворца. Свои комнаты во дворце были также у семей герцогов Лейхтенбергских, Мекленбург-Стрелецких и принцев Ольденбургских (там же).

По свидетельству Вельяминова, по воскресным и праздничным дням все жившие в Гатчине и некоторые лица царского двора, приезжавшие из столицы, присутствовали в дворцовой церкви на обедне, а потом приглашались к завтраку, проходившему в Арсенальной зале. В эти дни на завтраке бывали все офицеры сводного полка и конвоя, представители гатчинского гарнизона, управления городом, дворцом и охотой. Обыкновенно за завтраком играл придворный оркестр по программе, составленной самой императрицей.

6. ЦАРСКАЯ ОХОТА И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Известно, что охота была одним из самых любимых, захватывающих и торжественных развлечений российских самодержцев. Как и многие другие события при дворе, охота всегда сопровождалась торжественным церемониалом, подчеркивая значимость этого события в жизни царя. Поскольку главным действующим лицом царских охот был государь, то именно он являлся законодателем охотничьей моды, которой следовал весь двор.

В отличие от своего отца, Александр III не был завзятым охотником, но почитал ее «за красоту действа, нежели за добычу». Как у всех охотников, у Александра III были свои любимые виды забавы. По его признанию, он предпочитал охоту на оленя, особенно при восходе солнца, когда можно любоваться картинами природы, а также животными на фоне прекрасных пейзажей.

При императорском дворе существовала с давних пор специальная егермейстерская служба, в состав которой входили егеря, псари, лесничие, ловчие, зарядчики и т. д. При Александре II в 1857 г. Гатчина стала главной охотничьей резиденцией русских царей, что оказало сильное влияние на жизнь дворца и города. Место для егерской службы было выбрано в Мариенбургской части города, на окраине дворцового парка. До наших дней сохранилась череда одинаковых домиков, специально построенных для размещения егерей с семьями. Одновременно были сооружены бесчисленные вольеры для собак, конюшни для лошадей, каретник, кухни и мастерские. Несколько позже на краю слободы возникли зверинцы для хищных зверей. Егерская слобода, замечает знаток Гатчины И. Э. Рыженко, славилась своими мастерами, которые делали чучела разных зверей, начиная от полевой мышки, повисшей в зубах лисицы, заканчивая оленем и лосем. Подобные изделия украшали Арсенальный зал дворца, в котором выставлялись также охотничьи трофеи царской семьи.

Время от времени в Гатчине проводились ружейные охоты, на которые приезжали дяди императора, Николай Николаевич и Михаил Николаевич.

Как в Гатчине, так и в ее окрестностях охотились на самых разных зверей: медведей, волков, оленей, ланей, лисиц, зайцев. Из птицы чаще всего били тетеревов, фазанов, глухарей, реже — уток. Азартная Мария Федоровна не упускала случая побывать вместе с супругом на номерах, ожидая когда загонщики выгонят на охотников оленей или волков.

Охоты бывали довольно обильными дичью, но убитая дичь, на иностранный манер, охотникам не выдавалась.

Порой государь ездил на охоту один, в сопровождении Голицына и Дица.

Особенно красочный ритуал, прозванный дворами Европы за поэтический и красивый, совершался в Беловеже, на территории Польши, где у императора был охотничий дворец. Беловежская пуща была единственным местом в Европе, кроме Кавказа, где обитали зубры. «Обычно каждый выезд здесь, — отмечает П. В. Романов в своей занимательной книге, — превращался в торжественную акцию, со звуками фанфар и фейерверками». После завершения охоты перед дворцом во время обеда императора с гостями там раскладывали рядами доставшиеся трофеи.

В первом ряду помещали дичь, убитую самим монархом (сначала зубры, затем лоси, олени, козлы, кабаны, лисицы, зайцы). Далее в таком же порядке укладывали добычу гостей. Сразу же за дичью в красных рубахах с факелами собиралась дворцовая прислуга, вокруг стояли егеря в полном охотничьем облачении, а рядом выстраивался оркестр. Державный отец с супругой и детьми в сопровождении свиты выходил из дворца после обеда под звуки рогов и оркестра, исполняющих марш, гремело «Ура!». Главный егерь подносил императору охотничью ведомость. Начинался обход добычи. Всякий раз, когда главный егерь обнаженным ножом указывал на зубров, оркестр исполнял «фанфару зубру». Аналогично исполнялась «фанфара оленю» и другому зверью. Самые мелодичные фанфары посвящались лисице и зайцу. По завершении церемонии препараторы отсекали головы крупной дичи и делали из них чучела, украшавшие затем залы дворца. Туши убитых животных раздавались крестьянам. На царскую кухню отправлялось только мясо молодых коз.

Начальник императорской охоты князь В. А. Барятинский скрупулезно записывал результаты охот, а в конце года подводил итог. Александр III также всякий раз упоминал тех, кто был с ним на охоте, и фиксировал свои результаты в записных книжках.

Наряду с охотой император увлекался и рыбной ловлей. В связи с этим в анналах истории сохранился рассказ о визите в Россию одного из европейских послов, который был обеспокоен обострившимся франко-германским конфликтом. Министр императорского двора решился потревожить покой государя. «Ваше Величество, — обратился он, — в Европе может разразиться война». И что же он услышал в ответ? «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». Вряд ли в этих словах можно видеть какое-либо высокомерие.

Рыбачил царь с детьми и супругой и неводом и удочкой. Но любимой забавой его была ночная рыбалка. Как вспоминал А. А. Волков, царь «выезжал на рыбную ловлю на Гатчинское озеро обыкновенно после полуночи. В лодке кроме императора находились матросы-гребцы и егерь». Позади шла еще лодка, в которой были только одни матросы. «Егерь светил факелом, а вооруженный острогой император Александр III бил острогой по привлеченной ярким светом всплывавшей рыбе». На такую рыбную ловлю Гессе наряжал особую охрану, обычно в составе 20 человек. «Команда эта, пишет Волков, — всегда доверялась мне, причем я один имел право идти за лодкой по берегу, солдаты же, входившие в состав моей команды, обязаны были, не выпуская меня из виду, следовать за мною, скрываясь в кустах. С рыбной ловли император

возвращался очень поздно, иногда даже на рассвете» (85а, с. 23). Вельяминов добавляет, что «государь любил колоть ночью рыбу в прорубях на Гатчинских прудах, очень рыбных». В среднем он ловил до двух сотен рыб. И неудивительно, что по его личным подсчетам только в 1881 г. он поймал 2974 щуки, 1599 окуней, 2417 плотвичек, 205 язей, 98 налимов и 51 карася.

7. СУД НАД ЦАРЕУБИЙЦАМИ И ИХ КАЗНЬ

26—29 марта 1881 г. состоялся суд над народовольцами — организаторами и исполнителями убийства Александра II: А. Желябовым, С. Перовской, Т. Михайловым, Н. Кибальчичем, Г. Гельфман и Н. Рысаковым. Он стал последним крупным политическим процессом в России XIX в., на котором присутствовали корреспонденты отечественных и зарубежных газет. В зале судебного заседания находились и художники, в частности, К. Е. Маковский и А. А. Несветевич, которые оставили зарисовки участников процесса.

По оценке присутствовавших, производство суда было весьма торжественно. В определенной мере этому «способствовал висевший в зале суда портрет во весь рост покойного императора, покрытый черным крепом.

Председательствующим суда Особого присутствия правительствующего Сената был назначен сенатор Э. Я. Фукс, прокурорские обязанности исполнял Н. В. Муравьев. Все подсудимые, кроме Желябова имели адвокатов.

В ходе судебного разбирательства цареубийцы не отрицали своей принадлежности к «Народной воле», были убеждены, что боролись за освобождение своего народа, пытались доказать нравственную силу своей борьбы.

В своей программной речи на суде Желябов особо отметил, что «русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами», а только после того, как было подавлено их «движение с целью мирной пропаганды социалистических идей... совершенно бескровное, отвергающее насилие».

«Весьма занимательно было выслушать этих несчастных фанатиков, — записал в дневнике Д. А. Милютин, — спокойно и почти с хвастовством рассказывавших о своих злодейских проделках, как будто о каких-нибудь подвигах и заслугах. Более всех рисовался Желябов; эта личность выдающаяся. Он прочел нам целую лекцию об организации социалистических кружков и развил бы всю теорию социалистов, если б председатель (сенатор

Фукс) дал ему волю говорить. Желябов не отпирался в своем руководящем участии в покушениях на цареубийство: и в 1879 году под Александровом, и в подкопе в Малой Садовой, и, наконец, 1 марта на Екатерининском канале. Перовская также выставляла себя с цинизмом деятельною участницей в целом ряде преступных действий; настойчивость и жестокосердие, с которыми она действовала, поражали противоположностью с ее тщедушным и почти скромным видом. Хотя ей 26 лет, но она имеет вид неразвившейся еще девочки. Затем Кибальчич говорил складно, с энергией и обрисовал свою роль в организации заговора — специалиста-техника. Он прямо объявил, что по своему характеру не считает себя способным к активной роли, ни к убийству, но, сочувствуя цели социалистов-революционеров, принял на себя изготовление составов и снарядов, нужных для приведения в исполнение их замыслов. Михайлов имел вид простого мастерового и выставлял себя борцом за освобождение рабочего люда от тяжкого гнета капиталистов, покровительствуемых правительством. Еврейка Гельфман говорила бесцветно; она не принимала непосредственного участия в преступлении 1 марта. Наконец, Рысаков, на вид мальчишка, говорил, как школьник на экзамене. Очевидно было, что он поддался соблазну по легкомыслию и был послушным исполнителем распоряжений Желябова и Перовской. Замечательно, что все подсудимые говорили прилично и очень складно; особенно же речист и самоуверен Желябов» (187, т. 4, с. 48).

Очень близка к этой оценке запись в дневнике государственного секретаря Е. А. Перетца: «Три дня я провел в суде над злоумышленниками первого марта, — пишет он. — Рысаков — слепое орудие. Это несчастный юноша, имевший прекрасные задатки, сбитый совершенно с толку и с прямого пути социалистами. Михайлов — дурак. Кибальчич — очень умный и талантливый, но озлобленный человек... Душа дела — Желябов и Перовская. Первый из них похож на ловкого приказчика со Щукина двора, произносящий громкие фразы и рисующийся; Перовская — блондинка небольшого роста, прилично одетая и причесанная, должна владеть замечательною силой воли и влиянием на других. Преступление 1 марта, подготовлявшееся Желябовым, было после его арестования приведено в исполнение по ее плану и благодаря замечательной ее энергии» (208, с. 54).

Страстная обвинительная речь Н. В. Муравьева, длившаяся почти пять часов, обратила на себя всеобщее внимание. Милютин назвал ее «превосходной». «Муравьев, — заметил военный министр, — весьма талантливый молодой человек, в полном смысле слова оратор» (там же, с. 49).

Также высоко оценил эту речь и Перетц: «Речь прокурора Муравьева была очень хороша, даже блестяща» (208, с. 55).

По оценке демократических изданий, его речь была «напыщенной» и «вычурной», наполненной «небылицами». Следует признать, что иным тогда не могло быть выступление прокурора по делу об убийстве признанного всеми царя-реформатора. В то же время и обвинитель, и председатель суда находились под неусыпным оком властей. «Господа сенаторы, господа сословные представители! — начал свою речь прокурор, — призванный быть на суде обвинителем величайшего из злодеяний когда-либо совершившихся на русской земле, я чувствую себя совершенно подавленным скорбным величием лежащей на мне задачи. Перед свежею, едва закрывшеюся могилою нашего возлюбленного монарха, среди всеобщего плача Отечества, потерявшего так неожиданно и так ужасно своего незабвенного Отца и Преобразователя, я боюсь не найти в своих слабых силах достаточно яркого и могучего слова, достойного того великого горя, во имя которого я являюсь теперь перед вами требовать правосудия, виновным требовать возмездия, а поруганной ими, проклинающей их России — удовлетворения!» (107а, с. 78). В своей речи Муравьев предельно жестко и сурово отнесся к подсудимым: «...Отрицатели веры, бойцы всемирного разрушения и всеобщего дикого безначалия, противники нравственности, беспощадные развратители молодости, всюду несут они свою страшную проповедь бунта и крови, отмечая убийствами свой отвратительный след» (там же, с 102).

Приговор был одинаков для всех — смертная казнь через повешение. Только Рысаков и Михайлов подали прошения о помиловании, которые были отклонены.

В день окончания судебного процесса профессор философии В. С. Соловьев выступил в зале Кредитного общества с лекцией «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса». Свою речь Соловьев закончил призывом к царю помиловать участников убийства Александра II (см. 367, 1906, № 3). У большей части аудитории эта выходка вызвала взрыв оваций. Зато другая часть аудитории чуть было не избила философа.

Известно также, что еще до суда, в марте, Л. Н. Толстой написал Александру III письмо, в котором, основываясь на Евангелии, просил о помиловании убийц и убеждал молодого венценосца не начинать своего царствования с дурного дела, а стараться душить зло добром и только добром. Александр III велел передать графу Льву Николаевичу Толстому, что, если б покушение было совершено на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца он не имеет права простить.

Все злоумышленники были казнены 3 апреля 1881 г. в пятницу, в холодное, серое, сумрачное утро на Семеновском плацу Петербурга (ныне район, где расположен Театр юного зрителя и улица Брянцева). Только для Геси Гельфман, которая ждала ребенка, казнь была отсрочена. Она умерла несколько месяцев спустя при родах в тюремной больнице.

Перед казнью цареубийцы содержались в доме предварительного заключения. Подполковник Дубисса-Крачак принял преступников из дома предварительного заключения и сопровождал их под конвоем до места казни по Литейному проспекту, улицам Шпалерной (ныне ул. Воинова), Кирочной (ныне ул. Салтыкова-Щедрина), Надеждинской (ныне ул. Маяковского) и Николаевской (ныне ул. Марата) до Семеновского плаца. В распоряжении его находились одиннадцать полицейских чиновников, несколько околоточных надзирателей, городовых и, сверх того, местная полиция 1, 2, 3 и 4-го участков Литейной части и 1 и 2-го участков Московской части. Конвой, сопровождавший преступников, состоял из двух эскадронов кавалерии и двух рот пехоты.

Поддержание порядка на Семеновском плацу, на месте казни с прилегающими к нему улицами, было поручено полковнику Есипову, в распоряжении которого находились шесть полицейских чиновников, много других лиц, а также местная полиция 3 и 4-го участков Московской части и 3-го участка Александро-Невской части. У дома предварительного заключения, по пути следования и на Семеновском плацу были, сверх того, усиленные наряды конных жандармов.

Для оказания помощи полиции по пути следования от войск было выделено более 15 подразделений: рота на Шпалерной улице, у дома предварительного заключения, рота на Литейном проспекте, со стороны арсенала, рота на углу Невского проспекта и Николаевской улицы, рота по Николаевской улице, у мясного рынка. В распоряжении полицмейстера полковника Есипова находились четыре роты и две сотни казаков на Семеновском плацу; две роты у входа с Николаевской улицы на плац; две роты у входа с Гороховой улицы (ныне ул. Дзержинского) на плац; одна рота у Царскосельской железной дороги и одна рота по Обводному каналу.

Войсками, собранными на Семеновском плацу, командовал начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-адъютант барон Дризен.

В 7 часов 50 минут ворота, выходящие из дома предварительного заключения на Шпалерную улицу, отворились, и спустя несколько минут из них выехала первая позорная колесница,

запряженная парой лошадей. На ней с привязанными к сиденью руками помещались два преступника: Желябов и Рысаков. Они были в черных, солдатского сукна арестантских шинелях и таких же шапках без козырьков. На груди у каждого висела черная доска с белой надписью: «Цареубийца». Юный Рысаков, ученик Желябова, казался очень взволнованным и чрезвычайно бледным. Очутившись на Шпалерной улице, он окинул взором части сосредоточенных войск и массу народа и поник головою. Не бодрее казался и учитель его Желябов. Кто был на суде и видел его там бравирующим, тот, конечно, с трудом узнал бы этого вожака цареубийц — так он изменился. Впрочем, этому отчасти способствовали перемена костюма, но только отчасти. Желябов, как тут, так и во всю дорогу, не смотрел на своего соседа Рысакова, и, видимо, избегал его взглядов.

Вскоре вслед за первой выехала из ворот вторая позорная колесница с тремя преступниками: Кибальчичем, Перовской и Михайловым. Они также были одеты в черные арестантские одеяния. Софья Перовская помещалась в середине, между Кибальчичем и Михайловым. Все они были бледны, но особенно Михайлов. Кибальчич и Перовская казались бодрее других. На лице Перовской можно было заметить легкий румянец, вспыхнувший мгновенно при выезде на Шпалерную улицу. Перовская имела на голове черную повязку вроде капора. На груди у всех также висели доски с надписями: «Цареубийца». Как ни был бледен Михайлов, как ни казался он потерявшим присутствие духа, но при выезде па улицу он несколько раз что-то крикнул. Что именно — разобрать было довольно трудно, так как в это самое время забили барабаны. Михайлов делал подобные возгласы и по пути следования, зачастую кланяясь на ту и другую сторону собравшейся по всему пути сплошной массе народа. Следом за преступниками ехали три кареты с пятью православными священниками, облаченными в траурные ризы, с крестами в руках. На козлах этих карет помещались церковнослужители. Эти пять православных священников для напутствования осужденных прибыли в дом предварительного заключения еще накануне вечером в начале восьмого часа.

Рысаков охотно принял священника, долго беседовал с ним, исповедался и приобщился св. тайн. 2 апреля Рысакова видели плачущим; прежде, он зачастую в заключении читал св. Евангелие. Михайлов также принял священника, довольно продолжительно говорил с ним, исповедался, но не причащался св. тайн. Кибальчич два раза дискутировал со священником, от исповеди и причастия отказался; в конце концов он попросил священника оставить его.

Желябов и Софья Перовская категорически отказались принять духовника.

Последнюю для них ночь со 2 на 3 апреля, преступники провели врозь. Перовская легла в постель на исходе одиннадцатого часа вечера; Кибальчич несколько позже — он был занят письмом к своему брату, который в настоящее время, говорят, находится в Петербурге. Михайлов также написал письмо к своим родителям в Смоленскую губернию. Письмо это написано совершенно безграмотно и ничем не отличалось от писем русских простолюдинов к своим родным. Перовская еще несколько дней назад отправила письмо к своей матери. Желябов написал письмо к своим родным, потом разделся и лег спать на исходе одиннадцатого часа ночи. По некоторым признакам, Рысаков провел ночь тревожно. Спокойнее всех казались Перовская и Кибальчич...

В 6 часов утра всех преступников, за исключением Геси Гельфман, разбудили. Им предложили чай. После чая их поодиночке приводили в управление дома предварительного заключения, где в особой комнате переодевали в казенную одежду: белье, серые штаны, полушубки, поверх которых арестантский черный армяк, сапоги и фуражку с наушниками. На Перовскую надели тиковое платье с мелкими полосками, полушубок и также черную арестантскую шинель.

По окончании переодевания их вывели на двор, где стояли уже две позорные колесницы. Палач Фролов со своим помощником из тюремного замка усаживал их на колесницу. Руки, ноги и туловище преступника прикреплялись ремнями к сиденью. Палач Фролов еще накануне вечером, около 10 часов, прибыл в дом предварительного заключения, где и провел ночь. Закончив операцию усаживания преступников на колесницы, Фролов со своим помощником отправился в карете в сопровождении полицейских к месту казни, а вслед за ним две позорные колесницы выехали за ворота дома предварительного заключения на Шпалерную улицу.

Мрачный позорный кортеж следовал по вышеназванным улицам. Тяжело громыхая по мостовым, высокие колесницы своим видом производили тяжелое впечатление. Преступники сидели саженях в двух над мостовою, тяжело покачиваясь на каждом ухабе. Позорные колесницы были окружены войсками. Улицы, по которым их везли были заполнены народом.

Отчасти этому способствовали как поздний час казни, так и теплая весенняя погода. Уже с восьми часов утра солнце осветило своими лучами громадный Семеновский плац, еще покрытый снегом с большими тающими местами и лужами. Несметное

число зрителей обоего пола и всех сословий наполняло обширное место казни, толпясь тесною непроницаемою стеною за шпалерами войска. На месте казни господствовала зловещая тишина. Плац был местами окружен цепью казаков и кавалерии. Ближе к эшафоту были расположены в квадрате сперва конные жандармы и казаки, а рядом на расстоянии двух-трех сажень от виселицы, пехота лейб-гвардии Измайловского полка.

В начале девятого часа приехал на плац градоначальник, генерал-майор Баранов, а вскоре после него судебные власти и лица прокуратуры: прокурор судебной палаты Плеве, исполняющей должность прокурора окружного суда Плющик-Плющевский и товарищи прокурора Постовский и Мясоедов, обер-секретарь Семякин.

Эшафот представлял собой черный, почти квадратный, помост двух аршин вышины, обнесенный небольшими выкрашенными черной краской перилами. На этот помост вели шесть ступеней. Против единственного входа, в углублении возвышались три позорных столба, с цепями на них и наручниками.

По бокам платформы возвышались два высоких столба, на которых положена была перекладина с шестью на ней железными кольцами для веревок. На боковых столбах также были ввинчены по три железных кольца. Два боковых столба и перекладина на них изображали букву П. Это и была общая виселица для пяти цареубийц. Позади эшафота находились пять черных деревянных гробов, со стружками в них и парусинными саванами для приговоренных к смерти. У эшафота, еще задолго до прибытия палача, находились четыре арестанта в нагольных тулупах — помощники Фролова.

За эшафотом стояли два арестантских фургона, в которых были привезены из тюремного замка палач и его помощники, а также две ломовые телеги для гробов.

По прибытии на плац градоначальника палач Фролов, стоя на новой деревянной некрашеной лестнице, стал прикреплять к пяти крюкам веревки с петлями. Палач был одет в синюю поддевку, как и два его помощника. Казнь над преступниками была совершена Фроловым с помощью четырех солдат арестантских рот, одетых в серые арестантские фуражки и нагольные тулупы.

Небольшая платформа для лиц судебного и полицейского ведомств была расположена невдалеке от эшафота. На этой платформе находились во время совершения казни, представители высшего военного и судебного мира, а также корреспонденты русских и иностранных газет, военный агент итальянского посольства и некоторые младшие члены посольских миссий. За

платформой по левую сторону эшафота расположился кружок военных разных оружий.

Начиная с того места, где заканчивается Николаевская улица, на плацу, вплоть до самого эшафота, были расположены в две шпалеры казаки, между которыми следовали через плац к эшафоту позорные колесницы на место казни.

При появлении в 8 часов 50 минут на плаце преступников под сильным конвоем казаков и жандармов, густая толпа народу заметно заколыхалась. Послышался глухой и продолжительный гул, который прекратился лишь тогда, когда две позорные колесницы подъехали к самому эшафоту и остановились одна за другой между подмостками, где была сооружена виселица и платформа, на которой находились власти. Несколько ранее прибытия преступников, подъехали к эшафоту кареты с пятью священниками.

С прибытием колесниц власти и члены прокуратуры заняли свои места на платформе. Когда колесницы остановились, палач Фролов влез на первую колесницу, где сидели рядом связанные Желябов и Рысаков. Отвязав сперва Желябова, потом Рысакова, помощники палача ввели их под руки по ступенькам на эшафот, где поставили рядом. Тем же порядком были сняты со второй колесницы Кибальчич, Перовская и Михайлов и введены на эшафот. К трем позорным столбам были поставлены: Желябов, Перовская и Михайлов. Рысаков и Кибальчич остались стоять крайними близ перил эшафота рядом с другими цареубийцами. Осужденные казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчич и Желябов, менее Рысаков и Михайлов, которые были смертельно бледны. Из них выделялась апатичная и безжизненная, точно окаменелая физиономия Михайлова. Невозмутимое спокойствие и душевная покорность отражалась на лице Кибальчича. Желябов казался нервным, шевелил руками и часто поворачивал голову в сторону Перовской, стоя рядом с нею, и раза два к Рысакову, находясь между первой и вторым. На спокойном, желтовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец, когда она подъехала к эшафоту; глаза ее блуждали, лихорадочно скользили по толпе и тогда, когда она, не шевеля ни одним мускулом лица, пристально глядела па платформу, стоя у позорного столба. Когда Рысакова подвели ближе к эшафоту, он обернулся лицом к виселице и сделал неприятную гримасу, которая искривила на мгновение его широкий рот. Светло-рыжие, длинные волосы парня развивались по его широкому полному лицу, выбиваясь из-под плоской черной арестантской шапки. Все преступники были одеты в длинные черные халаты.

Во время восхождения на эшафот террористов, толпа безмолвствовала, ожидая с напряжением совершения казни.

Как только преступники были привязаны к позорным столбам, раздалась военная команда «На караул!», после чего градоначальник известил прокурора судебной палаты г. Плеве, что все готово к совершению последнего акта земного правосудия.

Палач и его два помощника остались на эшафоте, стоя у перил, пока обер-секретарь Попов читал приговор. Чтение краткого приговора продолжалось несколько минут. Все присутствующие обнажили головы. По прочтении приговора забили мелкою дробью барабаны; барабанщики разместились в две линии перед эшафотом лицом к осужденным, образовав живую стену между эшафотом и платформою, на которой стоял прокурор, градоначальник и другие должностные лица. Во время чтения приговора, взоры всех преступников были обращены на г. Попова, ясно прочитавшего приговор. Легкая улыбка отразилась на лице Желябова, когда по окончании чтения приговора палач подошел к Кибальчичу, давая дорогу священникам, которые в полном облачении, с крестами в руках, взошли на эшафот. Осужденные почти одновременно подошли к священникам и поцеловали крест, после чего они были отведены палачами каждый к своей веревке. Священники, осенив осужденных крестным знамением, сошли с эшафота. Когда один из священников дал Желябову поцеловать крест и осенил его крестным знамением, тот что-то шепнул священнику, поцеловал горячо крест, тряхнул головой и улыбнулся.

Наигранная бодрость не покидала Желябова, Перовскую, а особенно Кибальчича до минуты надевания белого савана с башлыком. До этой процедуры Желябов и Михайлов, приблизившись на шаг к Перовской, поцелуем простились с нею. Рысаков стоял неподвижно и смотрел на Желябова все время, пока палач надевал на сотоварищей ужасного преступления роковой длинный саван висельников.

Палач Фролов, сняв поддевку и оставшись в красной рубашке, начал с Кибальчича. Надев на него саван и наложив вокруг шеи петлю, он притянул ее крепко веревкою, завязав конец ее на правом столбе виселицы. Потом он приступил к Михайлову, Перовской и Желябову. Желябов и Перовская, стоя в саване, потряхивали неоднократно головами. Последний по очереди был Рысаков, который, увидав других облаченными в саваны и готовыми к казни, заметно пошатнулся; у него подкосились колени, когда палач быстрым движением накинул на него саван и башлык. Во время этой процедуры барабаны, не переставая, били мелкую, но громкую дробь.

В 9 часов 20 минут палач Фролов, окончив все приготовления к казни, подошел к Кибальчичу и подвел его на высокую черную скамью, помогая войти на две ступеньки. Палач отдернул скамейку и преступник повис в воздухе. Смерть постигла Кибальчича мгновенно; по крайней мере, его тело, сделав несколько слабых кружков в воздухе, вскоре повисло без всяких движений и конвульсий.

Осужденные, стоя в один ряд в белых саванах производили тяжелое впечатление. Выше всех ростом оказался Михайлов.

После казни Кибальчича, вторым был казнен Михайлов. С ним дело обстояло сложнее. Он был повешен как бы четыре раза. Первый раз веревка его оборвалась и он упал на ноги. Второй раз веревка отвязалась и он упал плашмя. В третий раз веревка растянулась. В четвертый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее наступила смерть, так как слабо была завязана веревка.

За ним следовала Перовская, которая, сильно упав на воздухе со скамьи, вскоре повисла без движения, как и трупы Михайлова и Кибальчича.

Четвертым был казнен Желябов, последним Рысаков. Этим двум пришлось промучиться больше. Фролов обоим надел петли слишком высоко, близко к подбородку, что и задержало наступление агонии. Пришлось их вторично спустить, повернуть узлы прямо к спинной кости и завязать их крепче. Причем Рысаков, будучи сталкиваем палачом со скамьи, несколько минут старался ногами придержаться к скамье. Помощники палача, видя отчаянные движения Рысакова, быстро стали отдергивать из-под его ног скамью, а палач Фролов дал телу преступника сильный толчок вперед. Тело Рысакова, сделав несколько медленных оборотов, повисло также спокойно рядом с трупом Желябова и другими казненными.

Казнь окончилась в 9 часов 30 минут. Фролов и его помощники сошли с эшафота и стали налево, у лестницы. Барабаны перестали бить. Начался шумный говор толпы. К эшафоту подъехали сзади две ломовые телеги, покрытые брезентами. Трупы казненных висели не более 20 минут. Затем на эшафот были внесены пять черных гробов, которые помощники палача подставили под каждый труп. Гробы были в изголовьях наполнены стружками. На эшафот вошел потом военный врач, который в присутствии двух членов прокуратуры освидетельствовал снятые и положенные в гроб трупы казненных. Первым был снят с виселицы и положен в гроб Кибальчич, а затем другие казненные. По освидетельствовании трупов, гробы немедленно накрыли крышками и заколотили. Затем они были помещены на ломовые телеги с ящиками и

отвезены под сильным конвоем на станцию железной дороги для предания тел казненных земле на Преображенском кладбище.

Вся процедура окончилась в 9 часов 58 минут. В 10 часов градоначальник дал приказ к разбору эшафота, что в было немедленно исполнено тут же находившимися плотниками, после того как палач Фролов, или, как он себя сам называет, «заплечных дел мастер», так и его помощники были отвезены в арестантских «хозяйственных фургонах тюремного ведомства» в литовский замок.

В начале одиннадцатого часа войска отправились в казармы; толпа начала расходиться. Конные жандармы и казаки, образовав летучую цепь, окружили местность, где стоял эшафот, не допуская к нему подходить черни и безбилетной публики. Более привилегированные зрители этой казни толпились около эшафота, желая удовлетворить своему суеверию — добыть кусок веревки, на которой были повешены преступники.

Александра Викторовна Богданович отметила в своем дневнике в день казни: «У нас было много народу, каждый приходил с разными подробностями. Только один человек сказал, что видел людей, им (террористам. — *Е. Т.*) выражавших сочувствие, — все в один голос говорят, что толпа жаждала их казни» (73, с. 55).

8. ПРОТИВОБОРСТВО В ОКРУЖЕНИИ АЛЕКСАНДРА III

Период с 8 марта (после заседания Совета министров) до 29 апреля 1881 г. характеризуется существованием двух противостоящих сил в высших правительственных сферах. С одной стороны сложилась группа либеральной бюрократии в составе Лорис-Меликова, Абазы и Милютина, с другой — противоборствующая им во главе с Победоносцевым (на стороне которого были Посьет, Маков, Строганов) при несомненной поддержке молодого монарха. Довольно сильные ранее сторонники умеренно-либерального курса председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич и председатель Комитета министров Валуев фактически потеряли влияние. Половцов в середине марта со слов Абазы записывает в своем дневнике весть о предполагаемом увольнении вел. кн. Константина Николаевича со всех его должностей (6, л. 18, с. 208—209). Валуев сам помечает, что «с того дня (8 марта. — *Е. Т.*) моя роль председателя Комитета министров сохранилась по форме, но прекратилась по существу вне стен Комитета» (78, с. 154). Постепенно влияние Победоносцева и его группы возрастает. Обер-прокурор Синода

становится ближайшим политическим советником и наставником Александра III. Он упорно добивается увольнения Лорис-Меликова и рекомендует вместо него на пост министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева.

По совету Победоносцева петербургским градоначальником вместо генерал-майора А. В. Федорова 9 марта назначается 44-летний ковенский губернатор генерал-майор Н. М. Баранов, бывший моряк, исключенный по суду из морской службы. Личность нового градоначальника была довольно противоречивой. С одной стороны, это был человек решительный, на редкость энергичный и инициативный, заботящийся о своих подопечных, с другой — горяч, не допускал возражений, принимал необдуманные решения. Некоторые считали, что его выдвигали исключительные обстоятельства: война, смутное время, холерная эпидемия.

С каждым днем преобладающее влияние на государственные дела начинает оказывать брат царя великий князь Владимир Александрович, «который притом выказывает чрезмерную самоуверенность». 15 марта вышел манифест о назначении регентства в случае кончины царствующего ныне монарха ранее совершеннолетия наследника престола. Во главе регенства в таком случае станет вел. кн. Владимир Александрович.

В этот период на политической сцене появляются новые лица, влияние которых быстро растет. По рекомендации Победоносцева 24 марта на место князя А. А. Ливена министром государственных имуществ становится граф Н. П. Игнатьев, вместо А. А. Сабурова министром народного просвещения назначается барон А. П. Николаи. Перемены произошли и в персонале, окружающем императора. На место генерал-адъютанта А. М. Рылеева комендантом императорской главной квартиры назначен генерал-майор свиты Н. П. Литвинов. «Удаление Рылеева, — пишет Милютин, — надобно было ожидать: он был при покойном государе самым доверенным домашним человеком в негласной его семье; преемник его Литвинов — человек бесцветный, привыкший к роли дядьки при юных великих князьях» (187, т. 4, с. 47).

7 апреля государь объявил о назначении на должность начальника дворцовой охраны командира 2-й гвардейской пехотной дивизии графа И. И. Воронцова-Дашкова, близкого ему в прошлом человека.

Преобладающее влияние Победоносцева, Баранова и Воронцова-Дашкова, считал Милютин, угрожало самыми плачевными результатами.

В начале апреля на пост директора Департамента государственной полиции вместо барона И. О. Велио по представлению Лорис-Меликова назначен прокурор Петербургской судебной палаты В. К. Плеве. В то же время увольняется креатура Лорис-Меликова: начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза, на место которого назначается князь П. П. Вяземский.

Таковы главные перестановки лиц высшей администрации, последовавшие в первые недели царствования Александра III.

Сохранение Лорис-Меликовым и его сторонниками определенного влияния и власти объяснялось отнюдь не симпатиями Александра III, а той политикой выжидания, которую он вынужден был проводить, находясь в смятении и тревоге.

Период противоборства правительственных группировок, по мнению историка П. А. Зайончковского, можно разделить на два этапа: первый — с начала марта до начала апреля и второй — с начала апреля до конца месяца. Особенностью первого этапа является полный разрыв отношений представителей одной группировки с другой после заседания 8 марта; второй этап проходит под знаком кажущегося примирения, что нашло свое наиболее полное выражение в гатчинском совещании 21 апреля.

Как отмечает Милютин, в связи с назначенным в Гатчине совещанием 21 апреля, все приглашенные министры, отправились вместе 9-часовым поездом. Кроме Милютина были гр. Лорис-Меликов, Абаза, гр. Игнатьев, бар. Николаи, Набоков и Победоносцев.

В совещании участвовал и вел. князь Владимир Александрович.

Царь открыл совещание заявлением своего желания выслушать мнения министров о том, какие следует принять меры и программу для дальнейших действий. Прежде всего он обратился к гр. Лорис-Меликову, который весьма толково изложил свое мнение о необходимости дальнейшего развития и довершения начатых в прошлое царствование реформ. После него выступил Милютин, который подтвердил соображения гр. Лорис-Меликова и развил их, указав притом, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но, напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев.

После Милютина государь обратился к гр. Игнатьеву, который говорил почти в том же смысле, подтвердив общую мысль частными примерами. Затем Ал. Аг. Абаза мастерски доказывал весьма смело и категорично, что действительная сила правительства выражается не «в кулаках», не в полицейском произволе, а в единстве и сплоченности министерства, в твердости плана его действий, в доверии государя к своим ближайшим советникам

и органам. При этом Абаза прямо задел Победоносцева и его вредное закулисное влияние. Затем бар. Николаи довольно долго и скучно развивал тему о необходимости действий систематических, без увлечений и без произвола. Министр юстиции Набоков также говорил о предстоящих по судебной части улучшениях и необходимости продолжения реформ. Таким образом, все говорившие (6 министров) высказались почти в одинаковом смысле. Оставалось последнее слово за Победоносцевым, и министры, конечно, с любопытством ждали, что же на сей раз будет прорицать этот авгур. К удивлению всех, он заговорил совсем иным языком, чем в достопамятном совещании 8 марта.

Он даже начал было с того, что разделяет высказанные всеми прочими мнения о необходимости дальнейших улучшений в государственном строе, но вслед за тем сбился на свои нравоучения и прочел проповедь о правде, честности ответственности и т. д. Эти теоретические пустозвонные фразы вызвали снова возражения и со стороны гр. Лорис-Меликова, и со стороны Милютина, а главное — от Ал. Аг. Абазы, который очень резко и категорично поставил снова вопрос о солидарности министерства, о бесполезности отвлеченных теоретических афоризмов и необходимости соглашения на практической почве. Тут было несколько раз упомянуто о пользе совещаний, подобных настоящему в присутствии самого государя, о предварительных совещаниях между министрами, независимо от Комитета министров и проч. Александр III только изредка прерывал речи отрывочными фразами; пробовал свести суждения к поставленному первоначально вопросу о том, какие следует принять сейчас неотложные меры. Но высказавшееся совершенно неожиданно единодушие в речах всех приглашенных министров отклонило совещание от предполагавшейся задачи. В конце вел. князь Владимир Александрович выступил с подготовленным письменным предложением об учреждении центральной следственной комиссии по всем делам о государственных преступлениях. Записка эта, неизвестно кем сочиненная, была тут же прочитана вслух графом Лорис-Меликовым, который возражал против заявленной мысли, доложив, что у него уже приготовлен доклад относительно дальнейшего ведения следственных дел, а потому вопрос отложен до другого раза. В заключение царь выразил свое желание, чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных между собою совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях. На первый же раз монарх предложил министрам совместно обсудить те меры, которые признаются наиболее неотложными при настоящих обстоятельствах и для окончательного обсуждения которых будет назначено вторичное совещание в его присутствии.

Таким образом, как представлялось либеральным министрам, проведенное совещание оказалось успешнее, чем они ожидали. В нем проявилось совершенно непривычное для них единство в общем взгляде министров. Даже Победоносцев, и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделивший его от всех прочих коллег. Во всяком случае, Милютин надеялся, что это совещание повлияет благотворно на направление мыслей молодого императора.

Абаза расценивал прошедшее еще более радужно. Так, по словам Перетца, «Абаза считает, что наступило полное торжество Лориса и его». По мнению Абазы, Победоносцев был уничтожен, «истерт в порошок» (298, с. 65). На обратном пути обер-прокурор, по словам Абазы, подошел к нему и Лорис-Меликову, выразив сожаление по поводу недоразумений с заседанием 8 марта.

Победоносцев также не отрицал улучшения отношений между министрами, но изобразил это несколько иначе: «Как только *ми* вышли из комнаты, — пишет он Тютчевой 27 апреля, — точно очарование спало. Между министрами показалась внезапная оттепель. Абаза едва не бросился на шею ко мне: как рад, что недоразумение кончилось. Точно именинный праздник. Пошли завтракать, стали рассказывать анекдоты» (417, 1907, кн. 2, с. 99).

Исход совещания представляется обер-прокурору Синода несколько иным, нежели Абазе. «Они ехали туда в страхе, не прогонят ли их, — пишет он в этом же письме, — вернулись в торжестве невообразимом и стали говорить, что одержали блестящую победу. Над кем это? Надо мною или над государем? Пароль дан такой, что я посрамлен, и победа одержана надо мною» (там же).

Как видим, Победоносцев отнюдь не признавал своего поражения. К тому же он прекрасно был осведомлен о настроениях своих оппонентов. В этом же письме Е. Ф. Тютчевой он рассказывает о настроениях в великосветских гостиных и истолковании министром внутренних дел результатов прошедшего совещания. «Едва приехал домой Лорис, — пишет он, — как дамы (о, эти дамы!) с волнением сидевшие в гостиных, посылают спрашивать его: что? Елис[авета] Павл[овна], бывшая Эйлер, пишет ему: «Знаем, что Вам некогда, но скажите два слова: победили Вы?» Он пишет: «Да» — и отсылает записку» (там же). Таким образом, Лорис-Меликов и его сторонники торжествовали победу.

Но не все видели результаты совещания в таком радужном свете. Не бывший на совещании граф Валуев, например, узнав-

ший подробности о нем от Абазы, приходит к другим выводам. «Из всего этого оказывается, по моему мнению, — заключает председатель Комитета министров, — что мы только вступили в новый круг недоразумений... Государь не имеет ясного понятия о том, что желалось и что решено» (78, с. 162). Валуев здесь явно заблуждался. Александр III к этому времени имел уже достаточно четкое представление о своем внутриполитическом курсе.

Тогда же 21 апреля царь писал Победоносцеву: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно, этого не будет, я не допущу. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма». В конце письма молодой император подчеркивает, что его брат Владимир, так же, как и он, «не допускает выборного начала» (305, т. 1, п/т 1, с. 49).

Со временем, анализируя это письмо, известный историк Ю. В. Готье, справедливо писал, что в нем «можно видеть первую фазу зарождения манифеста 29 апреля» (404, т. 2, с. 287). Несомненно, письмо державного правителя государства вселило уверенность в Победоносцева и простимулировало его к решительным действиям. По соглашению с Игнатьевым и Островским, при непосредственной помощи выписанного из Москвы Каткова, им был подготовлен и к 26 апреля отправлен Александру III проект манифеста о незыблемости самодержавия (см. 298, с. 69).

Александр III, получив этот проект, направляет его на следующий день своему брату — великому князю Владимиру Александровичу. «Посылаю тебе, любезный Владимир, — пишет монарх, — мною одобренный проект манифеста, который я желаю, чтобы вышел 29. IV, день приезда моего в столицу. Я долго об этом думал и министры все обещают мне своими действиями заменить манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между тем шатание умов продолжается все более и более и многие ждут чего-то необыкновенного, то я решился обратиться к Конст(антину) Петр(овичу) Победоносцеву составить мне проект манифеста, в котором бы высказано было ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужною и полезною России. Кажется, манифест составлен очень хорошо, он был вполне одобрен гр(афом) С. Г. Строгановым, который также

нашел своевременность подобного акта. Сегодня я лично прочел манифест А. В. Адлербергу, который также вполне одобрил его. Итак дай Бог, в добрый час. Сегодня я имел объяснение с гр(афом) Адлербергом, результатом которого было, что он просится сам оставить место министра. Не смотря на то, что он очень грустен, но все объяснение и весь разговор был самый дружественный и расстались друзьями. Решили так, что останется до выбора нового министра и до окончания им всех дел по завещанию Папа. При личном свидании с тобою передам все подробности и мои намерения. До свиданья. Пришли мне обратно проект. А(лександр)» (380, 1992, № 2, с. 43).

Глава восьмая

ВЫБОР ПУТИ

1. МАНИФЕСТ 29 АПРЕЛЯ 1881 Г.

Окончательно все акценты были расставлены в царском манифесте 29 апреля 1881 г., в котором четко заявлялось о незыблемости самодержавия и твердом правительственном курсе. Либеральные министры узнали об этом «громовом ударе» только накануне поздно вечером на совещании у графа Лориса-Меликова, куда министр юстиции Набоков привез корректуру манифеста. «Такая неожиданная новость, — писал Милютин, — поразила нас как громом: какой манифест? Кем он изготовлен? С кем советовался государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера: что вчера государь призвал его в Гатчину и приказал сочинить манифест с тем, чтобы сегодня он был напечатан, а завтра по прибытии государя в Петербург, обнародован... Гр. Лорис-Меликов и А. А. Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению. Набоков, Игнатьев и бар. Николаи, хотя сдержаннее, также высказали свое удивление. Победоносцев, бледный, смущенный, молчал, стоя, как подсудимый пред судьями. Расстались мы в сильном волнении» (187, т. 4, с. 63).

29 апреля царская чета приехала из Гатчины в столицу, использовав кружной путь через Тосну по Николаевской железной дороге. Намеченный парад на Марсовом поле прошел вполне успешно. Императрица с великой княгиней Марией Павловной, как отметил военный министр, «в коляске a la Domon объезжала линии войск

за государем». После завтрака у принца Ольденбургского царь с супругой, несмотря на плывущие льдины, переехал на катере через Неву, чтобы поклониться могиле покойного Александра II. Затем они побывали во временной часовне, построенной на месте его смертельного ранения, и в 3 часа отправились в Гатчину тем же кружным путем.

Внимание всех мыслящих людей в этот день приковал обнародованный манифест. Как отмечали современники, манифест «под оболочкой тяжелой риторической фразеологии» отчасти дышал вызовом, угрозою, и в то же время не содержал в себе ничего утешительного ни для образованных классов, ни для простого народа. В начале манифеста говорилось об условиях вступления на престол и характеризовалась политика Александра III. В главной части его твердо определялся внутриполитический курс: «Но посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стоять бодро на деле правления в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений. Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных наших подданных, всех любящих отечество и преданных из рода в род наследственной царской власти» (ПСЗ, 3 собр., т. 1, № 18). Завершался манифест призывом «всех верных подданных служить нам и государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения и водворению порядка и правды в действия учреждений, дарованных России благодетелем ее, возлюбленным нашим родителем» (там же). Итак, торжественно провозглашался несокрушимый, прочный курс самодержавия, который не оставлял никаких надежд на дальнейшие преобразования и демократизацию жизни государства.

На просвещенные, гуманные элементы общества манифест произвел тяжелое, удручающее впечатление. В то же время сторонники консервативной линии, охранительных начал восторженно приветствовали опубликование манифеста. «Теперь мы можем вздохнуть свободно, — писали «Московские ведомости» Каткова. — Конец малодушию, конец всякой смуте мнений. Пред этим непререкаемым, пред этим столь твердым, столь решительным словом монарха должна, наконец, поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного» (410, 30 апреля 1881 г.). Либеральная пресса в лице «Голоса», «Страны», «Порядка» и

других газет откликнулась на манифест статьями, в которых сделала вид, что не понимает действительную сущность обращения верховной власти, и выражала свои надежды на реформаторскую деятельность молодого императора. «Итак, — заключала 30 апреля «Страна», — дело преобразований, предпринятое покойным государем, освященное его памятью, должно продолжаться».

Манифест послужил как бы сигналом к смене правительства и перегруппировке сил в верхах. 29 апреля подал прошение об отставке М. Т. Лорис-Меликов, за ним 30-го министр финансов А. А. Абаза и 12 мая — военный министр Д. А. Милютин.

Однако правительство не сразу перешло прямо к проведению открыто консервативного курса. Это сказалось в выборе либерально окрашенных преемников ушедших министров: министром внутренних дел был назначен отличившийся в звании посла в Пекине и Константинополе граф Н. П. Игнатьев, министром финансов — бывший преподаватель Александра, киевский профессор Н. Х. Бунге, военным министром — бесцветный генерал П. С. Ванновский, начальник штаба Рущукского отряда, которым Александр, будучи цесаревичем, командовал в войне 1877—1878 гг.

2. «СВЯЩЕННАЯ ДРУЖИНА»

Вскоре после смерти Александра II привилегированными сторонниками самодержавия 12 марта 1881 г. была создана «Священная дружина» — конспиративная организация для охраны особы царя и противодействия революционному террору. Создание этой организации С. Ю. Витте описывает в своих воспоминаниях. Узнав о покушении на Александра II, он пишет в северную столицу Р. А. Фадееву и подает идею о создании сообщества порядочных людей для охраны императора и борьбы с анархистами их же методами. Фадеев подхватил эту идею в Петербурге и через графа И. И. Воронцова-Дашкова передал письмо своего племянника царю. Непосредственными руководителями конспиративной организации придворной аристократии под названием «Святая дружина» в середине марта 1881 г. стали граф П. П. Шувалов, граф И. И. Воронцов-Дашков, московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, начальник гвардейского штаба А. А. Бобринский, князь А. П. Щербатов, П. П. Демидов, известный более под именем князя Сан-Донато. В нее вошли и другие высокопоставленные лица, близкие ко двору, даже некоторые из великих князей. Тогда же в столице, на Фонтанке в доме графа П. П. Шувалова,

Витте принес присягу в верности этому сообществу. Он был назначен главным правителем «Дружины» в Киевском районе. Витте прилежно выполнял обязанности, возложенные на него дружиной. Она имела русскую и зарубежную агентуру, применяла провокации, стремясь сбить с толку революционеров и посеять недоверие их друг к другу. По ее распоряжению Витте, например, ездил в Париж для организации покушения на известного революционного народника Л. Н. Гартмана, а также принимал участие в составлении некоторых изданий охранительного порядка. «Священная дружина» насчитывала 729 человек. Общество имело ряд отделений в провинциях: в Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах.

В Женеве якобы от имени народовольцев «Священной дружиной» издавались газеты «Правда» и «Вольное слово», которые с целью дискредитации народовольческой программы договаривались до нелепостей и призывали к революционному террору не только в России, но и во всем мире. Среди русских либералов «Священная дружина» действовала от имени фиктивных организаций «Земский союз» и «Земская лига». Остроумный М. Е. Салтыков-Щедрин осмеял это чудовищное явление в своем «Письме к тетеньке» в «Отечественных записках» в № 8 за 1881 г. Д. А. Милютин, узнав о тайных путях общества, возмутился: «Вот до чего дошло извращение нравов и понятий о чести в высших слоях петербургского общества» (187, т. 4, с. 113). Народовольцы быстро разгадали мистификации дружины и поведали об этом в своей прессе. В 1883 г. Александр III распорядился прекратить деятельность «Священной дружины», методы которой получили скандальную огласку. Кроме того, соперничая с государственной полицией, она стала ей помехой в борьбе с революционерами (см. 371а, 1916, кн. 1—6).

3. МИНИСТЕРСТВО Н. П. ИГНАТЬЕВА

Итак, 3 мая 1881 г. граф Н. П. Игнатьев по указу императора занял важнейший в империи пост министра внутренних дел, а на его место министром государственных имуществ был назначен статс-секретарь М. Н. Островский (см. 187, т. 4, с. 67). Назначение Игнатьева состоялось не без помощи Победоносцева, который, рекомендуя его на высшие посты, писал Александру III, что Николай Павлович обладает «здоровыми инстинктами и русской душой». Да и сам властитель империи отзывался о нем как о «настоящем коренном русском» (78, с. 161).

Жизнь Игнатьева, насыщенная событиями, отличалась стремительным взлетом и не менее быстрым падением. Сын крупного петербургского сановника, Николай Павлович, наделенный блестящими способностями и завидной энергией, окончил Пажеский корпус первым по выпуску 1849 г. и начал службу корнетом лейб-гв. Гусарского полка.

В 1851 г. закончил Академию Генерального штаба с большой серебряной медалью. С ноября 1852 г. состоял при главнокомандующем гвардейским и гренадерским корпусами. С июня 1856 г. — военный агент в Лондоне. Тогда же у него складывается убеждение, что главным внешнеполитическим противником России является Англия. Вскоре он был командирован в Париж к послу П. Д. Киселеву и участвовал в работе Парижской мирной конференции.

В сентябре 1857 г. в результате скандала, связанного с тем, что Игнатьев во время осмотра военного музея «нечаянно» положил в карман унитарный патрон (английскую военную новинку), был вынужден покинуть Лондон. В этом же году он совершил большое путешествие по Европе и странам Ближнего Востока, посетив Вену, Белград, Афины, Константинополь, Сирию и Палестину. В 1858 г. полковник Игнатьев возглавил семимесячную миссию в Хиву и Бухару. Переговоры с хивинским ханом не дали никаких результатов. С бухарским эмиром был заключен «дружественный трактат». Русские суда получили свободу плавания по Амударье, вдвое были снижены таможенные пошлины для русских купцов, учреждено торговое агентство в Бухаре, освобождены русские пленные и высланы британские агенты. В 1859—1861 гг. генерал-майор Игнатьев находился в Китае в качестве уполномоченного с особым поручением, вел переговоры об утверждении китайским правительством Айгуньского договора 1958 г. После начала англо-французской интервенции в Китае выступил посредником между воюющими сторонами и подписал Пекинский договор 1860 г., определивший восточную и наметивший западную русско-китайскую границу, а также урегулировавший русско-китайские торговые отношения. Александр II пожаловал молодому генералу звание генерал-адъютанта и Владимирскую звезду II степени. С августа 1861-го по июнь 1864 г. Игнатьев являлся директором Азиатского департамента МИД России. Вместе с Д. А. Милютиным был сторонником активных действий России в Средней Азии. С 1864 г. он посланник, а с 1867 по 1877 г. — посол в Константинополе. Активно участвовал в решении балканских проблем, неизменно поддерживал освободительное движение славянских народов.

В феврале — марте 1877 г. был направлен в Берлин, Вену, Париж и Лондон с целью обеспечить нейтралитет европейских держав во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Состоял в свите Александра II во время его пребывания в действующей армии в мае — ноябре 1877 г. В 1877 г. возведен в графское достоинство, со 2 декабря — член Государственного совета.

Разработал условия и заключил Сан-Стефанский договор 1878 г. 16 февраля того же года произведен в генералы от инфантерии. Дипломатическая карьера Игнатьева закончилась после Берлинского конгресса 1878 г., где были пересмотрены условия Сан-Стефано. В 1879—1880 гг. назначался генерал-губернатором Нижнего Новгорода (на время проведения ярмарки). При молодом императоре с 25 марта 1881 г. стал министром государственных имуществ, а с 4 мая того же года — министром внутренних дел. Принято считать, что с его деятельностью на последнем посту связан постепенный переход правительства к консервативному курсу. Новый министр внутренних дел, к сожалению, получил сомнительную известность еще в качестве русского дипломата. Как посол России в Турции он приобрел славу «ментир-паши» (т. е. «лжеца-паши»), «отца лжи», «черной лисы». По словам одного тогдашнего немецкого дипломата, Игнатьеву здесь не верили «ни христиане, ни мусульмане». Желчный Е. М. Феоктистов в своих мемуарах писал: «Кому в России неизвестна была печальная черта его характера, а именно: необузданная, какая-то ненасытная наклонность ко лжи? Он лгал, вследствие потребности своей природы, лгал как птица поет, собака лает, лгал на каждом шагу, без малейшей нужды и расчета, даже во вред самому себе... Я ни на минуту не сомневаюсь, что у Николая Павловича была натура совершенно родственная Ноздреву, что он вполне олицетворял собою этот тип гоголевского героя» (327, с. 199—200). «Нет сомнения, что Игнатьев — человек очень способный, — отзывался о нем Е. А. Перетц, — беда только в том, что, смекая быстро, он недостаточно обдумывает предметы» (298, с. 750). «...Когда граф Н. П. Игнатьев очутился на трудном посту преемника графа Лорис-Меликова, — вспоминал В. П. Мещерский, — он при всех своих дарованиях, при несомненном уме и при умении нравиться имел ахиллесову пяту: малое знакомство с внутренней государственной жизнью, вследствие чего он невольно, подобно графу Лорис-Меликову, легче воспринимал влияние окружавших его людей, чем отдаленные отзвуки нужд государственной жизни» (186, с. 487).

Подобно Лорис-Меликову, начало своей министерской деятельности Игнатьев ознаменовал аналогичным обращением к

«общественному» мнению. 6 мая во всех газетах был напечатан его циркуляр губернаторам, в котором излагались основные цели правительства. Отметив в нем причины убийства Александра II, первой задачей правительственной политики Игнатьев поставил «искоренение крамолы». Предписывая, подобно Макову, крестьянам «не внимать вредным слухам», Игнатьев, демагогически обещал облегчение положения этого сословия. Немало обещаний было дано «обществу». Министр заверял о «дружных усилиях правительства и общества» в обеспечении «наибольшего успеха живому участию местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний», о «полной неприкосновенности» прав дворян, городского сословия и «русского земства». Оценивая этот циркуляр, Д. А. Милютин подметил: «Простодушные люди говорили мне об этом документе с похвалой; я же нашел в нем одну риторику, только фразы, уместные более в проповеди, чем в министерском формуляре» (187, т. 4, с. 68).

Борясь против крамолы, Игнатьев развернул активную деятельность департамента полиции. Особое развитие получила система провокации, когда одним из руководителей политического сыска стал подполковник Г. П. Судейкин. Со временем последний завербовал народовольца С. П. Дегаева, с помощью которого разгромил остатки исполнительного комитета «Народной воли». К лету 1882 г. на свободе, помимо скрывшихся за границу, оставался лишь один член комитета, Вера Фигнер (она была арестована в начале 1883 г.). В тесном взаимодействии с органами розыска работало судебное ведомство. Прокурор киевского военно-окружного суда генерал Ф. Е. Стрельников стал особенно известен изощренными приемами для получения нужных ему показаний, за что был убит вольнослушателем Петербургского университета Н. Желваковым по поручению исполнительного комитета «Народной воли» (197, с. 170, 245).

Усиление правительственных репрессий нашло свое официальное выражение в издании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», проведенное Игнатьевым в качестве закона 14 августа 1881 г. В соответствии с данным положением та или иная местность империи могла быть объявлена на «исключительном положении», которое позволяло административно-полицейским органам издавать особые постановления. Нарушение таких постановлений каралось административным путем: арестом до трех месяцев или штрафом до 500 руб. при усиленной охране и до 3 тыс. руб. при охране чрезвычайной. Местным властям предоставлялось право высылать из подведомственных им районов нежелательных лиц,

закрывать торгово-промышленные предприятия, учебные заведения и органы печати, приостанавливать деятельность земских собраний и городских дум, передавать судебные дела на рассмотрение военного суда.

При чрезвычайной охране они получали также право секвестра недвижимостей и наложения ареста на движимое имущество. При Министерстве внутренних дел было образовано Особое совещание, которое могло без всякого суда ссылать любое лицо сроком до пяти лет в самые отдаленные места империи. Пожалуй, французский историк А. Леруа-Болье не особенно преувеличивал, когда писал, что «Положение» предоставляет администрации права, которые «принадлежат главнокомандующему во вражеской стране».

Закон 14 августа 1881 г., введенный как временная мера, периодически продлевался и просуществовал до февраля 1917 г. В. И. Ленин неслучайно назвал это «Положение» «фактической российской конституцией» (176, т. 21, с. 114).

Считается, что «Священная дружина», созданная весной 1881 г. при участии высокопоставленных и близких ко двору лиц, пользовалась покровительством Игнатьева. По его инициативе проводилось укрепление административно-полицейского аппарата. Была восстановлена независимость жандармерии от губернских властей. 4 сентября 1881 г. Игнатьев представил Александру III доклад о необходимости разработать проект реформы местных учреждений. Созданную для решения этого вопроса комиссию возглавил М. С. Каханов, бывший товарищем министра внутренних дел при Лорис-Меликове (см. § 4 этой главы). В 1882 г. образована межведомственная комиссия под председательством И. Д. Делянова для выработки мер по усилению надзора за молодежью.

Игнатьев продолжал реализацию начинаний Лорис-Меликова в социально-экономической области, направленных на укрепление крестьянского хозяйства и упорядочение деятельности местного управления и самоуправления.

9 мая Александр III, рассмотрев журнал Общего собрания Государственного совета от 27 апреля, утвердил решение о переводе временнообязанных крестьян на выкуп. Им также была утверждена общая сумма ежегодного понижения выкупных платежей в 9 млн рублей и сложения недоимок в сумме 14 млн рублей (см. 147, с. 360—361). Вместе с тем государь предложил еще раз обсудить вопрос о выкупных платежах, на совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ с участием «экспертов», приглашенных по их выбору.

Состав 13 «сведущих лиц» (несколько предводителей дворянства и несколько председателей земских управ: князь Васильчиков, Галаган, Горчаков, Дмитриев, Калачов, Колюпанов, Наумов, Самарин, князь Щербатов и др.) был искусно подобран Игнатьевым. Как он писал впоследствии в докладе Александру III, работа их оказалась «настолько успешной, что их решено было пригласить в большем числе для обсуждения питейного и переселенческого дела». Второй созыв уже в составе 32 «сведущих лиц» для обсуждения этих вопросов сопровождался большой газетной шумихой. Игнатьев в своей вступительной речи заявлял, что «земские сведущие лица» призваны, дабы «самые жизненные вопросы не были решаемы без выслушивания местных деятелей». Однако ожидаемого реального значения этот сбор «сведущих людей», не принес (см. 147, с. 361).

Наиболее трудными оказались для Игнатьева вопросы правительственной политики по отношению к крестьянству. В первые же недели после цареубийства среди крестьянства силен был слух, будто царь убит помещиками и что теперь опять закрепостят крестьян. О беспокойстве, которое эти настроения внушали правительству, можно судить по циркуляру Лорис-Меликова от 27 марта. В нем губернаторам рекомендовалось «крайне осторожно» разъяснять крестьянам, что «одно из коренных сословий русского государства», т. е. дворянство, не причастно к делу 1 марта. Манифест 29 апреля кое-где был воспринят крестьянами как манифест о переделе земель, в ожидании которого они прекращали полевые работы. Два циркуляра (23 мая и 6 июня) предписывали губернаторам «немедленный объезд тех мест, где по тем или иным обстоятельствам возможно предполагать возбужденное настроение умов» (381, 1931, т. 45, с. 153, 160— 161).

Одним из первых наскоро составленных актов в крестьянском вопросе были временные правила 10 июля 1881 г., которые имели задачей внести некоторый порядок в поток крестьянских переселений главным образом в Сибирь и на Дальний Восток. Эти правила даже не были опубликованы и по существу нисколько не облегчили условия крестьянского переселения (см. 147, с. 362).

Стремясь успокоить крестьянское движение, правящая элита в 1881—1882 гг. провела ряд финансовых мероприятий, касающихся положения крестьянства, изнемогавшего под гнетом старых и новых платежей.

28 декабря 1881 г. одновременно последовали указы об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. На обязательный выкуп 1 января 1883 г. должно было перейти около 1,5 млн крестьян, т. е. 15% всего количества бывших помещичьих кре-

стьян. Выкупные платежи были понижены на 1 рубль с душевого надела, а на Украине в размере 16% с существовавшего оклада выкупных платежей. Общая сумма понижения платежей составила 12 млн руб., а за 1862—1880 гг. государство получило с крестьян по выкупной операции почти 84 млн руб. К сожалению, новые размеры выкупных платежей лишь незначительно уменьшили несоразмерность платежей с доходностью земли.

18 мая 1882 г. был утвержден закон о Крестьянском поземельном банке. Банку было предоставлено право давать специальные ссуды крестьянам на покупку земли. Этим преследовалась и политическая цель — показать крестьянам, что они могут увеличить свою земельную площадь только покупкой и должны оставить надежды на даровую прирезку земли.

Радикальное «Дело» в 1883 г. писало, что «Крестьянский банк никого уже не пугает и даже не мешает уверенности, что скоро наступит дворянская эра». Покорное правительственным веяниям «Новое время» убеждало читателей, что Крестьянский банк «есть настолько же банк помещичий», так как ту часть своей земли, которую помещики не в силах обработать, они продадут при посредстве Крестьянского банка. Вскоре и крестьяне поняли, как это было, например, в Екатеринославской губернии, что Крестьянский банк основан «для панов, чтобы сбыть крестьянам бездоходные панские земли... а затем прогнать крестьян с земли и обратно передать их господам» (79, с. 50).

Следует подчеркнуть, что задача удержать в своих руках покупаемую через Крестьянский банк землю была почти непосильной для малосостоятельного крестьянина. Цена такой земли была выше рыночной (в 1888—1892 гг. в среднем 42,6 руб. против 31,9 руб.), а платежи в банк были во многих местах выше арендной платы. При таких условиях число малоземельных покупщиков все уменьшалось: 42% в 1884 г. и 24,7% в 1891 г. (147, с. 362).

Очевидно, к этой же категории мероприятий должен быть причислен закон 18 мая 1882 г., которым было положено запоздалое начало полной отмене подушной подати, установленной еще при Петре I. Даже крепостники понимали, что подушная подать находилась «в противоречии» с положением 19 февраля 1861 г.

28 мая 1885 г. был издан закон о полной отмене подушной подати. В итоге этих мер казна лишилась около 52 млн рублей ежегодного дохода (около 40 млн от подушной подати и около 12 млн от понижения выкупных платежей). Существенную сумму потеряла казна также благодаря еще ранее принятой отмене налога на соль (23 ноября 1880 г.), особенно тягостного для бедных. Для покрытия этого недобора и общего повышения доходов казны министр финансов Бунге увеличил обложение имуществ и доходов. В 1882 г. был введен налог на наследства и дарения стоимостью свыше 1 тыс. руб. Забегая вперед, скажем, что с 1884 г. повышен в 1,5 раза государственный земельный налог и увеличен сбор с городских недвижимых имуществ; в 1885 г. установлен дополнительный сбор с доходов от торговли и промыслов и впервые введено обложение дохода с денежных капиталов. Тем не менее, когда при окончательной отмене подушной подати оказался дефицит в 15 млн руб., решено было его покрыть за счет бывших государственных крестьян. По закону 24 ноября 1866 г. они платили оброчную подать, бывшую значительно ниже выкупных платежей. Закон 12 июня 1886 г. перевел бывших государственных крестьян на выкуп, повысив под этим предлогом их платежи. Общая сумма новых платежей превысила прежнюю оброчную подать на 45%.

В национальной политике Игнатьев проявил себя во «Временных правилах» 3 мая 1882 г., поводом к изданию которых послужили еврейские погромы, охватившие с апреля 1881 г. Украину, Белоруссию и Польшу. Эти правила запрещали евреям селиться вне городов и местечек, а также торговать в праздничные дни.

Крупным шагом в политическом преобразовании России Игнатьев полагал созыв Земского собора, который рассматривал как исторически присущую нашей стране форму взаимодействия монарха с народом. Считается, что идею Игнатьева о созыве Земского собора навеяли видные славянофилы И. С. Аксаков и П. Д. Голохвастов. Собор должен был открыться 6 мая 1883 г. в Москве в дни коронации Александра III. Состав собора предлагалось сформировать на основе прямых выборов от крестьянства, землевладельцев и купцов. Число участников намечалось 3—3,5 тыс. человек, в том числе 2 тыс. крестьян. К маю 1882 г. Игнатьев подготовил манифест о созыве Земского собора, который первоначально был одобрен царем. Однако против проекта выступил Победоносцев, который в своем письме Александру III 4 мая 1882 г. писал, что осуществление игнатьевского проекта будет «революцией, гибелью правительства и гибелью России». В свою очередь, 11 мая в «Московских ведомостях» разразился Катков передовой, в которой то, что «эвфемистически» называют «Земским собором», провозгласил «торжеством крамолы», требованием «Нечаевых и Желябовых». Игнатьевский проект был единодушно отвергнут в созванном царем 6 мая совещании. Перетц отметил, что в совещании «участвовали кроме Игнатьева Победоносцев, Островский, Рейтерн и Делянов. Возражения были единогласные, причем не обошлось и без неприятных сцен между Победоносцевым и Островским с одной стороны и Игнатьевым —

с другой. Первые два упрекали бывшего своего союзника в том, что он пошел в разрез с теми началами, которых при низвержении Лорис-Меликова он сам признавал нужным держаться. Игнатьев защищался плохо и лгал без зазрения совести. Государь, видимо, был им недоволен» (208, с. 137).

Этим была решена судьба пятидесятилетнего Игнатьева: 30 мая 1882 г. он получил отставку.

Важно отметить, что за год игнатьевского правления в стране произошли значительные сдвиги. В борьбе с революционным движением правительство одержало заметные успехи. Крестьянское волнение не утихало, но при всей многочисленности отдельных выступлений не выходило за обычные рамки. В земстве, которое раньше служило одним из оплотов деятельности либералов, все большую силу приобретало реакционное дворянство. Характеризуя сессии земских собраний, прошедшие в 1881—1882 гг., А. И. Кошелев писал в августе 1882 г., что на них «проявились опять казавшиеся схороненными разные крепостнические понятия и стремления» (164б, с. 271).

Уход Игнатьева дал возможность правительственному кораблю все далее и далее разворачиваться вправо от маячившего еще либерального курса.

Н. П. Игнатьев после отставки с поста министра более четверти века являлся членом Государственного совета и генерал-адъютантом. Сначала имел содержание в 12 000 руб. в год. Все это время практически он был отстранен от политической деятельности и принимал участие в основном в работе общественных организаций. С 1883 г. избран председателем Общества для содействия развития русской промышленности и торговли, с 1888 г. — председателем Славянского благотворительного общества. Состоял почетным членом Русского географического общества (с 1882 г.), Вольного экономического общества (с 1894 г.), Императорского православного палестинского общества (с 1889 г.), Николаевской академии Генерального штаба (с 1897 г.). Был удостоен всех высших русских орденов, до ордена Св. Апостола Андрея Первозванного включительно. Как вспоминал его племянник А. А. Игнатьев, «закончил он жизнь полунищим, разорившись на своих фантастических финансовых авантюрах. Владея сорока имениями, разбросанными по всему лицу земли русской, заложенными и перезаложенными, он в то же время, как рассказывал мне отец, был единственным членом Государственного совета, на жалованье которого наложили арест» (136а, с. 11). Скончался Николай Павлович на 77 году жизни 20 июня 1908 г. в своей усадьбе Круподерницы Бердичевского уезда Киевской губернии,

где и был похоронен. От брака (с 1862 г.) с княжной Екатериной Леонидовной Голициной (1842—1917), дочерью камергера кн. Л. М. Голицина (правнучкой генерал-фельдмаршала светл. кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского), кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины, имел восемь детей.

4. КАХАНОВСКАЯ КОМИССИЯ

Важным шагом, имевшим либеральную направленность, было создание Особой комиссии для составления проектов (реформы) местного управления. Напомним, что при Министерстве внутренних дел с 1859 г. существовала Комиссия о губернских и уездных учреждениях. 4 сентября 1881 г. Н. П. Игнатьев представил Александру III доклад о назревшей необходимости коренной реорганизации всей системы уездных и губернских учреждений. Председателем комиссии для подготовки этой реформы он предложил поставить одного из ближайших сотрудников Лорис-Меликова — М. С. Каханова, которого незадолго до этого он заменил на посту товарища министра. Доклад был одобрен императором. Назначенный Александром III председателем комиссии Каханов, по свидетельству государственного секретаря Е. А. Перетца был человеком «умным, знающим и полезным» (298, с. 58). Однако император считал Каханова сторонником Лорис-Меликова и отказался в 1881 г. назначить его министром государственных имуществ. В дальнейшем предубеждение монарха определило в какой-то мере все результаты деятельности кахановской комиссии. В состав Комиссии, образованной 20 октября 1881 г., помимо Каханова вначале вошли: сенаторы Д. В. Готовцев, М. Е. Ковалевский, Ф. М. Маркус, С. А. Мордвинов, А. А. Половцов, И. И. Шамшин; товарищи министров юстиции (Э. В. Фриш), путей сообщения (А. Я. Гюббенет), государственных имуществ (А. Н. Куломзин), народного просвещения (П. А. Марков), государственного контролера (Т. И. Филиппов), управляющего Государственным банком (П. Н. Николаев); тайные советники Н. А. Ваганов и Н. А. Деревицкий; приглашенный к участию в заседаниях проф. И. Е. Андреевский.

Кахановской комиссии, опираясь на материалы, собранные министерством и особыми сенаторскими ревизиями (проведенными в 1880-х гг. по указанию М. Т. Лорис-Меликова в 8 европейских губерниях России), предстояло разработать проект нового устройства местных административных учреждений, а также учреждений земского, городского и крестьянского управления. При этом предусматривалось сократить число местных

учреждений, а в оставшихся расширить их полномочия. Цели комиссии и способы их реализации подробно были рассмотрены во втором докладе Игнатьева императору 19 октября 1881 г. Реальная работа комиссии началась со второй половины ноября 1881 г. На заседаниях 20 ноября 1881 г., 22 и 26 января 1882 г. ею был выработан подробный план работы, утвержденный в апреле 1882 г. Комитетом министров и Александром III. Тогда же в апреле для составления первоначального проекта реформы местного управления из числа членов комиссии создали Совещание под председательством Каханова в составе Ковалевского, Мордвинова, Половцова (в январе 1883 г. его сменил Г. П. Галаган), Шамшина, Готовцева, Ваганова, Андреевского и сенатора Барыкова. В отдельных заседаниях Совещания участвовали сенаторы и члены Государственного совета Е. П. Старицкий, М. Н. Любощинский, Э. В. Фриш, сенаторы А. Д. Шумахер и П. П. Семенов, товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново, директора департаментов Министерства внутренних дел — общих дел (В. Д. Заика), хозяйства (А. Г. Вишняков), полиции (В. К. Плеве). Состоялось 60 заседаний Совещания.

Сменивший Игнатьева Толстой не только не содействовал кахановской комиссии, но с самого начала относился к ней с величайшим презрением, говорил, что «она не способна произвести ничего путного» (373, с. 240).

В то же время комиссия продолжала свою деятельность при нем. «Если бы, — оправдывался он, — я испросил высочайшее повеление закрыть комиссию, то мои противники стали бы утверждать, что не по своей вине она была лишена возможности облагодетельствовать Россию, — напротив мне хочется, чтобы она договорилась до чертиков и сама обнаружила свою несостоятельность» (там же). По всей видимости, в то время Толстой не знал, кем можно было заменить Каханова.

Между тем вышеозначенное Совещание к ноябрю 1883 г. подготовило проект реформы, который включал в себя 7 разделов: 1) сельское общество (24 ст.), 2) волостное управление (26 ст.), 3) городское управление (76 ст.), 4) полиция (62 ст.), 5) уездное управление (136 ст.), 6) губернское управление (101 ст.), 7) порядок надзора и рассмотрения пререканий (71 ст.). В первом разделе проекта предусматривалось создание всесословного сельского общества, в состав которого входили представители всех сословий, проживавших в нем. Наряду с сельским обществом сохранялась крестьянская поземельная община как юридический орган. Во втором разделе проекта волость как административная единица крестьянского управления упразднялась. Вместо нее создавалась

всесословная волость в виде административно-территориальной единицы, включавшей не только сельские общества, но и посады, местечки и заштатные города. Управлять волостью должен был волостель, избираемый уездным земским собранием на шесть лет.

В третьем разделе проекта говорилось, что органы городского общественного управления и их функции остались прежними, согласно Городовому положению 1870 г. В четвертом разделе проекта реорганизация полиции предполагала деление уездов на станы (во главе со становым приставом), станов — на сотни (во главе с сотским), сельских обществ — на десятки. Институт уездных урядников и уездные полицейские управления с сословными заседателями упразднялись. Главным начальником полиции должен был быть признан губернатор.

По пятому разделу проекта, в уезде упразднялись Общее присутствие полицейского управления, Присутствия по крестьянским и воинским делам, Распорядительный комитет и др. Создавалось Финансовое управление. Высшая власть в уезде должна была принадлежать не исправнику, как прежде, а Присутствию уездного управления в составе председателя, исправника и председателя земской управы. По шестому разделу проекта, губернское правление ликвидировалось, создавалось присутствие губернского управления, подчиненное Сенату. В его состав входили предводитель дворянства, вице-губернатор, прокурор окружного суда, председатель и один из членов губернской земской управы. Главным начальником губернии и председателем присутствия должен был быть губернатор.

Земство включалось в общую систему местных уездных и губернских учреждений, при этом функции его несколько расширялись, а система выборов существенно улучшалась. В целом организация органов уездного и губернского управлений приобретала большую стройность. Изменялся несколько общий характер местных учреждений, имевших ярко выраженную полицейскую направленность (129, с. 226).

Осенью 1884 г. проект, выработанный Совещанием, был передан на рассмотрение кахановской комиссии, состав которой был сильно изменен и увеличен до 34 членов. Из них 19 вошло по особому назначению и соглашению с надлежащими ведомствами, а 15 — по приглашению из числа местных деятелей. В состав комиссии были включены члены Государственного совета П. А. Шувалов, К. И. Пален, сенаторы Н. Г. Принтц и П. В. Оржевский, товарищи министров народного просвещения М. С. Волконский и государственных имуществ В. И. Вешняков, чиновники Министерства финансов (В. А. Ольхин) и Министерства внутренних

дел (П. А. Анин), а также представители с мест — губернаторы: воронежский (А. В. Богданович), подольский (С. Н. Гудим-Левкович), пермский (А. К. Анастасьев); губернские предводители дворянства: тамбовский (Г. В. Кондоиди), псковский (А. Е. Зарин), пензенский (А. Д. Оболенский); уездные предводители дворянства: С. С. Бехтеев, Л. Н. Гагарин, И. А. Горчаков, Е. Н. Дубенский, П. А. Карпов, М. А. Константинович, Д. Л. Наумов, А. Д. Пазухин, Н. А. Чаплин.

В результате в кахановской комиссии сложились две группы. Одна либеральной бюрократии, представлявшей центральные учреждения и в основном поддерживавшей курс реформ. И вторая — местной администрации и дворянства, выступавших за восстановление сословного дворянского самоуправления (лидером последних считался Пазухин). Кахановская комиссия рассматривала проект реформы в ходе 41 заседания, вплоть до 11 апреля 1885 г. В процессе этой работы проект претерпел серьезные изменения. В частности, были исключены положения о всесословной волости и всесословном сельском обществе, о расширении прав земств, усилена роль поместного дворянства в местном самоуправлении. Но система уездных и губернских учреждений в целом была сохранена. 22 февраля 1885 г. граф Толстой представил Александру III доклад о работе кахановской комиссии, уделив особое внимание ее либеральной направленности. Последовала следующая резолюция императора: «Мне все кажется, что кахановская комиссия работает безрезультатно. Все эти вопросы должны исходить от Мин(истерства) внутренних дел и слишком важны, чтобы предоставлять рассуждать об них такой громадной комиссии. Не пора ли подумать, каким образом прекратить ее деятельность» (37, оп. 1, д. 65, л. 198). Кахановской комиссии был предоставлен двухмесячный срок для завершения работы. 11 апреля 1885 г. она была закрыта, просуществовав немногим более трех лет. Конец ее работы знаменовал собой полный возврат на старый путь безграничного господства бюрократии. Практического значения деятельность Комиссии не имела, однако в ходе ее работы появились первые проекты пересмотра реформ предыдущего царствования.

Забегая вперед скажем, что подготовка реформ была поручена Хозяйственному департаменту Министерства внутренних дел. Отказавшись от идеи общего преобразования всего местного управления, новая группа законодателей выработала локальные законопроекты, послужившие основой для Положения о земских начальниках (1889), Земского (1890) и Городового (1892) положений.

Глава девятая

ПРОБЛЕМЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ

Вступив на престол в 36-летнем возрасте, Александр III имел четкое представление о своих многочисленных родственниках, великих князьях. С некоторыми из них он готов был сотрудничать, другие его раздражали. Честный по своей натуре монарх не скрывал своих симпатий и антипатий.

У молодого императора было трое дядей, братьев его отца Александра II, — великие князья Константин Николаевич, Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Наиболее одиозными оказались проблемы в семьях первых двух.

1. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ (1827—1892)

Константин Николаевич был вторым сыном Николая I, получил блестящее образование. По воле отца с детства предназначался к военно-морской службе. С 1851 г. — генерал-адмирал. Первое морское плавание совершил в 1835 г. на военном судне «Геркулес». В 1847—1848 гг. командовал фрегатом «Паллада». В 1849 г. участник Венгерского похода. С 1853 г. управлял флотом и Морским министерством.

Руководил возрождением флота после Крымской войны, провел крупные морские реформы. При нем прежний парусный флот был заменен паровым. Большое внимание уделял развитию морской науки и образования. С 1860 г. одновременно был председателем Главного комитета по крестьянскому делу, с 1861 г. — председателем Главного комитета об устройстве сельского состояния, одним из руководителей подготовки и проведения эмансипации крестьян, решительным сторонником буржуазных преобразований. Не случайно в обществе прославили Константина красным революционером. В 1862—1863 гг. он был наместником и главнокомандующим войсками в Царстве Польском. С 1865 по 1881 г. являлся председателем Государственного совета.

В августе 1848 г. состоялось бракосочетание Константина Николаевича и Александры-Фредерики-Генриэтты-Паулины-Марианны-Елизаветы, принцессы Саксен-Альтенбургской, герцогини Саксонской, в православии принявшей имя и титул великой княгини Александры Иосифовны (1830—1911), которую в императорском доме ласково звали Санни.

Местом пребывания двора Константина Николаевича стал Большой дворец в Стрельне — имение на южном берегу Финского залива, которое подарил ему Николай I еще 25 сентября 1831 г. (дворец получил название Константиновский). Став полноправным хозяином Стрельны, великий князь утвердил ее официальный герб и сам определил для него девиз: «Прямо и верно». Наряду со Стрельной Константин Николаевич получил Мраморный дворец в Петербурге, Павловск, а также Ореанду в Крыму.

Великий князь был одним из образованнейших людей своего времени, владел европейскими языками, много читал, играл на нескольких музыкальных инструментах (часами музицировал на виолончели, фортепиано или на органе), имел свои убеждения и взгляды. В Стрельнинском дворце устраивались спектакли и концерты, в которых деятельно участвовала вся великокняжеская семья. Нередко на вечера приглашались известные композиторы. Например, на одном из представлений, костюмированном балеконцерте, присутствовали А. Г. Рубинштейн, М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков. Иногда подобные частные театральные постановки носили благотворительный характер. В Стрельне также побывал знаменитый австрийский композитор, король вальса Иоганн Штраус. Красота усадьбы так поразила его, что он написал кадриль «Терраса Стрельны», а Александре Иосифовне посвятил вальс «Александра». Но больше всего он бывал в Павловске, где в продолжение пятнадцати сезонов (1859—1874) выступал со своим и военным оркестрами.

Великий князь Константин Николаевич с декабря 1844 г. был почетным членом Петербургской АН. Председатель Адмиралтейств-совета (с 27.1.1860 г.), Александровского комитета о раненых (с 18.8.1864 г.), Императорского русского географического (с 6.8.1845 г.), Императорского русского археологического (с 27.11.1852 г.), Императорского русского музыкального (с 26.1.1873 г.) обществ. Состоял почетным членом Императорской медико-хирургической и Михайловской артиллерийской академий, а также Петербургского, Казанского, Дерптского, Киевского Св. Владимира университетов, Императорского московского общества сельского хозяйства, Императорского русского исторического общества, Православного палестинского общества, других отечественных и иностранных обществ и шефом нескольких частей и подразделений.

От брака с Александрой Иосифовной имел 6 детей: вел. кн. Николая Константиновича (1850—1918); вел. княжну Ольгу Константиновну (1851—1923), замужем (с 1867 г.) за королем Греции Георгом I; вел. княжну Веру Константиновну (1854—1913),

замужем (с 1874 г.) за принцем Вильгельмом-Евгением Вюртембергским; вел. кн. Константина Константиновича (1858—1915); вел. кн. Дмитрия Константиновича (1860—1919); вел. кн. Вячеслава Константиновича (1862—1879).

Известно немало лестных отзывов о личности вел. кн. Константина Николаевича. С годами эти отзывы приобретают все более критический характер, даже близкие ему люди отмечали его резкость. Государственный секретарь А. А. Половцов писал: «Он отличается несомненным умом, но его грубое с людьми обращение, постоянная желчность, неровность характера, а за последние годы открыто распутная жизнь отталкивали от него порядочных людей и лишали его деятельность тех плодов, кои она принесла бы несомненно, если бы в этом человеке было более доброго, простого, человеческого чувства» (221, т. II, с. 408).

В жизни встречается немного обеспеченных семей, где бы все было ладно и гармонично. Обычно, как трактует русская пословица, в каждом дому по кому, а то и два. Секретом Полишинеля было то, что вел. кн. Константин Николаевич длительное время, примерно с 1871 г., состоял во внебрачной связи с Анной Васильевной Кузнецовой (1844—1922), бывшей в 1862—1876 гг. артисткой петербургского балета, дочерью актера и танцовщицы. Гр. С. Ю. Витте писал, что вел кн. «ездил со своей танцовщицей Кузнецовой и по России, и за границей совершенно открыто, к чему, конечно, император Александр III относился вполне отрицательно, достаточно хоть немного знать императора Александра III чтобы понять, что он этого терпеть не мог» (84, т. 1, с. 414). По признанию А. А. Половцова, Константин Николаевич «гулял в Крыму и, встречая знакомых, старался знакомить их со своей танцовщицей Кузнецовой и при встрече говаривал: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь собственная» (221, т. II, с. 223). Для Кузнецовой великий князь приобрел на Английском проспекте особняк, дом № 18, и стал его завсегдатаем. Как ни странно, именно этот дом в 1891 г. выкупил цесаревич Николай Александрович и подарил своей возлюбленной, балерине М. Ф. Кшесинской. От Константина Николаевича А. Кузнецова родила пятерых детей, получивших фамилию Князевых: Сергея (? — ок. 1873), Марину (1875—1941), Исмаила (1876—1883), Анну (1878—1920), Льва (1883—1885). Марина Константиновна в 1894 г. вышла замуж за военного инженера генерал-майора Ершова Александра Павловича (1861—1922) и явилась основательницей большого рода. Некоторые из его членов остались жить в России после революции. Анна Константиновна вышла замуж в 1898 г. за полковника лейб-гвардии саперного батальона Лямина Николая Николаевича

(357, с. 346). Два их сына эмигрировали во время революции в Бельгию.

Трения между наследником престола Александром Александровичем, будущим Александром III, и вел. князем Константином Николаевичем назревали постепенно. Помимо того что они были антиподами во взглядах на гражданское обновление России, между ними существовали разногласия в области управления Морским министерством и создания Добровольного флота. Цесаревич не раз критически высказывался о деятельности великого князя как генерал-адмирала. В свою очередь Константин Николаевич допускал язвительные колкости по поводу некомпетентности наследника.

По мнению цесаревича, именно Константин был главным приверженцем либеральных реформ, приведших страну к террористической вакханалии. Это подтверждает в своем дневнике и государственный секретарь А. А. Половцев: «Говоря о смерти отца, великий князь Владимир рассказывает, что одним из первых явился к смертному одру и был здесь свидетелем жестокой сцены: стоявший на коленях Константин громко рыдал, а нынешний государь в припадке нервного раздражения кричал: «Выгоните отсюда этого человека (указывая на Константина), он сделал несчастие моего отца, омрачил его царствование и т. д. Владимир схватил за руки своего старшего брата и тщетно старался его успокоить» (221, т. 2, с. 148).

Александр III, примерный семьянин и любящий муж, искренне считал, что многочисленная императорская семья, состоящая из высокопоставленных людей, должна служить примером для миллионов подданных. Он, нежно любивший свою мать, императрицу Марию Александровну, тяжело переживал связь отца с княжной Е. М. Долгорукой. Но терпимость в отношении отца вовсе не означала, что и другим родственникам позволено нарушать нравственные устои, афишировать свои альковные связи и, более того, обзаводиться побочными семьями.

Чувствуя негативное отношение молодого императора к себе, Константин Николаевич уже через три дня после гибели Александра II признался близкому к нему, государственному секретарю Е. А. Перетцу: «Что будет теперь, не знаю. Буду ждать. Кажется, мои акции плохи» (208, с. 28). Однако Александр III не скрывал своего неприятия к Константину Николаевичу. Спустя две недели, Перетц записывает в дневник: «...государь отозвался о великом князе Константине Николаевиче чрезвычайно неблагосклонно: «Я не могу его видеть; пусть уедет он куда хочет...» (там же, с. 51).

12 мая 1881 г. великий князь уехал из Петербурга в Ореанду с балериной А. В. Кузнецовой и детьми, рожденными от этой связи. После долгих колебаний, Константин Николаевич прислал царю так называемое добровольное прошение об увольнении.

13 июля Александр III подписал высочайший указ Государственному совету: «Снисходя к просьбе Его Императорского Высочества государя великого князя Константина Николаевича всемилостивейше увольняем Его Высочество от должностей Председателя Государственного совета, Председательствующего в Главном комитете об устройстве сельского состояния и Председателя Особого присутствия о воинской повинности с оставлением в званиях генерал-адмирала, а также в прочих должностях и званиях» (28, оп. 1, д. 10, л. 9).

Как всегда, беда одна не приходит. В ночь с 7 на 8 августа из-за нелепой случайности сгорел любимый дворец великого князя в Ореанде — пожар начался на чердаке, а затем, несмотря на отчаянные усилия брандмейстеров, охватил все здание. Константин Николаевич поселился в маленьком домике, получившем название Адмиральский, известного ранее как Императорский домик, поскольку здесь император Александр I в 1825 г. почувствовал первые приступы болезни, которая вскоре свела его в могилу.

22 августа 1881 г. в 50-летний юбилей великого князя Константина Николаевича в звании генерал-адмирала Александр III пожаловал ему двойной портрет императоров Николая I и Александра II «при очень милостивом рескрипте», на котором собственноручно сделал приписку: «Искренне вас любящий». Портрет и рескрипт были доставлены в Ореанду довольно многочисленной депутацией от флота, Морского министерства и Гвардейского экипажа, в числе которых были адмиралы П. В. Козакевич, Д. З. Головачев и тайный советник М. А. Пещуров. В день юбилея великий князь получил около 200 телеграмм, в числе их была одна за подписью «Саша и Маня» (государь и императрица). Осенью того же года Константин Николаевич с Кузнецовой и детьми уехал во Францию — Ниццу и Париж, а в Ореанду вернулся весной 1882 г. 1 октября 1884 г. он заложил там первый камень в основание церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая была готова и освящена ровно через год. Впоследствии церковь в Ореанде была упомянута А. П. Чеховым в его рассказе «Дама с собачкой». Размеренно шли годы. Великий князь надеялся на свое возвращение в Петербург на другое поприще — ученое, на должность президента Академии наук и главного начальника разных обсерваторий и тому подобных учреждений, тем более что большая часть ученых уважала его и имела к нему доверие (208, с. 92). В 1889 г. Константин Николае-

вич тяжело заболел. Вследствие паралича отнялась левая сторона, пропала речь. Последние три года он жил в Павловске.

«Только когда перед своей смертью, — свидетельствовал Витте, — великий князь приехал в Петербург и поселился в Павловске в настоящей своей семье, император Александр III приехал к великому князю, отнесся к нему чрезвычайно благосклонно и почтительно, как к своему дяде. Тогда только, за несколько дней до смерти, великий князь понял всю доброту и честность государя и, мне известно, когда к нему подошел император, Константин Николаевич, уже не будучи в состоянии говорить, взял его руку и поцеловал в знак своего преклонения перед главой царской семьи» (84, т. I, с. 414). Сын Константина Николаевича Константин Константинович (известный поэт К. Р.) дает более точное описание поведения своего отца во время этой встречи в своем дневнике 10 октября 1889 г. Он пишет: «Папа плакал, закрывал лицо рукою, притягивал к себе государя и целовал его. Потом он захотел встать, Полиголик (прозвище П. Е. Кеппена) и я помогли ему и он проводил государя до дверей». Умер великий князь 13 января 1892 г. в Павловске. Александра Иосифовна обижалась, что Александр III посетил только одну панихиду. Погребен великий князь был 15 января в Петропавловском соборе. Перезахоронен в усыпальницу 23—26 сентября 1911 г.

Драма старшего сына

Великий князь Константин Николаевич, судя по воспоминаниям современников, без ума любил своего старшего сына Николая и не щадил ни средств, ни времени на его воспитание. Писатель Д. В. Григорович, состоявший некоторое время воспитателем Николы (как его звали в семье), вспоминал его с симпатией. Следуя традициям императорской династии, Николай Константинович стал военным. Близкая ко двору великой княгини Александры Иосифовны графиня К. Клейнмихель замечает в своих записках, что «он хорошо и старательно учился в Академии Генштаба, был очень красивым юношей с прекрасными манерами, хорошим музыкантом и обладал прекрасным голосом» (371, 2002, № 10, с. 131). Первым из великих князей Николай окончил Николаевскую академию Генштаба, получил серебряную медаль и был зачислен в Конногвардейский полк. Его брат Константин Константинович в 1871 г. в дневнике отметил, что вся семья любуется Николаем и гордится тем, что он — командир эскадрона. Почувствовав самостоятельность Николай Константинович стал вести фривольную жизнь, имел беспорядочные половые связи, к двадцати годам «заработал сифилис». Вскоре он увлекся симпатичной и обольстительной кокоткой — американкой Генриеттой Блекфорд (будущей писательницей Фанни Лир), намного старше его. Летом 1872 г. влюбленные побывали в Вене, Мюнхене, Риме, Неаполе и Турине. Николай всюду одаривал ее по-царски дорогими подарками. Стремясь разорвать связь с безродной американкой, великий князь Константин Николаевич добился того, что в феврале 1873 г. уже в звании полковника его сын был направлен в далекий Туркестан и принял участие в Хивинском походе. Однако разлука еще более сблизила возлюбленных. Николай переводит на счет своей подруги огромные суммы... Беда разразилась в апреле 1874 г. Чтобы сократить изложение, сошлемся на дневниковую запись военного министра Д. А. Милютина. «Сегодня утром (18 апреля 1874 г. — *Е. Т.*), — помечает он, — государь растрогал меня своим глубоким огорчением; он не мог говорить без слез о позоре, брошенном на всю семью гнусным поведением Николая Константиновича. Государь рассказал мне все, как было; подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел наконец до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Все краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже свалил вину на других (капитана Е. П. Варпаховского, бывшего при нем за адъютанта. — *Е. Т.*), на состоящих при нем лиц. Государь довольно долго говорил об этом тяжелом для него семейном горе, несколько раз возвращался к нему в продолжение моего доклада, высказывал свое намерение исключить Николая Константиновича из службы, посадить в крепость, даже спрашивал мнения моего — не следует ли предать его суду. Я советовал не торопиться с решением и преждевременно не оглашать дела. Была речь о том, чтоб освидетельствовать умственные способности преступника: поступки его так чрезвычайны, так чудовищны, что почти невероятны при нормальном состоянии рассудка. Может быть, единственным средством к ограждению чести целой семьи царской было бы признание преступника помешанным (клептомания)» (187, т. I, с. 152—153).

Врачи, освидетельствовавшие Николая, доложили Александру II, что странности проявляются уже в том, что «он не только не опечален всем случившимся, но шутит и кажется совершенно равнодушным». Ему объявили, что он лишен чинов и орденов и будет в заточении без срока, что также было принято равнодушно. Государь на семейном совете принял решение признать Николая

Константиновича психически больным. Г. Блекфорд была арестована, но вскоре освобождена с условием безвозвратного выезда из России. Ей были запрещены любые контакты с Николаем. После переговоров у нее выкупили финансовые обязательства юноши на 100 тыс. рублей и его духовную, хранившуюся в американском посольстве, за половину стоимости.

11 декабря 1874 г. царь подписал указ, извещающий о болезни Николая Константиновича, и назначил над ним опеку «в лице его августейших родителей». Для вел. кн. Николая Константиновича началась новая жизнь в условиях постоянного контроля со стороны явных и тайных надзирателей. Как показало время, контроль этот был не столь строгим, поскольку уже в Ореанде, куда первоначально перевели Николая, он вскоре сошелся с новой женщиной — Александрой Александровной Демидовой (урожденной Абаза), бывшей женой камер-юнкера, имевшей от первого брака пятерых детей. Стремясь избавить великого князя от новой навязчивой любви, в 1875—1877 гг. его переводят с одного места на другое (село Смоленское Владимирской губернии, Умань Киевской губернии, вновь в Ореанду, Тавров Подольской губернии и Оренбург). После Таврова, он наконец расстался с Демидовой, которая прижила от него еще двоих детей и получила по указанию Александра II около 5 тыс. рублей в год из капиталов своего возлюбленного. Спустя два года Демидова вышла замуж за графа П. Ф. Сумарокова — Эльстена. Прибыв в Оренбург 26 мая 1877 г., Николай Константинович продолжил свои научные исследования Средней Азии. В том же году в Оренбурге он опубликовал работу «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим», написанную в основном еще в Таврове. Им овладевает идея постройки железной дороги в Туркестан. В течение 1877 г. великий князь дважды побывал в экспедициях в песках Каракумов (с 19 июня по 29 июля и с 14 сентября по 11 октября). Свои наблюдения он обобщил в двух книгах — «О выборе кратчайшего направления среднеазиатской железной дороги» и «Пески Кара-Кум по отношению к среднеазиатской железной дороге», получившие лестную оценку Русского географического общества. Однако высший свет вскоре был снова шокирован известием о том, что Константин Николаевич 15 февраля 1878 г. тайно обвенчался с дочерью оренбургского полицмейстера Надеждой Александровной Дрейер (1861—1929). В результате вскоре последовал специальный указ Священного синода о расторжении брака. Великого князя переводят на жительство в Самару, а оттуда в конце ноября 1880 г. — под Петербург в имение Пустынька, в часе езды от Николаевского вокзала. После 1 марта 1881 г. положение опального князя резко

ухудшилось. Николай Константинович обратился к Александру III с просьбой разрешить ему приехать в Петербург и «помолиться праху обожаемого монарха». На что молодой император, испытывая неприязнь к своему кузену, резко ответил: «Сколько живу, ты не увидишь Петербурга». После того как ему было запрещено приезжать в столицу на погребение Александра II, Николай Константинович заявил, что если его считают сумасшедшим, то он не будет присягать Александру III, так как «сумасшедших к присяге не приводят» (371, 2002, № 10, с. 135).

Вскоре местом пребывания князю был определен Ташкент. Инструкция туркестанскому генерал-губернатору, составленная П. А. Черевиным и утвержденная Александром III, предписывала «обращение с Его Высочеством... как с частным лицом, а не членом императорского дома». Инструкция в то же время разрешала Н. А. Дрейер жить с великим князем, вследствие чего их брак был восстановлен.

Переехав в Ташкент летом 1881 г., Николай Константинович прожил там более 35 лет, до своей смерти в 1918 г. По императорскому указу наследственные права от старшего сына (Николая Константиновича) перешли к Константину Константиновичу. Канцелярия уделов вместо ежегодно положенных 200 тыс. посылала Николаю 12 тыс. рублей. Тем не менее великий князь пускал эти деньги в прибыльный оборот и к началу XX в. стал миллионером (после смерти Александра III положение его улучшилось, он получил право распоряжаться своим имуществом).

Князь много занимался ирригационными работами, вкладывая в них значительные средства. Для орошения Голодной степи в первой половине 1890-х гг. на свои суммы Николай Константинович соорудил канал из Амударьи к Узбою. До 1900 г. им построены два рабочих поселка — Старый и Новый Искандеры, прорыты каналы «Искандер» и «Ханым», а также магистральный канал имени императора Николая I в 60 верст длиной, орошавший около 8 тыс. хлопковых делянок. Из 40 млн рублей, затраченных на строительство, великий князь вложил 2 млн личных денег. Кроме выше названных, Николай Константинович построил в Голодной степи еще 7 поселков — Николаевский, Конногвардейский, Романовский, Надеждинский, Верхне-Волынский, Нижне-Волынский и Обетованный. В них он поселил стекавшихся к нему туркестанских отставных солдат, оренбургских казаков, хлыстов и беглых сибирских каторжников. В Ташкенте он построил хлебопекарню, шелкоразмоточную и ткацкую фабрики, которые оснастил современными заграничными машинами и электричеством. С благотворительными целями строил дешевые квартиры для отслуживших

свой срок солдат, дом инвалидов для воинов-туркестанцев, Дом офицеров-туркестанцев, а также коммерческие гостиничные номера «Старая Франция», ставшие пристанищем для женщин легкого поведения.

Соорудил мост через Сырдарью, создал также первые кинотеатры «Зимняя Хива» и «Летняя Хива», открыл зоопарк, бильярдный зал. Князь подарил Туркестанской публичной библиотеке в 1896 г. 5 тыс. собранных им книг, а по духовному завещанию городу была передана его ценная коллекция картин.

Как будто жизнь складывалась для князя неплохо. Он пользовался большим уважением у горожан. «В крае, — писал С. Ю. Витте, — его принимали человеком умным, толковым и сравнительно простым». От Надежды Александровны он имел двух сыновей — Артемия (1878—1919) и Александра (1887—1957). Император Николай II в 1899 г. дал им потомственное дворянство, присвоив фамилию Искандер. Тем не менее великий князь продолжал чудачества. У семиреченского казака Елисея Часовитина в 1895 г. он «купил за сто рублей» его шестнадцатилетнюю дочь Дарью и сделал ее неофициальной женой, называя ее супругой, царицей Голодной степи. Князь построил для нее дом в пригороде Ташкента и почти каждый вечер уезжал туда. Часовитина подарила ему троих детей: дочь Дарью и двоих сыновей — Святослава и Николая.

В 1900 г. Константин Николаевич вновь обратил на себя внимание царствующего дома, когда туда дошли слухи о том, что опальный князь пытался тайно обвенчаться с 15-летней гимназисткой Валерией Хмельницкой. Расследование показало, что 28 февраля 1900 г., несмотря на надзор, обряд венчания все же состоялся. В августе того же года его очередная жена была отправлена в Тифлис. Святейший синод весной 1901 г. не признал совершенного венчания. За князем был установлен строгий контроль в соответствии с требованиями инструкции 1881 г., его пытались переселить в Прибалтику. Какое-то время он живет в Крыму, затем в Ставрополе и добивается возвращения в Ташкент в 1906 г. Он радостно встретил Февральскую революцию, послав восторженную телеграмму на имя А. Ф. Керенского. Его телеграмма была «воспроизведена во всех газетах» (157а, с. 36). Осенью 1917 г. в журнале «Аргус» был напечатан портрет забытого князя и опубликованы мемуары Фанни Лир.

Скончался Николай Константинович от воспаления легких на руках внебрачной дочери Дарьи Часовитиной 14 января 1918 г., в то время, когда власть в Ташкенте перешла к большевикам. Похоронен опальный князь был в сквере возле военного Георгиевского

собора в специальном склепе при огромном стечении народа. Как пишет Михаил Греческий (автор книги «В семье не без урода»), старый священник Феофил, который причащал князя, сказал, что умер он вовремя.

— Откуда вы знаете, батюшка? — удивилась Даша.

— Внучка сестры моей служит у их начальника, Бравина. Она все слышала. Они собирались его расстрелять.

— За что, батюшка?

— За то, что он был нам всем благодетелем.

2. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (СТАРШИЙ) (1831—1891)

Николай Николаевич был третьим сыном Николая I. Родился в Царском Селе. Получил неплохое образование. Вместе со своим братом-погодком Михаилом готовился к военному поприщу. Военную службу начал с 1851 г. в Конногвардейском полку. С 1852 г. командовал бригадой. «Боевое крещение» прошел в Крымской войне, участвовал в Инкерманском сражении, за что был отмечен орденом. Много трудился по реорганизации вооруженных сил России, особенно в области инженерного дела и кавалерийской службы. Генерал-инспектор по инженерной части (назначен в 1852 г.) фактически с 1856 по 1891 г. В марте 1855 г. после воцарения на престоле его старшего брата Александра II назначен членом Государственного совета. С 1856 г. командир дивизии гвардейской кавалерии, с 1859 г. командовал отдельным гвардейским корпусом. С августа 1864 г. командующий (с августа 1867 по 1880 г. — главнокомандующий) войсками гвардии и Петербургского военного округа. С 1864 по 1891 г. одновременно — инспектор кавалерии. Был настойчив, доброжелателен, пользовался в войсках уважением. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — главнокомандующий Дунайской армией. До настоящего времени действия его в период этого военного столкновения оцениваются историками противоречиво. По окончании войны, несмотря на целый ряд просчетов и неудач, произведен в фельдмаршалы 16 апреля 1878 г. также, как и его брат великий князь Михаил Николаевич. 2 мая того же года по предложению этих братьев звания генерал-фельдмаршала был удостоен и Александр II. Таким образом, произошло уникальное событие в истории, когда на протяжении трех недель фельдмаршалами стали три родных брата.

В связи с болезнью Николай Николаевич 17 апреля 1880 г. был уволен от должности главнокомандующего войсками гвардии

и Петербургского военного округа. Со вступлением на престол Александра III великий князь Николай Николаевич участвовал в работе различных комиссий (в 1881 г. член Особой комиссии для обсуждения вопросов об улучшении устройства военного управления; в 1888 г. — председатель Особой комиссии по составлению проекта положения о полевом управлении войск; руководил также работой комиссии по переустройству кавалерии и преобразованию саперных войск). Кроме того, Николай Николаевич инспектировал войска, неоднократно назначался главным посредником на крупных учениях (1886, 1888, 1890). Регулярно посещал Офицерскую кавалерийскую школу, которую называл «дорогим своим детищем».

Великий князь был почетным президентом Николаевской инженерной академии (с 30.8.1860), почетным членом Императорской академии наук, Николаевской академии Генерального штаба, Императорского русского географического общества, Михайловской артиллерийской академии, Медико-хирургической академии, Петербургског университета, Пармской академии наук, почетным попечителем Московского зоологического сада, шефом ряда частей и подразделений.

Заключил брак в январе 1856 г. с принцессой Ольденбургской Александрой-Фредерикой-Вильгельминой, получившей имя великой княгини Александры Петровны (1838—1900). Супруга его была «не лишена ума», «очень некрасива, не представительна», «имела некоторые странности, страдала тяжелой формой истерии и была, как все Ольденбургские, очень энергична» (390, вып. 5, М., 1994, с. 289).

От этого брака Николай Николаевич имел двух сыновей: великого князя Николая Николаевича (младшего) (1856—1929), женатого на Анастасии Николаевне, княжне Черногорской (1867—1935), вдове герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского, и великого князя Петра Николаевича (1864—1931), женатого на Милице Николаевне, княжне Черногорской (1866—1951).

Двор великого князя размещался в царственной усадьбе Знаменка на южном берегу Финского залива рядом с Петергофом, и в Николаевском дворце, сооруженном в Петербурге по проекту А. И. Штакеншнейдера с 1853 по 1861 г.

Все бы хорошо, но, как говорят, «под каждой крышей свои мыши». Николай Николаевич быстро охладел к своей супруге и с 1865 г. состоял в многолетней связи с артисткой балета Екатериной Гавриловной Числовой (1845—1889). Брак с первой супругой Александрой Петровной распался. Со временем Николай Николаевич открыто обвинил ее в сожительстве со священником Николаевского дворца протоиереем В. И. Лебедевым, который

исповедуясь у конногвардейского священника, покаялся в том, что состоял в связи с вел. княгиней. Сам Победоносцев называл Лебедева великим негодяем (221, т. 1, с. 220). Николай Николаевич выгнал жену из Николаевского дворца, отобрав у нее все драгоценности и личные туалеты. Александра Петровна уехала к своим родственникам за границу, затем уже после смерти Александра II обратилась к новому императору с письмом, в котором вымалила помощь и разрешение поселиться в Киеве. Великая княгиня Александра Петровна основала в Киеве в районе бывшего Дионисьевского (ныне Бехтеревского) переулка Свято-Покровский (женский) монастырь и стала его первой игуменьей. 11 января 1889 г. совершилось освящение места будущего монастыря. Были заложены домовая церковь и покои княгини. Здесь по молитве перед образом — списком с Почаевской иконы Божией Матери Александра Петровна получила исцеление и приняла тайный постриг с именем Анастасии. В монастыре была создана целая система благотворительных учреждений. Медицинские заведения обители отвечали последнему слову тогдашней науки и техники. В обители работали лучшие киевские врачи. В 1892 г., как отмечает Н. А. Вельяминов, Александра Петровна, «ради здоровья, путешествовала в сопровождении своего врача и каких-то монахинь или послушниц за границей, по берегам Средиземного моря, заезжала и в окрестности Ниццы и своим костюмом и оригинальностями обращала там на себя всеобщее внимание. Все это дошло до государя. Он остался очень недоволен поведением великой княгини за границей и по ее возвращении запретил ей выезжать из Киева. После доклада Вельяминова в августе 1894 г. Александр III разрешил ей снова выезжать за границу, но уже в обычной, не монашеской одежде» (390, вып. 5, с. 290).

В 1923 г. обитель была упразднена, а осенью 1941 г. возродилась. На территории монастыря — несколько архитектурных сооружений: главные ворота, собор Св. Николая Мирликийского (1896—1906), архитектор В. Н. Николаев, кельи, корпус монастырской больницы. Престольный храм, сооруженный великой княгиней, имеет приделы св. арх. Михаила и прп. Агапита Печерского. В саду, восточнее храма, находится могила самой инокини.

Новая неофициальная супруга Николая Николаевича — Числова — по отзывам современников, была довольно крупной блондинкой с черными глазами, великолепной фигурой и с несносным характером. Со временем она приобрела над великим князем огромную власть, заставляя его выполнять свои прихоти, причем устраивала громкие скандалы, о которых говорил весь Петербург. «Этой осенью, — записала в свой дневник 31 октября

1888 г. генеральша А. В. Богданович, фиксирующая основные события, — он (Николай Николаевич. — *Е. Т.*) уже тогда выехал из Знаменки, распростился со всеми и переехал на ночь в Петербург — вдруг, в ту же ночь прислугу Знаменки будят и говорят, что вел. князь вновь приехал с Числовой. Она направилась в его комнаты и в присутствии его камердинера Зернушкина стала кричать, что она найдет все, что ей нужно, что она должна удостовериться, есть ли у него любовные интриги. Зернушкин потом говорил... что жаль было смотреть на вел. князя, — он был сильно расстроен, все просил его собирать вещи, чтобы другие не видели этого беспорядка. Теперь он запретил себе подавать письма, всю его корреспонденцию несут к ней, она за ним устроила целый строгий надзор. Вел. князь встает рано, Числова — в 3 часа, и она не позволяет идти спать ранее двух часов и долее, а если он уснет в кресле, она так сердится, что заставляет его ложиться еще часом позже. Вот деспот! Как он все это терпит!» (73, с. 84.) От такой «пламенной любви» вел. князь избавился лишь в конце 1889 г., когда 3 декабря Числова скончалась в тяжелейших муках от рака пищевода. Князь тяжело переживал ее смерть.

Числова и ее четверо детей от князя — Ольга, Владимир, Екатерина и Николай Николаевичи — еще в 1883 г. получили дворянское достоинство и фамилию Николаевых.

Однако этим проблемы в семье Николая Николаевича (старшего) не кончились. В один из дней 1887 г. к нему обратился сын Николай Николаевич (младший) просить разрешение на его брак с женщиной, с которой живет уже десять лет и стремится иметь свой домашний очаг. Отец, зная воззрения царя, сказал ему обратиться к нему. Николай Николаевич поехал к вел. кн. Владимиру Александровичу и передал ему слова отца. Узрев из них согласие отца, Владимир Александрович сказал царю, который в первую минуту изъявил будто бы согласие. Николай Николаевич (младший), счастливый, поспешил известить отца, который громовым голосом крикнул, что этому не бывать, но Николай Николаевич убежал от него, уехал в Царское Село, сделал обед, пригласил всех знакомых своих к С. И. Бурениной, и во время обеда они обменялись кольцами. В это же время отец поспешил к царю, который, узнав истину, ужасно возмутился, что его ввели в обман, и отменил согласие, им данное. Женщина эта, достигшая сорокалетнего возраста, была дочерью какого-то гостинодворского лавочника. Она состояла до сих пор замужем за каким-то царскосельским купцом, от которого имела двух взрослых дочерей.

Говорят, в связи с этим Александр III лаконично заметил: «Я в родстве со всеми дворами Европы, однако с Гостиным двором в родстве быть еще не приходилось...»

В 1889 г. великий князь Николай Николаевич (старший) занемог. У него обнаружилась злокачественная опухоль десны (костоед), болезнь прогрессировала, перекинулась на мозг. Безнадежного Николая Николаевича в 1890 г. Александр III отправил в Крым. Больной вскоре перестал узнавать кого-либо, имел припадки бешенства, отказывался от приема пищи. Князь кончил жизнь 13 апреля 1891 г. в Алупке и был погребен в Петропавловском соборе 26 апреля того же года.

По словам Половцова, Николай Николаевич «был человек не злого нрава, но весьма ограниченного ума и вульгарных вкусов, включая сюда и вкус к не имевшим ничего возвышенного людям обоего пола. Благодаря связи с танцовщицею Числовою он погрузился в среду, можно сказать, простолюдинов, что отозвалось и на его обращении со всеми и на выборе лиц, его окружающих» (221, т. 2, с. 366).

В то же время, по характеристике генерала от инфантерии Н. А. Епанчина, «это был выдающийся военный начальник, серьезно относившийся к своим обязанностям, служивший добрым примером войскам; он умел, как редко кто, обращаться с людьми от старшего генерала до младшего. Можно двумя словами очертить его отношение к войскам: серьезная, деловая требовательность и отеческая ласка. Это было понятное всем точное исполнение одного из главных начал и, без сомнения, важнейшего: «сохранять во вверенной команде порядок и отечески пещись о подчиненных...». Величественная осанка, чисто уставная, большой рост, звонкий голос, воинственный вид... но, главное, — умение привлечь сердца, умение кстати сказать нужное слово, ласково пошутить, подбодрить — все это производило чарующее впечатление... добрый, благожелательный, сердечный, в высшей степени обходительный, за всю жизнь никого не обидел, никому не сделал зла, это был джентльмен, рыцарь, по-русски «витязь» (122, с. 144). 12 июня 1914 г. в Петербурге на Манежной площади в торжественной обстановке в присутствии императора Николая II, делегации из Балканских стран и ветеранов минувшей войны состоялось открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу-старшему, сооруженному по проекту итальянского скульптора Пьетро Канонико. Современники высоко отзывались о художественных достоинствах памятника, считая его одним из лучших в столице. Однако в 1918 г. согласно ленинскому плану монументальной пропаганды он был отнесен к «наиболее уродливым истуканам» и снесен почти одновременно с памятником М. Д. Скобелеву в Москве.

3. ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЕ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ

В череде державных мер, предпринятых Александром III в первые годы его правления, довольно существенными стали законоположения об императорской фамилии. Первомартовская трагедия и арест террористов в последующие дни вызвали тревогу молодого царя о сохранении порядка в империи в случае его внезапной смерти. Учитывая несовершеннолетие наследника престола, 14 марта 1881 г. был обнародован манифест, которым Александр III назначил своего брата великого князя Владимира Александровича регентом при цесаревиче до его совершеннолетия с присвоением ему титула «правителя государства Российского и нераздельных с оным Царства Польского и Великого княжества Финляндского» (22, оп. 1, д. 52, л. 1).

Будучи еще наследником престола, Александр Александрович в 1878 г. обратил внимание на все возрастающее число членов императорского дома, которые от самого рождения пользовались колоссальными преимуществами перед простыми смертными. К началу 80-х гг. императорская фамилия насчитывала 39 особ. Кроме членов царской семьи сюда входили многочисленные родственники — великие князья, их жены, дети и внуки. В составе императорского дома появились носители иностранных титулов, легализованные в России: герцоги Мекленбург-Стрелицкие, принцы Ольденбургские, герцоги Лейхтенбергские. Брачные матримониальные союзы связывали императорскую семью со многими европейскими династиями: Гогенцоллернов, Вюртембергской, Баденской, Мекленбург-Шверинской и др.

Александр III предвидел, что состав фамилии будет постоянно расширяться.

У него самого было пятеро детей, у брата Владимира — четверо, у дяди Константина — шестеро, у дяди Николая — двое, у дяди Михаила — семеро.

В 1883 г. царь впервые публично высказался за пересмотр законов об императорской фамилии, с тем чтобы сократить число великих князей и княгинь и уменьшить удельные расходы. Для осуществления этих пожеланий государь поручил А. В. Адлербергу, более 10 лет возглавлявшему Министерство императорского двора, подготовить новый закон. Однако опытный царедворец, боясь вызвать недовольство и вражду могущественного фамильного клана, всячески затягивал решение вопроса. 27 октября 1884 г. в Гатчине государственный секретарь А. А. Половцов еще раз напомнил императору о необходимости пересмотра закона об императорской фамилии и сказал, что Адлерберг не хочет ничего

сделать, опасаясь семейной вражды. «Оставить все так, — заявил царь, — значит пустить по миру свое собственное семейство. Я знаю, что все это поведет к неприятностям, но у меня их столько, что одною больше нечего считать, и я намерен все неприятное не оставлять своему сыну» (221, т. 1, с. 253). После этого разговора государь передал решение вопроса в Департамент законов Государственного совета.

22 января 1885 г. в Аничковом дворце в кабинете государя прошло обсуждение новой редакции учреждения об императорской фамилии, в котором помимо царя приняли участие вел. кн. Владимир Александрович, Адлерберг, министр двора Воронцов-Дашков и Половцов. После более чем часового обсуждения все пришли к выводу: не ограничиваться дополнением отдельных статей «Учреждения», а обновить весь кодекс, издав первоначально лишь закон о преимуществах степеней родства.

24 января 1885 г. последовал указ об изменении учреждения об императорской фамилии от 5 апреля 1797 г., опубликованный в «Правительственном вестнике» 27 января 1885 г. По этому указу великими князьями и княжнами, носящими титул императорских величеств, считались потомки императора по прямой линии, включая внуков. Правнуки же считались князьями императорской крови и получали титул величеств. Таким образом, из среды царствующего дома впервые выделена государева семья. Вместе с тем для пересмотра действующего учреждения об императорской фамилии была назначена особая комиссия под председательством великого князя Владимира Александровича.

Известие о новом учреждении императорской фамилии вызвало бурную реакцию в семьях великих князей, которые посчитали, что «их хотят унизить». В Мраморном дворце Константин Николаевич и Александра Иосифовна пришли в бешенство. Мария Павловна (старшая), супруга Владимира Александровича, «метала молнии», заявила: «Если императрица попросит меня дать бал, то я отвечу, что у меня нет средств для этого, так как я должна делать сбережения для своих внуков...» Михаил Николаевич признался, что с Ольгой Федоровной сожалеют только о том, «что наши внуки, которых нам, вероятно, еще удастся видеть, не будут носить одного с нами титула». Тем не менее государь был непреклонен.

2 июля 1886 г. было высочайше утверждено выработанное комиссией учреждение об императорской фамилии (ПСЗ, 3 собр., т. VI, № 3851), в котором четко проведены два положения: выделение государевой семьи и чрезвычайная бережливость в расходах из государственной казны значительным сокращением содержания членов императорского дома. По новому закону великими

князьями считались «только внуки императора, от которого они происходят». Правнуки же именовались «князьями или княжнами крови императорской» и получали титул не императорского высочества, а просто высочества, правнуки же — титул светлости. Все великие князья награждались при рождении (точнее, при крещении) орденами Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого Орла и первыми степенями орденов Анны и Станислава. Князья крови императорской получали эти ордена только при совершеннолетии.

«Учреждением» были определены также гражданские права лиц императорской фамилии, касающиеся брака, малолетства и совершеннолетия, приобретения и передачи имуществ, наследства и обязанностей членов императорского дома к императору. В частности, на содержание великих князей — сыновей царствующего императора до их совершеннолетия определялось для каждого в год по 33 тыс. руб., которые отпускаются из сумм государственного казначейства. Во всех остальных случаях суммы, предназначенные на содержание великих князей, отпускаются из удельного ведомства, а именно: каждому сыну царствующего императора (кроме наследника), по достижении совершеннолетия, назначается на содержание по 150 тыс. руб. в год и сверх того, единовременно на устройство помещения один миллион руб.; по вступлении же в брак, императором дозволенный, определяется по 200 тыс. руб. и на содержание двора по 35 тыс. руб. ежегодно. Великим князьям — внукам императора — до совершеннолетия или до брака, императором дозволенного, отпускается по 15 тыс. руб. в год; по достижении же совершеннолетия, если они до того не вступят в брак, они получают по 150 тыс. руб. в год и, кроме того, единовременно 600 тыс. руб. на устройство помещения. О рождении, вступлении в брак и кончине великих князей возвещается во всенародное известие манифестами.

Глава десятая

ПОВОРОТ ВПРАВО

1. НОВЫЙ КУРС Д. А. ТОЛСТОГО

После отставки Н. П. Игнатьева Министерство внутренних дел с 31 мая 1882 г. возглавил Д. А. Толстой, получивший прозвание «министра борьбы». Одновременно он занял пост шефа жандармов. «Назначение министром, — явствует Мещерский, — свалилось на него как снег на голову; он считал себя уже сданным в архив человеком. Государь так любезно и так настойчиво его просил, что он не считал себя вправе в такое время и думать уклоняться от предложенной ему обузы» (186, с. 514). «Имя гр. Толстого само по себе уже есть манифест, программа» — так приветствовал это назначение Катков, зная его еще на посту министра народного просвещения. «Имя его, — вторил ему Победоносцев, — служит знаменем известного направления».

Совсем иначе отреагировал Милютин. «Назначение это, — записал он, — не только странно, оно чудовищно... Гр. Дм. Толстой сделался ненавистным для всей России, притом он — олицетворенная неспособность; справиться с таким обширным министерством, каково Министерство внутренних дел, и при настоящих обстоятельствах он, конечно, не в силах, даже и под руководством Каткова» (187, т. 4, с. 139).

Личность нового министра была довольно сложной. В 1842 г. он окончил с золотой медалью курс Александровского лицея. До 1847 г. служил чиновником в канцелярии императрицы по управлению учебными и благотворительными учреждениями, затем до 1853 г. — в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Свободное от службы время граф посвящал научным занятиям и в 1848 г. издал «Историю финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II». В 1853—1860 гг. директор канцелярии Морского министерства. Примыкал к группе либеральных бюрократов, возглавляемой великим князем Константином Николаевичем. С сентября 1860 г. начал службу в Министерстве народного просвещения, в ноябре — декабре 1861 г. управлял департаментом народного просвещения, затем назначен сенатором. В 1864 г. опубликовал книгу Le catholicisme romain en Russie, за которую был удостоен Лейпцигским университетом степени доктора философии (на русском языке это сочинение было издано в 1877 г.). Как свидетельствовал сенатор Е. М. Феоктистов, «Дмитрий Андреевич обладал непреодолимой страстью к научным занятиям; это был большой любитель книг, и библиотека его, для которой он построил особое здание в своей деревне Маково, может быть поставлена наряду с лучшими и обширнейшими библиотеками частных лиц; нельзя было доставить ему большего удовольствия, как указать на какое-либо редкое сочинение, — он тотчас же спешил его приобрести. Даже в последние годы своей жизни он пользовался редкими досугами от службы для исследований, относившихся исключительно к царствованию Екатерины II, работал всегда по источникам и очень добросовестно» (327, с. 279).

В 1865 г. Толстой занял пост обер-прокурора Синода, совмещая его с 1866 г. с должностью министра народного просвещения (до апреля 1880 г.), где проявил себя как ортодоксальный консерватор и закостенелый обскурант. «Личность эта, стоявшая в продолжении пятнадцати лет во главе одного из важнейших отраслей государственного управления, — характеризовал его М. Т. Лорис-Меликов, — сотворила больше зла России, чем все остальные деятели, даже вместе взятые».

Став фактически первым министром при Александре III, Толстой с особой настойчивостью начал проводить провозглашенную Победоносцевым и Катковым политику по пересмотру и «улучшению» законов и учреждений, созданных в эпоху великих реформ Александра II. «Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции, — отзывался о Толстом Б. Н. Чичерин, — человек неглупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не видавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение» (345, т. 1, с. 192—193). «Толстой был таким человеком, — писал о нем Государственный секретарь А. А. Половцов, — что никогда, даже в лета молодости, не возбуждал ни в ком сочувствия, симпатии, человеческого чувства. Это был человек жестокий, самолюбивый, холодный, весьма дюжинного ума и чрезвычайного упрямства, которое вследствие ничтожества современников Толстого с успехом заменяло в нем твердость характера. Это был типичный петербургский чиновник с некоторым лоском исторического образования. Своих собственных взглядов он не выработал; он заимствовал их от того или другого человека вследствие такого или иного стечения обстоятельств, но, раз усвоив их, никогда от них не отступал, хотя бы и чувствовал их ложность. Впрочем, чтобы сознать неправду, надо углубиться мыслью в ту или другую сферу мышления, а он этого никогда не делал просто потому, что ему было некогда это делать, он слишком был занят личными своими интересами карьеры, самолюбия, тщеславия. К тому же так поступать было проще. Усвоенное убеждение он оставлял без изменения, точно так же, как однажды подписанную бумагу, хотя бы в ней и оказались неправильности. Первоначальной своей карьерой Толстой обязан был своему дяде гр. Дмитрию Николаевичу Толстому, которого я близко знал. Он был большой

чудак, но весьма прямой, умный и честный человек. На старости он глупо женился и тем лишил племянника родового своего имения с. Толстые. Этого Дмитрий Андреевич никогда не простил дяде, заступавшему в детстве место отца, и на другой день после смерти гр. Дмитрия Николаевича гр. Дмитрий Андреевич давал в своем министерском отеле праздник в присутствии императорского семейства. Такой черствый характер и посредственный ум отразились на всей его деятельности и сделали для России весьма горестные плоды этой деятельности» (221, т. 2, с. 189, 190). Первыми жертвами наступающего охранительного режима стали печать и школа.

Ранее, в 1866—1880 гг., совмещая посты обер-прокурора Синода и министра народного просвещения, он проявил себя в качестве ортодоксального консерватора и закоснелого обскуранта.

С особой настойчивостью Д. А. Толстой начал проводить в жизнь реакционную программу, определенную и провозглашенную Победоносцевым и Катковым.

2. КАРАТЕЛЬНАЯ ЦЕНЗУРА

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура
Кой-как питает нашу плоть —
Благослови ее Господь!

Ф. И. Тютчев

Не секрет, что цензура и свобода печати при Александре III вошли в острое противоборство. Молодой император, находясь под влиянием К. П. Победоносцева, полностью разделял его взгляды на то, что Россия не готова к демократии, конституции, свободе слова и печати. Полновластный правитель государства, так же, как и его предшественники, не желал, чтобы «неуместная гласность шла наперекор» и мешала его планам и делам, и, конечно, стремился к безукоризненному послушанию печати.

Как мы знаем, уже 8 марта 1881 г. на заседании Совета министров С. Г. Строганов, П. А. Валуев и К. П. Победоносцев призвали к ограничению свободы журналистики. «Злоупотребления печатным словом, — говорил Валуев, — могут иметь гибельные последствия для государства». Обер-прокурор Синода назвал журналистику «самой ужасной говорильней, которая во все концы необъятной русской земли разносит хулу и порицание на власть... разжигает страсти, побуждает к самым вопиющим беззакониям»

(381, 1925, т. 1 (8), с. 141—142). Подобное мнение о журналистике было широко распространено не только в консервативных кругах. Даже любимый ученик Т. Н. Грановского, известный профессор Московского университета Б. Н. Чичерин в записке «Задачи нового царствования» трактовал свободу печати как предрассудок: «Свобода печати, главным образом, периодической, которая одна имеет политическое значение, необходима там, где есть политическая жизнь: без последней она превращается в пустую болтовню, которая умственно развращает общество... В России периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет, а тьму» (217, с. 56—57). Неслучайно Александр III видел в оппозиционной журналистике источник неких зловредных сил. 21 апреля 1881 г., в день правительственного совещания в Гатчине, Александр III писал Победоносцеву: «Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» (217, с. 80). Полностью разделяя взгляды царя, Победоносцев через два дня в той же тональности отвечал ему: «Главная причина, — я убежден в том, — газеты и журналы наши, и не могу надивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признать этого и не решаются на меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать, но никто не хочет согласиться со мной» (211, т. 1, с. 324).

Протащив на пост министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, Победоносцев непрестанно воздействует на него. «...Невозможно ничему положить доброго начала, — пишет «русский папа» ему 21 мая, — покуда не будут обузданы газеты (367, 1924, кн. 27—28, с. 54). Перед отъездом Игнатьева в июне 1881 г. вместе с императором в Москву, Победоносцев настойчиво рекомендует ему не допускать к Александру III представителей прессы. «Сделайте милость, — наставляет он, — не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один достойный уважения и преданный разумный человек. Все остальные — сволочи или полоумные» (там же, с. 57). Узнав о запрещении на полгода либеральной газеты «Голос», Константин Петрович 26 июля радостно пишет Игнатьеву: «...Наконец я вижу, что остановили «Голос». Обнимаю Вас сердечно, гр. Николай Павлович, только ради бога не спускайте...» (там же). «Тайного властителя России» до глубины души возмущало открытие новых газет. Например, по поводу предполагаемого издания А. С. Сувориным «Русского дела» он раздраженно вопрошает 14 февраля 1882 г. у Игнатьева: «Или мало еще лжи и

развратa распространяется у нас существующими журналами и газетами? К чему, как не к усилению этого зла, может послужить открытие новых?.. Между тем беспрестанно читаем о разрешении новых газет» (там же, с. 71).

Под влиянием этих мнений о прессе Н. П. Игнатьев весной 1882 г. разработал проект нового закона о печати. Проект стал основой «Временных правил о печати», представленных в августе 1882 г. в Комитет министров уже новым министром внутренних дел Д. А. Толстым. 27 августа того же года Александр III утвердил этот документ (220, т. II. 1072). «Временные правила», действовавшие, однако, четверть века, внесли существенные изменения в цензурный режим страны. По ним было образовано Совещание четырех министров: внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода, а также руководителя ведомства, возбудившего рассматриваемый вопрос. Совещанию были переданы дела, изъятые из компетенции Сената об окончательном запрещении периодических изданий или их приостановке.

Газеты и журналы, выходившие без предварительной цензуры, обязывались сообщать по требованию Министерства внутренних дел фамилии авторов публикаций, помещенных под псевдонимами. Приостановление того или иного издания осуществлялось административным путем, без всякого вмешательства судебных инстанций. В связи с этим публицист и юрист К. К. Арсеньев писал в «Вестнике Европы», что «Временные правила» «останавливают мысль в самом ее зародыше, искажают, обрезывают или совершенно подавляют ее выражение, понижают общий уровень печати... усиливают влияние мнений, процветающих во мраке, опирающихся на молчание» (368, 1882, кн. 10, с. 792). На первых порах, как справедливо замечает исследователь В. Л. Степанов, Толстой был настроен применять «Временные правила» очень осторожно, опасаясь излишнего возбуждения общества, которому, как он считал, нужно дать время успокоиться после разгула террора и «конституционных» инициатив Лорис-Меликова и Игнатьева. В письме к Победоносцеву граф пишет: «Затруднение состоит в том, что почти вся наша пресса отвратительна, многие газеты желательно было бы прекратить, но не благоразумнее ли действовать потише, постепенно» (215, т. 1; полутом 1, с. 265). О Дмитрии Андреевиче стали распространяться невероятные слухи, что подобным поведением он хочет загладить свое «реакционное» прошлое. «Толстой облекся в овечью шкурку и припрятал свой лисий хвост и волчий зуб, — язвил внимательный наблюдатель, критик и историк литературы П. В. Анненков в письме редактору

«Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу, — посмотрим долго ли он будет разгуливать в этом наряде (292, т. 4, СПб, с. 234). Линия поведения министра навлекла на него «критические стрелы» со стороны его приверженцев. Адъютант великого князя Константина Николаевича генерал А. А. Киреев отметил в своем дневнике: «Феоктистов говорит, что Толстой очень мягок..., но ведь взяли-то его именно за то, что он зол и резок, за его дурные стороны, а не за хорошие, которые он вдруг выказывает» (46а, карт. 10, л. 152). Из Москвы за пассивность на Толстого начал роптать его адепт Катков. Толстой быстро «пробудился» и вскоре последовали ограничительные указания и циркуляры. С 1 января 1883 г. с подачи Победоносцева на должность начальника Главного управления по делам печати вместо «благодушного и достаточно либерального для такого поста» князя Вяземского назначается 54-летний Е. М. Феоктистов. Последний был известен как одаренный профессиональный журналист, человек тонкого ума, имеющий трезвые суждения о правительственном режиме и его носителях. Окончив в 1851 г. юридический факультет Московского университета, Феоктистов сотрудничал в «Современнике» и «Московских ведомостях». В 1871—1882 гг. редактировал «Журнал Министерства народного просвещения». Небезынтересно знать, что в начале 1860-х гг., состоя членом комиссии по выработке законов о печати, Феоктистов решительно высказывался против предоставления администрации прав налагать взыскания на печать. Но по мере продвижения по служебной лестнице он помаленьку, потихоньку меняет свою окраску. И к тому времени, когда он стал во главе цензуры, в нем произошла удивительная метаморфоза, от увлечений молодости не осталось и следа. Неслучайно время его управления цензурной политикой с 1883 по 1896 г. относится к числу довольно тяжелых периодов в истории русского слова. Являясь правой рукой министра внутренних дел Д. А. Толстого по надзору за печатью, Евгений Михайлович вел свое дело под неослабевающим идейным руководством К. П. Победоносцева и под ощутимым влиянием М. Н. Каткова. «Печать, — отмечает Феоктистов, — великое благо, но оно может служить и источником великого зла, особенно у нас» (327, с. 239). Видимо, исходя из этого и понимая положение Победоносцева в государстве, Феоктистов поддерживает самые тесные отношения с ним, просит указаний, сообщает о своих решениях по «обузданию» печати и нередко предоставляет проекты постановлений по тому или иному изданию с обещанием, что «всякое указание будет принято с величайшей благодарностью». В свою очередь, как заметил историк А. Е. Пресняков, «Победоносцев и не скупился на «указания», директивы и упреки за послабления и недосмотры в деле цензурного наблюдения за печатью» (там же, с. XIII). «Этот бледный, физически истощенный, крайне болезненный фанатик, враг всякого движения вперед, — помечает в свих записках о Победоносцеве журналист и историк М. И. Семевский, — начинает каждый свой день чтением массы ныне крайне бледных русских газет. Ему мерещатся разные призраки в статьях этих газет, и он шлет свои вопли, отмечая многие из статей, министру внутренних дел» (129, с. 266). Сам Феоктистов пишет, что он всегда изумлялся, как у Победоносцева «хватало времени читать не только распространенные, но и самые ничтожные газеты, следить в них не только за передовыми статьями или корреспонденциями, но даже (говорю без преувеличения) за объявлениями, подмечать такие мелочи, которые не заслуживали бы ни малейшего внимания. Беспрерывно я получал от него указания на распущенность нашей прессы, жалобы, что не принимается против нее достаточно энергичных мер» (327, с. 221—222). Помимо Победоносцева на Феоктистова серьезное влияние оказывал и Катков, с которым его связывали многолетние личные отношения. По выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина Феотистов был «холопом Каткова». Он регулярно информировал Михаила Никифоровича о правительственных делах и проектах постановлений, был исправным посредником между ним и бюрократическим олимпом. В то же время нельзя приуменьшать роль и самого Феоктистова, который являлся последовательным и инициативным защитником интересов правящих кругов российского самодержавия и ощущал постоянную поддержку со стороны своего шефа. «Лично я, — признавался энергичный руководитель цензуры, — не могу жаловаться на графа Толстого. Он предоставлял мне полную свободу, одобряя все меры, которые я считал необходимыми, во всем соглашался со мною; он был, видимо, доволен, что нашелся человек, который поставил себе задачей действовать твердо и последовательно» (327, с. 241).

Первой крутой и свирепой мерой Феоктистова явилось прекращение в 1883 г. издания трех наиболее влиятельных либеральных газет: «Московского телеграфа», «Голоса» и «Страны», придерживавшихся «вредного направления» и изображавших «в самом ненавистном свете теперешнее положение дел». По этому поводу тогда же М. И. Семевский писал в своих записках: «И вот в короткое время, шесть недель, запрещены газеты «Страна», «Голос», «Московский телеграф». Объявлены угрозы литературным журналам, каковы: «Отечественные записки», «Наблюдатель». Косвенно послана угроза «Вестнику Европы»,

короче сказать, над литературою русскою нависла мрачная туча, напоминающая время 1848 и 1849 гг.» (129, с. 287). В 1884 г. были закрыты либеральная газета «Русский курьер» и популярный журнал «Отечественные записки». Журналу инкриминировалось то, что вокруг него «группировались лица, состоявшие в близкой связи с революционной организацией» (имелись в виду Н. К. Михайловский и С. Е. Кривенко). Ответственный редактор журнала М. Е. Салтыков-Щедрин обвинялся в том, что его статьи, не пропущенные цензурой, «появлялись в подпольных изданиях у нас и в изданиях, принадлежащих эмиграции» (202б, т. 2, с. 250). «Это был, — характеризовал «Отечественные записки» Михайловский, — почти единственный орган русской печати, в котором сквозь дым и копоть цензуры светилась искра понимания задач русской жизни во всем объеме. За то он и должен был погибнуть — и погиб» (1906, т. 10, с. 46).

Всего при Александре III по цензурным соображениям было закрыто 15 газет и журналов (239а, с. 193—226). Под гонения подпали даже невинные в социально-политическом отношении органы сатиры и юмора — «Будильник», «Осколки» и «Стрекоза».

Император, как правило, не вмешивался в дела аппарата цензуры, выражая свое мнение по тому или иному изданию короткими ремарками на полях документов. «Жаль, что разрешена была снова эта дрянная газета» (по поводу «Московского телеграфа» в 1882 г.). В 1883 г. — «И поделом этому скоту», — узнав о третьем предупреждении «Голосу». О «Русском курьере» в 1889 г. пометил: «Совершенно одобряю. Желательно было бы совершенно прекратить издание этой поганой газеты». В том же году о «Русском деле» он написал: «Действительно, дрянная газета» и т. д. и т. п. (129, с. 284—286, 296—297).

Надо отметить также, что цензурный надзор осуществлялся и за изданиями книг. Всего за время с 1881 по 1894 г. было запрещено 72 книги. За предшествующие 14 лет, с 1867 по 1880 г. запрещению подверглись 86 книг (см. 115а). В числе запрещенных изданий при Александре III оказались произведения В. А. Бильбасова, С. А. Венгерова, В. А. Гиляровского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, сочинения зарубежных авторов — В. Гюго, Э. Ренана, Г. Ибсена. На особый учет из старых именитых писателей были взяты Лев Толстой и М. Е. Салтыков-Щедрин, из начинающих — А. П. Чехов, В. М. Гаршин и В. Г. Короленко. Больше всего вызывали раздражение у цензуры произведения Л. Толстого. По словам Феоктистова, «громадным своим талантом приобрел он высокое положение в литературе, а между тем никто не производил столь растлевающего влияния на молодые умы

проповедью, направленной против церкви и государства, против всех основ общественного устройства» (327, с. 242). В 1886 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой обратился к Александру III с просьбой заточить своего великого однофамильца в Суздальский монастырь. Император отклонил это предложение после заступничества тетки писателя фрейлины А. А. Толстой. В 1890 г. Александр III сначала запретил издание «Крейцеровой сонаты», но затем после обращения к нему графини Софьи Андреевны Толстой, он разрешил включить повесть в собрание сочинений, заявив при этом, «что он сам будет просматривать сочинения ее мужа» (129, с. 300).

Активно действовала и театральная цензура, внимательно отслеживая содержание спектаклей. За время с 1882 по 1891 г. было запрещено к представлению 33% русских пьес, 4,5% немецких и около 0,5% французских (129, с. 302). Цензурное ведомство, как никогда ранее, повысило наблюдение за библиотеками, усматривая в них рассадники крамольных идей. По высочайшему повелению 5 января 1884 г. Главное управление по делам печати, заботясь о нравственном воспитании читающего общества, составило алфавитный указатель произведений, запрещенных к обращению в публичных и общественных читальнях. Как здесь не вспомнить пророческие слова Жан-Жака Руссо: «Цензура может быть полезна для сохранения нравов, но никогда — для их восстановления».

3. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В правление Александра III правительство стремилось усилить официозную направленность обучения, подчинить школу и высшие учебные заведения интересам упрочения самодержавной власти. На первых порах учебная система Министерства народного просвещения продолжала опираться на основные законоположения предшествующего царствования.

* * *

Первомартовская катастрофа, как отмечалось выше, повлекла за собой смену в «персонале, окружающем императора». 24 марта 1881 г. был смещен с поста министра просвещения А. А. Сабуров. Это смещение предвидел Д. А. Милютин, который еще в апреле 1880 г. в связи с назначением Сабурова, записал в дневнике: «О нем слышны хорошие отзывы, но говорят, что он человек слабого характера» (187, т. 3, с. 243), который не в силах долго

удержаться на своем посту. Преемник графа Толстого, статс-секретарь Его Императорского Величества, тайный советник Андрей Александрович Сабуров родился в 1837 г., воспитывался в Александровском лицее и в конце 1857 г. начал службу в Канцелярии Комитета министров. Перейдя в 1859 г. в Министерство юстиции, А. А. Сабуров в течение 16 лет последовательно занимал должности: столоначальника, исправляющего должность обер-секретаря 2-го отделения 5-го Департамента правительствующего Сената, обер-секретаря Уголовного кассационного департамента, товарища председателя С.-Петербургского окружного суда, товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента, члена консультации, учрежденной при Министерстве юстиции, с возложением обязанностей вице-директора Департамента министерства. В эти же годы он исполнил ряд чрезвычайных поручений по разным вопросам, возникавшим в судебном ведомстве: состоял директором комитета попечительного о тюрьмах общества, членом комиссии о преобразовании суда в духовном ведомстве, о пересмотре 2-й главы Уложения о наказаниях, о преобразовании тюрем, председательствовал в комиссии об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин, сопровождал в 1873 г. министра юстиции при ревизии судебных установлений Саратовской и Харьковской губерний. 31 мая 1875 г. А. А. Сабуров занял пост попечителя Дерптского учебного округа и 24 апреля 1880 г. был пожалован в статс-секретари Его Императорского Величества с назначением управляющим Министерством народного просвещения. Пытаясь погасить студенческие волнения, Сабуров начал готовить проекты некоторого смягчения правительственной политики по отношению к студентам. Предусматривалось разрешить устраивать в университетах кассы взаимопомощи, столовые, научные кружки и т. д., а также созывать сходки для обсуждения вопросов студенческой жизни. Он стремился также к созданию тесной взаимосвязи между земством и Министерством народного просвещения, с одной стороны, и между семьей и школой — с другой. Как было сказано выше, А. А. Сабуров был уволен 24 марта 1881 г. по прошению с оставлением в звании статс-секретаря и назначен сенатором. По словам Е. А. Перетца, увольнение Сабурова давно предусматривалось, по слухам, «было решено в принципе еще покойным государем... Сабуров много пообещал и ничего не сделал, только путал» (208, с. 54). П. А. Валуев же считал, что министр поплатился за то, «что при недальнем уме думал выехать на новых веяниях» (78, с. 158). С 1899 г. Сабуров состоял членом Государственного совета. Умер он 10 марта 1916 г. в Петрограде.

На посту министра народного просвещения А. А. Сабурова сменил его старший сверстник по Александровскому лицею, барон Александр Павлович Николаи, происходивший из шведского дворянского рода. Родился он в 1821 г., начал службу в 1840 г. в Канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и в 1845 г. назначен был младшим чиновником особых поручений при наместнике кавказском, с которым совершил несколько экспедиций против горцев. На Кавказе протекла большая часть службы барона Николаи. С 1848 по 1861 г. он занимал должности директора походной канцелярии наместника кавказского и главнокомандующего отдельным кавказским корпусом, с 1852 г. — члена Совета Главного управления Закавказского края и попечителя Кавказского учебного округа, с 1860 г. сверх того — начальник Управления сельского хозяйства и промышленности на Кавказе и за Кавказом. 18 марта 1861 г. барон Николаи назначен был попечителем киевского учебного округа и 28 декабря того же года — товарищем министра народного просвещения и членом Главного управления цензуры. Через два года, получив звания статс-секретаря Его Величества и сенатора, он вернулся на Кавказ на пост начальника Главного управления наместника кавказского, и занимал его в течение двенадцати лет, до 30 августа 1875 г., когда был назначен членом Государственного совета. Как деятель, близко знакомый по предшествующей службе с вопросами учебного ведомства, барон Николаи участвовал в нескольких комиссиях, рассматривавших ежегодные всеподданнейшие отчеты по Министерству народного просвещения, состоял с 1878 г. почетным опекуном по учреждениям императрицы Марии и, наконец, 24 марта 1881 г. был призван на пост министра народного просвещения, который занимал, подобно своему предшественнику, менее года. О новом министре народного просвещения Милютин пишет, что о назначении его «говорили и прежде; он считался кандидатом, потому что некогда был попечителем Кавказского, а потом Киевского учебных округов... Это человек неглупый, образованный, но тяжелый педант (?), доктринер, более консерватор и притом истый (остзейский) барон. Ожидать от него нельзя ни деятельной инициативы, ни теплого сочувствия к делу русского народного образования» (187, т. 4, с. 46—47). 25 марта 1881 г. Перетц записал в дневнике: «Виделся с бароном Николаи. Назначением своим он доволен. Предложение сделано было ему через посредство Победоносцева. По изъявлении им согласия на принятие министерства государь пригласил его к себе и, между прочим, выразил, что не охотник до новомодного и крутых переворотов. Его Величество признает нужным постепенное развитие и усовершенствование существующего» (208, с. 54).

Проявить себя в предоставленной должности в течение года А. П. Николаи особенно не успел. В его бытность задачи, стоящие перед правительством в отношении образования довольно четко были определены в манифесте 29 апреля 1881 г., составленном Победоносцевым, и фактически сводились к реализации уваровской триединой формулы «самодержавия, православия и народности». По всей видимости, бар. Николаи «не мог обеспечить в полной мере осуществление этих задач». При нем официально были разрешены школы грамоты. 16 марта 1882 г. барон Николаи был уволен по прошению от должности министра высочайшим рескриптом. Умер 3 июля 1899 г. в своем имении Лачино около Тифлиса.

16 марта 1882 г. пост министра народного просвещения перешел к сторонникуконсервативной линии И. Д. Делянову, креатуре Победоносцева и Каткова. Характерно, что большинство знавших Делянова сановников отзывалось о нем без малейшего уважения. «К ужасу своему, узнаю, — признается Милютин, — что бар. Николаи уже уволен от должности министра и что на место его назначен — Делянов!!! Это почти то же, что если б назначен был Катков; это восстановление ненавистного для всей России министерства гр. Толстого. Между прежним режимом и будущим будет различие только в подкладке: у Толстого подкладка была желчь; у Делянова будет идиотизм. Бедная Россия!» (187, т. 4, с. 130). Даже Толстой, по словам Феоктистова, говоря о своем бывшем помощнике, выражался порой «далеко не цензурными словами». Феоктистов писал, что «Делянов представлял собой пример того, как можно у нас достигнуть очень высокого положения без сколько-нибудь выдающихся заслуг; никогда не был он не только тружеником — смешно и говорить об этом, — но даже дельцом в самом ординарном значении этого слова; никому не случалось, конечно, слышать, чтобы он высказал какую-либо мысль, которая была бы плодом зрелого и самостоятельного размышления; глупым человеком назвать его было нельзя, но не был он, конечно, и человеком умным; подобно всем своим соотечественникам-армянам, обладал он в значительной степени хитростью, знал Петербург как свои пять пальцев, со всеми находился в хороших отношениях, не имел врагов, потому что и враждовать с ним было как-то странно: он способен был всякого обезоружить своим невозмутимым добродушием. В обществе любили Ивана Давыдовича за его доброту, хотя и самая доброта эта была какая-то дряблая, пассивная; он готов был хлопотать без разбора за кого угодно: и за порядочных людей, и за людей вовсе не порядочных, так что на его рекомендации привыкли не обращать внимания, и

он нисколько этим не обижался. Человек несомненно честный, отличавшийся чрезвычайной простотою своего образа жизни, никогда не кичившийся своим положением, всегда доступный всякому, кто хотел его видеть, так что двери его кабинета были постоянно открыты для просителей...» (327, с. 171—172). В то же время Феоктистов называл его «шутом гороховым».

Б. Н. Чичерин именовал Делянова «раболепным и ничтожным», «отребьем человеческого рода» (344, с. 106, 261). А. Ф. Кони считал позором иметь такого министра (см. 161, т. 8, с. 100), писал о нем без малейшего уважения, как о человеке с «певучим бабьим голосом». Познакомимся коротко с биографией нового министра. Родился Иван Давыдович Делянов в Москве 30 ноября 1818 г. Был он сыном генерал-майора армянского происхождения Давыда Артемьевича Делянова от брака с Марией Екимовной Лазаревой. Православный. Окончил Московскую гимназию и юридический факультет (1838) со степенью кандидата права.

Продолжительная, почти 60-летняя государственная служба нового министра, была посвящена преимущественно двум ведомствам: Собственной Его Величества Канцелярии и Министерству народного просвещения, во главе которого Делянов оставался в течение 15 лет до самой смерти. В ноябре 1838 г. Делянов определился на службу во II Отделение Собственной Его Величества Канцелярии и по должности сначала младшего, потом старшего чиновника принимал участие в разработке различных законодательных вопросов. В 1857 г. он управлял делами секретного комитета о раскольниках. В следующем году 18 июня был назначен попечителем С.-Петербургского учебного округа, а в 1860 г. членом Главного управления цензуры. В эти же годы он заменял А. С. Норова в управлении учебною частью в институтах Воспитательного общества, Александровском и Екатерининском. 4 августа 1861 г. И. Д. Делянов назначается директором Департамента народного просвещения, но через три месяца 17 ноября он по прошению увольняется вовсе от службы, а 6 декабря становится директором Императорской публичной библиотеки. При новом министре А. В. Головнине в феврале 1862 г. И. Д. Делянов возвращается на пост попечителя С.-Петербургского округа, сохранив за собою и управление публичной библиотекой. За упразднением должности товарища министра он фактически являлся ближайшим помощником А. В. Головнина по управлению министерством: исполнял обязанности министра на время его отсутствия и, назначенный 1 декабря 1865 г. сенатором по высочайшему повелению 19 января 1866 г., присутствовал на правах товарища министра в Общем собрании и департаментах Сената. В мае того же года при графе

Толстом, Иван Давыдович занял восстановленную должность товарища министра и 16 апреля 1867 г. удостоился звания статс-секретаря Его Величества. Кроме исполнения обязанностей по должности товарища министра, он состоял еще членом Совета Павловского института по учебной части, членом Главного совета женских учебных заведений и с 1874 г. — почетным опекуном. 1 января 1874 г. Делянов назначен членом Государственного совета с увольнением от должности товарища министра. По высочайшему повелению 1877 г. он исполнял по IV Отделению Собственной Его Величества Канцелярии обязанности, возложенные на него особым распоряжением государя, и заменял главноуправляющего ведомством императрицы Марии на время его отсутствия.

Оставив пост товарища министра, Делянов участвовал в решении некоторых особенно важных вопросов по Министерству народного просвещения. На него возложено было председательство в комиссии по составлению нового университетского устава. При его деятельном участии происходило обсуждение сложного вопроса об изыскании мер против студенческих беспорядков. «Иван Давыдович был удивительное явление в русской чиновной летописи, — свидетельствовал князь С. М. Волконский. — Чем он взял? За что выдвинулся, дослужился до Андрея Первозванного, до графского титула? Он рос, как растет дерево, — не в силу каких-либо заслуг, а в силу растительной инерции. Его мягкость, слабость и безволие — уж не знаю, как назвать, — нельзя даже описать. Мой отец говорил, что если бы компромисс не существовал, то Иван Давыдович его бы выдумал... ни одного вопроса он не умел отстоять, в заседаниях дремал, а на приемах у себя щипал себя за бровь, чтобы не заснуть... Когда ему что-нибудь рассказывали, докладывали, он, пощипывая бровь, только повторял гнусавым голосом: «Да, да, да, да». Маленький, низенький, с крючковатым носом, лысый совершенно и только с несколькими волосами, которые он зачесывал из-под воротничка, он двигал челюстями, жевал губами, но почти не говорил... однажды он был болен. Справляются у одного чиновника: «Как Иван Давыдович?» — «Ничего, слава богу. Значительно поправился; еще не все бумаги читает, но уже все подписывает» (326, т. 1, с. 376). «Делянов, — по словам С. Ю. Витте, — был очень милый, добрый человек, и вопросы Министерства народного просвещения вообще ему были не чужды. Он был человек культурный, образованный... Он никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время было преобладающим, а именно направления графа Дмитрия Толстого. Вообще он лавировал на все стороны» (84, т. 1, с. 306).

На посту министра народного просвещения, Делянов оставался до самой смерти, последовавшей 29 декабря 1897 г. Кроме обычных знаков монаршего благоволения за ревностную службу, 23 ноября 1888 г., в день полувекового юбилея своей службы, он был возведен в графское Российской империи достоинство.

Следует подчеркнуть, что программа действий Ивана Давыдовича на поприще народного просвещения всецело соответствовала взглядам Д. А. Толстого.

Высшее образование

Одним из первых и важных шагов, предпринятых Деляновым, стала реформа в области высшего образования как реакция на неутихающее революционное брожение в среде студентов. Известно, что еще в апреле 1875 г. под председательством Ивана Давыдовича была создана Комиссия для переработки университетского устава с целью его ужесточения. Намерения императорского правительства тогда стали достоянием широкой общественности и предметом острой дискуссии в прессе. Подготовленный проект нового устава в феврале 1880 г. был внесен в Государственный совет, но в связи с изменившейся в стране обстановкой и последовавшей вскоре отставкой Толстого был возвращен обратно.

По докладу Н. П. Игнатьева 25 мая 1881 г. Александр III вновь создает Комиссию для пересмотра университетского устава 1863 г. Снова во главе ее назначается Делянов с целью выработать меры для надзора за студенческой молодежью. «Тот факт, — справедливо отмечает П. Зайончковский, — что комиссия была образована без согласия министра народного просвещения, а к тому же и без его участия, говорит, несомненно, о непрочности положения Николаи» (127, с. 441).

Хотя проект нового устава был вновь внесен в Государственный совет на исходе 1882 г., рассмотрение его началось лишь в конце 1883 г. Задержка произошла из-за коронации Александра III. Так же, как и раньше, проект нового устава вызвал лавину различных мнений и в Государственном совете, и в мыслящих слоях общества. В числе противников нового проекта оказались обер-прокурор Св. синода К. П. Победоносцев, государственный секретарь А. А. Половцов, министр финансов Н. Х. Бунге, бывшие министры народного просвещения А. В. Головнин и А. П. Николаи. Несмотря на то, что сторонники проекта Делянова, Толстого и Каткова в Государственном совете оказались в меньшинстве, тем не менее император поддержал их и после некоторых колебаний 15 августа 1884 г. утвердил проект устава о введении его в 1884/85 учебном году в 6 университетах.

Что же нового внес принятый устав? Прежде всего, он полностью уничтожил университетскую автономию устава 1863 г., отдав университеты под контроль Министерства народного просвещения. Во всех 6 разделах устава главная мысль заключалась в том, чтобы университетам придать атрибуты государственных учреждений, а всех членов университетской корпорации приравнять к категориям государственных чиновников. Должности ректора, декана и профессора, которые по уставу 1863 г. были выборными, теперь снова замещались по назначению сверху. Ректор назначался министром народного просвещения сроком на четыре года, декан — попечителем учебного округа на тот же срок. Замещение профессорских вакансий производилось с ведома министра, который мог не утверждать предложенную университетом кандидатуру. При этом особое внимание обращалось не только на ученые качества и заслуги, но и на «религиозно-нравственное и патриотическое направление» преподавателей. Ряд «неблагонадежных» профессоров был уволен из университетов, в числе которых оказались крупные ученые — социолог и этнограф М. М. Ковалевский, историк В. И. Семевский, физиолог Ф. Г. Мищенко, правовед С. А. Муромцев. Другие, например Д. И. Менделеев и И. И. Мечников, ушли сами. В то же время следует отметить положительное нововведение устава — расширение института приват-доцентуры. Приват-доцентам разрешалось читать параллельные с профессорами курсы. С одной стороны, это способствовало подготовке профессорских кадров, а с другой побуждало к улучшению читаемых профессорами курсов. В итоге в университетах заметно изменилось соотношение штатных и нештатных преподавателей. Если в 1881 г. в 8 университетах преподавало 635 человек, в том числе 104 нештатных, то в 1895 г. в 9 университетах состояло 1035 преподавателей, почти половина которых (491) являлись нештатными (360, с. 114, 158—162, 169). Устав разрешал работу по совместительству, чем воспользовалось большинство преподавателей.

В то же время существенно ограничивалась компетенция университетского Совета и факультетских собраний. Суд университетский был ликвидирован. Намного увеличивалась власть инспектора, которому были даны и административные, и судебные функции. Инспектор непосредственно подчинялся попечителю. Возросли требования к студентам. По «Правилам о приеме в студенты университета» абитуриенты должны были представить свидетельства о политической благонадежности, которые выдавались местной полицией. В целях «улучшения» социального состава студентов, в 5 раз повысилась плата за обучение, а для

получения стипендии необходимо было иметь отзыв инспектора о поведении студента. По «Правилам о плате за слушание лекций» вводилась плата, равная 5 руб. за полугодие. За специальные курсы студент платил непосредственно читающим их преподавателям. За недельный час эта сумма составляла 1 руб. на всех факультетах (на медицинском — 75 коп.). «Правила для студентов во время прохождения курса» ставили их в полную зависимость от инспекции, контролировавшей посещение лекций, распределение стипендий и пособий. Положение студента зависело от степени его благонадежности. Студенты должны были ежегодно возобновлять вид на жительство. Участие в беспорядках надолго лишало студента возможности научной деятельности в будущем. Запрещалось выражение одобрения или неодобрения преподавателей в любой форме. За нарушения студент мог получить различные наказания: выговор, исключение, арест, карцер. Для поездки по делам или на каникулы, студент должен был иметь отпускное свидетельство от инспектора (проректора) университета.

Устав 1884 г. вводил факультетские и университетские (государственные) экзамены. Существовавшие ранее семестровые экзамены были заменены зачетами. Срок обучения на всех факультетах университета составлял 4 года, кроме медицинского, программа которого была рассчитана на 5 лет. Выдержавшие выпускные экзамены получали в соответствии с качеством показанных знаний дипломы I и II степени и звание действительного студента. Представившие и защитившие диссертации — звание кандидата (прав, филологии и т. д.). Вскоре после принятия устава 1884 г. Государственный совет подтвердил права и преимущества лиц, получивших высшее образование. В частности, подтвердилось право доктора на 7-й, а магистра соответственно на 9-й класс гражданского чинопроизводства. И хотя устав 1884 г. был введен вопреки протестам большинства профессоров и студентов, сторонники консервативной линии рассматривали его как крупную победу, как важный шаг на пути укрепления принципов самодержавия. Через год после принятия устава в мае 1885 г. по всеподданнейшему докладу Делянова вновь была введена отмененная в 1861 г. форма для студентов с целью облегчить надзор за ними во внеучебное время. В 1887 г. новые правила запретили прием студентов, если школа, которую они окончили, не даст положительной характеристики их «образа мыслей и направления». В конце XIX в. устав Дерптского университета (в 1893 г. переименован в Юрьевский) был фактически приравнен к общему уставу 1884 г. В 80-х гг. этим уставом начал реально руководствоваться и Варшавский университет. 1 июля 1887 г. с разрешения Комитета министров был опубликован

циркуляр Министерства народного просвещения, установивший процентные нормы приема евреев в высшие учебные заведения. Несмотря на все принимаемые меры, внедрить новый устав на практике целиком не удалось (см. 186а, т. 2, ч. 2, с. 317).

Довольно важным событием в жизни отечественного просвещения было открытие Сибирского университета в Томске. Учреждение этого храма науки было намечено еще в начале XIX столетия, в царствование Александра I. Тогда же, в 1805 г. известный ревнитель просвещения П. Г. Демидов внес капитал, возросший до 200 тыс. руб., который послужил основанием для учреждения означенного университета. Закладка его произошла 26 августа 1880 г., а торжественное открытие последовало 22 июля 1888 г., сначала в составе одного медицинского факультета. 6 июля 1891 г., возвращаясь из своего дальнего путешествия, прибыл в Томск и посетил университет наследник престола цесаревич Николай Александрович. Высокий гость с интересом осмотрел все отделения библиотеки, кабинеты, лаборатории и музеи и обратил внимание на редкие издания главного книгохранилища. Принимая поднесенный ему диплом на звание почетного члена Томского университета, цесаревич сказал, что с удовольствием принимает это звание и что посещение университета останется для него одним из отрадных воспоминаний из всего путешествия по дорогой ему Сибири.

Киевский университет св. Владимира в 1884 г. торжественно отметил свой 50-летний юбилей. В связи с этим Александр III удостоил его своим рескриптом, в котором указал на великое значение этого учебного заведения для русской науки и особенно для русской нации. Вместе с тем император отпустил на устройство новых клиник при университете 265 550 руб. (164а, с. 115).

Следует отметить, что количество высших учебных заведений при Александре III увеличилось открытием технологического института в Харькове (1885), Екатеринославского горного института (1889), преобразованием Варшавского ветеринарного училища в ветеринарный институт (1889) и др.

Всего к 1894 г. в России насчитывалось 52 полноправных высших учебных заведения, из них 9 университетов, 3 высшие школы гуманитарного профиля, 8 высших технических учебных заведений, 3 сельскохозяйственных и 6 медицинских и ветеринарных высших школ, 5 военных и 7 духовных академий, 2 высших женских курса и др. Общее число студентов всех 52 вузов составляло 25 166 человек, из них 983 женщины, т. е. 3,9%. Наибольшее число учащихся было в университетах — 13 944 человека, за ними следовали студенты технической и сельскохозяйственной высшей школы — 5497 человек.

О многом говорит распределение студентов по специальностям, отражающее, с одной стороны, потребность государства в кадрах, а с другой, взгляды правительства на задачи подготовки этих кадров. Преобладающее число студентов мужских вузов специализировалось в области естественных и технических наук — 30,1%, за ними шли медики и ветеринары — 28,2%, далее юристы — 23,8%, затем учащиеся духовных академий 6,4%, студенты историко-филологических отделений — 4%, сельскохозяйственных учебных заведений — 3,3%, слушатели военных академий — 2,5% и художественных школ — 1,6% (229, с. 13,14,85). Как видим, существенное место в системе высшей школы было отведено правоведению, что соответствовало традиционным взглядам правящей элиты на значение юридического образования для пополнения государственного аппарата. Обращают на себя внимание крайне ограниченные размеры подготовки специалистов для сельского хозяйства, ни в какой мере не удовлетворявшие потребность в них. Мизерные цифры подготовки аграрных кадров соответственно отражали (а в какой-то мере и усугубляли) общий низкий уровень сельского хозяйства страны, его экстенсивный характер и консервативные формы.

Высшее женское образование

С особым ожесточением консерваторы обрушились на высшее женское образование, видя в нем, как выражался Д. А. Толстой, «так называемую эмансипацию женщины». В 1882 г. только после ухода с поста военного министра Д. А. Милютина, были закрыты женские врачебные курсы при Николаевском военном госпитале в Петербурге. Этим актом было уничтожено женское медицинское образование. В 1886 г. под председательством Делянова собралось Особое совещание, которое пришло к заключению, «что пока не будет выработан устав, программы и правила, необходимо пресечь дальнейшее скопление в больших городах девиц, ищущих не столько знаний, сколько превратно понимаемой ими свободы (238, с. 627—628). Представленные об этом предложения были утверждены Александром III 12 мая 1886 г. Таким образом, было издано распоряжение о прекращении приема на Высшие женские курсы, существовавшие в Петербурге, Москве, Киеве и Казани, которые князь В. П. Мещерский называл «настоящей клоакой анархической заразы». Три года работала комиссия князя М. С. Волконского. Министерских чиновников волновали состав слушательниц, кто из них находился под надзором полиции, были ли они замечены в университетских волнениях и демонстрациях. Комиссия выясняла политические настроения курсисток.

Только Петербургским курсам (так называемым Бестужевским) удалось добиться возобновления приема в 1889 г. Напомню, что к 1 января 1889 г. у бестужевок оставался только 4-й (выпускной) курс, насчитывавший всего 140 человек. Курсы испытывали финансовый кризис, поскольку их средства зависели от числа слушательниц и платы за обучение. Члены Общества для доставления средств С.-Петербургским высшим женским курсам во главе с комитетом из 12 человек (Н. С. Стасова, А. П. Философова, С. В. Ковалевская и др.) пытались спасти заведение, обращались в правительство, писали докладные записки в Министерство народного просвещения. Но все это не было принято даже к сведению. 3 июня 1889 г. было опубликовано «Временное положение о С.-Петербургских высших женских курсах» (просуществовавшее до 1918 г.). Курсы получили назначаемого директора и Совет профессоров, запрещались собрания курсисток вне курсов, вводилась должность инспектрис для наблюдения за поведением курсисток во внеучебное время. По-прежнему сохранялись два отделения — историко-филологическое и физико-математическое. Запрещалось преподавание физиологии человека и животных, естественной истории и гистологии. Контингент слушательниц был ограничен в 400 человек. При этом курсы были лишены автономии, повышена плата за обучение и введены другие ограничения. Следует отметить, что еще до повышения платы за обучение положение неимущих девушек было довольно сложным. В исторической записке «Общества для доставления средств высшим женским курсам» отмечалось: «Число совершенно неимущих девушек очень велико... Нередко приезжие из провинции, уплатив 50 руб. за полугодие, остаются с несколькими рублями в кармане. У многих слушательниц нет ни теплого платья, ни крепкой обуви, о том, чтобы покупать себе необходимые книги, нечего и думать, и вот начинаются лихорадочные поиски заработка. В газетах появляются объявления о слушательницах, дающих уроки, о переводчицах, корректорщах, счетчицах... Чуть открывается какая-нибудь возможность заработать хоть несколько рублей, не бросая курсов, слушательницы спешат ею воспользоваться. Многие слушательницы, работая по 12—14 часов в сутки (утром на курсах, вечером — на каких-либо заработках), устраивают себе более сносное существование, но есть и такие, которые несмотря на все старания, не могут получить никакой работы» (263, с. 230—231).

В 1895 г. на курсах было возобновлено чтение курса ботаники, а в 1902 г. и физиологии. С 1906 г. вводилось юридическое отделение. В 1901 г. окончившие Бестужевские курсы получили

право преподавания в старших классах женских гимназий, а позднее, в 1906 г., и в некоторых классах мужских гимназий. Под веянием времени изменился политический настрой курсисток; если до 1886 г. ни одна слушательница Бестужевских курсов не привлекалась к политическим процессам, то в конце 1880-х гг. это стало нормой.

В других городах прием на Высшие женские курсы был возобновлен только в 1890 г. Наряду с Бестужевскими курсами существовали Владимирские, дававшие серьезное медицинское образование. Причем директор и инспектриса на них назначались министром народного просвещения. Анализ специализации женских высших учебных заведений показывает, что 57,5% слушательниц высших женских курсов обучалось на историко-филологических отделениях, 13,5% — на естественнонаучных и 29% изучали педагогические науки (229, с. 14). По официальным данным, к 15 мая 1893 г. в России числилось 546 женщин-врачей, из которых большинство окончило обучение на высших женских курсах. Почти половина этих лиц состояла земскими врачами (164а, с. 122). Многолетняя серьезная практическая деятельность женщин-врачей привлекла к ним всеобщую любовь и доверие. Уравнение женщин-врачей с мужчинами в их правах совершилось уже в царствование Николая II. Бывшие выпускницы Высших женских курсов стали первооткрывателями во многих областях знаний. Е. И. Лихачева издала «Материалы по истории женского образования в России». Е. В. Балабанова написала первый в России учебник библиотечного дела. Е. И. Тиме и О. Г. Клементьева, актрисы, преподавали в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. Писательница А. А. Караваева дважды награждалась Государственной премией. О. А. Добиаш-Рождественская стала первой женщиной в дореволюционной России, получившей докторскую степень по истории. С. В. Романская — первая русская женщина-астроном.

Как видим, высшее женское образование преодолело немалые трудности. Женщины завоевали равенство и признание мужчин и ныне трудятся наравне с мужчинами в самых различных областях науки и производства.

Средняя школа

В области среднего образования перед Министерством народного просвещения стояли задачи дальнейшего развития классических и реальных гимназий, освобождения от многопредметности и перегруженности учебных планов и программ. Затраты правительства на содержание учреждений среднего образования в 1887 г.

составили около 10 млн руб., на одного гимназиста государство расходовало в среднем 166 руб. Уровень успеваемости в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах был невысок. По данным всеподданнейшего отчета Делянова за 1884 г., он составлял в гимназиях в 1883 г. — 68,2%, в 1884 г. — 68, 9%, в прогимназиях — соответственно 65,3 и 65,5%, в реальных училищах — 66,9 и 69,1% (129, с. 344). Кардинальное средство повышения качества учебы Делянов видел в «наведении порядка» в средней школе, «подорванного» его предшественниками Сабуровым и Николаи. По его мнению, необходимо было затруднить «доступ в мужские и женские гимназии детям лиц низших сословий». «Наведение порядка» было начато уже циркуляром от 20 ноября 1882 г., где фактически была провозглашена программа возврата к правилам 4 мая 1874 г., разработанным в период министерства Д. А. Толстого и отвергнутых в начале 80-х гг. Очередной шаг был сделан 26 июня 1884 г., когда вышел циркуляр, посвященный усилению роли классных наставников. В этом документе особо подчеркивалось, «что классные наставники наравне с директорами и инспекторами будут подлежать ответственности, если во вверенном им классе обнаружится на учениках пагубное влияние превратных идей, внушенных злонамеренными людьми, или даже сами молодые люди примут участие в каких-либо преступных деяниях, и таковые поступки их не будут своевременно обнаружены заведением (38а, оп. 194, д. 521, л. 168—169). Апогеем цинизма Делянова явился циркуляр, изданный 18 июня 1887 г., ставший попыткой изменить социальный состав гимназий и трансформировать их в полупривилегированные учебные заведения. Этот позорный документ, широко известный под названием циркуляра «о кухаркиных детях», предписывал не принимать в гимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т. п.». Для реализации этого указания почти повсеместно были закрыты приготовительные классы, дававшие возможность детям малообеспеченных родителей поступать в школу. Как следовало ожидать, циркуляр вызвал бурное возмущение во всех слоях просвещенного общества. Представитель охранительного крыла в позднем славянофильстве, аристократ, адъютант вел. князя Константина Николаевича генерал А. А. Киреев в своем дневнике осудил принятый документ: «Циркуляр Делянова возбуждает негодование и смех, он пишет, чтобы дирек(тора) не допускали в гимна(зии) детей швейцаров, кухарок, извозчик(ов) e.t.c. Не нелепо ли это? Во-первых, между ними могут быть Ломоносовы, во-вторых, можно бы достигнуть желаемого результата без всякой публикации. Напр(имер), просто требуя более серьезного экзамена

при вступлении, напр(имер) из француз(ского) и немец(кого) языков, или указав на хорошее воспитание или на бедность дворян, которых желательно поддержать, а главное, самый циркуляр незаконен, закон не делает никаких ограничений» (39а, к. 11, л. 15). Раздосадован оказался и старый приятель царя, «ультрадворянин и охранитель — крепостник» В. П. Мещерский. 4 сентября 1887 г. он отправил письмо Александру III, в котором писал: «Не скрою от Вас, что ежедневно приезжают ко мне из провинции люди, которые с прискорбием говорят о сильно дурном впечатлении, произведенном на всех знаменитым деляновским циркуляром о кухарках. Досада и злость берет потому, что знаешь, что не Делянова бранят, а на Вас падают эти толки. Я умолял Делянова написать разъяснительный циркуляр, чтобы смягчить и изгладить впечатление, но что голос мой?..» (677, д. 95, л. 345). Резко отреагировала на циркуляр либеральная печать, в особенности газета «Русские ведомости» и журнал «Вестник Европы». В 1890 г. после продолжительной борьбы большинства и меньшинства в Общем собрании Государственного совета, Делянову удалось за счет незначительного сокращения преподавания «мертвых языков» (латыни и древнегреческого) исключить из гимназического курса русскую литературу и естественную историю.

Реальные училища с 6—7-летним сроком обучения, созданные еще в 1872 г. вместо реальных гимназий, до 1888 г. давали право поступать только в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения. В 1888 г. реальные училища были преобразованы в общеобразовательные учебные заведения, которые давали право поступать также в университет на физико-математический и медицинский факультеты.

В связи с бурным развитием отечественной промышленности и строительством железных дорог выросла потребность в расширении сети технических, ремесленных и промышленных училищ. Последовал ряд узаконений: о промышленных училищах (1888), об устройстве ремесленных училищ (1891), об учебных планах и программе ремесленных училищ (1890), о планах химико-технических училищ (1891), о школах ремесленных училищ со столярными и слесарными отделениями (1891) и др.

В числе средних женских учебных заведений к началу 1882 г. насчитывалось 97 гимназий, 179 прогимназий и 3 высших училища с правами гимназий, в которых обучалось 51 367 учащихся. К 1 января 1895 г. количество учениц выросло до 71 781. В период царствования Александра III Министерство народного просвещения издало несколько распоряжений о женском образовании: о введении преподавания Закона Божия в 8 классе гимназий, о

служебных правах лиц, служащих в женских гимназиях и прогимназиях, о назначении председателей педагогических советов и др. Расход на содержание женских гимназий и прогимназий постоянно увеличивался. В 1881 г. он составлял около 3 млн руб., из которых 34% приходилось на сбор за право учения, около 24% на пожертвования и др. источники, до 16% на средства государственного казначейства и около 15% на земства. В течение 13 лет расход повысился до 5 млн руб., в числе которого 41% составлял сбор на право учения (164а, с. 123).

Ведомство учреждений императрицы Марии

Большую роль в жизни женских учебных заведений играло ведомство учреждений императрицы Марии (ВУиМ). Это был высший государственный орган управления благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, находившимися под покровительством императрицы и других представительниц императорской фамилии. Образовано оно было еще 26 октября 1828 г. как 4-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Историю свою оно вело от Канцелярии императрицы Марии Федоровны, которая 12 ноября 1796 г. была поставлена ее супругом Павлом I «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц». 29 мая 1880 г. рескриптом Александра II воспитательные и благотворительные заведения ВУиМ были вверены августейшему покровительству цесаревны Марии Федоровны. При Александре III под сенью императрицы Марии Федоровны ведомство продолжало неуклонно следовать заветам своей основательницы. Молодая царица обратила свое внимание на необходимость создания особых средних женских учебных заведений, в которых общее образование совмещалось бы с профессиональным. Это особенно важно было для обеспечения участи девушек из малообеспеченных семей. Уже в 1882 г. по воле императрицы были открыты училища, где девушки получали начальное образование и определенные профессиональные навыки. В честь августейшей основательницы таким училищам присваивалось наименование Мариинских.

В Мариинских училищах преподавались: Закон Божий, русский язык, арифметика, отечественная история и география, начальные сведения из естествознания, чистописание, рисование, пение и рукоделие. Курс обучения продолжался 4 года. Особое внимание в Мариинских училищах обращалось на рукоделие. Каждая ученица при выпуске из заведения должна была уметь скроить и сшить для себя все необходимое.

Крупной вехой в жизни учреждений императрицы стало создание Ксенинского института в С.-Петербурге. Памятный для августейшей семьи день бракосочетания старшей царской дочери великой княжны Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем 25 июля 1894 г., Александр III ознаменовал изданием повеления об устройстве в Николаевском дворце женского института благородных девиц. Предусматривалось с 1895 г. принимать в него 350 полусирот из дворянских семей, с тем, чтобы 175 вакансий были бесплатными, а на остальные принимать воспитанниц с платою по 250 руб. в год. «Следя за развивающимися потребностями народного просвещения в нашем отечестве, — говорилось в указе об учреждении Ксенинского института, — и озабочиваясь всемерным содействием недостаточным родителям к воспитанию детей их в правилах долга и чести, мы признали за благо, дабы ознаменовать полезным делом день бракосочетания любезнейшей дочери нашей великой княжны Ксении Александровны, учредить ныне новое женское учебно-воспитательное заведение, в коем дочери наших верноподданных, приобретших службою или по рождению права дворянства, но не имеющих средств, необходимых для воспитания своих детей, могли бы получать законченное общее образование и приобретать под руководством опытных наставников те практические сведения, которые, делая женщину полезной в собственной семье, дают при современном спросе на женский труд не осчастливленным семейной жизнью честный заработок» (164а, с. 120).

На обустройство дворца для учебных целей было ассигновано единовременно из государственного казначейства 400 000 руб., для обеспечения будущего персонала института пенсиями — 500 000 руб. и, кроме того, ежегодно по 152 000 руб. на содержание института. В Ксенинском институте был предусмотрен 10-летний курс, который включал 7 общих и 3 профессиональных (бухгалтерских и рукодельных) класса. Большее внимание в преподавании уделялось предметам, имеющим отношение к жизни и семейному обиходу, домашнему хозяйству и гигиене.

Число женских учебных заведений ВУиМ при Александре III увеличилось открытием двух женских Мариинских гимназий в Маргилане и Самарканде.

В 1894 г. после кончины великой княгини Екатерины Михайловны по высочайшему повелению в ВУиМ были переданы некоторые из заведений, находившихся в непосредственном ее управлении, — Мариинский институт и училище св. Елены. Всего в ВУиМ к 1894 г. ежегодно обучалось более 26 тыс. девиц. В том числе в институте и других закрытых заведениях ведомства, а также специальных курсах

при них воспитывалось и получало законченное образование свыше 10 тыс. девиц разных сословий и вероисповеданий; в 3 Мариинских училищах и в 70 других женских школах, учрежденных разными обществами воспитывалось более 6 тыс. девиц; в 31 гимназии, в прогимназиях и на педагогических курсах ведомства получало образование до 10 тыс. девиц (там же, с. 122).

Начальная школа

Первой ступенью общего образования являлась начальная школа. К 80-м гг. XIX в. в России функционировали следующие типы начальных учебных заведений: 94% всех школ этого уровня представляли одноклассные училища с курсом обучения в 1—3 года (приходские училища Министерства народного просвещения, земств и Св. синода); 4% — 2-классные с курсом 4—5 лет (уездные, министерские образцовые училища, церковноприходские школы); 2% — многоклассные с курсом в 6 лет (городские) (238, с. 655).

После 1 марта 1881 г. усиливается религиозная направленность преподавания в общеобразовательных школах. Процесс этот сопровождался горячими спорами. Ревнители церковных школ считали, что лишь религиозное просвещение близко народу и способно дать настоящее нравственное воспитание. Видную роль в распространении церковно-школьного обучения сыграл педагог-просветитель С. А. Рачинский, получивший высокую оценку со стороны К. П. Победоносцева, Л. Н. Толстого, И. С. Аксакова. В то же время многие общественные деятели либеральной ориентации выступали против церковных школ, ссылаясь на кастовую замкнутость духовенства, занятость священников, отсутствие у них специальных педагогических знаний.

13 июня 1884 г. Александр III утвердил «Правила о церковноприходских школах». Утверждая эти правила, на докладе о них он написал: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле». Для заведования школами при Синоде учреждался Училищный совет.

Церковноприходские школы стали создаваться во многих местах России, часто в самых глухих и отдаленных селениях. Здесь они являлись единственным и незаменимым источником просвещения для народа.

Духовному ведомству были также подчинены общинные элементарные школы грамоты, а также воскресные школы для взрослых.

Предусматривалось создание одноклассных и двухклассных училищ со сроком обучения 2 и 4 года (в начале XX в. курс был

увеличен до 3 и 6 лет). Обучение вели священники, дьяконы и дьячки, учителя и учительницы, окончившие главным образом церковно-учительские школы и епархиальные училища. В программу церковноприходских школ, как правило, входили закон Божий, церковное пение, церковно-славянское чтение, русский язык, арифметика, чистописание. В двуклассных школах преподавались кроме того начала русской и церковной истории. К. П. Победоносцев добивался того, чтобы церковные школы просвещали народ «в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность.

При восшествии на престол Александра III в России было свыше 4 тыс. церковноприходских школ (106 тыс. учащихся), а в год его кончины уже более 31 тыс., в которых обучалось около миллиона мальчиков и девочек. Бурный рост таких школ был связан в значительной степени с одновременным усилением финансирования из казны. Расходы ее по данной статье выросли с 55 500 руб. в 1884 г. до 3,08 млн руб. в 1893 г. и поднялись до 6,8 млн руб. в 1900 г. (141, с. 5—15). При всем при этом Делянову не удалось ликвидировать начальную светскую школу. Ведущую роль в развитии народного образования продолжали играть земские школы, количество которых неуклонно возрастало. Как показывают данные 1896 г., в министерских училищах и земских школах обучалось 4 млн детей, а в школах духовного ведомства — 1 млн (292, с. 250).

В 80—90-е гг. продолжалась просветительская деятельность общественности за всеобщее повышение грамотности населения страны. В числе выдающихся педагогов, теоретиков и практиков народного образования и просвещения следует назвать Л. Н. Толстого, И. Я. Яковлева, Н. Ф. Бунакова, П. Ф. Каптерева, Д. Д. Семенова, Н. Н. Блинова, В. Я. Абрамова. Весьма положительный опыт соединения традиционного воспитания с педагогической теорией проявили Яснополянская школа Л. Н. Толстого и Симбирская учительская школа И. Я. Яковлева. Л. Толстой был не только талантливым автором детских книг, но вместе с тем и замечательным методистом. Для распространения своих взглядов он создал «Азбуку» — серию учебных книг для начальной школы с методическими указаниями для учителей. В организованном им издательстве «Посредник» напечатал ряд рассказов для детей, опубликовал пособия «Круг чтения», «Мысли мудрых людей на каждый день», начал работать над книгой для родителей и воспитателей «Детский круг чтения». И. Я. Яковлев более 50 лет преподавал в Симбирске, организовал школу для чувашей, которая стала центром национальной чувашской культуры.

Лабораторией педагогических поисков Н. Ф. Бунакова стали содержащиеся на его средства начальная школа в Воронеже в 1867—1884 гг., а затем начальное народное училище в с. Петино (ныне Хохольского района Воронежской обл.), которое он возглавлял в 1884 — 1902 гг. При училище Бунаков создал школу для взрослых и открыл в 1888 г. первый в России крестьянский самодеятельный театр. П. Ф. Каптерев разрабатывал широкий комплекс проблем дошкольной педагогики и семейного воспитания, дидактики, истории, русской педагогики и педагогической психологии. Д. Д. Семенов являлся автором трудов по истории просвещения и педагогики в России и Европе. Несколько изданий выдержал его 6-томный труд «Отечествоведение». Активно сотрудничал во многих педагогических журналах, редактировал в 1888—1891 гг. журнал «Детское чтение». Н. Н. Блинов многие годы работал в Вятском земстве как неутомимый деятель народного образования, писатель для народа, исследователь быта нерусских народностей северо-востока России. Наиболее известные его книги: «Народное образование в Вятской губернии за 10 лет» (1876), «Жизнь Робинзона» (1879), «Рассказы о сельской общественной службе» (1881). В. Я. Абрамов был учителем народной школы в деревне Волково вблизи Петербурга.

Одним из результатов деятельности Абрамова было то, что все население Волкова, как коренное, так и пришлое, стало грамотным. В 1896 г. педагогическая общественность отметила 25-летний юбилей работы Абрамова, чествуя в его лице плодотворную общественную деятельность многих сотен безвестных тружеников в начальной сельской школе. В целом надо признать, что 80—90-е гг. в сравнении с предшествующим временем отличаются прежде всего заметным ростом педагогической литературы, которая, не всегда достигала той педагогической высоты, на которой стоят книги, появившиеся до них (161а, с. 190—191). Наряду с этим следует признать, что начальная школа из-за своей малочисленности, а также недоступности для беднейших слоев населения, не могла удовлетворить запросов народа на образование. Число детей, которые имели возможность учиться, продолжало оставаться крайне низким. Так, в 50 губерниях европейской части России в 1880 г. училось всего 8,7% детей в возрасте 8—14 лет, а в 1894 г. — 15,6% (2026, с. 522—523).

* * *

Объективные условия развития России в 80—90-е гг., потребности народного хозяйства предъявляли повышенный спрос на грамотных людей. Промышленности и транспорту требовались

инженеры, сельскому хозяйству, хотя и обремененному пережитками крепостничества, нужны были агрономы, геодезисты, ветеринары. Функционирование государственной системы нуждалось в образованных чиновниках, юристах, просвещенных священнослужителях. Консерваторам и рутинерам не удалось остановить поступательного движения русской школы. Перемены, которые произошли в жизни школы, в ее просветительном значении и социальной роли были разительны. На смену узкой сословной феодальной школе приходит школа буржуазная, классовая, сравнительно более доступная для широких слоев населения. Всеобщая перепись, проведенная 28 января 1897 г., дает возможность установить некоторые данные об уровне грамотности и образования в стране. При общей численности населения 125 640 тыс. человек, грамотных людей насчитывалось всего 21,1%, в том числе из 62 477, 3 тыс. мужчин — 29,3%, среди 63 162, 7 тыс. женщин — 13,1%. В целом показатели грамотности городского населения были почти в 3 раза выше, чем сельского.

Число молодежи, окончившей начальную школу среди призывников возросло в 10 раз (с 2471 человека в 1876 г. до 25 752 в 1896 г.). В то же время свыше половины новобранцев были неграмотны (376, т. 37, 1951, с. 37, 39, 49). Из общих «просветительных» сумм Министерство народного просвещения в 1897 г. расходовало на начальное образование только 14,1%. По отношению к государственному бюджету казенные расходы на начальную школу (министерства и Синода) в том же году составляли лишь 0,7%. Казенные ассигнования на начальное образование в 1880 г. были в 7 раз, а в 1894 г. в 5 раз меньше общественных (324, с. 33, 34, 137, 193). Это значит, что народная школа в 80—90-е гг. своим подъемом обязана прежде всего общественным затратам на нее, не говоря уже об общественном участии в ее строительстве.

Расходы на содержание средних учебных заведений были несколько иными. Из общей суммы этих расходов вложения казны составляли: на мужскую среднюю школу ведомства просвещения — 50,5%, на женскую — 15,5%; общественные пособия — соответственно 19,5% и 17,3% и плата за обучение — 22,7 и 52% (там же). Легко видеть, что материальным «вспомоществованием» средним женским школам правительство себя не обременяло. В отличие от начальных и средних высшие учебные заведения содержались в основном за казенный счет. 77,1% общего их бюджета составляли казенные средства (229, с. 19), за исключением женских, которые субсидировались всецело за счет частных и общественных поступлений.

4. КОРОНАЦИЯ АЛЕКСАНДРА III

Венчание на царство Александра III и его супруги состоялось 15 мая 1883 г. За неделю до этого события императорская чета выехала в 2 часа ночи из Гатчины и прибыла в Первопрестольную 8 мая около шести часов вечера, остановившись в небольшом по размерам Петровском дворце, выстроенном еще Екатериной II под Москвой. Несмотря на то, что с первомартовского покушения прошло более двух лет и правительство довольно крепко уселось в седло, тем не менее в верхах побаивались как бы на коронации чего-нибудь не произошло. Принимались беспрецедентные меры безопасности. Вдоль всего маршрута следования царской семьи из Гатчины в Москву были расставлены вооруженные часовые. Только узкий круг лиц знал день и час выезда монарха.

Министр внутренних дел Д. А. Толстой лично осмотрел подвалы всех церквей и принял необходимые средства предосторожности. От Петровского дворца до Кремля предполагалось кроме войска и наемных агентов разместить 23 тыс. добровольно принявших на себя охрану крестьян. Организация этой стражи возлагалась на графа Бобринского. Каждый домовладелец составлял список лиц, допущенных им в дом для того, чтобы смотреть на въезд императора. На крышах запрещалось собираться, а на чердаках повсеместно размещались солдаты. Несмотря на все эти предосторожности, никто не мог гарантировать уберечь людей от единичной динамитной бомбы, хотя полиция была уверена в отсутствии заговора среди нигилистов. Находясь в Петровском дворце, император в течение трех дней принимал высоких гостей и чрезвычайных послов, прибывших из зарубежных стран. 10 мая во второй половине дня последовал торжественный въезд августейшей семьи в Москву.

К этому дню златоглавая столица основательно преобразилась, похорошела. Все улицы города украсились флагами, транспарантами, вензелями, грандиозными декоративными сооружениями из зелени и цветов. В пробивающихся из-за облаков лучах солнца приятное впечатление производил Кремль, стены которого расцветили гербами всех губерний России. Обновленными выглядели реставрированные соборы Кремля и расписанная Грановитая палата. Обширное пространство между Петровским дворцом и Кремлем заполнилось несметными тысячами верноподданных российского царя, желавшими увидеть его вместе с августейшей семьей. В 3-м часу дня торжественная процессия под восторженные крики народа тронулась в путь. У Триумфальных ворот императорская семья была встречена генерал-губернатором князем

В. А. Долгоруким с адъютантами. У Старых Триумфальных ворот при вступлении в Земляной город, Александра III встретили городской голова Б. Н. Чичерин с гласными Думы и с членами управ — городской, мещанской и ремесленной. На площади Страстного монастыря, при въезде в Белый город царя встретили председатель и члены московской губернской управы. Московское дворянство во главе с губернским предводителем графом А. В. Бобринским встретило августейшего вождя против генерал-губернаторского дома; московский губернатор В. С. Перфильев с представителями административных и судебных учреждений — у Воскресенских ворот. Здесь императорская чета вошла в самую известную и почитаемую московскую часовню Иверской иконы Богоматери, где встречена была епископом Дмитровским Алексием с крестом и святою водой. Царь и царица коленопреклоненно молились перед образом Пречистой Владычицы и приложились к нему. В Спасских воротах Кремля прибытие державной семьи ожидал московский комендант со своей свитой. Въезд прошел весьма благополучно, в высшей степени организованно, с блеском. Императорская семья посетила Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы. Звон колоколов заглушался непрерывными и потрясающими криками «Ура!». Как только царская чета направилась к Красному крыльцу Большого Кремлевского дворца, где ее встретил хлебом-солью обер-церемониймейстер, т. н. верховный маршал князь В. А. Долгоруков, был произведен 101 выстрел, а во всех церквах начался колокольный звон, который продолжался в течение всего дня. Вечером Белокаменная столица была изящно иллюминирована. На следующий день в Оружейной палате прошла торжественная церемония освящения нового государственного знамени. Освящение совершал протопресвитер В. Б. Бажанов в присутствии Александра III. Следует напомнить, что государственное знамя применялось практически в двух случаях: при короновании и погребении императоров. До середины XIX в. не существовало утвержденного государственного знамени. Параллельно с бело-сине-красным знаменем, узаконенным Петром I, существовало и черно-желто-белое, цвета которого геральдически объяснялись так: черный соответствовал цвету Государственного герба, черному орлу, желтый — полю Государственного герба, белый — всаднику св. Георгию. В 1858 г. Александр II лично нарисовал Государственное знамя и указал цвета: черный, желтый и белый. Однако в 1883 г. Александр III вновь вернул петровские цвета знамени: белый, синий и красный. Забегая вперед, скажем, что в 1886 г. монарх утвердил эти цвета и для флага «коммерческих судов». Позже Николай II, в год 300-летия

династии Романовых, вновь подтвердил указ Александра II о государственных цветах России. Государственное знамя при Александре III изготовили из прекрасной золотой ткани темного оттенка, на которой с обеих сторон был изображен императорский орел с титульными гербами на персях, на крыльях и по его окружности. Внешние гербы соединялись пальмами и дубовыми ветвями. Древко, кайма и бахрома соответствовали государственным цветам. Древко увенчивалось золотым яблоком (державой) с государственным орлом. На андреевских лентах знамени были указаны года: 862 (основание государства), 988 (Крещение Руси), 1497 (принятие царского титула), 1721 (принятие императорского титула). Итак, сразу же по освящении знамени, царская семья переехала в Александрийский дворец, в Нескучном саду, где провела три дня перед коронованием. 13 мая прошла репетиция коронационного шествия в Кремле. На следующий день в 3 часа дня состоялось торжественное перенесение императорских регалий из Оружейной палаты (доставленных сюда из Петербурга в конце апреля) в Андреевский Троицкий зал Кремлевского дворца. Регалии (большая и малая императорские короны, скипетр, держава, порфиры, коронные знаки ордена Св. Андрея Первозванного, государственная печать, меч, знамя) были внесены высшими государственными сановниками при ассистентах. Важно подчеркнуть, что названные регалии являлись символами монархической власти и имели не только огромную историческую, но и художественную и материальную ценность. Большая императорская корона, несмотря на большой вес (около 2 кг), производила впечатление легкого и изящного изделия. Любопытна история изготовления этой короны. Екатерина II при вступлении на престол заказала для своей коронации (22 сентября 1762 г.) придворному ювелиру Иеремию Позье из Женевы новую корону, передав ему все свои бриллианты, оправа которых вышла из моды. Новая корона по красоте и богатству материалов должна была превосходить все существовавшие европейские регалии и вместе с тем должна была весить не более пяти фунтов. Когда через несколько недель Позье примерил корону, императрица сказала ему, что «очень ею довольна и в течение четырех или пяти часов, во время которых продолжится церемония, как-нибудь выдержит эту тяжесть». Впоследствии корона несколько раз переделывалась перед коронацией всех последующих императоров. Стоимость короны в 80-х гг. XIX в. составляла сумму свыше 1 миллиона рублей. Малая императорская корона для императриц была изготовлена по образцу большой короны ювелирами Я. Дюваль и Ж. Дюваль в 1801 г. Императорский скипетр изготовили к коронации Павла I

(5 апреля 1797 г.) в виде изящного золотого жезла 81 см длиной, осыпанного алмазами и драгоценными камнями. Венчал скипетр знаменитый алмаз «Орлов», к оправе которого прикреплен российский герб, покрытый черной эмалью. Алмаз «Орлов» был подарен Екатерине II графом Орловым в 1773 г. и оценивался в конце XIX в. в 2,5 млн руб. Держава в виде шара, увенчанного бриллиантовым крестом, представляла собой символ владычества над землей. Изготовлена она была к коронации Павла I. Порфиры, или императорские мантии, имели вид длинных плащей без рукавов, изготовленных из золотого глазета. Коронные знаки ордена Св. Андрея Первозванного были составлены из крупных и мелких бриллиантов. Государственная церемониальная печать представляла собой подобие большой монеты. Выработана она была из серебра еще в царствование Алексея Михайловича. На ней вырезан государственный орел, но без титульных гербов. Государственный меч представлял собой холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямоугольного стального ножа с рукоятью, верх которой заканчивался орлиными головами под короной. Длина клинка с золотой чеканкой составляла 97,82 см. Государственный меч упоминается в числе регалий впервые при Петре I. При коронации русские государи не опоясывались мечом, как это делалось, например, при коронациях римско-немецких императоров. Символами верховной власти являлись также троны, которые представляли собой богато украшенные кресла на специальном возвышении. При коронации Александра III троном служило престольное место первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича. Трон этот известен под названием персидского. Яркое и своеобразное цветовое впечатление ему придавало великолепное сочетание золота, яхонтов, гиацинтов, бирюзы, а также щедро рассыпанных крупных жемчужин и жемчужных раковин, сапфиров, аметистов и хризолита. Для Марии Федоровны предназначался роскошный, так называемый алмазный трон царя Алексея Михайловича, выполненный придворными ювелирами персидского шаха в Исфагане в 1659 г. Для украшения трона пошли сотни прекрасных алмазов и яхонтов. По сторонам трона размещались диковинные персидские миниатюры с изображением птиц, животных, растений и сцен охоты. Вечером 14 мая царственные особы переехали в Николаевский дворец Кремля. На следующий день свершилось торжество коронования. Как отмечали очевидцы, оно прошло с полным великолепием, согласно установленному церемониалу.

В 7 часов утра по сигналу 21-м пушечным выстрелом начался от Успенского собора благовест. На указанных местах собрались

участники предстоящего шествия, а войска выстроились шпалерами по всему их пути. Двор собрался в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, в других залах — гражданские и военные чины, дамы, сенаторы, представители земств, председатели городских управ, министры, придворные сановники. К 9 часам закончился заздравный молебен в Успенском соборе и три митрополита, Новгородский, Киевский и Московский, в сопровождении духовенства вышли из собора навстречу первому кортежу во главе с цесаревичем. Наследник престола Николай Александрович шествовал под руку с королевой Греции Ольгой Константиновной. За ним следовал его брат великий князь Георгий со своей прелестной восьмилетней сестрой Ксенией. Далее шли особы императорской фамилии, иностранные принцы и принцессы, их свиты и большая часть двора. Духовенство встретило этот кортеж с крестом и святою водой. Появление наследника сопровождалось восторженными, громовыми криками «Ура!», то затухающими, то вновь нарастающими с новой силой. Шествие основного кортежа началось четверть часа спустя по звуковому сигналу, исполненному трубами и литаврами. Открывали процессию кавалергарды, пажи и церемониймейстеры. За ними следовали представители волостей великой страны, городские головы, председатели земских управ, лица различных сословий, начальники присутственных мест и др. Царские регалии доставлялись аналогично перенесению их из Оружейной палаты в Тронный зал. Императорской чете предшествовал верховный маршал с жезлом. Александр III показался под руку с супругой. Выражение лица монарха серьезное и слегка взволнованное. «Государыня, — отмечала баронесса Эдита Раден, — выглядела молодо и прекрасно, как двадцатилетняя девушка. Ее чудные волосы падают локонами на плечи. На ней нет никаких украшений. Она в платье из серебряной парчи. Вокруг шеи обвиваются нити чудного жемчуга». Когда венценосная пара выходит на Красное крыльцо, раздаются пушечные выстрелы, все колокола начинают звонить и лучи солнца прорываются сквозь весенние тучи. Десятки тысяч голосов верноподданных, собравшихся на Соборной площади, приветствуют императора, который со своей супругой становится под царский балдахин. Этот нарядный навес на столбах, изготовленный из золотой парчовой ткани, несли 16 генералов, а 16 генерал-адъютантов держали шнуры от него. Блестящая свита чинно сопровождала императорскую чету. У дверей Успенского собора Московский митрополит Ионникий во главе своего духовенства, с крестом в руке встретил первое лицо империи с краткой приветственной речью. В соборе императорская чета заняла места на тронах царей Михаила Федоровича

и Алексея Михайловича. У подножия первого трона ассистентами императора стали великие князья Владимир и Алексей Александровичи, а у подножия трона государыни — великий князь Сергей Александрович и принц Датский Вальдемар. Между тронами — командир Кавалергардского полка генерал Н. Н. Шипов с обнаженным палашом и каской. Рядом расположились высшие лица империи, державшие регалии, а также придворные, почти исключительно из древних русских дворянских фамилий — Голицын, Гагарин, Апраксин, Мещерский, Всеволожский, Балашов, Уваров, Ушаков. Как остатки прошлого царствования видны немцы — Нессельроде, Грот, Пален, Сивере. Слева от государя стояли министр двора граф И. И. Воронцов-Дашков, военный министр П. С. Ванновский, командующий главной императорской квартирой А. Б. Рихтер, посол в Париже граф Н. А. Орлов, посол в Берлине П. А. Сабуров, фельдмаршалы великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич. На коронации присутствовали также правители европейских государств, члены правительств, многочисленные иностранные гости. Слышится торжественное пение певчих, служится молебен. Первенствующий Новгородский митрополит Исидор вступил на верхнюю площадку трона и предложил монарху прочитать символ православной веры. Взволнованный государь прочитал уставную молитву с чувством, ровным голосом, внятно и четко. После благословения императорской мантии, ассистенты укрепляют ее на плечах Александра III. По возложении порфиры (мантии) Александр III склонил голову, а первенствующий митрополит осенил его крестным знамением и, возложив на голову царя крестообразно руки, прочитал положенные молитвы. Принесли корону, престарелый архипастырь благословил ее и подал правителю государства на подушке из золотой парчи. Царь собственноручно возложил корону на голову, взял в правую руку скипетр, а в левую державу, воссел на престол, а затем, положив обе регалии на подушки, поданные несшими их особами, обратился к императрице. Государыня подойдя к августейшему супругу, преклонила пред ним колена. Александр III, сняв с себя корону, прикоснулся краем ее ко лбу Марии Федоровны, потом снова возложил ее на свою голову. Взяв малую императорскую корону, монарх возложил ее на голову государыни. Царь и царица сильно растроганы. По лицу государя текут слезы. Между тем на Марию Федоровну, все еще коленопреклоненную, надели мантию, и тогда наконец она встает уже коронованной императрицей, умеющей с достоинством носить свою порфиру. Протодиакон провозгласил полный императорский титул, певчие запели «Многая лета», а снаружи донеслись звуки 101 выстрела,

возвещавшего народу, что святое коронование свершилось. Все присутствующие в соборе, не оставляя своих мест, троекратным поклоном принесли поздравления Александру III. Императрица и лица царской фамилии поздравляли монарха, подымаясь по ступеням к самому престолу.

С окончанием звона и пальбы из пушек, Александр III, стоя на коленях, прочитал по книге молитву: «Господи Боже отцев и царю царствующих». Вслед за этим митрополит Новгородский также коленопреклоненно прочитал положенную молитву и обратился к царю с приветственной речью. Чин священного коронования окончился пением певчих «Тебе Бога хвалим». В 11 часов началась Божественная литургия. Передав скипетр и державу лицам свиты, государь вошел через царские врата в алтарь, где по миропомазании причастился святых тайн. Марию Федоровну приобщил митрополит. После причащения августейшая чета воссела на тронах. По окончании литургии нововенчанным был поднесен крест для целования и все присутствовавшие вновь поздравили их троекратным поклоном. Следует отметить, что вышеописанная церемония на царство довольно выразительно изображена на картине Жоржа Беккера «Коронация императора Александра III и императрицы Марии Федоровны», законченной художником в 1888 г. Из Успенского собора царь и царица в порфирах и коронах под балдахином проследовали в Архангельский и в Благовещенский соборы. Взойдя на Красное крыльцо, венценосная пара троекратно поклонилась народу. Вступив во дворец, коронованные особы отдали регалии и в коронах удалились во внутренние покои. По традиции в этот же день в Грановитой палате состоялся парадный обед. Из числа высшей российской элиты на него было приглашено 159 человек. Обеденный стол для императорской четы был устроен на троне под балдахином. Для особ императорской фамилии стол приготовили в тайнике. Рассказывая о торжественном обеде в Грановитой палате, баронесса Раден с умилением сообщает: «В ту минуту, когда государь входил в палату, в раскрытое окно влетел белый голубь, попорхал над императорским местом и затем улетел... То же самое, — добавляет баронесса Раден, случилось, как известно, и в Иверской часовне: в то время, когда приближалось торжественное шествие, белая голубка влетела в часовню и оставалась там все время, пока царь и царица творили свою молитву. Все приветствуют с радостью это счастливое предзнаменование». Во время обеда присутствовавшим роздали медали, отчеканенные в память этого знаменательного события. Блюда для Их Величеств вносили штаб-офицеры в предшествии верховного маршала; ставили

на стол обер-гофмаршал и гофмаршал. При трубных звуках, канонаде орудий были провозглашены четыре тоста: за здравие императора при восторженных криках приглашенных, обер-шенком за столом при 61 выстреле; государыни-императрицы — при 51 выстреле; наследника цесаревича Николая Александровича и всего императорского дома — при 31 выстреле, за духовных особ и всех верноподданных — при 21 выстреле. В промежутках между блюдами императорскими артистами и хором исполнялась кантата, написанная к коронации П. И. Чайковским на стихи А. Н. Майкова. По окончании обеда, который продолжался около часа, Александр III, сойдя с трона, возложив на голову корону и, взяв в руки скипетр и державу, направился с императрицей, при пении хором «Слава», в Андреевский зал. Оставив там все регалии, императорская чета удалилась во внутренние покои. По принятому обычаю в день коронации были объявлены немалые милости бедствующим и страждущим. Прощены все недоимки, снижены штрафы по ссудам, начетам по ущербам. Облегчена участь осужденных и лиц, совершивших государственные преступления при условии проявления ими искреннего раскаяния. Известно, что в 1883 г. Н. Г. Чернышевский был переведен из Вилюйского острога на поселение в Саратов. Весьма щедро были одарены ведущие государственные деятели империи, получившие чины и титулы, награды и ценные подарки. Только бриллиантов было роздано на 120 тыс. рублей. Как всегда в этих случаях выражались и радости, и обиды. Свою признательность выразили в связи с этим Адлерберг, Толстой, Делянов, Баранов, Сольский, Старицкий... Критически мыслящий Валуев в своем дневнике отметил: «Почему добрейшему гр. Баранову пожалован двойной портрет? Почему ген. Веригину портрет? Почему так мало правды в некоторых рескриптах и грамотах, наприм., Рейтерну и Абазе?» Валуев также обратил внимание на то, что так называемые массы народа в Кремле были большей частью набраны охраной и полицией. В вечернее время с 15 по 17 мая Первопрестольная и в особенности Кремль были великолепно иллюминированы с невиданной до того пышностью. Тверская утопала в огнях. Особенно богато был освещен генерал-губернаторский дом. Могущественная и изящная колокольня Ивана Великого в сумерки озарялась внезапным электрическим светом и представляла поразительное зрелище. Иван Великий, или, как его еще называют, «Годунов столп», казался отлитым из огненной сверкающей массы. Эта громада подавляла своим величием остальные здания Кремля. 16 мая императорская чета принимала поздравления от земств и городов, дипломатического корпуса и

духовенства. Государь каждому жал руку, а императрица давала целовать свою. По словам баронессы Раден, особенно трогательно было видеть, как поздравляли царя волостные старшины. Граф Толстой представлял их по губерниям группами от 3 до 10 человек. Некоторые из них подносили хлеб-соль на серебряных блюдах. Государь принимал их и передавал министру двора. Для каждой группы он находил несколько ласковых слов. Некоторые крестьяне подносили иконы... Государь всякий раз совершал крестное знамение, прикладывался к иконе и собственноручно передавал ее министру. 17 мая поздравления приносились военными, лицами придворного круга и чинами первых четырех классов. На следующий день нововенчанная чета принимала поздравления от дам первых 6 классов, супруг и дочерей потомственных дворян. Вечером в Большом театре состоялся парадный спектакль, давали первый акт оперы «Жизнь за царя» и балет «День и ночь». Сильное впечатление произвело на баронессу Эдиту Раден и зрелище народного гуляния на Ходынке. Она так описывает главный момент — прибытие государя: «Наконец от Петровского дворца показался экипаж государя. Его Величество с государыней показался на галерее (царского павильона), и вмиг полмиллиона человек обнажили свои головы и воздух задрожал от такого ура, какого не услышишь дважды в жизни! Оркестры музыки перед самым павильоном исполняют гимн, но его почти не слышно». Во время обеда для волостных старшин, представлявших крестьянство России, в палатках около Петровского дворца Александр III обратился к ним со следующими словами: «Я очень рад еще видеть вас. Душевно благодарю за ваше сердечное участие в торжествах наших, к которым так горячо отнеслась вся Россия. Когда вы разъедетесь по домам, передайте всем мое сердечное спасибо. Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Слухи эти распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна. Дай бог вам счастья и здоровья». «Мы довольны, довольны, много довольны!» — единодушно отозвались старшины на слова императора. После обеда каждому из присутствовавших 630 старшин были вручены кабинетные поясные портреты Александра III. Гуляния на Ходынском поле, где собралось до 300 тысяч человек, прошли без каких-либо происшествий. Естественно, такого количества людей нельзя было собрать с помощью полиции. В день смерти своей матери императрицы Марии Александровны 22 мая властелин России с августейшими детьми и особами царской фамилии

ездил в Троице-Сергиеву лавру. На следующий день император присутствовал в Сокольниках на праздновании 200-летнего юбилея первых регулярных российских полков — Преображенского и Семеновского. За обеденным столом разместилось 12 тысяч солдат. На огромной эстраде — 600 военных музыкантов. Были исполнены марш П. И. Чайковского и российский гимн. Государь выпил чарку водки за здоровье русской армии и вместе с императрицей обошел столы.

26 мая в присутствии императорской семьи состоялось освящение самого грандиозного из русских храмов — храма Христа Спасителя, история создания которого связана с Отечественной войной 1812 г. Победу России в той войне над огромным всеевропейским войском Наполеона многие современники и сам император Александр I рассматривали как некое чудо, ниспосланное свыше. Поэтому не случайно в царском манифесте, подписанном в день Рождества 1812 г., говорилось: «В ознаменование благодарности нашей к промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы в первопрестольном граде нашем создать церковь во имя Спасителя Христа». Был объявлен конкурс на проект храма, в результате которого в 1817 г. был утвержден проект А. Л. Витберга, предложившего возвести его на Воробьевых горах. Церемония закладки храма Христа Спасителя прошла 12 октября 1817 г., в пятую годовщину ухода наполеоновской армии из Москвы. Однако через десять лет Николай I, убедившись в разорительности строительных работ и ненадежности грунтов, выбрал новое место — у Пречистинских ворот на месте древнего Алексеевского монастыря. 10 сентября 1839 г. произошла закладка храма Христа Спасителя, но уже по проекту архитектора К. А. Тона, выполненного в т. н. русско-византийском стиле. Основные сюжеты для наружных горельефов и внутренней отделки наметил митрополит Филарет. Строительство величественного пятиглавого храма (высота его составляла 103,3 м) с большой центральной и четырьмя угловыми башенками-колокольнями с четырнадцатью колоколами велось до 1883 г. Сооружение отличалось роскошью внешнего и внутреннего убранства. В возведении и художественном оформлении храма приняли участие известные скульпторы Н. С. Пименов, П. К. Клодт, Н. А. Рамазанов, Ф. П. Толстой и др. Над росписями трудились мастера-живописцы А. Т. Марков, Г. И. Семирадский, В. В. Верещагин, К. Е. Маковский, В. И. Суриков, А. И. Корзухин, Е. С. Сорокин и др. Отличительной особенностью храма Христа Спасителя было то, что он являлся не только церковью, но и мемориальным музеем воинам-победителям в Отечественной войне

1812 г. Освещение величественного храма происходило при огромном стечении народа. Заглядывая в будущее, скажем, что через 29 лет в такой же солнечный день 30 мая 1912 г. у храма Христа Спасителя был открыт памятник Александру III, сооруженный на средства, собранные от пожертвований. Авторами монумента стали гранды своего дела — скульптор А. М. Опекушин и архитектор А. Н. Померанцев. Памятник представлял собой могучую статую императора Александра III на высоком гранитном пьедестале лицом к Москве-реке. Царь-миротворец запечатлен был сидящим на троне в мантии с императорской короной на голове, держа в руках скипетр и державу. По мнению многих современников, 15-метровый памятник удивительно гармонично вписывался в общий архитектурный ансамбль храма. Собравшаяся публика на площади у храма в день его освящения не подозревала, какая трагическая судьба ожидала уникальное творение архитектуры. Вскоре после переезда советского правительства в Москву из Петрограда летом 1918 г. был разрушен памятник Александру III. В декабре 1931 г. кремлевские власти разрушили храм Христа Спасителя в связи с проектом строительства на его месте огромного и нелепого Дворца Советов. Создание новой «вавилонской башни» было прервано Великой Отечественной войной, после окончания которой фундамент недостроенного дворца использовали для устройства открытого плавательного бассейна «Москва». Великолепный храм Христа Спасителя, хранитель русской славы вновь был восстановлен в 90-е гг. XX в. при поддержке российского правительства, московской мэрии и на пожертвования россиян. Но возвратимся к майским дням 1883 г. На следующий день после освящения храма-памятника Александр III присутствовал на торжественном открытии для обозрения первых одиннадцати залов Исторического музея на Красной площади. Примечательно, что царская семья наряду с пожертвованиями населения во многом способствовала созданию музея. С 1873 г. он именовался Русским национальным музеем Его Императорского Величества государя наследника цесаревича, а с 1881 г. — Императорским Российским исторически музеем. Коронационные торжества закончились 28 мая высочайшим смотром войск. В тот же день императорская семья отбыла в Петербург.

5. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

При Александре III Российская империя представляла собой 120-миллионное многонациональное государство, в составе которого насчитывалось более 200 наций, народностей и разноплеменных этнических групп. Огромная разница в уровнях развития проживающих в стране народов существенно осложняла проведение национальной политики. Приписываемый в ряде публикаций Александру III лозунг «Россия для русских», не соответствует действительности. В документах рассматриваемой эпохи такая фраза отсутствует. Несмотря на то, что Александр III имел всего $^1/_{64}$ русской крови, по своему характеру и по душевному складу он был русским человеком. Как отмечал А. А. Мосолов, император «стремился быть русским и проводить это во всем, что касалось его личной жизни... Во всем, что он делал, ясно виделась мысль: чтобы быть русским, не надо быть чересчур лощеным». Никаких иностранных языков в своем обиходе не допускал и говорил по-французски только с императрицей, «но надо признаться, говорил он по-французски плохо, как часто говорят именно русские» (326, т. 1, с. 25).

Как отмечалось выше, Александр III хорошо знал и любил русскую историю, высоко чтил и сохранял русские традиции и обычаи. При нем в Министерстве иностранных дел все делопроизводство и переписка стали вестись на русском языке. Он уничтожил странную привилегию дипломатов (со времен Александра I) не знать русского языка, сделав русскую речь обязательною для них, чем раз и навсегда уничтожил монополию иноземцев на право занимать русские дипломатические посты за границей. Интересам всего государства неизменно отводилось первенствующее место в отношениях с окраинами и инородцами. И все, что носило на себе печать сепаратизма, хотя и оставалось до времени терпимым, не могло рассчитывать на содействие правительства.

Термин «русские» тогда нередко употреблялся как синоним «подданные царя». Был усилен акцент на русскую «национальную самобытность». Главной целью национальной политики самодержавия было не создание режима исключительного благоприятствования для этнических русских, а обеспечение единства и неделимости Российской империи.

До вступления на престол Александра III Балтийский край жил совершенно обособленной от внутренней России жизнью. Основываясь на некоторых привилегиях, дворянские и городские сословия этого края старались ограждать свою жизнь от всякого вмешательства правительственной власти и нередко находили поддержку в генерал-губернаторах. Являясь наследником престола, Александр Александрович несколько раз посещал Гапсаль (ныне г. Хаапсалу) и имел возможность близко познакомиться с положением края. Его поражало и угнетенное

состояние православной церкви, и насильственное онемечивание населения, и полное устранение русской государственной власти в законодательных и судебных делах. Со вступлением на престол Александр III решил выяснить положение дел в крае, чтобы определить, какие следует ввести изменения. С января 1882 г. по октябрь 1883 г. была проведена сенаторская ревизия двух губерний — Лифляндской и Курляндской, во главе которой был поставлен сенатор Н. А. Манасеин, впоследствии министр юстиции. Ревизия обнаружила такие ненормальные порядки, что дальнейшее откладывание реформ сделалось невозможным. Главным принципом, положенным в основу реформ, было сближение края с внутренними губерниями и полное восстановление авторитета государственной власти. Исполнительная власть была изъята из рук местного дворянства, а это повело за собою реформу полицейских учреждений. Вслед за этим последовало назначение в край русских людей. Губернатор, попечитель округа, начальники отдельных ведомств стали назначаться из русских и сокрытие от правительственной власти злоупотреблений сделалось невозможным. В 1885 г. последовал высочайший указ о введении во всех правительственных и общественных учреждениях переписки на русском языке. Никакие препятствия не задержали этого преобразования, и ко второй половине царствования русский язык, как язык государственный, занял подобающее место во всех учреждениях и школах края, как правительственных, так и частных. Не меньшую заботу для Александра III составляла и Финляндия. Стремления финнов к обособленности начались со времени присоединения этого края к России в 1809 г. Они особенно усилились в царствование Александра II. Манифестом 1860 г. финляндцам было дано право чеканить свою монету, в 1878 г. — разрешено держать свою армию и т. д. Такие привилегии привели к тому, что финляндцы открыто заявляли о своей независимости от России, не допускали употребления русского языка в присутственных и общественных местах, особенно угнетали православную веру, не допуская лиц, исповедующих оную, к некоторым государственным должностям. С наступлением царствования Александра III положение дел изменилось. В 1883 г. был возбужден вопрос о неправомерном существовании Финляндской таможенной границы, отделявшей русские области одну от другой. Вопрос этот в связи с другими был разрешен только через семь лет. В январе 1890 г. состоялось высочайшее повеление о приведении таможенной и монетной системы Финляндии в соответствие с системами империи. По манифесту 31 мая 1890 г., почтовые учреждения Финляндии поступили в

ведение Министерства внутренних дел, причем для служащих в них было введено обязательное знание русского языка. В том же году вышло распоряжение, запрещающее ставить публичные памятники без специального высочайшего разрешения и об обязательном принятии в государственных и общественных учреждениях края платежа русской монетой. Последняя мера была первым шагом к объединению монетной системы Финляндии с такою же в остальной России. В манифесте, изданном 28 февраля 1891 г., император решительно заявил, что Финляндский край состоит «в собственности и державном обладании Империи Российской, и что намеченные в крае мероприятия имеют своей целью достижения более тесного единения Великого княжества с прочими частями Российской державы». Последние годы царствования Александра III были особенно плодотворны в деле разрушения преград к объединению Финляндии с остальной Россией. Помимо многих распоряжений по учебной части, в 1891—1894 гг. в Петербурге был упразднен Комитет по финляндским делам, преобразован финляндский сенат, учреждено особое совещание высших русских государственных сановников для рассмотрения вопроса о финляндской конституции, а для разработки этого вопроса — особая комиссия. Кроме того создана комиссия для выработки проекта преобразования финской армии и объединения ее с общеимперской русской армией и др.

Принимались меры по «инкорпорации» Польши в составе России. Польша с 1867 г. стала называться Привисленским краем, на который распространилось общеимперское административное устройство. Все важные посты в учреждениях занимали русские чиновники. В 1885 г. был упразднен Польский банк, превращенный в Варшавскую контору Петербургского банка, прекратилось обращение польской монеты.

В национальных регионах — в Польше, Прибалтике и на Украине активно вводился русский язык в делопроизводство в государственных учреждениях, на железнодорожном транспорте, афишах, вывесках, этикетках и т. д., а также в преподавании в высших учебных заведениях и в школах. Важно отметить, что в Прибалтике русский язык вытеснял не местные латышский и эстонский языки, а немецкий. Следовательно, здесь речь шла не о борьбе против местной национальной культуры, а за утверждение русского влияния взамен существовавшего немецкого. В 1888 и 1889 гг. в прибалтийских губерниях были проведены судебная и административно-полицейская реформы. До этого времени как суд, так и полиция находились целиком в руках местного дворянства и были почти независимы от коронных властей. Введение,

хотя и с небольшими ограничениями, общеимперских судебных и административно-полицейских законов имело, вне всякого сомнения, положительное значение, ослабляя политическую зависимость местного латышского и эстонского населения от немецкого дворянства.

В царствование Александра III произошел решительный переворот в понятиях о русских интересах. 17 марта 1887 г. последовал высочайший указ об установлении особых правил относительно приобретения иностранцами в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в 10 губерниях Царства Польского и в губерниях: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской и Подольской. В указе говорилось, что иностранные подданные не могут впредь приобретать (в указанных губерниях), какими бы то ни было способами и на каком бы то ни было из допускаемых общими и местными законами основании, права собственности на недвижимые имущества, а равно права владения и пользования недвижимыми имуществами. Этим же узаконением установлен порядок наследования имуществ в России иностранными подданными.

12 марта 1892 г. последовало высочайшее повеление о прекращении иностранной колонизации в Волынской губернии, где иностранцам, даже принявшим русское подданство, было воспрещено селиться вне городов. Этот закон имел большое значение и для других губерний. После издания его иностранцы-колонисты поняли неправильность своей обособленной жизни, и с этого времени начался усиленный переход немцев в русское подданство, в школах стал входить в употребление русский язык, немецкие названия сел стали переименовываться в русские и т. п. Ходатайство екатеринославского дворянства и земства дало серьезный повод к общему пересмотру устройства немецких колоний. Проект устройства их на юге России был составлен Министерством внутренних дел. В него вошли различные ограничения по приобретению немцами земель, отменены некоторые льготы, усилен контроль за колонистами и т. д. При утверждении уставов торгово-промышленных предприятий право вступления в них в качестве пайщиков предоставлено только русским подданным.

Большие усилия для укрепления единства империи прилагал К. П. Победоносцев. Серьезную опасность для России он видел в «тихом наступлении» российского еврейства, постепенно устанавливавшего контроль над все большим числом сфер

общественной жизни. Известно, что для еврейского населения еще с XVIII в. была установлена «черта оседлости», в пределах которой им разрешено было проживание; она включала Бессарабскую, Виленскую, Волынскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую и Киевскую губернии. Однако это ограничение не распространялось на евреев определенных социальных категорий: купцов 1-й гильдии, лиц с высшим образованием, ремесленников и солдат.

В 1881—1882 гг. на юге, юго-западе России и в Варшаве прошел ряд погромов еврейского населения, в результате чего правительство 3 мая 1882 г. издало «Временные правила о евреях». С одной стороны, эти правила ставили своей целью не допустить антиеврейских беспорядков, с другой, вводили ряд стеснительных по отношению к евреям мер (см. 129, с. 131). Евреи лишены были права в пределах черты оседлости селиться вне городов и местечек, за исключением существующих земледельческих колоний. Там же им запрещались приобретение и аренда недвижимого имущества. В апреле 1883 г. создается комиссия под председательством графа К. И. Палена для подготовки фундаментального законодательного акта о евреях, который должен был заменить Временные правила 1882 г. Большинство членов комиссии высказалось за постепенное снятие всех ограничений и уравнение евреев в правах с остальным населением. Однако на это не пошло Министерство внутренних дел. В 1888 г. во главе комиссии был поставлен В. К. Плеве, разработавший к 1890 г. проект закона, состоявший из 40 пунктов. Но и этот проект Министерство внутренних дел не решилось представить на обсуждение Государственного совета.

10 июля 1887 г. министр народного просвещения И. Д. Делянов с одобрения Д. А. Толстого издал циркуляр, устанавливавший процентную норму приема еврейской молодежи в средние и высшие учебные заведения (не более 10% в черте оседлости, 5% вне ее, 3% в столицах). Ограничивались права евреев заниматься адвокатурой (впрочем, частично эти меры объяснялись непомерным наплывом евреев в университеты, где их доля достигала 70% студентов, и в юриспруденцию). С 1889 г. фактически приостановлен прием евреев в состав присяжных поверенных. Еще сильнее законодательных ограничений ударяли по их интересам меры административного характера. Самой крупной из них было выселение около 17 тысяч евреев-ремесленников из Москвы, живших там на основании закона 1865 г., отмененного в 1891 г.

Глава одиннадцатая

«РЕКОНСТРУКЦИЯ» РЕФОРМ

> ...Самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться.
>
> *Д. Н. Блудов*

В середине 1880-х гг. в правительственных кругах возник вопрос об общем пересмотре российского законодательства, введенного после отмены крепостного права. Одним из инициаторов новых веяний стал предводитель Алатырского уезда Симбирской губернии А. Д. Пазухин. «Это был человек крупного ума, — как отзывается о нем К. Головин, — только ума чересчур прямолинейного и потому склонного к иллюзиям. Он был искренно убежден, что порядок управления Россией был почти что идеальный при царе Алексее Михайловиче, что к тогдашним нравам, к тогдашним понятиям нам следовало бы вернуться». Свою программу, поддержанную консервативным дворянством, Пазухин выдвинул в статье «Современное состояние России и сословный вопрос» (395, 1885, кн. I, с. 5—58), а также в ряде выступлений в Кахановской комиссии при обсуждении проблем местного самоуправления. «Великое зло реформ» прошлого царствования, утверждал Пазухин, выразилось в том, что они урезали сословные привилегии дворянства. Отсюда — «задача настоящего должна состоять в восстановлении разрушенного»: надо переформировать земские и городские учреждения и от бессословного начала вернуться к сословному; тогда Россия выйдет «на ту историческую дорогу, с которой она в половине 60-х гг. сбилась в сторону» к «дезорганизации».

Несмотря на отрицательное мнение большинства членов комиссии, программа Пазухина понравилась графу Д. А. Толстому, а ее автор вскоре занял место правителя канцелярии Министерства внутренних дел. С помощью этого рафинированного ретрограда Толстой продолжал исправление «роковых ошибок» предшествующего царствования, завершившееся серией законодательных актов 1889—1892 гг. Новые законы должны были вернуть дворянству его роль «первенствующего» сословия в ведущих сферах государства.

По поручению Толстого с конца 1885 г. Пазухин приступил к разработке проекта «модернизации» реформ местного управления. В марте 1886 г. проект был готов. Он предусматривал создание института земских начальников и реформу земства. Назначаемый верховной властью земский начальник в уезде должен был соединить в своем лице и судебную, и административную власть. Предлагалась новая система выборов в земские учреждения, вместо управы — исполнительный орган, присутствие по земским делам, составленное из местной администрации с участием двух членов от земства. Проект Пазухина был одобрен Толстым, но потерпел фиаско на совещании 2 апреля 1886 г., куда были приглашены Победоносцев, Островский и новый министр юстиции Н. А. Манасеин. Работа над проектом была продолжена. При Министерстве внутренних дел для рассмотрения положений проекта создали Особое совещание из 10 человек под руководством товарища министра князя К. Д. Гагарина, хотя основную роль в нем играл А. Д. Пазухин. В состав совещания вошли губернаторы: владимирский — И. М. Судиенко, вятский — А. Ф. Анисьин, костромской — В. В. Калачев, симбирский — Н. П. Долгово-Сабуров, а также губернские предводители дворянства: псковский — А. Е. Зарин, саратовский — П. А. Кривский, тамбовский — Г. В. Кондоиди и харьковский — А. Р. Шидловский.

Обсудив проект Пазухина на 17 своих заседаниях в сентябре — ноябре 1886 г., совещание внесло в этот документ лишь незначительные изменения.

18 декабря Толстой представил Александру III всеподданнейший доклад, в котором изложил программу пересмотра реформ, принятых в царствование Александра II. Программа включала 6 пунктов: 1) предусматривалось создание административных органов управления крестьянскими делами; 2) сводилась к минимуму роль общественного самоуправления в земских и городских учреждениях; 3) усиливалась власть министра внутренних дел «по надзору за земскими, городскими и крестьянскими учреждениями»; 4) ограничивалось выборное начало «при замещении должностей по местному управлению» и заменялось «системою правительственного назначения»; 5) дворянству предоставлялось большее участие в делах местного управления; 6) дела по маловажным поступкам передавались «от судебных установлений» в ведение учреждений, «находящихся в непосредственной связи с административной властью» (129, с. 369—370).

Ознакомившись с проектом реформ, Александр III одобрил его, после чего документ в начале февраля 1887 г. поступил в Государственный совет. Кроме того, проект был разослан для заключения в ряд министерств и ведомств. Наиболее серьезные возражения в отзывах изложили Манасеин и Каханов.

Поскольку проект реформы вызвал неприятие со стороны некоторых влиятельных трезвомыслящих лиц, необходимо было

достигнуть предварительного соглашения хотя бы между наиболее заинтересованными ведомствами. Для этого в течение 1888 г. состоялось несколько так называемых «согласительных» совещаний. Однако и они не привели к желаемому результату. В то же время в Государственный совет продолжали поступать отзывы с довольно резкой критикой предполагаемых реформ. Председатель Департамента законов барон А. П. Николаи, говоря о судебно-полицейских функциях земских начальников, отмечал: «Весьма нетрудно будет внушить крестьянину, что новое учреждение есть не что иное, как косвенное восстановление вотчинной полиции, что крестьянское население вновь отдается в полную власть помещиков, которые стремятся к восстановлению крепостного права» (129, с. 387).

Член Государственного совета, статс-секретарь Б. П. Мансуров считал, что реформа местного управления должна быть направлена на усиление как полицейских, так и судебных органов, а не на создание какого-то промежуточного института, объединявшего и те и другие функции.

Министр императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков писал, что при осуществлении «представленного проекта еще более увеличится многоначалие учреждением в уезде взамен одного коллегиального крестьянского присутствия нескольких самостоятельных, обладающих обширной властью и никому не подчиняющихся, кроме губернатора, земских начальников» (там же, с. 389).

В целом следует отметить, осенью 1888 г. накануне обсуждения в Государственном совете, большинство его членов было настроено отрицательно к проекту Толстого. На заседаниях 3, 10 и 17 декабря в Соединенных департаментах (законов, государственной экономии, духовных и гражданских дел) на первый план вышел вопрос, связанный с введением института земских начальников.

16 января 1889 г. состоялось обсуждение этого вопроса в Общем собрании Государственного совета. За предложение Толстого проголосовало 13 членов совета, против — 39. На выписку, представленную на утверждение, Александр III наложил следующую резолюцию: «Соглашаясь с мнением 13 членов, желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам. Во всяком случае непременно желаю, чтобы эти изменения

не помешали окончательному рассмотрению проекта до летних вакаций» (там же, с. 395).

Передача земским начальникам судебных функций означала игнорирование принципа отделения судебной власти от административной, провозглашенного Судебными уставами 1864 г.

1. ЗАКОН О ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКАХ 12 ИЮЛЯ 1889 г.

12 июля 1889 г. Александр III утвердил проект закона, в соответствии с которым было введено «Положение о земских участковых начальниках».

Оно не распространялось на Королевство Польское, Правобережную Украину, Белоруссию, Литву, Прибалтику, Кавказ, Сибирь, т. е. на те районы, где либо вовсе отсутствовало помещичье землевладение, либо представителем его являлось дворянство нерусской национальности (см. ПСЗ, 3 собр., т. IX, № 6196).

В 40 губерниях, в которых действовало это «Положение», создавались 2200 земских участков (примерно по 4—5 на уезд) во главе с земскими начальниками. Эти лица, наделенные особыми полномочиями, должны были заменить мировых посредников, уездные по крестьянским делам присутствия и мировой суд. Мировой суд сохранялся только в Петербурге, Москве и Одессе.

Земский начальник назначался из местных потомственных дворян в возрасте не менее 25 лет министром внутренних дел по представлению губернатора и губернского предводителя дворянства.

Он должен был обладать определенным имущественным цензом (свыше 200 десятин земли или другим недвижимым имуществом на 7500 руб.), иметь высшее образование, трехлетний стаж службы в должности мирового посредника, мирового судьи, или члена губернского по крестьянским делам присутствия.

В случае недостатка лиц с указанными данными земскими начальниками могли назначаться личные дворяне со средним и даже начальным образованием, состоявшие в военных или гражданских чинах, независимо от стажа службы. При этом имущественный ценз для них повышался вдвое. В особых случаях, в обход указанных условий, министр внутренних дел мог назначить земским начальником любого из местных дворян.

Для деревни земский начальник был полновластным распорядителем: и администратором, и судьей. От него зависела вся деятельность крестьянского самоуправления. Он мог внести на рассмотрение схода любой вопрос и приостановить любое

решение схода. Волостной мировой суд, ранее не зависимый от администрации упразднялся. Его права перешли к земскому начальнику. Судьи, как и другие должностные лица волости, назначались земским начальником из предложенных обществом кандидатов. Приговоры судей могли быть им приостановлены, а сами судьи отстранены. Самым тягостным экономически, юридически и морально было для крестьянства право земского начальника налагать штрафы до 6 рублей и подвергать аресту до 3 дней (должностных лиц крестьянского самоуправления — до 5 рублей и 7 дней). Пользуясь этим правом, земские начальники под угрозой штрафов злоупотребляли своей властью. «Для них власть, — как писал А. Ф. Кони, — обращается в сладкий напиток, который быстро причиняет вредное для службы опьянение» (160, т. 3, с. 378). Они подвергали порке крестьян без различия должности, возраста и пола. Заставляли эту «подлую чернь» работать на себя, арестовывали участников схода, голосовавших в неугодном для них направлении, бранью и угрозами унижали человеческое достоинство крестьян, глумились над ними. Фактически существовала полная бесконтрольность действий земских начальников. Среди их «методов управления» деревней процветали взяточничество, воровство вымогательство, кулачные расправы. В начале 1890-х гг. в России широкую известность приобрело дело земского начальника Протопопова. Преступления совершались им в сентябре 1890 г. в Харьковском уезде. Протопопову вменялись в вину угроза «бить морды городовым, если они не будут отдавать ему честь», угроза сельскому сходу «перебить половину собравшихся», заявление, что «жалобы будут на морде, а прошение на задней части тела», а также нанесение побоев трем крестьянам и производство незаконных арестов (там же, с. 377—393, 507). Все это Протопопов успел натворить за 19 дней пребывания в своей должности. Можно представить, сколько бы злодеяний принесло это должное лицо, если бы оно не было вовремя отстранено от службы! В романе «Жизнь Клима Самгина» М. Горький упоминает о земском начальнике Бронском, который «штрафует мужиков на полтинник, если они не снимают шапок перед его лошадью, когда конюх ведет ее купать». Как это не странно, но аналогичных помпадуров было немало в реальной жизни.

Решение земского начальника считалось окончательным и не подлежавшим обжалованию. Надзор и руководство деятельностью земских начальников осуществляли их уездные съезды, губернское присутствие и лично губернатор. Последнему предоставлялось право ревизии делопроизводства земских начальников.

Усмотрев какие-либо нарушения, губернатор мог вынести дело на обсуждение губернского присутствия. Ежегодно все земские начальники уезда представляли уездным съездам отчеты о своей деятельности.

С принятием Положения 1899 г. и без того слабое влияние земских учреждений на волость и дела крестьянского населения практически сводилось на нет.

Особый статус земских начальников означал произвольное усиление власти дворянского государства над крестьянством и другими непривилегированными сословиями.

Сами крестьяне закон 1899 г. восприняли как возвращение крепостного права. Должность земского начальника была упразднена по указу Временного правительства с 1(14) октября 1917 г.

2. ЗЕМСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 12 ИЮНЯ 1890 г.

Введение института земских начальников облегчило крепостнической реакции ее дальнейшие шаги. Следующей попыткой «толкнуть локомотив истории» назад оказалась земская контрреформа. «Сокрушить земство» как «последнюю станцию до конституции» призывал «Гражданин» Мещерского. В статье «Наши реформы» сенатор Н. П. Семенов писал: «Самое главное — устроить на твердых началах и поставить правильное отношение к высшему центральному правительству земство и местное управление, ибо через их посредство верховная власть может войти в более тесную связь с народом» (419, 1884, № 1, с. 290). Представители консервативных кругов К. Ф. Головин и Н. А. Новосельский в своих статьях доказывали вред выборности и бессословности земства.

«Излюбленный интимный советник» К. П. Победоносцев, опираясь на консервативную публицистику, в 1886 г. писал Александру III как бы от лица общественного мнения: «Необходимо изменить нынешний характер земских учреждений, безответственных, отрешенных от центральной администрации и предоставленных всем случайностям выбора» (102, с. 324). Проект земской контрреформы, как мы отмечали выше, был разработан А. Д. Пазухиным осенью 1886 г. и представлен на обсуждение членов Особого совещания.

Проект вводил вместо бессословного принципа избирательной системы Земского положения 1864 г. сословный принцип. Уездное земское собрание должно было состоять из гласных трех сословий: дворян, лиц городских состояний и крестьян.

Соответственно выбор гласных должен был производиться на избирательных съездах этих сословий. В крестьянских избирательных съездах могли участвовать крестьяне — собственники недвижимости, оцененной не ниже 15 тыс. руб., а также выборщики, избранные на волостных съездах (33, оп. 2, д. 1833, л. 3). Духовенство и арендаторы земель не получали права участия в выборах. Так обеспечивалась преобладающая роль дворянства. Важным дополнением было то, что в состав уездного земского собрания помимо избираемых съездами гласных, должны были назначаться крупные земельные собственники, представители ведомства государственных имуществ и уделов, лица духовного ведомства по назначению местного епархиального начальства и по одному депутату от городов, находящихся на территории уезда. Председателем земского собрания должен был по-прежнему быть предводитель дворянства (там же, л. 16). Вместо уездных земских управ, избираемых земским собранием, предлагалось учреждение исполнительного органа — земского присутствия, возглавляемого тем же предводителем дворянства.

Помимо председателя присутствие должно было состоять из трех членов, назначаемых губернатором из числа гласных (по одному от каждой сословной группы). Губернское земское собрание по проекту складывалось из уездных предводителей дворянства, губернских гласных, избранных уездными собраниями, а также крупных земельных собственников, участвовавших в уездных собраниях без выборов. Кроме того, на правах членов в него вводились управляющие палатой государственных имуществ и удельной конторой, представитель духовного ведомства и два члена городской думы губернского города. Таким образом, состав губернского земского собрания в основном состоял из лиц не избираемых, а назначаемых (см. 129, с. 402, 403). Губернское земское присутствие складывалось из четырех лиц: председателя, назначаемого императором по представлению министра внутренних дел и трех гласных земского собрания, назначаемых губернатором и утверждаемых тем же министром. Как видим, назначение являлось одной из важных особенностей подготовленной контрреформы.

Существенно расширялось влияние губернатора на земство. Он получил право вмешиваться в повседневную работу земских учреждений, производить ревизию дел, объявлять взыскания членам уездных и губернских присутствий. В целом земские учреждения теряли свою самостоятельность и ставились под жесткий контроль губернатора и министра внутренних дал.

Особое совещание, которое проходило с 29 октября 1886 г. по январь 1887 г., одобрило проект Пазухина, внеся в него незначительные поправки. В январе 1888 г. проект земской реформы был внесен Толстым в Государственный совет и разослан для обсуждения министрам, вызвав с их стороны ряд замечаний. Даже такие ретрограды, как Победоносцев и Островский подвергли отдельные стороны проекта серьезной критике. Согласно замечаниям Победоносцева был исключен пункт о введении в состав земских собраний крупных земельных собственников без выборов. Вместо него министру внутренних дел было дано право «в некоторых исключительных случаях» включать в состав земских собраний гласными лиц, «пользующихся особым доверием в своей местности и имеющих право участия в избирательных собраниях». Исправленный проект был вторично представлен в Государственные совет 4 февраля 1890 г. уже новым министром внутренних дел И. Н. Дурново. «Большинство членов, — отметил в своем дневнике Половцов, — говорят против господствующей в проекте мысли уничтожить теперешнее значение земских учреждений, их самостоятельность, выборное в них начало... Дурново чувствует себя сбитым с позиции, которую вследствие высочайшего покровительства почитал неприступною» (311, т. 2, 263). Наконец 28 мая Государственный совет одобрил последнюю редакцию проекта, а 12 июня законопроект был утвержден Александром III.

* * *

Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. значительно отличалось от проекта Пазухина — Толстого. В основном оно сохраняло принципы бессословности и выборности земств, однако, эти принципы были сильно урезаны, в чем и заключался смысл земской контрреформы.

Система земских выборов была изменена.

Землевладельческую курию из всесословной преобразовали в курию дворян-землевладельцев, при этом число гласных ее возросло за счет других курий. Значительно понижался имущественный ценз для дворян. В то же время существенно повышался ценз для городской курии, более половины ее избирателей лишились права участвовать в выборах.

Крестьяне фактически лишались выборного представительства. Они могли выбирать только кандидатов в земские гласные, список которых рассматривал уездный съезд земских начальников, и по представлению этого съезда губернатор утверждал гласных.

Духовенство лишалось избирательных прав. Депутат от духовенства в состав земских собраний назначался епархиальным архиереем. Решением Государственного совета от 12 июня 1890 г.

к участию в избирательных собраниях и съездах временно не допускались лица иудейского вероисповедания.

Положение 1890 г. распространялось только на земские губернии. В целом по 34 губерниям число дворян в уездных собраниях выросло с 42,4% (1883—1886) до 55,2% (1890), в губернских собраниях — с 81,6% до 89,5% (1897).

В уездных земских управах удельный вес дворян по сравнению с 60-ми гг. повысился с 55% до 72%, а в губернских — с 90% до 94%.

Гласные от крестьян теперь составляли: в уездных земских собраниях — 31% (вместо прежних 37%), в губернских собраниях — 2% (вместо прежних 7%).

Число гласных от буржуазии сократилось с 17% до 14% в уездных земских собраниях и с 11% до 8% — в губернских.

Содержание деятельности земских управ не изменилось. Однако все мероприятия земств, касающиеся сельского населения, должны были согласовываться с земскими начальниками.

Земские управы, ранее подчинявшиеся только собраниям, теперь были подчинены и губернатору. Кроме надзора за законностью земских постановлений, губернатору предоставлялось право контролировать и целесообразность этих постановлений. То, что земское собрание считало нужным, полезным и разумным, губернатор при желании мог признать вредным, ненужным и неразумным. Тем более, что никаких объяснений или доказательств закон от него не требовал.

Важным нововведением Положения 1890 г. было учреждение специального органа административного надзора за земскими учреждениями — губернского по земским делам присутствия. Оно состояло под председательством губернатора из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющего Казенной палатой, прокурора окружного суда, председателя губернской земской управы и одного члена от губернского земского собрания. Закон вменял в обязанность присутствия «в подлежащих случаях» обсуждать правильность и законность постановлений и распоряжений земских управ, а также решать другие дела, связанные с земством (прежде всего об ответственности земских должностных лиц и служащих). Решение присутствия выносилось большинством голосов, причем голос губернатора оставался решающим. Последний мог приостановить исполнение принятого большинством голосов определения.

Над деятельностью присутствия был, в свою очередь, установлен жесткий административный контроль. Оно подчинялось специальному Совету Министерства внутренних дел. Признание

за земскими учреждениями характера государственных повлекло за собой изменения в статусе выборных земских должностных лиц. Члены и председатели земских управ считались теперь государственными служащими. Им присваивались классные чины, а должность председателя управы занимали лишь лица, имеющие право на вступление в государственную должность.

Компетенция земства по-прежнему ограничивалась управлением местными хозяйственными делами. Однако новое положение предоставило земствам право издавать обязательные для местного населения постановления по более широкому кругу вопросов. Сюда вошли меры предосторожности от пожаров, санитарные условия жизни населения, устройство и содержание пристаней, переправ, перевозов, некоторые вопросы продовольствия и др.

Положение 1890 г. с незначительными изменениями действовало до февраля 1917 г.

3. ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 11 ИЮНЯ 1892 г.

Нелепость городского самоуправления российских городов давно сознана правительством.

Александр III. 1887 г.

Через два года после обнародования Земского положения 1890 г. было высочайше утверждено и новое Городовое положение.

Известно, что после окончания обсуждения в Государственном совете земской реформы министр внутренних дел И. Н. Дурново 2 июля 1890 г. направил губернаторам очередной циркуляр о подготовке к новой городской реформе. В нем он писал: «По установившемуся плану работ в устройстве местного управления за состоявшеюся ныне земской реформой должна следовать городская, к которой и предстоит приступить неотлагательно» (32, оп. 38, д. 2496, л. 357). Обратив внимание на согласование будущей реформы с принятым «Земским положением» 1890 г., министр подробно перечислил недостатки существующего Городового положения 1870 г. Прежде всего он отметил верховенство в избирательных собраниях представителей торгово-промышленного класса. Далее он констатировал численное преобладание евреев в избирательных собраниях черты оседлости, что дает им возможность «избирать в гласные… таких лиц христианского исповедания, которые или являются солидарными с ними по

разным экономическим отношениям, или же прямо находятся от них в материальной зависимости».

К числу пороков он отнес также многочисленность состава дум; недостаточность правительственных полномочий в деле утверждения в должности городских голов и их товарищей и др. В связи с этим Дурново предлагал оперативно подготовить свои соображения в новое Городовое положение к октябрю 1890 г., при этом по усмотрению губернатора привлечь к этой работе лиц, «которые могли бы принести наибольшую пользу делу по своей опытности и познаниям» (там же, л. 80, 81).

Все поступившие с мест предложения были направлены на укрепление административной власти над органами городского общественного управления, а также на значительное сокращение числа избирателей за счет лишения прав мелких торговцев, ремесленников и приказчиков. Большинство губернаторов предлагали предоставить избирательные права квартиронанимателям в лице чиновников, учителей, врачей, земских служащих и т. д. (см. 129, с. 413—415).

Подготовленный к весне 1891 г. проект Городового положения базировался на принципиальных установках нового правительственного курса: ослабить выборное начало в организации общественных учреждений, ограничить их самостоятельность и независимость от администрации, укрепить положение дворянского сословия в органах местного управления. Кардинальным изменениям подверглась существующая избирательная система. Если по Положению 1870 г. избирательным правом пользовались все владельцы недвижимого имущества, то по новому закону это право предоставлялось владельцам недвижимой собственности довольно значительной стоимости. Так в столицах — не менее 3 тыс. рублей, в губернских и равных им с населением свыше 100 тыс. человек — не менее 1500 руб., в прочих губернских и крупных уездных городах — не менее 1 тыс. руб., а в остальных городах — не менее 300 руб. Избирательное же право на основе торговых сборов сохранялось только за лицами или обществами, имеющими купеческие свидетельства 1-й гильдии (31, 1892 г., д. 38, л. 26). Вся мелкая и часть средней буржуазии оказывалась лишенной избирательных прав. Помимо этого, для всех избирателей устанавливался двухлетний ценз оседлости.

Количество гласных нехристиан по проекту не должно было превышать $^1/_5$ общего числа гласных. Права участия в выборах городских органов лишались евреи, за исключением 9 западных губерний, где губернаторы могли включать в состав дум «достойнейших из евреев». По новому проекту серьезно урезалась самостоятельность городских дум. Если раньше губернатору принадлежало право надзора только за «законностью» действий городских дум, то по проекту — и за их «правильностью», что по существу не ограничивало вмешательство в дела городского управления.

1 марта 1891 г. проект нового Городового положения был внесен в Государственный совет. В сопроводительном письме министр внутренних дел И. Н. Дурново подчеркивал, что «государь император озабочен тем, чтобы означенный проект был рассмотрен Государственным советом до закрытия текущей сессии» (32, оп. 38, д. 2499, л. 4). Почти сразу же выяснилась невозможность провести проект через Государственный совет до его роспуска на летние каникулы. После первого заседания, состоявшегося 25 мая 1891 г., Государственный совет отложил рассмотрение проекта до конца января 1892 г. А. А. Половцов объясняет это тем, что в представлении Дурново полностью отсутствовали необходимые статистические данные, сбор которых и потребовал определенного времени (221, т. II, с. 375). Далее обсуждение проекта нового Городового положения проходило в Соединенных департаментах с 25 января по 25 апреля 1892 г. В проект были внесены значительные поправки, которые, однако, не изменили существа его. Большинство поправок затрагивало отношения административных властей с органами городского управления. 18 мая проект был одобрен Общим собранием Государственного совета без каких-либо серьезных изменений. 11 июня 1892 г. Александр III утвердил законопроект.

* * *

Городовое положение 1892 г. (см. ПСЗ, 3 собр., т. XII, № 8708) по сравнению с 1870 г. существенно ограничило самостоятельность органов городского общественного управления, усилило права администрации и превратило членов городских управ в лиц, состоящих на государственной службе. Избирательная система претерпела изменения в пользу наиболее состоятельной части населения. Замена налогового ценза имущественным резко сократила число лиц, допущенных к выборам (в Петербурге с 21 170 до 6048, в Москве с 23 671 до 7221, в Одессе с 14 118 до 3660, в Риге с 7177 до 2896, в Харькове с 6890 до 2291 и т. д.). Мелкие и средние налогоплательщики были лишены избирательных прав. Трехразрядная система отменялась. Предпочтение отдавалось дворянам-домовладельцам и крупной торговой, промышленной и финансовой буржуазии. В столичных городах правом участия в выборах могло пользоваться не более 0,7% населения. В других городах число избирателей сократилось в 5—10 раз. Из 336 городских поселений в 154 количество избирателей не достигало 100 человек. Нередко число гласных было равнозначно участвовавшим в выборах. Важно

подчеркнуть также, что более половины городов империи вообще не имели выборного городского самоуправления.

Городовое положение 1892 г. предоставляло губернаторам право контролировать и направлять всю деятельность городских дум и городских управ. Губернатор мог приостанавливать выполнение думских решений не только тогда, когда они не согласовывались с законами, но и тогда, когда, по его мнению, они «не соответствовали общим государственным пользам и нуждам, либо явно нарушали интересы местного населения» (389, с. 196). Широкое толкование губернаторских прав создавало большие возможности для произвола. Тем более что весь руководящий состав — городской голова, его товарищ, городской секретарь, члены управ — утверждался администрацией, а кандидатуры на посты городских голов Москвы и Петербурга утверждались императором. Городовое положение разрешало так называемое «упрощенное управление» для мелких городов России. На сходе домохозяев избиралось собрание уполномоченных (12—16 чел.), которое выбирало городского старосту и одного-двух его помощников.

Действие Положения не распространялось на города Царства Польского, Туркестана и Финляндии. С незначительными поправками оно просуществовало до принятия Временным правительством 9 июня 1917 г. постановления «Об изменениях действующих положений об общественном управлении городов». Исключение составило Петербургское городское управление, которое с 1903 г. перешло на нормы специального Положения об общественном управлении С.-Петербурга. Как показала практика городская реформа 1892 г., также как и земская реформа 1890 г., не была полностью реализована, поскольку объективные социально-экономические процессы в пореформенной России оказались сильнее стремления самодержавия усилить сословно-дворянский элемент в местном управлении.

4. ПОПЫТКА «МОДЕРНИЗИРОВАТЬ» СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ 1864 г.

> Новый гласный суд, суд равный, правый и милостивый, очутился в 80-х годах... в положении травимого красного зверя.
>
> *Г. Джаншиев*

Сторонники нового курса, провозглашенного Александром III, в 1880-е гг. развернули безудержную кампанию травли Судебных уставов 1864 г. Наибольшим нападкам подверглись иммунитет

судей, принцип их независимости и несменяемости, гласность судопроизводства и суд присяжных. Ярыми противниками Судебных уставов были такие крупные сановники, как обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев (принимавший в 60-е гг. активное участие в их разработке), министр внутренних дел Д. А. Толстой, министр юстиции Н. В. Муравьев и многие другие.

«Люди, создавшие у нас новые судебные учреждения, — писал Победоносцев Александру III в 1881 г., — сами не знали, что делали, но они успели раздуть и прославить свое создание и в мнении нашего невежественного общества, и в мнении ближайших советников покойного государя... и с тех пор наши государственные люди не смеют до сих пор поднять голос против какой бы то ни было части этого учреждения... Бесконтрольная, обособленная юстиция не только не совместима с самодержавием, она не совместима ни с каким иным правительством, при всяком образе правления. Нигде в мире суд не обособлен так, как у нас в России» (305, т. 1, с. 68—69). Как свидетельствует Феоктистов, Толстой «относился с негодованием к недостаткам нашего судебного устройства, порицал самоуправление во всех видах» (373, с. 249).

Особенно ожесточенным атакам были подвергнуты Судебные уставы со стороны редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и ближайшего советника царя, издателя «Гражданина» князя В. П. Мещерского. По иронии судьбы Катков, бывший самым горячим поборником Судебных уставов до начала 70-х гг., в последующем стал их страстным обличителем. Как писал биограф С. Неведенский: «После дела В. Засулич прежнее сочувствие Каткова к Судебным уставам превратилось в негодование и злобу» (194, с. 481). Именно Каткову принадлежат выражения «судебная республика», «суд улицы», «антиправительственный Сенат», которыми он пытался заклеймить суд присяжных заседателей и уголовный кассационный департамент правительствующего сената. Мещерский в своем дневнике, который читал Александру III, писал: «Вся Россия горьким 20-летним опытом дознала, что суд присяжных — это безобразие и мерзость, что гласность суда есть яд, что несменяемость судей есть абсурд и т. д. А между тем, какое отсутствие смелости в деле переделки уставов, какая будто бы премудрая осторожность, а на самом деле какой страх сделать твердо и просто то, что нужно для исполнения желания всей России и для укрепления самодержавия в глазах судебного ведомства» (23, д. 114, л. 61).

26 мая 1882 г. по указанию царя министр юстиции Д. Н. Набоков назначается председателем Особого комитета для со-

ставления проекта Гражданского уложения. Министр старается противостоять натиску со стороны консерваторов, наивно считая, что Александр III являлся сторонником существующего судебного устройства. По словам сенатора А. Ф. Кони, «всегда приветливый и откровенный, Набоков вызывал во всех судебных деятелях, имевших непосредственные с ним сношения, отрадное сознание их взаимной с ним служебной солидарности». В конце 1883 г. Набоков вносит в Государственный совет представление «О порядке издания общего наказа и об изменениях некоторых статей учреждения судебного устройства, касающихся надзора и дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» (31, 1885 г., д. 26). Увольнение или перемещение этих чинов предлагалось производить не административным порядком, как настаивали ретрограды, а в специально учрежденном Высшем дисциплинарном суде, который являлся Высшей судебной коллегией, состоящей из 13 сенаторов.

Противостоять давлению рутинеров становится все труднее и труднее. Как никогда ранее, разноголосый, разномастный и разноперый хор нападок консерваторов достиг своего оглушающего «форте фортиссимо» в юбилейный для Судебных уставов 1884 г. Резкий запев был сделан Мещерским в новогоднем номере «Гражданина». Изложенная в нем лаконичная и кардинальная программа этого «ультрадворянина» включала четыре пункта: «1) ...немедленно прекратить на время суд присяжных, поручив обязанность суда исключительно коронным судьям; 2) ...отменить статью судебных уставов о несменяемости членов судебного ведомства; 3) ...на время отменить вовсе гласность судопроизводства по уголовным делам; 4) ...приступить одновременно к пересмотру Судебных уставов» (см. 401, 1884, № 1).

Фактически здесь ставился вопрос об искоренении всех принципиальных основ судебной реформы 1864 г. Аналогичные взгляды, но еще более напористые и агрессивные, занимали и «Московские ведомости». Объявив существующую судебную систему «самой чудовищной из аномалий», Катков требовал незамедлительно приступить к ее пересмотру (см. 410, 1884, № 12). В 1884 г. реальные и мнимые изъяны Судебных уставов непрестанно муссируются в публикациях «Московских ведомостей». Тогда же в «Русском вестнике» в унисон с Катковым регулярно появляются статьи ортодоксального консерватора В. Я. Фукса. В них автор был крайне недоволен независимостью судей, гласностью и состязательностью судебного производства, свободой внутреннего убеждения присяжных и т. д. и т. п. Только отдельные голоса, при двусмысленном молчании Министерства юстиции, раздавались в

защиту принципов судебной реформы 1864 г. В числе их весомо, уверенно и авторитетно прозвучал голос И. С. Аксакова. «С легкой или, вернее, тяжелой руки «Московских ведомостей», — писал он в 1884 г., — прочие газеты и газетки с публикой вкупе хором ревут на новый суд: «Ату его! Ату!», глумятся, ругаются, мечут грязь со свистом и хохотом во весь судебный персонал, во весь судебный институт с его прошедшим и настоящим, как будто кто им задал задачу не только поколебать его авторитет, но омерзить его, сделать ненавистным в народных понятиях... Кричат и голосят о некоторых исключительных случаях и молчат о десятках тысяч решений правых, молчат о той обильной деятельности правосудия, которая водворилась теперь на нашей так еще недавно неправосудной земле! Забывают и о множестве честных, скромных, истинно доблестных тружениках ...Будьте благонадежны, станете, как теперь, травить суд, пошатнете его прочность, его независимость — все вернется: и взятки, и мошенничество, и кривосудье!!!» (48а, т. VI, с. 664).

Заслугой Д. Н. Набокова считается закон, принятый 12 июня 1884 г., благодаря которому на время закончился поход против суда присяжных. Противники этого суда настаивали, если не на уничтожении его, то радикальных в нем изменений. А в результате изменился лишь порядок составления списков присяжных заседателей и ограничен отвод присяжных сторонами. Если ранее администрация не принимала участия в составлении списков присяжных, то теперь она получила доступ в комиссии по составлению списков очередных заседателей. Членами комиссий стали уездные исправники и полицмейстеры, а также товарищи прокурора окружного суда. Закон 20 мая 1885 г. поколебал принцип несменяемости судей, но в меньшей степени, чем можно было ожидать по условиям времени. Закон значительно расширил полномочия министра юстиции, предоставив ему право надзора за организацией рассмотрения дел в судах и контроля за приговорами и решениями. Министр мог потребовать от председателя суда объяснений о причинах недостатков в ходе разбирательства, и решать вопрос о дисциплинарной ответственности судей всех степеней и рангов. В этих целях при Министерстве юстиции была создана специальная коллегия с неограниченным правом перевода судей из одного округа в другой, а также освобождения от занимаемой должности. Закон усилил также прокурорский надзор за судебной деятельностью. По выражению «Вестника Европы», Набоков «действовал как капитан корабля во время сильной бури — выбросил за борт часть груза, чтобы спасти остальное» (397, 1885, № 12).

Критика судебной реформы 1864 г., развернутая в прессе, наибольшее размах получила 30 октября 1885 г. в записке-докладе К. П. Победоносцева. По сути, она представляла постепенную программу судебных преобразований, направленную к восстановлению основных принципов дореформенного судопроизводства. Концепция Победоносцева всецело разделялась Александром III. «Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя», — ответил он своему учителю 3 ноября. И все-таки Судебные уставы 1864 г. не были коренным образом реформированы. П. А. Зайончковский справедливо считает, что этому способствовала позиция широких слоев общества, главным образом буржуазных кругов, имеющих своих сторонников в правительстве. Их поддерживала «обширная плеяда чиновников судебного ведомства во главе с министром юстиции Д. Н. Набоковым» (129, с. 239—240). Верно также и то, что программа Победоносцева увязла в разного рода комиссиях (85, с. 392).

6 ноября 1885 г. Набоков все же был уволен в отставку. «Любезный Дмитрий Николаевич, — писал Набокову Александр III. — Вы знаете мое давнишнее желание изменить к лучшему нынешние порядки судопроизводства, желание это, к сожалению, доселе не исполняется, и поэтому я поставлен в необходимость назначить другого министра юстиции. Это для меня тем тяжелее, что Вы назначены были дорогим моим отцом. Надеюсь, что это не изменит наших личных отношений. Искренно Вам благодарный Александр» (311, т. 1, с. 347—348).

Новым министром юстиции 1 января 1887 г. был назначен сенатор Николай Авксентьевич Манасеин. По свидетельству А. Ф. Кони, «это был человек несомненной доброты и благородства, чуждый интриги и лукавства, прямодушный в выражениях своих симпатий и антипатий, способный сознавать и даже оплакивать свои ошибки, далекий от суетного честолюбия и смотрящий на свое звание не как на ступеньку к материальному или властному возвышению, а как на тяжелое служение, которое, в конце концов, ускорило его преждевременную кончину. Несколько спорную характеристику ему дал граф С. Ю. Витте. В своих воспоминаниях он пишет, что Манасеин «был человек умный, знающий, но не представляющий собой ничего выдающегося. Составил он себе карьеру потому, что делал ревизию судебных учреждений прибалтийских губерний. Сделав ревизию, он потом ввел там преобразования, причем в значительной степени проводил так называемые националистические взгляды, которые заключались не в том, чтобы защищать достоинство, интересы и самобытность русских, а в том, чтобы несправедливо давить и не считаться с

интересами инородцев. Эта нота понравилась в Петербурге как графу Толстому, так и императору Александру III, характеру которого она в известной степени была не чужда. Поэтому Манасеин и сделался министром юстиции... Как министр юстиции был довольно зауряден и ничем себя не проявил, вскоре он заболел раком и должен был уйти; при этом он не был особенно ценим императором Александром III » (84, т. 1, с. 301—302).

Став министром, Манасеин не посягал на судебную реформу 1864 г. в целом, а ограничился рядом представлений в Государственный совет об изменении тех или иных ее сторон. Работал он с присущей ему манерой: страстно, энергично, кропотливо, въедливо и дотошно. Под влиянием Победоносцева 3 мая 1886 г. Манасеин внес представление об ограничении гласности судебных заседаний. После бурных обсуждений в Общем собрании Государственного совета Александр III 12 февраля 1887 г. подписал указ, в котором поддержал «мнение меньшинства».

Министру юстиции предоставлялось право ограничить публичность судебных заседаний. Он мог закрывать двери суда из-за опасения оскорбить религиозные чувства, из соображений нравственности, ограждения достоинства государственной власти и другим подобным неопределенным соображениям. Следующие шаги министра были направлены против суда присяжных. Указ 28 апреля 1887 г. ввел для присяжных образовательный ценз. Из состава присяжных в связи с этим были исключены все неграмотные, которые ранее в основном избирались из крестьянской среды. Этим же законом вводился более высокий имущественный ценз для присяжных.

Указом 7 июля 1889 г., значительная часть преступлений была изъята из юрисдикции суда присяжных. Важно заметить, что эти изменения фактически были закреплены в судопроизводстве по воле Александра III. Большая часть членов Государственного совета их не поддержала. Император встал на сторону меньшинства, представленного, прежде всего близкими ему лицами — великим князем Владимиром Александровичем, К. П. Победоносцевым, М. Н. Островским, И. Н. Дурново, И. А. Вышнеградским. При Манасеине, вопреки его воли, 12 июля 1889 г. был принят закон о земских начальниках, подготовленный Министерством внутренних дел (рассмотрен нами выше в § 1 этой главы. — *Е. Т.*).

Важной заслугой Манасеина является разработка программы судебной реформы в прибалтийских губерниях, которая была утверждена Александром III 9 июля 1889 г. Эта программа, сохранявшая положения Судебных уставов 1864 г., вводилась без суда присяжных и выборного мирового суда.

При Манасеине частичные судебные преобразования проводились также в Туркестане, степных областях России и в Архангельской губернии. Однако разработанные под руководством Николая Авксентьевича проекты реформы адвокатуры и порядка кассационного обжалования законодательного воплощения не получили. Последней лебединой песней Н. А. Манасеина явилась реорганизация аппарата Министерства юстиции в начале 1890-х гг., которая за небольшими изменениями сохранилась до Октябрьской революции. Чувствуя, что силы покидают его, он заговорил об отставке, которую получил 1 января 1894 г.

17 апреля 1894 г. новым министром юстиции стал Николай Валерьянович Муравьев, креатура великого князя Сергея Александровича. По словам графа С. Ю. Витте, «Муравьев человек с большим талантом речи, образованный, умный, но что касается нравственности — слаб. Как министр юстиции Муравьев был выдающимся министром, но он несколько спустил флаг независимости юстиции, и в этом смысле в его министерстве были некоторые прегрешения».

Незадолго до назначения Муравьева А. Ф. Кони писал Председателю Комитета министров Н. Х. Бунге: «Я вполне разделяю Ваш взгляд на Муравьева. Это вполне достойный представитель и птенец судебного сословия. Голова его устроена превосходно, и ее продовольственные запасы наполнены доверху, а язык гибок, силен и умеет влиять. Это вполне удачный выбор. Некоторые сомневаются относительно его сердца, но мне думается, что они ошибаются, принимая сдержанную форму за существо. Во всяком случае, это человек выдающийся» (135, с. 246). Вскоре после вступления в должность Муравьев развернул энергичную работу по пересмотру Судебных уставов 1864 г. За 30 лет со времени их утверждения было принято около 700 различных законов, дополняющих или ограничивающих уставы. В своем докладе Александру III Муравьев отмечал: «Русский народ судится ныне самыми многоразличными способами и на самых разнородных основаниях, причем, не говоря уже о простом обывателе, даже сведущему юристу-технику трудно разобраться в запутанной системе существующих у нас теперь судебных инстанций, с их разнообразною подсудностью и разнообразием процессуальных приемов и правил. Подобный порядок вещей, конечно, нельзя признать нормальным и отвечающим интересам страны» (30, оп. 3, д. 15, л. 1). Отдельные изменения законодательства, по его мнению, ничего не дадут, необходимо подвести под существующее судебное здание «фундамент и перестроить (его), воспользовавшись всеми годными материалами». Он предлагает провести реформу Судебных

уставов путем «полного, цельного, одновременного (пересмотра) по общему плану и одним руководящим началом».

Главными вопросами, на его взгляд, в ходе намечающегося преобразования должны стать: «1) несменяемость, 2) суд присяжных, 3) судебно-административные учреждения, 4) Сенат и кассация, 5) следственная часть, 6) прокурорский надзор, 7) адвокатура, 8) гражданский суд и формализм (совестный суд), 9) материальное положение лиц судебного ведомства, 10) поднятие нравственного и умственного уровня судебных деятелей, 11) упрощение, ускорение, удешевление суда» (там же). Как видим, программа преобразований намечалась довольно обширной, поэтому Муравьев предлагал для ее осуществления создать специальную комиссию под председательством министра юстиции. 7 апреля 1894 г. Александр III одобрил доклад, и вслед за тем 30 апреля Муравьев возглавил Комиссию для пересмотра законов по судебной части, в состав которой вошли 23 человека. В числе членов были Государственный секретарь В. К. Плеве, товарищи министра: П. М. Бутовский, внутренних дел — И. Л. Горемыкин, сенаторы С. И. Лукьянов, Н. С. Таганцев, Н. Н. Шрейбер, А. Ф. Кони, управляющий земским отделом Министерства внутренних дел А. С. Стишинский, директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел Н. П. Долгово-Сабуров и др. Во главе четырех отделов комиссии: 1) местных судебных установлений, 2) судоустройства, 3) уголовного судопроизводства, 4) гражданского судопроизводства стали соответственно Горемыкин, Шрейбер, Таганцев, Лукьянов, а руководителем пятого отдела общих вопросов — сам Муравьев. К работе Комиссии было привлечено около 50 чинов судебного ведомства и присяжных поверенных, среди которых прокурор С.-Петербургского окружного суда И. Г. Щегловитов, присяжные поверенные В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако и др. В мае 1894 г. Муравьев добился возобновления издания журнала Министерства юстиции, прекратившего свое существование в 1870 г. Редактором он поставил профессора В. Ф. Дерюжинского, горячо взявшегося за дело.

7 февраля 1895 г. А. Ф. Кони сообщал П. Н. Обнинскому о том, что Муравьев ведет дело пересмотра Судебных уставов «с большим тактом, беспристрастием и любовью к нашему общему прошлому. Созванный им съезд старших председателей и прокуроров палат был им практически руководим и по некоторым частям дал очень удовлетворительные результаты, не чуждые нравственного подъема» (135, с. 272). Однако вскоре после этого Кони резко меняет свою оценку деятельности Муравьева и возглавляемой им комиссии: «Вместо необходимого ремонта

драгоценного здания, воздвигнутого в лучшие годы и лучшими людьми царствования Александра II, началось его беспощадное разрушение и коверканье при помощи всевозможных ренегатов... Из каких-то своих личных целей Муравьев стал подкапываться под главные устои нового суда, под суд присяжных, несменяемость судей, единство кассации, предварительное следствие и ряд постановлений, обеспечивающих судье независимое и достойное положение судебного деятеля, а не судейского чиновника. Горько сознаться, что, несмотря на упорную борьбу, которую я должен был вести с ним, большинство этих попыток увенчалось успехом и лишь так называемое освободительное движение помешало им осуществиться на практике» (161, т. 2, с. 321). За пять лет работы комиссия Муравьева провела 503 заседания. 19 мая 1899 г. она была официально закрыта. Проект Муравьева не получил одобрения Государственного совета.

Глава двенадцатая

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В период царствования Александра III были предприняты существенные шаги и достигнуты весомые результаты в области финансовой и экономической политики, руководителями которой были министры финансов Н. Х. Бунге в 1881—1886 гг., И. А. Вышнеградский в 1887—1892 гг. и С. Ю. Витте в 1892—1903 гг.

1. МИНИСТР-ЛИБЕРАЛ Н. Х. БУНГЕ

Николай Христианович Бунге возглавил Министерство финансов после ухода в отставку А. А. Абазы 6 мая 1881 г. (официально назначен министром финансов 1 января 1882 г.). Перед этим с 1 июля 1880 г. занимал пост товарища министра финансов. В просвещенных кругах выдвижение Бунге было встречено с сочувствием и большими надеждами. Он проявил себя как активный участник великих реформ Александра II, работая в комиссиях по подготовке отмены крепостного права, преобразованию банковской системы, принятию либерального университетского устава. Вне всякого сомнения, реформаторская практика оказала огромное влияние на взгляды профессора Киевского университета и имела определяющее значение для формирования его как государственного деятеля. Хорошо была известна его разносторонняя

деятельность в должности ректора Университета Святого Владимира, управляющего Киевской конторой Государственного банка, основателя местных частных кредитных учреждений, энергичного члена органов городского самоуправления. Наделенный светлым и обширным умом, он не мог не отозваться на общественные вопросы, которые жизнь ставила на очередь дня. Многочисленные публикации с 1852 г. по различным проблемам экономики создали ему высокий авторитет в научном мире.

В 1859 г. он был избран членом-корреспондентом, а позже в 1890 г. действительным членом Петербургской академии наук. Важной вехой в его жизни стало приглашение в качестве преподавателя к цесаревичу Николаю Александровичу, безвременно скончавшемуся в 1865 г. Со 2 октября 1863 г. по 11 июня 1864 г. Бунге прочел ему полный курс теории финансов. Его слушателем был и второй сын государя, великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III. Скромный, эрудированный ученый из Киева импонировал царской семье. Доброе отношение со стороны Александра II и его близких сыграло впоследствии немаловажную роль в карьере Бунге.

Следует заметить, что министерская деятельность бывшего киевского профессора развернулась в пору тяжелого финансового расстройства страны после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., кризиса в промышленности и сельском хозяйстве. Сумма государственного долга на 1 января 1881 г. составляла свыше 6 млрд руб. Первый бюджет 1881 г. Бунге пришлось свести с дефицитом на сумму более 50 млн руб. Состояние курса кредитного рубля выглядело весьма неудовлетворительно. В 1881 г. средняя цена рубля составляла 65,8 коп. золотом. Платежный баланс был довольно неблагополучен, и на заграничных биржах, особенно берлинской, производилась спекуляция с русскими фондами и кредитными рублями. Кроме того, два года сряду — 1884-й и особенно 1885-й — ознаменовались почти повсеместным неурожаем, что вызвало неблагоприятные последствия для промышленности и торговли. Деятельность министра осложнялась и политическими обстоятельствами. Бунге возглавил финансовое ведомство в то время, когда противники либеральных преобразований одержали победу. Один из вождей консервативного курса, редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков отстаивал свою программу, проповедовал создание национальной экономики, независимой от передовых стран Европы и действующей в общенародных интересах, требовал немедленного установления высоких таможенных барьеров, протестовал против социальных мероприятий и денежной реформы. Его взгляды, конечно, разделяли и близ-

кий к Александру III редактор «Гражданина» В. П. Мещерский, и апостол самодержавия К. П. Победоносцев, а после смены Н. П. Игнатьева и министр внутренних дел Д. А. Толстой. Новый министр финансов представлял собой личность, совершенно не типичную для высших сфер власти. По отзывам современников, невысокого роста, сутуловатый, очень похожий в профиль на Вольтера, с тихим голосом, Бунге ничем не напоминал министра. Е. А. Перетц отмечал: «Бунге — на мои глаза — умный, вообще — просвещенный и хороший человек. Только не был бы он скорее профессором, чем министром» (298, с. 73).

«Маленький на тонких ножках, — характеризовал его писатель П. М. Ковалевский, — худой немчик, которому вы, наверно, открыли бы ваш рояль для настройки, если б не знали, что он министр финансов, а не настройщик». Как явствует сенатор М. Б. Веселовский, своей мизерной наружностью Бунге напоминал немца-ремесленника. Сам Бунге с юмором рассказывал знакомым, как однажды на станции в Гатчине кондуктор не пустил его в вагон, предназначенный для министров (363, т. 1, с. 171). Окружавших поражали в нем глубокая интеллигентность, скромность, полное отсутствие бюрократических амбиций и склонности к саморекламе. Стремительное возвышение никак не отразилось на характере и поведении Бунге. Он был по-прежнему прост, доступен и вежлив с любым человеком независимо от его положения, будь то мелкий чиновник или член Государственного совета. Сенатор А. Ф. Кони видел в Бунге воплощение «идеального душевного равновесия». Академик И. И. Янжул писал «о чарующем впечатлении», которое на него производили беседы с «этим маленьким старичком с вдумчивым и ласковым взглядом». Член Государственного совета Н. И. Стояновский рассказывал, как Бунге прехал в Эмс (Германия) для лечения без своего камердинера, не желая его «беспокоить» (там же).

Оказавшись в среде петербургской бюрократической элиты, — справедливо отмечает современный историк В. Л. Степанов, — Бунге не хотел выполнять «правила игры» — никогда не реагировал на нападки и не наносил ответных ударов, не был способен к интригам и закулисной борьбе. Как государственному деятелю ему часто не хватало напористости и настойчивости в достижении цели. В своей политике он всегда действовал осторожно, с обдуманностью ученого, тщательно взвешивал последствия каждого шага (405, 1991, № 1, с. 127). В своих потребностях он был предельно скромен. Отправляясь в Гатчину для доклада Александру III, Бунге обычно ехал на вокзал на простом извозчике. Он тратил на свои нужды только часть доходов, составлявших

20 тыс. руб. в год. Прочие суммы поступали в кассы благотворительных учреждений для бедняков и учащейся молодежи.

В определенной мере на первых порах ряд инициатив нового министра финансов поддержали сторонники либерального курса, осевшие в Государственном совете после увольнения с высших постов — А. А. Абаза, М. Т. Лорис-Меликов, Д. А. Милютин, М. С. Каханов, Е. А. Перетц и др. Существенную помощь Бунге оказывали Абаза, вновь занявший должность председателя Департамента государственной экономии, и председатель Комитета министров М. Х. Рейтерн. Стремясь иметь твердую опору в своем ведомстве, Бунге постарался привлечь в него способных, энергичных и близких себе по взглядам людей. Пост первого управляющего Крестьянским и Дворянским банками занял его бывший ученик Е. Э. Картавцев. Место члена Совета по железнодорожным делам было отдано также своему киевскому ученику Д. И. Пихно. Директором Департамента окладных сборов был назначен человек большого ума А. А. Рихтер, а вице-директором В. И. Ковалевский, которому дал очень высокую оценку в своих воспоминаниях С. Ю. Витте. В одном из первых своих всеподданнейших докладов (1883) Бунге так определил свою финансовую программу: «Внимательное изучение слабых сторон нашего государственного строя указывает на необходимость обеспечить правильный рост промышленности достаточным для нее покровительством: укрепить кредитные учреждения на началах, проверенных опытом, способствуя притом удешевлению кредита; усилить в интересах народа и государства доходность железнодорожных предприятий, установив над ними надлежащий контроль; упрочить кредитное денежное обращение совокупностью направленных к достижению этой цели постепенно проводимых мер, ввести преобразования в систему налогов, сообразные со строгой справедливостью и обещающие приращение доходов без обременения плательщиков податей; наконец, восстановить превышение доходов над расходами (без чего улучшение финансов немыслимо) ограничением сверхсметных кредитов и соблюдением разумной бережливости во всех отраслях управления». Из этой программы министру, безусловно, не удалось выполнить превышения доходов над расходами из-за значительных выплат на срочное погашение государственных займов. Во всем же остальном время правления Н. Х. Бунге явилось, поистине, выдающейся эпохой в истории русских финансов. Принято считать, что главное внимание в его политике было направлено на решение крестьянского вопроса и податного дела. Одним из первых мероприятий главы финансового ведомства явилось понижение выкупных платежей, которое

он считал необходимым для улучшения благосостояния сельского населения. Понижение было произведено в размере 1 руб. с каждого обложенного выкупными платежами душевого надела в великорусских местностях и на 16 коп. с рубля в малороссийских местностях. Общая сумма понижения составила до 12 млн рублей в год.

Бунге стремился исполнить свою заветную мечту о развитии в России частного крестьянского землевладения. Переводом 28 декабря 1881 г. бывших помещичьих, а 12 июня 1886 г. государственных крестьян на обязательный выкуп достигалась цель либерального большинства Редакционных комиссий — приобретение крестьянами земли в собственность (там же). (Напомню, что Редакционные комиссии 1859—1860 гг. были учреждены при Александре II для подготовки законопроекта об отмене крепостного права.) В период 1882—1886 гг. была отменена подушная подать, составлявшая со времен Петра I краеугольный камень всей отечественной финансовой системы. Пойти на уничтожение подушной подати и понижение выкупных платежей, т. е. *отказаться от доходов до 70 млн руб. в то время*, когда бюджет давал дефицит, мог только такой прекрасный знаток русской экономической жизни, каким был Н. Х. Бунге. Безусловно, недобор в бюджет заставил министра обратиться к другим источникам и — прежде всего — к увеличению налогов с других доходов. При нем возросли косвенные налоги, акциз на спирт, табак, сахар. На спирт были увеличены налоги (сперва до 8 копеек по закону 19 мая 1881 г., затем до 9 коп. за градус по закону 18 мая 1885 г.), на сахар (12 мая 1881 г.), на табак (18 мая 1882 г.). В целом с 1881 по 1886 г. питейный сбор возрос с 225 365 тыс. до 236 977 тыс. руб., т. е. на 5%, сборы с акциза на сахар, табак и нефть увеличились с 16 465 тыс. до 35 262 тыс. руб. (189, с. 640—642), т. е. более чем на 100%. 19 января 1882 г. был повышен гербовый сбор.

К сожалению, тяжесть косвенных налогов почти целиком легла на плечи крестьянства, что свело на нет все социальное значение податных реформ.

В 1882, 1884 и 1885 гг. значительно повышались таможенные пошлины на многие импортные товары. В результате этого доход от этих мер возрос с 1881 по 1886 г. с 85 764 тыс. до 112 447 тыс. руб., т. е. более чем на 30% (там же). Следует заметить, что повышение таможенных пошлин также имело большое значение и для развития отечественной промышленности. Для увеличения доходов правительство предпринимало и другие шаги. Был закрыт транзит через Закавказье, введен налог на золотопромышленность, установлены дополнительные и раскладочные сборы с торгово-

промышленных предприятий (законы 5 июля 1884 г. и 5 января 1885 г.), повышен налог с недвижимых имуществ в городах (13 мая 1883 г.), увеличен государственный поземельный налог, введен сбор с доходов от денежных капиталов и налог на дарения и наследства, повышены налоги на заграничные паспорта и регулировалась продажа напитков. С целью улучшения порядка взимания налогов в 1885 г. по проекту А. А. Рихтера был учрежден институт податных инспекторов. Большое значение для дальнейшего экономического развития страны имели учрежденные при Бунге новые государственные кредитные учреждения. Для помощи крестьянам в приобретении частновладельческих земель 18 мая 1882 г. Александр III утвердил Крестьянский банк, который начал свои действия с 10 апреля 1883 г. и просуществовал до 25 ноября (10 декабря) 1917 г. Бунге провел закон о возобновлении повсеместного создания акционерных частных банков. В 1885 г. был утвержден Дворянский банк. Министр финансов стал инициатором первых в нашей стране актов фабрично-заводского законодательства. В 1882, 1885 и 1886 гг. были приняты законы, определявшие условия труда детей, подростков и женщин, регламентировавшие порядок найма и увольнения рабочих, выдачи заработной платы, наложения штрафов и т. д. Для контроля за выполнением этих законов создавалась фабричная инспекция. При Бунге принимались серьезные меры для сооружения казенных железных дорог. На эти цели израсходовано до 133,6 млн руб., построено дорог протяженностью 3461 верста, *выкуплено в казну несколько частных линий*.

Под влиянием консервативных кругов и самого Александра III Бунге проводил политику протекционизма, правительственного финансирования промышленности. Предпринял попытку введения подоходного налога, который считал наиболее целесообразным и справедливым способом обложения. Многое было сделано при нем по подготовке денежной реформы: изъята из обращения часть кредитных билетов, накапливался золотой запас в Государственном банке, в 1885 г. принят новый монетный устав, который установил пробу для серебра и золота по образцу большинства европейских государств. Против либерального курса финансового ведомства, как отмечалось выше, резко выступала «правая» печать. Известный историк А. А. Кизеветтер в своих мемуарах писал, что каждая реформа Бунге «вызывала в реакционной прессе новый взрыв возмущения против либерально-демократического министра, который своей фигурой положительно портил общую картину контрреформационного правительства» (153, с. 127—128). Полемика по финансово-экономическим вопросам достигла небывалой остроты. Все общество разделилось на два

лагеря — «лагерь благоговейных поклонников Н. Х. Бунге» и «противоположный — озлобленных его врагов» (158, с. 1). Среди своих почитателей Катков объявил, что «свергнет Бунге...» (311, т. 1, с. 460). Министра финансов обвиняли в незнании российской действительности и нужд народного хозяйства, в слепом следовании западноевропейским доктринам. В конце 1886 г. Бунге был вынужден подать в отставку. Однако Александр III не лишил его высочайшего покровительства. 1 января 1887 г. Н. Х. Бунге был уволен от должности министра, назначен председателем Комитета министров и членом Государственного совета. В 1887—1889 гг. он читал, кроме того, лекции по политической экономии и финансам цесаревичу великому князю Николаю Александровичу.

В 1891—1892 гг. Бунге подготовил Александру III «Загробные записки», нечто вроде своего предсмертного напутствия, в котором изложил взгляды на задачи внутренней политики правительства и финансовую деятельность. Он предлагал применять более гибкие, либеральные методы в области национальной политики, рациональной организации государственного аппарата, предоставления широких полномочий органам местного управления, переходу к новой системе народного образования. Обширный раздел записки посвящен «социализму и борьбе с ним». Бунге усиленно рекомендует в целях этой борьбы всемерно развивать частную собственность крестьян на землю. В отношении рабочих он рекомендует развивать охрану труда, вести строительство рабочих жилищ и пытаться как можно шире внедрять участие рабочих в прибылях предприятий. Однако записка не дошла до Александра III, а попала со временем в руки Николая II.

Весь свой досуг Бунге посвящал чтению, которое было его всепоглощающей страстью. В Петербурге его прозвали «министром-книжником», «книголюбом» и «книгоедом». Его огромная библиотека включала сотни трудов по политэкономии, статистике, правоведению, педагогике, истории, философии, географии, естествознанию и другим наукам. Он был блестящим знатоком не только русской, но и европейской литературы. Имея от природы слабое здоровье, он придерживался строгого режима, что позволяло ему сохранять высокую трудоспособность. Бунге вставал в 5 утра и для разминки шел в дворницкую колоть дрова. Его рабочий день продолжался 11 часов. По словам современника, он был строг в вопросах морали и не имел никаких «романтических приключений», хотя отнюдь не избегал женского общества (326, с. 171).

2. УЧЕНЫЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И. А. ВЫШНЕГРАДСКИЙ

1 января 1887 г. место Бунге занял Иван Алексеевич Вышнеградский. Сначала он был утвержден управляющим Министерством финансов, а ровно через год — министром финансов. Выходец из семьи провинциального священника, Вышнеградский, благодаря своим разносторонним дарованиям, неукротимой энергии и колоссальной работоспособности сумел достичь высочайших высот на научном и общественно-государственном поприще. После окончания Тверской духовной семинарии и физико-математического факультета Главного педагогического института в Петербурге преподавал математику во 2-м кадетском корпусе. С 1862 г. профессор механики Петербургского технологического института, а с 1865 г. профессор практической механики Михайловской артиллерийской академии. Принимал активное участие в перевооружении армии: с 1859 г. в качестве члена Временного артиллерийского комитета, а в период 1867—1878 гг. будучи инженером-механиком Главного артиллерийского управления. По его проектам переоборудовались и создавались патронные, пороховые и орудийные заводы.

В 1875—1878 гг. Вышнеградский директор Петербургского технологического института. Ему принадлежит большая заслуга в создании сильной отечественной школы инженеров-машиностроителей. Вышнеградский является одним из основоположников теории автоматического регулирования и теоретических основ конструирования машин. Разработал проект преобразования технических учебных заведений, участвовал в организации ряда выставок (в том числе русского машинного отдела на Всемирной выставке в Вене в 1873 г., Лондонской выставке научных предметов 1876 г., Парижской всемирной выставке 1878 г., Всероссийской выставке промышленности и художеств 1880 г. в Москве и др.). С ноября 1872 г. член Совета торговли и мануфактур. С 1870-х гг. занимался частным предпринимательством: член правления Петербургского общества водопроводов, общества Юго-Западных железных дорог, Рыбинско-Бологовской и Киево-Брестской железных дорог. В 1882—1887 гг. нажил миллионное состояние (удвоил его на посту министра; по другим данным, довел его до 25 млн руб.). Известный журналист и издатель А. С. Суворин утверждал, что одной только биржевой игрой министр приобрел 10 млн руб., так как ему было известно заранее, «какая бумага повышается, какая понижается (405а, 1997, № 6, с. 28). Близкий к редакции газеты «Московские ведомости», по ходатайству Каткова и кн. Мещерского в 1884 г. Вышнеградский назначен членом Совета министров народного

просвещения; участвовал в комиссии по разработке нового университетского устава, выезжал в Австрию для ознакомления с промышленными школами (388, с. 151). По протекции Каткова и Мещерского в апреле 1886 г. назначен членом Государственного совета по Департаменту государственной экономии, а в ноябре того же года становится членом Комитета финансов. Спустя месяц Вышнеградский был вызван в Гатчину к Александру III.

Как явствует А. А. Половцов: «Государь спросил его мнение о положении наших финансов. Вышнеградский, указывая на их тяжелое состояние, сказал, что не думает, чтобы возможно было выйти из трудностей умножением мелких налогов, а почитает необходимым изменение коренных оснований финансовой политики» (221, т. 1, с. 473). Монарх поручил Вышнеградскому составить программную записку с конкретными предложениями. Она была подготовлена за несколько дней и 21 декабря передана императору. В этом небольшом документе, написанном на скорую руку, Вышнеградский отмечал: «Деятельность нашей финансовой администрации в ближайшем будущем должна быть направлена главнейшим образом к устранению из нашего бюджета тяготеющего над нами дефицита» (22, д. 572, л. 1). Добиться этого, по его мнению, можно введением питейной и табачной монополии и правильной организацией тарифов на железных дорогах. Он полагал, что с помощью трех вышеизложенных мер можно было бы увеличить доходы государства на сумму до 120 млн руб., а также приращение доходов не только бы восстановило равновесие в бюджете, но и доставило некоторый избыток доходов над расходами. Далее Вышнеградский излагает идеи «о необходимости решительным образом вступить на путь покровительственной политики отечественной промышленности» (там же, л. 5).

Из записки видно, что все рекомендуемые меры, за исключением введения монополий, фактически являются продолжением политики Бунге. По свидетельству сенатора В. П. Безобразова, «у государя была большая борьба в эти дни». Наконец назначение состоялось. Вышнеградский возглавил ведомство финансов. Очередной «взлет» Ивана Алексеевича вызвал у высшей аристократии бурную реакцию. «Нет человека, который бы не был возмущен назначением Вышнеградского», — уверял Безобразов» (393, 1912, № 11, с. 296, 297). Намекая на «темное» прошлое нового руководителя финансов страны, злоязычники называли его «лисой», «Ванькой Каином», «председателем всероссийского конкурсного управления» и распустили слух, что перед вступлением в должность он был вынужден принести присягу на честность. Потешаясь над далеко идущими замыслами Вышнеградского,

петербургские остроумцы придумали ему шутовской дворянский герб (386, 1993, № 4, с. 106).

На гербе был изображен орел с подрезанными крыльями с девизом: Il ne volera plus (что можно перевести двояко: «Он больше не взлетит» или «Он больше не украдет»). Недоверие выражали и либеральные органы прессы. Зато с удовлетворением потирали руки Катков и Мещерский. Для присмотра за новым министром «лидер консерватизма» приставил к нему публициста «Московских ведомостей» И. Ф. Циона. Иван Алексеевич принялся за работу с «юношеским жаром», установил в министерстве жесткую дисциплину. По свидетельству В. И. Ковалевского, «у него можно было научиться многому — и по предмету, и по методу работы». Доклады сотрудников «он выслушивал чрезвычайно внимательно, вникая во все подробности, в необходимых случаях тут же делал вычисления и подсчеты. Поэтому доклады тянулись очень долго и докладчики чувствовали себя на экзамене, словно перед профессором» (там же, с. 107). Трудился он как одержимый не щадя сил и здоровья. Был наделен способностью обходиться несколькими часами сна. Если ночью его осеняла новая мысль, он немедленно созывал общий сбор. Курьеры мчались по улицам, вытаскивали из постели сонных чиновников и доставляли их к неутомимому начальнику, чтобы обсудить детали очередного проекта (402а, 1915, 7 марта). К сожалению, как руководитель экономической политики Иван Алексеевич не обладал перспективным видением Бунге и широтой его подхода к оценке народнохозяйственных проблем. На первом месте для него всегда стояли интересы казны. Половцов назвал Вышнеградского «приходо-расходчиком, а не министром финансов» (221, т. II, с. 293). В отличие от Бунге он равнодушно относился к вопросам социальной политики. Управление Вышнеградским важным министерством совпало с экономическим ростом страны, и это определило всю его финансовую политику. Первые шаги Ивана Алексеевича направились по пути, проложенному его предшественником в сторону повышения таможенного дохода. В течение всей второй половины 80-х и начала 90-х гг. происходит непрерывное повышение таможенных тарифов. Уже в 1887 г. были введены покровительственные пошлины на чугун, железо, сталь, металлические изделия, машины, паровозы, суда и руды, каменный уголь. Обложены пошлиной сельскохозяйственные орудия, пряности, лекарства, столярные и токарные изделия, швейные и вязальные нитки и многое другое.

Принятые меры, с одной стороны, способствовали развитию отечественной промышленности, а с другой, увеличивали сумму

таможенных сборов. Если в 1881—1894 гг. пошлины составляли 19% по отношению к стоимости ввезенных в страну товаров, то в 1885—1890 гг. — уже 28%, а после введения в 1891 г. общего таможенного тарифа — 35%. По официальным данным, несмотря на некоторое сокращение импорта, доходность от него увеличилась с 1887 по 1892 г. со 107 427 тыс. до 130 552 тыс. руб. (189, с. 640). Сокращение ввоза из-за границы различных товаров привело к значительному увеличению импорта иностранных капиталов, что, безусловно, стимулировало развитие отечественной промышленности. За 12 лет, с 1881 по 1892 г., сумма иностранных капиталов в акционерных обществах увеличилась на 138 млн, тогда как за предыдущие 20 лет рост их составил 88 млн (96, с. 65).

Параллельно с этим Вышнеградский увеличил налоги — прямые (государственный поземельный, с городских недвижимых имуществ, обложение торговли и промыслов), косвенные (питейный, табачный, сахарный, нефтяной). За время с 1887 по 1892 г. доходы с питейного налога увеличились на 11 млн руб. — с 257 624 тыс. до 269 млн руб. Поступления же с табачного, сахарного, нефтяного налогов возросли на 80% — с 47 255 тыс. до 75 274 тыс. руб. (189, с. 640). Также был введен акциз на спички и осветительные масла, учрежден гербовый сбор. Намерение ввести винную и табачную монополии Вышнеградскому осуществить не удалось. Надо заметить, что идея введения табачной монополии в России ни Вышнеградским, ни его преемниками не была реализована.

Но ему, так же, как и Бунге, приходилось идти на серьезные уступки продворянской политике правительства. В 1889 г. Комитет финансов признал «помощь дворянству необходимой» и установил льготный земельный кредит помещикам в Дворянском банке, снизив процент, платимый по ссудам до $4^1/_2$, а также предоставил им ряд дополнительных льгот. Решение это было утверждено императором. Министр настаивал на необходимости мирной внешней политики, уменьшении расходов на вооружение, предлагал начать переговоры с другими странами о разоружении или ограничении новых вооружений. Был противником рабочего законодательства.

В марте 1889 г. Иван Алексеевич образовал Департамент железнодорожных дел, во главе которого был поставлен С. Ю. Витте. В этом же году министр провел тарифную, а в 1889—1890 гг. контрольно-финансовую реформы на железной дороге. Вышнеградский проводил политику выкупа малодоходных железных дорог в казну. Всего было выкуплено 7 тыс. верст дорог, принадлежавших частным обществам. Он поддерживал монополии как органы борьбы с перепроизводством и выступал против них, когда те резко повышали цены.

С помощью иностранного капитала Иван Алексеевич стремился ускорить развитие отраслей крупной капиталистической промышленности, которые были необходимы для железнодорожного строительства. В основу своей деятельности министр положил нормализацию денежного обращения. При этом он исходил из плана реформы, ранее подготовленного в министерстве, который предусматривал девальвацию рубля и переход к золотому монометаллизму.

Иван Алексеевич добивался расширения российского экспорта и преодоление хронического дефицита государственного бюджета.

Пытаясь обеспечить положительное сальдо торгового баланса, Вышнеградский форсировал вывоз зерна и хлебных продуктов, которые составляли более 50% ценности всего экспорта России. Как отмечает В. Л. Степанов, для подхлестывания экспорта министерство широко использовало также налоговый «прессинг», назначая сроки уплаты податей к моменту сбора урожая. Крестьяне вынуждены были вывозить на рынок не только излишки, но и часть необходимого продукта, обрекая себя на систематическое недоедание (386, 1993, № 4, с. 110). Внешнеторговая политика министра, проводившаяся под лозунгом «Недоедим, но вывезем», получила название «голодного экспорта».

В ходе операций по конверсии 5-процентных займов в 4-процентные, проведенных в 1888—1890-х гг., были конвертированы государственные долги на сумму 1,7 млрд руб. Хотя задолженность страны в результате этих операций увеличилась на 277 млн руб., более длительная рассрочка займов (на 81 год) уже в первые годы дала экономию по ежегодным платежам в размере 21,5 млн руб., что имело значение для сбалансирования бюджета (377, 1959. № 3, с. 99—102). При Вышнеградском было заключено пять металлических займов на общую сумму 425,1 млн руб., что позволило увеличить доходы от них со 131 793 тыс. руб. в 1887 г. до 165 777 тыс. руб. в 1892 г. (189, с. 640). Ограничение ввоза, поощрение экспорта и внешние займы с 1889 г. изменили платежный баланс в пользу России. Это, в свою очередь, дало возможность министру значительно ускорить накопление золотого запаса за счет платежей по внешней торговле и займов: с 273,7 млн руб. (на 1 января 1888 г.) до 581,5 млн руб. на 1 января 1893 г. (183, с. 28). Казалось, настойчивая, напряженная работа Вышнеградского и его сотрудников наконец к 1891 г. принесла

долгожданный успех. Прежние хулители вдруг стали говорить о министре как о финансовом гении. Искусство Вышнеградского в организации финансовых сделок и операций международного масштаба завоевали ему громадный авторитет в Европе. По словам язвительной Александры Викторовны Богданович, «в Германии питают большое уважение к Вышнеградскому, говорят даже, что есть только один политик на свете — Бисмарк и один министр финансов — Вышнеградский. Сумел человек заставить о себе думать! А что про него говорили, когда только его назначили?» (73, с. 91—92). Вот уж, действительно, как говорил Наполеон, лучший оратор в мире — успех! Как казалось Ивану Алексеевичу, ничто не предвещало беды. Не обращая внимания на тревожные симптомы весной 1891 г., он заявил: «Сами не будем есть, но будем вывозить!» Экспорт хлеба составил в том году 391,2 млн пудов. Однако осень 1891 г. принесла несчастье. Центральные губернии России постиг катастрофический неурожай. Вышнеградский принимал экстренные меры, чтобы спасти положение. Министерство с разрешения царя выделило голодающим свыше 160 млн руб. Иван Алексеевич ввел запрет на вывоз из страны сельскохозяйственной продукции, что несколько снизило цены на хлеб и облегчило участь населения. В 1892 г. экспорт зерна был сокращен до 196,4 млн пудов на сумму 164,1 млн руб. Разность между суммой экспорта и импорта составила лишь 76,1 млн руб. Платежный баланс в 1893 г. стал пассивным. Внешний 3-процентный золотой заем, совершенный Вышнеградским в 1891 г., потерпел фиаско. Пытаясь найти новые финансовые ресурсы, министр хотел использовать идею Бунге. Он выдвинул проект о государственном подоходно-прогрессивном налоге, которым предполагалось обложить лиц, располагающих «сравнительно большим достатком». Но это предложение не было принято правительством. В обществе вызревало недовольство. Печать обвинила Вышнеградского в «высасывании» денег из населения. Газеты трубили о развале финансов, фиктивности государственных бюджетов, колебаниях вексельного курса, убыточности конверсий и других прегрешениях (251, с. 109).

Только «Московские ведомости» и «Гражданин» пробовали защитить своего сторонника. В Швейцарии с поношениями и клеветой на Ивана Алексеевича выпустил брошюру Цион, изгнанный ранее из Министерства финансов. Надо отдать должное Александру III. Ознакомившись с этим опусом, он не придал ему особого значения (84, с. 273—275). Тем не менее Вышнеградский серьезно занемог.

30 августа 1892 г. он был уволен от должности министра финансов с оставлением Государственного совета (357, с. 151).

3. ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР С. Ю. ВИТТЕ

Граф Витте не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе.

Графиня М. И. Витте

30 августа 1892 г. министром финансов был назначен Сергей Юльевич Витте. Современники называли его «великим реформатором», «русским Бисмарком», «министром-клоуном», «графом Полусахалинским». М. Н. Покровский полагал, что, «не будучи морально выше своих современников-бюрократов, Витте несколькими головами превышал их по своему уму и организаторским способностям». А. Ф. Кони называл Витте «настоящим государственным человеком с широкими горизонтами и смелыми задачами, умевшим, по французскому выражению, «кроить из целого куска» (т. е. поступать самостоятельно и решительно)».

Звезда Витте выделялась яркостью не только на русском, но и на международном политическом небосклоне. Е. В. Тарле характеризовал его как министра, превосходящего «разнообразием своих дарований, громадностью кругозора, умением справляться с любыми задачами, блеском и силой своего ума современных ему людей власти, кроме Бисмарка и Гладстона...».

Посол Франции в России Морис Палеолог характеризует этого крупного государственного деятеля как человека «загадочного, решительного, умного, деспотичного, презрительного, самоуверенного, честолюбивого, завистливого и гордого».

Американский историк Робер Мэсси называет Витте «самым талантливым административным мозгом России» и самым влиятельным министром при двух последних российских императорах.

«Если бы у меня был хотя один такой министр, — сказал как-то про него Вильгельм II, — я бы сделал в Германии чудеса (403, 2000, апрель—май). Свои выдающиеся способности Витте проявил в качестве министра путей сообщения в феврале — августе 1892 г., финансов в 1892—1903 гг., председателя Комитета министров в 1903—1905 гг., реформированного Совета министров в 1905—1906 гг. и на дипломатическом поприще. Он заявил о себе и как яркий публицист, автор уникальных по достоверности и остроте мемуаров, охватывающих широкий диапазон государст-

венно-политической жизни России и сановного бюрократического Олимпа.

Получив прекрасное домашнее образование, Витте поступил в 1866 г. на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе. Этот солнечный город у моря стал колыбелью карьеры будущего графа. Под влиянием своего дяди военного историка и публициста, генерала Р. А. Фадеева в студенческие годы он увлекался славянофильскими идеями, зачитывался Аксаковым, Хомяковым и Тютчевым. Учился Сергей с завидной прилежностью, намереваясь в будущем связать свою судьбу с научно-преподавательской деятельностью. Однако, успешно окончив университет в 1870 г., он вынужден был под влиянием родственников отказаться от профессорского будущего. После недолгой службы в канцелярии одесского генерал-губернатора Витте поступил в управление Одесской железной дороги. Здесь он был конторщиком при весах, контролером, изучал железнодорожное дело в мастерских, часто ездил на паровозе, а в 1877 г. возглавил отдел эксплуатации. В период Русско-турецкой войны молодой специалист выдвинулся, достиг «степеней известных», зарекомендовал себя волевым, распорядительным и умелым администратором, за что был удостоен высочайшей благодарности. Вскоре по окончании войны в 1878 г. Одесская дорога была объединена с Киево-Брестской и Брестско-Граевской в акционерное общество Юго-Западных железных дорог, председателем правления которого являлся крупный финансовый магнат и писатель И. С. Блиох. Витте получил при этом место начальника эксплуатационного отдела общества при правлении в Петербурге.

В Северной Пальмире Витте, кроме правления Юго-Западных железных дорог, работал и в комиссии графа Э. Т. Баранова по исследованию железнодорожного дела. Им был подготовлен проект «Общего устава российских железных дорог», ставшего со временем одним из кардинальных законов. В 1880 г. Витте становится начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог и переезжает в Киев.

Находясь в Киеве, Витте энергично занимается организацией железнодорожных перевозок, вводит в практику выдачу ссуд под хлебные грузы, выступает инициатором комиссионно-ссудных операций на железнодорожном транспорте. Его тарифная политика была основана на принципах конкуренции. Для каждого груза устанавливался максимальный тариф, который резко снижался в случае отправления груза по Юго-Западным железным дорогам. В 1883 г. Витте опубликовал книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», которая принесла автору

широкую известность и авторитет среди специалистов. В 1886 г. его утверждают управляющим Юго-Западными дорогами. На этом посту он умело подбирает целую плеяду талантливых сотрудников, большое внимание уделяет службе ремонта путей и зданий, особенно развитию и техническому оснащению одесского порта, внедряет инженерные новшества. В результате заметно возрос чистый доход дороги. С середины 80-х гг. Витте активно выступает в печати по проблемам экономики, его статьи появляются в газетах «Русь», «Киевское слово», «Заря», «Московские ведомости» и др.

Здравомыслие и авторитет Витте привлекли к себе внимание министра финансов И. А. Вышнеградского, который обратился к нему с просьбой представить свои соображения об увеличении доходности железных дорог и ликвидации их дефицитности. Витте знал, что камнем преткновения валовых доходов железных дорог являются произвольно устанавливаемые тарифы. В короткие сроки он разработал тарифный закон, поставивший тарифное дело под контроль правительства и предложил в Министерстве финансов образовать новый департамент для заведования тарифной частью железных дорог. Кроме того, при департаменте предполагалось учредить тарифный комитет для рассмотрения новых тарифов. Законопроект и предложения были одобрены. Их автора пригласили возглавить новое министерское подразделение. Однако Витте отказался и написал Вышнеградскому, что не намерен переменить свою независимую частную службу на службу директора департамента. К тому же, он как управляющий частной дорогой получал более 50 тыс. руб. в год, что было намного выше даже министерского оклада. Решение было найдено благодаря вмешательству императора, лично знавшего Витте. Последнему не раз приходилось сопровождать господина страны во время его поездок на юг. Незадолго до катастрофы царского поезда в Борках 17 октября 1888 г. он предупреждал о возможности крушения из-за перегрузки состава и превышения скорости.

10 марта 1889 г. Витте был назначен директором департамента и председателем тарифного комитета с производством сразу в чин действительного статского советника и жалованьем в 16 тыс., из которых половину Александр III согласился «платить из своего кошелька». С первых шагов в Петербурге на государственном поприще «юго-западный железнодорожник» развивает бурную деятельность. Он активно участвует в разработке покровительственного тарифа 1891 г., который сыграл исключительную роль во внешнеторговой политике России и стал защитительным барьером для развивающейся отечественной промышленности. Витте вхо-

дит в различные комиссии: по проблемам торгового мореплавания и судоходства, по мелиоративному и мелкому кредиту, представляет Министерство финансов в Совете ведомства путей сообщений, активно содействует организации постройки Великой Сибирской магистрали. Осенью 1890 г. он сопровождает Вышнеградского в его поездке по Средней Азии, а возвратившись, выступает с предложениями о расширении там производства хлопчатника и создании сырьевой базы для текстильной промышленности. В это же время его постигло тяжелое горе. Неожиданно вскоре после отдыха в Кисловодске у него от инфаркта скончалась жена. Сорокалетний вдовец пытается найти забвение в работе. В назревшем конфликте между финансовым и транспортным ведомствами Витте и Вышнеградский одерживают верх над малокомпетентным в железнодорожном деле министром путей сообщения А. Я. Гюббенетом. 15 февраля 1892 г. Витте назначается управляющим Министерства путей сообщения (157, с. 122). В период пребывания на этом посту он женится вторым браком (через год после смерти первой жены) на Матильде Ивановне Лисаневич (в девичестве Нурок). Поскольку эта дама была разведенной, то бракосочетание с ней по нравам верхов тогдашнего петербургского общества считалось чем-то исключительным. Витте ради этого брака готов был даже оставить свою министерскую должность, однако Александр III, узнав подробности дела, удержал его, сказав, что этот брак только увеличивает его уважение к Витте. Матильда Ивановна стала ему верной подругой до конца жизни. Новый брак принес ему семейное счастье, одновременно поставив в щекотливое положение в высшем обществе. Новая жена Витте была принята при дворе только в 1905 г.

На посту министра путей сообщения Витте сумел временно ликвидировать на железнодорожном транспорте ставшие обычным явлением крупные скопления неперевезенных грузов. Он настойчиво продолжал политику Вышнеградского по концентрированию железных дорог в руках государства путем выкупа частных железных дорог и наращиванию казенного строительства.

Как отмечалось выше, в августе 1892 г. в связи с болезнью Вышнеградского Витте становится министром финансов и производится в тайные советники. Сфера влияния его значительно расширяется. Ему подчиняется промышленность, торговля, торговое мореплавание, отчасти народное образование, коммерческий и аграрный кредит, вследствие чего он оказывает серьезное влияние на решение политических проблем Российской империи. На этом важном посту Витте пробыл целых 11 лет, из

которых только первые полтора года приходятся на царствование Александра III.

Головокружительный взлет Витте на самый верх имперской администрации произвел сильное, но далеко не однозначное впечатление на образованные круги петербургского общества. Вокруг его личности стали создаваться различные домыслы, легенды, измышления, с его именем связывали анекдоты, небылицы и досужие выдумки, и разные «вицмундирные люди» не переставали изощрять свое остроумие над поведением, жизнью и манерами нового гранда российской бюрократии. Но в одном мнении, как отмечали современники Витте, все хулители и остряки сходились единодушно: в бюрократическую среду влита новая струя, которой, несомненно, суждено в будущем внести нечто новое, дотоле неведомое в русской государственной жизни. Сама фигура Витте, манера говорить резко и категорически, его угловатые жесты производили разнообразное впечатление на официальные круги и вылощенную публику столицы. Одним это нравилось, как антитеза бюрократической шаблонности и трафарета... Другие сразу стали к нему во враждебные отношения и, что называется, авансом выпустили когти. Но уже вскоре он победил умом, логикой, аргументацией и непреклонностью в работе. Один из талантливых сподвижников нового министра В. И. Ковалевский с достаточным основанием писал о нем: «Человек сильного ума, твердой воли, бьющей оригинальности во внешности, образе мыслей и действий. В нем все дышало страстностью, порывом, непосредственностью, нечеловеческой энергией. По натуре борец сильный, даже дерзкий, он как бы искал поприще для состязания и, когда встречал противника, вступал с ним в решительный бой... На глазах у всех со сказочной быстротой проявилась могучая натура, которая постепенно всем овладевала и всех вольно или невольно подчиняла себе... В работе его интересовала основная мысль и общее направление. К мелочам он никогда не придирался и не требовал условного канцелярского языка. Работать с ним было и приятно, и легко. Усваивал он новый предмет, что называется, на лету». Витте оказывал всяческое содействие и покровительство своим бывшим знакомым, начальникам, сослуживцам и школьным товарищам. Князь В. П. Мещерский, так вспоминал свою первую встречу с новой звездой, внезапно вспыхнувшей на столичном бюрократическом небосклоне: «Я увидел перед собой высокого роста, хорошо сложенного, с умным, живым и приветливым лицом человека, который сильнее всего впечатлил меня полным отсутствием всякого чиновничьего типа... Витте мне сразу стал симпатичен своей естественностью, безыскусностью

в проявлении им своей личности. В черном сюртуке, развязный и свободный в своей речи и в каждом своем действии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека». Из последующих бесед Мещерский вынес мнение, что в гуманитарной сфере у Витте была масса серьезнейших пробелов: «Он очень слабо владел французским языком, совсем не знал немецкого и с европейским умственным миром был знаком только посредством нескольких переводных отрывков, а литература, кроме научной по его специальности, литература всего образованного мира и русская, мир искусств, знание истории — все это было для него чужое и очень мало известное; и если, не взирая на это, люди образованные и умные испытывали удовольствие от беседы с ним, то это доказывает, как даровит был природный ум Витте». Граф В. Н. Коковцов, много лет близко знавший этого исполина государственной мысли, откровенно написал, что «самовозвеличивание, присвоение себе небывалых деяний, похвальба тем, чего не было на самом деле, не раз замечались людьми, приходившими с ним в близкое соприкосновение». Александру III импонировали в Витте ясность ума, твердость воли, умение излагать мысли убедительно и просто. Император не только питал симпатию, но и поддерживал все начинания нового руководителя Министерства финансов. Важно подчеркнуть, что период руководства Витте названным министерством с 1892 по 1903 г. ознаменован огромным увеличением бюджета страны, широким развитием государственного хозяйства и крупными реформами в области финансового законодательства.

Продолжая дело своих предшественников Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградского, новый министр на первых порах в основу своей политики положил идеи немецкого экономиста первой четверти XIX в. Ф. Листа, исследованию взглядов которого посвятил отдельную брошюру «Национальная экономия и Фридрих Лист», вышедшую в Киеве в 1889 г. С присущей ему энергией Витте стремится реализовать свою программу модернизации империи, превратить страну в течение двух пятилетий в мощную индустриальную державу, защищенную от иностранной конкуренции таможенными барьерами, с сильной регулирующей ролью государства.

Поставив задачу упорядочить структуру бюджета, его доходные и расходные статьи, Витте добился более четкого разграничения чрезвычайного и обыкновенного бюджетов. Чрезвычайный бюджет, обычно державшийся в секрете, практически являлся бесконтрольным. В своей доходной части процентов на 90 он состоял из внешних и внутренних займов. Расходные же его

статьи предназначались на военные нужды, железнодорожное строительство и на ликвидацию последствий стихийных бедствий (неурожаи, голод, эпидемии, пожары и т. д.). По закону 1894 г. бюджет стал более «прозрачным». В нем с большей определенностью и четкостью выделялись чрезвычайные и обыкновенные части (386, 1993, № 3, с. 44).

Подобно Вышнеградскому, Витте использовал косвенное обложение в качестве одного из существенных источников пополнения бюджета. Только с 1892 по 1901 г. доходы от косвенного обложения возросли на 50%. В числе первых серьезных мероприятий, проведенных Витте в начале своей деятельности, стало заключение таможенного договора с Германией. В ответ на высокие таможенные пошлины, которые взимались с русского хлебного экспорта, Витте провел через Государственный совет новый закон, по которому существовавшие тарифы были объявлены минимальными для стран, придерживавшихся режима благоприятствования по отношению к России. Поскольку Германия не придерживалась этого режима, то ставки на германский экспорт в Россию были повышены. В то время это казалось чем-то необычным. Но Александр III поддержал Витте. Столкнувшись с твердой позицией, Германия вынуждена была пойти на уступки. Состоялся новый торговый договор 1894 г., по которому обе державы пошли навстречу друг другу (вторично договор был подписан в 1904 г.).

Высокие таможенные пошлины, способствовали росту прямых иностранных инвестиций в российскую экономику, что в определенной мере компенсировало нехватку капиталов и облегчало использование технического и организационного опыта передовых капиталистических держав.

При Витте помимо таможенно-тарифной деятельности в области внешней торговли и юридического обеспечения предпринимательской деятельности государство поддерживало отдельные группировки предпринимателей (прежде всего связанные с высшими государственными кругами), смягчало конфликты между ними; стимулировало некоторые области промышленности (горнодобывающую и металлургическую), а также активно развивало казенное хозяйство. Особое внимание Витте уделял кадровой политике: издал циркуляр о привлечении на службу лиц с высшим образованием, подбирал себе помощников, отдавая предпочтение не происхождению, чинам и выслуге, а прежде всего степени подготовленности, знаниям и деловитости. Ведение делами промышленности и торговли было поручено В. И. Ковалевскому. Значительную роль в увеличении доходов сыграло введение с

6 июня 1894 г. винной монополии государства, давшей до четверти всех поступлений в казну. Винная монополия вводилась сначала в Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, затем и в других регионах. По инициативе Витте была проведена серия конверсионных займов за границей, что позволило стабилизировать курс рубля, а с 1897 г. перейти на золотое обращение. Переход к золотой валюте, совершившийся в России вопреки мнению и желанию весьма влиятельных сфер, потребовал, конечно, огромного напряжения сил со стороны его инициатора. При Витте велось активное железнодорожное строительство, сооружена Великая Сибирская магистраль (в 1890-е гг. протяженность вновь построенных железных дорог составила свыше 23 тыс. км). В 1896 г. Витте добился заключения оборонительного союза с Китаем против Японии и концессионного русско-китайского договора о строительстве и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги на территории Маньчжурии. Через два года он провел реформу торгово-промышленного налогообложения (Промысловый налог), которая, не изменив его щадящий характер, несколько увеличила оклады обложения. Витте предпринял попытку реформы торгово-промышленного законодательства. Закон 7 июня 1899 г. (учреждавший Главное присутствие по фабричным и горнозаводским делам) и общая тактика Министерства финансов соответствовали интересам промышленного развития, но входили в противоречие с политикой Министерства внутренних дел, настаивавшего на прерогативе своего ведомства в решении рабочего вопроса. В 1899 г. Витте вел полемику с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным, представившим проект реформы земского самоуправления. Подготовил по этому вопросу две записки; возражения Витте сводились к тому, что принцип самоуправления не соответствует самодержавному строю; предлагал заменить земскую систему хорошо организованным бюрократическим аппаратом, пытаясь распространить общие принципы своей экономической политики на управление местным хозяйством. Витте не удалось осуществить свой проект из-за противодействия В. К. Плеве, в то время товарища министра внутренних дел.

По ходатайству Витте заведование коммерческими учебными заведениями в 1893 г. было возложено на Министерство финансов. В 1896—1902 гг. учреждены и оснащены оборудованием 147 новых учебных заведений: 3 политехнических института, 73 коммерческих училища, 35 училищ торгового мореплавания, несколько промышленно-художественных заведений, в том числе знаменитое Строгановское училище технического рисования. Большое влияние имел Витте в качестве председателя Особого

совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, созданного 22 января 1902 г. Как известно, это совещание, вместе с образованными на местах сельскохозяйственными комитетами (82 губернских и областных и 536 уездных и окружных), поставили на очередь важнейшие вопросы русского народного хозяйства и пробудили общественное настроение даже в самых глухих уголках страны. В представленной записке Витте выступил сторонником ликвидации крестьянской сословной обособленности в области права, управления и землепользования. Он высказывался за добровольный переход крестьян от общинного владения землей к подворному. Однако Николай II не решился на проведение реформ, и Особое совещание было закрыто 30 марта 1905 г. Положения программы Витте были впоследствии использованы П. А. Столыпиным. В начале XX в. Витте отстаивал широкое привлечение земств к практической деятельности. Однако из-за противодействия руководства Министерства внутренних дел в лице Плеве, А. С. Стишинского, князя А. Г. Щербатова и др. (поддержанных Николаем II) добился лишь отмены круговой поруки в общине в 1903 г. и облегчения паспортного режима крестьян. В решении внешнеполитических проблем Витте придерживался осторожной тактики, выступая против активной политики на Дальнем Востоке, поддержал министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа в борьбе против «безобразовской клики», но потерпел неудачу, завершившуюся его отставкой в августе 1903 г. Тогда же Витте назначен председателем Комитета министров. Осенью 1904 г. он демонстративно поддержал действия нового министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского, выступившего с проектом реформ. При обсуждении в феврале 1905 г. проектов введения народного представительства первоначально выступал его решительным противником, затем предлагал назначение представителей вместо их избрания. В пору грозных испытаний — Русско-японской войны и первой русской революции Витте вновь оказался в числе ключевых фигур нашей истории. Как мы знаем, это был его звездный час. В непростой международной обстановке он добился 23 августа 1905 г. заключения выгодного Портсмутского мирного договора с Японией, за что был награжден графским титулом. В правой же печати за уступку Японии южной части о. Сахалин получил прозвище графа Полусахалинского. Во время революции 1905—1907 гг. в начале октября 1905 г. Витте выступил за создание сильного правительства. Под его руководством был составлен Манифест 17 октября 1905 г. Одновременно с изданием манифеста новоявленный граф добился публикации своего всеподданнейшего доклада с программой реформ.

С 19 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г. Витте являлся председателем реформированного Совета министров. На этом посту он санкционировал отправку карательных экспедиций в Прибалтику, Польшу, на Кавказ и в Москву для подавления революционных выступлений и одновременно вел переговоры о сотрудничестве с либералами Д. Н. Шиповым, А. И. Гучковым и др. Витте добился в 1906 г. получения во Франции займа в 2,25 млрд франков (8,4 млрд рублей), часть которого пошла на финансовое обеспечение подавления революции.

При обсуждении Основных законов в 1906 г. Витте настаивал на ограничении прав Государственной думы и Государственного совета. С середины февраля 1906 г. он выступал сторонником неограниченного самодержавия. Тем не менее Витте, как он сам об этом писал позже, оказался слишком левым для правых и слишком правым для левых. 14 апреля глава правительства подал прошение об отставке, которая была принята Николаем II с облегчением. 22 апреля последовал высочайший рескрипт на имя Витте. В нем отмечались заслуги бывшего председателя Совета министров в борьбе с «крамольниками», подготовке к открытию законодательных учреждений и заключении внешнего займа. Царь объявлял также о награждении сановника орденом Св. Александра Невского с бриллиантами и надписью «За труды и Отечество».

Последние годы жизни граф провел в Петербурге и за границей. Оставаясь членом Государственного совета, Витте принимал участие в работе Комитета финансов, председателем которого был до самой смерти. После 1906 г. он перешел к публицистической деятельности. В течение зимы 1906—1907 гг. под руководством Витте была подготовлена рукопись «Возникновение русско-японской войны», которая опубликована в «Историческом вестнике» в 1914 г. за подписью Б. Б. Глинского. Считая необходимым введение в правительство общественных деятелей, критиковал действия Столыпина. В период 1907—1912 гг. Витте написал «Воспоминания», представляющие величайшую ценность для исторической науки. Характерной особенностью их является обнажающая откровенность и смелость суждений. К большинству своих сослуживцев по правительству и носителей верховной власти Витте относился без особого почтения. Им довольно остро очерчены портреты И. А. Вышнеградского, П. Н. Дурново, В. Н. Коковцова, А. И. Куропаткина, В. К. Плеве, К. П. Победоносцева, Ф. Д. Самарина, П. А. Столыпина, Д. В. Трепова и многих других. Большое место в мемуарах отводится взаимоотношениям Витте с августейшими особами. Для того чтобы свести

счеты с Николаем II он избирает метод противопоставления отца сыну. Александр III, по мнению Витте, был идеалом государя «имел стальную волю и характер. Он был человеком своего слова, царски благородный и с царскими возвышенными помыслами... Если бы его сын (Николай II) обладал хотя частью его качеств самодержца, то, конечно, ничего подобного тому, что произошло, произойти не могло бы». Немало строк посвящено автором воспоминаний членам царской фамилии: императрицам Марии Федоровне и Александре Федоровне, великим князьям Михаилу и Николаю Николаевичам, Александру Михайловичу, Михаилу Александровичу и другим.

В последние предвоенные годы «творец 17 октября» вновь и вновь всеми средствами и путями пытается напомнить о себе. Он переиздает свои основные ранние работы, в печати появляются инспирированные им статьи. В конце 1913 г. он принял участие в организованной правящими кругами критике В. Н. Коковцова, бывшего в то время председателем Совета министров и министром финансов. Последние два года жизни были особенно тяжелы для Витте. А. Ф. Кони, наблюдавший отставного сановника тогда в Государственном совете, отметил: «Видно было, что в этой кипучей натуре, лишенной возможности проявлять себя не в слове, а в деле, жило «роптание вечное души». В особенности в последнее время, когда началась «чехарда» министров... было больно видеть могучего обладателя и знания, и умения, лишенного творческой деятельности... Со стороны казалось, что это своего рода Гулливер, связанный по рукам и ногам в царстве лилипутов» (161, т. 5, с. 262). Незадолго до трагических событий лета 1914 г. экс-премьер уехал в Германию, но в июле поспешно вернулся. В дальнейшем Витте не ждал от развернувшейся «великой бойни культурных народов», никаких положительных последствий для России и пребывал в подавленном состоянии духа. За несколько дней до кончины Сергей Юльевич жаловался близким ему людям на систематическую травлю, которой он подвергается. «Я чувствую себя, — говорил он, — как травленый волк, хотя я совершенно устранился от всякой внутренней политики...» До настоящего времени ведутся споры о том, какова была роль Витте в экономическом и промышленном развитии России. Председатель Государственного совета Д. М. Сольский, поздравляя Витте с 60-летием в 1909 г., отмечал, что ему и никому другому Россия обязана достигнутыми успехами. «Делами своими, — писал он, — Вы соорудили себе прочный памятник. Вам дано было сделать столько, что, оглядываясь на прошлое, едва верится, что в столь относительно недолгое время могло быть сделано так

много» (387, 1999, № 6, с. 4). Знаменитый художник И. Е. Репин и легальный марксист экономист П. Б. Струве называли Витте «гениальным государственным деятелем», способным «понимать самые трудные государственные вопросы». М. И. Туган-Барановский в статье, посвященной памяти Витте писал, что его имя «знаменует целую эпоху» и что он сделал «огромное историческое дело, которое останется в памяти веков». Более приземленно, без патетики писал о Витте Т. Ардов, один из ведущих авторов «Утра России» — органа известных предпринимателей Рябушинских. По его словам Витте, мыслил «по-бухгалтерски и притом по-американски», отмечая впрочем, что он был «большим, ярко выделяющимся государственным деятелем» (там же).

В феврале 1915 г. С. Ю. Витте простудился и заболел инфлуэнцией (гриппом). Начавшееся воспаление уха, перешло на мозг. Он проболел всего пять дней. Накануне своей кончины он еще обедал с семьей. В десятом часу вечера ему стало плохо, пригласили докторов, которые нашли положение критическим. Его успели приобщить святых тайн. В три часа ночи на 28 февраля он скончался, немного не дожив до 66 лет. Отпевали и хоронили бывшего премьер-министра 2 марта в Александро-Невской лавре.

Глава тринадцатая

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III

При Александре III народное хозяйство Российской империи сделало дальнейший значительный шаг вперед. Страна представляла огромную территорию, на которой сочетались в «комбинацях разной степени крепостническое и капиталистическое сельское хозяйство». Мировой аграрный кризис конца XIX в., возникший вследствие заокеанской конкуренции больше всего США, а также Аргентины, Австралии и Южной Африки, привел к снижению цен на хлеб, что сильно ударило по сельскому хозяйству страны.

Тем не менее на многоземельных окраинах России осваивались под земледелие новые территории. Шаг за шагом улучшалась сельскохозяйственная техника.

Постепенно увеличивалось производство продуктов сельского хозяйства. Аграрное производство все более приобретало торговый, предпринимательский характер. Заметно выросла крупная индустрия, и прежде всего тяжелая. Существенное значение для утверждения крупной индустрии имело становление новой топ-

ливно-металлургической базы в Донецко-Криворожском районе на Украине и нефтяной промышленности на Кавказе. Резко возрос приток иностранных капиталов. В 80-х гг. появились первые монополистические объединения. Гигантская концентрация производства сопровождалась усилением господства крупного капитала. Шел дальнейший рост мелкого промышленного производства и выраставшей из него капиталистической мануфактуры. Нарастало непосредственное государственное вмешательство в экономическую жизнь страны. Усилилось рабочее движение.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 80—90-Х ГОДАХ XIX В.

Аграрно-крестьянский вопрос

Одним из самых сложных и грозных вопросов, с которым столкнулся Александр III уже в первые месяцы своего правления был аграрный. Российская общественность, и особенно пресса, искали ответы на многочисленные проблемы, связанные с «устройством крестьян». В изданиях мелькали признания, что в ряде губерний крестьяне получили меньший, чем при крепостном праве, надел. Отмечалось, что выкупные платежи, как правило, значительно превосходят рыночную стоимость земли. Говорили о разорении деревни, пролетаризации крестьянской массы, перед которой бессильна община (102, с. 341).

При поддержке царя министр финансов Н. Х. Бунге, в союзе с министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым и министром государственных имуществ М. Н. Островским предпринял целый ряд подготовленных еще при М. Т. Лорис-Меликове мер к «поднятию пошатнувшегося благосостояния крестьян».

В числе них надо прежде всего назвать два указа, принятых 28 декабря 1881 г.: 1) «О выкупе наделов остающимися еще в обязательных отношениях к помещикам крестьянами в губерниях, состоящих на великороссийском и на малороссийском местных положениях 19 февраля 1861 года» (220, т. 1, № 577)и 2) «О понижении выкупных платежей...» (220, т. 1, № 576).

Чтобы уяснить смысл первого закона, следует напомнить, что к 1880 г. в 29 губерниях великороссийских и 3 малороссийских, на которые распространялись указанные местные положения о поземельном устройстве бывших помещичьих крестьян, переведено на выкуп было уже более 85% крестьян, однако остальные 15% находились еще во временнообязанном положении и платили своим помещикам оброк. Согласно Положениям 19 февраля 1861 г., по истечении 20 лет, т. е. с февраля 1881 г., предстояла пе-

реоброчка — изменение размеров платимого крестьянами оброка. Но в условиях революционной ситуации на рубеже 70—80-х гг. XIX в. правительство пошло на некоторые уступки крестьянам. Было принято решение перевести всех временнообязанных крестьян на обязательный выкуп (при этом были задействованы те условия выкупа, которые применялись при проведении выкупа по одностороннему требованию помещика согласно закону, т. е. правительство выплачивало помещикам только $^4/_5$ выкупной суммы, которую взыскивало затем в течение 49 последующих лет с крестьян. Другой уступкой явилось сложение накопившихся по выкупным платежам 20 млн руб. недоимок и понижение размеров самих выкупных платежей (см. следующий документ).

По второму указу в 29 великорусских губерниях снижение устанавливалось исходя из размеров годовой выкупной суммы с надела, т. е. если за средний по этим губерниям душевой надел в размере 3,3 дес. крестьянин платил в год 8 руб., то с 1881 г. с него требовалось уже 7 руб. В трех малороссийских губерниях, где надел предоставлялся в расчете не на мужскую душу, а на крестьянский двор, годовой размер выкупных платежей понижался на 16%. Если в 1880 г. общая сумма выкупных платежей за год составляла 44 млн руб., то по закону 28 декабря 1882 г. она должна была составить уже 32 млн руб., т. е. на 27,2% меньше.

Кроме указанных двух законов к мерам по поднятию благосостояния относятся также выработанные, хотя и не опубликованные во всеобщее сведение, *правила о переселении крестьян* на пустопорожние земли 10 июля 1881 г., оказавшиеся впрочем довольно непрактичными, «вследствие установленного ими порядка разрешения переселений».

Однако с начала 80-х гг. усилилось стихийное переселенческое движение из густозаселенных малоземельных губерний Европейской России в Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию, на Северный Кавказ. В переселенческой политике царское правительство руководствовалось интересами помещиков и буржуазии. Занимающийся проблемами деревни чиновник Министерства государственных имуществ К. Ф. Головин, «разбитый параличом и ослепший, несомый на руках, как куль», не придавал значения крестьянским переселениям, а публицист из крупных помещиков П. А. Дементьев (Тверской), «отнесся к ним вообще негативно». Только после голода 1891—92 гг. эта мера, «предложенная в либеральной и народнической печати, стала серьезно обсуждаться и в консервативной» (102, с. 347).

По инициативе Александра III 18 мая 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк (начал функционировать с

1883 г.). Банк выдавал ссуды на покупку земельных участков как отдельным домохозяевам, так и сельским обществам и товариществам. Через его посредство в 1883—1900 гг. крестьянам было продано 5 млн десятин земли в 45 губерниях Европейской России. С самого начала к идее создания Крестьянского банка как к сомнительному мероприятию отнеслись К. П. Победоносцев, граф П. А. Шувалов, К. Ф. Головин и др. Неудивительно, что в год десятилетия Крестьянского банка «Русское обозрение» назвало его вредным учреждением, порожденным «антиземлевладельческим течением в обществе» (102, с. 346).

Важно подчеркнуть, что при вступлении Александра III на престол у крестьян вновь возродились надежды на скорый передел земли, сложение податей и недоимок. 27 марта 1881 г. министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов разослал губернаторам секретный циркуляр, предписывая действовать крайне осторожно «в принятии мер к успокоению умов», доносить «о каждом отдельном случае» крестьянских слухов. Сменивший вскоре его на этом посту граф Н. П. Игнатьев 3 июня 1881 г. разослал новый секретный циркуляр, рекомендуя «уничтожить несбыточные надежды и ожидания крестьян». Но слухи продолжали распространяться. Александр III во время своей коронации 21 мая 1883 г. выступил с речью перед собранными на коронацию 630 волостными старшинами с опровержением крестьянских надежд на передел земли. «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства, — сказал венценосец, — и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобном. Эти слухи распускаются вашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна». Речь Александра III была опубликована в «Правительственном вестнике» 24 мая 1883 г.

В 1883 г. Н. Х. Бунге внес в Государственный совет представление о постепенной отмене подушной подати, начиная с 1884 г. Недобор в бюджете в связи с отменой подушной подати министр финансов предусматривал компенсировать за счет введения других налогов, взимаемых с различных доходов. Окончательно подушная подать с податных сословий, введенная еще Петром I, была отменена законом 18 мая 1886 г. с 1 января 1887 г. (в Сибири с 1899 г.). Одновременно ее отмена сопровождалась повышением на 45% податей с государственных крестьян путем перевода их с 1886 г. на выкуп, а также увеличением со всего населения прямых налогов на $^1/_3$ и косвенных налогов в два раза.

В 80-х — начале 90-х гг. внимание правительства было обращено на всё возрастающий рост числа крестьянских семейных

разделов. По сводкам Министерства внутренних дел, в первые два пореформенных десятилетия происходило ежегодно в среднем 116 тыс. семейных разделов, а в начале 80-х гг. их среднегодовая численность возросла до 150 тыс. В результате крестьянские наделы постепенно мельчали. Проницательный Д. А. Толстой видел в этих разделах «великое зло, ведущее к обеднению населения».

Принятый 18 марта 1886 г. закон должен был стать серьезным барьером семейным разделам и порождаемому ими, по официальной терминологии, «духу своеволия и распущенности». Укрепляя старые начала «патриархальности», закон видел в крестьянской семье рабочую ячейку, «союз родственников, подчиняющихся главенству старшего члена и трудящихся в общую пользу». Если раньше для раздела достаточно было согласия большинства сельского схода, то теперь большинство было увеличено до $^2/_3$ и основным становилось согласие на раздел родителя или старшего в семье (большака).

Жизнь показала, что этот закон не смог ни приостановить, ни ограничить семейные разделы, которые продолжали возрастать, причем более $^9/_{10}$ разделов происходило самовольно, без санкции общины и местных властей.

Одной из важных проблем в аграрно-крестьянской политике правящей России оставалась крестьянская поземельная община. В среде правительственных чиновников и в прессе не было единодушия во взглядах на общину. Некоторые из них объясняли косность и низкий уровень агрокультуры общинными пережитками — круговой порукой, земельными переделами, излишней регламентацией, сковывающей инициативу земледельцев. Многие понимали, что общинные порядки являются серьезным препятствием росту производительности сельского труда. Другие же рассматривали общину как важный фискально-полицейский инструмент в деревне, разрушение которого ослабило бы аппарат государственной власти. Уже в 1883 г. Д. А. Толстой поставил вопрос о воспрепятствовании переделам земли в крестьянских общинах. Однако этот, как и ряд других возбужденных им вопросов, пришлось доводить до конца его преемнику И. Н. Дурново. Новый министр внутренних дел был сторонником консервации общинного землепользования. Дурново предпринял ряд мер направленных на укрепление крестьянской общины, как оплота против «язвы пролетариатства». Закон 8 июня 1893 г. ограничил право крестьян на земельные переделы, которые отныне дозволялось проводить не чаще, чем через 12 лет, причем с согласия не менее $^2/_3$ домохозяев, земского начальника и уездного съезда.

Частные земельные переделы запрещались. Земельные переделы были поставлены под контроль земских начальников. Закон 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждаемости крестьянских надельных земель» запрещал закладывать крестьянские надельные земли, ограничивал сдачу надела в аренду и продажу его только пределами своей общины. Этим же законом отменялась 165 статья «Положения о выкупе», по которой крестьянин мог досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины. Досрочный же выкуп надела разрешался лишь при условии согласия $^2/_3$ схода. Жизнь показала, что сходы обычно такого разрешения не давали.

Все вышеприведенные юридические акты являлись лишь отдельными, разрозненными звеньями консервативной политики в области законодательства о крестьянах. В конце правления Александра III крепостники готовы были поставить вопрос об общем пересмотре всего крестьянского законодательства.

Определенный вклад в аграрно-крестьянскую политику внесли министр государственных имуществ (май 1881 г. — январь 1893 г.) М. Н. Островский и министр земледелия и государственных имуществ (январь 1894 г. — май 1905 г.) А. С. Ермолов. Островский старался упорядочить оброчные статьи, установить выгодный для казны и народного хозяйства порядок отдачи их в аренду. При нем в 1888 г. принят закон об охране лесов, заметны были и его заботы о сельскохозяйственном образовании. По наблюдению С. Ю. Витте, Островский «...был человек умный, образованный, человек культурный в русском смысле, но не в смысле иностранном, не в смысле заграничном. О земледелии он не имел никакого понятия (прежде чем получить это место, он был товарищем государственного контролера, государственный контроль он знал очень хорошо). М. Н. Островский имел некоторое влияние на императора Александра III благодаря своему уму или, вернее говоря, благодаря здравому рассудку, определенности и политической твердости характера. Направления он был весьма консервативного» (84, т. 1, с. 307). Островский выступал сторонником консервативной линии К. П. Победоносцева и графа Д. А. Толстого, принимал активное участие в разработке и проведении политики правительства 1880—90 гг.

А. С. Ермолов проявлял заботу о развитии сельскохозяйственного образования, о поддержании кустарной промышленности, об улучшении казенных минеральных вод, о культивировании казенных участков на черноморском побережье Крыма. Содействовал учреждению опытных станций, многочисленных выставок. Добивался уменьшения железнодорожных тарифов на провоз

сельскохозяйственной продукции, развития системы сельскохозяйственного кредита, предоставления ссуд на мелиорацию и ирригацию.

По оценке Витте, «Ал. Серг. Ермолов — прекрасный человек, очень образованный, умный, но человек без характера; у него гораздо более способностей писать, нежели делать. Потому Ермолов как министр земледелия был очень слаб... Он никак не мог развернуть широко программу помощи всем русским землевладельцам и преимущественно крестьянам... Это милейший... человек, но человек, который собственно ничего сотворить не может, так что я прозвал его «божьей коровкой», а лица, относящиеся к А. С. Ермолову неблагожелательно, называют его «навозным жуком»... Ермолов — честнейший и благороднейший человек, но тип образованного, либерального и маловольного чиновника, из каждой ноты коего течет либеральный мед, так хорошо приготовлявшийся в последние десятилетия в Царскосельском лицее» (там же, с. 342—343).

Поддержка помещичьего хозяйства

Позволю себе напомнить, что после отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. площадь принадлежавшей дворянам земли уменьшалась в среднем примерно на 0,68 млн десятин в год. Если в 1861 г. дворяне в Европейской России имели 79 млн десятин, то уже в 1877 г. — 73,1 млн десятин (202, т. 1, с. 685).

Положение дворянства резко ухудшилось в связи с аграрным кризисом конца XIX в. Царское правительство, стремясь поддержать первенствующую роль дворянства, как опоры самодержавия, приняло ряд мер для поддержания его землевладения и помещичьего хозяйства. По личному указанию Александра III 21 апреля 1885 г. по случаю 100-летия Жалованной грамоты дворянству, был учрежден Дворянский банк (ПСЗ-3, № 3016). Резолюция монарха на ходатайстве орловского дворянства о льготном государственном долгосрочном кредите гласила: «Пора наконец сделать что-нибудь, чтобы помочь дворянству» (96, с. 105). Дворянский банк выдавал долгосрочные кредиты потомственным дворянам-землевладельцам под залог земельной собственности. Проект банка был разработан министром финансов Н. К. Бунге.

Дворянский банк предоставлял ссуду на 4,5% годовых, в то время как Крестьянский банк — на 6,5%. Уже в 1886-м, первом году своей деятельности, Дворянский банк выдал ссуд почти на 69 млн руб., в то время как Крестьянский банк — на 11 млн руб. с небольшим. До конца 90-х гг. выданные ссуды Дворянским банком в 5—6 раз превышали ссуды из Крестьянского банка.

Действие банка на первых порах распространялось на всю Европейскую Россию, за исключением Финляндии, губерний Царства Польского и Остзейского края, с 1891 г. — на Закавказский край, с 1894 г. — на Западные края (в 1887 г. — на 36 губерний, в 1910 г. — на 38 губерний и 3 области). В 1885 г. банк имел 13 отделений, в 1891 г. — 23.

Важной мерой по поддержанию дворянского землевладения явился закон о найме сельскохозяйственных рабочих, принятый 12 июня 1886 г. Вопрос об условиях найма рассматривался в правительственных инстанциях на протяжении 70-х гг. Однако он вызывал серьезные разногласия и возвращался для доработки. В конце января 1885 г. в Государственный совет был представлен проект «Положения о найме на сельские работы и в служительские по сельскому хозяйству должности», подготовленный двумя министрами: внутренних дел Д. А. Толстым и государственных имуществ М. Н. Островским. Проект, который обсуждался с начала февраля до начала мая, подвергся серьезной критике со стороны членов Государственного совета Б. П. Мансурова и К. П. Победоносцева (221, т. 1, с. 416). После внесения в него ряда изменений, он был утвержден Александром III. Закон укрепил «властное положение» дворянина-помещика над наемным рабочим, утерянное в результате крестьянской реформы. По закону 1886 г. при найме сельскохозяйственного рабочего обязательно составлялся «договорный лист» — своего рода крепостной акт. Если рабочий уходил раньше срока, предъявление листа в суде делало иск помещика «бесспорным», несмотря на различные поводы и причины, заставившие рабочего уйти. Суд обязан был рассматривать дело о найме в кратчайшие сроки. Причем наказанием по этим делам служил не штраф, как в обычных гражданских делах, а арест, как в уголовном порядке. Безусловно, это лишало сельскохозяйственного рабочего элементарных гражданских прав и возвращало помещику средства внеэкономического принуждения над ним.

Для обеспечения помещиков рабочей силой верховная власть принимает необходимые меры к организации регулируемого переселенчества сельского населения, о чем уже говорилось ранее. Разработанный комиссией товарища министра внутренних дел В. К. Плеве законопроект по этому вопросу был внесен в Государственный совет весной 1889 г. Согласно проекту, разрешение на переселение должно было оформляться по «Временным правилам» 1881 г. Для этого нужно было иметь заключение двух министров — внутренних дел и государственных имуществ. При этом отвод земель в Европейской России должен был да-

ваться только во временное пользование, а в Сибири и степных районах — в постоянное. В проекте предусматривалась система различных льгот для переселенцев, а также предоставление им ссуд на первоначальное обзаведение. Стремясь ограничить переселенческое движение, Государственный совет 8 июня 1889 г. одобрил решение Соединенных департаментов, где были уменьшены льготы для переселенцев. В частности, исключен пункт о льготном железнодорожном тарифе, значительно сокращена смета по организации переселений и т. д. 13 июля 1889 г. закон о переселенчестве был утвержден Александром III. Тем не менее темпы переселения вопреки этому суровому закону за десять лет после его издания увеличились в несколько раз, причем 85% из них составляли самовольные переселенцы. Если в 1893 г. в Сибирь прибыло 56 тыс. переселенцев, то в 1895 г. уже 107 тыс. В 1906—1914 гг. численность переселенцев в районы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии еще более увеличивается и достигает (без обратных переселенцев) 3 млн 312 тыс. человек. Переселенцы шли преимущественно из густозаселенных Полтавской, Черниговской и Могилевской малоземельных губерний Европейской России со слабым развитием промышленности (286, т. 11, с. 30).

Новые тенденции в развитии сельского хозяйства

Отмена крепостного права знаменовала явный поворот России в сторону буржуазного хозяйства. Произошли фундаментальные перемены «во всех сферах и направлениях» российской жизни. Россия вступила в новую эпоху, характерная черта которой — ускоренное развитие всех отраслей народного хозяйства и культуры. Изменилось правовое положение крестьянства, его отношение к своим наделам. Заметно ускорился рост сельского населения в стране. Его среднегодовой естественный прирост в 1860—1910 гг. составил 139%. Улучшение условий жизни привело к снижению смертности. В 1858 г. в России насчитывалось 63,3 млн сельских жителей, а в 1897 г. — 101,6 млн (без Польши и Финляндии).

Развитие капитализма в сельском хозяйстве страны выражалось прежде всего в постоянном увеличении товарного производства. Эпоха великих реформ, разрушая вековую сословность землевладения, широко открыла ворота для купли-продажи земли, превратила землю в товар, а земледелие в обычное торгово-промышленное занятие.

В аграрном секторе экономики совершались невиданные ранее по масштабам изменения: изживалась трехпольная система земледелия, развивалось травосеяние, увеличивались площади

под технические культуры, развивалась сельская кооперация и др. За два пореформенных десятилетия количество сельхозмашин в помещичьих и кулацких хозяйствах (паровые и конные молотилки, жатвенные машины, сноповязалки, веялки, железные плуги и др.) увеличилось в 3 раза. Носителями нового экономически более выгодного производства выступали перестроившиеся на новый лад помещичьи и крестьянские хозяйства.

В пореформенной России преобладали три формы землевладения: надельная, казенная и частновладельческая. Земельная перепись 1877 г. установила, что из 391 млн десятин, учтенных в 49 губерниях Европейской России, на крестьянские наделы приходилось лишь $^1/_3$ земли. Остальные земли принадлежали государству (казенным землям) — 150 млн десятин, а также частным владельцам (93,4 млн десятин, из них 73 млн были собственностью дворян). Важно подчеркнуть, что 15 тыс. крупных помещиков располагали 75% всех владельческих земель, а 900 «тузов» из них имели почти по 30 тыс. десятин на каждого. В то же время надо сказать, что большая часть казенных земель была на севере занята лесом (около 70%), болотами и тундрой. 2,5% сдавалась в аренду (в основном в Поволжье и на юге). И только 26% казенных земель можно было со временем освоить, расчистив предварительно из-под леса. Из сказанного следует, что для развития сельского хозяйства определяющую роль играли частные и надельные земли.

Как отмечалось выше, эмансипация крестьян усилила переселенческое движение, переход селян в города, заселение южных губерний — Херсонской, Таврической, Екатеринославской, составлявших в прошлом вместе с Бессарабией так называемую Новороссию, степных районов Заволжья и Приуралья (Самарская, Саратовская, Оренбургская губернии), а также степного Предкавказья, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

В конце XIX в. в России насчитывалось около 525 тыс. сел и деревень (в 1914 г. — около 548,5 тыс.), в том числе в Европейской России 511,6 тыс. (93%), в Сибири 14,6 тыс. (3%), в Средней Азии и Казахстане 9,5 тыс. (1,7%), на Кавказе 12,6 тыс. (2,3%) (см. 201б, т. 3, с. 141).

Возросшие масштабы крестьянской колонизации, благоприятные природные условия, близость черноморских и азовских портов, возникновение новых промышленных очагов и установление железнодорожного сообщения с центром империи — все это способствовало распашке целинных степей Причерноморья, Заволжья, Подонья и развитию торгового земледелия. Расширялось производство льна, сахарной свеклы и других культур, служивших сырьем для промышленности.

Однако обеспеченность основной массы крестьян землей явно отставала от роста сельского населения. За 40 пореформенных лет население увеличилось на 40 млн человек, а величина среднего фактического надела на мужскую душу сократилась вдвое: с 4,8 десятин в 1861 г. до 2,6 десятин в 1900 г. Крестьянские наделы были настолько мизерны, что не обеспечивали даже скудный прожиточный минимум. Стремясь облегчить положение крестьянства, правительство Александра III, как это отмечено выше, принимало ряд мер к улучшению его благосостояния. Так, введение Крестьянского поземельного банка в 1882 г., позволило крестьянам на приемлемых условиях приобрести у помещиков с 1883 по 1902 г. около 5 млн десятин земли. Для улучшения податной системы с 1882 г. были понижены выкупные платежи на 12 млн руб. и постепенно отменена, по указу 14 мая 1883 г., подушная подать. Благодаря этим мерам, с крестьян было снято налогов на 53 млн руб. И хотя некоторая часть этой суммы опять пала на крестьян же, вследствие повышения питейного налога и превращения оброчного сбора с бывших государственных крестьян в выкупные платежи в увеличенном размере, но это не могло уменьшить значения отмены подушного налога как меры, уничтожившей последний след рабства и открывшей путь к изменению паспортной системы, круговой поруки и иных неблагоприятных условий крестьянской жизни. Понижение налогов с крестьян сопровождалось все большим привлечением к обложению других, более имущих классов населения, до тех пор изъятых от прямого обложения или недостаточно обложенных (см. 250, т. 18, с. 364).

Как отмечалось выше, на развитие сельского хозяйства России в 80—90-е гг. XIX в. серьезное влияние оказал мировой аграрный кризис, самым важным проявлением которого было падение хлебных цен. За два десятилетия цены на хлеб упали примерно вдвое. Основной причиной снижения цен на рынках Европы был ввоз дешевого заокеанского хлеба, преимущественно из Соединенных Штатов Америки. Естественно, кризис тяжело отразился и на помещичьем, и на крестьянском хозяйстве. Возросла задолженность дворянства земельным банкам, многие помещики стали продавать землю, значительная часть которой переходила в руки сельской буржуазии. Кризис больно ударил и по крестьянству, вынужденному для того, чтобы расплатиться с помещиком и казной, продавать хлеб на рынке по заведомо убыточным ценам. Покупательная способность крестьянства на промышленные товары падала. Одновременно увеличились размеры отработок, ухудшились условия аренды.

Тем не менее ни кризис, ни тяжелые остатки крепостничества, не могли задержать проникновения капитализма в сельское хозяйство. Даже в латифундиях (крупных земельных владениях) кабальная аренда и отработки на большей части земли нередко сочетались с устройством на остальной земле «рационального» предпринимательского хозяйства. Наиболее предприимчивые помещики пытались найти выход из кризиса, развивая производство таких сельскохозяйственных продуктов, цены на которые снизились меньше, чем на зерно. В числе таких продуктов были, например, сахарная свекла, молоко, масло, сыр. Эти же представители «первого сословия» создавали также предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов — сахарные и винокуренные заводы и другие аналогичные заведения. В то же время усиливалась хозяйственная деятельность крестьянства. Если в 1860 гг. крестьянские хозяйства производили 78% хлебов в России, то в 1890-х гг. — 85%. По сведениям Всероссийской переписи населения 1897 г., на доходы от земледелия жили 88,3 млн человек, или 70% населения, на доходы от животноводства — 4,5 млн человек, или 3,6%. Отсюда следует, что 92, 8 млн человек, или 91% сельского, т. е. 74% населения страны, занимались сельским хозяйством (201б, т. 3, с. 142).

Несмотря на все трудности, в 80—90-х гг. сельскохозяйственный экспорт продолжал увеличиваться, но медленнее, чем в 60—70-х гг. Значительно возрос экспорт яиц, коровьего масла и жмыхов, ранее вывозившихся в весьма небольших количествах. Но все же главным предметом сельскохозяйственного вывоза оставался хлеб. За 20 лет экспорт хлеба возрос примерно в полтора раза — с 287 млн пудов в среднем в год в 1876—1880 гг. до 444 млн пудов в 1896—1900 гг. Причем почти все увеличение вывоза приходится на 80-е годы, в 90-х годах рост экспорта хлеба приостановился. Причиной тому был голод в 1891—1892 гг., разразившийся в 21 губернии. Вывоз льна, наоборот, был стабильным в 80-х гг. и вырос на 30% в 90-х гг. Доля экспорта по отношению к чистому сбору хлебов в Европейской России составляла в 80—90-х гг. около $^1/_5$. Пшеницы вывозилось в 90-х гг. около $^2/_5$ ее чистого сбора, ячменя — около трети (147, с. 298).

Следует заметить, что внутренний рынок рос быстрее, чем внешний, и в 90-е гг. уже превышал его. Увеличение посевных площадей и специализация торгового земледелия продолжались в том же направлении, что и в 60—70-е гг., но темпы их снизились. Хотя возросшее использование сельскохозяйственных орудий позволило поднять урожайность за 20 лет на $^1/_4$, в целом она ос-

тавалась еще низкой (39 пудов с десятины на крестьянских землях и 47 пудов — на помещичьих).

В период правления Александра III продолжался процесс дифференциации крестьянства. Процесс этот был неодинаков в разных районах. Там, где пережитков крепостничества было меньше, дифференциация проявлялась более интенсивно и наоборот. Сельская буржуазия в это время в ряде районов составляла пятую часть всех крестьянских дворов, но экономически она верховодила в деревне. Ей принадлежало от 34 до 50% крестьянских земель, в том числе большая часть купчей и половина или более арендованной. Кроме того, в ее достояние перешло от 38 до 62% рабочего скота и от 70 до 80% улучшенных орудий труда. Сельская беднота, составлявшая половину крестьянских дворов, имела от 18 до 32% земли, от 10 до 30% скота и от 1 до 3,6% улучшенных орудий. Среднее крестьянство, насчитывавшее до 30% дворов, испытывало неустойчивое положение, шел процесс его разложения.

Но этот мучительный процесс социальной дифференциации деревни, получивший в народе меткое название «раскрестьянивание», составлял наиболее глубокую основу роста капитализма не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Расслоение крестьянства способствовало расширению внутреннего рынка. Зажиточные крестьяне реализовывали на рынке товарную часть продукции, приобретая не только предметы личного пользования, но и средства производства (улучшенные орудия, машины и прочее). Бедняки, которых не могло прокормить их маломощное хозяйство, тоже обращались к рынку, покрывая растущие расходы продажей своей рабочей силы.

Крестьяне, как правило, находились в экономической зависимости от помещиков. В качестве платы за арендуемый у помещика клочок земли, за полученные в ссуду хлеб или деньги крестьянин обрабатывал господскую пашню с помощью своего примитивного инвентаря и истощенного рабочего скота. Эта система, известная под названием «отработок», являлась по существу открытой барщиной.

Помещики, лишившись по реформе 1861 г. дарового труда крестьян, вынуждены были перестраивать свое хозяйство применительно к капиталистическим условиям. В конце XIX в. капиталистическая система ведения сельского хозяйства преобладала в 19 губерниях Европейской России.

Экономика этих губерний была теснее связана с внутренним и внешним рынком и отличалась более развитыми капиталистическими отношениями (Прибалтика, Западная и Центральная

Белоруссия, Правобережная и Степная Украина, Бессарабия, Дон и Нижнее Поволжье). В 17 губерниях Центрально-Черноземного района, Нечерноземной полосы и Среднего Поволжья, где сохранились огромные помещичьи латифундии и которые были удалены от рынков сбыта, преобладала отработочная система. В 7 губерниях Левобережной Украины, Восточной Белоруссии и соседних русских областей была распространена смешанная система ведения помещичьего хозяйства.

Возникшая еще в 60—70-х гг. районная специализация сельского хозяйства продолжала углубляться. Зерновое производство в основном было сосредоточено в черноземной полосе с постепенным перемещением его центра в юго-восточные губернии. К концу XIX в. Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Саратовская, Самарская, Оренбургская губернии и область Войска Донского давали свыше 25% сбора зерновых. На севере и северо-западе выделялись районы льноводства (особенно в Смоленской, Тверской, Вятской, Псковской и Лифляндской губерниях). В Курской губернии, Украинском регионе и Предкавказье развивалось производство сахарной свеклы. Прибалтийские, западные и северные губернии производили большую часть молочных продуктов. Из Сибири в основном экспортировалось сливочное масло. На Северном Кавказе 75% площадей занимали посевы пшеницы и ячменя. Здесь же выращивалось 90% семян подсолнечника и 15% табака. Дон и Северный Кавказ обеспечивали 40% экспорта хлеба. Выделились районы коноплеводства, луководства, табаководства, садоводства, огородничества, картофелеводства, крахмального промысла и др. Закавказье поставляло на рынок виноград и фрукты. В Средней Азии с помощью правительства расширено в крупных объемах хлопководство, в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа — виноделие (см. 2016, т. 3, с. 145).

В конце XIX в. около $^{9}/_{10}$ всей посевной площади Европейской России была занята зерновыми. Урожайность оставалась очень низкой — около 6 ц с гектара на крестьянских землях и около 7 ц на помещичьих. Более высокий урожай в помещичьих хозяйствах был следствием лучшего качества земель, а отчасти и лучшей их обработки.

В целом сельское хозяйство России все более приобретало торговый, предпринимательский характер. Рост промышленности и городов повышал спрос на сельскохозяйственные продукты. Углублявшаяся в связи с железнодорожным строительством специализация экономических районов в свою очередь содействовала повышению товарности земледелия и скотоводства.

В Европейской России посевы зерновых хлебов и картофеля за сорок пореформенных лет увеличились почти в полтора раза, а чистый сбор — в два с половиной раза. Быстро росло производство льна, сахарной свеклы и других культур, служивших сырьем для промышленности.

В 80-е гг. XIX в. доля России составляла 20% мирового производства пшеницы, 60% ржи, 30% ячменя.

Среди наиболее важных мероприятий по развитию отечественного сельского хозяйства следует выделить учреждение Министерства земледелия и государственных имуществ. Создано оно было 21 марта 1894 г. в результате преобразования Министерства государственных имуществ, унаследовав его функции. Новое министерство ведало вопросами сельского хозяйства, распространением агрономических знаний, развитием кустарных промыслов и др., организовывало всероссийские и местные сельскохозяйственные выставки, оказывало помощь сельскохозяйственным обществам, кооперации, проводило сельскохозяйственные съезды и др. В конце 80-х гг. в ежегодно открывалось до 25 местных сельскохозяйственных выставок, в начале XX в. от 40 до 50. Наиболее крупными общими сельскохозяйственными выставками этого периода были Всероссийские (в Москве, 1895; Харькове, 1887; Киеве, 1913), Прибалтийские (в Риге, 1880, 1889).

2. РОСТ КРУПНОЙ МАШИННОЙ ИНДУСТРИИ

Царствование Александра III является важным этапом капиталистической индустриализации России. В 1880—90 гг. в основном завершается промышленная революция, начавшаяся в нашей стране, по мнению ряда историков, в 50-х гг. XIX в. Крупная машинная индустрия одерживает решающую победу над мелким производством и мануфактурой. В 1881 г. фабрик насчитывалось 31 173, с 770 842 рабочими и общей производительностью в 997 933 тыс. руб. В 1896 г. число фабрик выросло до 38 401, численность рабочих возросла до 1 742 181 и производительность составила 2 745 345 тыс. руб. (248, с. 280).

Быстрыми шагами совершенствуется техника производства в ведущих отраслях промышленности. Надо заметить, что Российская держава, вступив позднее ряда других европейских стран на путь капитализма, могла использовать уже имевшиеся технический опыт и организационные формы промышленно-капиталистического развития.

Основными центрами развивавшейся капиталистической промышленности были Петербург и Москва. Причем северная столица являлась средоточием машиностроения. Здесь производилось свыше 70% всех машин и механизмов.

В городе и его окрестностях насчитывалось 19 гигантских по тем временам заводов, на каждом из которых работало более 1000 человек. Здесь выросли такие промышленные гиганты, как Путиловские заводы, насчитывавшие более 12 тыс. рабочих, металлургические и химические предприятия. Уже в 1879 г. на фабриках и заводах, где работало не менее 100 человек, было занято свыше 79 тыс. рабочих, т. е. 88,8% всех петербургских пролетариев. В среднем на одно предприятие приходилось 450 человек (221в, с. 9). К концу XIX в. металлообрабатывающие заводы Петербурга выпускали 94% продукции отрасли.

Белокаменная столица и окружающий ее промышленный район оставались главным очагом легкой, преимущественно текстильной промышленности.

В Прибалтике, наряду с Ригой и Нарвой начали создаваться новые промышленные центры — Либава (Лиепая) и Ревель (Таллин). Специфика Прибалтийского промышленного района проявлялась в сосредоточении промышленности в немногих больших городах и почти полном отсутствии кустарных сел, столь характерных для центральной России.

На Урале горнометаллургическая индустрия, основанная в прошлом на принудительном труде подневольных рабочих, в первые годы после реформы 1861 г. пережила серьезные затруднения. Тысячи рабочих, освобожденных от крепостной зависимости, покинули заводы. Только спустя 10 лет уральская металлургия достигла уровня 1860 г. Но и в дальнейшем она развивалась весьма медленно из-за слабого железнодорожного сообщения.

На юге страны с 70-х гг. постепенно стал формироваться новый район горной и металлургической промышленности.

Постройка двух железнодорожных магистралей, связавших Москву с Ростовом-на-Дону, дала выход донецкому углю и значительно повысила спрос на него. В районе Донецкого кряжа, как грибы после дождя, один за другим стали возникать новые рудники. Надшахтные постройки и конусообразные терриконы существенно изменили пустынный прежде ландшафт донецкой степи.

После того как в 1885 г. угольный Донбасс был соединен Екатерининской линией с районом Кривого Рога, где находились большие запасы богатой железом руды, начался быстрый подъем южной металлургии. На полпути между Донбассом и Криворожьем возник Приднепровский металлургический район с центром в

Екатеринославе. Молодая южная металлургия, не знавшая феодальных традиций и отличавшаяся более высоким техническим уровнем, стала быстро обгонять седой Урал.

Крупным центром машиностроения сделался Харьков. Район сахарной промышленности охватывал почти всю лесостепную полосу Украины и часть Центрально-Черноземного района. Удельный вес Украины в крупной промышленности империи заметно возрос.

Основными топливными базами являлись Донецкий, Домбровский (Польский) каменноугольные районы и Бакинский нефтяной район. Значительно меньшую роль играли Подмосковный и Уральский районы и совсем ничтожную роль только начинавшие разработку районы Сибири, Средней Азии, юго-восточный (Грозный) и др. Только в Донбассе добыча угля с 1880-го по 1892 г. увеличилась в два с половиной раза (с 1,4 млн т до 3,6 млн т).

Характерной особенностью развития каменноугольной промышленности России, как и большинства капиталистических стран, была довольно слабая механизация угледобычи. Жестоко эксплуатировался труд шахтеров, добыча на шахтах велась вручную. Паровые двигатели обслуживали лишь подъем угля, вентиляцию и водоотливы.

Быстро развивалась новая отрасль экономики России — нефтяная индустрия.

В дореформенный период спрос на нефть был невелик. Развитию нефтяной промышленности в районе Баку мешало существование откупной системы — отдача нефтяных колодцев на откуп на определенный срок. С отменой в 1872 г. этой системы и с переходом к сдаче нефтеносных участков с торгов в долгосрочную аренду, вокруг Баку стали расти леса вышек и вблизи от старого города возник новый, окутанный пеленой дыма и копоти «черный город» с десятками нефтеперегонных заводов. За 12 лет добыча нефти выросла в 14 раз, (с 344 тыс. т в 1880 г. до 4853 млн т в 1892 г.).

В 80—90-е гг. XIX в. произошли существенные изменения как в добыче, так и в переработке нефти. Значительно увеличены мощности паровых котлов и насосов, усовершенствованы способы транспортировки и хранения нефтепродуктов. На промыслах и в заводских районах прокладывались трубопроводы. Для перевозки появились нефтеналивные суда и вагоны-цистерны. С 1882 г. в производство нефтеперегонного дела внедрены непрерывно действующие аппараты-кубы.

Так, нефтедобыча товарищества «Бр. Нобель» за 1879—1883 гг. возросла на 4820%, ее удельный вес в общероссийской добыче

к концу этого периода достиг почти 26%, а в общероссийском производстве керосина — 49% (121, с. 62—64).

Выдающиеся открытия и изобретения русских ученых и инженеров расширили возможность применения нефтепродуктов — в качестве топлива, смазочных масел и др. — и обеспечили бакинской нефти выход на мировые рынки. В конце XIX в. Россия выдвинулась на первое место в мире по добыче нефти, оттеснив на время Соединенные Штаты.

3. ТРАНСПОРТ

Развитие промышленности м укрепление оборонной мощи государства требовало дальнейшего развития транспорта и, прежде всего, железнодорожного строительства. Время показало явные преимущества железных дорог в сравнении с другими видами транспорта. Стоимость перевозок грузов уже по первым железным дорогам была в 4—7 раз ниже, чем гужевым транспортом, и даже ниже стоимости перевозок по мелководным рекам и каналам.

К 1880 г. в стране была создана железнодорожная сеть протяженностью 23 тыс. км, охватывавшая 45% территории Европейской России. Она состояла из четырех основных железнодорожных узлов: Московского (включал 18 железных дорог), Прибалтийского (8 железных дорог), Южного, или Азовско-Черноморского (6 железных дорог), и Западного (8 железных дорог). На Востоке функционировали Оренбургская железная дорога, Уральская горнозаводская железная дорога, Пермская железная дорога, Сызрано-Вяземская железная дорога и др., не связанные с общероссийской сетью железных дорог.

Вопрос о новом государственном железнодорожном строительстве был принципиально решен на заседаниях Комитета министров в сентябре 1880-го — январе 1881 г. В ходе обсуждения выяснилось, что еще не приступили к строительству важных первоочередных линий, утвержденных правительством к постройке еще в середине 70-х гг. В это число входили Баскунчакская, Восточнно-Донецкая, Западно-Донецкая, Петровская, Тифлисская, Ивангород-Домбровская, Вятско-Двинская и Сибирская линии. Одновременно встал вопрос о строительстве военно-стратегических линий на западных границах России и в Туркестане, где развертывались военные действия. Министр финансов А. А. Абаза в январе 1881 г. подчеркнул необходимость сосредоточения нового железнодорожного строительства в руках казны, а также выкупа ряда частных дорог.

Правительство Александра III, не ограничиваясь предоставлением концессий на постройку железных дорог частному капиталу, как это было в 60—70-е гг., решило строить дороги также и средствами государства.

В начале 80-х гг. государству принадлежало всего лишь 4% всех железных дорог, а в начале 90-х больше трети. Железные дороги связывали земледельческие районы с промышленными, окраины с центром, ускоряя процесс общественного разделения труда и рост всероссийского рынка. Правительством принимались меры по государственному регулированию путей сообщения. В 1885 г. был введен Общий устав российских железных дорог, в 1889 г. — единые железнодорожные тарифы. В 1892 г. Россия имела уже 31,2 тыс. км железных дорог.

К концу XIX столетия железные дороги пролегали во всех губерниях Европейской России и семи областях азиатской части страны. Они соединили 44% всех российских городов (288, с. 274—275). Кроме того, железные дороги, являясь крупными потребителями угля и металла, машин и механизмов, содействовали подъему тяжелой промышленности.

В 1892 г. начато производство паровозов на Брянском железоделательном заводе возле ст. Бежица (ныне Брянский машиностроительный завод), в 1894 г. — на Путиловском заводе в Петербурге. В 1897 г. выпущены первые два паровоза на Харьковском паровозостроительном заводе. С 1869-го по 1900 г. в стране было построено 7678 паровозов, из них 2582 Коломенским заводом. В эти годы расширялось и вагоностроение. Первые пассажирские вагоны были созданы на основе экипажей, в которых люди ездили по безрельсовым сухопутным дорогам. В составе первых поездов вагоны для пассажиров еще долго именовались каретами.

В зависимости от совершенства устройства и удобства езды они носили и другие названия: шарабаны (простые открытые повозки), дилижансы, берлины, линейки с мягкими сиденьями. Собственно вагонами называли открытые грузовые вагоны бункерного типа или платформы для так называемых неответственных товаров.

Вобрав в себя многие достижения науки и техники, железные дороги из простого рельсового пути превратились в сложное многоотраслевое хозяйство. Яркой страницей отечественного железнодорожного дела стало мосто- и тоннелестроение. Впоследствии были спроектированы и возведены многочисленные искусственные сооружения на всех строившихся железных дорогах. Среди них были выдающиеся мосты, отмеченные призами международных выставок. Например, в начале 80-х гг. XIX в. были построены

через реки Днепр и Ингулец два моста новейшей конструкции для прохождения тяжелогруженых составов по проекту профессора Н. А. Белелюбского. Выдающимся инженерным сооружением тех лет стал мост через Днепр у Екатеринослава. Он удовлетворял техническим и эстетическим требованиям: двухъярусный, со сквозным туннелем, верхняя часть которого предназначалась для безрельсового транспорта, а нижняя — для поездов.

В 80—90-х гг. сложилась довольно прочная устойчивость в распределении грузооборота между водными и железными путями: около 70% всех перевозок шло по железным дорогам и около 30% по рекам.

Неуклонно развивалось речное и морское пароходство. К 1895 г. насчитывалось 2539 речных пароходов, что превосходило их число в дореформенном 1860 г. более чем в 6 раз. По переписям речного флота, с 1884 по 1900 г. число пароходов и их мощность возросли в два с половиной раза. Большая часть их была сосредоточена в Волжском бассейне. В 90-х гг. была произведена капитальная реконструкция Мариинской системы, в том числе шлюзование реки Шексны.

Доля отечественного флота в морском транспорте по-прежнему оставалась весьма скромной. Каботажных перевозок было мало, экспортно-импортные перевозки осуществлялись главным образом на иностранных судах. Перегрузочные работы в портах производились большей частью ручным способом.

В рассматриваемый период произошли важные сдвиги в развитии речного и морского пароходства. Прежде всего это было связано с внедрением нефтяного топлива, которое давало не только 60% экономии, но и открывало большие перспективы в создании более экономичных и быстроходных судов. На волжском флоте мазут впервые был применен как топливо в 1884 г. на пароходах общества «Кавказ и Меркурий», а к началу 90-х гг. принял массовое распространение. В 1900 г. на мазуте работало 50% речных пароходов, на каменном угле — 32%, на дровяном топливе — 18% от всех судов.

Переворот в топливном балансе речного судоходства вызвал, в свою очередь, массовое строительство новых железных и стальных пароходов взамен деревянных, а также нефтеналивных барж. В 80-х гг. темпы постройки новых пароходов по сравнению с предшествующим десятилетием возросли в 4 раза, достигнув 93 судов в год, а в 90-е гг. — соответственно до 147 пароходов (289, с. 239).

Продукция всей крупной промышленности за десятилетие 1880—1890 гг. выросла на 36%. В то же время тяжелая промыш-

ленность росла значительно быстрее. Выплавка чугуна увеличилась в два с половиной раза (с 0,4 млн т в 1880 г. до 1 млн т в 1892 г.). Наиболее сильно черная металлургия развивалась на юге России. Потребление хлопчатобумажных тканей на душу населения выросло с $10^2/_3$ м во второй половине 70-х гг до 12 м в 1890 г.

4. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ 90-Х ГОДОВ

С 1892—1893 гг. развернулся новый промышленный подъем — самый значительный за весь капиталистический период. Подъем охватил все отрасли промышленности, но больше всего тяжелую индустрию. Продолжительности и мощности подъема способствовали огромные государственные вложения в строительство железных дорог и весьма значительный приток иностранного капитала. С. Ю. Витте вспоминал: «Когда я сделался министром путей сообщения в феврале 1892 г., то во время одного из моих первых докладов император Александр III высказал мне свое желание, свою мечту, чтобы была выстроена железная дорога из Европейской России до Владивостока. Мысль эта глубоко засела у императора Александра III, и еще до моего назначения министром он постоянно толковал о сооружении этой дороги. Как известно, когда цесаревич Николай... совершил путешествие на Дальний Восток, то он заложил 19 мая 1891 г. там начало Уссурийской железной дороги, идущей из Владивостока в Хабаровск, так как в те времена не предполагали, чтобы Великий Сибирский путь прошел через китайскую территорию, т. е. прошел бы прямым путем из Иркутска во Владивосток» (84, с. 422). Поэтому, признается Витте, и будучи министром путей сообщения, и далее возглавляя финансовое ведомство, он «усердно проводил эту мысль о сооружении Великого Сибирского пути» и «старался, как можно быстрее, осуществить этот путь». Витте говорит также о том, что «эта идея не встречала особенного сочувствия в высших государственных сферах». Именно Витте добился того, что для руководства строительством 21 ноября 1892 г. был создан Комитет Сибирской железной дороги, председателем которого был назначен цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II). «Я должен сказать, — пишет Витте, — что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II — человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей;

он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает» (там же, с. 425). В 90-е гг. в среднем в год сдавалось более 2,5 тыс. км пути. К концу XIX в. длина сети составила 53,2 тыс. км.

Строительство железных дорог, рост судостроения, более широкое использование машин и сельскохозяйственных орудий, собственные потребности промышленности вызвали усиленный спрос на металл, уголь, нефть, паровозы, вагоны.

Серьезный сдвиг произошел в российской металлургии в начале 90-х гг. Настоящий переворот в технике передела чугуна в сталь или железо внесли изобретения Г. Бессемера и П. Мартена, внедрение которых в производство обеспечило гигантский прогресс в черной металлургии. Особое значение в массовом производстве стали имел мартеновский способ, позволивший включать в передел не только чугун (как в бессемеровании), но и большие запасы старого железа (лом, рельсы, сортовое железо и пр.), что позволило резко удешевить производство стали по сравнению с пудлинговым железом (289, с. 226).

Рост производства, особенно в отраслях тяжелой индустрии, происходил не столько путем расширения старых предприятий, сколько за счет строительства новых, главным образом в недавно освоенных районах.

В 1891 г. на французские средства было основано Донецкое общество железоделательного и сталелитейного производства. Основной капитал первоначально составлял 1,5 млн руб., который к 1895 г. возрос вдвое. В 1894 г. этим обществом был выстроен Дружковский металлургический завод близ ст. Дружковка Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги, который имел две доменные печи, бессемеровское отделение, рельсопрокатный цех и коксовальные печи. В 1897 г. производительность завода достигла 3,7 млн пуд. чугуна, 4,2 млн пуд. рельсов (77а, ч. 2, с. 56).

За 15 лет с 1885 по 1900 г. число мартеновских печей на сталелитейных заводах России возросло с 70 до 215, или более чем на 207%, при этом выплавка стали увеличилась с 5 млн пуд. до 93 млн пуд., или в 18,6 раза. Внедрение бессемеровских конвертеров шло менее интенсивно, чем мартенов. За 1885—1900 гг. их число возросло с 17 до 36, или на 112%, выплавка бессемеровской стали возросла с 6,3 млн до 41,2 млн пуд., или на 55,4% (265).

Характерно, что к концу XIX в. южная металлургия давала более половины всей выплавки чугуна, а Донбасс — свыше двух третей общероссийской добычи угля. Практически вся добыча нефти в стране была сосредоточена в Баку. Продолжался быстрый рост городов: городское население с начала 60-х гг. до конца 90-х увеличилось вдвое.

В крупных городах наблюдалась наибольшая концентрация предприятий и рабочих. Жителей северной столицы к 1897 г. насчитывалось 1,2 млн человек (свыше 40% которых составляли рабочие и их семьи). Население Первопрестольной превысило один миллион. Заметно возросло население Одессы, Киева, Риги, Варшавы, Лодзи, Баку и др. Целый ряд промышленных поселков фактически превращался в новые индустриальные центры — Орехово-Борисово под Москвой, Юзовка в Донбассе, Нижний Тагил на Урале.

За последнюю треть XIX в. практически удвоилось русское население Сибири. С возведением Транссибирской магистрали, проложенной к 1897 г. до Иркутска, приток переселенцев в Сибирь увеличился. Из Сибири стали поставлять в Европейскую Россию хлеб, мясо, шерсть, масло, удовлетворяя растущий спрос на промышленные изделия. Быстро росли новые города — Новониколаевск, Омск, Томск, возрастала добыча золота, угля и руд.

По имеющимся данным, продукция всей крупной промышленности за время подъема 90-х гг. почти удвоилась. Индустрия России в эти годы росла быстрее, чем в Германии и Соединенных Штатах Америки, отличавшихся тогда бурными темпами промышленного развития.

Бурный рост крупной промышленности стимулировал развитие банковского капитала. Акционерные и коммерческие банки начали производить операции по кредитованию расширенного воспроизводства, впервые стали в значительных размерах заниматься учредительством промышленных предприятий. На рубеже 1890—1900 гг. более 70% основного капитала и производственных фондов российской промышленности принадлежало акционерным обществам. В 90-х гг. заметно увеличились иностранные капиталовложения в промышленность России. В 1890 г. иностранный капитал составлял примерно одну четверть, а к 1900 г. — свыше 40% всех акционерных капиталов. Наибольшее распространение получили французские и бельгийские капиталы. Германские капиталы были оттеснены с первого места, которое они занимали в 80-х гг., на третье. Зарубежные капиталисты не только приобретали акции русских предприятий, но и сами основывали в России заводы и фабрики. Британские, французские и бельгийские капиталисты захватили ключевые позиции в горнометаллургической индустрии Донбасса, Криворожья и Приднепровья. Еще в 1869 г. англичанин Джон Юз заключил с русским правительством договор о постройке на месте добычи криворожской руды и донбасского угля крупного завода по производству рельсов, вложив в дело 3 млн рублей. Синтез

иностранного капитала и обильных железнодорожных заказов дал огромный производственный и технический результат. С помощью зарубежных фирм в Донбассе и Криворожье действовало 17 металлургических заводов. Уже к 1890 г. на Донбасс приходилось около половины выплавки чугуна и стали всей России. Россия по выплавке чугуна вышла на четвертое место в мире, оставив позади Австро-Венгрию, Францию и Бельгию. Французское генеральное общество «Сосьетэ женераль» авансировало Общество Кременчуг-Харьковской железной дороги, финансировало пароходное сообщество Петербург — Кронштадт и по реке Москве, а также каменноугольные копи Донбасса. Парижский банкирский дом Ротшильдов приобрел в 1886 г. контрольный пакет акций российского Каспийско-Черноморского общества. В 1891 г. Парижский Международный банк и Национальная учетная контора скупили контрольный пакет акций Общества Южно-Русской каменно-угольной промышленности.

Британский капитал обосновался и в нефтяном Баку. Безусловно, приток иностранных капиталов ускорял темпы индустриализации. Однако уже тогда сказывались отрицательные последствия иностранного хозяйничания. В погоне за большими дивидентами иностранцы хищнически разрабатывали богатейшие недра России, к тому же значительная часть прибылей вывозилась за границу.

В тоже время следует заметить, что иностранный капитал не был определяющим для индустриализации России. Например, в 1893 г. отечественные капиталовложения в промышленность почти в два раза превосходили зарубежные инвестиции.

Возникшие новые отрасли капиталистической промышленности, отличавшиеся высокой концентрацией производства и капиталов, явились средоточием и первых монополий в России. В первое монополистическое объединение в России — «Союз рельсовых фабрикантов», созданное в 1882 г., — вошли 5 крупнейших металлургических заводов, которые давали до 75% всего производства рельсов в стране. В 1884 г. возникли «Союз фабрикантов рельсовых скреплений» и картельное соглашение моторостроительных заводов. В середине 80-х гг. был создан синдикат «Брянск — Варшава» — объединение Брянского железоделательного и Варшавского сталелитейного заводов (345а, с. 106). В 1887 г. был создан синдикат сахарозаводчиков, охвативший к началу 90-х гг. девять десятых всех предприятий этой отрасли. Такой высокой степени объединения в масштабе одной отрасли не было в то время больше нигде в мире. В 1890 г. образуется соглашение владельцев рельсопрокатных заводов. Синдикат ке-

росинозаводчиков, сложившийся в 1893—1894 гг., контролировал фактически всю нефтедобычу Бакинского района.

Еще в начале 80-х гг. появились картельные соглашения между владельцами крупных рельсопрокатных и мостостроительных заводов. В 1887 г. возник синдикат сахарозаводчиков, охвативший к началу 90-х гг. почти девять десятых всех предприятий этой отрасли. Синдикат керосинозаводчиков, организовавшийся в 1893—1894 гг., контролировал фактически всю нефтедобычу Бакинского района. Однако эти ранние монополии были неустойчивы и быстро распались.

Наряду с крупной машинной индустрией сохраняло свое значение, а местами значительно выросло мелкое товарное производство, кустарная промышленность. Ассортимент изделий кустарной промышленности был чрезвычайно широк и формировался под влиянием рыночного спроса. В качестве сырья здесь служили в основном дерево, прутья, растительные волокна, кожа, шерсть и щетина, минералы и металлы. Широко использовался личный труд кустаря и членов его семьи. Женщины трудились в кружевном, стеклярусном, полотняно-ткацком промыслах. Дети участвовали в ложкарном промысле, били баклуши — заготовки для ложек, в гончарном — были горновщиками, на подсобных работах использовался труд стариков. В сбыте изделий кустарей особую роль играли скупщики. Эффективную помощь оказывали земские учреждения, устраивавшие кустарные выставки, склады, музеи. Популярностью пользовались Московский кустарный музей, Рязанский, Вятский, Рузский в Московской губернии и Лохвицкий в Полтавской губернии.

В кустарной промышленности заметно прогрессировала тенденция к кооперированию. На многих промыслах все шире использовался коллективный артельный труд, совместное пользование дорогостоящими орудиями производства, а также добыча сырья.

Среди охваченных кооперацией кустарей выделялись столярный, мебельный сапожный, чугунолитейный, железоделательный и портняжный промыслы (258).

Огромные пространства России и неравномерность экономического развития способствовали кустарному производству. Для содействия развитию промыслов среди сельского населения в составе Министерства земледелия и государственных имуществ при отделе сельской экономии и сельскохозяйственной статистики в 1894 г. был образован Кустарный комитет Главного управления землеустройства и земледелия, просуществовавший до 1917 г.

Если в одних районах крупная промышленность вытесняла и поглощала мелкую, то в других районах, особенно в отсталых

отраслях промышленности, развитие капитализма проявлялось лишь в его начальных формах.

Несмотря на сравнительно высокие темпы индустриального развития, пореформенная Россия, отягощенная крепостническими пережитками, продолжала отставать от главных капиталистических стран и по абсолютному объему производства, и еще более — по размерам производства на душу населения. Нигде в Европе не проявлялись столь ярко, как в России, социальные контрасты: города с огромными фабриками, электростанциями, большими зданиями существовали рядом с маленькими глухими деревушками, где жители ходили в лаптях и домотканой одежде, пахали прадедовской сохой и убирали урожай серпами.

Величайшие естественные ресурсы страны, особенно в Сибири, оставались в значительной мере неиспользованными. Даже в наиболее развитых отраслях промышленности крупные размеры производства, передовая для того времени техника сочетались с самым широким использованием дешевого ручного труда. Выдающиеся достижения русской научно-технической мысли, получившие мировое признание, во многих случаях оставались без применения в самой России. Аграрный характер экономики определял и место России в мировом хозяйстве. В страну импортировались машины, готовые изделия и металлы. Вывозила же Россия прежде всего хлеб. К концу XIX в. она была крупнейшей житницей Европы, являясь также крупным поставщиком леса, льна, пеньки и других видов сырья. В рассматриваемый период ускорился процесс формирования рабочего класса. Его численность увеличилась в годы промышленного подъема. В конце XIX в. в стране насчитывалось около 10 млн рабочих, в том числе около 3,5 млн сельскохозяйственных рабочих. Вместе с семьями численность рабочих составляла не менее 22 млн человек, т. е. 18% всего населения страны.

В то же время шел процесс дальнейшего развития общественного класса собственников капитала — буржуазии. Следует подчеркнуть, что наиболее характерной особенностью истории капитала в период царствования Александра III было противоречие между ставшими господствующими буржуазными производственными отношениями, которые двигали вперед производительные силы, и остатками крепостничества в виде дворянского землевладения, тормозившими это движение. В стране сочетался самый передовой промышленный и финансовый капитал с самым отсталым сельским хозяйством. Второй характерной чертой было развитие капитализма не только вглубь (т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической

промышленности на определенной территории), но и вширь (т. е. распространение капиталистических отношений на новые территории и районы — Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь и др.). В целом развитие капитализма было неравномерным: капиталистическая промышленность была сосредоточена главным образом в центре Европейской России, на Юге и в Прибалтике. Третьей важной особенностью русского капитализма была чрезвычайно высокая степень концентрации производства в главных отраслях промышленности, что предопределило его быстрое развитие и перерастание в монополистический капитализм.

Как показала история, развитие капитализма в России в 80—90-х гг. XIX в. имело объективный характер. Динамика индустриального бума в нашем Отечестве во многом была связана с деятельностью промышленников, которые выдвинулись благодаря своим деловым качествам, личной предприимчивости и трезвому расчету. Среди крупнейших предпринимателей были выходцы из самых разных классов и сословий. Из крестьян, например, вышли П. И. Губонин, Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Гучковы, Коноваловы. Из купеческого сословия выросли А. И. Мамонтов, А. И. Абрикосов, Бахрушины, Солдатенковы, Алексеевы. Из дворянства «переквалифицировались» в предпринимателей Бобринские, Браницкие, Потоцкие, Шиповы, фон Мекк.

Известно также, что в период железнодорожной горячки 1860—1870 гг. «третье сословие» стало интенсивно пополняться за счет чиновничества. «Виртуозные» чиновники, входя в правления акционерных обществ и частных банков, налаживали связи между государственным аппаратом и частнокапиталистическими предприятиями, помогали промышленникам получать выгодные заказы, подряды и концессии. Коррупция и злоупотребления в министерских кабинетах приняли такой размах, что правительство в 1884 г. вынуждено было запретить высшим чиновникам (пяти первых классов в Табели о рангах) заниматься предпринимательской деятельностью.

Среди видных отечественных предпринимателей, кроме русских, были представители и других народов России — украинцы (Терещенко, И. Г. Харитоненко), армяне (С. Г. Лианозов, А. И. Манташев, Гукасовы), азербайджанцы (М. Нагиев, Т. Тагиев), евреи (Бродские, Гинцбурги, Поляковы, Б. А. Каменка). Немалую роль в развитии экономики страны сыграли представители иностранного капитала (Дж. Юз, Нобели, Г. А. Брокар, Л. Кноп).

Многие отечественные предприниматели занимались социальным обеспечением, вкладывали средства в создание больниц,

приютов, детских садов, учебных заведений, библиотек, поддерживали своими капиталами ученых, представителей творческой интеллигенции, создавали картинные галереи, выставки. Видную роль в организации благотворительности и меценатства сыграли Юдины, Третьяковы, Губонины, Морозовы, Прохоровы, Второвы, Боткины.

5. РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

При Александре III в связи с развитием капиталистических отношений и бурным ростом пролетарского движения правительство было вынуждено обратить серьезное внимание на «рабочий вопрос». Жизнь заставляла власть имущих разрабатывать определенные правовые нормы, которые бы регулировали положение работающих по найму и принимать специальные меры оказания помощи лицам, не имеющих средств к существованию. Не секрет, что работа на фабриках и заводах изменила жизнь миллионов людей. Рабочий день тянулся по 12 и более часов. Среди работников было много женщин и детей, труд которых оплачивался весьма дешево. Непосильный труд приводил к физической и моральной деградации детей и подростков, к высокой их смертности.

Еще в предыдущее царствование в 60—70-е гг. проявлялся необычайно высокий общественный интерес к рабочему вопросу. В либеральной прессе правительство призывалось следовать европейскому опыту, пропагандировались популярные на Западе идеи «кооперативного социализма» и «производственных ассоциаций», поощрялось устройство товариществ взаимопомощи и ссудных касс для рабочих (392, 1880, № 6. Отд. 2, с. 3—4). Правительство вынуждено было создать специальные комиссии для выработки проектов сводного законодательства о наемном труде под руководством члена Совета министра внутренних дел А. Ф. Штакельберга (1859—1862 гг.), члена Государственного совета П. Н. Игнатьева (1870—1872 гг.) и министра государственных имуществ П. А. Валуева (1874—1875).

Однако, тщательно изучив зарубежный опыт законоположений об отношениях между хозяевами, работниками и прислугой, комиссии не смогли предложить всеобъемлющую систему фабричного законодательства по западному образцу.

В феврале 1880 г. Государственный совет, рассматривая рабочий вопрос, обратил внимание на то, что «злоумышленники», т. е. революционеры, «постоянно возбуждают рабочих против нанимателей». Как говорится, лед тронулся при Александре III.

По воле монарха к участию в обсуждении проектов законодательной регламентации по вопросам наемного труда были приглашены владельцы крупнейших фабрично-заводских предприятий. Наиболее откровенным и решительным противником какого бы то ни было рабочего законодательства выступил московский фабрикант Т. С. Морозов. Он безапелляционно утверждал, что «основанием найма рабочих служит на практике добровольное с ними соглашение фабриканта в отношении всех условий найма» (300, с. 118).

Тем не менее благодаря усилиям министра финансов Н. Х. Бунге, 1 июня 1882 г. был принят закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», по которому запрещался труд детей до 12 лет и ограничивалась дневная работа подростков (12—15 лет) 8 часами при 4-часовой непрерывной работе, запрещалась ночная работа и работа в воскресные и высокоторжественные дни.

Предусматривалось составление списков особо вредных и изнурительных работ, на которых запрещалось применять труд малолетних. Работодателям, фабрикантам вменялось в обязанность предоставлять не имеющим одноклассного образования возможность отводить не менее трех часов для посещения школы.

1 июня 1882 г. для надзора за исполнением фабричного законодательства при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов учреждалась фабричная инспекция (в 1905 г. передана Министерству торговли и промышленности). Вначале она состояла из главного инспектора (в 1882—1883 гг. — Е. Н. Андреев, в 1883—1884 гг. — Я. Т. Михайловский) и двух окружных инспекторов (профессора Московского университета И. И. Янжула и врача П. А. Пескова). Постепенно штат фабричной инспекции увеличивался. Надзор фабричной инспекции распространялся сначала на 3 губернии — Петербургскую, Московскую и Владимирскую, затем он охватил всю Европейскую Россию, которая с 1884 г. была разделена на 9 фабричных округов во главе с окружными инспекторами, у которых имелись помощники. В 80-е гг. были опубликованы «Отчеты фабричных инспекторов по отдельным губерниям, содержащие яркий обличающий материал о тяжелом положении рабочих России.

12 июня 1884 г. последовал закон о школьном обучении малолетних, работающих на фабриках. К сожалению, за несколько лет с 1884 по 1885 г. существенных перемен в деле образования малолетних рабочих не произошло. Закон не обязывал предпринимателей устраивать школы для малолетних рабочих и «понуждать» их посещать школу. По сведениям попечителей округов,

существовало всего 97 школ для обучения малолетних, из них 37 специально устроенных, 60 — приспособленных. Обучалось в них 5 тыс. детей (300, с. 253). Среди предпринимателей замечалось стремление вербовать грамотных детей, чтобы не тратиться на обучение. Только весьма небольшое число фабрикантов либо сами строили школы или заботились посылкой малолетних в соседние народные училища.

Временным законом 3 июня 1885 г. была воспрещена ночная работа подростков (15—17 лет) и женщин в хлопчатобумажном, полотняном и шерстяном производствах. Затем он был распространен на некоторые работы в фарфоровом и спичечном производствах, в 1897 г. — на все предприятия по обработке волокнистых веществ. Закон 3 июня 1885 г. возник при следующих обстоятельствах. В связи с обострением промышленного кризиса усилилась конкуренция между петербургскими и московскими фабрикантами. Петербургские прибегали к ночной работе гораздо меньше, чем московские фабриканты. Желая подорвать конкурентов и ослабить кризис, они стремились заставить московских фабрикантов также отказаться от ночных работ. Под давлением петербургских фабрикантов правительство издало означенный закон в виде опыта на трехлетний срок. Серьезное влияние на разработку рабочего законодательства оказала Морозовская стачка 1885 г. Под ее воздействием 3 июня 1886 г. были изданы «Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры» и «Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Ими предусматривались: заключение договора о найме с записью его условий в расчетной книжке; ограничение размеров штрафов и поступление их в особый штрафной капитал для выдачи пособий рабочим; вычеты из заработной платы по таксе, утвержденной фабричной инспекцией, которая получала право утверждения правил внутреннего распорядка на предприятиях, подлежащих контролю. Закон воспрещал расплату товарами, взимание с рабочих платы за врачебную помощь, за пользование орудиями производства, освещение и т. п. Закон 3 июня 1886 г. резко увеличивал уголовные репрессии за стачки. Подстрекатели к стачке приговаривались к тюремному заключению от 4 до 8 месяцев, а рядовые ее участники — к заключению от 2 до 4 месяцев. Были усилены и карательные меры за самовольный уход рабочих до истечения срока найма. По этому закону вводились губернские по фабричным делам присутствия и устанавливался ряд штрафов: за неисправную работу (производство по небрежности недоброкачественной продукции, порча машин и др.), за прогул (неявка свыше 0,5 рабочего дня без уважительной причины), за

нарушения порядка (опоздание или самовольный уход, нарушение правил, порядка, приход на работу пьяным, устройство азартных игр — за каждое нарушение штраф не превышал 1 руб. В целом штрафы не должны были превышать $^1/_3$ заработка; распоряжения о штрафах не подлежали обжалованию, но правильность их назначения контролировалась в ходе проверок фабричной инспекцией. Новые фабричные законы, несмотря на свою умеренность, вызвали целую бурю возмущения и негодования со стороны фабрикантов и заводчиков. Министр финансов Н. Х. Бунге был обвинен в непонимании условий российской действительности и в увлечении тлетворными западноевропейскими теориями. В одной частной беседе М. Н. Катков пренебрежительно заметил, что вся мудрость Бунге взята «из немецких книжек» (177, с. 310). Под нажимом консерваторов Бунге в начале января 1887 г. был заменен И. А. Вышнеградским, который действовал по правилу «фабрикантам нужно помогать, а не мешать». Работодатели в отношениях с наемными рабочими широко использовали различные способы обхода законов.

Опираясь на закон 3 июня 1886 г., Министерство внутренних дел циркуляром от 12 августа 1887 г. предписало всех лиц, прекращавших работу с соблюдением законных сроков, отправлять на родину, а забастовщиков — по этапу. Введение закона в действие растянулось. С 1 октября 1886 г. он распространялся лишь на Петербургскую, Московскую и Владимирскую губернии, в 1891—1894 гг. — еще на 15 губерний и лишь в 1899 г. — на районы горной промышленности. В конце 80-х гг. в период корректировки реформ рабочее законодательство было урезано. Закон 24 апреля 1890 г. расширил сферу применения труда малолетних, разрешив работу детей (до 12 лет) до 6 часов и ночную работу детей (12—15 лет) до 9 часов в тех случаях, когда по роду производства это оказывалось необходимым.

В конце XIX в. остро встал вопрос о страховании рабочих на случай увечья, болезни, по старости и т. д. По закону от 9 марта 1892 г. на частных горнозаводских предприятиях могли учреждаться горнозаводские товарищества (существовавшие на аналогичных казенных предприятиях согласно закону от 8 марта 1861 г.). Однако их возникновение зависело от обоюдного согласия владельцев и рабочих. В целом, надо признать, что с дальнейшим развитием капитализма в России рабочее законодательство все в большей мере учитывало интересы буржуазии и сохраняло во многом попечительно-охранительные черты. К сожалению, оно было более отсталым в сравнении со многими странами Европы.

6. ТОРГОВЛЯ

Перестройка хозяйства Великого Русского дома на капиталистический лад вызвало резкое возрастание объемов внутренней и внешней торговли.

Внутренняя торговля

С 1873 по 1890 г. сумма внутренних торговых оборотов (без мелкой торговли) выросла более, чем в 3 раза: с 2400 млн до 7755 млн рублей. В 1885 г. она составляла около 5 млрд, а в 1900 г. — уже 11—12 млрд рублей (345а, с. 99).

В 80—90-е гг. XIX в. торговые отношения регулировались Положением 1863 г. о праве торговли и промыслов и 1898 г. о государственном промысловом налоге. Обсуждение вопросов о нуждах российской промышленности и торговли происходило через Совет торговли и мануфактур, утвержденный высочайшим повелением 7 июня 1872 г. Совет этот был образован при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов, в 1905 г. он был передан Министерству торговли и промышленности, образованному 27 октября 1905 г. (100б, с. 149). Недостаточность совершенных путей сообщения и слабость кредита определяли живучесть ярмарочной торговли. В системе торговли существовали патриархальные (непериодические), традиционные (периодические, смешанные — ярмарки, базары) и современные (стационарные, специализированные, биржи, пассажи, магазины) институты.

В 1894 г. по переписи в России насчитывалось 16 604 ярмарки в 6830 пунктах с общим оборотом около 1 млрд рублей. При этом в Европейской России было 14048 ярмарок, в Привислинском крае — 1877, на Кавказе — 143, Сибири — 447, в Среднеазиатских владениях — 89. Продолжительность ярмарок различалась от 1 дня до нескольких месяцев. Главными предметами торговли являлись сельскохозяйственные продукты, скот, лошади, кустарные и промышленные изделия, пушнина, кожи и т. д. Большинство ярмарок (около 87%) были мелкими однодневными, которые устраивались в селах в день престольных праздников. На них крестьяне продавали продукты сельского труда и покупали промышленные изделия. 12% приходилось на ярмарки среднего размера с оборотом от 10 до 100 тыс. рублей. 1% составляли крупные оптовые ярмарки, оборот которых колебался от 100 тыс. до 100 и более млн рублей. Таких ярмарок было 23. Первое место занимала Нижегородская ярмарка. Она была крупнейшей в России по размерам торговых оборотов (в 1899 г. они составили

172 млн руб. по привозу товаров и 161,9 млн руб. по продаже). Ярмарка получила выдающееся значение благодаря своему географическому положению в узле водных путей, соединяя Нижний Новгород с Москвой и Петербургом, а через них с Европой, с одной стороны, а с другой — со всей восточной Россией, Уралом, Сибирью и Азией. Со всех концов России приезжали на ярмарку оптовые и розничные торговцы. Тон задавали московские купцы и «городовые» — провинциальные торговцы-оптовики. Розничную торговлю вели ходебщики, или офени. Торговля производилась отечественными, азиатскими и западноевропейскими товарами. Главными предметами торговли были: хлопчатобумажные изделия, шерсть, кожи, железо, медь и др. металлы, чай, галантерейный, москательный, бакалейный товар, табак, парфюмерия, готовое платье, изделия из сала.

Второй по величине оборота была Ирбитская ярмарка в Пермской губернии. Основными товарами были хлопчатобумажные, шерстяные, кожевенные изделия, пушнина, чай. Ирбитская ярмарка служила посредником в товарообороте Европы и Азии. К Ирбиту тяготели Туркестан, Сибирь, Монголия, Маньчжурия. Здесь Сибирь запасалась товарами на год. В Ирбит поступали товары китайские, среднеазиатские, с Нижегородской ярмарки и наоборот. Ярмарка достигла наивысшего расцвета в 1880—1885 гг., когда ее торговые обороты составляли 65—70 млн руб. в год.

После открытия движения по Екатеринбург-Тюменскому участку Уральской железной дороги ярмарка оказалась в стороне от рельсовых путей, и в 1885—1894 гг. ее обороты снижаются. 90-е гг. стали критическим периодом в жизни ярмарки. Строительство Сибирской железнодорожной магистрали создало для сибирских торговцев возможность прямой торговли с торгово-промышленными центрами Европейской России. Многие московские фирмы, преимущественно мануфактурные, прекратили подвоз товаров на Ирбитскую ярмарку.

Третьей была Меновническая ярмарка около Оренбурга. На ней торговали преимущественно крупным рогатым скотом, лошадьми, верблюдами, хлопком, азиатскими товарами. Обороты по данным 1911 г. — 8 млн руб. В этой же губернии происходили еще две подобные ярмарки — в Орске и Троицке. На севере значительной ярмаркой была Маргаритинская в Архангельске. Торговали здесь рыбой, мануфактурой, предметами промысла и хозяйственного обихода. Большое значение, особенно в XIX в., имели украинские ярмарки. Среди них наиболее крупные харьковские: Крещенская, Троицкая, Успенская и Покровская, продолжавшиеся 3—4 недели. Предметами торговли были мануфактурные товары,

металлические и скобяные изделия, бакалейные, колониальные товары, кожи, овчина, шерсть. Крупной была Ильинская ярмарка в Полтаве. Предметы торговли: лошади, скот, овчины и мануфактурные товары (286, т. 16, с. 981).

Помимо ярмарок, на которых производилась торговля различными товарами функционировали специальные конные ярмарки. Таких ярмарок в конце XIX в. было около 5 тыс. Наиболее крупной из них была Мензелинская в Уфимской губернии. Существовали скотские ярмарки в Харьковской, Воронежской губерниях и Донской области. Действовали и лесные ярмарки. Наиболее крупными из них были Козьмодемьянская в Казанской губернии и Гомельская в Могилевской губернии. Особый характер имела в Киеве Контрактовая ярмарка, где товары не продавались в розницу, а заключались сделки (контракты) на оптовую куплю-продажу (сахар, хлеб, металлы, уголь и др.). Важно отметить, что ярмарки в период их действия становились не только торговыми, но и своеобразными культурно-просветительными и общественными центрами того или иного города или села. На территории ярмарок проводились народные гуляния. Существовало специальное ярмарочное законодательство, а также традиции и ритуал открытия и закрытия. Для руководства торговлей, установления правил и порядка на крупных ярмарках создавались ярмарочные комитеты. Для поддержания общественного порядка на ярмарки отправлялись большие наряды полиции и подразделения казачьих войск.

С началом широкого железнодорожного строительства во второй половине XIX в. значение ярмарок во внутренней торговле России начинает падать, хотя число продолжало расти.

Появляются новые формы торговли: кооперативная, по образцам, оптовая биржевая торговля, монополистические конторы по продаже, торговые музеи, народно-хозяйственные выставки, фабричные склады (или отделения), институт коммивояжерства. Возникают акционерные торговые общества.

Товарищество московской ситценабивной мануфактуры А. Гюбнера с 1891 г. формирует сеть оптовых магазинов и складов, представительств и магазинов в Петербурге, Харькове, Варшаве, Коканде, Одессе, Риге, Самарканде, Ташкенте, Париже и китайских городах Тяньцзине и Харбине. Сложившаяся форма участия российских промышленников в торговой деятельности была вынужденной и в других странах не наблюдалась. Фирма Гюбнера, как и другие отечественные текстильные фирмы, в такой форме боролась с оптовиками, захватившими текстильный рынок. Фабрика, организуя массовый сбыт, ориентировалась в первую очередь на крестьян.

Урожай анализировался директорами как основной фактор роста покупательной способности населения.

Ежегодные сезонные коллекции фабричных тканей для деревни насчитывали более 600 образцов. В зависимости от моды и местных традиций формировались национальные и региональные коллекции; тщательно анализировались по данным, сообщавшимся торговыми агентами с мест, резервы будущего рынка.

В создании стационарных форм торговли, строительстве пассажей (крупных универмагов) лидировала Москва — крупнейший центр оптовой и розничной торговли России. В 70—80-е гг. были построены пассажи на Тверской, Лубянке и Петровке, на Кузнецком Мосту. В 1886—1893 гг. на Красной площади были перестроены торговые ряды по проекту А. Н. Померанцева. Здание принадлежало акционерному обществу «Верхние торговые ряды» (ныне ГУМ).

И в провинции в 90-е гг. на смену лавкам (основному типу торговых заведений в 60—80-х гг.) приходят каменные магазины. А в начале XX в. начинают возводиться крупные универмаги, занимающие целые кварталы. Крупнейшие провинциальные торговые фирмы («А. Ф. Второв и сыновья») приобретают всероссийское значение и переносят свое правление в Москву.

Модернизацию торговли тормозили серьезные организационно-технические причины. К ним следует отнести: слабость транспортной сети России (недостаточная пропускная способность железных дорог и почти полное отсутствие хороших шоссейных дорог), высокие тарифы, резкие колебания покупательного спроса на товары. Последние зависели от изменений урожайности главных зерновых культур. Отсутствие мощного потока частных сбережений являлось следствием общего низкого уровня благосостояния населения и недостаточно развитой кредитной системы. Все это определяло малую емкость внутреннего рынка. В России, чтобы запустить в обращение определенную товарную массу, требовался гораздо больший капитал, чем в Западной Европе. Только в крупнооптовой торговле медленное обращение товаров компенсировалось ускоренным оборотом капитала.

В 1885 г. в стране насчитывалось более 700 тыс. торговых заведений, а в 1900 г. — около 1,5 млн. По переписи 1897 г. торговлей занимались 1,6 млн человек (75, т. 26, с. 97).

Внешняя торговля

Оборот внешней торговли России с 60-х до начала 90-х гг. XIX в. увеличился почти в 4 раза. В структуре русского экспорта преобладали сельскохозяйственные продукты (75—80% всей стоимости вывоза), из них более половины составляло зерно. Если

за 25 лет (с 1861—1865 по 1886—1890 гг.) весь экспорт вырос в 2,8 раза, то экспорт зерновых — более чем в 5 раз (345а, с. 100). В 80—90-е гг. XIX в. около 90% товарооборота составляла торговля со странами Западной и Центральной Европы. Важно, что торговый баланс нашего государства был постоянно активным, т. е. вывоз товаров преобладал над их ввозом и в значительной мере стимулировался протекционистской политикой государства. Россия считалась крупнейшим в мире экспортером зерновых культур, ее доля в мировом экспорте 1884—1888 гг. составляла по вывозу пшеницы 25,3% (13% от внутреннего потребления), ржи — 68,7%, ячменя — 43, 6%, овса — 66%, кукурузы — 15%.

Наиболее ценную часть отечественного экспорта представляло собой зерно твердых пшениц юга и юго-востока России: «гарновка», «кубанка», «белотурка», «арнаутка» и др. Неоднократные попытки выращивать в Западной Европе сорта русской пшеницы приводили к перерождению семян через 2—3 года. Русская пшеница прижилась в США и Канаде. Впервые ее семена были завезены на американский континент в 80-х гг. и уже в начале XX в. получили там широкое распространение.

Более 350 млн пудов пшеницы ежегодно вывозилось на европейские и восточные рынки. В то время как США вывозили 76% пшеницы в муке, Германия — 58%, пшеничная и ржаная мука составляли лишь мизерную часть российского хлебного экспорта, чуть больше 2%, тем самым лишаясь реальных прибылей и самой возможности оставить в стране отруби на корм скоту.

В конце XIX в. возраставшую конкуренцию России на европейских рынках стали составлять США, Аргентина, Австралия, Индия и Канада.

Быстрыми темпами возрастал экспорт яиц, который в начале XX в. составил 64% мирового экспорта. Аналогично возрастал экспорт спирта, регулярно поставляемого с 1866 г. В 1887 г. он составил 630 млн градусов, или 15,28 млн ведер.

В конце XIX в. Россия ежегодно вывозила в европейские и восточные страны в среднем 10—11 млн пудов сахара. Если в России сахар стоил дорого, то в Англии он был дешевле индийского и поэтому пользовался спросом. 2-е место среди вывозимых товаров занимали сырье и полуфабрикаты. Особенно много вывозилось леса. Среди лесоэкспортирующих стран Россия занимала первое место — 32% на мировом лесном рынке. Также на лидирующее место в мире наша страна вышла по продаже льна.

В большом количестве лен шел во Францию и Германию. Большая часть пеньки (72%) и щетины (69%) направлялась в Германию. Табак вывозился в Финляндию (65%), Францию (15%) и

Австрию (14%). Кроме того, Россия была основным поставщиком платины на мировом рынке.

В рассматриваемые годы в структуре российского экспорта промышленные товары составляли около 5%. С 90-х гг. наметился рост вывоза из России хлопчатобумажных изделий: 182,2 тыс. пудов (1894), 272 тыс. пудов (1899).

Главными потребителями российских хлопчатобумажных тканей стали азиатские страны: Персия, Афганистан, Китай, Монголия. На восточные рынки вывозились стеклянные и фарфорово-фаянсовые изделия. В небольшом количестве вывозилось мыло в Западную Европу и Америку, в также Китай, Персию, Турцию, Японию, Афганистан.

С конца 60-х гг. начался вывоз отечественных резиновых изделий. Галоши шли в Европу и Америку, Персию, Турцию, Афганистан и Китай.

В 80—90-е гг. наряду с Соединенными Штатами Америки Россия становится главным экспортером нефти и нефтепродуктов. Россия вывозила нефть в Персию, Бельгию, Великобританию, Германию, Голландию, Египет, Италию, Турцию, Францию, Швецию, Японию. В числе экспортируемых продуктов добывающей промышленности находились также драгоценные и полудрагоценные камни.

Во второй половине XIX в. произошли серьезные структурные изменения в импорте товаров. Если в первые пореформенные десятилетия импорт обеспечивал в основном развитие легкой промышленности, то в 90-е гг. — уже тяжелой. В 1861 г. первое место среди импортных товаров занимал хлопок-сырец (12,8%), а в конце XIX в. — машины и аппараты (12,2%), затем хлопок (10,9%) и металлы (5,9%).

В пореформенные годы менялось соотношение грузопотоков между морской и сухопутной внешней торговлей. По мере строительства железных дорог постепенно возрастало значение сухого пути. За 70-е, 80-е и первую половину 90-х гг. грузооборот железных дорог возрос в 14 раз.

В середине XIX в. по сухому пути было отправлено 17%, а в 1898 г. — 27% грузов. В конце XIX в. по стоимости привоза балтийские порты (Петербург, Рига, Либава) сохранили свое значение, но по ценности уступили южным портам (Евпатории, Таганрогу, Одессе, Севастополю, Николаеву, Батуму, Новороссийску). Обороты внешней торговли по Каспийскому морю увеличились с 3 до 5%.

В районах, примыкающих к железным путям, создавались новые производства, ориентированные на экспорт, в частности

районы промыслового птицеводства. При железных дорогах строились холодильные установки.

В организации внешней торговли большая роль принадлежала посредникам-иностранцам, как правило, немецким коммерсантам. Значение отечественных предпринимателей и банков возрастает уже в конце XIX — начале XX в. Тогда же на внешнем рынке начали самостоятельно действовать отечественные текстильные, табачные, хлеботорговые фирмы через сбытовую систему отделений за границей, а также банки. Так, Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Петербургский международный банки сконцентрировали в своих руках 12,5% вывоза хлеба. Московский банк Рябушинских взял в свои руки экспорт леса и льна.

Для содействия торговле устраивались выставки, экспортные склады, торговые музеи. Создавались торговые палаты (торгово-промышленные палаты) — негосударственные некоммерческие организации, объединяющие российские предприятия и российских предпринимателей. 29 декабря 1910 г. высочайше было утверждено положение о Российской экспортной палате, которая состояла в ведении Министерства торговли и промышленности. Она являлась центральным органом для разработки научных вопросов и руководства экспортной деятельностью.

Значительную роль на внешнем рынке приобрела отечественная кооперация. Активно функционировал Московский союз потребительских обществ, ввозил в Россию какао, кофе, рис (из Германии и Нидерландов), сыр, шоколад, сгущенное молоко (из Швейцарии), пряности, сардины, прованское масло (из Франции). Ввозил также оборудование для кооперативных предприятий по переработке колониальных товаров (кофеобжигалки, машины для кондитерских фабрик. В 1912 г. «Союз» открыл свою контору в Одессе, наладил внешнюю торговлю со странами Ближнего Востока.

Многое сделал для экспорта сливочного масла Союз сибирских маслодельческих артелей. Во внешней торговле принимал участие и Московский народный банк, товарный отдел которого экспортировал яйца и лен (2016, т. 1, с. 415).

Участие России во всемирных выставках

Популяризации отечественных товаров и повышению престижа государства в определенной мере способствовало участие нашей страны на всемирных выставках. Напомню, что Россия получила приглашение уже на первую Всемирную выставку в августе 1851 г. в Лондоне, которая проводилась Королевским обществом искусств, мануфактур и торговли под девизом «Пусть все народы работают совместно над великим делом — совершенство-

ванием человека». Первоначально организация русских отделов на всемирных выставках финансировалась правительством, с 1889 г. — и российскими предпринимателями. Главное содействие в организации участия России во всемирных выставках оказывали Министерство иностранных дел, Министерство финансов и Министерство государственных имуществ (позднее Министерство земледелия и государственных имуществ). В выставке 1851 г. участвовали 363 российских экспонента.

В 1867 г. из России в Париж приехали 1414 участников (общее число экспонатов достигло 52 тыс.). Особым успехом пользовались изделия текстильных предприятий (товарищества «Циндель Эмиль», Гюбнера, товарищества Альберта, братьев Хлудовых, товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, товарищества Коншина Н. Н., братьев Третьяковых и др.), парфюмерных и кондитерских фабрик, сахарных заводов, а также хрусталь Ю. С. Нечаева-Мальцева, фарфор и фаянс М. С. Кузнецова, ювелирные поделки И. П. Сазикова, П. С. Овчинникова.

На этой всемирной выставке российские экспонаты получили 443 награды, или 36% всех наград, в том числе 128 золотых, 184 серебряных, 201 бронзовую медаль.

Международное признание фирм, полученное в Париже, было закреплено на Венской выставке 1873 г. Российская промышленность была представлена казенными горными заводами (Боткинским, Камским, Пермским, Нижнетуринским). Блистало сооруженное Н. И. Путиловым «рельсовое сияние».

Обуховский сталелитейный завод представил пушку — соперницу Круппа. Честь отечественной химической промышленности защищала продукция П. К. Ушкова. Признание сопутствовало этой фирме на выставке 1876 г. в Филадельфии, 1878 г. в Париже и др. Отечественные экспозиции на всемирных выставках демонстрировали рост российской промышленности. Постепенно Всемирные выставки стали утрачивать узковыставочный характер, все больше приобретая черты громадной ярмарки.

Выставка в 1889 г. в Париже была приурочена к 100-летию Великой французской революции. Ее посетили 25 млн человек. Русская частная промышленность демонстрировала свои достижения за собственный счет. Русские экспонаты получили 662 награды.

Известные российские промышленники и торговцы удостоились высших государственных наград Франции. Орден офицера Почетного легиона был вручен А. Сапожникову (шелк), А. Крестовникову (текстиль), А. Баранову (текстиль), А. Г. Елисееву (торговля), И. Г. Харитоненко (сахар). Международное признание

получили ювелирные изделия товарищества «Хлебников И. П., сыновья и К°», печатная продукция И. Д. Сытина и А. С. Суворина, И. Н. Кушнерева, Р. Р. Голике, художественные и учебные пособия Х. Д. Алчевской, достижения А. Н. Лодыгина в развитии электричества, гальванопластические снимки Б. С. Якоби, материалы по разделу «Гигиена и общественное призрение», подготовленные К. А. Лешевичем и В. В. Смирновым.

На Всемирной выставке 1893 г. в Чикаго в честь 400-летия открытия Америки среди представителей 50 государств и 37 колоний особым успехом пользовались хрусталь Ю. С. Нечаева-Мальцева, фарфор и фаянс М. С. Кузнецова. Спектр участия России был чрезвычайно широк: от отдела женского труда до машинного.

Во время выставки прошло 210 конгрессов по разным областям народного хозяйства, наук и искусств, и почти во всех из них приняли участие русские представители.

Итоги развития человечества в XIX в. подвела парижская выставка в апреле 1900 г. В составе ее международного жюри были Д. И. Менделеев, П. П. Семенов-Тян-Шанский, В. И. Ковалевский, В. М. Верховский, Л. Ф. Рагозин и др. Русские экспоненты участвовали в 15 отделах выставки. Россия продемонстрировала не только свое умение производить все ей необходимое, но и заинтересовала зарубежных потребителей своей продукцией. Достойно были представлены ткани, кожи, резиновые изделия, химические товары. Эксперты отметили водолазные аппараты и телефоны для работы под водой Морского министерства, выставку по устройству российских тюрем Тюремного управления. Были отмечены также материалы по железнодорожному строительству в Сибири, Средней Азии и на Севере, паровозы Путиловского завода, удобства спальных вагонов русских вагоностроительных заводов, модели мостов инженера Н. А. Белелюбского. Особым вниманием пользовались образцы хлебных товаров, причем эксперты отметили преимущества русского зерна.

На всемирных выставках практиковался показ произведений искусства. Свои творения демонстрировали художники, скульпторы, архитекторы, мастера прикладного искусства. В числе российских участников были И. К. Айвазовский, Н. Л. Бенуа, Ф. А. Васильев, В. В. и В. П. Верешагины, И. И. Левитан, К. Е. и В. Е. Маковские, М. О. Микешин, В. Г. Перов, И. Е. Репин, А. К. Саврасов, И. И. Шишкин.

Участие России во всемирных выставках явилось убедительной демонстрацией ее достижений в области материальной и духовной деятельности человека.

Глава четырнадцатая

АРМИЯ И ФЛОТ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III

У России есть лишь два верных союзника — ее армия и ее флот.

Александр III

1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРМИИ

Управление войсками

Новому властелину России нужны были и новые, как бы мы сказали сейчас, «силовые министры». 21 мая 1881 г. вместо просвещенного и либерально настроенного военного министра графа Д. А. Милютина был назначен генерал-адъютант Петр Семенович Ванновский (294, т. 1, с. 573) который стал бессменным сотрудником нового монарха во все время царствования и пользовавшегося, по признанию самого Александра III, его «исключительным доверием и уважением». Ванновский происходил из дворян Минской губернии. Родился он в Киеве 24 ноября 1822 г. Был сыном преподавателя французского языка в 1-й Киевской гимназии. Образование получил в 1-м Московском кадетском корпусе, по окончании которого в 1840 г. произведен в прапорщики л.-гв. Финляндского полка. Участвовал в Венгерском походе 1849 г. и Крымской войне 1853—1856 гг. В марте 1855 г. произведен в полковники и назначен командиром 3-го, а затем 1-го батальонов л.-гв. Финляндского полка. С 1857 по 1861 г. начальник Стрелковой офицерской школы в Царском Селе. В 1861 г. произведен в генерал-майоры. В 1861—1863 гг. директор Павловского кадетского корпуса (с переименованием в 1863 г. — начальник Павловского военного училища до 1868 г.); одновременно с 1862 г. член Особого комитета по устройству военно-учебных заведений. В 1868 г. назначен для особых поручений в Главное управление военно-учебных заведений, произведен в генерал-лейтенанты. В 1868—1870 гг. начальник 12-й, а в 1870—1875 гг. — 33-й пехотной дивизии. С 1876 г. командир 12-го армейского корпуса. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Состоял начальником штаба Рущукского отряда (которым командовал цесаревич, будущий император Александр III), затем командовал Рущукским отрядом. За боевые отличия награжден орденом Св. Георгия 3 степени (декабрь 1877 г.), золотым оружием с надписью «За храбрость», в феврале 1878 г. — командующий войсками Восточного отряда, пожалован в генерал-адъютанты. В мае 1878 г. назначен с переименованием Восточного отряда в Северный, командующим войсками этого

отряда. По возвращении из Болгарии в августе 1879 — мае 1881 г. командир 12-го армейского корпуса. Неоднократно заменял командующего войсками Киевского округа. 22 мая 1881 г., как указано выше, после вступления на престол Александра III, назначен управляющим Военным министерством, а с января 1882 по январь 1898 г. военный министр и член Государственного совета по должности. 15 мая 1883 г. произведен в генералы от инфантерии. Являясь министром, входил в состав комитетов и особых совещаний в области обороны (Временный комитет по оборонительным сооружениям (1882); Особый комитет для пересмотра положения о полевом управлении войск (1888); Главный распорядительный комитет по перевооружению (1890); Комитет Сибирской железной дороги (1893) и др.). Неоднократно сопровождал Александра III в поездках по стране, осмотре оборонительных сооружений и крепостей и участии в маневрах.

По оценке современников, весьма единодушной, Ванновский был человеком ограниченного ума и небольшого образования (окончил лишь дореформенный кадетский корпус), однако натурой достаточно сложной. Генерал А. А. Киреев писал: «Военный министр Ванновский не мудрствует лукаво, да и вообще не мудрствует. Он немного солдафон» (326, т. 1, с. 185). Те же черты отмечал в нем и гр. С. Ю. Витте: «Ванновский представлял собою личность. Он был человеком небольшого образования, небольшой культуры, но он был человек определительный, твердо преданный государю, человек порядка, несколько желчный» (84, т. 1, с. 300). Человек в высшей степени грубый и придирчивый, он деспотически обращался с подчиненными. Служить с ним было очень тяжело, и редко кто выносил это сколько-нибудь продолжительное время.

«Ведь я — собака, — любил говорить он своим подчиненным, — я всех кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядок такой, какого, может быть, ни у кого нет; когда вы будете начальниками, советую вам тоже быть собаками». Как писал генерал-адъютант В. А. Сухомлинов, «Ванновский был тип так называемого тяжелого начальника... Начав свою службу в армейских частях, он старался пополнить пробелы своего образования чрезвычайной педантичностью и добросовестностью. Насколько в нем преобладала эта последняя черта характера, показывает его отношение к своему назначению: из-за границы он выписал себе гору учебников, дабы пополнить свой познания» (326, т. 1, с. 185). Профессор военной администрации А. Ф. Редигер, бывший в конце 90-х гг. начальником Канцелярии Военного министерства, а впоследствии военным министром, характеризуя положение в военном ведомстве, отмечал в своих воспоминаниях: «Во все царствование императора Алек-

сандра III военным министром был Ванновский, и во все это время в военном ведомстве царил страшный застой. Что это была вина самого государя или Ванновского, я не знаю, но последствия этого застоя были ужасны. Людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигаясь по линии, утрачивали интерес к службе, инициативу и энергию, а когда добирались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей. Этой нелепой системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц, как к концу царствования Александра III, так и впоследствии, во время Японской войны» (235, т. 1, с. 157—158).

Непременным условием своего вступления на ответственный министерский пост Ванновский поставил самостоятельный выбор своих ближайших сотрудников и не без борьбы с самим государем добился согласия на это. Таковыми явились: на посту начальника Главного штаба и председателя Военно-ученого комитета — генерал Н. Н. Обручев, а на посту начальника Канцелярии Военного министерства — генерал П. Л. Лобко, которые и оставались ближайшими сотрудниками в течение всех 17 лет управления Ванновским Военным министерством. По признанию Витте, «ум военного министерства, конечно, составлял Обручев, и Ванновский представлял собою собственно характер Военного министерства, они, так сказать, друг друга восполняли... конечно, никто не мог ожидать, что по вступлении на престол императора Александра III Обручев будет назначен начальником Главного штаба, но тем не менее он получил это место, потому что Ванновский откровенно сказал государю, что он либеральных воззрений Обручева не боится, что с этой точки зрения Обручев его не проведет, что он сам, будучи всю жизнь в строю, хорошо знает строевую часть, и в этом смысле ему не нужно никакой помощи со стороны его сотрудников. Но с точки зрения теоретических военных соображений и с точки зрения собственно военной науки он считает, что единственный человек, на которого он мог бы опереться и который мог восполнить его недостатки, — это Обручев... как Ванновский, так и Обручев в течение всего царствования Александра III, т. е. в течение 13 лет, пользовались доверием государя...» (84, т. 1, с. 300—301).

В 1898 г., после отставки с поста министра, Ванновский был назначен членом Государственного совета. С 1898 г. шеф 131 Тираспольского пехотного полка. Состоял почетным президентом Военно-медицинской академии (с 1890 г.), почетным членом Петербургской АН (с 1888 г.), Императорского Русского географического общества (с 1891 г.) и академий: Николаевской Генерального штаба, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной. За государственную деятельность удостоен всех высших российских орденов, до ордена Св. апостола Андрея Первозванного включительно (1896). В феврале 1899 г., по распоряжению императора Николая II возглавил комиссию, расследовавшую причины студенческих беспорядков в Петербургском университете и выявившую роль полиции, спровоцировавшей волнения среди молодежи. После убийства Н. П. Боголепова с 24 марта 1901 г. Ванновский почти в 80-летнем возрасте назначен министром народного просвещения. Подготовка реформы системы среднего образования в духе реформ 1860-х гг. и попытка осуществить изменения в порядках высших учебных заведений вызвала резкое неприятие Николая II. С 11 апреля 1902 г. Петр Семенович был уволен со всех должностей. Скончался в С.-Петербурге внезапно, в ночь на 17 февраля 1904 г. на 82-м году жизни, до последнего дня страстно волнуясь текущими событиями и неутешительными известиями с театра Русско-японской войны. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Ненамного пережил его и Н. Н. Обручев. Также под влиянием несчастных для России событий он скончался 25 июня 1904 г. на 74 году жизни во Франции, в замке Жор, имении своей жены-француженки. Следует добавить к вышесказанному, что в годы правления Александра III Обручев, занимая высокий пост, показал себя неутомимым тружеником, работая по 10—12 часов ежедневно, как говорится, в поте лица. Он принимал самое непосредственное участие в разработке всех вопросов первостепенной важности по совершенствованию отечественных вооруженных сил. Осуществлял руководство работой различных комиссий военного ведомства: по созданию нового положения о полевом управлении войск в военное время, по переустройству кавалерии и саперных войск, по вопросам минной и береговой обороны, по отработке планов войны с Германией и Австро-Венгрией. По инициативе Обручева или при его участии в России были сформированы 3 армейских корпуса, сведены в корпуса Кавказские и Туркестанские войска, введена систем резервных войск; в полевой артиллерии развернуты стрелковые артиллерийские дивизионы и мортирные полки; в инженерных войсках введен железнодорожный телеграф, образованы воздухоплавательные батальоны и роты и созданы крепостные инженерные части. По предложению Обручева учреждены были казарменные комиссии, соорудившие казармы с офицерскими флигелями для 170 войсковых частей, проложены стратегические шоссе на 1650 верст, усилены укрепления и вооружения Кронштадта, Киева, Варшавы, Новогеоргиевска, Бреста, Зегрежа, Осовца и Владивостока (86а, т. 17, с. 82).

По словам генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина (военного министра в 1898—1904 гг.), «талантливым и энергичным руководством генерала Обручева наша боевая готовность была очень приподнята сравнительно с еще недавним временем» (326, т. 2, с. 152). В 1887 г. Обручев был произведен в генералы от инфантерии, 30 августа 1893 г. назначен членом Государственного совета, с оставлением в занимаемых должностях и званиях. Был автором ряда военно-теоретических и литературных работ.

Во внимание к его заслугам 13 июня 1898 г. последовал приказ о переименовании форта «В» Кронштадтской крепости в форт Генерал-адъютант Обручев. Кроме того, его имя было присвоено одной из станций Закавказской железной дороги.

Есть основание полагать, что в правление Александра III не было недостатка в крупных военных деятелях. Кроме вышеназванных лиц влиятельными соратниками царя в военном управлении являлись генералы М. И. Драгомиров, «суровый победитель Балкан» И. В. Гурко, прославившийся в Севастополе Э. И. Тотлебен, «белый генерал» М. Д. Скобелев, главный военный прокурор св. князь А. К. Имеретинский, главный начальник военно-учебных заведений Н. А. Махотин. Каждый из них внес свой весомый вклад в развитие вооруженных сил России.

Слава Драгомирова как ученого, писателя, педагога и начальника достигла высшего предела во время его командования Киевским военным округом в период 1889—1903 гг. (см. о нем § 3, гл. 2). С 1897 г. Драгомиров занимал пост киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. За 2 года до смерти в 1903 г. он был введен в состав Государственного совета. Образ Драгомирова запечатлен И. Е. Репиным в картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1878—1891, Русский музей). Он изображен в правой части полотна над писарем. В зубах его трубка, а на лице застыла ироническая усмешка.

О многих трудах Драгомирова, переведенных на иностранные языки, лестно отзывалась западно-европейская печать. Практически разные вопросы жизни, службы, быта, обучения и подготовки армии решались при его участии. Издававшиеся уставы и наставления для войск, также несли на себе признаки его причастности. Система обучения и воспитания войск Драгомирова, его взгляды на военное дело имели как горячих поклонников, так и ярых противников. Михаил Иванович придавал большое значение нравственно-психологическому фактору, т. е. человеку, верил в «чудо-богатырей», воскресить которых он хотел осуществлением поучений А. В. Суворова. «Человек больших достоинств, — справедливо писал Керсновский, — он имел и большие недостатки, сделавшие его влияние

на армию в конечном счете отрицательным. Взяв в основание вечную и непреложную истину о первенстве морального, духовного элемента, он свел ее к отрицанию военной науки вообще, и стратегии в частности, своего рода военному нигилизму. Все военное дело низводилось им к тактике, а тактика — к тому, чтобы «брать нутром». Драгомиров противопоставлял дух технике, не сознавая, что техника отнюдь не враг духа, а его ценный союзник и помощник, позволяющий сберечь силы и кровь бойца. Все свои тактические расчеты драгомировская школа строила на грудах человеческого мяса, потоках человеческой крови — и эти взгляды, преподанные с кафедры заслуженным профессором, а затем и начальником академии, имели самое пагубное влияние на формацию целого поколения офицеров Генерального штаба — будущих «минотавров» Мировой войны. Считая, что всякого рода техника ведет непременно к угашению духа, Драгомиров всей силой своего авторитета противился введению магазинного ружья и скорострельной пушки, которыми уже были перевооружены армии наших вероятных противников. Когда же, несмотря на все его противодействие, скорострельные орудия были введены, Драгомиров все-таки добился, чтобы они были без щитов, «способствующих робости». Результат — растерзанные трупы тюренченских и ляоянских артиллеристов, зря пролитая драгоценная русская кровь» (152а, с. 23).

Драгомиров ошибочно принимал чувство самосохранения вредным для военного человека, выступал решительным противником приспособления к местности и самоокапыванию. Неслучайно он был противником залегания цепи во время наступления.

«Принятую Драгомировым систему воспитания войск, — подчеркивает Керсновский, — нельзя считать удачной. В бытность его начальником дивизии он развил инициативу частных начальников — батальонных и ротных командиров — до высокой степени совершенства. Став же командующим войсками, всячески подавлял инициативу подчиненных ему корпусных командиров и начальников дивизий. Обратив все свое внимание на индивидуальное воспитание солдата («святой серой скотинки»), Драгомиров совершенно проглядел офицера, более того, сознательно игнорировал офицера (его всегдашнее иронически-презрительное «Гас-па-дин офицер!»). Нарочитым умалением, унижением офицерского авторитета Драгомиров думал создать себе популярность как в солдатской среде, так и в обществе. Памятным остался его пресловутый приказ: «В войсках дерутся!» — незаслуженное оскорбление строевого офицерства... Впоследствии, болезненно переживая первую русскую смуту, он рекомендовал офицерам «корректность, выдержку и остро отточенную шашку». Заботься Драгомиров в свое время о

поднятии офицерского авторитета, ему, пожалуй, не пришлось бы на склоне своих лет давать подобные советы...

Служба в штабе Киевского округа послужила трамплином для карьеры многих деятелей, из коих далеко не все принесли счастье русской армии. Отсюда вышли Сухомлинов, Рузский, Юрий Данилов, Бонч-Бруевич» (там же, с. 23—24).

Другим представителем суворовской школы был командующий войсками Одесского (1882—1883) и Варшавского (1883—1894) военных округов И. В. Гурко. В отличие от Драгомирова Гурко не был теоретиком, не имел даже высшего образования. Слава его как боевого генерала была неразрывно связана с Русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Человек сильного характера и большой воли, Гурко подчинил всю свою деятельность командующего войсками округа делу обучения войск тому, что необходимо на войне. Проявлял большую заботу о солдатах, был инициатором проведения зимних маневров, наряду с которыми в Варшавском военном округе практиковал и ночные маневры, чего не наблюдалось в других округах (за исключением Киевского). Сочетал высокую требовательность и сухость в обращении с вниманием, участием и привязанностью к своим сослуживцам. Решения его отличались всегда здравым смыслом, прямотой и справедливостью. В Варшавском округе Гурко многое сделал по созданию укрепленных пунктов и сети стратегических дорог.

С мая 1880 г. войсками Виленского военного округа командовал инженер-генерал Э. И. Тотлебен. По свидетельству современников, подчиненные его скорее боялись, чем любили. Сказывалось его резкое обращение с окружающими, безграничная самоуверенность, убежденность в своем превосходстве. В то же время они «ценили его неподкупную честность и постоянную заботливость о солдате». Вокруг имени Тотлебена был ореол, «которого не могут затмить никакие ошибки: этот ореол — Севастополь» (249, т. 27, с. 192). Эдуард Иванович известен и как военный историк. Он был почетным членом ряда академий и Петербургского университета. Под его руководством издано «Описание обороны г. Севастополя» (т. 1—2, 1863—1872), написан ряд специальных записок и инструкций. Скончался Тотлебен 19 июня 1884 г. во время лечения в Зодене, близ Франкфурта-на-Майне. Прах его был доставлен в Севастополь и опущен в могилу 5 октября 1884 г. на Братском кладбище, о котором он так заботился при жизни. В 1909 г. в этом городе русской славы поставлен памятник работы А. А. Бильдерлинга (восстановлен после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. по проекту Л. М. Писаревского).

Яркий след в военной истории отечества оставил М. Д. Скобелев, который показал свои блестящие дарования полководца в

Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и в завершении присоединения Средней Азии к России (см. о нем в 5 и 15 главах). Прожив всего 38 лет, он участвовал в 70 сражениях, не проиграв ни одного из них. Яков Полонский писал о нем:

Казалось, русская природа
Его из меди отлила
И в руки меч ему дала
Во славу русского народа.

Скобелев отличался редкостной храбростью. За приверженность в бою к белому мундиру и белой лошади его называли «белым генералом». Он поистине стал любимым героем России и национальным героем Болгарии. Историограф его В. И. Немирович-Данченко писал: «Меня лично Скобелев поражал изумительным избытком жизненности... Скобелев был инициатор по преимуществу. С быстротой и силой паровика он создавал идеи и проекты в то время, когда не дрался. Собственно говоря, я решительно не могу понять, когда он отдыхал. Отмахав верст полтораста в седле карьером, сменив и загнав при этом несколько лошадей, он тотчас же принимал донесения, делал массу распоряжений, требовавших не утомленного ума, а быстроты и свежести соображений, уходил в лагеря узнать, что варится в котлах у солдат, мимоходом проверял аванпосты и наконец закончив все это, садился за книги, которые он ухитрялся добывать при самых невозможных условиях, и всегда серьезные, требовавшие напряжения мысли...» (190б, с. 262).

В мирное время, командуя 4-м армейским корпусом с 1878 г. в Виленском военном округе (штаб его размещался в Минске), был награжден орденом Св. Анны I степени. Это был единственный орден среди его многочисленных наград, полученный им не за боевые заслуги. В череде поручений, выполненных Скобелевым в качестве корпусного командира, заслуживают интерес его зарубежные командировки на маневры, о которых он представлял весьма содержательные отчеты. Наиболее сильным и опасным противником России он считал Германию, которая не сегодня, так завтра объявит нам войну. Глубоко изучив славянский вопрос, он пришел к убеждению о солидарности агрессивного Берлина с Веной, стремящейся нейтрализовать влияние Российской империи на балканских славян. Неслучайно Скобелев усиленно настаивал на сближении с Францией. 12 января 1882 г. в Петербурге в годовщину празднования падения Геок-Тепе Скобелев произнес на банкете перед офицерами речь об угнетении славян в Австро-Венгрии, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы в немецкой прессе. Вскоре 5 февраля, когда группа студентов Балканских

стран в Париже поднесла ему приветственный адрес, Скобелев высказал им свои идеи, указав на враждебное отношение немцев к славянам. Речь, эта, гипертрофированная германской прессой, приобрела тревожный смысл и вызвала дипломатическую переписку. По высочайшему повелению Скобелев экстренно был вызван в Петербург. Известно, что прием боевого генерала у императора 7 марта прошел весьма благополучно. В ночь на 26 июня 1882 г. Михаил Дмитриевич Скобелев скоропостижно скончался в Москве от паралича сердца и легких. Смерть легендарного героя и талантливого полководца потрясла Россию, в Болгарии был объявлен национальный траур. Александр III направил сестре Скобелева Надежде Дмитриевне письмо: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей» (249, т. 24, с. 583).

Вся Москва провожала тело боевого генерала. Похоронен Михаил Дмитриевич в своем родовом имении, с. Спасском-Заборовском Раненбургского уезда Рязанской губернии в левом приделе местной церкви Св. Михаила рядом с родителями.

Память народного героя была увековечена в многочисленных произведениях искусства как в России, так и в Болгарии. О подвигах, заветах и деятельности Скобелева написаны сотни книг и статей. Образ полководца отражен в галерее картин известных художников Верещагина, Рубо, Дмитриева-Оренбургского, Сверчкова, Кившенко, Лагорио, Брауна и др. В Москве на пожертвования граждан 24 июня 1912 г. был сооружен грандиозный памятник-ансамбль Скобелеву и русским солдатам-освободителям. Автором его стал никому не известный скульптор подполковник А. П. Самонов, выигравший конкурс. Прилегающую площадь назвали Скобелевской. Однако в соответствии с декретом от 12 апреля 1918 г. «О снятии памятников царей и их слуг и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» вышеназванный памятник 1 мая того же года был снесен, переименовывались улицы, парки, библиотеки и другие объекты, названные в честь Скобелева. Несомненно, возвращение народу памяти о М. Д. Скобелеве должно стать неотложной задачей каждого из нас, любящего свою Родину.

Император Александр III, желая, чтобы военные доблести связывали армию и флот общими традициями, повелел крепость Витязь впредь именовать Скобелев.

Некоторые современники считали, что Александр III отошел от армии. Его родитель часто бывал на разводах, смотрах, полковых праздниках, в лагерях и собраниях, беседовал с офицерами,

интересовался всеми их новостями, близко принимал к сердцу события в полковой семье. Александр III на первых порах несколько ограничил свое общение с армией строго необходимым и, казалось, замкнулся в тесном семейном кругу в своем уютном Гатчинском дворце. Главной причиной, конечно, была перегруженность его работой, оставлявшая мало свободного времени. Известную роль играла здесь и природная застенчивость царя, не любившего многочисленное общество, и, наконец, тот горький осадок, что оставило на его душе 1 марта 1881 г. «Образ покойного государя, склонившегося над телом раненого казака и не думавшего о возможности вторичного покушения, не покидал нас, — вспоминает о тех днях великий князь Александр Михайлович. — Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любимый дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с царем-батюшкой и его верным народом перестала существовать 1 марта 1881 года. Мы понимали, что никогда более русский царь не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием» (50, с. 62—63). Царские смотры стали устраиваться реже, разводы были вовсе отменены, флигель-адъютантские и свитские вензеля, щедро раздававшиеся Александром II в армейские полки, стали теперь редкими и в гвардии, сделавшись привилегией очень небольшого круга лиц.

Хотя молодой государь не питал страсти к военному делу, как его отец, но он прекрасно понимал, что судьбы вверенного ему отечества во многом зависят от состояния его вооруженных сил, и, сознавая это, настойчиво добивался развития русской военной мощи. В то же время Александр III указывал на безотлагательную необходимость уменьшения военных расходов, чтобы беречь государственные средства и податные силы народа. Не случайно, принимая управление Военным министерством, Ванновский поставил задачу перед руководством армии принять меры к неуклонному сокращению военных расходов. Чтобы понять озабоченность императора в 1881 г., восстановим в памяти некоторые факты прошлого. 20 лет назад Россия содержала в мирное время армию, имевшую свыше миллиона солдат и с военным бюджетом, составлявшим в 1858 г. 89 154 000 руб., в 1859 г. — 96 655 000 руб., в 1860 г. 106 653 000 руб. Двадцать лет спустя страна содержала армию намного меньшую, с военным бюджетом, фактически доходящим до 200 000 000 руб., не считая, конечно, расходов экстраординарных, которые накапливались еще до 50 млн.

Из «Обзора деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894» видны ассигнования и расходы по годам (см. табл. 1).

Таблица 1

Ассигнования и расходы Военного министерства в 1881—1894 гг.

Годы	Ассигновано, млн руб.			Фактически израсходовано, млн руб.
	по росписи	сверх росписи	всего	
1881	210,0	46,4	256,4	253,6
1882	186,9	22,3	209,4	204,9
1883	196,1	11,2	207,3	201,8
1884	199,4	4,6	204,0	200,1
1885	204,3	17,8	221,1	216,3
1886	211,4	12,8	224,2	221,1
1887	214,2	1,1	215,3	214,6
1888	211,6	2,0	213,6	213,4
1889	219,7	10,2	229,9	227,7
1890	241,2	3,5	244,7	243,0
1891	253,5	1,4	254,9	254,7
1892	261,0	1,9	262,9	262,7
1893	270,5	5,0	275,5	275,1
1894	280,3	4,4	284,7	284,4

Как видно из таблицы, первые три года, с 1882 по 1884-й, наблюдается непрерывное уменьшение военных расходов примерно на 25%. С 1885 г. начинается некоторый рост военного бюджета, причем только в 1891 г. сумма расходов достигает уровня 1881 г. (197а, с. 321). В течение всего изучаемого периода Военное министерство испытывало серьезные финансовые затруднения, не случайно в это время обороноспособность страны отнюдь не находилась на том уровне, который соответствовал бы необходимым требованиям времени.

Общее направление деятельности Военного министерства в первые же месяцы руководства Ванновского претерпевает серьезные изменения. Начинают проводиться меры, «противоположные тем, которые осуществлялись ранее. Так, обучение солдат грамоте прекращается, и этот вид деятельности объявляется необязательным и даже вредным».

В октябре 1881 г. под председательством генерала П. Е. Коцебу была сформирована Особая комиссия в составе 31 человека для пересмотра системы военного управления, введенного Д. А. Милютиным. Причем программа работы этой комиссии была составлена по личному указанию Александра III, она предусматривала

изменение системы центрального, местного и полевого управления (197а, с. 60—61). При этом особое внимание обращалось на выделение из состава Военного министерства Генерального штаба и на повышение главенствующей роли министерства. Однако подготовленная комиссией контрреформа не была доведена до конца из-за последовавших частичных преобразований, изменения мобилизационного плана, а также вследствие жизнеспособности и правильности, оправдавшей себя милютинской системы военного управления. Военно-окружная система сохранялась с некоторыми изменениями. В 1881 г. упразднили Оренбургский военный округ, присоединив его к Казанскому. В 1882 г. из Западно-Сибирского округа и Семиреченской области был образован Омский военный округ, чем было достигнуто объединение командования по всей границе с Западным Китаем. В 1884 г. обширный Восточно-Сибирский военный округ разделили на два — Иркутский и Приамурский, что поднимало значение Приамурья как возможного театра военных действий.

Затем было образовано особое управление Закаспийской областью, которая до 1890 г. находилась в подчинении Кавказского окружного начальства. В 1889 г. Харьковский военный округ был упразднен, часть его присоединили к Киевскому, часть — к Московскому. В самой организации военно-окружных управлений были сделаны некоторые изменения, приблизившие их к той форме, которая должна была обеспечить быструю и удобную мобилизацию: в Виленском, Киевском и Приамурском округах были учреждены должности помощников командующих войсками, предназначаемых при мобилизации занять места командующих войсками; в Варшавском округе назначены были два помощника для заведования крепостями плацдарма и кавалерией округа. Три западных пограничных округа — Виленский, Варшавский и Киевский — получили в 1886 г. систему управления, аналогичную с таковой же армией военного времени. Войска этих округов на случай войны должны были составить главные силы трех армий. В 1890 г. утверждено выработанное комиссией генерала Лобко Положение о полевом управлении войск. В сравнении с предыдущим оно значительно увеличивало права главнокомандующего и освобождало его от опеки Военного министерства. Положение это в первый раз определяло правила формирования при мобилизации армейских управлений из военно-окружных.

Ряд нововведений последовал в центральном аппарате Военного министерства. В связи с быстрым развитием железнодорожного дела в России, строительством стратегических дорог, имевших большое значение для мобилизации войск, в Главном

штабе в 1885 г. был создан отдел для заведования перевозкой войск и военных грузов. Из-за частичного изменения дислокации войск, вызванного расширением наших границ в Средней Азии, также в Главном штабе образовали новый азиатский отдел вместо бывшей азиатской части.

В 1891 г. были упразднены должности генерального инспектора кавалерии и по инженерной части с передачей соответствующих делопроизводств в Главный штаб и в главное инженерное управление. В 1890 г. сформировали исполнительную комиссию по перевооружению войск и временную распорядительную по оборонительным сооружениям. В 1894 г. Обручев подготовил проект преобразования Главного штаба в орган, способный «выполнять работу и высшего стратегического порядка, относительно распределения войск по театрам войны, образования армий, составления планов их сосредоточения и первоначальных действий, подготовки полевого управления в пограничных округах, организации сбора сведений о неприятеле и проч.» (38в, ф. 831, оп. 1, д. 896, л. 481—482). К сожалению, этот проект был рассмотрен только в 1900 г. при новом военном министре А. Н. Куропаткине. 24 февраля того же года проект был принят, а в марте утверждено «Положение о Главном штабе», введенное в жизнь в 1903 г.

Состав и комплектование войск

Комплектование армии производилось на основании положений устава о воинской повинности 1874 г. По окончании Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. к началу царствования Александра III армия была доведена до состава мирного времени и до 1891 г. штат ее мало изменился. По всеподданнейшим отчетам Военного министерства в 1881 г. армия насчитывала 845 534 человека, в 1891 г. — 886 393 человека. Небольшое увеличение численности войск до 871 764 чел. произошло в 1886 г. в связи с англо-русским конфликтом, вызванным афганским кризисом 1885 г. Конфликт был разрешен дипломатическим путем и закреплен Лондонским протоколом 29 августа (10 сентября) 1885 г. Некоторое ухудшение отношений с Германией из-за ее стремления вновь развязать войну против Франции, вынудило Петербург увеличить численность армии в 1885—1887 гг. и держать ее на этом уровне до конца 1891 г. Стремление России установить дружественные отношения с Германией не нашли должного отклика. «Договор перестраховки», заключенный с ней в 1887 г., сумел продержаться всего лишь три года. Тройственный союз Германии, Австрии и Италии, подписанный в Берлине в 1891 г., создал угрозу нападения на наше государство.

В ответ на это Россия заключила секретное соглашение с Францией 15 (27) августа 1891 г., затем 5 (17) августа 1892 г. военную конвенцию, которая была ратифицирована в декабре 1893 г. Русско-французский союз потребовал дальнейшего увеличения численности армии, возросшей в 1894 г. до 975 913 человек, из которых 35 500 были генералами и офицерами. Была проведена работа по увеличению боевой части наших вооруженных сил за счет сокращения небоевых элементов и без увеличения общей численности армии. Особое внимание обращалось на увеличение числа офицеров. Усилена была регулярная кавалерия переформированием полков из 4-эскадронного состава в 6-эскадронный. Увеличено число действующих казачьих полков. Усилена и частью преобразована полевая и крепостная артиллерия. Усилены инженерные войска образованием 5-й саперной бригады, железнодорожной бригады, учебного воздухоплавательного парка, крепостных воздухоплавательных отделений и военно-голубиных почтовых станций.

Одной из важных забот военного ведомства в царствование Александра III стало увеличение обученного запаса армии путем пропуска большого количества людей через ее ряды. Ежегодный контингент новобранцев составлял при Александре II 150 000 человек, в 1881 же году было уже призвано 235 000 человек.

Срок службы сперва оставлен тот же: 6 лет в строю, 9 — в запасе. Одним из последних распоряжений Милютина весною 1881 г. было сокращение срока службы до 4 лет в пехоте и пешей артиллерии и 5 лет в прочих родах войск.

Ванновский немедленно отменил это распоряжение, опасаясь за качество и прочность обучения. Действительно, во всей миллионной армии имелось всего 5500 сверхсрочнослужащих унтер-офицеров из намеченного в 1874 г. при введении всеобщей воинской повинности числа 32 000 (то есть 17%). В 1886 г. срок службы вольноопределяющихся по I разряду увеличен до одного года — шестимесячные вольноопределяющиеся давали слишком несведущих офицеров запаса. В 1888 г. количество сверхсрочных удвоилось (все еще составляя около трети намеченного числа), и в этом году было произведено сокращение сроков службы до 4 в пеших и до 5 лет в конных и инженерных войсках. Одновременно была удвоена продолжительность пребывания в запасе — с 9 лет до 18, и запасные стали считаться военнообязанными до 43-летнего возраста включительно. Были учреждены ежегодные учебные сборы запасных и ополченцев. Напомню, что в государственное ополчение входили все военнообязанные в возрасте 21—43 лет, которые в мирное время были освобождены от призыва на воен-

ную службу, но являлись годными к ней в военное время, а также лица, ранее состоявшие на действительной военной службе и числившиеся в запасе (от 36 до 40 лет, с 1891 г. — с 39 до 43 лет). Государственное ополчение делилось на ратников двух разрядов. К первому разряду относились ратники младших четырех возрастов, годные к строевой службе и предназначавшиеся для пополнения действующей армии. Ко второму — годные к нестроевой (тыловой) службе.

В 1891 г. контингент обученного запаса нижних чинов был определен следующим образом: в запасе считалось 2,5 млн обученных людей и в мобилизованной армии (с казачьими войсками) должно было считаться до 4 млн бойцов. К отбыванию воинской повинности привлекалось все население империи, за исключением населения Закавказского и Туркестанского краев, Приморской и Амурской областей и других отдаленных частей Сибири, Астраханской и Архангельской губерний, Тургайской и Уральской областей. Население казачьих войск и Финляндии отбывало повинность на основании особых положений (179а, с. 1). В 1887 г. всеобщая воинская повинность была распространена и на туземное население Кавказа (за исключением горцев) и Семиреченскую область. Как во время очередных призывов, так и при мобилизации комплектование проводилось таким образом, чтобы в каждой отдельной войсковой части 75% солдат были русскими (в дореволюционном понимании этого слова, включая украинцев и белорусов), а остальные 25% комплектовались из представителей национальных меньшинств (130, с. 119). В конце царствования ежегодно призывалось по 270 000 человек — примерно вдвое больше, чем при Александре II. Ежегодно записывалось 6000—7000 вольноопределяющихся.

В 1883 г. был упразднен чин майора (окончательно) и прапорщика (оставленный лишь в военное время для офицеров запаса из вольноопределяющихся). Преимущество старой гвардии над армейцами стало лишь одним чином, а не двумя, как прежде. Молодая гвардия была упразднена, ее полки (Кирасирский Ее Величества, стрелковые 3-й Финский и 4-й Императорской фамилии) были переведены в старую. Фактически же армейские полки стали с этого времени пользоваться преимуществами молодой гвардии.

Генерал Ванновский стремился к повышению строевого состава войск, и за период 1881—1894 гг. количество строевых было доведено по его докладам с 84 до 95%. Увеличено содержание младших строевых офицеров, особенно ротных командиров. Для пополнения состава офицеров в военное время изданы положения об офицерах и прапорщиках запаса и установлены их учебные сборы.

Одно из первых нововведений было связано с изменением внешнего вида войск. В 1881—1882 гг. была введена новая форма. Она значительно упростилась и потеряла в красоте. Канули в Лету гвардейские каски с плюмажем, кепи и шако с султанами, эффектные мундиры с цветными лацканами, уланки и ментики, сабли и палаши. Для всей армии были введены темно-зеленые, почти черные мундиры в виде куртки с запашным бортом на 5 крючков (вместо пуговиц) без цветных лацканов, такого же цвета шаровары (в кавалерии серо-синие) с красной выпушкой, заправленные в высокие сапоги, а в качестве головного убора — круглая черная мерлушковая шапка с плоским суконным верхом (высотой 10 см). На воротнике и обшлагах у офицеров имелись шитые золотые (серебряные) петлицы. Кроме мундиров офицерам был оставлен и сюртук, покрой которого с 1809 г. почти не изменился. «Офицеры, — как писал Керсновский, — стали походить на обер-кондукторов, гвардейские стрелки — на околоточных надзирателей, фельдфебели — на сельских старост в кафтанах с бляхой. Солдаты в своем сермяжном обличии стали похожи на паломников, особенно в армейской пехоте, где были упразднены ранцы и вместо них введены «вещевые мешки» — точная копия нищенской котомки — носившиеся через плечо. Кавалерия уныло донашивала уланки, кивера и ментики со снятыми шнурами и с поротым шитьем, раньше чем по примеру пехоты облачиться в зипуны. Офицеры стремились смягчить уродство новой формы, каждый на свой вкус. Одни укорачивали мундир на прежний образец, другие, наоборот, удлиняли, приближая его к сюртуку, третьи по примеру стрелков утрировали напуск шаровар, доводя их до носков сапог» (152а, с. 12). С этого времени существовало три вида формы: парадная, обыкновенная и сюртук. Парадная включала мерлушковую шапку (в южных округах — Одесском, Кавказском и Туркестанском — фуражку), мундир с орденами и эполетами, шарф и шаровары, заправленные в сапоги. Обыкновенная представляла собой тот же самый мундир, но с погонами или эполетами и фуражкой, в городском расположении — всегда с холодным оружием; вне строя и службы при сюртуке разрешалось надевать серые перчатки, шаровары носить поверх сапог. Аксельбанты (кому они положены) с сюртуком можно было не надевать. В парадной форме следовало быть в дни восшествия на престол, коронования, рождения и тезоименитства Их Величеств и наследника, в Новый год, первый день Св. Пасхи и первый день Рождества Христова. Она также надевалась на высочайших выходах во дворце, смотрах и парадах в городах в присутствии высшего начальства, при представлении членам императорской

фамилии и своему начальству по важнейшим поводам (в связи с производством в следующий чин, наградой, новым назначением, командировкой и отпуском), при церковных парадах в дни полковых праздников, при освящении знамен, присяге, на приемах в иностранном посольстве и при присутствии на брачной церемонии в роли жениха или шафера. Обыкновенная форма носилась на учениях и разводах в присутствии высшего начальства, на публичных торжественных собраниях, балах и обедах, при представлениях начальству по другим поводам, на официальных молебствиях при освящении церквей и т. п., при вызове в суд, в дни полковых праздников и при посещении театров и концертов в дни основных государственных праздников (дней восшествия на престол и коронации Их Величеств). В карауле и на дежурстве по полку, смотрах и парадах, лагерных сборах и представлениях начальству обыкновенная форма надевалась с шарфом. Сюртук разрешалось носить при посещении театров в обычные дни, на концертах, гуляньях и т. п., в учреждениях, управлениях, на полковых занятиях, а также вне службы в любых случаях. Сюртук с эполетами и брюками навыпуск обычно служил визитной формой. На погребении воинских чинов (даже солдат) была обязательна парадная форма, гражданских лиц и женщин — обыкновенная.

В целом при данном упрощении формы одежды была допущена серьезная психологическая ошибка. Ведь форма одежды является не только выражением определенного внутреннего содержания человека, подтягивает и дисциплинирует, но и способствует выполнению им своего служебного долга. Отличный внешний вид поддерживает и высокий воинский дух. Проведенное преобразование формы себя не оправдало: темные мундиры демаскировали воинов на поле боя, а отмена традиционной парадной формы вызвала недовольство среди офицеров.

Изменения в боевой выучке

Для повышения уровня боевой подготовки армии в период 1881—1894 гг., регулярно проводились маневры и учения в местностях, предполагаемых театров военных действий, как правило в присутствии Александра III, что придавало им характер выдающихся политических событий. Начиная с 1886 г., проводились крупные маневры между войсками двух смежных военных округов. В 1886 г. большой 12-дневный маневр проведен в Гродненской губернии между войсками Виленского и Варшавского округов, с участием 118 батальонов, 85 эскадронов и сотен и 210 орудий. В 1888 г. в течение 6 дней шли учения под Елисаветградом между

войсками бывшего Харьковского и Одесского округов, в составе 78,5 батальона, 79 эскадронов и сотен и 170 орудий.

В 1890 г. в Волынской губернии маневры продолжались 9 дней между войсками Варшавского и Киевского округов. Причем по числу войск (191 батальон, 143 эскадрона и 468 орудий) учения эти заняли выдающееся и исключительное положение в ряду подобных мероприятий, до тех пор где-либо проводившихся. В 1892 г. около крепости Ивангорода состоялись 6-дневные маневры (при участии 71,75 батальона, 67 эскадронов и сотен и 216 орудий) из состава войск Варшавского военного округа. В 1894 г. планировалось провести большие маневры под Смоленском между войсками Виленского и Московского округов. Однако маневры не состоялись из-за болезни Александра III (197а, с. 84—85). Кроме того, проводилось обучение войск производству морских десантных экспедиций в Одесском округе, где подобного рода упражнения могли иметь действительно военное значение. Занятия такого рода, начатые в 1884 г., прошли весьма медленно, отчасти по новизне и трудности дела, отчасти по неопределенности отношений между морскими и сухопутными начальствующими лицами. Отряды сухопутного десанта назначались обычно в составе 3—4,5 батальонов, 0,5 эскадрона и 4—5 орудий. В 1885, 1891 и 1893 гг. подобные маневры были проведены близ Одессы, в 1886 г. — в юго-западной части Крыма у с. Байдары, в 1887 и 1892 гг. близ Севастополя, в 1888 г. около Керчи, в 1889 г. у Очакова и в 1890 г. близ Судака (197а, с. 85). До 1891 г. были пересмотрены все действующие уставы и наставления и после проверки введены в войсках. Так были изданы: «Инструкция для маневрирования войск с боевой стрельбой из трех родов оружия» (1886); «Особые указания производства движения и боя ночью» (1886); «Наставление для обучения стрельбе» (1889); «Устав о строевой пехотной службе с инструкцией для действий роты и батальона в бою» (1889); «Положение о саперных командах в пехоте» (1890). Для улучшения тактической подготовки командных кадров издали новую «Инструкцию для занятий с офицерами».

Перевооружение армии магазинной винтовкой образца 1891 г. и введение бездымного пороха потребовали нового пересмотра уставов.

С приведением в 1879 г. пехотных полков в 4-батальонный состав — 16 однородных рот, где все люди были вооружены малокалиберными скорострельными винтовками, организация русской пехоты в главных своих чертах оставалась неизменной до Мировой войны. Строевая часть была значительно упрощена. Плевна имела последствием снабжение легким шанцевым инструментом всех строевых чинов, Шейново ввело перебежки.

С целью достижения лучших результатов в подготовке войск действиям в поле, признано было необходимым упражнения периода общих сборов производить не только в постоянных лагерях, но и вне их, в так называемых подвижных сборах. Впервые такие сборы в качестве опыта были проведены в 1885 г. в некоторых войсках Московского округа, а затем с 1889 г. они были применены и в остальных военных округах. В последующие годы подвижные сборы получили такое значительное развитие, что в 1894 г. в них уже участвовало более $^2/_3$ армии (68% пехоты, 65% конницы и 66% артиллерии). Начиная с 1886 г., в программу занятий общих сборов включается также и маневрирование с боевой стрельбой всех родов оружия. Первоначально в виде опыта такое маневрирование было произведено в 1885 г. на полигоне при с. Клементьеве (197а, с. 82—83).

В 1886 г. во всех пехотных и кавалерийских полках были заведены охотничьи команды из людей, особенно способных к разведывательной службе и выполнению ответственных поручений (по 4 человека на роту и эскадрон). В 1891 г. преобразованы резервные войска. Номерные резервные батальоны получили наименования, а часть их — в пограничных округах была развернута в 2-батальонные резервные полки, сведенные по 4 в резервные пехотные бригады и разворачивавшиеся при мобилизации в пехотные дивизии нормального состава.

Стремление ускорить передачу приказаний и донесений в пехотных частях привело к применению для этой цели самокатов. В 1891 г. введено было снабжение ими полевых пехотных войск Европейской России, с расчетом 4-х самокатов на полк и отдельный батальон. Машины были заготовлены на отечественных арсеналах и оказались первоначально настолько несовершенными, что в первое время далеко не оправдали возлагавшихся на них надежд. Поэтому в 1894 г. вопрос о пользовании самокатами в войсках остался еще мало выясненным.

Серьезное внимание было обращено на кавалерию. Перед Русско-турецкой войной 1877—1878 гг. насчитывалось 19 кавалерийских дивизий (3 гвардейские, 14 армейских, 1 казачья и 1 Кавказская), состав которых был различен. 1-я гвардейская дивизия имела 4 кирасирских полка, а 2-я гвардейская — конногвардейский, уланский, гусарский и лейб-казачий полки. Все армейские кавалерийские дивизии включали: конногренадерский, драгунский, уланский, гусарский и казачий полки. Независимо от количества полков каждая кавалерийская дивизия состояла из 2 бригад. Регулярные кавалерийские полки имели по 4 эскадрона, казачья — по 6 сотен. Эскадроны и сотни состояли из взводов. 1882 г. ознаменовался «разгромом» русской кавалерии так называемой драгунской реформой. 18 августа 1882 г. 14 уланских и 14 гусарских полков были переименованы в драгунские. Считается, что идея проведения этой реформы принадлежала генералу С. М. Сухотину — фактическому генерал-инспектору конницы (номинально генерал-инспектором числился великий князь Николай Николаевич старший, по смерти которого в 1891 г. должность эта вообще была упразднена). «Исследуя кавалерийские рейды Северо-Американской войны, — писал Керсновский, — Сухотин пришел к заключению о необходимости преобразовать всю русскую регулярную конницу на драгунский лад. Против этой, в сущности, здравой мысли ничего нельзя было возразить — драгунская выучка еще Потемкиным признавалась «самонужнейшею и полезнейшей». Однако Сухотин, человек примитивного мышления, материалист и плохой психолог, начал с того, что исковеркал славные наименования полков русской кавалерии, отобрал у них мундиры, которыми они так гордились (в глазах канцелярских утилитаристов эти «побрякушки» ничего не значили), посягнул на самую душу конницы — ее традиции. Увлекаясь американской ездящей пехотой, он прошел мимо всех сокровищ богатого и славного опыта русской кавалерии. Станция Бренди заслонила и Шенграбен, и Фер Шампенуаз, и даже знаменитый налет Струкова — налет, перед которым бледнеют все операции Стюарта и Шеридана. Этот психоз «рейдов» на американский образец, пересаженных на русскую почву, печально сказался затем при Инкоу. Мода на американских ковбоев привела к упразднению пики, оставленной лишь в казачьих частях» (152а, с. 18—20). Сухотин считал неуместным пользоваться этим «тяжелым и неудобным» оружием — пережитком старины в «век прогресса техники». Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, что выполнялось формально, но «заметно снижало кавалерийский дух». На лошадь стали смотреть не как на первое и главное оружие кавалериста, а только как на средство передвижения. Отсутствие истинно кавалерийского руководства привело к рутине, отлично ужившейся с «поверхностным новаторством на американский образец». Условия службы в кавалерии стали непривлекательными. Новые дикие названия — «бугские драгуны», «павлоградские драгуны», «ахтырские драгуны» — резали ухо кавалеристам и щемили их сердце. Многие офицеры покинули ряды конницы, особенно когда «подрагуненные» полки были одеты в кафтаны и армяки нового псевдорусского покроя и направлены в захолустные стоянки на западную границу, откуда стала чувствоваться угроза. В Киевском гусарском полку, например, все офицеры подали в отставку, когда их полк, существовавший двести с лишним лет, был переименован в драгунский 27-й. Только что назначенный тогда командиром Павлоградского полка — «шенграбенских гусар» — Сухомлинов

с горечью вспоминает об этом вандализме: «Рационализм у нас в течение долгих лет только разрушал и, не пользуясь содействием современной техники, не давал взамен ничего нового, лучшего. Так вверенная мне часть из блестящего гусарского полка стала армейским драгунским номера 6-го полком, с традициями которого можно было познакомиться только в архивах, а не по форме одежды и гордому виду людей, ее носящих» (152а, с. 20).

Состав регулярной кавалерии был заметно увеличен. Она возросла более чем в полтора раза. В 1883 г. все драгунские полки из 4-эскадронного состава были приведены в 6-эскадронный, а из новоформированных полков в Варшавском округе образовали 15-ю кавалерийскую дивизию. В то же время казачья конница несколько сократилась, упразднили 3-ю Кавказскую казачью дивизию, но сформировали новую — 2-ю сводно-казачью — в Киевском округе. Местное управление объединили в одно учреждение, подчиненное военному начальству. Приняты также меры к упорядочению станичного самоуправления. В 1889 г. было образовано Уссурийское казачье войско. В том же году 14 мая из уроженцев Финляндии был сформирован Финский драгунский полк. Затем 16 июля 1891 г. были образованы 47-й Татарский и 48-й Украинский драгунский полки. С присоединением Уральского казачьего полка, они составили 15-ю кавалерийскую дивизию.

На Кавказе в 1883 г. все драгунские полки были сведены в одну Кавказскую кавалерийскую дивизию, а из казачьих полков образованы 1-я и 2-я Кавказские казачьи дивизии. «В общем, — считает Керсновский, — качество русской конницы в 80-х и 90-х годах заметно снизилось, и она приблизилась скорее к типу ездящей пехоты. Реформа генерала Сухотина останется в ее истории печальным памятником бездушного материализма и рационализма, владевших умами руководящих русских военных кругов» (там же, с. 21). Крен в кавалерии был сделан на тактическую подготовку. Определенную роль сыграли новые инструкции и наставления, в частности «Инструкция для действия в бою отрядов из всех родов оружия» (1882); «Воинский устав пешего строя кавалерии» (1884); новая редакция «Строевого кавалерийского устава» (1884), «Инструкция для маневрирования с боевой стрельбой отрядов из трех родов оружия» (1889); «Устав внутренней службы в кавалерии» (1889).

Утешительнее обстояли дела в артиллерии, стараниями своего генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича остававшейся на своей всегдашней высоте. Она была вся перевооружена клиновыми орудиями образца 1877 г. хорошего баллистического качества, бившими на 4,5 версты. В целом резко повысилась дальность стрельбы и эффективность действия огня. Стало возможным вести навесную стрельбу. В период 1889—

1894 гг. сформировано 5 мортирных полков по 4—5 батарей в шесть 6-дюймовых мортир. В рассматриваемый нами период военное ведомство направило в войска ряд новых инструкций и наставлений, которые разрабатывали основы тактики артиллерии и способы ее использования со всеми родами. В частности, были изданы: в 1882 г. «Инструкция для действия в бою артиллерии в связи с другими родами войск»; в 1884 г. «Устав орудийного и батарейного учения пешей артиллерии»; в 1886 г. «Наставление для обучения полевой артиллерии стрельбе», «Правила стрельбы полевой батареи»; в 1889 г. «Правила для совокупного действия группы батарей полевой артиллерии» и др.

В 1891 г. сформирован горноартиллерийский полк, в котором испытывались горные орудия различных образцов. Как это ни кажется странным, горная артиллерия никогда не находилась в центре внимания руководящих кругов, несмотря на то, что русская армия почти всегда воевала в горах и войска очень ценили эти маленькие, подвижные, тактически неприхотливые пушки с их моментальной готовностью к стрельбе с любой позиции.

Серьезные усилия были предприняты для укрепления обороны государства. Сооружены новые крепости, преимущественно на наиболее угрожаемом Западном фронте. Развернуты работы по приведению старых укреплений в соответствие современным требованиям инженерного искусства, сооружены линии железных дорог, имеющие большое стратегическое значение (Закаспийская и др.). В 1887 г. принято новое положение об управлении крепостями, объединившее деятельность крепостного управления в руках коменданта.

В связи с усиленным строительством крепостей на западной границе значительно увеличен состав инженерных войск. В конце царствования Александра III их насчитывалось 26 батальонов (21 саперный, 5 железнодорожных).

Совершенствовалась их подготовка. Вслед за саперными и крепостными частями появились специальные войска связи (части телеграфные, самокатчиков, воздухоплавательные и железнодорожные). Для их обучения также были изданы соответствующие инструкции и наставления. Железнодорожные войска принимали, в частности, деятельное участие в строительстве железных дорог в Средней Азии и Сибири. Главное внимание в их подготовке обращалось на отработку скоростных способов постройки полевых дорог. Неплохой опыт этого, например, был получен на маневрах 1890 г. под Луцком (38б, ф. 802, оп. 3, д. 2168).

В местных войсках была введена новая организация, значительно сократившая их личный состав. В целях поддержания

соответствия сил с предполагаемым противником сформировали 4-х новых корпуса (XVI—XIX).

Перемена внешнеполитической обстановки сказалось и на дислокации войск. В 1882—1884 гг. вся кавалерия (за исключением 1-й и 10-й дивизий) сосредоточилась в Западных пограничных округах. Туда же двинута треть Кавказских войск. В 1883 г. простилась с Кавказом 41-я пехотная дивизия, в 1888 г. за ней последовала на запад 19-я и ряд конных полков. Тогда был расформирован II Кавказский корпус и образованы управления новых корпусов — XVI в Виленском и XVII в Московском округах. Из Казанского округа двинуты в пограничные все полевые войска (40-я, а затем и 2-я пехотные дивизии) и там оставлены только резервные бригады. В Московском округе резервные войска составляли треть общего числа пехотных батальонов. В 1894 г. в Санкт-Петербургском округе образован XVIII армейский корпус.

Подготовка офицерских кадров

Офицеры как военные профессионалы всегда составляли стержень и костяк армии и являлись надежной опорой государства. Они определяли лицо и качество армии. Каков был офицер, такова была и армия. К периоду царствования Александра III офицерский корпус России делился на три категории: обер-офицеров (младший офицерский состав), штаб-офицеров (старший офицерский состав) и генералов. В состав обер-офицеров в пехоте, артиллерии и инженерных войсках входили прапорщики, подпоручики, поручики, штабс-капитаны и капитаны; в кавалерии — корнеты, подпоручики, поручики, штаб-ротмистры; в казачьих войсках — хорунжии, сотники, подъесаулы и есаулы.

К штаб-офицерским чинам относились майоры (за исключением гвардии), артиллерии и инженерных войск, где этот чин отсутствовал), подполковники (за исключением гвардии) и полковники.

Генеральских чинов было четыре: генерал-майоры, генерал-лейтенанты, генералы и генерал-фельдмаршалы. При этом генералы именовались по роду войск: от инфантерии, от артиллерии, от кавалерии и инженер-генерал.

При переходе из гвардии в армию офицер обычно повышался на один чин. При переходе же из армии в гвардию, наоборот, соответственно понижался.

Система офицерских чинов была серьезно изменена приказом Ванновского № 244 от 30 августа 1884 г. Чин майора в армии был упразднен, и тем самым устранено преимущество в один чин над офицерами армейской пехоты и кавалерии офицеров специальных войск и ведомств, а у гвардии осталось преимущество только в

один чин. В казачьих войсках чин подполковника был заменен чином войскового старшины, который раньше соответствовал майору, и введен чин подъесаула, равный штабс-капитану. В июле того же года во всех родах войск в мирное время упразднен чин прапорщика, а чин корнета в кавалерии приравнен к чину подпоручика. Чин прапорщика с тех пор существовал только для офицеров запаса (в том числе и кавалерии). Таким образом, были устранены неудобства и несообразности, проистекавшие из несоответствия классов одних и тех же чинов в разных родах войск и установлена единая стройная система (см. табл. 2).

Таблица 2

Система офицерских чинов армии при Александре III

Класс	Армия (кроме кавалерии)	Кавалерия	Казачьи войска	Гвардия
VI	полковник	полковник	полковник	полковник
VII	подполковник	подполковник	войсковой старшина	капитан (ротмистр)
VIII	капитан	ротмистр	есаул	штабс-капитан (штаб-ротмистр)
IX	штабс-капитан	штаб-ротмистр	подъесаул	поручик
X	поручик	поручик	сотник	подпоручик (корнет)
XI	подпоручик	корнет	хорунжий	—

Как видно из таблицы 2 (см. 85б, с. 45), классы всех обер-офицерских чинов по общегосударственной Табели о рангах были подняты (капитана — с IX до VIII, штабс-капитана — с X до IX, поручика — с XII до X, подпоручика — с XIII до XII). Чин прапорщика, существовавший только в военное время, считался теперь в XIII классе вместо XIV. Такой вид система сухопутных чинов имела до самого конца существования русской армии.

Напомню, что с ноября 1855 г. на виц-мундирах было введено ношение погон вместо эполет. Позднее эполеты заменяются офицерскими погонами на походной форме. С 1882 г. на всех видах офицерской формы, кроме парадной носились только погоны.

Некоторые изменения были введены в постановке военно-учебного дела. Упор был сделан на милитаризацию образования и воспитания. В 1882 г. военные гимназии были вновь преобразованы в кадетские корпуса, обучение в которых продолжалось 6—7 лет. В 1883 г. учрежден новый Донской кадетский корпус на 420 воспитанников, в 1887 г. — 2-й Оренбургский (на 300). При-

нимались меры, чтобы превратить эти корпуса в чисто дворянские учебные заведения Были сокращены курсы общеобразовательных наук. Вместо гражданских воспитателей были назначены офицеры, введены строевые занятия и учреждены летние лагеря для кадетов. Усилена военно-физическая подготовка. В военных и юнкерских училищах, где обучались 2—3 года, усилили специальное образование. С 1885 г. некоторые училища принимали только окончивших кадетские корпуса. Обучение в юнкерских училищах включало в основном предметы военного дела в объеме знаний, необходимых командиру взвода (роты). Выпускникам этих училищ присваивался чин подпрапорщика (подхорунжего). Первый обер-офицерский чин прапорщика (с 1884 г. — подпоручика), хорунжего они получали лишь после определенного срока службы в войсках. В 1886 г. Военное министерство открыло при Московском, Киевском, Елизаветградском юнкерских училищах отделения с военно-училищным курсом для подготовки обер-офицеров, предназначавшихся для занятия более высоких должностей. Вскоре из юнкерских училищ (с годичным курсом) стали выпускать подпрапорщиков на правах младших офицеров. Подпрапорщики эти через год-другой производились непосредственно в подпоручики. К началу царствования Александра III функционировали Павловское, Константиновское, Александровское пехотные училища и Николаевское кавалерийское. В 1894 г. Константиновское военное училище было преобразовано в артиллерийское. Постепенно все общевойсковые училища увеличивали свою емкость. В 1881 г. произведено 1750 офицеров, в 1895 г. — 2370. Помимо общевойсковых учебных заведений существовали и специальные военные училища, готовившие офицеров артиллерии, инженерных войск и специальных родов службы (топографической, юридической). В 1882 г. открыты офицерские школы — стрелковая, артиллерийская (для практического совершенствования кандидатов в ротные и батарейные командиры) и электротехническая, в офицерских школах усовершенствования командного и инженерно-технического состава, появившихся в 90-е гг. обучались один год, в академиях учились от 3 до 5 лет. Николаевская академия Генерального штаба являлась главным центром подготовки общевойсковых командиров и специалистов штабной службы. Для 80-х гг. в ней заметен подъем военно-научной работы, чему в немалой степени способствовали профессора Г. А. Леер, П. К. Гудим-Левкович, Н. Н. Сухотин, П. Л. Лобко, М. А. Газенкампф, А. К. Пузыревский, А. Н. Куропаткин, А. Ф. Редигер и др. Наплыв кандидатов в Генеральный штаб побудил с 1885 г. принимать в академию по конкурсу (трехлетний строевой ценз для кандидатов был установлен еще в 1878 г.). Соответствующих специалистов готовили Михайловская артиллерийская, Николаевская инженерная и Военно-юридическая академии. В 1883 г. был открыт Курс восточных языков при школе МИД. На этом Курсе в течение трех лет преподавались арабский, персидский, турецкий и татарский языки, международное и мусульманское право. Ежегодно принимались 5 офицеров, которые по окончании курса обязаны были прослужить в Азии не менее 4,5 года. Первый выпуск состоялся в 1886 г., всего же в 1886—1894 гг. окончили курс 45 офицеров. Затем для подготовки офицеров знающих китайский язык, в конце 1890 г. высочайше было разрешено иметь двух стипендиатов в школе, образованной Министерством внутренних дел в г. Урге и через год командировать из Омского округа одного казачьего офицера, на 2 года в Кульджу (197а, с. 233).

Таким образом, число военно-учебных заведений, состоявших к 1 января 1881 и 1895 гг., видно из следующих данных (таблица 3).

Таблица 3

Число военно-учебных заведений в 1881—1895 гг.

Военно-учебное заведение	1881 г.	1895 г.
военная академия	4	4
курс восточных языков	—	1
Пажеский Е. И. В. корпус (с общими и специальными классами)	1	1
военное училище	6	6
Финляндский кадетский корпус (с общими и специальными классами)	1	1
приготовительные классы Пажеского корпуса	1	—
приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища	1	—
военная гимназия	18	—
кадетский корпус	—	20
приготовительная школа кадетского корпуса	—	2
военная прогимназия	8	—
военная школа	—	2
Военно-топографическое училище	1	1
юнкерское училище	16	12
юнкерское училище с военно-училищным курсом	—	2
Училищная семинария военного ведомства	1	—
педагогич. курсы при 2-й петерб. военной гимназии	1	—

К концу 90-х гг. в кадетских корпусах обучалось около 12 тыс. человек, в военных училищах — 5,5 тыс. человек, юнкерских училищах — 2,8 тыс. человек, в академиях около 850 человек.

Среднегодовой выпуск офицеров достигал 2 тыс. человек, что позволяло обеспечить до 80% вакансий в армии и на флоте.

Перевооружение армии

План перевооружения русской армии был утвержден 18 июля 1888 г. Он предусматривал переоснащение войск малокалиберными винтовками, перевооружение полевой артиллерии дальнобойными орудиями и замену крепостной артиллерии орудиями крупных калибров (40, ф. 169, карт. 34, д. 1). После испытания многих систем, как русских, так и зарубежных, в апреле 1891 г. Военное министерство представило Александру III доклад «Об утверждении образца пачечного трехлинейного ружья, предложенного капитаном Мосиным».

Император утвердил решение военного ведомства, и новая конструкция получила название «трехлинейная винтовка образца 1891 г.». С. М. Мосину было присвоено звание полковника и выдано вознаграждение 30 тыс. руб. Кроме того, в 1891 г. Мосину была присуждена Михайловская премия (бельгийскому фабриканту Леону Нагану выдана премия в 200 тыс. руб., хотя его система и не была принята). Перевооружение войск винтовками Мосина осуществлено в 1893—1895 гг. сперва в пехоте, начиная с пограничных округов, затем и в коннице (получившей облегченную и укороченную винтовку драгунского образца). Трехлинейная винтовка Мосина зарекомендовала себя блестяще. Имея прицел на 3200 шагов, она значительно превосходила простотой конструкции и баллистическими качествами ружья всех остальных европейских армий.

Несмотря на то, что в ряде стран сумели создать конструкции с большей дальностью действительного выстрела, русская трехлинейка оказалась более совершенной и более надежной. Неслучайно она свыше 30 лет находилась на вооружении русской армии и затем еще многие годы служила Красной Армии.

В 1881 г. были приняты новые образцы холодного оружия: шашки драгунские и казачьи, а в 1886 г. — артиллерийские. При этом в устройство клинков и эфесов внесены существенные улучшения, а ножны к ним приняты деревянные, обтянутые кожей. До 1883 г. все холодное оружие положено было в мирное время содержать в затупленном виде, оттачивая его лишь при мобилизации. В 1883 г. было положено содержать его в отточенном виде (кроме пик), производя при мобилизации лишь отточку. В 1881 г. тесаки как оружие, не имеющее боевого значения, были изъяты из вооружения строевых нижних чинов пехоты и оставлены лишь музыкантам, барабанщикам и горнистам. Кроме того, они на

мирное время были оставлены в гвардейских частях, для носки вне строя. Перевооружение войск шашками нового образца было начато в 1883 г. и закончено в 1886 г. (197а, с. 150—151).

В 1882 г. Ванновскому удалось завершить в полевых войсках замену стальными орудиями все устаревшие системы, которые были переданы на вооружение крепостей (197а, с. 155—156). С 1881 по 1891 г. проводилось укомплектование резервной и запасной артиллерии. В 1887 г. на вооружение была принята 6-дюймовая мортира — гаубица, созданная двумя годами ранее А. П. Энгельгардтом. Следует подчеркнуть, что европейские армии не имели тогда еще гаубичной артиллерии, получившей со временем широкое применение. Вес орудия составлял 1800 кг (1300 кг в походных условиях), вес снаряда — 25,4 кг, дальность стрельбы — 3200 м, скорость стрельбы — 4 выстрела в минуту, начальная скорость — 231, 8 м в секунду при крутой траектории. Гаубичная артиллерия обеспечивала разрушение всех типов полевых инженерных сооружений. С 1887 по 1895 г. было изготовлено 72 орудия, что позволило создать 3 мортирных полка в составе 4 шестиорудийных батарей каждый (202, с. 154). Принимались также меры по совершенствованию крепостной, осадной и береговой артиллерии, что требовало значительных средств. Хотя число орудий новейших образцов значительно увеличилось (на 2987 орудий), но общее количество орудий, положенных на вооружение крепостей, возросло всего на 521 орудие, что объясняется, главным образом, сокращением некоторых укрепленных пунктов, потерявших значение, в особенности упразднением крепостей Двинска, Киева и Бендер, а также заменою орудий устаревших типов новыми, современных образцов (197а, с. 169). Укомплектование осадной артиллерии шло медленно из-за недостаточного ассигнования потребных денежных средств. Кроме того, ретрограды военного дела во главе с Драгомировым яростно восставали против технических новшеств, усматривая в технике «гибель духа».

Переход к производству казнозарядных ружей и стальной артиллерии требовал особых марок железа и стали и, конечно, новых взрывчатых веществ. В 1894 г. после серии испытаний в артиллерии был принят бездымный порох.

Как справедливо отметил в своей обстоятельной книге о вооруженных силах России XIX в. историк Л. Г. Бескровный, руководители Военного министерства в конце означенного столетия продолжали мыслить устаревшими понятиями при определении текущей потребности и мобилизационных запасов оружия. И когда в начале XX в. возникла потребность увеличения армии в несколько раз, русская военная промышленность оказалась не готовой к

обеспечению своих войск дальнобойным казнозарядным стрелковым и артиллерийским вооружением. Военная промышленность оказалась неподготовленной к решению новых задач (68, с. 397).

2. МЕРЫ ПО УСИЛЕНИЮ ФЛОТА

Управление флотом

Стремясь укрепить военно-морское дело в России, Александр III в мае 1881 г. вместо великого князя Константина Николаевича управляющим флота и морским ведомством, а с июля — главным начальником флота и морского ведомства с правами, предоставленными генерал-адмиралу, назначает своего брата великого князя Алексея Александровича. Как отмечает академик А. Н. Крылов: «...на вопрос «что такое Алексей?» острослов Михаил Ильич Кази (долгое время бывший начальником Балтийского завода) ответил: «Семь пудов августейшего мяса» (166а, с. 134). Родился Алексей 2 января 1850 г. в С.-Петербурге и был четвертым сыном Александра II и императрицы Марии Александровны. Уже в день рождения он был зачислен его дедом Николаем I в Гвардейский экипаж, то есть со дня рождения предназначался к морской службе. Получил домашнее образование. В 1858—1874 гг. воспитывался под руководством известного ученого-мореплавателя капитана 1-го ранга, а затем контр-адмирала К. Н. Посьета (впоследствии министра путей сообщения). В январе 1857 г. получил чин мичмана. С 10-летнего возраста начал плавать во внутренних и заграничных морях, на разных судах, под руководством своего воспитателя проходя теоретический курс обучения морским наукам. 13 сентября 1868 г. фрегат «Александр Невский», на котором Алексей служил в чине лейтенанта потерпел крушение в проливе Скагеррак у берегов Ютландии. В 1870 г. он совершил путешествие по внутренним водным системам из С.-Петербурга в Архангельск, после чего в должности вахтенного начальника на корвете «Варяг» вернулся морем в Кронштадт. В 1871—1873 гг. на винтовом фрегате «Светлана» плавал в Северную Америку, Японию и Китай, а затем возвратился в С.-Петербург сухопутным путем через всю страну с востока на запад. В июле 1873 г. получил звание капитана 1-го ранга. В 1873—1881 гг. командовал Гвардейским экипажем. С февраля 1874 г. одновременно командовал фрегатом «Светлана». С декабря 1874 г. член кораблестроительного и артиллерийского отделений Морского технического комитета, участвовал в подготовке реформ морского ведомства и создании парового броненосного флота. С января 1875 г. почетный член Об-

щества для содействия русскому торговому мореходству. С января 1877 г. почетный член Николаевской морской академии. В июне 1877 г. произведен в контр-адмиралы с зачислением в свиту Его Императорского Величества. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: состоял начальником всех морских команд на Дунае. За успешную проводку понтонов из Никополя в Систово мимо неприятельских позиций и охрану переправы русских войск награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4 степени. В феврале 1880 г. назначен генерал-адъютантом, в январе 1881 г. — членом Государственного совета.

В мае 1881 г., как указано выше, Алексей Александрович возглавил морское ведомство. Одновременно возглавил Особое совещание по усилению русского военного флота. Участвовал в разработке 20-летней судостроительной программы (1881), последующих планов военно-морского строительства. С февраля 1882 г. вице-адмирал, а в мае 1883 г. возведен в звание генерал-адмирала. В январе 1888 г. получил чин адмирала. В январе 1892 г. назначен членом Комитета министров и шефом Морского кадетского корпуса. Состоял покровителем Общества для содействия русской промышленности и торговле. В 1886 г. за службу пожалован орденом Св. Владимира I степени.

Большинство современников сходились в оценке Алексея Александровича. Гр. С. Ю. Витте писал: «Это был прекраснейший человек, весьма добрый, никому не делавший зла, очень приятный в своих сношениях, имеющий то качество, которым должен обладать великий князь, а именно благородство... Великий князь Алексей Александрович был любимым братом Александра III, поэтому он имел большое влияние. Человек он был во всех отношениях достойный и прекрасный, но человек, который своих собственных государственных идей и вообще серьезных идей не имел. Он был скорее склонен к личной удобной, приятной жизни, нежели к жизни государственной. Он имел тот недостаток, что не был женат, а потому всегда находился под влиянием той дамы, с которой он в данное время жил».

По словам князя Гавриила Константиновича, «он был очень похож на своего брата, Александра III, но красивее его». «Это был один из самых красивых по внешности членов императорской фамилии, — вспоминал генерал-лейтенант А. А. Мосолов. — Я убедился в Париже, насколько он поражал своей наружностью. Как-то, гуляя на бульварах, я заметил впереди себя высокого мужчину. Прохожие, видя его, останавливались, а некоторые даже восклицали: «Какой красавец!» Подойдя ближе, я узнал великого князя в штатском платье, с покупками в руках... Алексей Алек-

сандрович был человеком атлетической силы, обладал большой жизненной энергией и любил военно-морскую среду, в которой провел большую часть своей жизни. Он жил в прекрасном дворце на Мойке, где, правда, весьма редко, но все же иногда устраивал балы, но зато весьма блестящие и роскошно обставленные.

Давались они главным образом в царствование брата великого князя, императора Александра III, который временами их посещал. По свидетельству вел. князя Александра Михайловича, А. А. пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи, хотя его колоссальный вес послужил бы значительным препятствием к успеху у современных женщин. Светский человек с головы до ног, которого баловали женщины, Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку... Трудно себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Не интересуясь решительно ничем, что бы не относилось к женщинам, еде или же напиткам, он изобрел чрезвычайно удобный способ для устройства заседаний Адмиралтейств-совета. Он приглашал его членов к себе во дворец на обед. И после того как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей, радушный хозяин открывал заседание Адмиралтейств-совета традиционным рассказом о случае из истории русского парусного военного флота» (50, с. 133—134).

В то же время современники единодушно считали, что Алексей Александрович в отличие от своего дяди вел. князя Константина Николаевича, флотскими делами занимался мало и слабо в них разбирался. А. Н. Крылов, критически оценивая деятельность Алексея Александровича, писал: «За 23 года его управления флотом бюджет возрос в среднем чуть ли не в пять раз; было построено множество броненосцев и броненосных крейсеров, но это «множество» являлось только собранием отдельных судов, а не флотом (166а, с. 134). Все это привело к негативным последствиям (развитию казнокрадства в морском ведомстве, замедлению темпов технического перевооружения флота, снижению его боеспособности) и в конечном счете разгрому русского флота при Цусиме. Хотя в этом был виноват не только он. 2 июня 1905 г. в ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. Алексей Александрович освобожден от должности главного начальника флота и морского ведомства с оставлением в звании генерал-адмирала.

Последние годы большей частью провел во Франции. Скончался в Париже 1 ноября 1908 г. от воспаления легких на 59-м

году жизни. Похоронен в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора С.-Петербурга.

Женат не был. В конце 1860 — начале 1870-х гг. состоял в связи с фрейлиной императрицы, дочерью известного поэта В. А. Жуковского Александрой Васильевной Жуковской (1842—1899), ставшей впоследствии женой барона фон Вормана. В 1871 г. они просили императрицу Марию Александровну разрешить им повенчаться, но получили категорический отказ. Тайно обвенчались в Италии, но брак был аннулирован Александром II. В конце 1871 г. А. В. Жуковская родила в Зальцбурге сына Алексея, получившего титул барона Седжиано. Указом Александра III от 21 марта 1884 г. барон Алексей Седжиано возведен с нисходящим потомством в графское Российской империи достоинство с присвоением ему отчества Алексеевич и фамилии Белевской. Он был женат на княжне Марии Петровне Трубецкой (род. 1870 г.), младшей дочери действительного статского советника С.-Петербургского уездного предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкого. Накануне Первой мировой войны гр. А. А. Белевской-Жуковский состоял шталмейстером высочайшего двора. После октябрьского переворота 1917 г. остался в России. В 1932 г. был расстрелян в Тбилиси. Он имел сына Сергея Алексеевича (ум. 1953) и двух дочерей. Одна из них, гр. Мария Алексеевна (1901—1996), в первом браке была за В. В. Свербеевым, во втором — за В. А. Янушевским. Скончалась она в Париже.

После романа с А. В. Жуковской Алексей Александрович не на шутку увлекся младшей сестрой знаменитого генерала М. Д. Скобелева, красавицей Зиной (называемой Зинок), которая с 1878 г. состояла в морганатическом браке с герцогом Евгением Максимилиановичем Лейхтенбергским. В 1889 г. получила титул графини Богарнэ. «С наружностью и приемами французской горизонталки, — писал о ней С. Д. Шереметев, — она соединяла чары своего прекрасного и обработанного голоса» (411, с. 103). Не случайно вел. князь Александр Михайлович свидетельствовал: «Когда я упоминаю ее имя, я отдаю себе отчет в полной невозможности описать физические качества этой женщины. Я никогда не видел подобной ей во время моих путешествий по Европе, Азии, Америке и Австралии, что является большим счастьем, так как такие женщины не должны попадаться часто на глаза. Когда она входила, я не мог оставаться с ней в одной комнате. Я знал ее манеру подходить в разговоре очень близко к людям, и я сознавал, что в ее обществе я становлюсь безответственным за свои поступки. Все молодые великие князья мне сочувствовали, так как каждый страдал при виде ее так же, как и я. Находясь в обществе очаровательной Зины, единственно, что оставалось

сделать, это ее обнять...» Алексей Александрович становится неизменным спутником четы Лейхтенбергских. Герцог, «услужливый муж, почти постоянно пьяный», смотрел на этот роман сквозь пальцы, поэтому во время совместного путешествия по Европе неразлучную троицу нарекли, как manage royal á trois — «августейшая любовь втроем». Герцог, замечает Половцов, «лишенный всякого нравственного чувства негодяй, промышляющий тем, что вел. князь Алексей Александрович без памяти влюблен в жену герцогиню Богарнэ, которая вместе с мужем вытягивают из Алексея Александровича как можно больше денег» (296, т. 2, с. 396). Зинаида Дмитриевна с мужем часто посещала дворец великого князя, где чувствовала себя хозяйкой. Она открыто хвастала большим бриллиантом, полученным в подарок от Алексея по случаю своего дня рождения. Бомонд не упускал ни одного случая, чтобы позлословить о названной выше троице. «Одновременно со мной, — фиксирует Половцов, — находится в Париже вел. кн. Алексей Александрович, проживающий в отеле Continental с Зиной Богарнэ и ее пьяным мужем» (296, т. 1, с. 341). Несколько позже Половцов отмечает в своем дневнике: «Алексей... просит позволения поехать в Париж навестить Зину Богарнэ, о чем последняя прислала телеграмму через своего мужа... Государь очень смущен этим ходатайством, говорит, что разрешил бы эту поездку, если бы была хоть какая-нибудь возможность устроить ее под предлогом посещения строящихся за границей судов». На одном из приемов, наблюдая за князем, Половцов, пишет, что он «думает лишь о том, как бы без нарушения приличий улизнуть поскорее и вернуться к кровати Зины. Скука крупными чертами изображается на его лице» (296, т. 2, с. 307). Роман великого князя с герцогиней продолжался до самой кончины прелестницы в 1899 г.

Ближайшими сотрудниками Алексея Александровича по морскому делу были управляющие Морским министерством адмиралы И. А. Шестаков (с 1882 по 1888 г.) и Н. М. Чихачев (с 1888 по 1896 г.), сыгравшие выдающуюся роль в развитии отечественного флота.

Совершенствование системы руководства флотом при Александре III нашло свое выражение в «Положении об управлении морским ведомством» 1885 г. и «Наказе по управлению морским ведомством» 1888 г., разработанных комиссией члена совета государственного контроля вице-адмирала Жандра. Эта система учитывала замечания адмирала Шестакова и обеспечивала централизованное руководство флотом как боевой единицей. Она устанавливала управление технической частью в соответствии со значением различных специальных отраслей морского дела и

строго отделяла функции управления личным составом флота от управления хозяйственной его частью.

Период управления морским ведомством и флотом Алексея Александровича при Александре III характеризуется созданием мореходного броненосного флота, сравнительно быстрым развитием артиллерийского и минно-торпедного оружия, появлением минно-тральных сил и средств и изменением тактики военно-морского флота.

Строительство броненосного флота

Осложнение международной обстановки в связи со складыванием Тройственного союза поставило перед морским ведомством новые задачи.

Первый шаг к созданию нового броненосного флота был сделан в 1881 г., когда при Морском министерстве под председательством великого князя Алексея Александровича состоялось специальное совещание с участием военного министра и министра иностранных дел по вопросу дальнейшего развития военно-морских сил. На этом совещании были определены стратегические задачи по наращиванию морской мощи на Черноморском, Балтийском и Тихоокеанском театрах военных действий. В частности, совещание признало необходимым в случае возникновения войны на Дальнем Востоке войны с Японией или Китаем «откомандирование в воды Тихого океана эскадры из состава Балтийского и Черноморского флотов» (38 г, оп. 1, д. 35382, л. 9—11). Морское министерство тревожилось о скорейшем оборудовании Владивостока, ибо он являлся единственным военным портом открытого моря, способным стать базой крейсерских сил русского флота, и планировался использоваться для дислокации крупных эскадр, перебрасываемых сюда при необходимости с запада. Пока же корабли эскадры Тихого океана, состав которой менялся от условий военно-политической обстановки, вынуждены были проводить большую часть года в зарубежных портах, даже стран — потенциальных наших противников. В 1888 г. на тихоокеанской эскадре компетентная комиссия, председателем которой являлся капитан 1-го ранга С. О. Макаров, а в числе членов были капитаны 1-го ранга Н. И. Скрыдлов и Ф. К. Авелан, выработала план действий на случай войны. В то же время комиссия пришла к выводу, что порт Владивосток из-за своей неподготовленности не в состоянии снабдить целиком ни один корабль. К сожалению, своевременных мер по укреплению флота в этом регионе принято не было (см. 369, 2002 г., № 9, с. 48—49).

В отличие от 60—70-х гг., когда в России создавался оборонительный флот, в начале 80-х гг. было решено строить мощный

мореходный флот, способный вести активные наступательные действия. При этом броненосный флот по своей силе должен был превосходить на Балтике германский, а на Черном море турецкий флот. В соответствии с поставленными задачами Морским министерством была разработана обширная кораблестроительная программа, рассчитанная на 20 лет (1881—1900 гг.), утвержденная 20 мая 1882 г. Она предусматривала создание 217 боевых кораблей, в том числе 26 броненосцев, 32 крейсеров 1 и 2 рангов, 28 канонерских лодок и 131 миноносца (38 г, оп. 1, д. 14788, л. 38—40). Реализация этой программы началась в 1883 г., когда на верфях С.-Петербурга были заложены для Балтийского флота броненосец и два крейсера, а на верфях Николаева и Севастополя — три броненосца и четыре миноносца для Черноморского флота.

Казалось, дело воссоздания Черноморского флота шло быстро. Неслучайно в 1888 г. при посещении Александром III Кавказа на новороссийском рейде уже находились 2 новопостроенных броненосца, 5 броненосных канонерских лодок, 1 крейсер и 2 парохода — целый строй первенцев возрождающегося флота. Александра III не мог не порадовать этот успех, что было вскоре отмечено в высочайшем приказе № 233 от 15 октября 1888 г. на имя генерал-адмирала. «...В настоящее пребывание мое на юге, — говорилось в этом документе, — я убедился, что воля моя иметь там флот приводится в исполнение под руководством Вашим с настойчивостью и успехом. Я не мог без истинной радости смотреть на целую эскадру боевых судов, готовую стоять за права наши на Черном море. Труды по сооружению флота признательно оценят вместе со мной все, кому дороги честь, значение и спокойствие Отечества» (198а, с. 219).

В связи с тем, что Германия опережала Россию по наращиванию морской мощи, намеченная программа по строительству флота несколько раз корректировалась. Наиболее существенные поправки были внесены в 1885 и 1895 гг. Так в 1885 г. по предложению начальника Главного морского штаба адмирала Чихачева было решено ускорить строительство минного флота (миноносцев, эскадренных миноносцев и минных крейсеров) за счет некоторого сокращения численности запланированных к постройке броненосцев. Важным этапом в развитии русского судостроения стал спуск на воду в 1891 г. броненосного корабля «Наварин». В его создании участвовали крупные судостроители того времени корабельные инженеры В. В. Максимов, Г. А. Тучков, В. К. Берг и П. А. Титов. В последующем «Наварин» стал своего рода эталоном при создании броненосного флота России. Удачное расположение артиллерии главного калибра в носовой и кормовой башнях,

прикрытие всех главных механизмов и артиллерийских погребов броневой цитаделью, установка броневых казематов для артиллерии среднего калибра — все это стало классической схемой при строительстве броненосцев. К 1894 г. по судостроительной программе 1881 г. было построено 114 боевых кораблей, из них 17 броненосцев, 10 броненосных и неброненосных мореходных канонерских лодок, 8 минных крейсеров, 3 императорские яхты, 7 транспортов (за исключением транспорта «Якут», купленного в Англии), 3 учебных судна, 3 ледокола и 49 миноносцев (198, с. 89—90).

В то же время продолжались работы по созданию подводного корабля, способного вести боевые действия на море. Следует напомнить, что наиболее совершенная для того времени лодка была построена еще в 1866 г. по проекту И. А. Александровского. Она имела следующие размеры: длина — около 33 м, наибольшая ширина — 4 м, высота —3,6 м, водоизмещение 335 т. В качестве двигателя использовалась машина, работавшая на сжатом воздухе, хранившемся в баллонах. Хотя проведенные испытания в Финском заливе прошли успешно, однако Морское министерство, скептически относившееся к идее создания подводного флота, не выделило изобретателю средств для продолжения работ над ее усовершенствованием. Значительный вклад в создание подводных лодок внес С. К. Джевецкий, по проекту которого в 1879 г. были построены и испытаны две подводные лодки (одноместная и четырехместная), вооруженные минными аппаратами и приводимые в движение мускульной силой человека через ножной привод. На второй НЛ был впервые применен перископ. После одобрения Александра III, было построено 50 ПЛ конструкции этого инженера. В 1884 г. Джевецкий создал первую в мире ПЛ с электрическим двигателем, работающим от аккумуляторов.

В обозреваемый период коренным изменениям подверглась морская артиллерия. Особенность вновь созданных орудий, в сравнении с прежними того же калибра, заключалась, главным образом, в большей длине их при меньшем весе, в большей начальной скорости, сообщаемой снарядам без увеличения вредных давлений в канале орудия, в улучшении конструкции затворов, в скорострельности орудий не только мелких, но и средних калибров. В это же время были достигнуты довольно утешительные результаты также и в деле изготовления предметов боевого «снаряжения», как-то: пороха, снарядов, патронов и разных огнестрельных припасов. Из устройств, выполненных для удобства действия судовой артиллерии, нельзя не обратить внимания на электрические приборы для ночной стрельбы и приборы для управления

артиллерийским огнем. В течение всего 14-летнего периода, так же, как артиллерийское, непрерывно развивалось минное дело. Особую отрасль морского дела составило электрическое освещение. Все боевые суда были снабжены этим освещением.

Следует сказать, что судостроительная деятельность не была бы возможна без активно развивающихся судостроительных заводов и фабрик. При Александре III к построенным ранее заводам (Балтийскому, Ижорскому, Обуховскому, Севастопольскому, Николаевскому и др.) было привлечено до 15 частных вспомогательных заводов, из которых одни с успехом строили миноносцы и судовые механизмы, другие выделывали стенки, третьи производили разные поковки и отливки из стали, котельные работы, дымогарные и паровые трубы, работы по устройству водоотливной системы и т. п.

Забегая вперед, отметим, что к началу 1898 г. Россия занимала в Европе третье место по числу боевых судов. Великобритания имела 355 кораблей, Франция — 204, Россия — 107, Германия — 77 судов (106, с. 106). Наиболее слабым оказалось обеспечение Тихоокеанского флота. На этом театре Россия вдвое уступала возможным противникам — Японии и Англии. Россия имела 75, Япония — 108, Англия — 45 судов.

В связи со строительством броненосных кораблей и дальнейшим совершенствованием артиллерийского и минно-торпедного оружия менялась и морская тактика, основополагающий вклад в разработку которой внес выдающийся деятель русского флота, флотоводец и ученый С. О. Макаров.

При Александре III были также преобразованы корпуса инженеров-механиков и корабельных инженеров, увеличено число флотских экипажей, устроены порты Севастопольский, Порт-Артур, увеличено число эллингов, расширены доки в Кронштадте, Севастополе и Владивостоке. Был сооружен новый порт в г. Либаве, названный по высочайшему повелению Николая II 5 декабря 1894 г. именем его основателя — Портом императора Александра III (198, с. 113).

Серьезное внимание уделялось поддержанию и усилению Добровольного флота, созданного, как показано в § 6 пятой главы, при участии Александра III в бытность его цесаревичем.

Лучшей школой для повышения морской выучки офицеров и команд всегда признавались плавания, которые в то же время служили отличным средством и для проверки самого качества судов. Плавания придавали жизнь отечественному флоту, способствовали приобретению офицерами и командами истинно морского духа, в котором их мощь и главная сила. Понимая это,

Морское министерство принимало меры к возможно большему развитию как внутреннего, так и заграничного плаваний, не останавливаясь перед значительностью на них денежных затрат. При Александре III эти затраты составили огромную цифру — более 75 млн руб. В период с 1881 по 1895 г. в заграничном плавании, ближнем и дальнем, находилось 308 судов, на которых перебывало 4972 офицера, или 22,08% к числу всех, находившихся в плаваниях, и 61 679 матросов (соответственно 22, 8%).

Главной и суровой проверкой морской подготовки продолжали считаться плавания в водах Тихого океана. За обозреваемый период такие плавания совершили 3284 офицера и 42 097 матросов. В Средиземном море за это же время побывало 1362 офицера и 15 036 матросов, а непосредственно в Атлантическом океане — 327 офицеров и 4516 матросов (там же, с. 123—124).

Плавания в Атлантическом океане начались в 1889 г. Тогда были посланы в 3-месячное крейсерство фрегат «Генерал-адмирал», на котором в чине мичмана плавал вел. князь Георгий Александрович, и в годовое плавание — фрегат «Минин» с новобранцами последнего призыва. В 1890 г. с целью ознакомления с отдаленными краями отечества было совершено плавание наследника цесаревича Николая Александровича (см. § 2, гл. 16).

Начиная с 1883 г. Морское министерство, помимо обычных рейдовых учений со стрельбой из орудий и минами на якоре и на ходу, начало проводить специальные маневры. С каждым годом программа их совершенствовалась. Маневры 1884—1886 и 1889 гг. проходили в присутствии Александра III. Чтобы маневры происходили в условиях, приближенных к боевым, в состав практической эскадры назначались суда всех типов. Программы маневров предусматривали нападение, самооборону, разведку и испытания целесообразности размещения береговых укреплений и крепостных орудий. По просьбе военного ведомства таким образом были проверены укрепления Динамюнде и Кронштадта.

Смотры флота в присутствии императора обычно проводились на кронштадтском рейде и только дважды в других местах: 19 августа 1892 г. — в Бьорк-э-Зунде и 12 августа 1893 г. — в Либаве. Вместе с действующей эскадрой в Балтийском море плавали особые практические отряды: учебно-артиллерийский, учебно-минный и др. В 1893 г. гардемарины были расписаны на суда практической эскадры Балтийского и Черного морей на три месяца, а четвертый плавали на учебном судне «Скобелев» (198, 134—135).

Почти с самого начала царствования Александра III перед Тихоокеанской эскадрой была поставлена новая задача: оберегать отече-

ственные морские промыслы от иностранных хищнических судов в наших водах Тихого океана, у побережья Сахалина, Камчатки и Командорских островов, для чего ежегодно назначалось по одному клиперу. Эти плавания на Крайнем Севере, на судах мало приспособленных к этому, всегда были исключительно трудны. И только экстренные меры, принимавшиеся Морским министерством к снабжению команд теплыми полушубками, к приспособлению жилых палуб для возможной защиты судового экипажа от холодных и сырых погод, предохраняли команды от общих простудных заболеваний. Несмотря на суровость климата и вообще на тяжелую обстановку плаваний под северными широтами, здоровье команд, в общем, за весь рассматриваемый период оставалось удовлетворительным. В результате неусыпной деятельности клиперов было конфисковано 12 хищнических английских и американских шхун с большим количеством дорогих котиковых шкур. Все менее стали повторяться случаи несанкционированного посещения наших морских просторов иностранными судами (198, с. 126—127).

Учитывая мирный период царствования Александра III, нельзя не упомянуть о неоднократных посещениях Кронштадта военными судами различных наций, свидетельствующих о взаимных дружественных к России отношениях соседних морских держав. Так, в 1881 г. Кронштадт посетила английская резервная эскадра под флагом Его Королевского Высочества принца Альфреда, состоявшая из 9 судов, и в то же лето — датские королевская яхта и паровой крейсер. В 1882 г. побывал бразильский учебный корвет, в 1883 г. по случаю торжества коронования Их Императорских Величеств — американский корвет под флагом контр-адмирала Больдвича; в 1886 г. — австро-венгерский учебный фрегат и датский учебный корвет. В 1887 г. состоялось посещение Кронштадта германским императором Вильгельмом II на яхте «Гогенцоллерн» и германской эскадрой из 10 судов; в 1890 г. на той же яхте германский император вторично посетил наши воды, тогда же прибыли датский учебный корвет и нидерландский фрегат; в 1891 г. — французская эскадра из 8 судов под флагом контр-адмирала Жерве.

Выдающимся событием 1893 г. явилась та роль, которая по воле Александра III, выпала на долю русского флота в деле тесного политического сближения с Францией. Наша средиземная эскадра, состоявшая из пяти боевых судов под флагом контр-адмирала Ф. К. Авелана сделала ответный визит на посещение французской эскадрой Кронштадта в 1891 г. и посетила Тулон, вызвав ряд небывалых торжеств в честь России и ее флота. Не меньшей торжественностью отличалось также посещение нашими военными судами Северо-Американских Соединенных Штатов в том же 1893 г. для участия в международном морском торжестве в

Нью-Йорке по случаю открытия в г. Чикаго Всемирной выставки в память 400-летия со времени открытия Америки Христофором Колумбом. Эскадра наша состояла из пяти броненосных судов, со 182 офицерами и 2472 матросами, где и пробыла до конца июля под флагом вице-адмирала Н. И. Казнакова. Надо отметить, что на американцев произвели благоприятное впечатление молодецкая выправка наших матросов и их бравый вид.

К сожалению, не все гладко проходило на флотах. За рассматриваемый период Морское ведомство имело несчастье потерять в водах Тихого океана крейсер 1-го ранга «Витязь» (командир капитан 1-го ранга Зарин), получивший значительные повреждения в подводной своей части вследствие удара о гряду камней у входа в порт Лазарев, не показанных на карте. Несмотря на энергичные работы для съемки крейсера с гряды, в которых принимали участие все суда тихоокеанской эскадры и владивостокского порта, разразившийся 4 июля 1893 г. шторм разбил крейсер волнами. Из команды его никто не погиб, к тому же с судна заблаговременно были свезены орудия и прочие принадлежности его вооружения.

Были и людские потери. В октябре 1889 г. в Тихом океане погибла на пути с Тюленьего острова шхуна «Крейсерок», на которой возвращались во Владивосток офицер и 19 матросов Сибирского экипажа, по окончании в том году срока караульной службы на означенном острове. Шхуну «Крейсерок», вместе с арестованной ею американской хищнической шхуной «Роза», на которую перед возвращением во Владивосток была переведена часть команды, захватил в пути сильный ветер с туманом, из-за чего оба судна потеряли друг друга из виду и разбились: «Роза» — у мыса Терпения, а «Крейсерок» — в Японском море. Последнюю шхуну, уже разбитую, выбросило на берег острова Маумая, в 15 милях к югу от мыса Соя. Из команд спасся один только квартирмейстер со шхуны «Роза». Произошло это во второй половине октября — месяце вообще для плавания в водах Тихого океана неблагоприятном (198, с. 128).

На Балтийском море 7 сентября 1893 г. произошло крушение броненосца береговой охраны «Русалка», идущего из Ревеля в Гельсингфорс. Потеря судна как боевой единицы для нашего флота не могло иметь особо важного значения, поскольку броненосец принадлежал к числу старых судов. Чувствительная сторона этого происшествия заключалась в потере людей — 12 офицеров и 165 матросов (там же, с. 135—136). Отрадно только то, что русское общество близко приняло к сердцу постигшую беду и щедрым пожертвованием, в котором приняли участие все сословия, не замедлило обеспечить семьи безвременно погибших моряков. Поиски броненосца, к сожалению, не имели успеха, и он

был исключен из списка судов. Крушение это по справедливости можно отнести к тем печальным случайностям в море, от которых не гарантированы в плавании ни одна жизнь, ни одно судно.

3. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ ПО АРМИИ И ФЛОТУ

В рассматриваемый период развитие вооруженных сил страны происходило под неусыпным вниманием Александра III, который искренне стремился к укреплению русской военной мощи, отслеживал подбор высшего командного состава, регулярно принимал доклады Ванновского и великого князя Алексея Александровича о состоянии армии и флота, присутствовал на крупнейших маневрах и смотрах. Были осуществлены серьезные меры в области комплектования, организации и развертывании войск, введены специальные войска связи. Значительно возросло число обученного запаса, созданы кадры ополченческих частей, увеличена сеть стратегических железных дорог. Большой вклад в дело организации производства вооружения и судостроения внесли отечественные ученые, конструкторы и металлурги, что дало возможность создать первоклассные образцы казнозарядного стрелкового оружия, развить сталепушечное производство, провести перевооружение армии и построить крупный броненосный флот.

В то же время ограниченность финансовых средств препятствовала нормальному развитию вооруженных сил. Одним из важных недостатков являлась недооценка грамотности личного состава армии и флота. В рассматриваемый период, вплоть до 1902 г., обучение грамоте солдат и матросов фактически было запрещено, чему в милютинский период придавалось большое значение. Естественно, обучение войск в большей степени походило на дрессировку, нежели на подготовку разумного, инициативного солдата, способного к активным самостоятельным действиям.

4. ИТОГИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ

Внутренняя политика во время царствования Александра III носит отпечаток самобытности и оригинальности характера его личности. Новый император с первого дня своего правления был настроен возвратить стране внутреннее спокойствие, поднять духовно-нравственное развитие народа и улучшить его благосостояние. На выполнение этих задач были нацелены все усилия правительства, которые выражались в дальнейшем возвышении самодержавной власти и ее органов, укреплении дворянского сословия, повышении эффективности экономики России, усилении роли православия и обрусении страны. Ревизии были подвергнуты практически все реформы предыдущего царствования. Отход от курса на модернизацию политической системы был закреплен манифестом 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия» и принятии 14 августа того же года «Положения о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия».

Первыми жертвами нового курса стали печать и школа. 27 августа 1882 г. вступили в силу новые «временные правила» о печати, устанавливающие строгий административный надзор за газетами и журналами. В 1883—1884 гг. прекратили свое существование все радикальные и многие либеральные периодические издания, в том числе органы демократической печати. 20 ноября 1882 г. был принят циркуляр о средней школе, усиливавший дисциплинарные взыскания, а 5 июня 1887 г. введен позорный циркуляр о «кухаркиных детях», который запрещал принимать в гимназию «детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей».

Новый университетский устав, утвержденный 23 августа 1884 г. ликвидировал автономию университетов. Должности ректора, деканов и профессоров, которые по уставу 1863 г. были выборными, теперь подлежали назначению, при этом учитывалась благонадежность кандидатов. С 1886 по 1889 г. практически было ликвидировано высшее женское образование. В то же время при Александре III увеличилось количество высших учебных заведений.

В национальном вопросе политика самодержавия была направлена на обеспечение единства и неделимости Российской империи. В национальных регионах предпринимались шаги по введению русского языка в делопроизводство, в преподавание в высших учебных заведениях и школах.

По настоянию Победоносцева в 80-х — начале 90-х гг. осуществлена серия религиозно-церковных мероприятий, направленных на повышение авторитета церкви. В несколько раз возросла сеть церковно-приходских школ. Улучшено материальное положение духовенства.

Особым вниманием правительства пользовалось крестьянство. Значительно были понижены выкупные платежи, проведена отмена подушной подати, приняты меры по организации переселений, учрежден Крестьянский банк, упорядочены переделы общинной крестьянской семьи.

Серьезные меры были приняты для усиления позиций дворянства, значительно ослабленных общим ходом исторического

развития страны. Принятый 12 июля 1889 г. закон о земских начальниках усилил роль поместного дворянства в деревне, подорванную отменой крепостного права. Другим крупным нововведением стало «Положение о губернских и уездных учреждениях» 12 июня 1890 г., согласно которому было увеличено сословное дворянское представительство. Пересмотрена и городская реформа. Новое «Городовое положение» 11 июня 1892 г. существенно урезало избирательные права городского населения. Из ведения суда присяжных изъяли ряд дел, в том числе о сопротивлении властям. В 1887 г. был изменен ценз присяжных заседателей с целью усиления землевладельческого сословия.

Таким образом, корректировка реформ, проведенная правительством Александра III укрепляла позиции дворянства во всех сферах общественной жизни, утверждала патриархальные начала в обществе, усиливала административную власть. Одновременно правительство придерживалось ориентации на ускорение экономического развития. Законами 80-х гг. о штрафах, о фабричной инспекции, о запрещении ночной работы для женщин и подростков было положено начало правительственной регламентации взаимоотношений между предпринимателями и рабочими. При активном участии министров финансов Бунге, Вышнеградского и Витте многое было сделано для развития отечественной промышленности. Свою роль сыграли развитие акционерных компаний, капиталистического кредита, усиленное железнодорожное строительство, привлечение иностранных капиталов, форсирование экспорта, покровительственный таможенный тариф 1891 г., льготы и пособия отечественным предпринимателям, упорядочение денежного обращения и достижение бюджетного равновесия.

Значительно возросли объемы внутренней и внешней торговли.

Целый ряд преобразований произведен в вооруженных силах империи. Началось постепенное перевооружение армии, введена мортирная полевая артиллерия. Вся регулярная конница превращена в драгун, которые в случае войны, могут спешиваться и сражаться в рядах. Нововведения коснулись также интендантской службы, военно-врачебной, военно-судной и др. Серьезные перемены произошли в военно-морских силах. Построен крупный броненосный флот.

В целом в 80-е — начале 90-х гг. XIX в. была укреплена государственность и достигнута социальная стабильность в России. Вместе с тем в обществе нарастали симптомы противостояния консервативным тенденциям, характерным для правительственной политики.

Часть III

Внешняя политика России при Александре III

Внешняя политика являлась прерогативой самого Александра III и характеризовалась вначале укреплением «Союза трех императоров», а затем поворотом от сотрудничества с Германией к союзу с Францией. После заключения русско-французского договора в 1891—1893 гг., император стал именоваться в официальной литературе Миротворцем (единственный из монархов, при котором Россия не воевала).

Руководящие начала внешней политики нового царствования были изложены 4 марта 1881 г. в циркуляре МИД русским представителям в зарубежных странах..

«Внешняя политика Его Величества, — говорилось в нем, — будет миролюбивою по существу. Россия останется верна державам, с которыми связывают ее издавна установившиеся дружба и сочувствие, и будет отвечать взаимностью на добрые отношения к ней всех государств... Россия полагает, что ее цели тесно связаны с всеобщим миром, основанным на уважении к праву и к договорам. Прежде всего она должна заботиться о себе самой и не оставлять своей внутренней работы иначе, как для защиты своей чести и безопасности. Государь император ставит себе целью сделать Россию мощной и преуспевающей, ей во благо и не во зло другим». Как писал тогда Е. А. Перетц: «Циркулярная депеша министра иностранных дел по случаю восшествия на престол императора Александра III чрезвычайно хороша. Встретясь сегодня с Н. К. Гирсом, я высказал ему это. Он очень скромно отмечал, что заслуга не его, а Жомини. Сам он дал только основную мысль о миролюбии России и о том, что она должна заняться преимущественно внутренними делами. На эту тему Жомини тут же написал депешу, почти без помарок, в какие-нибудь четверть часа. Государь остался депешей весьма доволен и сказал, что содержание ее вполне соответствует личным его убеждениям» (298, с. 30). Основные мысли этого циркуляра, сжато выраженные в высочайшем рескрипте на имя Н. К. Гирса от 15 мая 1883 г.,

подчеркивали, что обширность русского государства, достигшего, после вековых усилий народа и его правителей, высокой степени могущества, исключает какие бы то ни было завоевательные замыслы. Поэтому предпочтение Россия всецело будет отдавать мирной внешней политике.

Глава пятнадцатая

ПОЛИТИКА РОССИИ В ЕВРОПЕ

1. ОСТОРОЖНЫЙ ДИПЛОМАТ Н. К. ГИРС

Следуя намеченным основным началам, русская дипломатия занималась тем, чтобы в течение возможно длительного времени сохранять мир в Европе, на Балканах и Ближнем Востоке, обеспечивая возможность восстановить финансовые, сухопутные и морские силы империи после тяжелой Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Александр с молодых лет ощущал антинемецкое влияние своей супруги Дагмары и всех ее датских родственников. Он был свободен от того уважительного отношения к «потсдамской Пруссии», к Гогенцоллернам и Бисмарку, которым были проникнуты лица царского двора. В то же время как верный ученик Победоносцева, разделявший его консервативные монархические взгляды, культ самодержавия, он относился с крайним предубеждением к либеральным, демократическим веяниям, к республиканскому правлению во Франции и лицам, отвергавшим самодержавие.

Из-за болезненного состояния одряхлевшего канцлера А. М. Горчакова с лета 1878 до 1881 г. внешнюю политику страны направлял военный министр Д. А. Милютин. Практически же всю работу Министерства иностранных дел возглавлял Николай Карлович Гирс, с 18 мая 1880 г. как временно управляющий, а с 28 марта 1882 г. в должности министра. Накопив большой опыт практической работы, он с величайшей осторожностью прокладывал курс дипломатическому кораблю России среди бушующего океана мировой внешней политики, старательно обходя встречающиеся на пути рифы и отмели. Молодой император говорил о нем: «Гирс такой человек, что не зарвется, осторожность драгоценное в нем качество» (354, с. 258).

Гирс родился 9 мая 1820 г. близ г. Радзивиллов Кременецкого уезда Волынской губернии. Происходил он из шведского дворянского рода, состоявшего на русской службе со второй половины XVIII в. Был вторым из трех сыновей почтмейстера в г. Радзивиллов К. К. Гирса от брака с А. П. Литке, сестрой адмирала графа Ф. П. Литке. Образование получил в Императорском Царскосельском лицее, который окончил в 1838 г. с чином 10-го класса. Избрав дипломатическое поприще, в октябре того же года был определен на службу в Азиатский департамент МИД в качестве коллежского секретаря. Затем с сентября 1841 г. по декабрь 1875 г. его служба в основном проходила за рубежом. Был сначала младшим драгоманом при консульстве в Яссах, в 1848 г. состоял дипломатическим чиновником при командовавшем отрядом войск в Трансильвании генерале А. Н. Лидерсе, в 1850 г. командирован на должность первого секретаря миссии в Константинополе, в следующем году назначен управляющим консульством в Молдавии. В 1853 г. Гирс становится директором канцелярии полномочного комиссара в княжествах Молдавии и Валахии. В дальнейшем он был генеральным консулом в Египте с 1856 г., Валахии и Молдавии с 1858 г., чрезвычайным посланником и полномочным министром в Персии с 1863 г., в Швейцарском союзе с 1867 г. и в Швеции с 1872 г. За это время по Табели о рангах Гирс поднялся последовательно с чина титулярного советника до тайного.

2 декабря 1875 г. Николай Карлович назначается товарищем министра иностранных дел, управляющим Азиатским департаментом на правах директора, и сенатором. В начале лета 1881 г. канцлер Горчаков приезжал с намерением просить увольнения от своей должности. Игнатьев убедил его не делать этого под тем предлогом, что будто бы обаяние одного имени князя поддержит авторитет России в дипломатическом мире. Естественно, что Горчаков, самолюбивый донельзя и притом очень дорожащий своим 40-тысячным окладом, охотно поддался этим убеждениям. По словам современников, в интимном кругу своих обожателей он называл себя Талейраном и Меттернихом, и даже подчас самым искренним образом представлял себя равным по силе Бисмарку, гладиатором на арене дипломатий. Когда же Горчаков сказал Александру III, что намерен еще нести, пока силы позволят, бремя управления министерством, Н. П. Игнатьев стал чуть ли не ежедневно рассказывать князю, что положение наше ужасно, что каждый день можно ожидать нового покушения на жизнь государя, избиения всех образованных людей и разрушения лучших частей Петербурга. Напуганный всем этим, канцлер опять отправился за границу. Цель Игнатьева — сохранить пока вакантным для себя пост руководителя дипломатического ведомства, более спокойный и более соответствующий вкусам Николая Павловича, чем нынешний пост министра внутренних дел. Гирс прекрасно знал об этом и был в отчаянии. Денежные его средства были весьма скудны, а

между тем он должен был вывозить дочерей и принимать у себя дипломатический корпус. За недостатком денег, естественно, это делалось крайне скромно. Поэтому послы, особенно германский — Швейниц, смотрели на него несколько свысока.

После долгих колебаний, перебрав все кандидатуры на пост министра иностранных дел, Александр III, наконец поручил управление внешнеполитическим ведомством Н. К. Гирсу. Назначение Гирса, тихого и невыразительного своей внешностью старика, в противоположность блестящему князю-канцлеру, вызвало удивление всей титулованной сановной знати. В ответ на это удивление газета МИДа, выходящая на французском языке, дала официозную статью, ставшую ключом к пониманию этой загадки. Газета разъяснила, что отныне главной заботой правительства будет внутреннее устроение государства и невмешательство в иноземные дела до тех пор, пока не будет затронута честь России. Тем не менее в высшем свете Николаю Карловичу ставили в упрек его нерусское происхождение и лютеранское вероисповедание. Не избавляло от нареканий и то, что жена Гирса (княжна Ольга Егоровна, урожденная Кантакузен, племянница А. М. Горчакова) и шестеро их детей были православными. «Я знаю, — как-то признался Александр III, — что его считают иностранцем; это очень удручает его, и уж как усердно старается он выставить себя русским!» (354, с. 258.)

Как глава внешней политики Гирс был послушным исполнителем воли Александра III, но имел свою систему взглядов на стратегию царской дипломатии. Он был приверженцем контактов со странами Европы и особенно расположен к сотрудничеству с Германией.

По отзывам современников, Гирс отличался скромностью, добротою, мягкостью, доступностью, вежливым и ласковым обращением, необыкновенной чарующей любезностью. Его девиз: «Не слыть, а быть».

Как утверждает С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях»: «Гирс был прекрасный человек, очень уравновешенный, спокойный, смирный. В тех случаях, когда мне приходилось с ним сталкиваться, мои отношения всегда с ним были самые лучшие; вообще я от него ничего, кроме разумных вещей, не слыхал...

Государь император ему доверял и его любил. Гирс был человек осторожный, дипломат, чиновник со средними способностями, без широких взглядов, но опытный. Он как раз подходил, чтобы быть министром иностранных дел при таком императоре, как покойный император Александр III. Его политическое кредо — нужно давать делам идти своим ходом, и все утрясется».

Император Александр III как-то раз сам так выразился: «Сам себе я министр иностранных дел». Александр III относился к

Гирсу как к секретарю по иностранным делам, хотя это нисколько не исключало того, что иногда император Александр III слушал Гирса, когда он видел, что Гирс делает ему какие-нибудь указания, которых он не имел в виду» (84, т. 1, с. 323). Ближайшим помощником министра был граф В. Н. Ламздорф (с сентября 1882 г. директор канцелярии МИДа, с апреля 1886 г. старший советник МИДа), который пользовался его неограниченным доверием. По признанию Гирса, он был его правой рукой и знал даже то, чего не знал товарищ министра. Отличительными качествами Ламздорфа были высочайшая работоспособность, аналитический ум, сдержанность и замкнутость. Оставаясь как бы за кулисами, оказывал серьезное влияние на формирование внешнеполитического курса, по поручению министра составлял проекты документов МИДа, обзоры и записки по сношению с зарубежными государствами, всеподданнейшие доклады и инструкции дипломатам. И Гирс, и Ламздорф были убежденными сторонниками прогерманской ориентации, приверженцами сохранения дружбы с Германией и, исходя из этого, смотрели на франко-русские отношения, считали чрезмерное сближение с республиканской Францией нежелательным и опасным. Точка зрения Гирса и Ламздорфа, однако, не была определяющей в руководстве русской внешней политикой.

По словам Е. М. Феоктистова, и Гирс, «и ближайшие его сотрудники говорили во всеуслышание кому угодно, что руководителем нашей внешней политики является исключительно сам государь» (384, с. 252). Николай Карлович никогда не прекословил властному и не допускающему возражений императору. Наблюдая его на одном из приемов, довольно своеобразно рисует его портрет Половцов: «Гирс — с откосным лбом, огромными ушами, заячьим взглядом, испуганный пред всем и всеми... мечтающий лишь о том, как бы поскорее возвратиться в канцелярию и иметь пред собою лишь бумаги, не могущие ничего возразить, а тем паче сказать что-либо неожиданное, на что, чего боже сохрани, еще придется что-нибудь отвечать» (296, т. 2, с. 307—308).

О царивших в МИДе нравах можно судить по тому, что, когда Гирс выезжал на доклад к Александру III, Ламздорф отправлялся в Казанский собор, ставил свечу Богородице и молился, чтобы в Царском Селе или в Гатчине все сошло благополучно.

2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ «СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ»

Александр III прежде всего стремился поддерживать возможно близкое единение со своими партнерами в рамках «Союза трех императоров», острота противоречий между которыми явно обозначи-

лась в ходе минувшей Русско-турецкой войны. Известно, что Союз трех императоров (России, Германии и Австро-Венгрии) начал свое существование в 1873 г. Уже в 1875 г. Союз этот был серьезно поколеблен. Германия тогда, как мощный хищник, изготовилась напасть на Францию, но Александр II и А. М. Горчаков, оказав давление на Берлин, устранили опасность агрессии. С другой стороны, поддержка, оказанная Бисмарком габсбургской монархии в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., особенно в деле пересмотра Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., введение им пошлин на русский хлеб вызвали недовольство России. В 1879 г. канцлер Горчаков счел Союз более несуществующим. Однако Бисмарк, этот незаурядный мастер в дипломатическом фехтовании, стараясь задержать сближение России с Францией, предпринял энергичные усилия для того, чтобы возобновить Союз трех императоров. За более тесные контакты с немцами, помимо Гирса, стояли русский посол в Берлине П. А. Сабуров, помещичьи круги, находившие сбыт своим сельскохозяйственным товарам в Германии, часть предпринимателей, верхи дворянской аристократии, а также отдельные либеральные издания. Так, журнал «Вестник Европы» считал, что Россия должна возобновить союзные отношения с Германией и Австро-Венгрией на базе консерватизма. В то же время ряд государственных деятелей — Д. А. Милютин, Н. П. Игнатьев, М. Н. Катков, Н. Н. Обручев и др. — выступал за разрыв с Австрией и Германией и сближение с Францией. Эту позицию поддерживал либеральный журнал «Русская мысль», испытывавший тогда влияние славянофилов. Его иностранные обозрения имели антигерманскую и антиавстрийскую направленность.

В условиях политического кризиса 1879—1880 гг., активизации действий народовольцев, финансовой слабости государства Петербург не был готов к переориентации политики и разрыву с Германией. Своим участием в «Союзе трех императоров» Россия надеялась удержать Австро-Венгрию от агрессивных действий на Балканах. Опасность столкновения с владычицей морей Англией, стремление последней подчинить своему контролю известные проливы при отсутствии сильного флота у России не позволяли ей идти на обострение международной обстановки. Русско-германскому сближению способствовала и обоюдная ненависть к революции со стороны правящей элиты обеих сторон. После событий 1 марта 1881 г. русский посол в Берлине П. А. Сабуров сообщал в Петербург, что Бисмарк очень обеспокоен перспективой иметь по соседству с Германией революционную Россию (39, 1881, л. 52).

Исходя из создавшейся обстановки петербургский кабинет принял предложение Бисмарка о восстановлении «Союза трех императоров». Сабурову было поручено вступить в переговоры с канцлером. В результате длительных переговоров в Берлине 6 (18 июня) 1881 г. Бисмарк, Сабуров и австрийский посол в Берлине Э. Сечени подписали секретный австро-русско-германский договор, вошедший в историю, подобно договору 1873 г., под громким названием Союз трех императоров, хотя точнее это было лишь соглашение о нейтралитете. По условиям договора стороны обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с четвертой великой державой. Договор предусматривал, что в случае войны с Турцией нейтралитет обусловливается специальным соглашением об условиях мира (ст. 1). Не допускались территориальные изменения европейских владений Турции без предварительного соглашения (ст. 2). Обе статьи были выгодны прежде всего Германии и Австро-Венгрии, заставляя Петербург в случае войны с Турцией считаться с их интересами. Россия настояла на подтверждении принципа закрытия проливов во время войны (ст. 3). Фактически договор гарантировал русский нейтралитет при франко-германской войне и австро-германский нейтралитет при англо-русской войне, что развязывало России руки в Средней Азии. В приложенном к договору протоколе Австро-Венгрия сохраняла за собой право аннексии Боснии и Герцеговины «в тот момент, который она найдет для этого подходящим». В протоколе также предусматривалось совместное предотвращение участниками договора появления турецких войск в Восточной Румелии. Державы, кроме того, обязались «не противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией», чего добивалась Россия.

Бесспорно, главными вопросами, заставившими Россию пойти на подписание нового договора, был балканский и вопрос о проливах. Россия получила согласие Германии и Австрии контролировать выполнение Турцией принципа закрытия проливов, что при отсутствии сильного Черноморского флота было особенно ценно. Позитивной стороной договора 1881 г. было и то, что Россия, подписав соглашение, выходила из изоляции, в которой она оказалась после Берлинского конгресса. Для дуалистической монархии смысл соглашения заключался в подтверждении ее прав на Боснию и Герцеговину. Берлин договором с Россией стремился избежать русско-французского единства, что в известной степени обеспечивалось статьей о нейтралитете России в случае франко-германской войны. Следует подчеркнуть, что договор не устранял, а только смягчал австро-русские противоречия на Балканах и, следовательно, был малоэффективным и непрочным. Договор был заключен на три года.

Чтобы укрепить наметившееся единство с Германией Александр III предпринимает плавание на яхте «Держава» в Данциг, где 28 августа (9 сентября) 1881 г. состоялась его встреча с Вильгельмом I на морском рейде на борту яхты «Гогенцоллерн». Когда государь, бывший в мундире прусского уланского полка, вступил на палубу яхты, Вильгельм обнял его несколько раз самым сердечным образом. Беседа их продолжалась ровно два часа: началась в 2 и окончилась в 4 часа дня. Во время встречи оба монарха прослезились. Император Вильгельм выразил взволнованным голосом свою горесть об утрате своего лучшего друга, а также свою радость по поводу того, что он имеет возможность обнять сына своего друга. После приветствия остальных августейших особ, Александр III беседовал с полчаса с князем Бисмарком, между тем, как Вильгельм разговаривал с великим князем Владимиром Александровичем и статс-секретарем Гирсом. Оба императора затем посетили старинный торговый город Данциг, улицы которого были украшены на славу и буквально утопали во флагах и коврах. Въезд кортежа с высокими гостями сопровождался колокольным звоном, криками «Ура!» и другими овациями. В компетентных кругах результатом переговоров считали полное согласие и выяснение главных текущих вопросов. Вообще, решение русского монарха посетить Данциг считалось доказательством успешного исхода свиданий. Князь Бисмарк имел перед отъездом из Данцига весьма довольный вид.

Д. А. Милютин 2 сентября, узнав о поездке Александра III морем в Данциг от великого князя Константина Николаевича, отметил в своем дневнике: «Поездка эта, по-видимому, была для всех совершенною неожиданностью, тем более что в настоящее время гостят в Петергофе король и королева датские. Государя сопровождал Гирс, а с императором Вильгельмом был кн. Бисмарк; следовательно, свидание было не простою встречей родственников, но и сопровождалось какими-нибудь объяснениями, может быть, в связи с недавно заключенным секретным договором» (187, т. 4, с. 106).

В этот же день П. А. Валуев явствует, что «вести о данцигском свидании благоприятны... государь казался очень довольным поездкой» (78, с. 173).

Тройственный союз 1882 г.

Следует напомнить, что еще 7 октября 1879 г. в итоге переговоров канцлера Бисмарка с министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши в Вене был подписан австро-германский договор, направленный против России и Франции. Этот договор

стал первым звеном в цепи соглашений, приведших к складыванию военных блоков, разделению Европы на два враждебных лагеря.

Зафиксировав соглашение с Австро-Венгрией, Берлин в целях изоляции Франции стремился превратить Италию в своего союзника. В условиях ожесточенного противоборства между Римом и Парижем из-за Туниса Бисмарк вынудил Италию пойти на сближение не только с Германией, но и с Веной, отказавшись от своих планов возвращения Триеста и Трентино, захваченных Габсбургской монархией. 20 мая 1882 г. в Вене был подписан тайный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, вошедший в историю под названием Тройственного союза. Союз этот был направлен против Франции и России и явился еще одной дипломатической победой Берлина. В соответствии с первой статьей соглашения договаривающиеся стороны обязались не принимать участия ни в каких союзах или обязательствах, направленных против одного из них, и оказывать друг другу взаимную поддержку. Германия и Австро-Венгрия обещали Италии военную помощь в случае неспровоцированного нападения на нее Франции. Италия со своей стороны обязалась оказать помощь Германии при нападении на нее Франции. По второй статье договора обязанности Австро-Венгрии в случае нападения Франции на Германию ограничивались сохранением нейтралитета до вступления России в войну на стороне Франции. Участники Тройственного союза договорились соблюдать взаимный благожелательный нейтралитет при войне со всякой державой, кроме Франции. Италия, однако, сделала оговорку, что в случае нападения Англии на Германию или Австро-Венгрию она не будет обязана оказывать помощь своим союзникам. «Тройственный союз, — писал Бисмарк, — это стратегическая позиция, которая ввиду опасностей, угрожавших нам в момент его заключения, была благоразумной и при тогдашних обстоятельствах достижимой» (69, т. 2, с. 230). Договор заключался сроком на 5 лет.

Новый союз не аннулировал австро-германское соглашение 1879 г. Втайне от Италии Берлин и Вена подписали в связи с этим специальную конвенцию.

Тройственный союз Германии, Австрии и Италии существовал параллельно с «Союзом трех императоров». Во всех этих соглашениях господствующую роль играла Германия. Договоры, подписанные в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в., фактически закрепили ее гегемонию в Европе.

В 1883 г. австро-германский блок сумел привлечь на свою сторону Румынию. Тогда же произошло сближение Германии с

Испанией. В том же 1883 г. молодой король Альфонс XII, избранник Бога, как полагали его почитатели, был приглашен в Берлин, где с ним было заключено соглашение, по которому Испания в случае франко-германской войны должна была выставить 100-тысячную армию на Пиренеях против Франции. Этим соглашением Бисмарк добился, как он выразился, «поставить испанскую мушку на французский затылок».

Сколоченный таким образом военный блок, протянул свои щупальца и на Балканы, и на Пиренейский полуостров. Франция оказалась зажатой с трех сторон: со стороны Рейна, Альп и Пиренеев. Блок создавал для Германии благоприятные условия и на случай войны на Востоке против российской державы. Железный канцлер Бисмарк в этот период пытался вовлечь в австро-германский блок и британского льва, но не имел успеха.

Одновременно Берлин поощрял и Петербург, и Париж к активной завоевательной колониальной политике, где те неизбежно сталкивались с Джоном Булем.

3. ПОЛИТИКА РОССИИ В БОЛГАРИИ В 80-е ГОДЫ XIX в.

Балканы, как свидетельствует история, на протяжении XIX — начала XX в. оставались не только камнем преткновения, но и яблоком раздора между европейскими государствами. После Восточной войны 1877—1878 гг. болгарский народ был избавлен от пятивекового турецкого ига. Независимость получили Румыния, Сербия и Черногория. К сожалению, по словам О. Бисмарка, «освобожденные народы не благодарны, а требовательны».

Берлинский конгресс расчленил Болгарию на две области: Болгарское вассальное княжество и автономную турецкую провинцию Восточную Румелию.

10 (22) февраля 1879 г. в Велико-Тырново императорский комиссар А. М. Дондуков-Корсаков открыл болгарское Учредительное собрание, призванное принять первую конституцию Болгарии. Первоначальный текст конституции (так называемый Органический устав) был разработан комиссией во главе с С. И. Лукьяновым, управляющим судебным отделом при русском гражданском управлении в Болгарии. По этому проекту Болгария должна была стать наследственной конституционной монархией. Князю предоставлялись широкие права, устанавливалась двухпалатная система, многостепенные выборы в Народное собрание. Вместе с тем предусматривалось равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности, права

собственности и т. п. В результате обсуждения в Петербурге специальной комиссией во главе с князем С. Н. Урусовым в проект был внесен ряд либеральных изменений: Народное собрание из законосовещательного превращено в законодательное, введены прямые выборы, расширены права печати. Одобренный русским правительством Органический устав в своем окончательном виде и был предложен открывшемуся Учредительному собранию в качестве необязательной программы. Заметим, что работа Учредительного собрания протекала в условиях борьбы западных держав против России и ее влияния в Болгарии. В самом Учредительном собрании шла ожесточенная борьба консервативной и либеральной группировок, в ходе которой верх одержало либеральное большинство. Это определило наиболее демократический и прогрессивный для того времени характер Тырновской конституции. Она признавала равенство граждан перед законом, упраздняла деление на сословия, предусматривала всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 21 года, обязательную воинскую повинность мужского населения (христиан и мусульман), самоуправление общин, свободу печати, обязательное бесплатное начальное образование, неприкосновенность личности и имущества.

Тырновская конституция учредила однопалатный парламент, для разработки законов и утверждения бюджета — так называемое Обыкновенное народное собрание. Приняв конституцию в апреле 1879 г., Учредительное собрание было распущено. Вскоре 17 (29) апреля было собрано Великое народное собрание с удвоенным против обычного числом депутатов для избрания князя. Было представлено несколько кандидатур: Божидар Петрович, родственник черногорского князя Николая I Петровича Негоша, румынский князь Карл, которого поддерживал Лондон, и Александр Баттенбергский, сын гессенского принца Александра, генерала австрийской службы, племянник российской императрицы Марии Александровны и родственник английской королевы.

После долгих дебатов Великое народное собрание избрало правителем государства Александра Баттенберга, 22-летнего драгунского офицера, служившего в Пруссии. Известно, что по окончании военного училища в Дрездене он состоял на германской военной службе, принял участие в кампании русской армии 1877 г. в Болгарии, находясь большую часть времени при императорской Главной квартире. 30 апреля в Ливадии Александр II произвел князя в генералы русской службы и назначил его шефом 13-го стрелкового батальона, в воспоминание участия принца в первом походе Гурко за Балканы (187, т. 3, с. 141).

23 июня 1879 г. князь прибыл в Константинополь и получил от султана Абдул Хамида II фирман на княжество. Через три дня он в Тырнове принес присягу на верность болгарской конституции и вступил в управление страной.

Молодой правитель, по словам военного министра Болгарии русского полковника П. Паренсова, отличался любезностью в обращении, изысканностью манер, что располагало к нему собеседника. Однако, определяет министр, «тревожный, недоверчивый, довольно хитрый взгляд менял впечатление» (205а, ч. 4, с. 69). Довольно строго оценивал эту персону известный русский историк С. Д. Сказкин: «Честолюбие не по разуму и аппетиты не по средствам» (282, с. 236). Американский ученый В. М. Гевер считал Баттенберга «хорошим солдатом, но плохим государственным деятелем без политического опыта и чувства благоразумия» (400, с. 71).

Оценки современников и историков, справедливо отмечает профессор МГУ Н. С. Киняпина, нередко субъективны. Если верить фактам, Александр Баттенберг, был неглуп, хитер, самолюбив, нетерпелив, горяч, не имел должной выдержки. Он пытался понять страну, правителем которой был избран, выучил болгарский язык, чем привлек симпатии народа.

Петербургский кабинет был уверен, что его ставленник Баттенберг, связанный с императорским домом тесными узами родства, сделает из Болгарии русский форпост на Балканах. Однако эти надежды вскоре рассеялись как утренний туман. Юный князь стал активным проводником австро-венгерской и английской политики. С первых же дней после своего воцарения стремившийся к сильной власти, Баттенберг почувствовал ограничение со стороны радикального состава парламента. Надеясь получить поддержку России, он в феврале 1880 г. прибыл в Петербург с намерением убедить Александра II в необходимости отмены Тырновской конституции. Император не одобрил его планов. После смерти Александра II, заручившись поддержкой Берлина и Вены, и опираясь на нового военного министра, русского генерала К. Эрнрота, Баттенберг 27 апреля (9 мая) 1881 г. произвел государственный переворот. Дал внезапно отставку либеральному правительству П. Каравелова, поручил сформировать новую временную власть Эрнроту, распустил народное собрание и объявил в прокламации, что откажется от короны, если ему не будут даны чрезвычайные полномочия для наведения порядка в стране. Сформированное при грубом полицейском давлении чрезвычайное собрание дало князю чрезвычайные полномочия на 7 лет. После этого в стране была ограничена свобода слова и собраний, всеобщее избирательное

право было заменено цензовым, создана вторая палата. Видя рядом с Баттенбергом русских генералов, население Болгарии отождествляло его действия с политикой русского правительства. В 1882 г. с согласия Александра III юный князь образовал консервативное правительство, в состав которого вошли два боевых русских генерала: Л. Н. Соболев стал главой Кабинета и министром внутренних дел, А. В. Каульбарс — военным министром. Тем не менее князь почувствовал вскоре, что зависимость от русских генералов еще тяжелее для него, нежели зависимость от народных собраний. 6 (18) сентября 1883 г. состоялось заседание Народного собрания, которое восстановило Тырновскую конституцию, но с поправками, усиливавшими власть князя (в 1884 г. восстановлена полностью). Событие это подняло авторитет Баттенберга, сблизило позиции либералов и консерваторов и одновременно стимулировало отставку генералов. По указанию Александра III Соболев и Каульбарс немедля вышли в отставку. В Болгарии сформировалось новое коалиционное правительство во главе с умеренным либералом Д. Цанковым. Большинство русских офицеров, находившихся в правительстве и в свите князя, покинуло страну. С этого времени начинается период натянутых, а позже и крайне враждебных отношений с Россией. Запоздалая поддержка петербургским кабинетом либеральных кругов Болгарии не могла восстановить прежнего влияния России в стране. Премьер Д. Цанков хорохорился: «Нам не надо ни русского меда, ни русского жала!» Болгары не желали ни русского, ни какого-либо другого вмешательства в свои дела. Они провозгласили лозунг: «Болгария для болгар».

4. ПРОДЛЕНИЕ «СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ»

В связи с истечением трехлетнего срока договора трех императоров в 1884 г. Бисмарк предложил российскому правительству продолжить его еще на три года.

Однако Петербург довольно сдержанно отнесся к этому предложению и не торопился с переговорами. Во время встречи с Бисмарком в ноябре 1883 г. Гирс заверил «великого юнкера» в том, что МИД России не ставит своей целью вносить какие-либо изменения в условия «Союза трех императоров». Последовавшая затем встреча Гирса с министром иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки, завершила предварительные переговоры о возобновлении «Союза трех императоров».

15 (27) марта 1884 г. в Берлине между Россией, Австро-Венгрией и Германией вновь было подписано соглашение, повторявшее основные статьи договора 1881 г.

Продлевая «Союз трех императоров», Россия надеялась ограничить активные действия Австро-Венгрии на Балканах, а также поддержать единство союзников в Африке и Средней Азии как противовес англо-французской экспансии. «Союз позволяет нам, — утверждал Н. К. Гирс, — быть дружественными наблюдателями» (39, 1884, л. 15 об.).

Однако балканская проблема оставалась доминантой австро-германо-русских отношений, где между союзниками существовали острые противоречия. Соглашение, державшееся в основном на династических и монархических принципах, не могло внести изменений в политику государств. Не способствовала этому и встреча трех монархов во дворце Александра III недалеко от Варшавы в Скерневицах с 3 (15) по 5 (17) сентября 1884 г. Хотя в сообщении о скерневицком свидании Министерство иностранных дел пыталось убедить общественность в обратном. «Личные чувства трех монархов, так же, как взгляды их министров, оказались совершенно одинаковыми, — говорилось в сообщении. — ...Всякие расчеты, основанные на разногласии или соперничестве трех держав, так же, как разрушительные попытки врагов социального порядка, разобьются об это твердое и искреннее согласие держав» (202а, с. 170—171). Подобно тому, как в царствование Николая I основой его союза с Пруссией и Австрией была борьба с революционными движениями эпохи, так теперь одной из основ единения трех монархий стала необходимость общей борьбы с международной анархической пропагандой в связи с рядом террористических покушений на царственных особ. Через месяц после мученической кончины Александра II Петербург выступил с предложением созвать международную конференцию для борьбы с анархистами, однако эта конференция не состоялась. Впоследствии Германия, как и некоторые другие державы, вполне приняла русскую точку зрения на этот вопрос. В результате обмена нотами 1 (13) января 1885 г. Россия и Германия пришли к выводу, что политическая цель преступления в любом случае на может служить отказом к выдаче преступника. Напротив того, Лондон, несмотря на трехлетние усилия Петербурга, отказался включить в подписанную 12 (24) ноября 1886 г. экстрадиционную конвенцию соглашение о выдаче лиц, посягнувших на главу государства и членов его семьи.

Вместе с тем экономический и политический антагонизм между Петербургом и Веной продолжал углубляться. Дуалистическая монархия, опираясь на поддержку Германии, своими финансовыми и промышленными ресурсами прочно завоевывала позиции на Балканах, чем одновременно способствовала экономическому и политическому развитию славянских государств. Там создавались крупные предприятия, росла и крепла национальная буржуазия.

В 80-х гг. Австро-Венгрия уверенно расширяла свою власть и влияние не только в Сербии, Боснии, Герцеговине, но и в Болгарии и Восточной Румелии (154, с. 205). Такими же уверенными шагами продвигалась вслед за ней и Германская империя.

Попытка Петербурга и Вены смягчить свои отношения на встрече Александра III с императором Францем-Иосифом при участии обоих министров иностранных дел в небольшом моравском городке Кремзир с 13 (25) по 14 (26) августа 1885 г. ничего не дала. Обострявшиеся противоречия между участниками привели фактически к тому, что уже в 1885—1886 гг. «Союз трех императоров» перестал существовать.

«Венское правительство, — вспоминал позже зять царя вел. кн. Александр Михайлович, — противилось нашему «непрерывному вмешательству в сферу влияния Австро-Венгрии» на Балканах, и австро-венгерский посол в С.-Петербурге угрожал нам войною. На большом обеде в Зимнем дворце, сидя за столом напротив царя, посол начал обсуждать докучливый балканский вопрос. Царь сделал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата. — Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, — спокойно сказал царь» (50, с. 66).

Болгарский кризис 1885—1887 гг.

Как отмечалось выше, в сентябре 1883 г. Александр Баттенберг восстановил Тырновскую конституцию, что временно стабилизировало обстановку в Болгарии. Однако внутренняя борьба в стране не прекращалась. Еще в более накаленной атмосфере находилась Восточная Румелия. Турецкое правительство не выполняло условия Берлинского договора. Население провинции было лишено свободы слова, петиций, митингов. Порта препятствовала экономическому развитию края. Все слои болгарского общества выступали за объединение страны. Курс Турции на изоляцию Восточной Румелии от Болгарии поддерживали Австро-Венгрия и Англия. Россия выступала против «ее османизации и добивалась фактической автономии провинции, установлению там государственно-правового режима, близкого к болгарскому». В апреле 1885 г. в столице Восточной Румелии г. Филиппополь (ныне Пловдив) был создан Болгарский тайный революционный центральный комитет во главе с З. Стояновым, который поставил перед собой задачу воссоединения Восточной Румелии с Болгар-

ским царством. Печатным органом комитета была газета «Борба». 6 (18) сентября 1885 г. в Филиппополе вспыхнуло восстание, в результате которого был изгнан турецкий губернатор и провозглашено объединение Болгарии во главе с А. Баттенбергом. Вопрос о признании законности объединения вызвал ожесточенные споры в руководстве держав, подписавших Берлинский договор, и положил начало затяжному болгарскому кризису.

Проавстрийская политика А. Баттенберга и нежелание России идти на конфронтацию с Турцией определили двойственность позиции Петербурга. 11 сентября были отозваны российские военные советники из Болгарии, но одновременно Порте было предложено не вводить войска в Восточную Румелию и обсудить проблему на международной конференции. Париж и Лондон поддержали Россию. Вена и Берлин — Турцию.

Воссоединение Болгарии послужило поводом к Сербско-болгарской войне 1885—1886 гг., развязанной 1 ноября сербским королем Миланом Обреновичем по настоянию австро-венгерской дипломатии. Воодушевленная патриотическим подъемом и хорошо обученная русскими офицерами болгарская армия разбила сербов в сражении под Сливницей 5—7 ноября 1885 г. Завершивший войну Бухарестский мирный договор 19 февраля (3 марта) 1886 г. закрепил границы воссоединенной Болгарии. В марте 1886 г. Болгария уступила Порте по соглашению, принятому А. Баттенбергом и султаном Тымрюшского и Кырджалийского округов на *своей южной границе, взамен чего та признала воссоединение.* По болгаро-турецкому соглашению болгарский князь назначался генерал-губернатором Румелии сроком на 5 лет, а Болгария, как вассал Турции, платила ей ежегодно за Восточную Румелию дань в 200 тыс. лир. Александр III, не одобрив этого акта, вычеркнул А. Баттенберга из списков русской армии. Фактически Болгария выходила из-под контроля России и становилась союзницей Порты. «Это военное соглашение Болгарии и Турции, — отмечал Гирс, — было направлено против интересов России» (39, 1886, л. 102 об.). Однако Петербург в 1886 г. пошел на его признание. Болгаро-турецкое соглашение укрепляло в Болгарии враждебное России англо-австрийское влияние.

А. Баттенберг, оттеснив правительство, сосредоточил в своих руках всю полноту власти, не проявлял должного внимания к внутренним нуждам страны, нарушал основы конституции, по своему усмотрению сменял одного министра за другим.

9 (21) августа 1886 г. в Софии группа болгарских офицеров-русофилов во главе с начальником военного училища майором П. Груевым произвела военный переворот. А. Баттенберг был

арестован в своем дворце, подписал акт отречения от престола, увезен в Россию, в г. Рени, и передан властям, которые отпустили его на свободу. Власть в стране перешла к дружественному России временному правительству во главе с митрополитом Климентом и лидером либералов Д. Цанковым. Тем не менее положение оставалось напряженным и 12 (24) августа в Софии произошел новый переворот, осуществленный сторонниками С. Стамболова. Новое правительство возглавил П. Каравелов, курс которого составило лавирование между Россией и ее противниками. Ободренный успехом контр-переворота в его пользу, А. Баттенберг вернулся в болгарский г. Руса 17 (29) августа 1886 г., и был встречен членами нового правительства и дипломатами европейских государств, включая русское. Здесь он издал манифест о своем возвращении в страну. Одновременно с этим он обратился к Александру III с телеграммой, в которой «вручал свою корону монарху России, давшему ее ему».

20 августа последовал осуждающий ответ императора, после которого А. Баттенберг 27 августа отрекся от престола, передал власть регенству из трех лиц (С. Стамболов, С. Муткуров и П. Каравелов) и уехал в Дармштадт. Свои недвижимые имущества в Болгарии он продал государству за $2^1/_2$ млн франков. После обращения в сентябре 1886 г. Народного собрания Болгарии к Александру III с просьбой взять болгарский народ под защиту в Софию был направлен со специальной миссий генерал-майор барон Н. В. Каульбарс. Ему было поручено дать советы вновь вступившему в управление регентству, ознакомиться с желаниями народа и разъяснить ему благожелательную позицию Петербурга (202а, с. 175).

По настоятельному требованию барона Каульбарса регентство сняло осадное положение и освободило из заключения участников переворота 9 августа, но отказалось в связи с нестабильной обстановкой исполнить предложение России отложить на 2 месяца выборы в Великое народное собрание для избрания нового князя. Русская общественность понимала, в каком сложном положении оказался Каульбарс. «С первого шага на болгарской территории, — писал В. П. Мещерский, — барон Каульбарс поставлен был временным правительством не только в фальшивое, но в оскорбительное положение для пославшего его русского Императора, так как временное правительство никаких советов генерала Каульбарса не принимало к руководству и, кроме того, объявило по всей Болгарии, что служащие, как гражданские, так и военные, будут исключаемы немедленно из службы за какое бы то ни было сношение с бароном Каульбарсом. Одновременно с этим русские в Болгарии подвергались насилиям и преследованиям по указанию тайных агентов временного правительства, даже кавасы

консульских агентств избивались на улицах, и протесты генерала Каульбарса с требованием наказания для виновных, оставлялись без внимания» (186, с. 602).

17 (29) сентября 1886 г. Каульбарс в циркуляре российским консулам, обращаясь к болгарскому народу, призвал к сближению с Россией, а в ноте министерству иностранных дел Болгарии объявил предстоящие выборы незаконными. В ходе избирательной кампании Николай Васильевич ездил по стране и выступал с осуждением действий болгарского правительства. Его миссия не имела успеха из-за противодействия лидера народно-либеральной партии Стамболова и стоявшей за ним нарождавшейся болгарской австрофильской буржуазии. После надругательства в день выборов над зданием российского агентства и российским флагом Каульбарс в ультиматуме потребовал прекращения поощряемых правительством антирусских выступлений. Однако соответствующей реакции со стороны Софии не последовало. Российская печать во главе с «Новым временем» и «Московскими ведомостями» требовала оккупации Болгарии. «Гражданин», по признанию князя Мещерского, один высказывался против, зная, «что на эту оккупацию, очевидно, с целью нас втравить в болгарские трясины, изъявляли свое согласие, кроме Бисмарка, такие коварные государства, как Австрия и Англия» (там же). 29 октября Великое народное собрание избрало на престол принца Вальдемара Датского (шурина Александра III). На другой же день по получению о том телеграммы от правительства Болгарии король Датский и сын его принц Вальдемар отказались от избрания. Выдвинута была, как будто из русских сфер, кандидатура князя Николая Мингрельского, но она хода не получила. В связи с тем, что все требования генерала Каульбарса были проигнорированы болгарским руководством и Народное собрание открыто вопреки его настояниям, 8 ноября 1886 г. по повелению Александра III временному правительству была предъявлена нота. В ней говорилось, что российское правительство не находит возможным поддерживать сношения с болгарским правительством, как с утратившим доверие России. Генерал Н. В. Каульбарс покинул страну со всем персоналом агентства.

В конце декабря 1886 г. в Петербурге по предложению прибывших сюда офицеров-эмигрантов П. Груева и А. Бендерева был одобрен план общего восстания в Болгарии. МИД намеревался выделить достаточное количество средств и по согласованию с Военным министерством 2 тыс. ружей. Все действия заговорщиков должны были координироваться чрезвычайным посланником и полномочным министром в Румынии М. А. Хитрово. Однако этот

план не был реализован. Между тем в конце февраля — начале марта 1887 г. подняли восстание военные гарнизоны в Силистрии и Русе, но выступления эти были безжалостно подавлены, а организаторы и активные участники их, коим не удалось скрыться, расстреляны. Александр III крайне болезненно переживал эту неудачу. Он пришел в ярость, узнав о расстреле руководителей восстания. На первых порах он даже был готов пожертвовать тридцатью миллионами рублей из своих личных средств для оккупации Болгарии. Но здравый смысл удержал его от этого шага. Правящая российская элита испытывала полную растерянность.

25 июня 1887 г. новым правителем Болгарии был избран ставленник Австро-Венгрии 26-летний австрийский офицер князь Фердинанд Саксен-Кобург-Готский. В августе он сформировал болгарское правительство во главе с русофобом Стомболовым, что явилось очередным неприятным сюрпризом для Петербурга. В Болгарии усилилось австро-германское влияние.

В результате болгарского кризиса Россия утратила ряд политических приоритетов, приобретенных ею в Болгарии в итоге Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Болгарский кризис обострил внутрипартийную борьбу в России по вопросу о союзниках. «Московские ведомости» осуждали политику западных держав и деятельность русских дипломатов, которые привели к ослаблению русского влияния в Болгарии (385, 1885, № 252). Газета предлагала «не связывать себя больше оковами Тройственного союза» (385, 1886, № 266)и сохранить добрые отношения с Францией. Либеральная пресса, особенно журнал «Русская мысль», резко негативно отнеслась к позиции официальной России, называя ее ошибочной. Просчетами России, подчеркивали либеральные публицисты, воспользовались европейские державы, которые заняли место России в Болгарии.

Ухудшение отношений России с Германией и Австро-Венгрией

Болгарские события послужили толчком к обострению международной обстановки на европейском континенте. После некоторого примирения в начале 80-х гг. в Англии была развязана кампания против России. Британский лев пытался втянуть в войну с Россией Австро-Венгрию и Германию. Однако «железный канцлер» рекомендовал венскому двору не втягиваться в вооруженный конфликт, по крайней мере, до тех пор, пока Англия сама не вступит в войну с Россией. Властвуя хитростью, он, в свою очередь, пытался обострить на Балканах противоречия между Петербургом и Лондоном. Видя это, английская «Таймс» весной 1885 г. обви-

нила Бисмарка в том, что он намеренно разжигает костер войны между Россией и Англией. Бисмарк считал, что существующие противоречия между этими странами рано или поздно могут смениться дружественными отношениями и союзом, что очень опасно для Германии. «Поэтому германская политика, — считал канцлер, — должна ближе подойти к попытке установить между Англией и Россией скорее враждебные, нежели слишком интимные отношения». Неслучайно он рекомендовал Александру III в ноябре 1886 г. оккупировать Болгарию и одновременно подталкивал Джона Буля против России. Тогда же, воспользовавшись тем, что внимание европейских держав приковано к болгарскому кризису, верхушка правительственного аппарата кайзера подняла кампанию против Франции, где милитаристские круги, близкие к военному министру генералу Ж. Буланже, в свою очередь, вели реваншистскую пропаганду против Германии. И в Берлине, и в Париже шовинистическая кампания была связана с прохождением законопроектов об увеличении армии. В ноябре 1886 г. Бисмарк предложил рейхстагу утвердить законопроект, устанавливавший военный бюджет на 7 лет, и позволяющий довести численность армии в мирное время до 468 тыс. человек.

В это же время между Германией и Россией пробежала черная кошка в виде таможенной борьбы, что еще больше обострило активность антигерманского направления в рядах высшей администрации России. Александр III, К. П. Победоносцев, Н. П. Игнатьев, Н. Н. Огарев (и близкие к нему руководители армии и флота) были враждебно настроены к Германии и готовы были к изменению внешнеполитического курса. С лета 1886 г. М. Н. Катков повел энергичное наступление на гогенцоллерновскую Германию и дуалистическую монархию Габсбургов в руководимых им органах — газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник». С завидной настойчивостью он доказывал необходимость сближения с Францией. Тогда же через И. Ф. Циона он развернул агитацию за сближение с Россией и во Франции (с августа 1886 г. тот стал одним из руководителей журнала Nouvelle Revue, на страницах которого появились статьи Каткова). В конце декабря Катков подал Александру III через министра внутренних дел Д. А. Толстого записку об отношении России к Германии и Франции. В ней он уверял монарха, что Россия не может гарантировать свой нейтралитет в случае войны Германии с Францией. Париж должен держать часть своих войск на итальянской и австрийской границе. Если Россия гарантирует нейтралитет, кайзер бросит все свои силы против Франции, что поставит последнюю в неравное положение по сравнению с Германией. Петербург должен сохранить полную свободу действий и не принимать никаких

обязательств по отношению к немцам. Только при этом условии Россия останется арбитром мира. Государь, по свидетельству Е. М. Феоктистова, написал по этому поводу Толстому: «Прошу Вас передать Каткову мою благодарность и скажите ему, что я не сомневаюсь в его преданности и в его желании служить интересам отечества, как он их понимает и может» (182, с. 229). Следует подчеркнуть, что в это время не только катковская печать, но почти вся отечественная пресса ясно и определенно высказывалась против агрессивной политики Германии и в защиту Франции.

Тем не менее самодержец всероссийский колебался. Он еще не был готов изменить политику в отношении Германии.

11 января 1887 г. О. Бисмарк выступил в рейхстаге с громовой речью против французов и провел в Эльзасе и Лотарингии ряд мер, усиливших реваншистские настроения во Франции. В многострадальной Европе вновь сложилась обстановка военной тревоги. Министр иностранных дел России Н. К. Гирс, его ближайший помощник В. Н. Ламздорф, а также помещичьи круги, которые вели торговлю через Балтийское море, еще пытались сохранить союзные отношения с Германией. На короткое время Гирсу удалось убедить царя в целесообразности двусторонних русско-германских переговоров (без Австрии), начатых в 1887 г. по истечении 3-летнего срока подписания «Союза трех императоров».

В итоге переговоров в Берлине 6 (18) июня 1887 г. русским послом Павлом Шуваловым и Бисмарком было подписано секретное русско-германское соглашение, получившее название «перестраховочного договора». По замыслу Бисмарка договор должен был устранить опасность войны Германии на два фронта. Опираясь на Тройственный союз, направленный против России и Франции, «великий юнкер» решил перестраховаться путем заключения соглашения с Россией и тем самым предотвратить ее сближение с Францией. Петербургу договор был необходим ввиду обострения его отношений с Лондоном.

Обе державы обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. Но это правило не касалось войны против Австрии или Франции. Германия не гарантировала свой нейтралитет при нападении России на Австрию, а Россия — в случае нападения Германии на Францию. Германия признавала права, приобретенные Россией по Берлинскому трактату на Балканском полуострове. Обе стороны обязывались сохранять статус-кво на Балканах. Союзники признавали прежний принцип закрытия проливов Босфор и Дарданеллы для военных судов всех наций. Кроме того, по приложенному к договору секретному протоколу Берлин обязался соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную и дипломатическую поддерж-

ку России, если бы та оказалась вынужденной «принять на себя защиту входа в Черное море» в целях ограждения своих интересов, а также ни в коем случае не давать согласия на реставрацию на болгарском троне принца Баттенбергского. Этот протокол Бисмарк предлагал «спрятать под двойное дно», т. е. хранить в особой тайне. Отсюда встречающееся название «перестраховочного договора», как договора с «двойным дном». К слову сказать, соглашение 1887 г. не улучшило русско-германских отношений. Берлину не удалось перехитрить Россию и добиться от нее обязательства сохранить безусловный нейтралитет в случае войны с Францией. Петербург оставил за собой право быть арбитром франко-германских разногласий. Немецкая и русская пресса продолжали вести друг против друга недобрую, ожесточенную кампанию. Ухудшались русско-германские экономические отношения. Прусское юнкерство всеми фибрами сопротивлялось ввозу русского хлеба, а русские промышленники — ввозу немецких индустриальных товаров. Последовало одно за другим взаимное повышение таможенных пошлин. Введенные Германией в 1885 и 1887 гг. новые повышенные ставки на сельскохозяйственные товары, вызвали недовольство русских помещиков. 12 (24) мая 1887 г. петербургский кабинет обнародовал указ о запрещении иностранным подданным владеть недвижимостью в западных губерниях России. Им возбранялось также занимать должности управляющих имениями. Меры эти в основном были направлены против немцев.

Кроме того, Россия приняла новые протекционистские тарифы, по которым ввела высокие пошлины на железо, сталь и металлические зарубежные изделия, на уголь и кокс, что привело к сокращению немецких товаров на русском рынке. Вслед за этим Бисмарк закрыл доступ русским биржевикам на немецкий денежный рынок. Узнав, что двери берлинских банков перед ним закрыты, царское правительство обратилось к французским денежным магнатам. Это ускорило сближение русского капитала и французской биржи. На горизонте европейской политики стали вырисовываться первые контуры будущего франко-русского союза.

В этих условиях русско-германский «перестраховочный договор», подписанный в 1887 г. на три года по инициативе Германии, не был возобновлен в 1890 г. Сложные, хитроумные дипломатические комбинации Бисмарка окончились неудачно. В марте 1890 г. Бисмарк вынужден был уйти в отставку. Помимо объективных причин, сказалась и личная неприязнь к нему молодого кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна, вступившего на престол 15 июня 1888 г., имея от роду 29 лет. Перед этим будущий германский им-

ператор и прусский король в течение года похоронил своего деда Вильгельма I в возрасте 91 года и своего отца Фридриха-Вильгельма, прожившего почти всю жизнь кронпринцем и ставшего императором лишь за три месяца до своей смерти. С 1884 г. по инициативе Бисмарка Вильгельм несколько раз ездил с визитами в Петербург. Это доставляло тогда молодому человеку немалое удовольствие, поскольку бесило отца, кронпринца Фридриха, приверженца британской ориентации. В 1884 г. состоялось знакомство Вильгельма с цесаревичем Николаем. Между ними завязалась переписка; принцу казалось, что он приобрел вечную дружбу с будущим правителем России. Однако время показало ее непрочность. Историки характеризуют его, как самонадеянного и дерзкого прусского юнкера, твердо «уверенного в превосходстве возглавляемой им по божественному праву монархии» над всеми остальными странами и народами и «в своем собственном превосходстве над своими подданными», не говоря уже о всех инородцах и иноземцах, «не способных подняться до германского мышления». Естественно, он мнил себя великим полководцем, преемником Фридриха Барбароссы и «железного Фридриха». Первым публичным выступлением этого «последнего из гуннов» стало обращение его к армии: «Мы принадлежим друг другу — я и армия, — мы были рождены друг для друга и останемся впредь неразрывно связаны, все равно, пошлет ли нам Господь войну или мир» (382, 1988, № 3, с. 133). Он отродясь не расставался с блестящей металлической каской и охотно позировал в военной форме и воинственных позах. Его физиономия с нафабренными, закрученными и поднятыми кверху двумя стрелками усов раскрывала чванливую заносчивость и угрожающую агрессивность собственной натуры убедительнее трескучих речей, которые он произносил с большим апломбом. По количеству публичных выступлений, по неотвратимому «желанию откликнуться на то или иное событие и дать ему безапелляционную оценку» кайзер превзошел всех монархов. Уже в конце XIX в. о последнем Гогенцоллерне родилась язвительная шутка: он жаждет быть «императором на троне, женихом на свадьбе и покойником на похоронах» (там же). В памяти поколений он все же останется одним из главных поджигателей мирового пожара, принесшего неисчислимые бедствия европейским народам и самой Германии.

5. ОБРАЗОВАНИЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА

Русско-французское сближение проистекало из объективного развития международных отношений. Безусловно, обе державы

руководствовались собственными представлениями и интересами. Сближение России и Франции было естественной ответной реакцией на враждебный курс Германии, Австро-Венгрии и сплочение государств Тройственного союза. Начиная с 1870 г. Франция находилась под постоянной германской угрозой. Кроме того, и Париж, и Петербург испытывали острые противоречия с Англией. В отличие от Лондона в болгарском вопросе Париж занял благожелательную по отношению к России позицию. Правительство Третьей республики отказалось принять болгарскую делегацию, прибывшую в Париж в январе 1887 г. с просьбой о содействии в урегулировании болгарского кризиса. Как и Россия, Франция не признала Фердинанда Кобурга болгарским князем.

Важной составляющей, определявшей русско-французское сближение, являлось торговое и финансово-экономическое сотрудничество. Ощутимо возрастал объем внешней торговли между обеими странами. Широкое распространение в России находили французские капиталовложения. Основной областью их приложения была горно-металлургическая промышленность. В 1887 г. русское правительство заключило первый заем в Париже на 500 млн франков. За ним последовало еще несколько займов, и к исходу 1889 г. задолженность России французским банкам составила 2600 млн франков. В дальнейшем Франция сделалась главным кредитором России.

Следует отметить, что в это время активизировались интеллектуальные, духовные связи между Францией и нашей страной. Титаны мысли французского Просвещения были известны в культурных слоях России еще с XVIII в. Позднее французские корифеи слова XIX столетия Виктор Гюго, Стендаль, Бальзак, Флобер, Золя, Мопассан «обрели в нашей стране как бы вторую родину». В свою очередь, «русская литература завоевывает огромное число приверженцев во Франции». Вслед за Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тургеневым, известным ранее французам, широко переводятся на их язык Л. Толстой, Достоевский, Гончаров, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Островский, Григорович, Писемский, Гаршин, Короленко и другие. Много лет спустя, в августе 1940 г., Ромен Роллан с почтением отзывался о значении творчества Льва Толстого: «Величайшее искусство «Войны и мира», точного понимания которого я не нашел ни у одного француза, ибо это творение несколько озадачивает наш галльский ум, — этот парящий над вселенной полет, полет гения с орлиным взором» (374а, 1959, № 10, с. 7). В Париже в 1892 г. вышла энциклопедия о России.

Аналогично литературе широкое признание во французских музыкальных кругах нашли композиторы «Могучей кучки» — Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин и другие. С огромным энтузиазмом чествовали Чайковского на музыкальных вечерах в Париже, где он встретил большое внимание к своему творчеству со стороны выдающихся французских музыкантов. В 1892 г. он был избран членом-корреспондентом Академии изящных искусств.

Электрические фонари, которые зажглись на улицах Парижа, в простонародье называли «яблочкоф», по имени русского электротехника Яблочкова, который писал, что из столицы Франции «электрическое освещение распространилось по всему миру, дойдя до дворца шаха персидского и до дворца короля Камбоджи». Профессор Московского университета А. Г. Столетов в 1881 и 1882 гг. выступал с научными докладами во Французском физическом обществе, членом которого был избран. В 1882 г. Н. Н. Миклухо-Маклай сообщил членам Французского исторического общества о результатах своей экспедиции в Океанию. В 1888 г. премию Бордена получила математик профессор С. В. Ковалевская (246а, с. 190).

Тогда же ряд крупных ученых — А. Рамбо, Альбер Вандаль, Луи Леже, Курьр, Энекен и другие посвящают свои фундаментальные труды русской тематике (см. 182, с. 292—294).

В марте 1891 г. высшим русским орденом Андрея Первозванного был награжден президент Французской республики Карно, а вслед за этим орден Александра Невского был вручен военному министру Фрейсине и министру иностранных дел Рибо.

Непосредственным толчком к заключению русско-французского союза явилось демонстративное возобновление в мае 1891 г. тройственного австро-германо-итальянского союза. Способствовало этому и возможное присоединение к Тройственному союзу Англии. Александр III понимал необходимость создания прочного противовеса. На выдержках из иностранных газет, касающихся Тройственного союза и франко-русского сближения, Александр III 5 (17) июня пометил: «Как всем этим канальям желательно расстроить хорошие отношения наши с Францией. Доказательство, как эти отношения их тревожат и неприятны им» (182, с. 321).

Новым важным этапом открытой демонстрации франко-русской дружбы стал кронштадтский визит французской эскадры. 13 (25) июля 1891 г. к рейду Кронштадта подошла расцвеченная яркими флагами и вымпелами французская эскадра под командованием адмирала Жерве. Официальная, сановная Россия во главе с Александром III радушно встречала французских моряков. Огромное впечатление на современников произвело то, что император Александр III с обнаженной головой прослушал исполнение французского национального гимна Марсельезы. В своей

памятной книжке царь оставил лаконичную запись: «...июль 13. В 9 ч. утра отправились на «Царевне» в Кронштадт под моим и греческим штандартом... Прошли всю линию французов и нашу. Были на двух фр. Marengo и Marcean. Завтрак на 100 человек на «Державе». В $3^1/_2$ вернулись на «Царевну»...» (22, д. 127, л. 7 об.). Торжества продолжались почти две недели. Вся думающая Россия выражала глубокие симпатии французским гостям. После Петербурга посланцы Франции побывали в Москве, где с 15 мая была открыта французская выставка, главным организатором которой стал бывший министр иностранных дел Эмиль Флуранс, «превративший дело франко-русского сближения в свою, так сказать, вторую профессию». Выставку в Москве посетил и Александр III, во время приезда которого и французских гостей Первопрестольная блистала своим радушием и гостеприимством. Не меньшее, впечатление кронштадтские торжества произвели в самой Франции, народ которой с величайшим энтузиазмом и восторженностью воспринимал вести из России. Многие французы считали 1891 г. переломным в судьбе их страны.

«Кронштадтским годом» назвал его известный писатель Анатоль Леруа-Болье, подчеркивая значение визита. Вся русская и французская пресса подробно освещала кронштадтские празднества. «Прибытие французской эскадры в Кронштадт, — отмечалось в «С.-Петербургских ведомостях», — и блестящий прием, ей оказанный, делают, конечно, все более вероятным сближение между Францией и Россией. Две державы, связанные естественною дружбой, располагают такой грозной силой штыков, что Тройственный союз должен остановиться невольно в раздумье» (396а, 1891, № 184).

Кронштадтские торжества явились ощутимым потрясением для Германии и ее саттелитов. Тогда же в августе 1891 г. после торжественного приема в Кронштадте и столице империи Александром III моряков французской эскадры, возвестившего миру о франко-русском сближении, генерал фон Швейниц, германский посол в Петербурге, в письме из Красного Села в день военного парада писал так: «...Я присутствую шестнадцатый раз на этом военном спектакле, но сегодня с новыми чувствами... моя тридцатилетняя политическая деятельность завершается крушением всех принципов, ради которых я трудился» (182, с. 12).

15 (27) августа 1891 г. французский министр иностранных дел Рибо и русский посол во Франции Моренгейм заключили секретное соглашение, облеченное в форму обмена письмами. Это был еще союз, а консультативный договор. Оба правительства договорились «совещаться между собой по каждому вопросу, который может угрожать всеобщему миру». Это соглашение стало первым

документом, установившим основы будущего русско-французского союза, направленного против держав Тройственного союза.

Через год, 5 (17) августа 1892 г., начальники генеральных штабов двух государств Н. Н. Обручев и генерал Буадефр заключили секретную военную конвенцию. Стороны обязывались оказать друг другу военную помощь в случае нападения Германии: военные силы должны быть быстро введены в дело таким образом, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на востоке и на западе. Франция должна была выставить против Германии 1300 тыс. человек, а Россия — от 700 до 800 тыс. человек. Французская республика торопилась с ратификацией конвенции. Александр III, «одобрив проект в принципе» передал его на заключение министру иностранных дел. Но Гирс тайно саботировал заключение. Несмотря на многократные напоминания Рибо, Обручева, Ванновского, находил разные предлоги, пытаясь заморозить утверждение соглашений двух держав.

Тем временем русско-германские отношения продолжали ухудшаться. Участившиеся таможенные конфликты привели в 1893 г. к открытой таможенной войне, что обостряло отношения между странами. Наряду с этим 3 августа 1893 г. после одобрения рейхстагом в Германии вступил в силу новый закон, по которому германские вооруженные силы должны быть увеличены на 1 млн 500 тыс. штыков и доведены до 4 млн 300 тыс. солдат. В связи с этим Петербург принял решение об ответном визите русского флота во французские порты. В октябре того же года русская эскадра под командованием адмирала Ф. К. Авелана посетила Тулон, где ей был оказан самый торжественный прием. Внимание и радушие, с которыми встречала Франция русских моряков в Тулоне, Лионе, Марселе свидетельствовали об искреннем расположении французского народа к России.

6 декабря 1893 г. Гирс вынужден был, хотя и с некоторыми оговорками, одобрить проект военной конвенции с Французской республикой. 14 декабря в Гатчине Александр III одобрил проект конвенции и проект письма к французскому послу Г. Монтебелло.

15 (27) декабря 1893 г. — 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.) состоялся обмен письмами между Монтебелло и Гирсом, в результате чего военная конвенция вступила в силу и приобрела обязательный характер. Таким образом, 4 января 1894 г. окончательно завершилось оформление русско-французского союза. Несмотря на наличие очевидной политико-идеологической несовместимости Третьей французской республики и самодержавной Российской империи, объективные национально-государственные интересы сыграли определяющую роль во внешней политике и международных отношениях.

Образование русско-французского союза раскололо европейский континент на два военно-политических блока, примерно равных по своей мощности.

Союз играл немалую роль в международной политике. С ним вынуждены были считаться все европейские страны, в том числе Германия и Англия. «Франко-русская дружба, — признавался «Вестник Европы», — сделалась залогом мира, а не орудием вражды» (368, 1895, № 10, с. 825). Престиж России на международной арене возрастал. В конечном итоге соотношение сил между двумя противостоящими блоками во многом зависело от того, к кому примкнет «владычица морей» Англия. А пока в 90-е гг. британский лев имел серьезные конфликты с русским медведем на Дальнем Востоке, в Китае, Иране; с Францией — в Африке, Сиаме; с Соединенными Штатами — в Латинской Америке.

6. ИТОГИ

Поражение самодержавия в Крымской войне, хотя и ослабило международное влияние России, но не могло пошатнуть ее значения как великой державы континента.

Необходимость глубоких внутренних преобразований, осознанная правительством, вынуждала его ослабить внешнеполитическую активность в Европе и решать внешнеполитические задачи государства дипломатическими средствами.

Для 50-х — начала 70-х гг. главная цель России сводилась к отмене отдельных статей Парижского договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря, которая была осуществлена усилиями А. М. Горчакова в 1871 г. Небезуспешна была деятельность русской дипломатии на Дальнем Востоке. В 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Россия установила дипломатические отношения с Японией и были подписаны два договора с Китаем, по которым Приамурье и Приморье вошли в состав российского государства.

После отмены нейтрализации Черного моря Россия переходит к более активным действиям на Востоке. Но и в эти годы главная внешнеполитическая программа правительства, выработанная во второй половине XIX в., сохраняла свою силу: стремление к локализации международных конфликтов мирным путем, отказ от широких внешнеполитических планов в отношении проливов, Балкан и Западной Европы. Искать опору в самих себе — этот принцип, выдвинутый А. М. Горчаковым в середине 50-х гг., составлял важный элемент внешнеполитического курса России на протяжении последних 50 лет XIX в.

Глава шестнадцатая

ПОЛИТИКА РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В период царствования Александра III важным театром колониального соперничества оставалась Средняя Азия

В то время, когда западно-европейские державы распространяли свои владения и разграничивали области влияния на африканском континенте, Россия утверждала свою власть в Средней Азии. Здесь она завершала историческое поступательное движение в глубь материка и умиротворение среднеазиатских степей. Как известно, большая часть Средней Азии была присоединена к России при Александре II в период 1865—1881 гг. В годы правления Александра III присоединяется Туркмения и завершается сложный процесс вхождения народов Средней Азии в состав Российского государства.

1. ТУРКМЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Территория, население и хозяйство Туркмении

Туркмения занимала обширную территорию (488,1 тыс. кв. км) на юго-западе Средней Азии. На западе омывалась Каспийским морем, образующим довольно крупный залив Кара-Богаз-Гол (Кара-Бугаз) и существенно меньший по площади Красноводский залив. Восточная граница региона несколько заходила за реку Амударью. На юге Туркмения примыкала к Персии, четко очерчивалась хребтом Копетдаг (высотой до 3117 м) и горными странами на севере Афганистана. Там с гор спускались реки и ручьи, дающие жизнь южным туркменским оазисам. На севере земли края подступали почти к самому Аральскому морю.

Большую часть Туркмении занимала пустыня Каракум, одна из самых бесплодных на земле. Наиболее населенные земли региона находились на юге, где оазисы вытянулись вдоль гор длинной и узкой лентой. Центром Туркмении, находящимся рядом с Копетдагом, был Ахалтекинский оазис, или Ахалтеке.

На востоке крупные оазисы располагались по течению рек Теджена (Гери-руда) и Мургаба. В XIX в. Марыйский (Мервский) оазис потерял уже свое прежнее значение крупнейшего культурного центра Средней Азии, но многочисленные остатки древних сооружений еще свидетельствовали о его славном прошлом. Тем не менее Марыйский оазис оставался наиболее населенным рай-

оном Туркмении конца XIX столетия. Гораздо меньшее значение имели оазисы Иолатан и Пенде, находившиеся к югу от Мерва.

Климат резко континентальный, засушливый, с большой годовой и суточной амплитудами температур, малой влажностью воздуха, высокой испаряемостью и небольшим количеством осадков. Растительность в основном пустынная. В пустыне на песках растут кустарники: белый и черный саксаул, кандым, черкез, песчаная акация. Ущелья Западного Копетдага богаты дикорастущими плодовыми (виноград, яблоня, боярышник, алыча, миндаль, гранат, грецкий орех, инжир, фисташка).

Хозяйство туркмен носило смешанный характер. Его определяли скотоводство и земледелие на поливных и богарных (без искусственного орошения) землях. Среди зерновых преобладали ячмень и пшеница, широко распространялось садоводство и бахчеводство. Особенно большое значение имели коневодство и овцеводство. Высоко ценились и экспортировались шкурки каракульских овец (148, т. 1, кн. II, гл. VI).

Большинство туркмен перед присоединением к России не были кочевниками в собственном смысле слова. Однако, несмотря на постоянную связанность с земледелием и садоводством, они жили в кибитках и только немногие в небольших глинобитных хижинах.

Городская жизнь в Туркмении была развита слабо, и даже крупнейший туркменский центр Мары (Мерв) представлял собой группу поселений, сосредоточенных в окрестностях обширной, но пустой крепости Коушут-Кала. Внутри крепости находился только небольшой аул.

Значительная масса туркмен принадлежала к племени текинцев (текке). Кроме текинцев, в разных районах Туркмении жили другие племена. К числу наиболее значительных принадлежали сарыки, населяющие район Иолатана. В Серахсе жили салыры (салоры), а Каахку населяло немногочисленное племя алили (алилийцы). У берегов Каспийского моря обитали иомуты. Они по преимуществу были кочевниками. Примыкавшие к ним с востока токлены вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Существовали и более мелкие племена, порой теснимые более сильными.

Примечательно, что туркменские племена не признавали над собой какой-либо высшей власти. По свидетельству генерала Куропаткина, «каждый туркмен держит себя вполне независимо и никому не дает отчета. Храбрейшие и наиболее ловкие из родовых старшин избираются во время грабительских походов».

В политическом отношении Туркмения была раздроблена. Текинцы выбирали ханов, которые, впрочем, пользовались ограниченной властью и находились в зависимости от собрания представителей родов — генгеш, маслахат (399, 1931, № 5—6, с. 34). Эти собрания созывались для разрешения важнейших вопросов, «когда дело касается всего народа или целого племени». В Мерве собирался генгеш, в Ахалтеке — маслахат. В 20-х гг. XIX столетия Россия стремилась укрепить политические и экономические связи с туркменами.

К середине XIX в. значительная часть туркменских племен добровольно приняла русское подданство.

2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТУРКМЕНИИ

Причины продвижения России в Туркмению

Утвердившись в центральной и восточной части Средней Азии, Россия с конца 1870-х гг. вынуждена была начать свое продвижение на ее юго-запад, в земли туркмен. Одной из причин тому явилось осложнение в этом регионе обстановки в связи с энергичными подрывными действиями британских агентов. В 70—80-х гг. Персия, в частности ее северная провинция Хорасан, стала опорной базой военно-политической экспансии британского льва в Средней Азии. Премьер-министр Англии Биконсфильд 22 июля 1877 г. высказал королеве Виктории свое мнение: «Если Россия должна быть атакована из Азии, то войска должны быть отправлены в Персидский залив, и императрица Индии (т. е. королева Виктория. — *Е. Т.*) должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от московитов и загнать их в Каспий. Мы имеем хороший инструмент для осуществления этого в лице лорда Литтона, который и послан туда с этой целью» (401, p. 155).

Джон Буль установил связи со среднеазиатскими ханами, пытался договориться и с вождями туркменских племен. Британские экспансионисты развязали вторую агрессивную войну против афганского народа. В конце 1878 г. их войска вторглись в Афганистан и заняли его важнейшие города: Кабул, Кандагар, Газни...

Другой важной причиной начала боевых действий России против туркмен явились их непрекращающиеся нападения на русские гарнизоны. Грабеж, разбои (аламаны) туркмены возвели у себя в ремесло. Начиная с осени и до весны они собирались бандами от 150 до 1000 человек и отправлялись в набеги на соседние земли.

Покорение этих закаленных, воинственных наездников представляло значительно большие трудности, нежели подчинение среднеазиатских ханств. Опорным пунктом для продвижения в

Туркмению стал Красноводск, основанный в 1869 г. Петербургские столоначальники решили завоевание туркмен провести войсками Кавказского военного округа, переправив часть их на восточный берег Каспия.

9 апреля 1874 г. высочайшим указом было утверждено временное положение об управлении Закаспийским краем, в район которого вошло все пространство по восточному берегу Каспийского моря, от Мертвого Култука до Атрека и в глубину морского берега до западных границ Хивинского ханства. Все это пространство с прилежащими к нему островами составило Закаспийский военный отдел, начальником которого стал генерал-майор Н. П. Ломакин. Место его пребывания учредили в Красноводске. В 1877 г. Ломакиным производились деятельные рекогносцировки в направлении Ахалтекинского оазиса (23, оп. 1, ед. хр. 495, л. 134 об.), занимавшего площадь 3860 кв. км. Как отмечалось выше, оазис населяли туркестанские племена текинцев (около 100 тыс. человек), которые оказывали ожесточенное сопротивление русским войскам и царской администрации.

Первая экспедиция в Ахалтекинский оазис

В мае 1877 г. отряд русских войск, практически без сопротивления, занял Кызыл-Арват. Однако, не сумев там закрепиться, они вынуждены были его покинуть из-за большой отдаленности от основной красноводской базы. Осенью 1878 г. Ломакин заложил на реке Атрек укрепление Чат, начальнику которого поручалось добиваться сближения с туркменами, изучать их внутренний быт, заботиться о развитии торговли (228, с. 349).

Тогда же войска Закаспийского отдела неоднократно отражали нападения туркмен на русские посты в различных пунктах.

Чтобы подавить выступление текинцев русские войска предприняли две Ахалтекинские экспедиции.

В июле — августе 1879 г. состоялась первая Ахалтекинская экспедиция (10 тыс. человек при 34 орудиях). Целью ее было взятие Геок-Тепе (крепости Денгиль-Тепе) — главного опорного пункта текинцев в 45 км северо-западнее современного Ашгабата. Экспедиция кончилась неудачно. В походе заболел и умер руководитель ее храбрый кавказский генерал-адъютант И. Д. Лазарев. Место его с 14 (26) августа занял генерал-майор Н. П. Ломакин.

Когда авангард 28 августа (9 сентября) подошел к Геок-Тепе, огромная толпа текинцев, размахивая шашками и подбрасывая вверх шапки, быстро двинулась из крепости Денгиль-Тепе. Русские выждали и после нескольких залпов заставили текинцев спасаться в крепости, у ворот которой произошла страшная давка.

Солдаты сгоряча гнались за текинцами со штыками почти до самых стен, пока те не скрылись. Ворота были затворены и завалены чем попало. Однако после подхода главного отряда штурм крепости не был достаточно продуман. Перед русскими возвышались укрепления, сбитые из глины, высотой свыше 6 метров. Начатая атака не удалась. В какие-нибудь полчаса третья часть пехоты была изрублена. Погибло 200 солдат и офицеров, 250 ранено. Батальоны отступили в беспорядке. Темнота ночи еще более усугубила суматоху. Бог весть чем бы все кончилось, если бы в это время текинцы не собрались на маслахат. На совете текинцы поняли, что понесли большие потери: оказалось до 2 тыс. убитых, главный предводитель Берды-Мурат-хан тяжело ранен и что, пожалуй, им выгоднее просить мира. Наутро они хотели начать переговоры. Но когда выборные собрались ехать в лагерь, русский отряд успел уже сняться с бивака. Прошел еще день, текинцы наконец поняли, что одержали победу. Начались угощения, скачки, пальба из ружей. Все русские пленные были изрублены, с трупов несчастных собирали жир для заживления своих ран (47а, с. 273—275).

Причины неудачи заключались, во-первых, в неумело организованной доставке припасов и перевозочных средств, не позволивших после штурма дольше держаться под стенами Денгиль-Тепе; во-вторых, в слишком большой уверенности в слабости противника, что он не сумеет дать отпора и, как следствие этого, отсутствие рекогносцировок крепости и подготовки атаки огнем; в-третьих, защитники крепости получали оружие от англичан.

Престиж «непобедимых» царских войск был поколеблен. Текинцы, а за ними Бухара и Хива воспрянули духом, увидя, что и над русскими войсками возможна победа. Разумеется, вскоре же участились нападения текинцев, и нужно было во что бы то ни стало скорее восстановить авторитет русского оружия, пока возмущение не поднялось по всей Азии.

Кроме того, возникла опасность прямого вмешательства Англии, особенно после ее победы в Англо-афганской войне.

Вторая Ахалтекинская экспедиция

После ряда заседаний, проходивших на высочайшем уровне в Петербурге в январе — феврале 1880 г. по вопросам «закаспийской политики», было принято решение предпринять «серьезные меры в Азии ввиду агрессивной политики англичан» (187, т. 3, с. 224—226).

Командующим войсками Закаспийского военного округа был назначен 37-летний генерал-адъютант М. Д. Скобелев, который

успешно закончил Кокандский поход, а затем прославил свое имя за Дунаем. Зная характер Скобелева, военный министр Д. А. Милютин заявил новому командующему: «Военные действия не цель, а только средство к умиротворению туркмен, а потому не следует искать боя» (307, т. II, с. 45).

С мая 1880 г. началась подготовка второй Ахалтекинской экспедиции. Прежде чем начать поход Скобелев позаботился о заготовке провианта, средствах перевозки, обеспечении медицинской помощью и др. Создавалась сеть укрепленных сооружений и баз. Опорным пунктом было определено Бами, лежащее между Кызыл-Арватом и Геок-Тепе. В течение 5 месяцев туда было перевезено 800 тыс. пудов военных грузов, в том числе снарядов разных калибров около 30 тыс. штук, 150 пудов пороха, 1 млн 140 тыс. патронов, много продовольствия. Войско обслуживало около 8 тыс. верблюдов, много вьючных лошадей, полторы сотни фургонов (307, т. III, с. 148—150).

От Красноводска на Асхабад (Ашхабад) начали прокладывать железную дорогу. Во время подвоза припасов в Бами транспорт постоянно подвергался нападениям текинцев. Чтобы несколько сдержать их пыл и произвести рекогносцировку окрестностей крепости, генерал Скобелев в июле произвел довольно смелый выход к Денгиль-Тепе с отрядом в 750 человек, 6 орудиями и 8 ракетными станками. Во время рекогносцировки Геок-Тепе было выпущено около сотни снарядов в Денгиль-Тепе. При возвращении отряд выдержал схватку, в которой погибло 19 человек. Текинцы потеряли до 200 человек. Скобелев поражал всех своей смелостью, сохраняя хладнокровие в самые критические минуты. В один из моментов боя, когда около 10 тысяч текинских всадников носились вокруг отряда, пытаясь врубиться в ряды русских, а пули их жужжали кругом как пчелы Скобелев приказал подать складной табурет, уселся лицом к текинцам и стал разглядывать их в бинокль.

Действия Скобелева, не похожие на дела других военачальников, пугали текинцев. «Мы боимся этого генерала, — признавались они, — будь на его месте другой, мы давно разбили бы кара-гяуров».

Текинцы прозвали Скобелева «гози ганлы», что означало «кровожадные глаза». Проведя несколько рекогносцировок, Скобелев с 11-тысячным отрядом, 97 орудиями и 19 ракетными станками, 4 эшелонами 26 ноября 1880 г. выступил из Бами. Наступление началось после схватки у Келяте взятием Сиянь-бахтырь-кала (недалеко от Денгиль-Тепе) и перенесением туда базы. С 23 декабря по 12 января велись осадные работы Геок-Тепе.

По направлению штурма с юго-восточной стороны крепости построили три линии параллелей (окопов), ходы сообщения, редуты. Возвели осадные батареи. Текинцы — до 20—25 тыс. человек ополчения (в том числе 4—6 тыс. всадников) с 5 тыс. устаревших ружей и 3 орудиями — боролись насмерть.

«Против современного типа войска, — отмечал А. Н. Куропаткин, — вооруженного скорострельным оружием, боролось население, в котором каждый мужчина считался воином, но главным своим оружием считал «клыч», т. е. шашку, и главным видом боя — бой рукопашный» (312, кн. 2, с. 143).

Особенно страшны были их вылазки. Они крались как кошки всегда ночью, бросались сразу как тигры. На вылазки ходили босые, с засученными рукавами, с подобранными халатами, вооруженные шашками, пиками или русскими штыками. Ружей на вылазку не брали. Как правило, впереди шли самые отчаянные, настоящие бойцы. Подбирались к траншее и, крикнув: «Алла! Магома!», пускали в ход шашки. За передовыми бойцами шла команда, наподобие наших санитаров, обязанностью которой было уносить раненых, подбирать убитых. Сзади же всех крались аламанщики, или грабители. Аламанщиками брали мальчишек лет 14—15. Грабили ловко: за несколько минут успевали обшарить всю траншею, подбирали оружие, раздевали донага убитых, не брезговали ничем. Нередко вместе с ними ходили и женщины с мешками для сбора добычи. Русские, пока не познали текинских сноровок, многое теряли во время этих вылазок. В вылазках участвовало от 4 до 12 тыс. человек (47а, с. 289—293). Всего было совершено три вылазки: 28, 30 декабря 1880 г. и 4 января 1881 г. Наиболее знаменитой была последняя, в которой участвовало 12 тыс. человек. Текинцам удалось утащить одно горное орудие и вместе с ним уцелевшего наводчика Агафона Никитина. Защитники крепости обрадовались, что им посчастливилось захватить живьем «топчибашу», т. е. артиллериста, который научит их стрелять из пушек. Но Никитин, поняв, что от него требуют, наотрез отказался стрелять. Тогда азиаты стали его мучить: отрубили пальцы на руках, отрезали уши, вырезали на спине полосу кожи, потом положили живого на огонь и начали бить... Так он умер в страшных мучениях! (171а, с. 165). Хотя ночные вылазки причиняли много неприятностей, они не смогли сорвать осаду крепости.

В Татьянин день, 12 (25) января 1881 г., после подрыва крепостной стены (было заложено 72 пуда пороха) и артиллерийской бомбардировки три колонны русского отряда с криками «Ура!» бросились на штурм. Колонна полковника Куропаткина ринулась в обвал, полковник Козелков одновременно занял брешь в стене, пробитую артиллерией, а колонна Гайдарова влезла на стену по осадным лестницам. Вскоре все они проникли в крепость, сплошь заставленную кибитками.

Подавляющее превосходство русских войск в вооружении, сосредоточение Скобелевым до $^2/_3$ сил отряда (около 7 тыс. человек, 79 орудий, 15 ракетных станков) на направлении штурма обеспечили успех. Текинцы дорого заплатили за оборону, потеряв более 6 тыс. человек. Утраты русских составили 398 человек, из них 59 убитых (307, т. III, с. 196—198).

После падения Геок-Тепе 18 января Куропаткиным было занято крупное текинское селение Асхабад — г. Полторацк (1919—1927), Ашхабад (1927—1992), ныне Ашгабат.

В конце марта предводитель текинской обороны Дыкма Сердар явился в Асхабад, вручил Скобелеву свою саблю, которую и получил обратно, после того как поклялся верно служить белому царю (47а, с. 305—307). Вскоре пришло все население, прося о принятии в русское подданство.

В Зимнем дворце был назначен «большой выход с благодарственным молебствованием». Скобелев был произведен в генералы от инфантерии и получил орден Георгия 2 степени.

Д. А. Милютин записал, что овладение Геок-Тепе «несомненно, поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии» (187, т. 4, с. 17). Было совершенно ясно, что на сей раз в роли неудачника оказался Джон Буль, потерпевший ряд поражений в Афганистане и Южной Африке.

С окончанием военных действий и постепенным возвращением в свои дома бежавших в пустыню жителей 6 мая 1881 г. Ахалтекинский оазис был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в Закаспийскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Административным центром области стал Асхабад. Первым начальником области был назначен генерал Рерберг (171а, с. 166).

Желая ослабить впечатление от учиненного в Геок-Тепе разгрома, Петербург объявил о прощении туркменских патриотов, сражавшихся в оазисе. Туркмены получали землю, одежду, продовольствие, им оказывалась медицинская помощь.

Серьезное внимание было уделено привлечению на сторону Российской империи феодальной знати. Отдельные представители племенной верхушки получили звание офицеров местной «милиции». Пятеро из них во главе с Дыкма Сердаром прибыли в Петербург в качестве делегации туркестанских старшин и были тепло приняты царем и военным министром.

После образования Закаспийской области свою независимость сохраняли лишь племена Тедженского, Мервского и Пендинского оазисов.

На часть этих территорий претендовал иранский шах, войска которого нападали на селения туркмен, разрушали ирригационные сооружения, отводили воду с полей.

Лондон поддерживал притязания Персии на туркменские земли, в частности на Мерв, стремясь создать из него «независимое» государство под протекторатом Афганистана или Ирана, с тем чтобы стать его фактическим хозяином. Пресса особенно подчеркивала роль Мерва для защиты Индии. Как и в других крупных городах Средней Азии, жители Мерва не были единодушны в вопросе о политической ориентации. Большая его часть, преимущественно трудящаяся, стремилась к прекращению кровопролитных войн, к сближению с Россией. Меньшая, прежде всего родоплеменная верхушка и мусульманское духовенство, противилась ориентации на Россию. Отсутствие согласия среди населения было использовано недругами России. Они возбуждали антирусские настроения, доставляли в Мерв английское оружие и боеприпасы. Однако эти усилия успеха не имели. Взятие Геок-Тепе предопределило судьбу всей Туркмении. В январе 1884 г. на Собрании народных представителей Мервского оазиса, расположенного по течению реки Мургаба, было принято решение о добровольном присоединении оазиса к России (312, с. 145). Участвующий в обсуждении влиятельный Махтумкули-хан от имени всех присутствующих заявил, что «мервский народ безусловно принимает русское подданство... и для управления собой желает иметь русского начальника» (309, с. 149). Город был принят в русское подданство: ему предоставлялось внутреннее самоуправление, запрещались рабство и работорговля. В марте 1884 г. в Мерве (Мары) расположились царские войска. Великобритания «рассматривала Мерв как стратегический пункт, с которого можно угрожать Афганистану и Индии», — писал министр иностранных дел Н. К. Гирс в своем отчете царю (39, 1884 г., л. 71).

К 1885 г. в состав России добровольно вошли Атрек, Теджен и Пендинский оазис. В 1882 г. на территории Туркмении была образована Закаспийская область в составе Кавказского наместничества. В 1890—1897 гг. она находилась в непосредственном ведении Военного министерства, затем была включена в Туркестанское генерал-губернаторство. Завоевание Средней Азии было закончено в 1885 г.

3. АФГАНСКИЙ КРИЗИС 1885 Г.

В первой половине 1885 г. Российская империя пребывала в тревожном состоянии ожидания войны с Англией из-за афганского вопроса. После присоединения к России в 1884 г. района Мерва возник острый англо-русский конфликт, связанный с так называемым афганским разграничением. Для установления чет-

ких границ между Россией и Афганистаном была создана англо-русская комиссия. Петербург еще в 1882 г. предложил Лондону установить афганскую границу на основании этнографического и географического принципов. Пока шли переговоры об отправлении русского комиссара, афганские отряды выдвинулись к северу и заняли оазис Пенде между реками Кушкой и Мургабом. В ответ на это русский отряд был двинут к реке Кушке. Оба правительства согласились остановить дальнейшее движение отрядов (4 и 5 марта). Невзирая на это, по настоянию англичан в марте 1885 г. афганские войска переправились через Кушку с целью захватить при разграничении возможно больше спорных территорий. 18(30) марта в районе моста Таш-Кепри между русским отрядом генерала А. В. Комарова (1500 человек) и афганским подразделением (2600 всадников и 1900 пехотинцев) произошло вооруженное столкновение. Афганский отряд был разбит и рассеян, потеряв до 500 человек убитыми, всю артиллерию (8 орудий), два знамени и весь лагерь с запасами и обозом. Обгоняя отходивших афганцев, в паническом страхе бежали их британские советники.

У нас оказались убитыми 1 офицер и 10 нижних чинов, ранеными 33 человека. Конфликт послужил поводом для усиления военных приготовлений в Англии. Лондон враждебно относился к политике России в Средней Азии, поскольку она подрывала влияние Британии в Афганистане и Индии. В Туманном Альбионе было призвано 70 тыс. резервистов и вооружались отряды милиции. 27 апреля Гладстон потребовал от парламента 6,5 млн фунтов стерлингов на вооружение против России (193, с. 377). По выражению Ленина, «Россия была на волосок от войны с Англией» (176, т. 28, с. 668). Сообщение о конфликте застало эмира Афганистана Абдурахман-хана в индийском г. Равалпинди, куда он был приглашен для встречи с вице-королем Дефферином, который подарил ему 10 лакхов рупий (1 лакх равен 100 тыс.), 20 тыс. ружей, 3 артиллерийские батареи и различное военное снаряжение. Англия всеми способами старалась втянуть Афганистан в войну против России. Эмиру представляли искаженные сведения о столкновении в районе Кушки, требовали его согласия на немедленный ввод в Афганистан британских войск. Но Абдурахман-хан категорически отказался от каких-либо действий, которые могли привести к обострению отношений с Россией (332, с. 368).

Завязывая конфликт, Джон Буль рассчитывал воевать против России на суше (в Закавказье) турецкой кровью. Он добивался пропуска английского флота в Черное море. Предполагалось высадить десант на Кавказском побережье и провести морскую диверсию против Одессы. Планировалось также нападение на Владивосток.

Следует признать, что Россия в то время была почти безоружна не только на Дальнем Востоке, но и на Черном море. Хотя известно, что в сентябре 1881 г. на особом совещании под председательством Александра III было принято решение приступить к сооружению Черноморского флота, значительно превосходящего турецкий. Однако к 1885 г., когда разразился англо-русский конфликт, первые русские черноморские броненосцы только что были спущены на воду и до их вступления в строй было далеко.

Несмотря на продолжающиеся переговоры между Англией и Россией британский лев демонстративно пытался запугивать нас своими воинственными мерами. Собирались войска для отправки в Индию, парламент единогласно проголосовал за 11 млн фунтов стерлингов на военные расходы, заговорили о занятии британцами острова Гамильтон в Японском море, о переговорах с Портой относительно пропуска в Черное море английского флота и т. д.

В этих условиях отечественной дипломатии во главе с Гирсом удалось самым достойным образом отклонить все неприемлемые требования Форин оффиса и предложить свои гарантии мира. Было обеспечено соблюдение Стамбулом принципа закрытия проливов. Сыграло свою роль воздействие на Порту через Германию и Австро-Венгрию на основе «Союза трех императоров». Кавказ и русское Черноморское побережье оказались недосягаемыми для владычицы морей. Блокируя английскую экспансию на Балтике, Петербург предпринимал дипломатические шаги к обеспечению нейтралитета Швеции и Дании. Уайт-холл оказался в изоляции — тем более полной, что отношения с Парижем у него крайне обострились после того, как в 1882 г. английские войска оккупировали Египет. Лондонским протоколом 29 августа (10 сентября) 1885 г. Англия вынуждена была отказаться от своих требований в отношении Пенде и признать оазис владением России. В обмен на это конечный западный пункт границы на реке Гери-Руде был определен в пользу Афганистана. При установлении пограничной черты на местах в разграничительной комиссии возникли споры о некоторых степных пастбищах и о конечном восточном пункте границы на реке Амударье. Переговоры были перенесены в Петербург и закончились подписанием протокола 10 (22) июля 1887 г., по которому к России отошли значительные участки к югу от Пенде. Документ зафиксировал описание русско-афганской границы от реки Гери-Руде на западе до Амударьи на востоке.

С вхождением Пендинского оазиса в основном определилась территория Закаспийской области. Она включала большую часть земель, населенных туркменами. Общее число жителей в области по подсчетам 1885 г. несколько превышало 200 тыс. человек.

Таким образом, в 80-х гг. XIX в. присоединением Туркмении к России завершился один из важнейших периодов русско-среднеазиатских отношений.

Несмотря на то, что эти отношения были осложнены антирусскими действиями Великобритании, Россия прочно утвердила свое влияние и господство в юго-западной части Средней Азии.

* * *

В царствование Александра III кроме среднеазиатской границы с Персией и Афганистаном была впервые проведена граница с Китаем на обширном пространстве от Тарбогатая. Направление этой границы было установлено Чугучакским протоколом 1864 г. и Петербургским договором 1881 г. Комиссии разграничения 1882—1884 гг. обозначили на местах рубеж, за исключением недоступных горных хребтов Тянь-Шаня у Памира.

Илийский (Кульджинский) край, на основании Петербургского договора 12 февраля 1881 г., ратифицированного Александром III 4 августа того же года, был передан Китаю 10 марта 1882 г., большое число местных жителей при этом переселилось в русские пределы. Переговоры об установлении русско-китайской пограничной черты на Памире из-за неопределенности разграничительного протокола 1884 г. привели к тому, что в марте и апреле 1894 г. русское и китайское правительства обязались не нарушать установившегося на Памире положения впредь до окончательного разрешения вопроса (202а, с. 179).

4. ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТУРКМЕНИИ К РОССИИ

Присоединение Туркмении к Российской империи было прогрессивной акцией и оказало положительное влияние на исторические судьбы народа, проживающего в этом регионе. Оно открыло широкие пути для развития всей общественно-хозяйственной, политической и культурной жизни края. Был положен конец раздробленному существованию отдельных племенных обществ, прекращены разорительные непрерывные феодальные войны, распри и грабежи на дорогах, уничтожено аламанство (набеги с целью грабежа) и рабство, запрещена продажа наркотиков.

Введение единой, хотя и военной, колониальной власти в условиях того времени, было значительным шагом вперед по сравнению с анархией и произволом, царившими ранее среди туркменских племен

Как отметил А. Рамбо, русские явились «пионерами цивилизации, вводя более разумный и более гуманный режим» (234, с. 429).

Несравнимо более быстрыми темпами прогрессировало экономическое развитие Туркмении. Замкнутое натуральное хозяйство разрушалось, постепенно утверждались элементы капиталистического производства.

На туркменской территории появились новые промышленные предприятия, стали развиваться плантации хлопка.

Строительство железной дороги в Туркмении объективно стало не только служить военно-административным нуждам правящей России, но и сыграло важную роль в экономическом развитии края. Строительство первой Закаспийской (Среднеазиатской) железной дороги было начато в ноябре 1880 г. от восточного побережья Каспийского моря (первоначально от Узун-Ада, впоследствии от Красноводска). В 1885 г. она достигла Ашхабада, а в 1889 г. доведена до Ташкента. Строительство велось воинскими частями в исключительно трудных условиях пустыни Каракум.

Строители впервые в мировой практике доказали возможность прокладки железной дороги в условиях безводной пустыни и подвижных песков. Инженер И. Н. Ливчак разработал и применил технологию механизированной укладки железнодорожного пути. Опыт строительства впоследствии был применен при проектировании и прокладке железной дороги в Сахаре. Возглавлял строительство М. Н. Анненков, принимали участие О. П. Вяземский, М. А. Данилов и А. И. Югович.

Практически железные дороги соединили юго-запад Средней Азии с торгово-промышленными городами России, способствовали росту переселенческого движения, дали возможность вывоза в Туркмению хлеба и обеспечили надежную перевозку грузов вне зависимости от погоды в любое время года.

Железнодорожный транспорт оказал большое влияние на социальные преобразования в крае. Закаспийская железная дорога «...стала «открывать» для капитала Среднюю Азию...» (176, т. 5, с. 82). По линии дорог возникали города (Асхабад, Кызыл-Арват, Красноводск), поселки русских переселенцев, мастерские, училища и др.

К концу XIX в. возникли первые полукустарные промышленные предприятия — хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные заводы, мельницы, учреждения добывающей промышленности (нефть, озокерит, соль, сера).

На полуострове Челекен Товарищество братьев Нобель организовало разработку нефтяных месторождений. Добыча нефти возросла с 30 тыс. пудов в 1895 г. до 760 тыс. пудов в 1905 г.

Важным результатом начавшегося промышленного развития явилось создание первых национальных рабочих кадров. Наря-

ду с этим шел процесс формирования местной национальной буржуазии.

Особое внимание уделялось развитию хлопководства. Благодаря строительству новых и восстановлению старых оросительных систем (плотин, каналов, кяризов) расширялись посевные площади, вводились новые высокоурожайные сорта хлопка.

В Закаспийской области посевы хлопчатника возросли с 900 дес. в 1890 г. до 57 тыс. дес. в 1915 г.

Развитие хлопководства способствовало росту товарного производства и проникновению в аулы товарно-денежных отношений. С 1893 по 1910 г. сбор хлопка по всей Туркмении увеличился со 176 тыс. пудов до 2307 тыс. пудов. Хлопок закупался русскими текстильными фирмами через посредство местных ростовщиков, что усиливало социальную дифференциацию туркменского аула.

Увеличивалось поголовье, улучшалась порода скота. Все отрасли хозяйства вовлекались в русло товарно-денежных отношений.

С присоединением к России на жизнь коренного населения Туркмении благотворное влияние стала оказывать передовая русская культура и наука.

Начали создаваться так называемые русско-туземные школы, издаваться газеты (с 1914 г. на туркменском языке — «Закаспийская туземная газета»).

Русские ученые внесли весомый вклад в изучение Туркмении, ее природы и естественных богатств, этнографии, истории и быта. Географические, геологические, почвенные, ботанические и другие исследования велись силами экспедиций и отдельными энтузиастами-учеными, горными инженерами, в том числе И. В. Мушкетовым, В. Н. Вебером, К. П. Калицким, А. Д. Архангельским и др.

В конце XIX в. проводились большие изыскательские работы для пропуска вод Амударьи по Западному Узбою в Каспий (А. И. Глуховский, 1879—1883).

Во второй половине XIX в. для изучения условий ирригации появились первые научные учреждения на территории Туркмении: метеорологические, гидрометрические станции и посты.

В целях озеленения и защиты оазисов и железных дорог от песчаных заносов были созданы лесные питомники в Кызыл-Арвате и Казанджике, Мургабском имении в Байрам-Али, в районах Фараба, Багирском и Хейрабадском.

В 1892 г. близ Асхабада открылась школа садоводства — первое научное и специальное учебное заведение, при котором создан лесной питомник.

В 1892—1893 гг. в Асхабаде организована акклиматизационная ботаническая станция. Таким образом, присоединение юго-запада

Средней Азии к России ускорило весь ход исторического развития региона, сделало возможным постепенное развитие капиталистического хозяйства в Туркмении.

Глава семнадцатая

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА

В 80—90-х гг. XIX в. Дальний Восток представлял собой регион, где помимо крупнейших колониальных держав Запада — Англии и Франции — в числе претендентов на господство над странами Азии столкнулись интересы России, Соединенных Штатов Америки и быстро крепнущего агрессивного хищника — Японии. После так называемой «революции Мейдзи исин (обновления), происшедшей в 1867—1868 гг., Страна восходящего солнца, разработала программу модернизации на 60 лет и на всех парах мчалась по пути капиталистического развития. В 1869 г. в Эдо была перенесена из Киото резиденция императора Японии, а сам город был переименован в Токио — «восточную столицу». Через 20 лет, в 1889 г. была опубликована первая японская конституция. Она предоставила абсолютные права императору. Открывший свои заседания в 1890 г. первый японский парламент являлся фактически совещательным органом при микадо (монархе).

Япония не только создала в течение нескольких лет армию и флот, «отличившиеся в войне с китайцами», но сумела внушить к себе уважение западных стран и успешно конкурировала своей промышленностью с Соединенными Штатами Америки и Европой.

В это время в Китае в исключительно трудных условиях господства феодальных отношений в сельском хозяйстве, произвола и ограничений со стороны властей, конкуренции иностранного капитала с большим трудом пробивал себе дорогу национальный капитал. При огромной численности населения (в 1850 г. 430 млн человек) Небесная империя не испытывала нехватки рабочих рук. Высшие чиновники страны — мандарины — не видели необходимости в замене дешевого ручного труда дорогостоящим машинным, а также в модернизации армии. Правительница Китая Цыси, например, поссорившись с адмиралами в 1890 г., отменила все планы обновления военно-морского флота и потратила все деньги на перестройку своего летнего дворца в Пекине.

Феодальная Корея в эти годы была отсталой страной, слабостью которой пытались воспользоваться Япония и другие капиталистические державы.

С начала царствования Александра III трезвомыслящие государственные деятели, общественность и пресса уделяли немалое внимание отношениям России с ее дальневосточными соседями — Китаем, Японией и Кореей. «Русская мысль», «Вестник Европы» и другие издания, например, указывая на значительный объем русско-китайской торговли, в особенности сбыт в Китай русских тканей, предлагали более активно развивать торговые отношения (333, с. 301).

Либералы придворных кругов выступали за более энергичное хозяйственное освоение края, строительство портов, развитие военного и торгового флота, установление дружественных отношений с дальневосточными странами. Все это соответствовало задачам капиталистического развития Российского государства и требовало создания стабильной мирной обстановки в регионе, в чем кровно были заинтересованы русские переселенцы на Дальнем Востоке.

Поэтому либеральные деятели советовали не вмешиваться в военные конфликты, в частности, в Корее. Поддерживая правительственный курс по обеспечению самостоятельности страны (при политическом влиянии в ней России), предлагали не приобретать там незамерзающего порта, так как это чревато было обострением отношений с Китаем, Японией и европейскими странами (там же).

Отечественная пресса активно обсуждала вопрос о союзниках России на Дальнем Востоке. Он приобрел большую актуальность в связи с активизацией в этом регионе европейских держав и США, что несло угрозу и владениям России.

Ситуация для России складывалась критическая. В 1890 г. все население Дальнего Востока составляло 716 тыс. русских подданных и около 40 тыс. иностранцев (китайцев, корейцев). В Амурской области проживало 70,8 тыс., в Приморской — 89 тыс. человек. Из стратегических соображений с начала царствования Александра III стали придавать большое значение переселению крестьян на Дальний Восток. Однако в среднем в год сюда прибывало всего 2800 человек (169, с. 192).

Страна располагала здесь ничтожными силами, а переброска войск к восточным рубежам через необозримые пространства могла осуществляться пешком, на лошадях или в лучшем случае по рекам. Естественно, такие способы были связаны с чрезвычайными трудностями и в случае необходимости не обеспечивали своевременной доставки войск. Вскоре после англо-русского конфликта 1885 г. в Афганистане царское правительство поставило вопрос о сооружении гигантской железной дороги через Сибирь до Владивостока.

Напомню, что первые проекты этой магистрали разрабатывались еще в 1850—1870-е гг. Изыскательные работы были проведены в 1887—1890-х гг. Строительство дороги отвечало и экономическим интересам страны. Особенно добивались расширения рынков промышленники Московского региона и Урала. Видный деятель «Общества для содействия русской промышленности и торговле» Н. Шавров в 70-х гг. пропагандировал постройку железных дорог в Сибирь и к границам Китая. «Европа, — заявлял он, — далеко обогнала нас в фабричной промышленности», а потому «для развития фабричного производства в России нет другого средства, как иметь обеспеченный и выгодный рынок в Азии. Он мечтал о том, что Россия «гигантски разовьет свое промышленное производство и снабдит Азию всеми необходимыми ей товарами» (193, с. 227). В 1891 г., пользуясь притоком капитала из Франции, Россия начала строить Великий Сибирский путь. 18 ноября 1892 г. новый министр финансов С. Ю. Витте представил Александру III докладную записку о Дальнем Востоке, в которой предлагал обширную финансовую и политическую программу. Новая магистраль, как считал Витте, должна была отвлечь грузы от Суэцкого канала и стать проводником русских промышленных изделий на китайский рынок. Дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах, — утверждал Витте. — Посему, — развивал он мысль, — с открытием дороги этот флот может быть значительно усилен и в случае политических осложнений как в Европе, так и на азиатском Востоке получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах» (240, с. 60). Записка Витте фактически явилась первым наброском дальневосточной стратегии русского правительства, вдохновителем которой и стал этот выдающийся государственный деятель. Новая стратегия означала переход к широкой экспансии в Азии.

До середины 90-х гг. в качестве главного противника на крайнем Востоке рассматривался Китай. Япония же как «более слабая» считалась возможным другом и союзником.

1. РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В годы правления Александра III впервые на обширном пространстве «от Тарбагатая до Памиров была проведена граница с Китаем». Тарбагатай представляет собой хребет между озерами Алаколь и Зайсан (ныне на границе Казахстана и Китая), длина которого составляет около 300 км). В нижней части склонов

расположены полупустыни и степи. Направление этой границы было установлено Чугучакским протоколом 25 сентября (7 октября) 1864 г. и Петербургским договором 12 (24) февраля 1881 г. Комиссии разграничения в период 1882—1884 гг. обозначили на местах рубеж, «за исключением недоступных горных хребтов Тянь-Шаня у Памиров».

Петербург проявил большую осторожность в своих отношениях с Пекином в связи с народными антииностранными и антимиссионерскими выступлениями (против католических и протестанских миссий) в 1891—1893 гг. в провинциях бассейна реки Янцзы. Когда зарубежные представители в Пекине 29 августа 1891 г. стали угрожать китайскому правительству репрессиями, русский посланник в Китае А. П. Кассини получил указание не высказываться по этому вопросу.

Торговля между Россией и Китаем в годы правления Александра III возросла более чем вдвое по сравнению с 70-ми гг. В 70-х гг. весь годовой торговый оборот составлял 13,8 млн руб. В 1891 г. он был не менее 33,8 млн рублей, а в 1893 г. — не менее 37,3 млн рублей. В сравнении с другими странами, конечно, это были мизерные цифры. По данным Комитета министров России в 1881 г. на долю нашей страны приходилось 2,5% всей внешней торговли Китая, а в 1895 г. — 5,5% (105, с. 145—146). Причем рост русско-китайской торговли происходил за счет одностороннего увеличения ввоза китайского чая. Россия вывозила в Китай фабричные изделия, в основном бумажные ткани. В 90-х гг. значительно возрос экспорт русского керосина в Китай, успешно конкурировавшего с американским. В 1891 г. стоимость русского керосина в Китае составила 0,9 млн ланов (лан — китайская мера веса, главным образом, драгоценных металлов, равнялась 35—37$^1/_2$ г). В 1893 г. керосин стали ввозить из Батума не в бидонах, а в наливных судах. В 1895 г. его экспорт достиг суммы в 3,2 млн ланов, в те же годы экспорт в Китай американского керосина составил 4,3 и 3,1 млн ланов. Доля участия России во всей морской торговле Китая выросла с 2,5% в 1881 г. до 4,5% в 1894 г. (193, с. 533—534).

Слабостью Китая воспользовались более сильные державы. Франция нанесла Китаю поражение в войне 1884—1885 гг. Япония в результате войны 1894—1895 гг. захватила часть территорий Китая и добилась от него торговых привилегий. В частности, Китай признал независимость Кореи, которая до этого номинально находилась под его суверенитетом, передал Японии Формозу (Тайвань), острова Пэнхуледао и должен был уплатить внушительную контрибуцию.

Следует заметить, что китайцы были известны русским землепроходцам в Сибири еще в середине XVII в. На Дальнем Востоке

китайские охотники появились в 30—50-х гг. XIX в. Немногочисленные выходцы из соседней Маньчжурии, в основном искатели женьшеня, бывали здесь только в летнее время года. Проникали сюда также охотники за пантами, добытчики морепродуктов, грибов, позднее появились первые китайцы-земледельцы. В 1885 г. на юге Уссурийского края жило уже около 9,5 тыс. человек. В 1890 г. во Владивостоке проживало 4193 китайца. В конце XIX в. китайцы как дешевая рабочая сила привлекались на работе в сельском хозяйстве, на золотых приисках, на возведении железных и грунтовых дорог. Использовались они также в качестве переносчиков грузов, чернорабочих, ремесленников, нанимались прислугой. Заметную роль играли они в мелкой розничной торговле. Русскую администрацию особенно тревожило то, что темпы прироста китайцев превышали темпы прироста русского населения (389, 1995, № 7, с. 56).

2. РОССИЯ И ЯПОНИЯ

В период 1881—1894 гг. для политики России с Японией были характерны добрососедские отношения. Стремительное развитие экономики Страны четырех тысяч островов и усиление ее армии и флота не вызвали серьезного беспокойства в Петербурге. Японцы беспошлинно ловили и вывозили рыбу у острова Сахалин, в громадных размерах вели бесконтрольный хищнический промысел в устье Амура и других местах тихоокеанского прибрежья. В начале 80-х гг. русско-японская торговля была незначительна. В 1887 г. стоимость русского экспорта в Японию оценивалась в 19 тыс. иен, а в следующем году, в связи с поставками керосина, подскочила до 235,5 тыс. иен. Английские фирмы пытались помешать росту ввоза русского керосина. Иокагамская «Джапан дейли мэйл» распускала ложные слухи о запрещении его экспорта якобы из-за плохой упаковки, однако русский посланник Д. Е. Шевич добился опровержения в печати этой выдумки самим же британским вице-консулом (193, с. 551).

В 1889 г. Шевич по указанию Петербургского кабинета приступил к переговорам о заключении нового русско-японского торгового договора. Министр иностранных дел Японии Окума согласился отменить ввозную пошлину на соленую сушеную рыбу с условием не включать эту статью в текст договора, пока другие державы не откажутся от неравноправных трактатов. Договор был подписан 27 июля (8 августа) 1889 г. К этому времени Страна восходящего солнца заключила договоры с Соединенными Штатами

и Германией. Русско-японский договор 1889 г. должен был войти в силу после отказа всех держав от прежних неравноправных трактатов, что было маловероятным в ближайшее время.

Петербург холодно воспринял известие из Токио о торжественном провозглашении конституции 11 февраля 1889 г. Александр III, прочитав донесение нашего посланника из Токио в том же году о своей беседе с премьер-министром Курода, без всякого сочувствия отнесся к парламентарной форме правления. Против слов «Конституция, благодаря которой Япония будет иметь представительную форму правления, по мнению Куроды, вполне соответствующую настоящим нуждам и степени развития народа» монарх на полях написал: «Несчастные, наивные дураки» (172, с. 159).

В этот период времени в Россию начали поступать вести о вспышке терроризма в Японии против иностранцев. Основной причиной недовольства японцев были договоры с зарубежными державами и, в частности параграф, предоставлявший державам право юрисдикции над их подданными. Японцы не без основания считали этот параграф унизительным для своего национального достоинства и недоверии к ним. Переговоры, начатые министром иностранных дел графом Окумой с зарубежными представителями, казалось, близились к успешному завершению. Предполагавшимся им привлечением иностранных судей в японские судебные палаты сроком на 12 лет он навлек на себя неудовольствие страны. В 1889 г. на Окуму было совершено покушение, при котором ему бомбой оторвало ногу, что и послужило поводом для оставления министерского поста. В следующем году в Токио был убит английский миссионер Лардж и ранена его жена. Были избиты бывший английский пастор Соммерс и американский миссионер Имбри. Британские газеты в Японии и местная печать осыпали бранью иностранных миссионеров, в том числе русскую церковь и духовную миссию, несмотря на то, что «русское духовенство вело себя весьма сдержанно по сравнению с многочисленными английскими, американскими и другими миссионерами» (193, с. 553). В ноябре 1890 г. совершенно без всяких причин толпа японцев начала не только швырять камни в сторону нашего посланника Шевича и его супруги, наблюдавших из беседки у стены сада русской миссии за императорским шествием, но и пыталась ворваться на территорию посольства.

Именно в эту неблагоприятную пору в апреле 1891 г. в Японию прибыл цесаревич Николай Александрович, совершающий длительное путешествие по странам Востока. Вскоре мир был

шокирован сенсационной вестью о покушении на жизнь наследника российского престола. 29 апреля в четвертом часу дня после осмотра озера Бива в старинном городе Оцу на острове Хонсю цесаревич со свитой выехал на джинрикшах (ручных колясках, ведомых людьми) для обратного следования в Киото. Узкие улицы были заполнены народом, стоящим по обе стороны. Впереди этой массы шагах в 50 друг от друга находились полицейские. На некотором расстоянии перед цесаревичем ехали губернатор и полицмейстер, позади греческий принц Георг, японский принц Арисугава и затем вся свита друг за другом по одному в каждой джинрикше. По словам руководителя путешествия генерал-майора свиты князя В. А. Барятинского, на одной из главных улиц местный полицейский внезапно подбежал сзади к экипажу наследника и нанес ему удар саблей по голове. Царский сын выскочил вперед к стоявшей толпе; злодей обежал экипаж кругом с видимою целью догнать цесаревича. В это время подбежал принц Георг и ударил злоумышленника палкой по голове, что побудило его обернуться в сторону принца. Тогда один из японцев, везший джинрикшу, сшиб его с ног, а его товарищ выхватил его же саблю и ударил его по шее, причинив ему сильную рану. Подбежавшие члены свиты, увидели картину, поразившую их ужасом. Николай Александрович стоял посреди улицы без шляпы, держась правою рукой за голову, из которой сильно лилась кровь. На правой стороне довольно высоко над ухом была, как всем показалось, глубокая рана. Лицо, шея и руки были выпачканы кровью, платье тоже. Сам же цесаревич был спокоен и сохранил присутствие духа, успокаивая всех и говоря, что он особенного ничего не чувствует и что рана пустая. В отношении совершенно растерявшихся японцев, Николай Александрович выказал удивительную доброту. Он тогда же сказал принцу Арисугаве: «Прошу Вас ни минуты не думайте, что это происшествие может испортить хорошее впечатление, произведенное на меня радушным приемом, встреченным мною всюду в Японии» (380, 1994, № 6, с. 23).

Как выяснилось, преступником был Цуда Сандзо, состоящий в партии самураев враждебно относящихся к иностранцам. Фанатик Цуда был приговорен к пожизненной каторге и после суда через несколько месяцев умер в тюрьме. По настоянию Шевича ответственные за происшествие министр внутренних дел Ямада, министр иностранных дел Аоки и председатель кабинета Ямагата вынуждены были подать в отставку. Следует отметить, что после происшедшего инцидента в политике правительства России не проявлялось враждебности к Японии, «хотя наметилась несколько большая сдержанность в вопросе о пересмотре неравноправных

договоров». Совершая обратный путь сухим путем через Сибирь, наследник престола Николай Александрович 19 мая 1891 г. во Владивостоке принял участие в торжественной закладке Великой Сибирской дороги, привез на полотно первую тачку земли.

В связи с закладкой дальневосточного отрезка Транссибирской железной дороги Министерство финансов и Министерство путей сообщения России собрали подробные сведения о торговле Китая и Японии и установили, что одно лишь проведение сплошной дороги до Владивостока сделает нашу страну торговой посредницей между Европой и Дальним Востоком и значительно ускорит русскую торговлю с Китаем и Японией. В свою очередь японские правящие круги весьма были заинтересованы в использовании Сибирской магистрали для экономического внедрения в Восточную Сибирь. В начале 1894 г. Токио выразил готовность в новых уступках в отложенном к исполнению русско-японском торговом договоре 1889 г. Договор о торговле и мореплавании был подписан 27 мая (8 июня) 1895 г. в Петербурге. Заключался он на 12 лет. Было условлено, что договор вступит в силу не ранее чем через 4 года со дня подписания. Оба государства предоставляли режим наибольшего благоприятствования в отношении торговли и мореплавания.

3. ОТНОШЕНИЯ С КОРЕЕЙ

Еще в 1860 г. в результате Пекинского договора (с воссоединением Приамурья) Россия стала соседом Кореи, но в течение более 20 лет почти не входила в сношения с этой страной, представлявшей живописный полуостров, который с запада омывается мелководным Желтым, или Западно-Корейским морем, а с востока — глубоководным Японским, или, как его здесь предпочитают называть, Восточно-Корейским морем. Между тем в начале 70-х гг. в центре политической и идеологической борьбы в Стране утренней свежести оказался вопрос об отношении к капиталистическим державам, добивавшимся открытия корейских портов для своей торговли. Мнения в привилегированных сословиях разделились. Одна часть корейских феодалов видела в политике изоляции страны путь сохранения старых порядков, другая же во главе с правящей кликой родственников королевы Мин, жены короля Ли Чжэ Хвана (Кочжона), стремясь удержать свое господство, готова была уступить давлению капиталистических держав. В феврале 1876 г. Японии раньше других держав удалось навязать Корее неравноправный Канхваский договор. Вслед за ней аналогичные трактаты

подписали с Кореей в 1882 г. Соединенные Штаты, а в 1883 г. Великобритания и Германия. Следует напомнить, что в сентябре 1882 г. было подписано китайско-корейское соглашение, которое подтвердило давно ставшую номинальною вассальную зависимость Кореи от Китая, а китайские купцы получили в Корее те же привилегии, что и иностранные капиталисты по неравноправным договорам. Китайские представители откровенно вмешивались во все дела королевского правительства. После антиправительственного восстания в Сеуле 1882 г. в Корею были введены японские и китайские войска, что обострило японо-китайское соперничество за преобладание в этой стране.

Петербургский кабинет, зная об этом, командировал в Сеул своего уполномоченного К. И. Вебера, который 25 июня (7 июля) 1884 г. заключил с президентом Коллегии иностранных дел Кореи Чо Бенсиком русско-корейский договор о дружбе и торговле. Этот договор во многом напоминал трактаты, заключенные Кореей с Великобританией и Германией. Он предоставлял России право иметь в Корее постоянных дипломатических и консульских представителей, а также открывал для русской торговли порты Инчхон (Чемульпо), Вонсан, Пусан, а также города Сеул и Янхваджин, где российским подданным предоставлялось право арендовать или покупать землю или помещения, строить дома, склады и фабрики. Кроме того, они получали право свободного передвижения на определенное расстояние от открытых для иностранной торговли портов и мест, а с российским паспортом за подписью и печатью местных корейских властей — по всей территории Кореи. Военным судам сторон предоставлялось право захода во все, в том числе и не открытые для иностранной торговли порты, право производства в них съемок и промеров. Подобно трактатам, подписанным с Кореей другими державами, договор содержал статью о предоставлении российским подданным режима наибольшего благоприятствования (266, т. 1, с. 342—352). Безусловно, договор способствовал развитию русско-корейских торгово-экономических, политических отношений и культурных связей. «Нет сомнения, — писали либеральные «Русские ведомости», — что вследствие этого трактата оживятся сношения Приморской области с Кореей, жители которой, отличающиеся трудолюбием и честностью, не преминут завести непосредственные отношения с жителями Приморской области».

Корейский король Кочжон, как отмечал известный советский историк А. Л. Нарочницкий, лавируя между китайским и японским давлением, продолжал попытки противопоставить Россию Англии и цинскому правительству и не раз обращался к русскому

поверенному в делах Веберу с просьбой о поддержке независимости Кореи. Известно, что с подобной просьбой он обращался и к представителям других государств. В декабре 1884 г. в Сеул в качестве неофициального российского представителя прибыл секретарь миссии в Японии А. Н. Шпейер. При встрече с ним король заявил, что желает «самого тесного сближения» с Россией, и выразил благодарность за моральную поддержку Кореи в трудное время (204, с. 84—85). Корейское правительство поставило вопрос о российском протекторате над Кореей, который бы оградил ее от британской и японской экспансии. В качестве вознаграждения власти предложили в пользование России незамерзающий залив Уньковского (Енгилман) или другой порт у восточного побережья Кореи. Безусловно, наша страна была заинтересована в получении незамерзающего порта в Корее и стремилась усилить там свое влияние, но, учитывая слабость своих сил на Дальнем Востоке и опасаясь осложнений с другими державами, отказалась от протектората.

Петербург желал укрепления независимости Кореи, остерегаясь подчинения ее Англии или другой враждебной державе. Введение же собственного контроля над Кореей превышало силы и возможности Петербурга.

Во второй половине декабря 1884 г. во всеподданнейшей записке Гирс рекомендовал Александру III «руководствоваться строгим нейтралитетом», но в случае войны прикрыть русскими военными судами ту часть корейского побережья, «захвата которой было бы особенно нежелательно допустить» ввиду того, что Корея граничит с Россией (193, с. 373). В конце 1884 г. представители партии реформ Ким Ок Кюн, Со Кван Бом и другие подготовили совместно с японским посланником Такэдзоэ тайный заговор. 4 декабря 1884 г. группа японских солдат заняла королевский дворец и захватила в плен короля. Власть перешла к партии реформ, вожаки которой сформировали правительство во главе с Ким Ок Кюном. Однако в Сеуле развернулось крупное восстание против японских колонизаторов, поддержанное крестьянами окрестных деревень. Японские дипломаты и купцы вынуждены были бежать в Инчхон. Попытка государственного переворота провалилась. Уже в январе 1885 г. японцы добились ряда новых уступок и контрибуции. С Китаем они пошли на компромисс и заключили 18 апреля 1885 г. Тяньцзиньский договор, в соответствии с которым обе стороны обязались вывести свои войска из Страны утренней свежести с правом их обратного ввода, если возникнут серьезные беспорядки. Этот договор еще более обострил соперничество правящих кругов Японии и Китая за влияние в Корее.

Вскоре после этих событий в конце апреля 1885 г. обстановка на Дальнем Востоке вновь обострилась из-за захвата британским львом порта или бухты Гамильтон на островах Комуньдо. Этот демарш был предпринят на фоне обострения русско-английских отношений, приведших к афганскому кризису. Первый лорд адмиралтейства Нортбрук считал, что британцы «должны занять порт Гамильтон в случае войны с Россией. Он будет необходим как база для любых операций против Владивостока» (там же, с. 380). Захват порта Джоном Булем вызвал бурную реакцию в русских правительственных сферах и в печати. Отечественная пресса стала выдвигать различные проекты занятия незамерзающего порта в Корее в противовес Англии. 18 мая 1885 г. русский посланник в Пекине С. Попов заявил, что если Китай одобрит этот захват, то Россия вынуждена будет занять другой порт в Корее. Только после настойчивых требований России и Китая порт Гамильтон был наконец оставлен английским флотом 27 февраля 1887 г.

26 января (7 февраля) 1887 г. в российской столице состоялось Особое совещание о положении на Дальнем Востоке. Совещание приняло решение усилить русский флот и войска на Дальнем Востоке, ибо при данном состоянии «мы не можем внушить соседям нашим, в особенности Китаю, надлежащего к себе уважения». В частности, уже до конца февраля того же года постановили удвоить русскую эскадру в Тихом океане. В России по-прежнему считали Китай главным соперником для себя в Корее, недооценивая экономический и военный потенциал Японии, хотя об ее экспансионистских устремлениях неоднократно предупреждали русский посланник в Токио Д. Е. Шевич (1890), посланник в Сеуле П. И. Дмитриевский (1891) и посланник в Пекине А. П. Кассини (1894).

Плохо осведомленный в отношении Японии, умеренно либеральный публицист А. Я. Максимов в своей брошюре «Наши задачи на Тихом океане» (1894) считал, что Япония не претендует на захват, будет отстаивать независимость Кореи, и предлагал сговор с Японией против Китая (193, с. 650). Авторы «Русской мысли» и «Вестника Европы» постоянно указывали на якобы потенциальную угрозу России, исходившую от Китая на ее дальневосточные владения. Н. Матюнин в «Вестнике Европы» утверждал даже, что «китайская опасность» грозит Европе, и Россия охраняет последнюю от Китая. «Русская мысль» выступала за установление прочных дружественных отношений с Японией, «естественным противником Китая», с тем чтобы совместно противостоять последнему (392, 1888, кн. 9, с. 186). Раздавались, правда, и отдель-

ные трезвые голоса, которые уверяли в невозможности нападения Китая на Россию и считали разговоры об этом «происками наших европейских недоброжелателей». Однако постоянное муссирование в прессе китайской угрозы оказывало соответствующее влияние на русское общество и правительство.

Симпатии либералов к Японии во многом определялись тем, что это была парламентская держава, более других приобщившаяся к европейскому прогрессу. «Вестник Европы» поместил несколько материалов об истории Японии и о русско-японских отношениях. В одной из статей предлагалось пересмотреть русско-японские договоры, с тем чтобы обеспечить дружбу Японии (368, 1894, № 11, 12). Подобные настроения были характерны и для консервативной прессы.

Во второй половине 80-х гг. в деятельности русской дипломатии в Корее заняли большое место переговоры об улучшении сухопутной торговли. В результате чего 8 (20) августа 1888 г. в Сеуле были подписаны «Правила о пограничных сношениях и торговле на Тумыньцзяне (р. Туманган)». Со стороны России их подписал К. И. Вебер, со стороны Кореи — Чо Бенсик (204, с. 67). Основными статьями корейского ввоза в Южно-Уссурийский край через сухопутную границу были крупный рогатый скот и продукты сельского хозяйства. Главными предметами вывоза в Корею из России являлись различные ткани и изделия из них. В 1894 г. их было вывезено на сумму 196 490 рублей, а в 1895 г. — 248 050 рублей (204, с. 71—72).

К 90-м гг. японцам удалось сосредоточить в своих руках большую часть морской торговли Кореи. Объем торговли с Японией в 1885—1890 гг. составил 80% всего морского внешнеторгового оборота Кореи, превысив в два раза объем корейской торговли с Китаем. В то же время во внутренних районах Кореи возрастала роль китайских купцов. Расширяли свои позиции в Корее и Соединенные Штаты. Вторжение иностранцев, усиление эксплуатации и злоупотребления властей вызвали мощное крестьянское восстание в 1893—1894 гг.

По просьбе корейских властей для его подавления в июне 1894 г. в Асане высадились 1,5 тыс. китайских солдат. Ввод китайских войск послужил поводом для отправки в Корею более многочисленной японской армии. Японцы вошли в Сеул, в ночь на 23 июля заняли королевский дворец и создали марионеточное правительство во главе с отцом короля, бывшим регентом. Новое правительство 27 июля обратилось к Японии с «просьбой» об изгнании китайских войск. Однако еще 25 июля японцы без объявления войны напали на китайский транспорт, находившийся в корейских водах. Официальное объявление войны последовало только 1 августа 1894 г. Потерпев поражение в войне, Китай отказался от своего сюзеренитета над Кореей и признал по Симоносекскому договору, заключенному 17 апреля 1895 г., ее независимость.

Победы Японии в Японо-китайской войне 1894—1895 гг. отрезвили русское общество. Либералы включились в общий хор, призывавший помешать Японии утвердиться на материке и подчинить Китай и Корею своему влиянию. Правда, «Вестник Европы» считал, что «Япония уже по своему объему и численности не может соперничать с Россией или грозить ей» (368, 1895, № 5, с. 413), забывая свои прежние утверждения, что территория и численность населения не могут рассматриваться как военные преимущества. В то время остальная либеральная пресса уже видела в Японии потенциального противника России и призывала к сближению с Англией для противостояния японской активности.

После разгрома Китая японское влияние в Корее усилилось. В ночь на 8 октября 1895 г. японские агенты и наемные бандиты — соси зверски убили королеву Мин и многих ее сторонников и образовали послушное Японии марионеточное правительство. Однако в феврале 1896 г. король Кочжон бежал из-под японской стражи в русскую миссию, а марионеточное правительство было объявлено незаконным. Был создан новый кабинет из сановников, ориентировавшихся на Россию. Политическое влияние Японии основательно пошатнулось. По соглашению 1896 г. между Японией и Россией (меморандум Вебера — Комуры и протокол Лобанова — Ямагаты) обе стороны признали друг за другом равные права в Корее. Тем не менее к исходу XIX в. Стране восходящего солнца с помощью Соединенных Штатов и Великобритании все же удалось несколько потеснить положение России в Корее.

Важно подчеркнуть, что в конце XIX в. началась миграция корейцев, прежде всего крестьян в Россию, так же как в Японию и Китай. Постепенно на российском Дальнем Востоке возникли многочисленные корейские деревни, прежде всего в долинах рек Фаташи, Янчихэ, Тизинхэ, Сидими. Тогда же корейцы появились на острове Сахалин. Традиционным занятием для них было пашенное земледелие с культивированием риса и огородничество. Русские исследователи отмечали высокую культуру обработки полей, свойственную корейцам. В то же время корейцы знакомились с достижениями русского народа, в частности с более передовой сельскохозяйственной и строительной техникой.

4. ИТОГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ

При Александре III произошло некоторое обострение положения России на Дальнем Востоке вследствие усиления японской экспансии, политики Великобритании и Соединенных Штатов. Так же как и в предыдущее царствование, в отличие от западных держав, Петербург все спорные вопросы стремился решать дипломатическим путем. Вооруженные силы России на Дальнем Востоке были незначительны. В 1891 г. Россия начала строительство Великой Сибирской магистрали одновременно с запада и востока. Постройка этой дороги диктовалась не только стратегическими соображениями, но и экономическим развитием Сибири и Дальнего Востока, освоением новых рынков, поощрением торговли со странами Азии, переселенческим движением.

Большая работа была проведена по уточнению границы с Китаем. Торговля между Россией и Небесной империей при Александре III, которая велась в основном сухопутным путем, возросла более чем в 2 раза по сравнению с 70-ми гг.

Петербургский договор 1881 г. был продлен в 1891 г. без изменений.

МИД России способствовал пересмотру неравноправных договоров Японии с европейскими державами и с Соединенными Штатами. 27 июля (8 августа) 1889 г. был подписан русско-японский торговый договор, который должен был войти в силу после отказа всех договорных держав от прежних неравноправных трактатов.

Петербург выступал за укрепление независимости Кореи, остерегаясь подчинения ее Англии или другой враждебной державе. Введение же собственного контроля над Кореей, чего неоднократно добивалось королевское правительство, превышало силы и возможности Петербурга. 25 июня (7 июля) 1884 г. был заключен русско-корейский договор о дружбе и торговле, который во многом напоминал трактаты, заключенные Кореей с Великобританией и Германией. Подписание 8 (20) августа 1888 г. правил для сухопутной торговли России с Кореей способствовало расширению объема торговых и культурных отношений между двумя странами. Вплоть до Японо-китайской войны 1894—1895 гг. петербургский кабинет ошибочно считал Китай потенциальным соперником России в Корее.

Часть IV

Идейная борьба и общественное движение в России при Александре III

В 80—90-е гг. XIX в. на арене политической жизни России явно обозначились три основных направления в общественном движении — консервативное, либеральное и радикальное. Каждое из этих направлений имело свои морально-этические позиции, политические цели, формы и методы борьбы.

Глава восемнадцатая

КОНСЕРВАТИВНОЕ И ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ

1. КОНСЕРВАТОРЫ

Консерваторы (от лат. conservo — «сохраняю, охраняю») были вооружены своей системой воззрений на мир, оберегали и поддерживали исторически сформировавшиеся формы государственной и общественной жизни, ее морально-правовые основания и связанные с ней социально-политические движения. Социальную основу консерватизма составляли титулованная сановная знать, привилегированное дворянское сословие, высшие правительственные слои, чиновничество и офицерство, духовенство, купечество, значительная часть мещанства и крестьянства.

Вот почему в советские годы идеологический климат не благоприятствовал научной разработке истории русского консерватизма. Как правило, и идеологи, и особенно практики консерватизма рассматривались не только вне контекста историографического процесса, но уже априори третировались как махровые реакционеры и контрреволюционеры, а если и изображались, то в виде монстров, всячески тормозивших исторический процесс (371, 1998, № 10, с. 162).

Государственный консерватизм

Следует подчеркнуть, что идеология консерватизма в период царствования Александра III опиралась всецело на теорию «официальной народности», разработанную еще в начале 30-х гг. XIX в. видным государственным деятелем, президентом петербургской Академии наук С. С. Уваровым. Основой этой теории считается триада — православие, самодержавие и народность. Главные идеологи государственного консерватизма рассматриваемого нами периода — К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Д. А. Толстой, В. П. Мещерский — о которых немало говорилось в предыдущих главах, центральное положение в этой триаде отводили самодержавию. Они убежденно отстаивали монархическую форму правления, при которой носителю верховной власти — Божьему помазаннику, правителю государства принадлежали верховные права в законодательстве. Только царь один мог утверждать законопроекты. Ему одному принадлежало право назначать и увольнять высших чиновников, верховное руководство центральными, местными учреждениями и органами управления. Он располагал правами верховного командования армией и флотом. Только он мог принять окончательное решение по бюджету страны и вынести решающий вердикт в высшем суде — утвердить приговор или помиловать. Известно, что в первые же месяцы царствования Александра III Катков ясно и определенно сформулировал свою новую программу. «Предлагают много планов, — писал он, — но есть один царский путь... В прежние века имели в виду интересы отдельных сословий. Но это не царский путь. Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий... Единая власть и никакой иной власти в стране и стомиллионный, только ей покорный народ, — вот истинное царство... Да положит Господь в сердце Государя нашего шествовать именно этим, воистину царским путем и иметь в виду не прогресс или регресс, не либеральные или реакционные цели, а единственно благо своего стомиллионного народа» (249, т. 11, с. 559).

Казалось бы, монархический образ правления является самым естественным для людей. Однако многовековая история человечества дает нам не слишком много примеров достойных правителей государств. Не случайно английский писатель XVIII в. Г. Филдинг писал: «В действительности я знаю только одно основательное возражение против абсолютной монархии; единственный недостаток этого превосходного образа правления — чрезвычайная трудность найти человека, вполне достойного сана абсолютного монарха, так как он должен обладать тремя качествами, весьма редко встречающимися, как учит нас история, в царственных особах: во-первых, достаточной дозой умеренности, чтобы он

мог удовлетвориться той властью, какая будет предоставлена ему; во-вторых, достаточной мудростью, чтобы он мог познать свое счастье; в-третьих, достаточной степенью доброты, чтобы он мог выносить счастье других, не только совпадающих с его собственным, но и содействующее ему». Упоминаемые выше наши консерваторы взяли на себя добровольное право оказывать посильную помощь молодому императору. Самодержавие они объявляли основным устоем русской жизни, обеспечивающим величие и мощь России, поэтому преданность и служба царю являлась гражданским долгом всех подданных. В то же время, несмотря на всю приверженность монархизму, Победоносцев, например, не придавал самодержавию значения абсолютной, единственно возможной формы правления, предназначенной для всех стран, времен и народов. Подвергая уничтожающей критике конституционный строй, консерваторы превозносили монархическое правление как более высокую ступень общественного развития. Они полагали, что самодержавная монархия гораздо более откровенна, честна перед своими подданными, ибо в ней нет лживости представительного правления, когда не весь народ, а лишь его представители участвуют в политической жизни.

По мнению Победоносцева, «парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей» (216, с. 101). Партийная борьба за власть, по мнению консерваторов, портит людей, в ней побеждают лицемеры и карьеристы. Монархия же, хотя и несовершенна, но свободна от всего этого. «Страшно и подумать, что возникло бы у нас, — пишет Победоносцев, — когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийского парламента!» (Там же, с. 110.) В понимании консерваторов самодержавие выступает и как лекарство от «болезни разделения властей», и как единственный гарант сохранения слишком пестрой в национальном, социальном и даже культурном плане России.

Второй постулат уваровской триады — православие — в своей трактовке не претерпел изменений. Православие по-прежнему считалось основой духовной жизни народа, поэтому православная церковь, подчиненная светской власти, выступала опорой самодержавия. Победоносцев утверждал, что одному телу — государству — естественно соответствует только одна душа — церковь. Консерваторы отстаивали систему государственной церкви в России. Мысль о возможности светского государства не допускалась. Православие ставилось в привилегированное положение по сравнению с другими конфессиями.

В понятие «народность» в 60-х годах М. П. Катковым был внесен новый нюанс. Народность теперь понималась не только

как историческое соответствие самодержавия духу русского народа, но и как беззаветная преданность его престолу и искренняя любовь к царю, что являлось основой существующей власти и делало именно ее единственно возможной в России.

Создавая эту единую концепцию, основанную на старых теоретических представлениях, консерваторы стремились идейно укрепить самодержавие. На практике положения обновленной теории народного самодержавия воплощались во внутренней политике России в годы правления Александра III.

Как отмечалось выше, в начальное смутное время царствования этого императора, когда надо было погасить еще тлеющие революционные и оппозиционные очаги, Победоносцев пользовался доминирующим влиянием. Позднее, когда потребовались конструктивные предложения нового курса, старый профессор не смог предложить государю ничего, кроме пресловутого «подмораживания». Император, по словам Витте, досадывал, что одной критикой жить нельзя, «Победоносцев — отличный критик, но сам никогда ничего создать не может» (94, т. 1, с. 361).

В отличие от обер-прокурора князь Мещерский был неутомим, генерировал все новые и новые идеи, вселяя в Александра III больше уверенности в завтрашнем дне. Властелин России ценил способности Мещерского, принимал его у себя, однако не афишировал своих связей с ним из-за одиозной репутации того в общественном мнении.

Известно, что Мещерский не имел жены. Когда князь после смерти Каткова пытался завладеть «Московскими ведомостями», клика Победоносцева раздула в июле 1887 г. скандал вокруг странных отношений Мещерского и некоего молодого горниста из лейб-стрелкового батальона. Мещерский был обвинен в мужеложестве. Эта грязная история разнеслась по всему Петербургу. Сам князь гневно отвергал все наветы и в письме к царю выводил на чистую воду своих противников. Александр III не поверил позорным обвинениям, поддержал друга своей молодости. Скандал был улажен.

Необходимо отметить, что в 80—90-е гг. XIX столетия, также как и в любую историческую эпоху, существовал довольно широкий спектр консерваторов разного толка и оттенков, от крайне правых до крайне левых, от махровых охранителей старых порядков, до деятельных преобразователей, выступающих в целом за сохранение самодержавного правления.

Религиозно-философские консерваторы

Среди религиозно-философских консерваторов того времени, которые искали новые пути и методы решения старых проблем, следует отметить К. Н. Леонтьева и Л. А. Тихомирова.

Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) был публицистом и повествователем, оригинальным и талантливым мыслителем, проповедником крайне консервативных взглядов. Родился он в провинциальной калужской помещичьей семье. После окончания Калужской гимназии и кратковременного пребывания в ярославском Демидовском лицее учился медицине в Московском университете. Был в Крымскую кампанию военным врачом, затем сельским врачом в Нижегородской губернии. В декабре 1860 г. переехал в северную столицу, решившись оставить медицину ради литературы. Десять лет, с 1863 по 1873 г. провел в Турции, пройдя путь от секретаря и драгомана (переводчика) до консула на острове Крите, в Адрианополе и других городах Порты. Более года провел на Афоне в русском Пантелеймоновом монастыре. Выйдя в отставку, жил попеременно в Москве и в своей деревне Кудиново. В 1880 г. был помощником редактора газеты «Варшавский дневник», затем цензором в Москве. В 1887 г. он вновь вышел в отставку, поселился в Оптиной пустыни и через четыре года, приняв тайное пострижение с именем Климента, переехал в Троице-Сергиеву лавру, где и умер от воспаления легких. В 1873 г. под влиянием концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского Леонтьев написал свой наиболее известный трактат «Византизм и славянство» (опубликован в 1875 г.), где наиболее полно отражены его историко-философские и политические взгляды. В этом и ряде других сочинениях идее славянского единства противопоставлена идея национальной самобытности русского этноса, изложено учение о государственной форме и долговечности существования государств, о культурно-исторических типах и триедином процессе мирового развития. По мнению Леонтьева, законы развития общества ничем не отличаются от закономерностей функционирования любой органической системы. Народ, общество, государство в своем историческом развитии последовательно проходят процесс восходящего и нисходящего развития, заканчивающийся гибелью или трансформацией в качественно иную сущность. Определяя срок существования государств 1000—1200 лет, и применяя эту мерку к истории России, Леонтьев пришел к выводу, что она «стоит у страшного предела» своего разрушения и гибели, отсрочить которую можно только встав на антизападный путь развития. Для этого надо вернуться к исконным русским началам, привнесенным из Византии, к твердой монархической власти, строгой церковности, сохранению крестьянской общины, жесткому сословно-иерархическому делению общества. Путем союза России с Востоком (мусульманскими странами, Индией, Тибетом, Китаем) и политической экспансии на Ближнем Востоке как средства превращения России в новый исторический

центр христианского мира Леонтьев, надеялся затормозить процесс либерализации России и уберечь ее от революции. В последние годы жизни мыслитель задумывался над возможными последствиями распространения социалистических идей.

Ознакомившись с трудами Ф. Лассаля, Л. Бланки и П. Ж. Прудона, Леонтьев пришел к выводу, что в экономическом плане социализм может стать охранительным началом, способным скрепить народ в единое целое в узких рамках разнородных общин.

Незадолго до смерти он высказался за союз социализма с русским самодержавием и пламенной мистикой. Большая часть взглядов Леонтьева была изложена в статьях двухтомника «Восток, Россия и Славянство», вышедшем в Москве в 1885—1886 гг.

Бесспорно, идеи Леонтьева сыграли важную роль в развитии отечественной консервативной мысли и оказали серьезное влияние на формирование публицистов «охранительного» направления: Л. А. Тихомирова, В. В. Розанова, П. Е. Астафьева, Ю. Н. Говорухи-Отрока, И. И. Фуделя, Д. Н. Цереteли и других.

Биография и идейная эволюция общественного деятеля Тихомирова Льва Александровича (1852—1923) в какой-то мере подтвердила реалистичность предсмертных размышлений Леонтьева. С ранних лет Тихомиров активно участвовал в народническом движении, нацеленном на ниспровержение государственного и общественного строя. В 1873 г. он был арестован и осужден на 4 года. Был членом исполкома «Народной воли». После убийства Александра II отправил императору Александру III ультиматум от имени боевой организации «Народной воли». По позднейшим признаниям Тихомирова, уже ранее 1 марта у него возникали сомнения относительно целесообразности революционной деятельности. Тем не менее в 1882 г. он уехал за границу, в Швейцарию и Францию, и издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник «Народной воли». И только в 1888 г. он отрекся от революционных убеждений, напечатал брошюру «Почему я перестал быть революционером?» и направил на высочайшее имя письмо с раскаянием, просил простить его прошлые заблуждения. Получив разрешение на возвращение в Россию, отдал все силы на защиту православно-монархических идеалов, стал одним из виднейших публицистов монархического толка, критиком революционной теории и практики. Как для России, так и для Европы он видел единственное спасение в неограниченной монархии. Чтобы искоренить в современном русском обществе стремление к разным «социальным миражам», достаточно, по мнению Тихомирова, завести «умную и сильную полицию». Лев Александрович всецело оправдывал политику Д. А. Толстого, отрицал за кем бы то ни было, кроме правительства, право на регулирование общественной и государственной жизни. В своей брошюре «Духовенство и общество в современном религиозном движении» всякую попытку самостоятельного суждения в области религиозных вопросов он провозгласил «самочинством». Тихомиров пытался разработать позитивную, преобразовательную концепцию консервативных взглядов, которую в основном изложил в своем главном труде «Монархическая государственность» (1905). В 1909—1914 гг. редактировал «Московские ведомости». В 1917 г. отошел от политической деятельности. Умер в Загорске (Сергиевом Посаде). Следует отметить, что в изучении проблемы русского консерватизма сделаны только первые шаги. Ясно, что в конце XIX — начале XX вв. консерватизм не смог эффективно противостоять либеральной и социалистической идеям. Только в 1905 г. русские консерваторы с большим опозданием стали создавать свои политические объединения.

2. ЛИБЕРАЛЫ

В общественной жизни 80-х и первой половины 90-х гг. на политической авансцене довольно весомо проявляется либеральное течение (от лат. liberalis — «свободный»), сформировавшееся под воздействием как европейской, так и собственно российской традиций. Социальная база отечественного либерализма была неоднородной. Она включала буржуазию, помещиков, выходцев из среды богатого купечества, интеллигенцию (ученых, писателей, журналистов, врачей и др.). Носителями либеральной идеологии в XIX в., как правило, выступало дворянство, наиболее образованное сословие, имеющее общественную трибуну в дворянских, а с 1864 г. — и в земских собраниях. Особенности русского либерализма и его место в общественном движении определялись социально-экономическими и политическими условиями развития великой империи. Сказывались запоздалая по сравнению со странами Западной Европы эмансипация крестьян, позднее, хотя и бурное развитие капитализма, наличие самодержавно-сословного строя и пережитков крепостничества, инфантильность русской буржуазии, наличие революционного экстремизма и др. Либеральные идеи, волновавшие русское дворянство со второй половины XVIII в. под влиянием французского Просвещения, на первых порах носили неопределенный характер свободомыслия, вольнодумства, вольтерьянства, фармазонства, маниловщины, мечтаний о земном рае, о мессианской роли России в мировом сообществе и др. Со временем ранние русские просветители С. Е. Десницкий, Н. И. Новиков, А. П. Куницын высказывают

мысли о необходимости ограничения всякой власти, в том числе и родительской, осуждали крепостничество и самодержавие, правосудие и взяточничество, неравноправие мужчин и женщин. Настоятельная потребность грядущих буржуазных преобразований выражалась в конституционных и экономических проектах конца XVIII — начала XIX вв. (Н. И. Панин и Д. И. Фонвизин, М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов и др.). Идеи либерализма присутствовали и в движении декабристов (Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов и др.). Формирование их проходило в общем русле дворянской революционности.

Принято считать, что становление русского либерализма связано со спорами западников и славянофилов о путях развития страны на рубеже 30—40-х гг. XIX в. Западники выступали за ликвидацию крепостного права и необходимость развития России по западноевропейскому пути. Термин «западники» возник в 40-х гг. К западникам принадлежали публицисты и литераторы П. В. Анненков, В. П. Боткин, М. Н. Катков, Е. Ф. Корш, Н. А. Мельгунов, А. В. Никитенко, И. С. Тургенев, П. Я. Чаадаев и др.; профессора истории, права и политической экономии И. К. Бабст, И. В. Вернадский, Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, П. Н. Кудрявцев, П. Г. Редкин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и др. Примыкали к западникам писатели и публицисты Д. В. Григорович, И. А. Гончаров, А. В. Дружинин, А. П. Заблоцкий-Десятовский, В. Н. Майков, В. А. Милютин, Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, А. Ф. Писемский, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Органами печати, в которых преимущественно сотрудничали западники, были журналы «Отечественные записки» (с 1839 г.), «Современник», «Русский вестник» (с 1856 г.), «Атеней» (1858—1859), газеты «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», литературные сборники «Физиология Петербурга» (1845), «Петербургский сборник» (1846).

Славянофилы обосновывали и утверждали особый путь исторического развития России, принципиально отличный, по их мнению, от стран Западной Европы. Самобытность России славянофилы видели в отсутствии, как они считали, в ее истории классовой борьбы, в русской поземельной общине и артелях, в православии как единственно истинном христианстве. В духе панславизма славянофилы отводили России руководящую роль в отношении всего славянского мира. Выдающуюся роль в формировании взглядов славянофилов в 40—50-х гг. сыграли А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, отчасти К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин. Видными славянофилами были также И. С. Аксаков, И. Д. Беляев, Д. А. Валуев, А. Ф. Гильфердинг, П. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. Д. Иванищев, В. И. Ламанский, В. Н. Лешков, В. А. Панов,

А. Н. Попов, Н. А. Попов, Ф. В. Чижов. В 50-х гг. к славянофилам примкнул В. А. Черкасский. Разделяли взгляды славянофилов писатели С. Т. Аксаков, А. А. Григорьев, В. И. Даль, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков. Симпатизировали славянофилам Ф. И. Буслаев, О. М. Бодянский, Г. П. Галаган, В. И. Григорович, М. А. Максимович, Н. А. Ригельман, И. И. Срезневский,

Славянофилы издавали журналы «Русская беседа» (1856—1860), «Сельское благоустройство» (1858—1859), газеты «Молва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861—1865), «Москва» (1867—1868), «Русь» (1880—1886). Выпустили три «Московских литературных и ученых сборника». Постоянными местами, где западники и славянофилы устно выражали и отстаивали свои взгляды, являлись преимущественно московские литературные салоны дворянской интеллигенции, игравшие большую роль в общественной жизни, — салоны С. Т. Аксакова, А. П. Елагиной, К. К. Павловой, Д. Н. Свербеева, П. Я. Чаадаева и др. После Крымской войны в мыслящем слое дворянства и служилой бюрократии закипели страстные споры на социальные, политические и моральные темы. Началась оппозиционная критика в дворянских салонах и купеческих особняках, оживились гостиные славянофилов и западников. В конце 1850-х — начале 1860-х гг. началось сближение большинства западников и славянофилов в рамках единого либерального лагеря. Либералы выдвигали требования и проекты освобождения крестьян, предоставления свободы совести и слова, общественного мнения и печати, публичности правительственных действий, гласности судопроизводства, отмены сословных привилегий, создания представительных учреждений.

Необходимо отметить, что в пореформенный период не было создано какой-либо единой программы либерализма, который бы «представлял собой пестрый конгломерат разнообразных социальных групп, течений и взглядов».

Среди высокопоставленных лиц империи вместе со всеми образованными людьми к преобразованию государственного строя и осуществлению намеченных либеральных реформ, пожалуй, больше других, стремились тетка Александра II великая княгиня Елена Павловна и брат царя великий князь Константин Николаевич.

Елена Павловна делала все возможное, чтобы открыть и привлечь к служению на пользу Отечества талантливых и даровитых людей из среды писателей, артистов, ученых и общественных деятелей. Она завязывала дружественные отношения с Грановским и другими московскими профессорами, выдвигала и поддерживала в их общественной деятельности Дмитрия и Николая Милюти-

ных, Кавелина, Самарина, князя Черкасского, Арцимовича, Ивана Аксакова и других.

Великий князь Константин Николаевич, «разносторонне образованный человек», фактически второе лицо в государстве, поняв после Крымской кампании необходимость преобразования всего государственного строя, стал добиваться осуществления реформ гораздо смелее и последовательнее своего брата. Благодаря этому он вскоре сделался при дворе признанным лидером либеральных правительственных кругов, наиболее сильной опорой и самым решительным двигателем всех либеральных начинаний. Неслучайно одним из виновников социально-политического кризиса в России, принявшего угрожающие размеры на рубеже 70—80-х гг., наследник престола, будущий император Александр III искренне считал великого князя (см. гл. 9, § 1).

Значительный вклад в становление умеренного либерализма, который долгое время был преобладающим в России, внесли известные ученые Б. Н. Чичерин (1828—1904) и К. Д. Кавелин (1818—1885), убежденные сторонники умеренных реформ при сохранении монархии. Они считали, что необходимо обеспечить спокойное, без возможных потрясений врастание российского общества в новые формы жизни, и предполагали проведение только давно назревших преобразований, избегая ускоренного развития событий. Их сторонникам приходилось в сфере политики постоянно колебаться между консерваторами, панически боявшимися любых перемен, и радикалами, призывавшими к народной мести и проповедующими идею социального скачка.

Земское движение

С созданием земства организационной опорой либералов становится земское движение. По мере своего развития оно все больше отходило от умеренности, нерешительности и лояльности по отношению к самодержавию и приобретало все более заметные черты политической оппозиционности. Меняя свой социальный облик благодаря вливанию разночинных элементов из интеллигенции, земский либерализм приобретал все более радикальный и демократический характер. Проявлялось это в подаче земских адресов, прошений и ходатайств на имя императора, проведении нелегальных собраний и съездов, издании за границей статей и брошюр, разъясняющих программу и тактику земцев. Исходным рубежом нового всплеска либерально-оппозиционного движения явилась Русско-турецкая война 1877—1878 гг., принесшая России немало тяжелых испытаний. После окончания войны петербургское правительство практически ничего не сделало для удовлетворения экономических нужд народа. Оно пыталось оставить все по-старому. Не пошло оно, с другой стороны, навстречу чаяниям русских либералов. Полное игнорирование властью общественных пожеланий становилось тем чувствительнее и обиднее, что правительство, выступавшее в войне под флагом освобождения балканских славян, вынуждено было допустить введение конституции в Болгарии. «Дай твоему верному народу то, что ты дал болгарам, — этим обращением заключался адрес Александру II от харьковского земства. Харьковский адрес был одним из многих земских адресов, вызванных двукратным призывом Александра II к обществу осенью 1878 г. о содействии борьбе правительства против революционеров. Лишь отдельные земства решились, да и то в очень скромной «верноподданнической» форме, выступить с критикой политики правительства и выражением своих конституционных или полуконституционных стремлений. Самыми распространенными политическими предложениями земских либералов были ходатайства о разрешении земских съездов по различным хозяйственным и культурным вопросам и продолжении великих реформ. Считается, что всего с августа 1878-го по июнь 1882 г. губернскими и уездными земскими собраниями были поданы 51 адрес и 101 ходатайство (386, 1993, № 4, с. 34). В числе этих обращений некоторую долю составляли проекты государственных учреждений о допущении в них выборных от земств и создания центрального земского органа совещательного типа. Своеобразным рупором подобных предложений стал журнал «Вестник Европы». Под руководством М. М. Стасюлевича он превратился в центр, объединивший вокруг себя умеренно-либеральных представителей петербургской интеллигенции. С конца 1880-х гг. в Первопрестольной и северной столицах стали практиковаться, так называемые земские беседы. Они представляли собой полулегальные собрания земских гласных с участием неземской интеллигенции. Возникли они в связи с запретом правительства на проведение земских съездов и других форм совместной деятельности органов местного самоуправления. Как правило, они проходили в отдельных кабинетах ресторанов, реже — на частных квартирах. До конца 1880-х гг. состоялось 8 земских бесед, в 1890-х гг. они приняли регулярный характер. Наиболее часто земцы собирались в 1891—1892 гг., в последующие годы — практически ежемесячно. На них присутствовало обычно от 18 до 35 человек. Инициаторами и организаторами проведения земских бесед в 1890-х гг. были В. И. Вернадский и И. И. Петрункевуич. В числе участников были К. К. Арсеньев, П. Н. Милюков, В. А. Мякотин, В. М. Петрово-Соловово, В. Ю. Скалон, Д. И. Шаховской и др. На первых порах на земских беседах обсуждались вопросы организации земской избирательной системы, земского

налогообложения, школьного дела, медицины, затем главными проблемами стали помощь голодающим, правовое положение крестьян, экономическая и политическая программы земств, а также проект создания «партии протеста». Содержание земских бесед регулярно отражалось в разделе «Внутреннее обозрение» журнала «Вестник Европы» (201б, т. 2, с. 261).

Новое Земское положение 1890 г. максимально ограничило всякую возможность для легальной оппозиции самодержавию со стороны земства.

Земские либералы не могли без конца мириться с произволом самодержавной власти. Земский либерализм при всей его нерешительности и непоследовательности в течение долгого времени был наиболее заметным проявлением конфликта между старым и новым господствующими классами — крепостниками-помещиками и буржуазией (пока, главным образом, в лице обуржуазившихся помещиков). Земские либералы продолжали вести линию легальной оппозиции самодержавию. Если они осмеливались противодействовать тому или иному мероприятию царской бюрократии, направленному против земства, то получали соответствующее наказание от властей. Так, 7 июня 1886 г. в связи с заявлением новгородского губернатора о систематических препирательствах с губернской администацией и самовольных действиях череповецкого земства последовало положение Комитета министров, предоставляющее министру внутренних дел полномочие передавать правительственной комиссии сроком на три года права и обязанности уездных земских учреждений. Четыре представителя череповецкого земства были высланы административным путем (175, с. 89—90).

Первостепенную роль в земствах играла интеллигенция. Именно она и заставляла правящие круги подозрительно относиться к земству. С расширением деятельности земств в области врачебной и агрономической помощи населению, народного образования возросла и численность земской интеллигенции, пополнявшейся за счет статистиков, врачей, агрономов, ветеринаров, педагогов, техников. Среди них было немало лиц, которые пошли на земскую службу, движимые горячим сочувствием к народу. В земской интеллигенции было много народнических элементов, подвергавшихся в прошлом репрессиям за революционную деятельность, а к концу века на службу в земства стали поступать и отдельные марксисты.

Наиболее заметной была роль земской интеллигенции в общественном подъеме, начавшемся после голодных 1891—1892 гг. Земские статистики собирали сведения о пораженных неурожаем местностях, количестве голодающих, размерах требуемой продовольственной помощи. На собранные средства земства закупали хлеб для голодающих. Земские врачи, учителя и прибывшие из

городов студенты открывали столовые, устраивали медицинские пункты для населения, страдавшего от эпидемии тифа и холеры.

Земская интеллигенция поддерживала связь с либеральными и народническими литераторами, либеральными профессорами Петербурга, Москвы и других университетских центров. Благодаря этому ареной для выступлений представителей земской интеллигенции сделались также Вольное экономическое общество в Петербурге, Юридическое общество при Московском университете и другие научные общества.

Партия «Народного права»

В сентябре 1893 г. в Саратове на съезде оформилась партия «Народное право», нелегальная организация демократической интеллигенции, имевшая целью осуществить основную идею буржуазного либерализма — идею борьбы за политическую свободу, за конституцию. В программе, изданной в 1894 г., ее инициаторы насущным вопросом считали объединение всех оппозиционных сил во имя уничтожения самодержавия.

Своеобразие провозглашенной программы заключалось в смешении чисто демократических идей и требований (представительное правление, свобода вероисповедания, признание прав национальностей, независимость суда, свобода печати, свобода сходок и обществ, неприкосновенность личности) с псевдосоциалистическими идеями в духе народничества. В организацию партии «Народное право» входили видные участники народнического и народовольческого движения 1870-х гг. — М. А. Натансон, А. В. Гедеоновский О. В. Аптекман, Г. Ф. Зданович и др., публицисты и писатели — П. Ф. Николаев, А. И. Богданович, Н. Ф. Анненский, В. А. Гольцев. Близки к ней были Н. К. Михайловский, и В. Г. Короленко. Группы партии «Народное право» были созданы в Петербурге, Москве, Орле, Саратове, Нижнем Новгороде, Перми, Екатеринбурге, Уфе, Баку, Тбилиси, Ростове-на-Дону, Харькове и других городах. Они пытались вести пропаганду в нелегальных кружках интеллигенции, среди учащихся, рабочих и легальных просветительских учреждениях. Была создана типография в Смоленске, где отпечатали манифест партии и брошюру «Насущный вопрос». В апреле 1894 г. партия была раскрыта вследствие провала «Группы народовольцев». В результате арестов в ряде городов были ликвидированы центр партии, типография и некоторые местные группы. По делу организации было привлечено 158 человек. Остатки народоправческих групп действовали до 1898 г. В начале XX в. многие бывшие народоправцы пополнили ряды эсеров, социал-демократов, энесов и кадетов.

Либеральное народничество

К либеральным народникам относят обычно представителей умеренного направления в народничестве, утвердившегося в исторической литературе с конца XIX в. В качестве идейного течения либеральное народничество появилось в 1860-х гг., когда в среде радикальной интеллигенции наметилось размежевание по вопросу о революционном или реформаторском характере будущих социальных преобразований. Идеи либерального народничества значительное распространение получили в 80—90-х гг. XIX в. в среде интеллигенции и отчасти молодежи после разгрома «Народной воли». Наиболее деятельными представителями либерального народничества проявили себя Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, Я. В. Абрамов, И. И. Каблиц (Юзов), П. П. Червинский, С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков. Главным теоретиком этого течения стал Николай Константинович Михайловский (1842—1904), выдающийся публицист, социолог и критик. С 1868 г. сотрудничал в журнале «Отечественные записки», был одним из его руководителей до закрытия в 1884 г. В дальнейшем сотрудничал в журналах «Северный вестник», «Русская мысль» и в газете «Русские ведомости». Высылался из Петербурга в 1882 и 1891 гг. за связи с революционными организациями. С 1892 г. был одним из редакторов журнала «Русское богатство», органа либеральных народников. Сформировался как политический мыслитель под воздействием революционного народнического движения 70-х гг. Пришел к выводу о необходимости коренным образом изменить политический строй в стране.

После покушения 1 марта 1881 г. на Александра II редактировал письмо исполнительного комитета «Народной воли», в котором были изложены требования к Александру III. В области социологии был последователем и продолжателем так называемого субъективного метода П. Л. Лаврова. Подчеркивал активную роль личности в истории, ее способность противостоять стихийности исторического процесса. Главным критерием общественного прогресса считал всестороннее развитие личности.

В начале 90-х гг. журнал «Русское богатство», перешедший в руки группы Михайловского, пользовался большой популярностью. Находясь в оппозиции к правительству, журнал критиковал самодержавие, политическую слабость русской буржуазии, ее неспособность разрешить основные противоречия страны. Единственно верным выходом из бедственного положения крестьянства, по мнению теоретиков журнала, могло стать только наделение сельских тружеников землей и дальнейшее становление на этой основе «трудового крестьянского хозяйства». Его развитие, по мысли народников, должно пойти по некапиталистическому пути.

Значительный вклад в изучение проблем пореформенного развития России внесли народники-экономисты В. П. Воронцов (1847—1918), автор книги «Судьбы капитализма в России» (1882) и долголетний корреспондент К. Маркса и Ф. Энгельса Н. Ф. Даниельсон (1844—1918), автор другого основополагающего народнического труда «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893). Народники-экономисты одними из первых предприняли попытку анализа особенностей процесса модернизации народного хозяйства в стране с преимущественно аграрным характером производства, выявили серьезные диспропорции в развитии различных его отраслей, показали трудности становления рыночных отношений. Теоретическое обоснование народничества сопровождалось отказом от революционной борьбы, критикой марксизма и русских социал-демократов.

Глава девятнадцатая

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Участников рабочего движения и социал-демократов мы будем рассматривать в числе радикалов (от лат. radix — «корень»), т. е. сторонников решительных, коренных преобразований. 80—90-е гг. явились периодом дальнейшего роста рабочего движения, распространения марксизма и зарождения социал-демократии в России.

1. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Забастовки 80-х годов

В 80-е г. в России разразился глубокий разрушительный промышленный кризис, в результате которого резко ухудшилось положение рабочего класса. Заводчики и фабриканты не останавливались перед массовыми увольнениями рабочих, снижали заработную плату до 40—50%, особого разгула достигла штрафная система. Штрафы начислялись под всевозможными предлогами: за опоздание, поломку инструмента, грубость, курение, песни, шум, свист, хождение в контору, дурное обращение с животными, нехождение в церковь. Выступления рабочих в условиях кризиса стали приобретать широкий размах.

«Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос как будто вдруг вырос из земли и предстал перед нашими глазами», — отмечал журнал «Дело» в 1883 г. 80-е гг. ознаменовались значительным количеством стачек. За пятилетие с 1881-го по 1885 г. произошло не менее 72 стачек, за следующее пятилетие (1886—1890) — не менее 98; всего в 80-е гг. произошло не менее 170 стачек. Наиболее крупными очагами стачечного движения оставались Петербургский и Центральный промышленные районы. Забастовки хаотически распространялись на другие промышленные районы и национальные окраины. «...Промышленный кризис, — писал В. И. Ленин, — до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там» (176, т. 5, с. 323). Начало было положено в 1881 г. крупной стачкой на фабрике Хлудова в Смоленской губернии, вызванной снижением зарплаты на 10%, штрафами и вычетами. Смоленский губернатор для усмирения немедленно выслал военную команду из 500 человек. Фабрику заняли войска, зачинщиков стачки арестовали, из 2600 стачечников 800 выслали по этапу. По той же причине в октябре 1881 г. начались забастовки на фабрике Щербакова в Озерах Коломенского уезда, а в ноябре 1881 г. — на фабрике Серикова в Серпухове. В 1882—1884 гг. бастовали рабочие на фабрике Дербенева в Иваново-Вознесенске, на заводе Бромлея и Дависона в Москве, на фабриках Паля и Максвеля в Петербурге (1886). Особенно выделялась стачка в 1884 г. на Вознесенской мануфактуре Кнопа Дмитровского уезда Московской губернии. Рабочие объявили забастовку в виде протеста против штрафов и снижения расценок. 12 декабря на фабрику прибыл московский губернатор с двумя сотнями казаков, но рабочие держались спокойно и твердо отстаивали свои требования. Стачка была прекращена значительными военными силами. 115 рабочих были отправлены в московскую пересыльную тюрьму. При помощи штыка и нагайки на фабрике был наведен полицейский порядок. Высокую организованность показали также рабочие в иваново-вознесенской забастовке в сентябре 1885 г.; в ней по предварительному сговору участвовало более 6 тыс. рабочих пяти крупных фабрик. 1887 г. отмечен троекратной забастовкой рабочих тифлисских железнодорожных мастерских. В сентябре 1888 г. прошла забастовка на нескольких ткацких фабриках г. Шуи.

Морозовская стачка 1885 г.

Наиболее важной по своему значению в истории революционного движения стала знаменитая Морозовская стачка, вспыхнувшая в 1885 г. на Никольской мануфактуре Тимофея Морозова в

Орехово-Зуеве Владимирской губернии. Она представляла собой пример самостоятельного выступления рабочих и высокой для того времени организованности.

Морозовская мануфактура была известна во всем округе исключительно жестокой эксплуатацией и широко развитой системой штрафов. Положение рабочих на фабрике непрерывно ухудшалось. С 1882 по 1884 г. заработная плата снижалась пять раз, в 1884 г. — сразу на 25%. На суде выяснилось, что у рабочих из каждого рубля заработной платы вычиталось под видом штрафа в пользу фабриканта от 30 до 50 копеек, т. е. от одной трети до половины заработной платы. За время с 1881 по 1884 г. штрафы увеличились на 155%. «Когда мы читаем книгу о чернокожих невольниках—возмущаемся, но теперь перед нами белые невольники», — говорил адвокат Плевако на суде над морозовскими стачечниками. На мануфактуре было занято около 11 тыс. рабочих. 7 января 1885 г. выведенные из терпения, они объявили стачку, которая была заранее организована. В ней приняло участие около 8 тыс. человек, руководили стачкой опытные рабочие Петр Моисеенко, Лука Иванов и Василий Волков, прошедшие школу подпольной работы в революционных кружках. Особого внимания заслуживает ткач Петр Анисимович Моисеенко (1852—1923). До поступления на Никольскую мануфактуру Моисеенко участвовал в создании «Северного союза русских рабочих», был его членом. Работая на новой бумагопрядильне в Петербурге, он в 1878 г. принимал активное участие в стачке, за что был выслан на родину, вернулся нелегально.

За участие в новой стачке 1879 г. его сослали в Восточную Сибирь. В 1883 г. он вернулся из ссылки и поступил (в конце 1884 г.) на Никольскую мануфактуру. Вместе с Л. Ивановым и В. Волковым начал вести пропаганду среди рабочих и в нужный момент приступил к организации стачки. На предварительных совещаниях (5 и 6 января 1885 г.) в трактире на Песках он вместе с группой товарищей-ткачей (50 человек) выработал план стачки и требования, которые рабочие должны были предъявить Морозову. 7 января 1885 г. в 6 часов утра по предварительному сговору один рабочий закричал: «Сегодня праздник, кончайте работу, гасите газ! Бабы, выходите вон!» Рабочие вышли на улицу — стачка началась. Несмотря на уговоры Моисеенко и Волкова, рабочие разнесли фабричную лавку с червивыми продуктами, разгромили квартиру ненавистного им мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. «Бунт» почти десятка тысяч рабочих чрезвычайно напугал как администрацию фабрики, так и правительство. В Орехово-Зуево тотчас же явились прокурор из Москвы, прокурор и губернатор из Владимира вместе с двумя батальонами солдат. Произошло

столкновение рабочих с царскими войсками, и стачечники вынуждены были разойтись. На следующий день тысячная толпа явилась к губернатору. Волков передал начальству «условия, составленные самими рабочими». Они требовали, чтобы им был возвращен штраф к Пасхе 1884 г.; чтобы штрафы не превышали 5% с заработанного рубля; чтобы вычеты за прогул одного дня не превышали одного рубля; чтобы полный расчет производился по предупреждению за 15 дней; чтобы хозяин заплатил за прогульные по его вине дни; чтобы определение доброкачественности принимаемого от рабочего товара происходило при свидетелях из рабочих и т. д. Администрация на уступки не шла. Рабочие продолжали волноваться. По личному распоряжению Александра III начались массовые аресты стачечников. Возмущение рабочих вызвал арест Волкова. Ввиду нараставших волнений губернатор вызвал новые войска и отправил Волкова под усиленным конвоем во владимирскую тюрьму. Было арестовано более 600 рабочих. 14 января 1885 г. фабричные казармы оцепили войска, которые окончательно разгромили бастующих. Героическое сопротивление стачечников было сломлено только при помощи вооруженной силы. 15 января фабрика приступила к работе.

Морозовская стачка закончилась высылкой 800 рабочих на родину и двумя судебными процессами. 33 рабочих предали суду, среди них — руководителей стачки Моисеенко, Волкова и Л. Иванова. Суд состоялся во Владимире в мае 1886 г. На суде выяснились чудовищные притеснения рабочих фабрикантом. Присяжные вынесли рабочим оправдательный вердикт. На 101 вопрос, предложенный присяжным о виновности подсудимых, они дали 101 отрицательный ответ. «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире, — писал Катков в газете «Московские ведомости», — раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса». Даже Катков вынужден был заявить, что в событиях на Морозовской мануфактуре было «все необходимое, чтобы придать им характер таких же рабочих движений, какие вспыхивают время от времени во Франции и Бельгии, как будто и Россия подобно им страдает недугом пролетариата и рабочего вопроса, как будто и наша промышленность представляет готовое поле для борьбы труда с капиталом».

Морозовская стачка имела большое значение в развитии революционной борьбы рабочего класса и произвела сильное впечатление не только на широкие массы рабочих, но и на царское правительство. Оно почувствовало, что с народными массами шутить опасно. «Эта громадная стачка, — подчеркивал Ленин, — произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования» (176, т. 2, с. 23). Морозовская стачка вырвала у правительства фабричный закон 1886 г., согласно которому штрафные суммы должны были идти не в пользу фабрикантов, а расходоваться на нужды рабочих (см. гл. 9, § 7). С Морозовской стачки рабочее движение в России вступило в новую полосу и наметило, как писал Плеханов, «исходный пункт нового фазиса рабочего движения».

2. Г. В. ПЛЕХАНОВ. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

В период царствования Александра III революционное движение в Российской империи развивалось по двум направлениям — социал-демократическому и народническому. Приверженцы обоих направлений боролись за «светлое будущее страны», хотя их идеологи по-разному представляли и это будущее, и пути к нему. Социализм и рабочее движение существовали раздельно. Идеи марксизма еще не получили в России широкого распространения. Первой русской марксистской группой явилась основанная в 1883 г. Плехановым группа «Освобождение труда», благодаря которой марксизм был перенесен на русскую почву.

Г. В. Плеханов (1856—1918) явился первым пропагандистом марксизма в России, именно он начал распространять марксизм в России в то время, когда народники еще имели значительное влияние среди интеллигенции. Родился он в Тамбовской губернии в небогатой помещичьей семье. По окончании юнкерского училища стал студентом Горного института в Петербурге. Познакомившись с бунтарями-народниками, Плеханов в 1875 г. вступил в их ряды. Он был одним из инициаторов демонстрации в 1876 г. на Казанской площади, где произнес яркую революционную речь. После раскола народнической организации «Земля и воля», где он играл крупную роль, Плеханов вошел в группу «Черный передел». В 1880 г. Плеханов, преследуемый полицией, эмигрировал за границу. В эмиграции он познакомился с марксизмом и с рабочим движением, установил личную связь с Энгельсом, в 1882 г. перевел на русский язык «Манифест коммунистической партии». В 1883 г. совместно с другими бывшими чернопередельцами (Аксельродом, Засулич, Дейчем, Игнатовым) Плеханов создал в Женеве первую социал-демократическую организацию — группу «Освобождение труда», которая поставила перед собой следующие задачи: «1) Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы

Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки. 2) Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России» (213, т. II, с. 22—23).

Плехановская группа «Освобождение труда» заложила теоретические основы будущего русского социал-демократического движения. Она много сделала для распространения марксизма в России. Членами группы были переведены на русский язык работы Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах», «Нищета философии» и ряд других.

«Главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в то время были народнические взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции». Необходимо было идейно разгромить народничество, для того чтобы расчистить путь социал-демократическому движению в России. Группа «Освобождение труда» и концентрировала свое внимание на разоблачении ошибок народничества. «Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников. Нанося меткие удары народническим взглядам, Плеханов одновременно развернул блестящую защиту марксистских взглядов». В своих работах Плеханов доказывал, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития, что этот путь является неизбежным для нее и что рабочий класс, представляет собой основную силу революционного движения. Плеханов утверждал, что русские революционеры должны сознательно опереться на рабочий класс, «развивать его классовое сознание, организовать его, помочь ему создать свою рабочую партию» (там же, с. 14). Доказывая ошибочность и реакционность взглядов народников, отрицавших роль пролетариата в революционной борьбе и рассчитывавших на крестьянство, как на решающую силу, Плеханов показал, что социализм не может утвердиться в России через отсталую, полуфеодальную крестьянскую общину. Наконец, Плеханов разбил ошибочную идеалистическую теорию народников о героях и толпе и, опираясь на учение Маркса и Энгельса, доказал, что «развитие общества определяется в конечном счете не пожеланиями и идеями выдающихся личностей, а развитием материальных условий существования общества, изменениями способов производства материальных благ, необходимых для существования общества...» (там же, с. 15—16).

Большое значение для идейной борьбы с народниками имела работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883). Он

подробно разобрал в ней взгляды различных народнических групп и их эволюцию, показал, что для народничества в целом характерно анархическое отрицание политической борьбы, и доказал ложность и вредность этого отрицания. Он показал, в каких неразрешимых противоречиях запутались русские народники со своей узкой и безнадежной философией русской истории. Резко критикуя народовольческую теорию захвата власти кучкой интеллигентов, он доказал полную несостоятельность и вред заговорщической тактики. Плеханов подробно разобрал взгляды научного социализма по вопросам политической борьбы и указал задачи русских марксистов. Этой работой он нанес сильный удар народничеству. В своей книге Плеханов в блестящем по форме изложении развил и обосновал точку зрения марксистского материализма. Народники враждебно встретили работу Плеханова. Вожди народничества, в том числе П. Лавров, выступили с негодующей критикой, обвиняли Плеханова в дезорганизации революционных сил, говорили о переходе его на позиции либералов.

Но Плеханов продолжал свое дело. Вскоре он выступил с новой большой книгой «Наши разногласия» (изд. 1885 г.). В этой работе Плеханов рассмотрел исторические корни народнической идеологии и доказал, что будущее в революции принадлежит не народникам, а массовому рабочему движению. Плеханов пропагандировал идеи «Манифеста коммунистической партии» и «Капитала» Маркса. С цифрами и фактами в руках он показал разложение крестьянской общины. Говоря о задачах социалистов в России, Плеханов писал: «Возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все другие ведут к поражению и бессилию». Вскоре после выхода этой книги в свет с ней познакомился Ф. Энгельс. На встрече с В. Засулич он дал высокую оценку деятельности группы Плеханова, которая окрылила еще немногочисленных тогда русских марксистов.

Плеханов дал изложение основных вопросов марксизма. Особо важное значение имела его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895). Плеханов нанес сокрушительный удар народничеству. В своих литературных произведениях он дал изложение основных вопросов марксизма, противопоставил материализм идеализму народников, чем расчистил путь марксизму в России.

За 20 лет своей деятельности, с 1883 по 1903 г., члены группы «Освобождение труда» написали и опубликовали более 250 работ, перевели на русский язык и опубликовали 30 произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Кроме того, группа «Освобождение труда» разработала два проекта программы русских социал-демократов (первый в 1884 г. и второй в 1887 г.).

Второй проект программы (1887) был шагом вперед по сравнению с первым. Плеханов предвидел победу социализма в результате деятельности рабочей партии. Во втором проекте еще более определенно говорилось о необходимости создания самостоятельной рабочей партии: «Русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии». Более определенно ставился вопрос о необходимости захвата власти рабочим классом. Правда, и во втором проекте программы группа «Освобождение труда» не вполне отказалась от народнических взглядов: в известной мере допускалась тактика индивидуального террора, были выдвинуты некоторые лассальянские требования. Плеханов давал неправильную оценку крестьянству, заявляя, что «главная опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но несмотря на эти недостатки второй проект программы в общем и целом стоял на более высоком уровне, чем первый проект, и заслужил положительную оценку Ленина. Ленин считал правильным то, что в этом проекте указывался класс, который один мог быть последовательным борцом за социализм, — пролетариат; указывалась цель, которую ставил себе пролетариат, — коммунистическая революция; указывалось на неизбежное предварительное условие переустройства общественных отношений — необходимость захвата пролетариатом политической власти.

Группа «Освобождение труда» не была еще связана практически с рабочим движением. Это был период возникновения и упрочения в России теории марксизма, идей марксизма, программных положений социал-демократии. Это был процесс «утробного развития» партии. Ленин писал: «Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» (176, т. 25, с. 132).

Задачу соединения марксизма с рабочим движением в России, задачу создания партии нового типа разрешил основатель большевистской партии В. И. Ленин.

3. ПЕРВЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ И ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИИ

С первой половины 80-х гг., когда капитализм в России пустил глубокие корни, когда вырос класс пролетариата, шире развернулась классовая борьба рабочих и начали появляться социал-демократические группы и кружки.

Почти одновременно с группой «Освобождение труда» в октябре 1883 г. в Петербурге образовалась группа Благоева, назвавшая себя в 1884 г. «Партией русских социал-демократов». Организатором ее был студент естественного факультета физико-математического отделения Петербургского университета Димитр Благоев (1855—1924), болгарин по происхождению, впоследствии основатель и руководитель болгарской компартии. По свидетельству В. Г. Харитонова, Благоев был «небольшого роста, сухой, черный, как жук, подвижный, энергичный, с узким сектантским умом, но вместе с тем добродушный и милый товарищ» (201в, с. 81—82).

В группу входило около 30 человек, в основном студенты Петербургского университета, Технологического и Лесного институтов, ранее примыкавшие к народнической организации «Черный передел» и контактировавшие с рабочими группами «молодых» народовольцев М. Н. Емельянова, П. Ф. Якубовича и др.

В 1884 г. благоевская группа развернула довольно крупную по тем временам работу: ею было организовано около 15 кружков по 10 человек среди рабочих за Невской заставой, на Выборгской и Петербургской сторонах, на Васильевском острове. Установлены связи с заграницей, в частности с группой «Освобождение труда». Была приобретена нелегальная типография, выпустившая в 1885 г. два номера газеты «Рабочий» (тираж 1 тыс. экземпляров), пропагандировавшие идею создания единой российской социал-демократической организации. Подобрана небольшая библиотека нелегальных и легальных книг, созданы кассы взаимопомощи, кружки самообразования.

В течение 1884 г. был выработан проект программы, которая резко разделялась на три части: общая часть (с марксистским оттенком), практическая часть (с лассальянским уклоном), часть о движущих силах революции (с народническим содержанием). Благоевцы признавали неизбежность капиталистического развития, видели главную революционную силу в пролетариате. Они стремились к созданию самостоятельной рабочей политической партии, а захват власти считали возможным только в результате *«общенародной революции крестьянства и рабочих»*, отвергая путь заговора. Позже Плеханов подготовил проект программы, общей для благоевской группы и группы «Освобождение труда». Благоевцы проповедовали лавристскую теорию критически мыслящей личности. В феврале 1885 г. Благоев был арестован и выслан в Болгарию. Группу возглавил В. Г. Харитонов, а после его ареста в январе 1886 г. — А. А. Герасимов (отец известного советского кинорежиссера С. А. Герасимова (201в, с. 349). В марте

1887 г. большинство членов группы было арестовано. Некоторые ее члены — рабочие Е. А. Климанов, Г. А. Мефодиев, А. С. Филимонов и др. — вошли в группу Точисского.

Осенью 1885 г. в Петербурге образовался кружок Точисского (1865—1918). Вначале «это была компания близко знакомых интеллигентов-учащихся, объединенных одной общей идеей — ненавистью к существующему политическому строю». П. В. Точисский был сыном полковника из польских дворян и парижанки. По его словам, Марсельеза была колыбельной песней, которую напевала мать, убаюкивая его. Семья жила в Екатеринбурге около тюрьмы, начальником которой был отец, и проходившие в Сибирь ссыльные производили на Точисского сильное впечатление. Политические арестанты указали ему на революционный путь. В гимназии у Точисского происходили острые столкновения с начальством, видевшим в нем будущего революционера. Отец Точисского тоже не мог примириться со взглядами сына и выгнал его из дома. Летом 1884 г. Точисский «от ликующих, праздно болтающих» вместе с сестрой Марией перебрался в Питер, поступил в ремесленное училище, изучил слесарное дело и стал рабочим. Работал на промышленных предприятиях Выборгской стороны. По словам хорошо знавшего его А. Л. Брейтфуса, одевался он как настоящий рабочий: в грязную синюю блузу, чертовой кожи штаны и опорки на босу ноги. Ходил тяжело, вразвалку, потрясая красивыми черными волосами, обрамлявшими тонкие благородные черты лица. Его любимой позоц была поза Мефистофеля со скрещенными на груди руками» (201в, с. 224). Став социал-демократом, в 1885 г. он составил план организации группы для поднятия умственного и нравственного уровня рабочих. В конце 1886 г. был принят устав общества, выработанный Точисским, в котором говорилось о необходимости организации библиотек, чтений, кружков самообразования, устройства касс взаимопомощи, проведение «стачек и коллективных протестов против отдельных лиц и распоряжений заводоуправления». Организация Точисского получила название «Товарищество петербургских мастеровых». Сначала в него вошли сестра Точисского Мария, Д. Лазарев, И. Шалаевский, Е. Данилова, Л. Аркадская, А. Брейтфус, А. Петропавловская, позже — А. Иванова, А. Горных, Н. Васильев, Е. Климанов, В. Шелгунов и др. Состояла из двух частей — интеллигентской и рабочей. Точисский считал, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат, интеллигенцию он считал случайной гостьей в революции и говорил: «Вы с нами только до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой

нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся». Точисский не доверял революционной интеллигенции и старался оттеснить от нее революционно настроенных рабочих. В этом вопросе он расходился с основоположниками марксизма, которые жестоко осуждали всякую попытку сеять вражду между революционной интеллигенцией и рабочими.

Точисский решительно критиковал народовольчество, резко отрицательно относился к террору. Он говорил, что «революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс». Из кружка Точисского вышли такие рабочие-пропагандисты, как Е. А. Климанов, В. А. Шелгунов и др. Они составили впоследствии руководящее рабочее ядро в брусневской организации. Благодаря четкой конспирации кружок Точисского работал более двух лет, не обнаруженный полицией. Только в 1888 г. был разгромлен, что привело к провалу лишь интеллигентскую часть. К дознанию было привлечено 10 человек. Рабочая часть кружка уцелела и сыграла значительную роль в дальнейшем развитии пропаганды среди петербургских рабочих. После высылки из Петербурга Точисский в 90-х гг. вел пропаганду в Екатеринославе, Москве, Астрахани, Вологодской губернии, выезжал за границу. В конце 1917 г. был председателем ВРК на Урале в г. Белорецке. Убит в июле 1918 г. во время эсеровского мятежа.

В 1889 г. в Петербурге вследствие объединения революционной студенческой молодежи Технологического, Лесного, Горного институтов и университета, а также части рабочих организовалась группа, которая называлась «Центральным рабочим комитетом», «Рабочим союзом», позднее — по имени руководителя, студента технологического института М. И. Бруснева.

Бруснев родился в станице Сторожевая на Кубани в семье казака, хорунжего. В 1885 г. после окончания Ставропольской гимназии поступил в Петербургский технологический институт. «Бруснев, — характеризовала его позже Н. К. Крупская, — был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, целиком ушедшим в рабочее движение» (281в, с. 376). Л. Б. Красин писал, что Бруснев «уже тогда был вполне сложившимся марксистом». Социал-демократическая организация, которую он возглавил, была преемственно связана с группами Благоева и Точисского. Своей целью она ставила пропаганду марксизма среди рабочих и подготовку из них руководителей рабочего движения. В беседах на политические темы ее пропагандисты указывали на работу немецкой социал-демократической рабочей партии как на образец, достойный подражания. Особо высоко они

ценили Бебеля и хотели из своих слушателей-рабочих выработать «будущих русских Бебелей». В 1890 г. во главе организации стал комитет из представителей рабочих районов и одного представителя от интеллигенции. Благодаря широким связям центральная касса при комитете располагала довольно значительными средствами кружковых касс, доходами от лотерей, спектаклей, пожертвований и т. д. В 1890 г. организация стала выходить из сферы кружковой замкнутости на арену более широкого рабочего движения и руководила некоторыми стачками (зимой 1890—91 гг. стачкой у Торнтона и в порту). Прокламации и воззвания к стачечникам, напечатанные на гектографе, имели большой успех у рабочих. Выпускалась рукописная газета, на которую рабочие набрасывались с жадностью и зачитывали до дыр.

Брусневская организация приняла участие в демонстрации на похоронах писателя-публициста Н. В. Шелгунова (1891). Около 70—100 рабочих из кружков брусневской организации шли в рядах демонстрантов. Рабочие несли венок с надписью: «Указателю пути к свободе и братству». Демонстрация имела важное значение: организация, до тех пор скрывавшаяся в подполье, громко заявила о своем существовании. Сейчас же после демонстрации возникла мысль об организации маевки. В 1891 г. брусневская организация тайно устроила первую в России маевку, на которой присутствовало 70—80 рабочих. На маевке выступили с речами рабочие Н. Богданов, Ф. Афанасьев и Прошин. Речи были произнесены с большим воодушевлением, их тексты впоследствии были распространены среди рабочих и сыграли роль в деле их политического воспитания.

По окончании института с лета 1891 г. Бруснев работал технологом в мастерских Московско-Брестской железной дороги в Москве. Осенью вошел в кружок П. М. Кашинского, вместе с Ф. А. Афанасьевым вел в нем пропаганду марксизма. Установил связи с рабочими кружками Тулы, Нижнего Новгорода, Харькова, Киева, с группой «Освобождение труда». Брусневская организация в Петербурге была разгромлена весной 1892 г. Бруснева арестовали в Москве 26 апреля 1892 г. с чемоданом литературы. Он был осужден на 4 года тюремного заключения с последующей ссылкой на 10 лет, которую отбывал в Верхоленске. Занимался изучением Сибири. Участвовал в работах двух полярных экспедиций. В 1904 г. опубликовал «Отчет об экспедиции на Ново-Сибирские острова для оказания помощи барону Э. В. Толлю». С 1903 г. жил в европейской России, в Баку и Петербурге. Помогал в издании большевистской литературы, считался владельцем партийного издательства «Дело», выпускавшего газету «Новая жизнь». После Октябрьской революции работал в Наркомате труда и торговых представительствах за рубежом. В 30-х гг. работал в Ленинграде в Гипромезе по своей специальности — инженер-технолог. Умер в 1937 г.

Рабочие кружки и группы возникали в 80-х гг. и в ряде провинциальных городов. В 1888 г. Н. Е. Федосеев (1871—1898) стал организатором марксистских кружков в Поволжье. Родился он в г. Нолинске (ныне Кировской области) в семье следователя. В 1887 г. был исключен из восьмого класса гимназии за «вредное направление» мыслей. Федосеев стал усиленно заниматься изучением марксизма. В 1889 г. он был арестован, а в 1890 г. заключен в петербургскую тюрьму «Кресты». В 1892 г. Федосеев вел революционную работу во Владимире, установил связь с марксистами других городов. В сентябре того же года стал одним из руководителей стачки на фабрике Морозова в г. Никольске, где и был арестован. Находясь во владимирской тюрьме, вел переписку по вопросам марксизма с Лениным, проживавшим в Самаре. Федосеев был одним из пионеров революционного марксизма. Он пришел к выводу о необходимости создания самостоятельной рабочей партии совершенно независимо от влияния группы «Освобождение труда». Был он почти ровесником В. И. Ленина (Ульянова), который участвовал в одном из кружков Федосеева с октября 1888-го до мая 1889 г. Вспоминая это время, Ленин писал: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению... Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу...» (176, т. 45, с. 324—325). В 1893 г. Федосеев был сослан в Сольвычегодск, в 1895 г. — в Восточную Сибирь. Обстановка тюрьмы и ссылки оказали на него губительное влияние: затравленный своими противниками, Федосеев покончил в ссылке самоубийством в 1898 г.

В 80-х гг. был организован революционный кружок в Харькове Ювеналием Мельниковым и Перазичем. Позже Мельников, работая электриком в Киеве, организовал там рабочий кружок «Лукьяновский клуб» (1893), был инициатором создания социал-демократической группы «Рабочий комитет» (1895). В 80-х гг. началась социал-демократическая работа и в кружках Минска. В 1887 г. были созданы первые еврейские социал-демократические кружки в Вильне. Первые социалистические кружки в Польше возникли в 1877 г. Высланный из пределов Галиции и Австрии революционер Людвиг Варынский в декабре 1881 г. возвратился в Варшаву с целью создать там организацию, способную руководить

социалистическим движением. В 1882 г. была основана польская социалистическая партия «Пролетариат» во главе с Варынским, Куницким, Яновичем и др.

80-е гг. стали временем зарождения в России социал-демократии. Десятилетие 1884—1894 гг. представляло собой «период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии, — писал Ленин. — Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая как политическая партия процесс утробного развития» (176, т. 6, с. 180).

Глава двадцатая

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Революционно-демократическое движение в период консервативного правления Александра III заявляло о себе в стихийных, подчас весьма бурных крестьянских волнениях, отдельных выступлениях революционной части студенчества, в деятельности дезорганизованных преследованиями народовольческих и народнических кружков, переживавших идейный кризис, незрелость и фанатизм.

1. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Своеобразие крестьянского движения в рассматриваемый период заключалось в том, что оно протекало в условиях уже заметной зрелости в России капиталистических отношений. Прорывавшиеся время от времени волнения сельских тружеников определялись тягостным для них путем капиталистического развития в пореформенные десятилетия при значительном сохранении кабальных форм их эксплуатации. Крестьяне были ограничены в использовании основного для них средства производства — земли. Кроме того, известно, что к 80-м гг. размеры наделов на душу населения из-за его естественного прироста довольно ощутимо сократились. Скажем, если средний размер надела на душу в 1861 г. в центральной полосе составлял 2,7 десятин, то к 1880 г. он уменьшился до 2,2 десятины. В то же время выкупные платежи, поземельный налог, подушная подать, земские и прочие сборы и «оклады» в общей сумме превышали доходность крестьянского хозяйства. Злое на работу мужичье почувствовало резкое усиление потребности в деньгах. Чтобы спастись от нужды в деревне, «лапотники»

массами уходили в города, на фабрики, заводы и шахты. Как уже отмечалось в § 1 12-й главы, в декабре 1881 г. был издан давно подготовленный закон об обязательном выкупе земельных наделов и о прекращении действия с 1 января 1883 г. «временнобязанных» отношений крестьян и помещиков. Тогда же было произведено, хотя и ничтожное, понижение выкупных платежей (в украинских губерниях на 16%, а в великорусских — всего на 1 рубль с душевого надела), с 1 января 1883 г. было прекращено взимание подушной подати с безземельных крестьян, а также с бывших фабричных и заводских. Размер подати с помещичьих крестьян был уменьшен на 10% (окончательная отмена подушной подати была проведена в 1886 г., причем для покрытия дефицита в государственном бюджете была значительно повышена оброчная подать с государственных крестьян под видом перевода их на выкуп).

Тем не менее в первые два года правления Александра III по всей российской земле распространилось всеобщее крестьянское возбуждение в связи с ожидавшимся близким переделом земли. Убийство Александра II кое-где истолковывалось крестьянами как мщение со стороны помещиков, устранивших царя-батюшку, чтобы помешать переделу земли в пользу крестьян. Поэтому неслучайно на встрече около Петровского дворца 21 мая 1883 г. с 630-ю волостными старшинами, вызванными в Первопрестольную для присутствия на коронации, (о чем говорилось выше в гл. 9, § 4), Александр III заявил им о незыблемости любого частного землевладения. «...Всякая собственность, в том числе и ваша, должна быть неприкосновенна...» (166, с. 16). Однако, как месяц ни свети, а все не солнышко. Последние царские слова о неприкосновенности и крестьянской собственности были перетолкованы в народе по-своему. Как сообщалось в полицейском донесении из Орловской губернии за 1883 г., что «раз всякая собственность неприкосновенна, то крестьяне еще более укрепились в законности своего сопротивления размежеванию... и решили от себя послать ходоков в Петербург к государю-императору и до возвращения их не допускать до отмежевания земель» (166, с. 16). Тогда же екатеринославский губернский предводитель дворянства доносил министру внутренних дел о том, что крестьяне «рассуждают так, что если земля и была закреплена в прежнее время за помещиками, то это было несправедливо, так как она приобретена кровью отцов и предков их, крестьян». Предводитель выражал серьезные опасения, что стремления к захвату помещичьих земель могут распространиться не только по всей губернии, но даже по целой России (там же). Как ни странно, эти опасения подтвердились в самое ближайшее время. Лишенные наиболее ценных участков

надельной земли, задавленные непосильными налогами и выкупными платежами, опутанные помещичьей кабалой и отработками, крестьяне не переставали выражать свое недовольство. По данным сборника документов «Крестьянское движение в России», с 1961 по 1917 г. в среднем происходило около 140 выступлений в год (за единицу принималось село и не менее 15 участников). Конечно, при имеющихся в стране более 500 тыс. сел охват был небольшим. Но в разные годы в отдельных местностях наблюдался всплеск крестьянского движения. По периодам выступления распределялись как показано в таблице 4.

Таблица 4

Крестьянские выступления в 1881—1894 гг.

Годы	Общее число выступлений	В среднем за год
1881—1889	659	73
1890—1894	209	42
Итого	868	115/58

В 1883—1884 гг. крестьянское движение значительно усилилось, охватило подавляющее большинство губерний Европейской России и приняло особо острые формы. Из 659 крестьянских выступлений за 80-е гг. XIX в., только на эти два года приходится 114, причем до $^1/_3$ всех учтенных за это десятилетие случаев, сопровождались вооруженными столкновениями крестьян с полицией и войсками. После некоторого спада в 1885 г. крестьянское движение в России на протяжении 80-х гг. вновь стало нарастать и приняло широкий размах. Вологодский губернатор, сообщая об одновременном выступлении в 1887 г. крестьян деревень Никольского уезда, признавал его «народным движением». Столь же массовый характер носили в 1886 г. крестьянские волнения 22 селений Курской губернии, волнения крестьян в 1887 г. двух волостей Вятской губернии, одиннадцати деревень Ямбургского уезда Петербургской губернии и Сапожковского уезда Рязанской губернии, в 1889 г. выступления крестьян пяти волостей Вятской губернии и т. д. (166, с. 17).

В 90-е гг. число волнений сокращается, а в конце века заметно новое оживление движения. В 1896 г., когда количество выступлений достигло самого высокого уровня за последнее пятилетие (114 выступлений), была несколько превзойдена высшая точка крестьянского движения начала 80-х гг. (147, с. 477).

Наибольший размах крестьянское движение приняло в западных и юго-западных губерниях (в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине), а также в губерниях Черноземного центра (Орловской, Воронежской, Курской и др.). Причем крестьянские

беспорядки, по свидетельству властей, отличались двумя чертами. Во-первых, своей заразительностью: «возникнув первоначально в одном уезде, легко переходят в соседние и последовательно обходят почти всю губернию, нередко заражая и соседнюю». Во-вторых, устойчивостью: захватив новые местности, они «более или менее упрочиваются в них» (381, 1938, № 4—5, с. 218). Имеющиеся документы свидетельствуют, что крестьянское движение при Александре III носило ярко выраженный аграрный характер. Камнем преткновения было крестьянское малоземелье. Мужичье требовало возвращения земель, отрезанных помещиками во время реформы.

В 1881—1887 гг. с этим было связано до 80,8% выступлений. С не меньшим ожесточением «лапотники» сопротивлялись попыткам помещиков лишить их права пользоваться лесными и пастбищными угодьями в неразмежеванных дачах. Недостаток земли, отсутствие необходимых угодий, помещичий произвол породили у крестьян стремление к переселению в Западную Сибирь, на Амур и в другие места, манившие к себе земельным привольем. Переселенческая лихорадка не раз охватывала десятки тысяч крестьян западных и юго-западных губерний. При этом они говорили: «Если нас не пустят, мы сделаем мятеж, как в 1863 г., — тогда паны желали подушить нас, а теперь мы их подушим и будем жить свободнее». В 1890 г. жители многих волостей Чериковского и Климовического уездов Могилевской губернии, распродав за бесценок все свое имущество и переуступив соседям земельные наделы, снялись с насиженных мест и стали стекаться к условленным пунктам, чтобы всей массой двинуться на восток. Лишь экстренные меры, принятые властями, остановили поток переселенцев и вынудили их вернуться на прежние места жительства.

Волнения на аграрной почве составляли в конце XIX в. около $^3/_5$ общего числа всех крестьянских выступлений (147, с. 478). Примерно пятая часть всех протестов представляла собой сопротивление крестьян налоговому гнету, в особенности выколачиванию недоимок, взысканию по суду или в административном порядке долгов и штрафов в пользу помещиков.

Поводы для остальных крестьянских выступлений были самые различные. На первое место здесь выдвигается протест крестьян против сословной неполноправности и полицейской опеки. Не секрет, что крестьянство было наиболее бесправным сословием в России.

По своему характеру крестьянское движение в силу раздробленности земледельческого производства разбросанности сел и деревень, темноты и забитости крестьян, являлось по преимуще-

ству локальным и стихийным. При этом численно преобладали пассивные формы выражения недовольства крестьян — подача жалоб и прошений властям, отказ от выполнения повинностей и уплаты штрафов за потравы и пр., неявка в суд и отказ от составления сходами разного рода приговоров по требованию властей.

Недовольство крестьян выливалось и в насильственные действия против помещичьей и казенной собственности (запашка помещичьей земли, порубки леса, выгон скота на господские луга, поджоги помещичьего имущества и т. п.).

Воронежский помещик Станкевич в 1884 г. жаловался министру внутренних дел, что «поджоги, порубки и потравы в помещичьих имениях сделались заурядным явлением в Острогожском уезде». Помещик просил министра поставить в имении «небольшую воинскую команду, преимущественно из казаков...».

В 1884 г. черниговский вице-губернатор, рассматривавший дело о захвате крестьянами нескольких селений Нежинского уезда помещичьих пастбищ, перепродававшихся крестьянам втридорога посредниками-арендаторами, писал: «Очевидно, что ныне возникла серьезная экономическая борьба между собственниками земли и крестьянами и систематический поход крестьян против арендаторов, или, лучше сказать, против всякого рода посредников между ними и собственниками земли, безразлично, к какой бы вере, званию, состоянию и сословию эти посредники ни принадлежали... Подобные личности не одиноки, их целый многочисленный класс...»

Резкое противодействие вызвало введение в 1889 г. института земских начальников, этой якобы близкой к крестьянам власти. Крестьяне, как признавали сами царские власти, в законе 1889 г. усмотрели возвращение к «панщине» и «крепостной зависимости».

Неизменным средством, к которому прибегали власти, чтобы подавить разраставшееся крестьянское движение, был вызов регулярных войск и казаков. Особенно частыми вызовы войск были при подъеме крестьянского движения в начале 80-х гг.: до 10—15 раз в отдельные годы и непосредственно после объявления закона о земских начальниках (1890) — до 7—8 раз в год. Как говорится, не замахивайся палкой, и собака не залает, что посеешь, то и пожнешь. Бывали случаи, когда вызванные для усмирения крестьян войска встречали вооруженное сопротивление. Прибывший с отрядом казаков в слободу Должик Харьковского уезда губернатор приказал окружить собравшуюся па площади толпу крестьян, протестовавших против закона о земских начальниках. «Увидя себя окруженными, — говорилось в жандармском донесении об этом выступлении, — крестьяне оцепенели. В этот момент совершенно

неожиданно из-за углов домов и построек выскочили жены крестьян и подростки с кольями, палками, вилами и другими орудиями, бросились к казакам, нанося им и их лошадям удары, передавая вместе с тем дреколья окруженным крестьянам, которые также вступили в драку с казаками...» Казаки дрогнули и готовы были отступить, только голос командира заставил их снова построиться, чтобы очистить площадь от сопротивлявшихся крестьян.

Участились забастовки сельскохозяйственных рабочих, главным образом на юге России и на Украине. В некоторых экономиях имели место «учиненные скопом» поломки сельскохозяйственных машин.

Имели место и иные формы противодействия помещикам и властям. Селяне уничтожали межевые знаки и прогоняли землемеров, избивали лесную стражу и помещичьих служащих, решительно противились аресту вожаков.

Известен анекдотичный случай, когда в одном из волостных правлений какой-то мужик наплевал на портрет императора. Дела об оскорблении царя разбирались в окружных судах, и приговор обязательно доводился до сведения государя. Так было и в данном случае. Мужика-оскорбителя приговорили к шести месяцам тюрьмы и довели об этом до сведения императора. Александр III гомерически расхохотался, а когда он хохотал, то это было слышно во всем дворце.

— Как! — кричал царь. — Он наплевал на мой портрет, и я же за это буду еще кормить его шесть месяцев? Вы с ума сошли, господа. Пошлите его... Скажите, что и я в свою очередь плевать на него хотел. И делу конец. Вот еще невидаль!

Одновременно с некоторым подъемом крестьянского движения в нем все чаще наблюдаются признаки организованности. В качестве вожаков крестьян наряду с отставными солдатами и пользующимися уважением «мира» деревенскими стариками выступают и высланные из города за революционную деятельность промышленные пролетарии или поддерживавшие связь с деревней рабочие.

В среде крестьянства все заметнее проявляются чувство человеческого достоинства и вера в силу общего отпора. Власти реже осмеливаются прибегать к розге. Спустя 40 лет после отмены крепостного права помещик имел перед собой уже иного крестьянина. «...Времена изменились, и вместо избитых, раздавленных рабов он встретил бодрое молодое поколение, готовое постоять за свои права человека и гражданина», — должен был признать в своем донесении в 1899 г. один из жандармских начальников.

Таким образом, все более подготовлялась почва для того мощного подъема крестьянского движения в России, которым было отмечено наступление нового века.

2. СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Со вступлением на престол Александра III после первомартовской катастрофы и принятием решительных мер против экстремизма, студенческое движение в стране на некоторое время стихло. Сыграло свою роль положение, согласно которому всякий студент, исключенный из университета за участие в революционном движении, навсегда лишался права поступать в какое-либо учебное заведение. Однако это продолжалось недолго. Вскоре в высших учебных заведениях вновь начались студенческие волнения, демонстрации протеста против произвола администрации и движение молодежи вновь приобрело большое политическое значение. «Ни в одной стране университетская молодежь не принимала такого бурного и деятельного участия в политической жизни страны, как в России, — писал известный генерал А. И. Деникин. — Партийные кружки, участие в революционных организациях, студенческие забастовки по мотивам политическим, сходки и «резолюции», «хождение в народ», который, увы, так мало знала молодежь... — все это заполнило студенческую жизнь... Сколько искреннего чувства, подлинного горения влагала молодежь в ту свою работу!.. И сколько молодых жизней, многообещающих талантов исковеркало подполье! » (190а, с. 494).

В Московском университете волнения произошли уже в начале марта 1881 г. Радикально настроенные студенты юридического факультета выразили свое несогласие с предложением некоторых своих товарищей возложить венок убитому народовольцами царю Александру II. Безусловно, это выступление разночинного студенчества носило отчетливо выраженный политический характер. Значительным событием университетской жизни было выступление студента медицинского факультета Викторова на защите докторской диссертации магистра Иванюкова 27 марта 1881 г. Возражая диссертанту по теме «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени», Викторов доказывал неразрывную связь научного социализма Маркса с революционным социализмом. Выступление Викторова было встречено аплодисментами студентов, присутствовавших на диспуте. После окончания диспута состоялась сходка студентов, в которой приняло участие около 100 человек. На этой

сходке был заявлен протест против действий декана, неоднократно прерывавшего выступление Викторова на защите. Администрация университета прибегла к репрессиям. Викторов был исключен, а вместе с ним и 37 участников сходки. Выступление Викторова свидетельствовало о проникновении в студенческую среду уже в это время идей революционного марксизма и о горячем сочувствии, с которым эти идеи воспринимались студенчеством. В последующие 1882—1883 гг. некоторые студенты Московского университета занимались распространением нелегальной марксистской литературы, издававшейся группой Г. В. Плеханова «Освобождение труда». Новый университетский устав 1884 г. устанавливал настоящий полицейский надзор за студентами. После введения этого устава студенческие беспорядки не только не прекратились, а стали постоянным явлением, повторялись каждые два-три года. Уже 20 октября 1884 г. около 100 студентов Московского университета собрались на Страстном бульваре перед домом типографии катковской газеты «Московские ведомости» для выражения своего протеста, но были арестованы полицией и конной жандармерией (129, с. 331). По этому случаю Центральный кружок московского студенчества выпустил две гектографированные прокламации с выражением протеста против полицейского произвола.

Протест против подобных стеснений академической свободы был, однако, лишь непосредственным поводом для студенческих выступлений.

«Коренная причина студенческих волнений, — писал позднее Плеханов, — заключается не в недостатках университетского устава и не в отсутствии у нас академической свободы, как ни велики эти недостатки и как ни печально это отсутствие. Она лежит глубже... Недовольство, выражающееся в студенческих волнениях, коренится в общем недовольстве интеллигенции» (213, т. 12, с. 141).

Почвой для знакомства и объединения студентов, как правило, были землячества, ведь более трети студентов составляли приезжие. В Петербурге, например, землячества возникли еще в 60-х гг. XIX в. с целью материальной и нравственной взаимопомощи. При землячествах часто создавались кружки саморазвития, где принимались обыкновенно что-нибудь читать. Как вспоминал один из бывших студентов 80-х гг., читали «Спенсера, Милля с примечаниями Чернышевского... сравнительно редко читали Маркса, ввиду его тяжеловесности; в ходу был Лавров. Часто читали какие-нибудь статьи из современных журналов... Много прений вызывали сочинения Льва Толстого, которые читались целиком, например, «Крейцерова соната». Кружки эти обыкновенно были недолговечны, они появлялись и пропадали, как мыльные пузыри» (201в, с. 163). Организо-

вывались также библиотеки как из легальных, так и запрещенных книг. Землячества являлись нелегальными организациями, участие в них могло повлечь исключение, высылку на родину и другие репрессивные меры. В совершенно секретной записке петербургского градоначальника П. А. Грессера о землячествах говорилось, что после их запрещения «они стали приобретать политическую окраску и явились первою ступенью, так сказать, школою для ознакомления с доктриною социально-революционного учения». Министр внутренних дел Толстой 22 января 1887 г. представил Александру III доклад, в котором обосновывал необходимость полного искоренения землячеств, указывая на их революционную роль. Он приводил цифру — 60 землячеств, от 10 до 150 человек каждое» (201в, с. 347—348).

Часть молодежи проявляла свое оппозиционное настроение как в форме студенческих волнений, так и в виде выступлений по разным благовидным поводам (таким, например, как похороны общественных деятелей), носивших характер политических демонстраций. К числу подобных выступлений относится и так называемая добролюбовская демонстрация студентов в Петербурге 17 ноября 1886 г., в день 25-й годовщины со дня смерти Н. А. Добролюбова.

Заметные студенческие волнения произошли в 1887 г. После неудавшегося покушения на Александра III (см. § 4 этой главы), предпринятого А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым и другими студентами Петербургского университета, репрессии против студентов повсеместно усилились. Ответом было сильное оппозиционное брожение. Новые волнения среди учащихся произошли в ноябре 1887 г. в знак протеста против действий инспектора Московского университета А. А. Брызгалова, при котором усилился шпионаж за студентами, производились обыски и аресты. 22 ноября во время концерта университетского хора и оркестра, устроенного с целью демонстрации верноподданнических чувств студентов университета, один из студентов юридического факультета А. Л. Синявский публично нанес пощечину Брызгалову. В ответ на его арест начались массовые сходки студентов, требовавших освобождения арестованного, отстранения от должности Брызгалова, отмены устава 1884 г. и ношения формы, введенной правительством для удобства полицейской слежки за студентами. 38 студентов были за это исключены из университета, что вызвало новую волну возмущения. Либеральные профессора безуспешно пытались уговорить студентов прекратить волнения: они демонстративно сдавали свои университетские билеты в инспекцию. Собравшиеся 26 ноября на Страстном бульваре студенты-медики

подверглись жестокому избиению полицией и жандармами. 27 и 28 ноября весь университет был охвачен массовыми собраниями протеста против действия полиции и университетской администрации. В этих условиях администрация университета была вынуждена прекратить с 30 ноября занятия, которые возобновились только в марте 1888 г. За участие в волнениях было исключено из университета 97 человек, всего же подверглось наказаниям свыше 200 студентов. Волнения студентов Московского университета в 1887 г. имели большое общественное значение, так как они явились смелым выражением протеста против правительственной реакции. Брызгалов был уволен со своего поста. Московские волнения получили широкий отклик в среде учащейся молодежи в других городах — Петербурге, Харькове, Одессе, Казани. Студенты Петербургского университета требовали удаления нового ректора М. А. Владиславцева и инспектора Цивилькова, открытия студенческой столовой, разрешения землячеств и пр. В университет была введена полиция, он был зарыт, а студенты распущены на каникулы. В Казанском университете произошло столкновение студенческой сходки с полицией. В студенческих волнениях в Казанском университете активное участие принимал Ленин (Ульянов), бывший тогда студентом этого университета. Характерной особенностью студенческих волнений 1887 г. в Московском университете было и то, что его участники пытались связаться с московскими рабочими и призвать их к поддержке выступления студентов. Пытаясь пресечь волнения и искоренить крамолу, правительство на время вынуждено было закрыть пять университетов и два института.

Крупной политической демонстрацией университетского студенчества явилась устроенная 24 октября 1889 г. Союзным советом землячества панихида по случаю смерти вождя русской революционной демократии Н. Г. Чернышевского. Участники панихиды в Москве двинулись после окончания ее из церкви на Тверском бульваре к университету с пением революционной песни «Вы жертвою пали». В Саратов был послан делегат Союзного совета, который возложил венок от студентов Московского университета на могилу Чернышевского. В Петербурге на смерть Н. Г. Чернышевского студенты отозвались устройством в тот же день панихиды во Владимирском соборе, вылившейся в политическую демонстрацию с участием 1500 человек.

Новые волнения студенчества произошли весной 1890 г. в связи с введением в высшей технической и сельскохозяйственной школах тех же порядков, какие устанавливались новым университетским уставом. 7 марта студенты Московского университета

в знак солидарности с протестом студентов Петровской сельскохозяйственной академии собрались на сходку, но были окружены казаками и арестованы. 600 человек были заключены в Бутырскую тюрьму, а затем подвергнуты репрессиям. Тогда же произошли бурные выступления студентов в Технологическом институте и в университете в Петербурге, в Сельскохозяйственном институте в Новой Александрии и т. д. Студенты выдвигали требования университетской автономии, возвращения к уставу 1863 г., отмены ограничений при поступлении в университеты, свободы преподавания, студенческих корпораций.

В 1891 г. полиция избила московских студентов, собравшихся на панихиду по случаю смерти соратника Чернышевского Н. В. Шелгунова, около 40 студентов было выслано из Москвы.

Большое общественное значение имела деятельность профессоров и студентов в борьбе с голодом и эпидемиями в 1891—1893 гг. Например, интеллигенция Московского университета вела самоотверженную работу, оказывая медицинскую помощь голодающему населению в Поволжье.

Новый этап в студенческом движении связан с распространением марксизма в среде учащейся молодежи в 90-х гг. XIX в. В 1889 г. в Московском университете возник один из первых марксистских кружков в Первопрестольной, организованный студентом естественного отделения физико-математического факультета В. К. Курнатовским, ставшим затем одним из учеников и соратников В. И. Ленина. Курнатовский поступил в университет после исключения его за революционную деятельность из Петербургского университета. В Московском университете Курнатовский организовал сбор денег для политических ссыльных, установил связи с революционерами в Петербурге и Риге. Кружок Курнатовского занимался изучением и распространением марксистской литературы. В том же 1889 г. Курнатовский был арестован вместе с другими участниками кружка и выслан в Архангельскую губернию.

Некоторые студенты университета входили в состав марксистского кружка инженера Круковского. Из него выделились студенческие кружки в университете, также занимавшиеся изучением марксистской литературы. В 1892 г. кружок Круковского был арестован полицией. В том же году был организован новый кружок студентом медицинского факультета А. Н. Винокуровым. Этот кружок, в отличие от предыдущих, начал устанавливать связи с рабочими Москвы. Члены кружка самостоятельно переводили произведения Энгельса. В 1893 г. марксистский студенческий кружок в университете был организован студентом медицинского факультета Д. И. Ульяновым, братом В. И. Ленина. В сентябре

1893 г. А. Н. Винокуров и С. И. Мицкевич создали организацию для пропаганды марксизма среди рабочих.

В конце 1893 г. в Москву приехал Ленин. На нелегальном собрании 9 января 1894 г. на Воздвиженке, произошел известный диспут между народником В. В. Воронцовым и В. И. Лениным. На этом собрании присутствовали участники марксистских кружков, в том числе и студенты Московского университета. Хорошо аргументированное выступление В. И. Ленина, разоблачившее несостоятельность взглядов народников о якобы отсутствии капитализма в России, произвело большое впечатление на участников собрания.

Выражением политического протеста студентов Московского университета явились события, происшедшие 30 ноября 1894 г. на лекции В. О. Ключевского. Возмущение студентов было вызвано тем, что Ключевский незадолго до этого произнес хвалебную речь в память Александра III. «Когда Ключевский появился на лекции, значительная часть студентов освистала его. На кафедру был положен текст речи Ключевского с вклеенным листком, на котором была напечатана на гектографе басня Фонвизина «Лисица-кознодей», заканчивавшаяся словами: «знатному скоту льстят подлые скоты» (144а, с. 360). Была выпущена также гектографированная листовка с резким осуждением позиции Ключевского.

Администрация университета прибегла к репрессиям, исключив 58 студентов за участие в выступлении против Ключевского. Но в ответ на это произошли новые сходки студентов, требовавших отменить решение об исключении. Для подавления волнений в университет прибыла полиция и жандармерия, арестовавшая несколько десятков студентов. Еще 49 человек были исключены из университета и 55 — высланы из Москвы.

В связи с этими и другими арестами и высылками студентов в 1894 г. возникло «Общество вспомоществования», занимавшееся организацией материальной помощи сосланным и арестованным.

В целом, следует отметить, что к середине 90-х гг. политические тенденции в студенческом движении заметно усиливаются.

3. ГРУППЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНИКОВ В 80-Х — НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ

Выиграв сражение, народники проиграли войну. В 80-х гг. наблюдается процесс неуклонного вырождения народничества. Ошибочная тактика политического заговора, господство террористических методов борьбы над другими формами не могли привести к

народной революции и неизбежно должны были закончиться крахом «Народной воли». Исполнительный комитет «Народной воли» в течение 1881—1882 гг. непрерывными арестами практически был уничтожен. Двое из трех оставшихся на свободе его членов, Л. Н. Тихомиров и М. Н. Ошанина, вынуждены были скрыться за рубеж и с лета 1882 г. жить в Париже. Оставшуюся в России В. Н. Фигнер, девицу с ангельским лицом и кровавым туманом в голове, арестовали в феврале 1883 г. Наступил «важный драматический этап борьбы народовольцев с самодержавием». Среди народовольцев поползли слухи, вскоре подтвердившиеся, что в центре организации появился провокатор, который действует совместно с полицией. Как выяснилось, вскоре после 1 марта 1881 г. заведующим агентурой Петербургского охранного отделения был назначен крупный мастер полицейских провокаций, жандармский офицер, майор Г. П. Судейкин, ставший ближайшим сотрудником директора департамента полиции В. К. Плеве и министра внутренних дел Д. А. Толстого. С декабря 1882 г. в его руках сосредоточился весь политический сыск империи. Тогда же, 20 декабря в Одессе был арестован член военного центра «Народной воли» С. П. Дегаев, который во время следствия был завербован Судейкиным и стал осведомителем. По всей России разразился «шквал арестов». Дознания производились в 60 городах страны. По доносу Дегаева арестована упоминавшаяся выше Фигнер, разгромлена военная организация «Народная воля», задержано около 200 человек. В мае 1883 г. боязнь разоблачения привела Дегаева в Париж, где он признался Ошаниной и Тихомирову в своем предательстве. Условием сохранения ему жизни Тихомиров поставил убийство Судейкина. В октябре 1883 г. Дегаев вернулся в Россию и 16 декабря организовал в Петербурге на своей квартире зверское убийство Судейкина, после чего скрылся за границу. Отбыл в Канаду, затем в США, где под именем Александра Пелла окончил университет, со временем стал профессором математики в университете штата Южная Дакота, преподавал и в других местах.

При общей несогласованности и разброде, поразивших народническую среду, в ней получили преобладание чисто либеральные тенденции, призывы сосредоточить все надежды на обществе — на свободомыслящих кругах буржуазии и помещиков. Кое-где на периферии продолжали существовать народовольческие группы, объединявшие вокруг себя революционную молодежь и отдельных рабочих. Однако все попытки восстановить центральную организацию «Народной воли» были парализованы провокацией С. П. Дегаева. Массовые аресты, завершившиеся серией судебных процессов 80-х гг. («Процесс

20-ти», «Процесс 17-ти», «Процесс 14-ти» и др.), завершили разгром организации.

Приезд весной 1884 г. из-за границы Г. А. Лопатина с целью возрождения «Народной воли», казалось, вдохнул «душу живу» в революционную работу. Он объехал многие города России, однако начатая им работа по объединению уцелевших народовольческих групп и восстановлению центральной организации была прервана его арестом в октябре 1884 г. Отобранная у него записная книжка с адресами и явками дала полиции возможность арестовать многих видных народовольцев на местах. Это был массовый провал. Фактически «Народная воля» прекратила свое существование.

Другая попытка объединения сохранившихся народовольческих организаций была предпринята Б. Д. Оржихом и В. Г. Богоразом в 1885 г. на съезде в Екатеринославе, с тем чтобы потом восстановить связи с народовольцами в Петербурге и других северных городах. Оржих и Богораз сумели даже издать два последних (11—12) номера «Народной воли». Но в 1886 г. последовал очередной провал всей организации: были задержаны Борис Оржих, Сергей Иванов, Владимир Богораз и др.

Среди других народовольческих организаций следует назвать «Молодую партию „Народной воли"» и «Террористическую фракцию „Народной воли"». Первая из них оформилась в январе 1884 г. в Петербурге. Создателем ее считается поэт П. Ф. Якубович. Молодая партия работала в контакте с группой Д. Благоева. За короткое время она организовала три типографии: в Киеве, Петербурге и Дерпте. Деятельность «Молодой партии» прекратилась в связи с арестом Якубовича осенью 1884 г. Более заметную борозду в революционном движении оставила «Террористическая фракция «Народной воли».

4. НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ НА АЛЕКСАНДРА III 1 МАРТА 1887 Г.

1 марта 1887 г. около 11 часов утра на Невском проспекте, были арестованы пять студентов Петербургского университета, где они ждали возвращения царя с панихиды из Петропавловской крепости. У троих из них, П. И. Андреюшкина, В. Д. Генералова и В. С. Осипанова при обыске были обнаружены «метательные снаряды». «Снаряды» эти представляли собой три металлических цилиндра, один из которых был спрятан в толстую книгу — «Терминологический медицинский словарь Гринберга». Причем «снаряды» были заполнены свинцовыми жеребейками (обрезками. — *Е. Т.*) шрапнелью и стрихнином, что по заключению

профессора Михайловской артиллерийской академии генерал-майора Федорова, «при самом незначительном поражении, нанесенном означенными жеребейками, повлекло бы за собой смерть» (206б, с. 17). Сообщение об аресте злоумышленников появилось 4 (16) марта в «Правительственном вестнике». Александр III, как его отец и дед, проявлял самую живую любознательность по политическим делам, а к покушению 1 марта 1887 г. отнесся особенно, с удвоенным вниманием. Как выяснилось, все арестованные были членами «Террористической фракции «Народной воли», которая была основана в декабре 1886 г. в Петербурге. Организаторами и руководителями фракции были П. Я. Шевырев и А. И. Ульянов. Объединяла она в основном студентов университета. Хотя фракция испытала на себе некоторое влияние марксизма, но, как показывает ее программа, главным средством борьбы с самодержавием считала систематический террор. Программа эта была составлена в феврале 1887 г. Ульяновым при участии И. Д. Лукашевича, О. М. Говорухина и М. И. Сосновского. Позже Лукашевич вспоминал об этом так: «Для обсуждения программных вопросов мы (Ульянов, я, С., Г.) собрались на квартире Ульянова и здесь после продолжительных дебатов Ульянов взялся формулировать наши положения и составил текст программы нашей фракции. Он вышел в другую комнату и довольно быстро и хорошо справился со своей задачей. Он прочитал нам написанное, мы одобрили и решили напечатать эту программу» (367, 1917, № 1, с. 40). На допросе Ульянов назвал проект «опытом новой программы, объединяющей партии «Народной воли» и социал-демократов». Оригинал программы не попал в руки жандармов, и Ульянов, находясь в Петропавловской крепости, по памяти восстановил ее. Этот документ был приложен к показаниям Ульянова от 20 и 21 марта и представлен вместе с докладом для прочтения царю. Ознакомившись Александр III в сердцах начертал первую резолюцию: «Эта записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота».

«Окончательные требования», — говорилось в программе, — необходимые «для обеспечения политической и экономической независимости народа и его свободного развития», сводятся к восьми пунктам: 1) постоянное народное представительство, выбранное свободно прямой и всеобщей подачей голосов без различия пола, вероисповедания и национальности и имеющее полную власть во всех вопросах общественной жизни; 2) широкое местное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей; 3) самостоятельность мира, как экономической и административной единицы; 4) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и передвижений; 5) национализация земли; 6) национализация фабрик, заводов и всех вообще орудий производства; 7) замена постоянной армии земским ополчением; 8) даровое начальное обучение.

Прочитав эти параграфы, Александр III написал: «Чистейшая коммуна».

В отстаивании минимума свободы террористы решили действовать заодно с либералами. Царь здесь же пометил: «К сожалению, это уже давно и без того так». Серьезной ошибкой группы было программное положение о том, что для достижения политической свободы и дальнейшего развития революции необходимо вести террористическую борьбу против самодержавия.

«...Террор, — акцентировала программа, — должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа, подорвет обаяние правительственной силы и подействует пропагандистским образом на массы. Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы: пусть волна красного террора разольется широко и по провинции, где система устрашения еще более нужна, как протест против административного гнета...» (221а, с. 17).

Первой задачей террористов было устранение Александра III. В представлении революционеров царь был главой реакции и его смерть могла не только порадовать свободолюбивую Россию, но и содействовать проведению новых форм государственной жизни. Фракции было предложение из Москвы убить Каткова, но она от этого отказалась, поскольку Катков никакого официального поста не занимал (367, 1917, № 1, с. 38).

Как показало следствие, многие участники покушения не знали программы своей фракции, тем не менее им пришлось нести ответственность за радикализм своих вожаков.

«Вообще все дело велось злоумышленниками чрезвычайно конспиративно», — докладывал Александру III командир корпуса жандармов генерал П. В. Оржевский.

План покушения на царя был известен лишь немногим руководителям фракции. Участники привлекались постепенно, как бы с намерением в дело введено было больше людей, нежели того требовала необходимость. Кроме того, многие участники и пособники до самой последней минуты вовсе не знали друг друга.

Между тем полиция стала обращать внимание на «юношей бледных со взором горящим» и вскоре установила состав организации, сначала не представляя, что имеет дело с террористическим заговором. Замысел участников дела погубила неосторожность Андреюшкина. В конце января 1887 г. Департамент полиции получил, добытую путем перлюстрации, копию письма, пересылавшегося из Петербурга в Харьков на имя студента Ивана Никитина.

Харьковский полицейский пристав чуть со стула не упал, прочитав такой пассаж: «У нас возможен самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет, и даже в непродолжительном времени». Автор письма выставлял себя рьяным сторонником террора и непримиримым противником социал-демократического мировоззрения. Письмо заинтересовало жандармов. Вскоре из Никитина вытрясли имя корреспондента Андреюшкина — петербургского друга и активного члена фракции.

Полиция начала скрупулезнейшую операцию по выявлению всех действующих лиц готовящегося теракта. Было установлено «неустанное наблюдение за Андреюшкиным, который уже ранее был замечен в сношениях с лицами политически неблагонадежными». Получив 28 февраля тревожные сигналы о готовящемся покушении, граф Д. Толстой 1 марта всеподданнейше доложил царю: «Вчера начальником Санкт-Петербургского секретного отделения получены агентурным путем сведения, что кружок злоумышленников намерен произвести в ближайшем будущем террористический акт, и что для этого в распоряжении этих лиц имеются метательные снаряды, привезенные в Петербург готовыми «приезжим» из Харькова». Наблюдение за террористами было удвоено, хотя агенты полиции, судя по их поведению при аресте революционеров, не представляли себе, что имеют дело с бомбистами. Заговорщики за три дня пребывания ни разу не видели императора. На одном из собраний решено было выйти 1 марта и, если не удастся покушение в этот день, и царь поедет на юг, то следовать за ним и убить его в пути. 1 марта — дата слишком памятная и для правительства, и для революционеров, поэтому начальник секретного отделения приказал арестовать выслеженных агентами лиц, едва ли предполагая, что он имеет в руках тех террористов, о которых его уже предупредили.

Утром 1 числа Андреюшкин зашел за Генераловым; оба они направились к Невскому, и на тротуаре у главного штаба около 11 часов утра их арестовали с бомбами. У Андреюшкина, кроме того, при обыске нашли заряженный револьвер. Осипанова задержали на Невском у Казанского собора. Канчер был задержан на углу Б. Морской улицы. На Невском проспекте арестовали и Волохова.

Дознание по делу 1 марта начато было немедленно под наблюдением министра юстиции Н. А. Манасеина. Оно велось жандармами под руководством директора департамента полиции П. Н. Дурново совместно с товарищем прокурора Котляревским.

В первые же дни по делу было арестовано 25 человек, а впоследствии еще 49. Однако к суду в Особом присутствии Сената 15—19 апреля было привлечено всего 15 человек: Александр Ульянов, Осипанов, Андреюшкин, Генералов, Шевырев, Лукашевич,

Новорусский, Ананьина, Бронислав Пилсудский, Пашковский, Шмидова, Канчер, Горкун, Волохов и Сердюкова, из них 12 были студентами.

Мать А. И. Ульянова, узнав об участии сына в подготовке покушения, в отчаянии пишет Александру III письмо, надеясь тронуть монарха своими словами, своей материнской скорбью. «Умилосердитесь, Государь, надо мной, — заканчивает Мария Александровна свое обращение, — и дайте мне возможность доказать, что обрекаемый на гибель сын мой может быть вернейшим из слуг Вашего Величества». Наверху прошения император поставил резолюцию: «Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что за личность ее милейший сынок и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений» (221а, 57). В тот же день, 30 марта, граф Д. Толстой посылает доклад директору Департамента полиции П. Н. Дурново с любопытной собственноручной запиской: «Нельзя ли воспользоваться разрешенным Государем Ульяновой свиданием с ее сыном, чтобы она уговорила его дать откровенное признание, в особенности о том, кто кроме студентов устроил все это дело. Мне кажется, это могло бы удаться, если бы подействовать поискуснее на мать». Дурново на письме министра дает распоряжение: «Вызвать ко мне г-жу Ульянову завтра к 12 часам». Приказание немедленно было исполнено. Какого содержания велся разговор у Дурново с М. А. Ульяновой, догадаться не трудно. Но желаемых результатов для министра и царя он не принес. А. И. Ульянова передает сцену первого свидания ее брата с матерью. «Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося ее простить его за причиняемое им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей, и, рисуя ей бесправное, задавленное положение родины, указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее.

— Да, но эти средства так ужасны...

— Что же делать, если других нет, мама, — ответил он.

И он всячески старался примирить мать с ожидавшей его участью.

— Надо примириться, мама, — говорил он.

И он напоминает ей о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают в этом году с золотыми медалями и будут утешением ей.

Убитая горем, мать долго убеждала и просила его подать прошение о помиловании.

«Не могу я сделать этого после всего, что признал на суде, — отвечал брат. — Ведь, это же будет неискренне». (Видимо, здесь А. И. Ульянова ошибается. Первое свидание ее брата состоялось

до суда. Разговор о помиловании происходил, вероятно, после 19 апреля, когда состоялся приговор. — *Е. Т.*) На этом свидании присутствовал некий молодой прокурор, несколько раз отходивший к двери и выходивший даже из камеры, чтобы дать возможность матери переговорить свободнее с сыном. При последних словах брата он обернулся и со слезами на глазах воскликнул: «Прав он, прав!»

«Слышишь, мама, что люди говорят», — сказал тогда брат. «У меня просто руки опустились», — рассказывала об этом свидании мать».

Известно, что во время дознания жандармы, а также наблюдавший за делом прокурор М. М. Котляревский не гнушались никакими средствами, чтобы получить нужные показания, угрозы, шантаж — все это пускалось в ход. Председательствовал на этом процессе ретроградный судебный деятель П. А. Дрейер. «Маленький, с шаткой походкой и трясущейся головой, — писал о нем А. Ф. Кони, — преисполненный злобы против всех и вся, яростный ругатель власти и в то же время ее бездушный и услужливый раб, Петр Антонович Дрейер импонировал многим своим злым языком и дерзким, вызывающим тоном» (135, с. 191). За вынесение смертного приговора он получил из сумм Министерства юстиции 2000 рублей «на лечение» — так была названа подачка холопствующему судье.

Прокурором, поддерживавшим обвинение и требовавшим смертной казни подсудимых был назначен тайный советник Н. А. Неклюдов. Он был обескуражен и даже «совсем раздавлен» данным ему министром юстиции поручением. Особенно его тяготило то, что среди подсудимых по делу оказался А. И. Ульянов, сын его некогда любимого учителя в Пензенском дворянском институте Ильи Николаевича Ульянова. Как заметил Кони, «страдал он и на суде, но тем не менее в судебном заседании успел себя настроить в унисон с общим деланным настроением верноподданнического ужаса». Дело слушалось при закрытых дверях. В зал допускались только члены Государственного совета, министры, их товарищи, сенаторы и другая избранная публика.

Александр Ульянов отказался от защитника и выступил на суде с речью, в которой осудил режим самодержавия, заставивший членов группы пойти на тяжкое деяние — организацию убийства. Он говорил, что у них не было выбора, ибо в условиях царской России нет возможности открыто, без насилия бороться за счастье людей. «Среди русского народа, — заканчивал А. Ульянов с пафосом свою речь, — всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей

родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь (201в, с. 21—22).

Все подсудимые были приговорены к смертной казни. Однако Александр III утвердил смертную казнь только для пятерых: П. И. Андреюшкина, В. Д. Генералова, В. С. Осипанова, П. Я. Шевырева и А. И. Ульянова.

8 мая 1887 г. в 4 часа утра они были повешены в Шлиссельбургской крепости. Так как местность Шлиссельбургской тюрьмы не представляла возможности казнить всех пятерых одновременно, эшафот был устроен для трех человек, и первоначально выведены для совершения казни Генералов, Андреюшкин и Осипанов, которые, выслушав приговор, простились друг с другом, приложились к кресту и бодро пошли на эшафот, после чего Генералов и Андреюшкин громкими голосами произнесли: «Да здравствует «Народная воля»!» То же самое намеревался сделать и Осипанов, но не успел, так как на него был накинут мешок. По снятии трупов вышеозначенных преступников, были выведены Шевырев и Ульянов, которые также бодро и спокойно вошли на эшафот, причем Ульянов приложился к кресту, а Шевырев оттолкнул руку священника. Прокурором, присутствующим при казни осужденных в Шлиссельбургской крепости, был воинствующий реакционер, ставший затем министром, а накануне Февральской революции — председателем Государственного совета И. Г. Щегловитов, прозванный своими же подчиненными Ванькой Каином» (161, т. 1, с. 17). О месте погребения узнали только в 1906 г. после ликвидации Шлиссельбургской тюрьмы. В 1919 г. на месте братской могилы всех погибших в Шлиссельбурге был сооружен памятник (221в, с. 357).

И. Д. Лукашевича и М. Н. Новорусского пожизненно заключили в крепость (освободила их революция 1905 г.). Остальных осудили на тюремное заключение, ссылку и каторгу в Сибирь.

Вся сила правительственных репрессий после раскрытия заговора направлена была против студенчества и университетов, которые Александр III называл не иначе, как революционными гнездами и рассадниками революции (221а, с. 61).

* * *

В 1888 г., выполняя решение «Союзного террористического кружка», организованного в эмиграции, в Россию прибыла С. М. Гинсбург с целью собрать рассеянные остатки «Народной воли» и подготовить покушение на Александра III. В 1889 г. она была арестована, приговорена к смертной казни и погибла в Шлиссельбургской крепости. Народовольцы, а также близкие к ним организации продолжали действовать и в 90-е гг. В 1889—1890 гг.

в Костроме, Владимире и Ярославле функционировала революционная организация под руководством М. В. Сабунаева.

На волне общественного подъема осенью 1891 г. возникает еще одна народовольческая организация — «Группа народовольцев» в составе М. С. Александрова (Ольминского), Е. М. Александрова, А. А. Ергина, Б. Л. Зотова, А. А. Федулова и других, в дальнейшем из-за арестов сильно обновившаяся. В идейном отношении большинство членов группы придерживались позиций «Народной воли», во взглядах других сказалось влияние марксизма. Работу группы направляли два центральных кружка: интеллигентский (Ергин, А. Н. Никитинский, В. И. Браудо, вел агитацию среди студенческой молодежи) и рабочий (руководил Е. А. Климанов, поддерживал связи с рабочими кружками, нелегальной кассой и др.). Члены группы в 1892 г создали «летучую» подпольную типографию в Петербурге, а в 1893 г. — подпольную типографию в Боровичском уезде Новгородской губернии. Организовав ряд кружков на промышленных предприятиях Петербурга, они в своей пропагандистской и агитационной работе поддерживали тесные связи с социал-демократами. В апреле 1894 г. группа была разгромлена властями. Однако осенью того же года «Группа народовольцев», несмотря на то, что большинство ее членов оказалось под арестом, была вновь восстановлена. В практической работе с 1895 г. группа сблизилась с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», организовала работу подпольной Лахтинской типографии. В июне 1896 г. после провала типографии большинство членов «Группы народовольцев» и «Союза» было арестовано.

* * *

Итак, террор в стране потихоньку сошел на нет под бдительным оком министра внутренних дел, шефа жандармов графа Д. А. Толстого и его преемника И. Н. Дурново. Заговорщики всех уровней и мастей были казнены, частично пребывали на каторге или ссылке. По данным неопубликованных официальных архивов, за 6,5 лет наиболее активного уничтожения «революционной заразы» (с 1881 по 1888 г.) полиция достигла таких результатов: рассмотрено дел — 1500; всего подверглось наказанию 3046 человек, из них приговорено к смертной казни — 20, на каторжные работы — 128, к ссылке в Сибирь — 681, к ссылке под надзор полиции в Европейскую часть России — 1500, к другим, более мягким наказаниям — 717 человек.

Кроме того, принимались и чисто политические методы. Была проведена корректировка реформ предыдущего царствования. Новый цензурный устав замкнул уста либеральной прессе. Жизнь продолжалась почти без сенсаций.

Часть V

Развитие русской культуры в 80–90 годах XIX века. Последние годы жизни Александра III, судьба членов семьи императора

Эпоха великих реформ оказала самое благоприятное влияние на дальнейшее культурное развитие России. Никакие попытки консерваторов 80—90-х гг. не смогли приостановить, «заморозить» прогрессивный ход исторического движения. Ускоренное развитие капитализма сказалось на всем: политике, хозяйственной жизни, духовном облике населения, его быте, условиях жизни. Так же как и прежде, главными достояниями нашего народа в этот период, были величайшие произведения науки, литературы и искусства, которые являются для нас неиссякаемым источником оптимизма и уверенности в своих сил.

Глава двадцать первая

НАУКА

...Наука сокращает
нам опыты быстротекущей жизни.

А. С. Пушкин

В период правления Александра III в науке не замечается никаких симптомов упадка, и потомки вынуждены признать, что это время было в научном отношении уж никак не менее блестящим, чем предыдущее царствование.

Бурное экономическое развитие страны, укрепление ее силы предъявляло все больший спрос не только на специалистов с высшим образованием, но требовало значительного расширения исследований во всех областях научного знания, в медицине, сельском хозяйстве и технике, увеличения числа научных учреждений и высших учебных заведений. Несмотря на то, что предложения ученых и передовой общественности в этом направлении нередко

наталкивались на противодействие властей, тем не менее число высших учебных и исследовательских заведений неуклонно росло. В университетских городах, возникали научные центры, ширились плеяды ученых, складывались и развивались отечественные научные школы.

1. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Первым и главнейшим научным центром России традиционно являлась Петербургская академия наук, обязанная по проекту Петра Великого «науки производить и совершать», открытая еще в конце 1725 г. под именем Академия наук и курьезных художеств.

В борьбе с косностью и рутиной постепенно менялось направление работы учреждений Академии наук. Приходившие сюда из университетов ученые, приносили новые идеи и интересы, расширяли традиционную сферу ее занятий, а некоторым из них удавалось создавать исследовательские лаборатории. Так, в 1890 г. физиолог А. С. Фаминицын создал лабораторию анатомии и физиологии растений. Биолог А. О. Ковалевский в 1894 г. основал особую зоологическую лабораторию по исследованию развития беспозвоночных, установил общие закономерности развития позвоночных и беспозвоночных животных.

Глава московской астрофизической школы Ф. А. Бредихин внес свежую струю в работу Пулковской обсерватории, связал ее деятельность с работой университетских обсерваторий (М., 2001, т. 3, с. 276, 288). Ученый разработал первую механическую теорию движения вещества в хвостах комет и развил теорию происхождения метеорных потоков в результате распада ядра кометы. Работы были продолжены его учеником А. А. Белопольским, который стал одним из пионеров астроспектроскопии, исследовал Юпитер, кольца Сатурна, Солнца, переменных и двойных звезд, произвел большое число определений лучевых скоростей звезд.

Во второй половине XIX в. возрос список ученых комитетов при различных ведомствах для организации всякого рода научных консультаций.

При Министерстве государственных имуществ в 1860 г. возникли Лесной и Горный комитеты. При Министерстве внутренних дел в 1863 г. организовали Статистический комитет. В конце века, в составе этих учреждений стали создаваться исследовательские подразделения. В 1882 г. создается Геологический комитет для проведения геологических и геолого-разведочных работ общегосударственного значения и подготовки геологической карты всей

территории России (ПСЗ III, т. 2, № 6113). Сама постановка этих задач требовала сосредоточения в его составе ученых-специалистов и проведения не только экспедиций, сбора образцов горных пород, но и научно-исследовательских работ. В Комитет вошли лучшие ученые-геологи: Г. П. Гельмерсен, А. П. Карпинский, И. В. Мушкетов, С. Н. Никитин, Е. С. Федоров, Ф. Н. Чернышев и др. В 1885 г. как самостоятельное научное учреждение оформилось Главное гидрографическое управление Морского министерства. Оно вело изучение морей и морских побережий, готовило их описание, издавало морские карты, обеспечивало безопасность мореплавания и работ по гидрографии, кораблевождению, штурманскому делу и др. В последнее десятилетие XIX в. заметно преобразился Ученый комитет Министерства земледелия, созданный еще в 1837 г. В 1894 г. в его составе было создано 5 бюро: по прикладной ботанике, энтомологии, зоологии и зоотехнике, бактериологии и почвоведению. В 1893 г. по инициативе и при участии титана научной мысли Д. И. Менделеева при Министерстве финансов была учреждена Главная палата мер и весов, в целях сохранения единообразия, точности и взаимного соответствия мер и весов.

В 1870—1890-х гг. в государственных и частных промышленных предприятиях стали создаваться физические, химические и механические лаборатории, испытательные станции и стенды. Так, на Обуховском сталелитейном заводе были образованы химическая и механическая лаборатории, где проводил исследования основоположник металловедения и теории термической обработки стали в России Д. К. Чернов. При Петербургском судостроительном заводе был построен специальный «Опытовый бассейн» для проведения различных экспериментов в ходе постройки судов. В 90-х гг. стали учреждаться первые российские научно-исследовательские институты. В 1890 г. под Петербургом создается Институт экспериментальной медицины для разработки вопросов медицинской микробиологии, эпидемиологии, иммунологии, физиологии и других отраслей медицины, где с 1891 г. заведовал физиологическим отделом знаменитый И. П. Павлов. Вскоре был основан Институт экспериментальной ветеринарии.

Безусловно, исключительно важное значение в развитии науки в 80—90-е гг. занимали высшие учебные заведения, число которых продолжало расти. Были открыты: университет в Томске (1888), Технологический институт в Харькове (1885), Сельскохозяйственный институт в Москве (1894). Высшими учебными заведениями стали мужские курсы по виноделию при Никитском ботаническом саде в Ялте (1894) и ветеринарная школа в Варшаве (1889). При них возникали ученые кабинеты и лаборатории, обсерватории и

клиники, а в самом конце столетия — исследовательские институты. В конце XIX в. в России действовали 57 государственных и 11 частных высших учебных заведений. В это число, кроме 9 университетов, входили технические, сельскохозяйственные, медицинские, художественные, музыкальные и коммерческие училища, духовные академии и Высшие женские курсы. При учреждениях высшего образования создавались ученые кабинеты, лаборатории, обсерватории и клиники, а в самом конце столетия — исследовательские институты.

Хотя университеты в 80—90-е гг. составляли около одной шестой от общего числа высших учебных заведений России, тем не менее именно они играли ведущую роль в научной жизни страны и являлись настоящими центрами развития отечественной науки. Им принадлежала монополия в научных исследованиях. Как правило, немногочисленные тогда самостоятельные научные учреждения были тесно связаны с университетами, в которых складывались стабильные коллективы преподавателей и ученых, возникали научные кружки и общества, зарождались и развивались отечественные научные школы.

В определенной мере этому способствовали особенности университетов как научно-образовательных центров, и прежде всего универсализм, свободный обмен научными идеями на межкафедральном и на межфакультетском уровнях, широкая общенаучная основа преподавания специальных предметов, в отличие от высших учебных заведений отраслевого профиля. Своеобразие университета заключалось также в неразрывном единстве науки и образования. Готовя кадры для науки, alma mater одновременно, с самого начала своего развития впитывала, вбирала в себя ее самые талантливые, творческие силы. И они, служа делу прогресса, сочетая исследовательскую и педагогическую работу, придавали университетскому образованию высокое значение, широту, фундаментальность и компетентность. Своеобразие университета, его основные черты не раз отмечали ученые и некоторые государственные деятели. В свое время один из великих выпускников Московского университета Н. И. Пирогов писал, что «отделить учебное от научного в университете нельзя». Основатель Берлинского университета Вильгельм фон Гумбольт представлял университет как элитарное высшее учебное заведение, в котором обучение студентов и научные исследования находятся в неразрывном единстве при обеспечении свободы для обучаемого и обучающего со стороны государства? (339)

По мнению первого ректора Ирландского католического университета Джона Генри Ньюмена, университет — это место, где

обучают универсальному знанию. С. Ю. Витте считал университеты наиболее совершенной формой научной подготовки молодежи именно потому, что здесь «преподаются все научные категории знаний, которые в данный момент составляют достояние человечества, и студенты живут в атмосфере этих знаний». По оценке современников, во второй половине XIX в. отечественные университеты переживали свой «золотой век». Даже введение реакционного университетского устава 1884 г., не смогло затормозить научной деятельности в этих рассадниках знаний, где продолжало расти число лабораторий, клиник, научных музеев и др. В ряде них возникли и развились самобытные научные школы. Не случайно И. М. Сеченов непосредственно связывал формирование научных школ с созданием и развертыванием работы университетских лабораторий.

В Московском университете сложилась школа математики и механики, которую создали Н. Д. Брашман и А. Ю. Давидов, а позднее возглавил отец русской авиации Н. Е. Жуковский (1847—1921), ставший основоположником современной аэродинамики. Руководя с 1892 г. механическим кабинетом университета, Жуковский превратил его в научно-исследовательскую лабораторию главным образом проблем гидромеханики и аэродинамики.

Одним из крупнейших геометров XIX в. К. М. Петерсоном (1828—1881) в университете была основана дифференциально-геометрическая школа, видными представителями которой стали Б. К. Млодзеевский (1858—1923) и Д. Ф. Егоров (1869—1931).

Профессор А. Г. Столетов (1839—1896) явился одним из основателей современной электротехники. Преодолевая большие трудности, связанные с отсутствием помещения и необходимых средств, организовал физическую лабораторию (1872) и создал школу физиков-экспериментаторов, из которой вышел выдающийся физик П. Н. Лебедев.

Уникальные астрономические исследования вели в университетской обсерватории глава русской астрофизической школы Ф. А. Бредихин (1831—1904) и В. К. Цераский. Бредихин был одним из основателей русской астрофизики, с 1886 по 1890 г. являлся президентом Общества испытателей природы.

Теорию химического строения продолжали развивать ученики А. М. Бутлерова — В. В. Марковников (1838—1904) и А. М. Зайцев (1841—1910). Марковников с начала 80-х гг. занимался исследованием кавказской нефти, открыл нефтены, содействовал развитию отечественной химической промышленности. Зайцев явился создателем научной школы органической химии.

Московский университет стал признанным центром разработки проблем эволюционной зоологии, которую развивали ученики

и последователи К. Ф. Рулье — А. П. Богданов (1839—1896), Я. А. Борзенков, С. А. Усов и Н. А. Северцов (1827—1885). Богданов один из первых русских дарвинистов был деятельным организатором первых научных учреждений по изучению антропологии и популяризатором научных знаний. Много сделал он и для развития Зоологического музея Московского университета, директором которого он состоял. Ему принадлежат крупные заслуги в развитии антропологической науки. Выдающийся ученый Северцов заложил основы зоогеографии России, совершил имевшие большое значение для науки путешествия в Среднюю Азию и на Памир.

М. А. Мензбир (1855—1935) создал выдающиеся труды в области орнитологии, зоогеографии, сравнительной анатомии, вел исследования с позиций дарвинизма.

К. А. Тимирязевым (1843—1920) была создана научная физиология растений.

Видную роль в развитии естественных наук играл медицинский факультет университета. Большие заслуги в развитии терапии принадлежат воспитаннику университета профессору Г. А. Захарьину (1829—1897). Захарьин разработал новые методы диагностики и лечения заболеваний, вошедшие в современную терапию. По его инициативе было проведено разделение клинических дисциплин на самостоятельные предметы преподавания, организованы первые самостоятельные клиники: детских болезней, кожно-венерологические и гинекологические, болезней уха, горла и носа. Захарьин непосредственно занимался лечением Александра III. К сожалению, консервативные политические взгляды Захарьина привели к конфликтам с демократически настроенными студенчеством и профессурой. В 1896 г. Захарьин ушел из Московского университета.

Крупным ученым был А. И. Бабухин (1835—1891), изучавший вопросы физиологии. В частности, он исследовал явления животного электричества. Бабухин создал в университете лабораторию гистологии (науки о тканях человека и животных), пропагандировал принцип непосредственного изучения природы. В последние десятилетия XIX в. особенно развилась научная работа в университетских клиниках, которыми руководили выдающиеся ученые — гинеколог В. Ф. Снегирев, терапевт А. А. Остроумов, невропатолог А. Я. Кожевников, детский врач Н. Ф. Филатов, хирург Н. В. Склифософский, психиатр С. С. Корсаков.

Корсаков (1854—1900) до настоящего времени считается реформатором в лечебно-профилактическом деле в России, благодаря проведению принципа освобождения больных от стеснения.

На кафедре гигиены, учрежденной в 1882 г., работал профессор Ф. Ф. Эрисман, который исследовал условия быта рабочих в России. Эрисман явился основателем русской гигиенической школы. Прогрессивные взгляды Эрисмана вызвали преследования его со стороны ретроградов. В 1888 г. приват-доцентом Московского университета стал великий русский ученый-материалист «отец русской физиологии» И. М. Сеченов (1829—1905). Работы Сеченова в области физиологии головного мозга человека и, в первую очередь, его знаменитая книга «Рефлексы головного мозга», оказали огромное влияние на развитие материалистической физиологии.

Для развития естественных наук в Московском университете большое значение имела деятельность выдающегося русского ученого, создателя эволюционной палеонтологии В. О. Ковалевского (1842—1883), который в 1880—1883 гг. работал в университете. Ковалевский был убежденным сторонником дарвинизма и создал ряд выдающихся исследований, положивших основу эволюционной палеонтологии (науки об истории органического мира).

Выдающихся успехов достигла в Петербургском университете крупнейшая математическая школа во главе с П. Л. Чебышевым, наиболее видными представителями которой тогда были А. Н. Коркин, А. А. Марков, Г. Ф. Вороной, А. М. Ляпунов, В. А. Стеклов и Д. А. Граве. Основные труды Коркин посвятил теории интегрирования уравнений с частными производными и теории чисел. Марков стал автором исследований в области теории вероятностей, теории чисел и математического анализа. Вороной важные открытия сделал в области геометрии многогранников и теории чисел. Ляпунов получил мировую известность своими трудами в области дифференциальных уравнений, устойчивости движения и теории вероятностей. Основное направление работ Стеклова было связано с применением математических методов в естествознании. Он оставил свои фундаментальные труды потомкам по математическому анализу, теории упругости, истории математики. Граве со временем создал первую крупную отечественную (в Киеве) алгебраическую школу. Многое сделал в области прикладной математики и механики.

Особо следует сказать о талантливом математике С. В. Ковалевской. Она была первой в мире женщиной, ставшей профессором, членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1889). Основные труды ее были посвящены математическому анализу, механике и астрономии. Выступала также как и писательница. К сожалению, почти всю свою творческую жизнь она вынуждена была провести за границей. Докторская защита ее состоялась в Гейдельберге, и профессорство она получила не в

отечественном, а в шведском — Стокгольмском университете. Да и награды за свои выдающиеся труды присуждались французской и шведской академиями.

В. В. Докучаев разработал основы учения о почве, изложив их в 1883 г. в своем труде «Русский чернозем», создал учение о географических зонах. Дал научную классификацию почв (1886). В 1889 г. на Всемирной выставке в Париже коллекция русских почв, а также труды Докучаева были удостоены золотой медали. В книге «Наши степи прежде и теперь» (1892) ученый изложил комплекс мер борьбы с засухой. Идеи Докучаева оказали влияние на развитие физической географии, лесоведения, мелиорации и др.

В Петербургском университете А. Н. Бекетов развернул научные исследования по проблемам морфологии, географии растений и флористике. Стал основателем русской научной школы ботаников-географов. Ввел в основу преподавания русскую ботаническую терминологию. В 1886 г. совместно с Х. Я. Гоби организовал первый русский ботанический журнал «Ботанические записки». Выдающийся географ, основоположник русской климатологии А. И. Воейков кроме многочисленных поездок по Европейской части России, Кавказу, Крыму и Средней Азии, путешествовал по Западной Европе, Южной и Передней Азии, Северной, Центральной и Южной Америке, был в Южном Китае и Японии. В 1884 г. опубликовал свой труд «Климаты земного шара, в особенности России», в котором впервые была вскрыта физическая сущность и рассмотрена структура сложных климатических процессов. Явился одним из организаторов высшего географического образования в России.

Во многом обогатил науку и Казанский университет. Самобытные астрономические исследования вели здесь в обсерватории М. А. Ковальский и Д. И. Дубяго. В этом университете сложились и успешно развивались прославленная химическая школа, основанная Н. Н. Зининым, и не менее известная физиологическая школа во главе с Н. О. Ковалевским. Ученик Зинина Н. Н. Бекетов, работая затем в других научных центрах, продолжал успешные исследования в области физической химии, стал основателем отечественной научной школы физикохимиков. Открыл способ восстановления металлов из их оксидов, заложив основы алюминотермии. Обнаружил вытеснение металлов из растворов их солей водородом под давлением.

Большая научная работа проводилась и в отраслевых институтах. Мировую известность приобрела механическая лаборатория в Московском техническом училище, где, как и в Московском университете, проводил свои исследования по теории авиации Н. Е. Жуковский.

В Петербургском институте корпуса инженеров путей сообщения, в лаборатории Н. А. Белелюбского, разрабатывались методы испытания стройматериалов, нормы и технические условия на железобетонные работы.

Горный институт, где трудились П. В. Еремеев, Н. И. Кокшаров, А. П. Карпинский, И. В. Мушкетов, внес важный вклад в разработку теоретических и практических вопросов геологии, минералогии и кристаллографии.

В Медико-хирургической академии химическая лаборатория благодаря трудам Н. Н. Зинина, А. М. Бутлерова и их учеников стала базой для формирования одной из химических научных школ, известных не только в России, но и во всем мире. Лаборатория И. М. Сеченова в этой академии превратилась в центр исследовательской работы в различных областях научной медицины — физиологии, клинической медицины, фармакологии. Во второй половине XIX в. Медико-хирургическая академия представляла собой не только место сосредоточения важных исследований в области медицины, но и центр разработки фундаментальных теоретических проблем общей биологии.

2. ИЗОБРЕТЕНИЯ

Есть высшая смелость —
Смелость изобретения...

А. С. Пушкин

В 80—90-е гг. XIX в. в России оказалось немало ярких личностей, которые подарили миру сотни идей и решений, давших значительный толчок научно-техническому прогрессу.

Первые важные шаги были сделаны в области авиации. Огромное значение имели опыты А. Ф. Можайского (1825—1890), который 3 ноября 1881 г. (по заявке от 4 июня 1880 г.) получил первую в России привилегию на изобретенный им «воздухоплавательный снаряд» (самолет). Перед этим он в 1876 г. построил воздушный змей-планер, на котором дважды поднимался в воздух. Планер буксировался тройкой лошадей. В 1876—1877 гг. успешно демонстрировал полеты модели своего самолета, приводимого в действие часовой пружиной. Весной 1881 г. Можайский привез из Великобритании две паровые машины (7,46 и 14,9 кВт) с водотрубным котлом и холодильником для своего самолета и начал заготавливать необходимые материалы к нему. Летом 1882 г. на Красносельском военном поле неподалеку от Дудергофа (поселок

Можайский, с 1973 г. в черте нынешнего Петербурга) изобретатель приступил к сборке самолета. Летом 1883 г. Можайский закончил сборку своего летательного аппарата, который стал первым отечественным натурным самолетом, доведенным до стадии летных испытаний. Построенный экземпляр существенно отличался от заявленного в патенте. Основные параметры этого аэроплана составили: размах крыла 23,2 м; площадь крыла 328 кв. м; длина самолета 25 м; высота 7,5 м; взлетная масса 1266 кг. Во второй половине июля 1885 г. была сделана попытка поднять самолет в воздух. Во время разбега по горизонтально уложенным деревянным рельсам самолет накренился и поломал крыло. Убедившись в недостаточности мощности силовой установки, Александр Федорович заказал на Обуховском сталелитейном заводе два дубликата 15-киловаттной паровой машины, намереваясь поставить три из них на самолет. Однако смерть изобретателя оставила этот замысел неосуществленным.

В 80-х гг. начал свои исследования К. Э. Циолковский (1857—1902), ставший изобретателем в области аэродинамики, ракетодинамики, теории самолета и дирижабля. Своими открытиями в реактивной технике бывший учитель физики предвосхитил современные гигантские достижения в освоении космоса, стал основоположником современной космонавтики.

Механик Ф. А. Блинов (1832—1902) в 1888 г. построил и испытал первый в мире гусеничный трактор с двумя паровыми машинами. В 1893—1895 гг. изобретатель-самоучка Я. В. Мамин создал самоходную колесную тележку с двигателем внутреннего сгорания.

Основополагающий вклад в развитие подводного флота внес С. К. Джевецкий (1843—1938). В 1884 г. он построил первую в мире подводную лодку с электрическим двигателем, работающим от аккумуляторов. Перед этим в 1879 г. на воду были спущены две лодки его конструкции (одноместная и четырехместная), вооруженные минными аппаратами и приводимые в движение мускульной силой через ножной привод. О лодках Джевецкого было доложено Александру III. Он пожелал видеть одну из них. Лодку доставили в Гатчину и спустили в Серебряное озеро, отличающееся прозрачностью воды. Зная, что император неразлучен со своей супругой, Джевецкий заказал букет самых великолепных орхидей — любимых ее цветов. В назначенный день испытаний царская чета села в шлюпку и вышла в ней на середину озера, а «Джевецкий, — пишет А. Н. Крылов, — пользуясь прозрачностью воды, маневрировал около этой шлюпки, иногда проходя под нею. Наконец шлюпка подошла к пристани, царь и царица вышли и остались на пристани. Джевецкий с ловкостью пристал, открыл горловину, вышел на пристань, преклонил колено и подал царице великолепный букет орхидей, сказав: «C'est le Tribut de Neptun a Votre Majeste» («Это дань Нептуна Вашему Величеству). Царица пришла в восторг, рассыпалась в комплиментах; царь остался очень доволен, благодарил Джевецкого и приказал дежурному генерал-адъютанту рассказать об этих опытах военному министру П. С. Ванновскому, чтобы он озаботился возможно спешной постройкой 50 лодок, с уплатой Джевецкому 100 000 руб.» (211, с. 84).

Меньше чем через год лодки были построены и приняты Инженерным ведомством. В 1892 г. С. К. Джевецкий совместно с А. Н. Крыловым (1863—1945) предложил проект торпедной подводной лодки водоизмещением 120—150 т с паровой машиной для надводного и электромотором с аккумуляторами для подводного хода, рассчитанный на 12 человек, признанный лучшим на международном конкурсе в Париже в 1898 г. С именем Джевецкого связаны и другие изобретения, например, наружные торпедные аппараты на подводных лодках, система регенерации воздуха, автоматический прокладчик пути корабля, воздушные винты и др.

Электротехник М. О. Доливо-Добровольский (1861/62—1919) в 1888 г. построил первый трехфазный генератор переменного тока. Разработал все элементы трехфазных цепей переменного тока. В 1891 г. на Всемирной электротехнической выставке во Франкфурте-на-Майне демонстрировал первую в мире трехфазную систему передачи электроэнергии на расстояние около 170 км.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Общественные науки в отличие от естественных дисциплин испытывали постоянный контроль и давление со стороны властей. Именно здесь, в области общественных наук, шел активный поиск новых путей, что отразилось в острой борьбе взглядов, идей и течений.

В философии широкое распространение получил позитивизм (Г. Н. Вырубов, В. В. Лесевич, М. М. Троицкий), исходящий из того, что все подлинное (позитивное) знание является совокупным результатом специальных наук. Под влиянием позитивизма находился целый ряд либеральных историков, социологов, литературоведов — М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин и др.

В 80—90-х гг. происходит становление марксистского направления в русской философии, общей методологической основой

которого является диалектический и исторический материализм. Первым теоретиком и популяризатором марксизма в России стал Г. В. Плеханов. В это время наступил период упадка славянофильства. Некоторые консервативные черты поздних славянофилов наиболее ярко проявились у К. Н. Леонтьева. Взгляды его имели охранительную направленность. Предвидя грядущие революционные потрясения и считая одной из главных опасностей буржуазный либерализм с его «омещаниванием» быта и культом всеобщего благополучия, Леонтьев проповедовал в качестве организующего принципа государственной и общественной жизни «византизм» — твердую монархическую власть, строгую церковность, сохранение крестьянской общины и жесткое сословно-иерархическое деление общества.

В те же времена проявили себя выдающиеся религиозные философы Н. Ф. Федоров и В. С. Соловьев. Федоров был одним из основоположников русского космизма. Он выдвинул идею регуляции природы средствами науки и техники. Высшая цель регуляции — воскрешение предков (отцов). Путь к этому лежит через овладение природой, переустройство человеческого организма, освоение космоса и управление космическими процессами.

В эти же годы наблюдается расцвет философского творчества В. С. Соловьева. Он предлагал объединение Востока и Запада через воссоединение церквей. Предпринял попытку объединить в «великом синтезе» христианский платонизм, немецкий классический идеализм и научный эмпиризм.

В 80-х гг. XIX в. во весь голос заявили о себе своими трудами историки В. О. Ключевский, В. И. Семевский и Д. И. Иловайский. В 1882 г. вышла отдельной книгой докторская диссертация Ключевского «Боярская дума Древней Руси». В этом труде тему о Боярской думе, «маховом колесе» древнерусской администрации, автор связал с важнейшими вопросами социально-экономической и политической истории Руси до конца XVII в., показав таким образом цельное и глубокое понимание истории, которое характеризовало затем его исследования. «Происхождение крепостного права в России» (1885), «Подушная подать и отмена холопства в России» (1886), разработанный им курс русской истории, прочитанный в Московском университете, и другие. В 1893—1895 гг., по поручению Александра III, Ключевский читал в Абастумане курс новейшей истории Западной Европы в связи с историей России великому князю Георгию Александровичу. В. И. Семевский считается представителем народнического направления в русской историографии. В 1888 г. он опубликовал и в 1889 г. защитил в качестве докторской диссертации «Крестьянский вопрос в России в XVIII

и первой половине XIX в». Под влиянием трудов Семевского сложилась школа историков крестьянства. Д. И. Иловайский полагал, что история «с одной стороны... наука, а с другой — искусство», а задача исследователя — «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению самого историка». В своем 5-томном труде «История России» он попытался дать общий обзор истории России с древнейших времен до царствования Алексея Михайловича. Наибольшую известность Иловайский приобрел как автор многократно переиздававшихся учебников по отечественной и всеобщей истории. В 1883 г. не состоявший на службе Иловайский по случаю 25-летия ученой деятельности указом Александра III был произведен из коллежских асессоров (8-й класс) в действительные статские советники (4-й класс), а в 1885 г. специальным постановлением Сената возведен в потомственное дворянство.

Немало сделано русскими учеными В. И. Герье и его учениками П. Г. Виноградовым и Н. И. Кареевым по всеобщей истории.. Работы профессора Московского университета Герье явились весомым вкладом в мировую науку по вопросам истории Древнего Рима, католическому миросозерцанию в эпоху Средневековья и Французской революции конца XVIII в. Суть истории он видел главным образом в развитии идей, а объективную историческую истину считал недостижимой. Виноградов (1854—1925) составил себе имя трудами по истории феодальных отношений в Англии и Италии. Кареев издал исследования по истории Польши, Франции, написал курс по новой истории Западной Европы.

Крупными экономистами были профессора Московского университета И. И. Янжул и А. И. Чупров. Научная и педагогическая деятельность этих ученых была тесно связана с развитием капиталистической экономики пореформенной России. Янжул с 1874 г. занимал кафедру финансового права и был тесно связан с буржуазными кругами. С 1882 г. он стал фабричным инспектором Московского округа. Чупров разрабатывал вопросы экономики железнодорожного транспорта.

Большое значение для науки имели исследования профессора государственного права (с 1877 г.) юридического факультета Московского университета М. М. Ковалевского (1851—1916) в области истории общинного строя, семьи и собственности. На богатом фактическом материале по истории славянских народов и народов Кавказа он доказал, что матриархальный строй являлся обязательным этапом на пути развития всех народов, определил наличие двух форм общины — семейной и сельской. По своим общественно-политическим взглядам Ковалевский принадлежал

к либерально-оппозиционной группировке профессоров Московского университета. В 1887 г. был отстранен от преподавания «за отрицательное отношение к русскому государственному строю». Читал лекции во Франции, Великобритании, США, Италии, Бельгии, Швеции. Проявил себя в качестве историка, этнографа, юриста, социолога, общественного и государственного деятеля.

В рассматриваемый период «на юридическом небосклоне в полную силу засияла звезда» А. Ф. Кони (1844—1927), доктора права (1890), почетного члена Московского университета (1892), а также многих научных обществ. Он «снискал себе славу не только выдающегося судебного деятеля и первоклассного оратора, талантливого писателя и крупного общественного деятеля, но и незаурядного ученого-правоведа. Большой вклад внес он в область уголовного права, уголовного процесса и судоустройства» (198, т. 4, с. 50). Кони по праву считается основателем судебной этики.

Плодотворно трудились в 80-х — начале 90-х гг. многие филологи, лингвисты, литературоведы. Широкой известностью пользовались университетские лингвистические школы: московская, связанная с исследованиями Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша, петербургская, которую развивали А. А. Шахматов и И. В. Ягич и казанская во главе с И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Ф. И. Буслаев, один из классиков отечественной науки о языке, создал труды в области славянского и русского языкознания, древнерусской литературы и фольклора, древнерусского изобразительного искусства. Крупнейшим представителем культурно-исторической школы в русском литературоведении являлся профессор Московского университета Н. С. Тихонравов (1832—1893). Многое сделано им для изучения жизни и творчества М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, Д. И. Фонвизина, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Большое значение приобрели труды филолога, историка и теоретика литературы А. Н. Веселовского. Он стремился выработать научный метод изучения литературы. Возглавил сравнительно-историческое литературоведение в русской и европейской науке. Стал родоначальником исторической поэтики. Исследования его базировались на глубоком знании славянской, византийской, западно-европейских литератур и мирового фольклора.

4. НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА

В развитии науки и научной деятельности в 80—90-х гг. XIX в. большую роль играла общественная инициатива, в частности ученые общества, охватившие, как тогда говорили, «все доступные

пределы науки». Если в середине столетия в стране действовало 20—25 обществ, к началу 80-х гг. — около 200, то к концу 90-х гг. достигло 340.

В числе обществ, возникших во второй половине XIX в. примерно 20% выражали интересы физико-математических и естественных наук. Наиболее широкую известность из них получили Русское физико-химическое общество, Московское математическое общество, Русское антропологическое общество, Русское астрономическое общество. Ряд обществ основывал фонды для поддержки перспективных исследований, создавал научно-практические учреждения: кабинеты и лаборатории, наблюдательные и опытные станции, музеи — от крупных, подобных Политехническому в Москве, до местных, краеведческих.

Солидная группа научных обществ представляла гуманитарные и общественные науки. К концу столетия их насчитывалось 60, в том числе более 30 обществ, занимающихся вопросами истории и археологии, 10 юридических и 6 филологических. Среди них Московское археологическое общество, Русское историческое общество в Петербурге, Историческое общество Нестора-летописца в Киеве. Эти и подобные им общества видели свою задачу в установлении связей между историками или археологами, в организации исследований по истории культуры России или ее регионов. Так, Общество Нестора-летописца одной из первоочередных задач считало разработку «вопросов истории культуры вообще, поскольку это находится в связи с умственной культурой русского народа». В течение 80—90-х гг. было создано несколько обществ, сыгравших видную роль в развитии отечественной философской мысли: Психологическое общество, Русское общество экспериментальной психологии, Философское общество при Петербургском университете.

Самые многочисленные группы так называемых научно-практических обществ составляли объединения медиков и «сельскохозяйственных деятелей». На их долю приходилась в общей сложности примерно половина научно-общественных организаций пореформенной России. Особенно многочисленны были медицинские общества — универсальные, подобные Обществу русских врачей в память Н. И. Пирогова в Петербурге, московскому Медицинскому обществу или Медицинскому обществу на Кавказе, и специализированные, например, общества хирургов, офтальмологов, психиатров, детских врачей и т. п., а также общества, формировавшиеся при медицинских факультетах университетов. С 1864 по 1894 г. было организовано свыше 100 медицинских обществ, работавших более чем в 70 городах

России, причем не только в губернских, но и в уездных (323, с. 414). Большую роль в их создании и деятельности играла либеральная и демократическая общественность, в первую очередь земская.

Новым явлением в научной жизни страны, явившимся следствием развития промышленного производства, стало появление научно-технических обществ. Их было еще немного — до конца столетия возникло всего 6, и самое крупное из них — Русское техническое общество, созданное в Петербурге в 1866 г. Это многоотраслевое общество включало целый ряд специальных секций: металлургическую, химико-технологическую, электротехническую и др. Столь же многопрофильным было Политехническое общество, возникшее 10 лет спустя при Московском техническом училище. Эти общества объединяли представителей различных отраслей техники и содействовали развитию инженерной мысли, созывали съезды и развертывали свою издательскую деятельность; вели пропаганду технических знаний, устраивали выставки, проводили публичные лекции, учреждали училища и курсы при фабриках и заводах, выступали с проектами преобразования системы высшего и среднего технического образования. В 80—90-х гг. начали появляться более узкие профессиональные объединения представителей техники: общества горных инженеров, гражданских инженеров, инженеров-электриков, инженеров путей сообщения и т. п. Одна из характерных черт научно-общественного движения в пореформенной России — расширение сети научных обществ в провинции. В начале 60-х гг. министр народного просвещения А. В. Головнин сетовал на то, что большая часть научных обществ сосредоточена в столицах или Прибалтийских губерниях, «в остальных же частях России их почти вовсе нет». В 90-х гг. за пределами Петербурга и Москвы работало уже свыше двух третей всех научных обществ страны. Большинство провинциальных научных обществ было невелико по количественному составу и ограничено в средствах. Тем не менее благодаря их усилиям во второй половине XIX в. был сделан важный шаг в области всестороннего исследования России. Кроме того, их работа вносила немалый вклад в формирование общего «банка научных фактов» — первоосновы научного знания.

Таким образом, научные общества разного профиля, типа и назначения, как столичные, так и провинциальные, разбросанные по огромной территории страны, заметно стимулировали подъем научной деятельности и составляли немаловажную часть научного потенциала России.

Глава двадцать вторая

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

1. ЛИТЕРАТУРА

> Литература — язык, выражающий все, что страна думает, чего желает, что она знает и чего хочет и должна знать.
>
> *И. Гончаров*

Несмотря на усиление правительственной и общественной реакции, в рассматриваемый нами период, русская литература продолжала оставаться ведущей сферой культурной жизни страны. Она развивалась в тесном взаимодействии со всей мировой литературой, выражая идеи, мысли и эмоции общества. Ведущими темами русских писателей были обличение существующих порядков, борьба с невежеством, грубостью и пошлостью. В то же время под влиянием общественно-политической атмосферы в стране ряд деятелей отходил от острой обличительности, переключаясь на общечеловеческие, философские и нравственно-психологические проблемы.

В журналистике первенствуют в этот период либеральные народники. Ежедневная литературно-политическая газета «Неделя» значительно правеет, ведущие публицисты ее проповедуют тихую культурную работу («Теория малых дел» Я. В. Абрамова) и опрощение (М. О. Меньшиков). Научный, литературный и политический журнал «Русское богатство», куда после закрытия «Отечественных записок» перешли Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко и Г. И. Успенский, приобретает большую популярность и становится фактически центром легального народничества в Петербурге. В 1894—1895 гг. журнал небезуспешно вел теоретическую борьбу с марксистами. Сочувственно относится к народничеству и аналогичный журнал «Русская мысль», издававшийся в Москве В. М. Лавровым. После 1884 г. в журнале начали печататься В. Г. Короленко, В. М. Гаршин, А. Н. Плещеев, А. П. Чехов и М. Горький. Солидным органом либералов становится ежемесячный журнал «Вестник Европы», издававшийся в Петербурге М. М. Стасюлевичем. Преимущественное внимание в этом органе уделялось истории и политике. В нем сотрудничали И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, участвовали крупнейшие ученые К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, А. Ф. Кони и др. В 80-е гг. наблюдается расцвет юмористической журналистики во вкусе мещан и

обывателей, «поглощенных мелочами повседневного быта». Семь лет Чехов сотрудничает в юмористических журналах «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», «Зритель», «Свет и тени» и некоторых других.

Заметно возрастает сеть консервативных изданий, пользующихся поддержкой властей. Главными столпами ортодоксального консерватизма являлись издания М. Н. Каткова — «Московские ведомости», «Русский вестник» и «Гражданин» В. П. Мещерского. После 1 марта 1881 г. Катков вновь занял пост «сторожевого пса» самодержавия, как сам определил его в одном из писем царю. Издания Каткова критиковали реформы 60—70-х гг., всесословность, приветствовали назначение графа Д. А. Толстого на пост министра внутренних дел, резко выступали против министра финансов Н. Х. Бунге и министра иностранных дел Н. К. Гирса. Сумев сохранить за собой право обращаться непосредственно к царю, дарованное ему еще Александром II, Катков неоднократно пользовался им. Случалось, когда Катков переступал границу, допустимую в отношениях с властями. Так в 1887 г. он вызвал гнев Александра III статьями по внешней политике. Монарх увидел в них прямое вмешательство в дела правительства. Только благодаря Победоносцеву Катков избежал наказания, получив дружеское словесное внушение через своего же ставленника Е. М. Феоктистова. Еще более крайнюю ретроградную позицию занимал «Гражданин» Мещерского, который был возобновлен в 1882 г. при непосредственном содействии Александра III, желавшего иметь в столице «настоящую консервативную газету» и выделившего на ее издание 100 тыс. руб. В либеральной печати Мещерского называли «князем Точкой», поскольку в одной из первых статей своей газеты он настаивал «поставить точку» ко всем реформам в стране. «Гражданин» боролся не только с революционными, но и с либеральными органами печати. С 1884 г. Мещерский, стараясь как-то помочь царю, регулярно передавал через доверенных лиц особый рукописный «Дневник», помещая туда «и мысли, и слухи, и толки, и сплетни», которые по соображениям цензуры не решался печатать на страницах «Гражданина».

Одной из популярных и влиятельных газет являлась «Новое время», в которой сотрудничали А. П. Чехов, В. П. Буренин, М. О. Меньшиков, В. В. Розанов. К сожалению, добиваясь массового успеха и расположения властей, этот орган отличался циничной всеядностью, за что получил от Салтыкова-Щедрина кличку «Чего изволите?». Предприимчивый редактор-издатель газеты А. С. Суворин основал книжный магазин и издательскую фирму, занявшую одно из первых мест в русской книжной торговле. Особого признания среди его многочисленных изданий заслуживает «Дешевая библиотека», выпустившая около трехсот книжек классических произведений отечественных и зарубежных писателей.

Центральное место в литературе рассматриваемого периода прочно удерживает творчество Л. Н. Толстого (1828—1910). Он создает философско-религиозные, эстетические и публицистические работы («Исповедь», «Власть тьмы», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Воскресение»), в которых проповедует нравственное совершенствование человека, его «воскресение», идею непротивления злу насилием, смирение личной гордыни. Писатель резко порицает все формы социального неравенства.

В эти же годы в полной мере раскрывается талант замечательного беллетриста и драматурга А. П. Чехова. За свою короткую жизнь в своих рассказах, новеллах и повестях он показал почти все стороны российской действительности 80—90-х гг. XIX в. Персонажи рассказов «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Человек в футляре» стали нарицательными в нашей повседневности. Главными действующими лицами в большинстве повествований Чехова служат простые обыватели, разночинцы, интеллигенты. Писатель восставал против мира пошлости, духовной спячки, равнодушия («Анна на шее», «Крыжовник», «Учитель словесности», «Ионыч»), мечтал о светлой жизни и прекрасной личности человека. Крылатое выражение Л. Толстого «Чехов — это Пушкин в прозе», пожалуй, наиболее весомо и точно характеризует творчество гениального писателя.

В 80-е гг. своей вершины достигло критическое творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина («Современная идиллия», «Письма к тетеньке», «Мелочи жизни», «Пошехонская старина»). «Непременным предметом моей литературной деятельности, — утверждал он, — был протест против произвола, лганья, хищничества, предательства, пустомелия и т. д. Ройтесь сколько хотите во всей массе мною написанной, — ручаюсь, ничего другого не найдете». Критическая патетика усиливается в творчестве В. Г. Короленко и Д. Н. Мамина-Сибиряка. Активный борец за справедливость и человеческие права Короленко в 80-х — начале 90-х гг. создает свои яркие художественные и публицистические произведения: «Сон Макара», «Слепой музыкант», «Павловские очерки», «Лес шумит», «Река играет» и др.

В 80—90-е гг. во всю ширь раскрывается своеобразие творчества Мамина-Сибиряка. В романах «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Золото», «Дикое счастье» он мастерски освещает новую для русской литературы тему развития капиталисти-

ческих отношений на горнозаводском Урале. В своих очерках, рассказах и романах автор показал на фоне «царства огня и железа» колоритные судьбы «хозяев» жизни, магнатов, золотопромышленников, львиц местного общества, а также бесправие, темноту и приниженность заводского населения.

В эти годы Н. С. Лесков был верен, как он пишет в одном из писем, «святому влечению служить родине словом правды и истины», создает свои лучшие произведения. Он резко оценивает действительность в «Заметках неизвестного», «Полуночниках», «Загоне», «Зимнем дне», «Человеке на часах», во «Вдохновенных бродягах».

Одной из особенностей литературы того периода является поиск новой тематики, новых жанров, сюжетов, действующих лиц.

В критике тогда все чаще стали употреблять термины о реализме и натурализме, критерием чего служила «жизненная правда», изображение действительности такой, какая она есть на самом деле. Сюда, пожалуй, можно было бы отнести большинство вышеназванных писателей. Кроме них множилась целая плеяда литераторов, которые фотографически точно, натурально, протокольно пытались изображать действительность (В. Буренин, И. Н. Потапенко, А. Амфитеатров, Н. А. Лейкин, П. Д. Боборыкин). Демократические тенденции наблюдаются в творчестве К. М. Станюковича, А. И. Эртеля, поэтов К. М. Фофанова и С. Я. Надсона. Все больше появляется тем о влиянии капитала, о людях умственного труда, учителях, врачах, представителях земства. Цикл очерков и рассказов о духовном искании русской интеллигенции создает Г. И. Успенский («Без определенных занятий», «Волей-неволей»).

Часть писателей обращается к миру падших людей, босяков, обитателей ночлежек (очерки В. А. Гиляровского, С. Каронина, А. И. Свирского).

В начале 90-х гг. вступает в литературу А. М. Горький. Традиции русского романтизма продолжают поэты «чистого искусства» — А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. П. Полонский. К этому «поэтическому триумвирату» близко примыкали А. Н. Апухтин и А. А. Голенищев-Кутузов. Лиричностью и музыкальностью отличается поэзия К. Р. — великого князя К. К. Романова. Его перу принадлежат переводы В. Гюго, И. В. Гете, В. Шекспира, А. де Мюссе и др.

Начинает оформляться русский символизм (Н. Минский, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус). Для символистов внутренний мир личности являлся показателем общего трагического состояния мира.

2. ТЕАТР

> Ум человеческий никогда и ничего благороднее и полезнее театральных зрелищ не изобрел, как для усовершенствования, так и для очищения нравов...
>
> *Вольтер*

В пореформенное время господствующую роль в жизни русского театра играли так называемые императорские театры в С.-Петербурге и Москве. Стержневой задачей их было обслуживание двора и высшего общества. Репертуар театров был засорен в основном малохудожественными произведениями. Многие выдающиеся творения мировой и отечественной драматургии не допускались на сцену, а из других тщательно вытравливались все политически острые моменты и сюжеты. Постановочная часть находилась в примитивном состоянии. Стремление одаренных театральных деятелей внести свежую струю наталкивалось на бюрократическую косность придворных чиновников. Положение актеров было тяжелым. Известно, что лучшим зарубежным артистам платили в год по 30 тыс. руб., а своим — всего 1400 руб. Частные и общественные театры разрешались только в провинции. Основанные на чисто капиталистических началах, они редко стояли на должной художественной высоте. Актеры подвергались беспощадной эксплуатации.

В 1882 г. благодаря усилиям творческой интеллигенции была отменена монополия дирекции императорских театров на деятельность театров С.-Петербурга и Москвы. Частные театры появились в столицах. Интересно, что еще до отмены монополии императорских театров разрешалась организация развлекательных частных театров, балаганов, клубных и любительских представлений. В Москве в 1865—1883 гг. создавались спектакли Артистического кружка — общественно-художественной организации, возникшей по инициативе видных литературно-художественных деятелей во главе с А. Н. Островским, Н. Г. Рубинштейном, В. Ф. Одоевским и др. Ценным начинанием явился Народный театр, организованный при Всероссийской политехнической выставке в Москве (1872) под руководством артиста, режиссера и драматурга А. Ф. Федотова. В 1873—1876 гг. в здании Народного театра на Варварской площади работал Общедоступный театр Ф. М. Урусова и С. В. Танеева.

Почетное место в истории театральной культуры занимает московский театр (1880—1882) Анны Бренко. Молодая актриса

Малого театра, тяготившаяся «императорской неволей», положила основание частному (отчасти товарищескому) театральному предприятию, известному под названием Пушкинского (по месту нахождения близ открытого перед тем памятника Пушкину). В репертуаре театра широко был представлен Островский. С успехом шли «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского и лермонтовский «Маскарад». Исполнялись также пьесы Шекспира, Мольера, Шиллера. По воспоминаниям современников, в театре Бренко звучал народнический протест.

Место закрывшегося из-за финансовых трудностей Пушкинского театра в 1882 г. занял Русский драматический театр. Организовали его ведущие артисты Пушкинского театра во главе с М. И. Писаревым и В. Н. Андреевым-Бурлаком, пригласив распорядителем Ф. А. Корша. Театр открылся 30 августа 1882 г. в Камергерском переулке (ныне в этом здании находится МХАТ им. Чехова) спектаклем «Ревизор» Гоголя. В 1883 г. антрепренер Корш вытеснил Писарева и Андреева-Бурлака и стал хозяином дела. Наряду с пьесами развлекательного характера, западно-европейскими модными новинками, он ставил русскую классическую и современную драматургию, первым воплотил на сцене в 1887 г. пьесу А. П. Чехова «Иванов». Театр оказался самым долговечным из частных театров, дожив до первых лет советской власти. Расцвет реалистической драматургии (особенно творчества А. Н. Островского, этого настоящего русского Шекспира) явился мощным стимулом для утверждения отечественного сценического реализма.

Ведущую роль в развитии театрального искусства играл Малый театр в Москве, история которого начинается с 1756 г., когда была создана драматическая труппа при Московском университете. Официально театр открылся 14 октября 1824 г. В том году драматические спектакли были перенесены в здание, построенное архитектором О. И. Бове, из частного дома на Петровскую площадь (ныне Театральная площадь) и получившее название Малого театра (в отличие от Большого, открытого в 1825 г.). В этом храме искусства реалистические традиции были особенно сильны, а бюрократический надзор и влияние придворно-дворянских кругов оказывались слабее.

В рассматриваемый нами период генеральное направление театра наряду с произведениями Островского определяла драматургия А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Грибоедова, Д. Фонвизина, Л. Толстого, Ф. Шиллера, У. Шекспира, В. Гюго. Это был театр высокой идейности и гражданской обличительной силы, выраженной актерами, несмотря на все цензурные, чиновничьи и полицейские препоны. Он являлся поэтому своего рода рупором передовой рус-

ской интеллигенции. В блестящем творческом коллективе Малого театра особенно замечательны представители пореформенного поколения актеров — Г. Н. Федотова, Ф. П. Горев, К. Н. Рыбаков, М. Н. Ермолова, А. П. Ленский и А. И. Южин.

Свыше 40 лет, с начала 60-х гг., провела на сцене этого театра Гликерия Николаевна Федотова (Познякова). Воспитывалась у помещицы Позняковой (под ее фамилией играла на сцене до выхода замуж за А. Ф. Федотова в 1863 г.). Проявила себя как замечательная актриса высокой комедии, одновременно драмы и трагедии. Ее игра отличалась эмоциональной насыщенностью, яркостью и эффектностью сценического рисунка. Создала вдохновенные образы в пьесах Шекспира, Мольера и Шиллера и во всей русской драматургии от Грибоедова до Льва Толстого. Специально для Федотовой Островский написал роли Снегурочки («Снегурочка») и Василисы Мелентьевой («Василиса Мелентьева»).

Крупнейшей трагедийной актрисой конца XIX в. стала Мария Николаевна Ермолова. Дочь суфлера Малого театра, она росла в атмосфере страстного почитания национальной сцены. Девяти лет поступила в балетный класс Московского театрального училища (драматических классов тогда еще не было). Но вскоре в ней проснулось сильное влечение к драме, и она стала со своими подругами разыгрывать сцены из современных драм. Однако известный драматический педагог И. В. Самарин не захотел продолжить актерские занятия с юной ученицей. Позже она признавалась: «Несмотря ни на что, во мне всегда жила непоколебимая уверенность, что я буду первой актрисой... Эта уверенность никогда не покидала меня» (329, т. 7, с. 106). В Малом театре она дебютировала 16 лет в роли Эмилии Галотти («Эмилия Галотти» Г. Лессинга), сыгранной ею ярко, эмоционально и правдиво. «Безвестная ученица штурмом взяла Москву» — так прокомментировали тогда ее дебют в театральной среде. Несмотря на успех, она вынуждена была играть несколько лет ничтожные роли. И только самоотверженный труд и упорная настойчивость позволили Ермоловой завоевать себе положение. На сцене она сыграла более 300 ролей. Наибольшой успех ей сопутствовал в героико-романтических ролях — Гюльнары («Корсиканка» Л. Гуальтьери), Лауренсии («Овечий источник» Лопе де Веги) и Жанны д'Арк («Орлеанская дева» Шиллера). Последнюю роль она играла в течение 18 лет. В этот образ актриса вложила весь талант своей души: величайшую трагедийную силу, могучие порывы, героический пафос. Из-за большого числа желающих попасть на этот спектакль представления «Орлеанской девы» с 1893 г. были перенесены на сцену Большого театра. Неслучайно биограф Ермо-

ловой Н. Е. Эфрос очень точно назвал ее «Жанной д'Арк русского театра». Более 20 ролей Ермолова сыграла в пьесах Островского. Особенно дороги для нее были образы, раскрывающие нравственную красоту русской женщины, способность ее к самопожертвованию. Среди ее работ выделяются роли Негиной («Таланты и поклонники»), Евлалии («Невольницы»), Олены («Воевода»), Людмилы («Поздняя любовь»). В 80—90-е гг. актриса создала галерею женских образов, преимущественно современниц, получивших нарицательное название «ермоловских женщин». Каждый спектакль с участием Ермоловой вызывал немалый общественный резонанс. К. С. Станиславский, очарованный актрисой, восторженно писал: «Ее данные были исключительны. У нее была гениальная чуткость, вдохновенный темперамент, большая нервность, неисчерпаемые душевные глубины... Внешние данные Марии Николаевны были не менее замечательны. У нее было превосходное лицо с вдохновенными глазами, сложение Венеры, глубокий грудной теплый голос, пластичность, гармоничность, ритмичность даже в метании и порывах, беспредельное обаяние и сценичность, благодаря которым самые ее недостатки обращались в достоинства». Этот словесный образ довольно точно подтверждает портрет М. Н. Ермоловой, созданный В. Серовым в 1905 г. В связи с 50-летием работы в Малом театре Ермолова первой получила звание народной артистки республики в 1920 г. Имя Ермоловой носит один из московских театров.

Вторым важнейшим центром русской театральной культуры был Александринский театр в Петербурге. Он зародился по указу императрицы Елизаветы Петровны 30 августа 1756 г. как русский театр для представления трагедий и комедий. Первоначально он размещался на Васильевском острове. В 1828—1832 гг. архитектор К. И. Росси в глубине Невского проспекта возвел новое здание театра, получившее название Александринского в честь супруги императора Николая I Александры Федоровны. Питерцы с тех пор стали величать театр Александринкой. В сравнении с Малым театром тенденция демократического реализма здесь была выражена менее отчетливо. Ее сковывали придворно-бюрократическое окружение и подбор театральной дирекции, особенно сильной в Петербурге. Засоренность репертуара весьма посредственными пьесами, угодными придворным кругам, и постановочная безыдейность тормозили творческий рост театра. Тем не менее и здесь выдвинулся ряд замечательных мастеров сценического искусства. Таковы в особенности В. В. Самойлов, К. А. Варламов, М. Г. Савина, В. Н. Давыдов, П. А. Стрепетова. В 1874 г. в Александринский театр была приглашена Мария Гавриловна Савина

(1854—1915). Наделенная трезвым умом, сильной волей и (при слабом здоровье) высокой работоспособностью, с первых дней она завоевала лидирующее положение среди женского персонала труппы и сохранила его на всем протяжении своей сорокалетней карьеры в театре (1874—1915). Актриса пользовалась громадным авторитетом, начальство с ней весьма считалось, успех у публики был чрезвычайно велик. Савина прекрасно осознавала свою силу. Как заметил актер Ю. А. Юрьев, она «царила на сцене, любила царить и умела царить». Никто из актеров Петербурга и Москвы не обладал такой властью в театре. Она прославилась и как великая комедийная актриса, и как исполнительница многих драматических ролей. Особое место в творчестве Савиной занимал И. С. Тургенев, которого она пленила образом Верочки «Месяц в деревне»), после чего сыграла Машу («Холостяк»), Машу («Вечер в Сорренто»), Дарью Ивановну («Провинциалка»), Лизу Калитину («Дворянское гнездо»). Ярко проявился талант Савиной также в пьесах Гоголя, Островского, Л. Толстого и Чехова. В 1899 г. Марии Гавриловне было присуждено звание заслуженной артистки Императорских театров. Гастроли Савиной в Берлине и Праге (1899) способствовали популяризации русского сценического искусства за рубежом. Савина проявила себя и как общественная деятельница. Она была одним из организаторов и руководителей Русского театрального общества (1883—1884), входила в число инициаторов 1-го Всероссийского съезда сценических деятелей, в 1896 г. создала убежище для престарелых артистов, получившее впоследствии ее имя. Она является автором книги «Горести и скитания» (Л., 1983). Савина оставила яркий след в истории русского театра. Неслучайно К. С. Станиславский включил ее имя в список великих актеров, оказавших на него влияние и служивших ему образом.

В 1881 г. в Александринский театр поступила крупнейшая провинциальная актриса Пелагея Антипьевна Стрепетова (1850—1903). Она не отличалась яркими внешними данными: невысокого роста, сутуловата, непропорционально длинными казались ее руки. Но природный талант, темперамент трагической актрисы, высокий профессионализм потрясали сердца зрителей. Дарования Стрепетовой наиболее ярко проявились в образах Степаниды — героини драмы В. Крылова «Около денег», поставленной по одноименному роману А. Потехина, Юлии Тугиной в «Последней жатве», Марьи Андреевны в «Бедной невесте» А. Островского, Сарры в «Иванове» А. Чехова. Самыми серьезными победами актрисы стали роли Кручининой «Без вины виноватые», Лизаветы в «Горькой судьбине» и Катерины в «Грозе». А. Островский, видя в ней явление феноменальное, отмечал: «Ее среда — женщина низ-

шего и среднего классов общества; ее пафос — простые, сильные страсти». Несмотря на общепризнанный успех, положение Стрепетовой в театре было трудным. Она вынуждена была покинуть сцену Александринки и отправиться на гастроли по российским провинциям. Умерла Стрепетова в полном забвении в 1903 г., в предсмертные часы, подводя жизненные итоги, актриса сказала: «Я служила народу...» В этих словах — великая правда.

Наряду с главными драматическими театрами страны — Малым и Александрийским возникало множество провинциальных театров (в Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Казани, Астрахани, Иркутске и других городах). Театральный репертуар составляли пьесы Островского, Л. Н. Толстого, Шекспира, Мольера, Шиллера, Гюго. Популярными артистами провинции были Н. Х. Рыбаков, В. Н. Андреев-Бурлак, М. Т. Иванов-Козельский, Н. П. Рощин-Инсаров, Е. Я. Неделин и др.

3. МУЗЫКА

Музыка — это разум, воплощенный в прекрасных звуках.

И. С. Тургенев

Вторая половина XIX в. ознаменована расцветом русского музыкального искусства. На смену М. И. Глинке, А. Н. Верстовскому, А. Л. Гурилеву и др. пришла целая плеяда замечательных музыкантов, утверждавших реализм, народность, демократизм, гражданственность и высокие общественные идеалы. В числе их стали композиторы «Могучей кучки» («Новой русской музыкальной школы», Балакиревского кружка, «Пятерки») — М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков. Главой этого великолепного композиторского квинтета, возникшего в конце 1850-х и просуществовавшего до середины 1870-х гг., стал Милий Алексеевич Балакирев. «Более опытный музыкант, чем его юные товарищи, — писал о нем критик Г. Тимофеев, — очень начитанный в музыкальной литературе, обладавший уже большими практическими знаниями, необыкновенной музыкальной памятью, критической способностью, оригинальным творческим даром, проницательным умом и сильной волей» (329, т. 2, с. 63). Идейным вдохновителем содружества был художественный и музыкальный критик В. В. Стасов, давший ей образное наименование «Могучая кучка». Он же по-своему оценил каждого из этой «Пятерки»: Балакирев — самый темпераментный, Кюи — самый изящный, Римский-Корсаков — самый

ученый, Бородин — самый глубокий и Мусоргский — самый талантливый» (165, с. 122). Девизом молодых композиторов стали слова Мусоргского «К новым берегам», означавшие призыв к смелым новаторским поискам в музыкальном творчестве». «Кучкисты» выступили против академической рутины, боролись за народность, правдивость, содержательность, национальное направление в русской музыке. Развивая художественные традиции М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского и достижения западноевропейских композиторов-романтиков, члены «Могучей кучки» обогатили мировую музыкальную классику, создали выдающиеся образцы оперного, симфонического и камерно-вокального жанров. Сюжеты большинства их музыкальных произведений взяты из русской истории или навеяны образами русской поэзии и сказки. Серьезное внимание они придавали русской народной песне и фольклору других народов. Талантливо обрабатывали украинские, сербские, чешские, польские, испанские народные темы, тонко улавливая подлинный дух национальных культур. Особенно богат в музыке «Пятерки», как и вообще в русской музыке, восточный колорит. В 1862 г. под руководством М. А. Балакирева и хорового дирижера Г. Я. Ломакина в Петербурге начала функционировать бесплатная музыкальная школа, просуществовавшая до 1917 г.

В 1859 г. по инициативе А. Г. Рубинштейна и других музыкальных общественных деятелей, при активном участии и финансовой поддержке великой княгини Елены Павловны в С.-Петербурге основано Императорское Русское музыкальное общество для «развития музыкального образования и вкуса к музыке в России и поощрения отечественных талантов». Существовало до 1917 г. Устраивало в обеих столицах симфонические и камерные концерты, в которых принимали участие выдающиеся пианисты Антон и Николай Рубинштейны, М. А. Балакирев, скрипачи Л. Ауэр и Н. Бродский, виолончелист К. Ю. Давыдов, дирижер Э. Ф. Направник и ряд первоклассных певцов. Отделения общества постепенно возникали в Москве (1860), Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе и др. городах. При музыкальном обществе были открыты первые консерватории: в Петербурге (в 1862 г., родоначальник А. Г. Рубинштейн, также при значительной материальной поддержке великой княгини Елены Павловны), в Москве (в 1866 г., основатель Н. Г. Рубинштейн) и музыкальные классы в некоторых губернских городах. Уже в начальный период консерватории подготовили немало музыкантов-профессионалов, композиторов, педагогов, критиков, несших музыкальную культуру в широкие слои общества. В числе воспитанников обеих консерваторий были П. И. Чайковский, С. И. Танеев, А. К. Лядов, А. С. Аренский,

М. М. Ипполитов-Иванов, А. Н. Скрябин, С. В. Рахманинов и многие другие.

Для вовлечения широких слоев населения в музыкальную жизнь в 1872 г. в Петербурге образовано Общество камерной музыки, а в 1880 г. в Первопрестольной — Московское филармоническое общество. В 1882 г. в северной столице создается постоянный симфонический оркестр — Придворный музыкантский хор (с 1897 г. — Придворный оркестр). В 1885 г. группой музыкантов во главе с Римским-Корсаковым здесь сложился Беляевский кружок, в состав которого входили композиторы А. Глазунов, А. Лядов, Я. Витол, С. и Ф. Блуменфельды, Н. Соколов и др. Кружок считался преемником «Могучей кучки». Назван был по имени любителя музыки М. П. Беляева, финансировавшего кружок, основавшего нотное издательство и организовавшего для пропаганды отечественной музыки Русские симфонические концерты» (1885) и Русские квартетные вечера (1891). В 1884 г. Беляев учредил Глинкинские премии.

* * *

В 80—90-е гг. русские композиторы продолжали лучшие традиции отечественной музыкальной школы.

Превосходные романсы, фортепианные и симфонические произведения М. А. Балакирева были удачным опытом практической реализации принципов «Могучей кучки» и навсегда вошли в сокровищницу русского искусства. Значительны его заслуги в деле пропаганды русской музыки среди демократических кругов общества. Пережив творческий кризис в 1872 г., он возвращается к музыкальной деятельности в 1881 г., вновь возглавив Бесплатную музыкальную школу. С 1883 по 1894 г. он управляющий Придворной певческой капеллы. Центральная тема творчества Балакирева — народные образы, картины русской жизни, природы — проходит через большинство его сочинений. Для него также характерен интерес к теме Востока. Его симфоническая поэма «Тамара» (1882) принадлежит к лучшим образцам симфонического творчества. Звуки оркестра рисуют картину Дарьяльского ущелья, а томный лирический напев характеризует прекрасную и коварную царицу Тамару. Музыка Балакирева относится к шедеврам мировой музыкальной культуры. С его именем связано рождение жанра русской эпической симфонии. В этом жанре он работал последние годы своей жизни.

Музыкальное новаторство, демократизм и гражданственность «Могучей кучки» с наибольшей силой проявились в творчестве М. П. Мусоргского Его оперы «Борис Годунов», «Хованщина»,

«Сорочинская ярмарка» представляют собой совершенно исключительное явление в истории музыки по правдивости и силе изображения народной жизни, по глубине психологической характеристики и по тонкости проникновения в дух эпохи. Впервые на оперной сцене народ был показан как действенная сила истории. По словам В. В. Стасова, его романсы дают «такие глубоко правдивые представления о народной жизни, каких вовсе не знало русское искусство», композитор «развернул новые горизонты перед русским, а значит, и перед европейским искусством». К сожалению, материальная необеспеченность и неудачи на композиторском поприще преследовали Мусоргского. Его опера «Борис Годунов» надолго была снята с репертуара, другие его сочинения долго игнорировались артистами и публикой (329, т. 10, с. 415).

Мусоргский не успел закончить свою музыкальную драму «Хованщина». Мучительная болезнь и смерть помешали этому. «Хованщина» была завершена после его смерти Римским-Корсаковым. Над «Сорочинской ярмаркой» работали А. К. Лядов, Ц. А. Кюи и др. В 1896 г. Римским-Корсаковым была сделана новая редакция «Бориса Годунова». В советское время Д. Д. Шостаковичем заново отредактированы и оркестрованы «Борис Годунов» и «Хованщина» (1959). Самостоятельный вариант завершения «Сорочинской ярмарки» принадлежит В. Я. Шебалину (1930).

Редкие и полярные дарования композитора и ученого-химика сочетал в себе А. П. Бородин. В 80-е гг. он продолжал работать в жанре вокальной миниатюры, а увлекшись восточной тематикой, написал симфоническую картину «В Средней Азии». Он также настойчиво работал над оперой «Князь Игорь», построенной на материале «Слова о полку Игореве», специально изучал русские народные песни, а также подлинные венгерские и половецкие напевы. Из-за большой занятости создание многих произведений длилось очень долго, а некоторые из них остались незавершенными. Его оперу закончили и отредактировали Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов. Премьера оперы «Князь Игорь» состоялась 4 ноября 1890 г. в Петербурге и вскоре стала одним из любимейших репертуарных произведений концертных залов всего мира.

Устои «Могучей кучки» в 80—90-е гг. продолжал и Ц. А. Кюи, с 1880 г. профессор, с 1891 г. заслуженный профессор Военно-инженерной академии в Петербурге, инженер-генерал (1904), специалист в области фортификации. В рассматриваемые нами годы он выступал как композитор и музыкальный критик: постоянный сотрудник редакции журнала «Музыкальное обозрение» (1885—1888), участвовал в работе музыкального отдела журнала

«Артист» (1889—1895), печатался во многих периодических изданиях. В 1896—1904 гг. был одним из директоров Петербургского отделения Русского музыкального общества. Своей критической деятельностью способствовал утверждению прогрессивных идейно-художественных принципов «Могучей кучки», раскрытию исторического значения творчества М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, пропаганде творческих начинаний А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова. В то же время ему была присуща некоторая ограниченность суждений, проявившаяся в отрицании музыкальной классики XVIII в., творчества Р. Вагнера, Дж. Верди и др., непонимании творчества П. И. Чайковского, а также ряда произведений Мусоргского и Бородина. В его творческом капитале 14 опер, несколько циклов музыки для детей и др., работы по завершению опер «Каменный гость» Даргомыжского (совместно с Римским-Корсаковым), и «Сорочинская ярмарка» Мусоргского.

Необыкновенно разнообразно и продуктивно творчество Н. А. Римского-Корсакова. В музыке опер его тонко и выпукло переданы и героика народного движения («Псковитянка», 1873 г., окончательная редакция 1894 г.), и драматические коллизии прошлого («Царская невеста», 1899 г.), и любовная лирика («Снегурочка», 1882 г.), и былинный эпос («Садко», 1897 г.), и с особенной силой — сказочно-фантастический дух народного творчества («Майская ночь», 1880 г.; «Сказка о царе Салтане», 1899 г.; «Кощей Бессмертный», 1902 г.; «Золотой петушок», 1909 г.). В 1887 г., заинтересовавшись сборником испанских песен, Римский-Корсаков пишет «Испанское каприччо» — одно из самых блистательных произведений для оркестра. Почти сразу же за ним создается симфоническая сюита «Шахерезада» (1888). Пышная экзотика востока, безбрежные картины морских просторов и сказочные образы зримо оживают в этой гениальной музыке. Композитор не оставляет свою дирижерскую деятельность и в 1889 г. едет за границу, где успешно выступает с двумя концертами на Всемирной выставке в Париже. По возвращении в Петербург он активно принимается за создание новых произведений. Появляется большое число романсов и др. Последние годы жизни Римский-Корсаков трудился над книгой своих воспоминаний, назвав ее «Летопись моих воспоминаний».

Одним из величайших гениев русской и мировой музыки является П. И. Чайковский. Он стал первым русским композитором, получившим не только европейское (особенно в Германии, Франции, Англии), но и мировое признание. В 1885 г. избирается руководителем Московского отделения Русского музыкального

общества и директором Московской консерватории. С этого же года он постоянно жил в Подмосковье — в окрестностях г. Клина (Майданово, Фроловское), с 1892 г. — в самом Клину. Неутомимый в своих творческих исканиях, он сумел сказать новое, решающее слово во всех музыкальных жанрах. В истории симфонии, оперы, балетной и камерной музыки деятельность его ознаменовала новый, плодотворный этап. Расцвет творчества композитора наступает уже в 1866—1877 гг. (московский период). В это время им созданы 3 симфонии, в том числе «Зимние грезы», 3 струнных квартета, оперы «Воевода» (1868), «Ундина» (1869), «Опричник» (1872), «Кузнец Вакула» (1874), 2-я редакция — «Черевички» (1885), балет «Лебединое озеро» (1876), цикл «Времена года» (1876), романсы и др.

В 1885—1893 гг. Чайковский создает ряд музыкальных шедевров, чередуя трагедийные полотна (оперы «Чародейка», 1887 г.; «Пиковая дама», 1890 г.; программная симфония «Манфред», 1885 г.; 5-я симфония, 1888 г.; 6-я «Патетическая» симфония, 1893 г.) с партитурами, в которых торжествуют свет и радость (балеты «Спящая красавица», 1889 г.; «Щелкунчик», 1892 г.; опера «Иоланта», 1891 г.; оркестровая сюита «Моцартиана», 1887 г.).

Среди десяти опер Чайковского вершинами являются «Евгений Онегин» с его лирическими сценами и музыкальная трагедия «Пиковая дама». Первое представление «Евгения Онегина» состоялось в Московской консерватории 17 марта 1879 г. Успех был средний. По всей видимости, причиной тому было отчасти и исполнение учеников. В апреле 1883 г. опера была исполнена в Петербурге в музыкально-драматическом кружке под управлением К. К. Зике и имела несомненный успех. На императорской сцене в Петербурге «Евгений Онегин» шел в первый раз 19 октября 1884 г. С каждым последующим спектаклем возрастала любовь публики к этому лучшему произведению композитора. Репутация Чайковского резко возросла с «Пиковой дамой», поставленной в Петербурге в первый раз 7 декабря 1890 г. Не сходящая со сцены, эта опера по своей популярности не уступает «Евгению Онегину». Она обошла, как и последняя, все сцены России. Обе оперы проникли за границу, где им сопутствовал большой успех. Последняя опера Чайковского «Иоланта» была поставлена в Мариинском театре в Петербурге 6 декабря 1892 г, вместе с его же балетом «Щелкунчик».

Содержание музыки Чайковского многогранно. Его увлекали шедевры Данте и У. Шекспира, А. С. Пушкина и Дж. Байрона, Н. В. Гоголя и А. Н. Островского. В его произведениях нашли отражение философские раздумья, события и колорит различных исторических эпох, картины народной жизни, утонченно

воспроизведены разнохарактерные персонажи, образы родной природы, сказочные романтические сюжеты, детские грезы. Чуткий лирик-психолог, он талантливо раскрывает духовный мир своих героев. Тему остроконфликтной борьбы человека за счастье Чайковский сделал главной в своем творчестве, поднявшись до подлинно трагедийных высот. Он один из выдающихся в мировой музыке симфонистов, автор семи симфоний (включая ненумерованную симфонию «Манфред»), симфонических поэм «Ромео и Джульетта», «Франческа да Римини», нескольких сюит и инструментальных концертов, 106 пьес для фортепиано, в числе которых 12 характеристических картин «Времена года». В каталоге сочинений Чайковского также 104 романса, каждый из которых представляет небольшую драматическую пьесу. В романсах, как писал в свое время Р. М. Глиэр, Чайковский «раскрыл душу» ряда русских и переводных поэтических сочинений и сделал многие из них «в подлинном смысле народными». Один из музыковедов XIX в. говорил, что «один романс Чайковского по глубине и масштабности содержания может быть равен целому вокальному циклу европейских романтиков». Чего стоят такие романсы, как «Средь шумного бала», «Ночи безумные», «То было раннею весной». В целом, каких бы сторон музыки ни касался Чайковский, «всюду он приносил обаятельный, чрезвычайной красоты мелодический элемент». Композитор был необычайно трудолюбив, трудился постоянно, ежедневно. «Вдохновение, — признавался он, — это такая гостья, которая не любит посещать ленивых». Его музыка была плодом трудных исканий, мук и раздумий. Творческое самозабвенное служение искусству в продолжение страстной, энергичной 28-летней деятельности практически не прерывалось. С одной стороны, одиночество было для него счастьем, так как давало возможность полностью отдаваться любимому делу. В то же время, «судя по письмам, — отмечает музыкальный критик Н. Ф. Соловьев, — Чайковский был крайне впечатлителен и глубоко несчастлив. Ни материальные условия, ни переменчивость успеха, не были, по-видимому, причиной тяжкого его душевного состояния. Какая была причина безысходной тоски, преследовавшей Чайковского, — этот вопрос не разъяснен». Известно, что 1868 г. принес ему и радость творчества, и горечь разочарования. В этом году состоялась с большим успехом премьера Первой симфонии Чайковского, которую он назвал «Зимние грезы». В тот же год Петр Ильич впервые услышал известную французскую певицу (меццо-сопрано) Маргерит Арто, которая приехала в Москву на итальянский сезон и пела в опере Дж. Россини «Отелло». Она целиком завладела его сердцем. Чайковский посвятил ей «Романс»

для фортепьяно и 6 романсов для голоса с фортепьяно на тексты французских поэтов. Петр Ильич делает Арто предложение руки и сердца, и она принимает его. Но друзья Чайковского категорически выступают против этого брака, опасаясь, что Петр Ильич перестанет заниматься музыкой, сопровождая жену во время гастролей. Конечно, избалованная вниманием знаменитая певица и не помышляла оставаться в России. Неизвестно, что стало причиной неожиданного решения Арто, но она расторгла помолвку и вышла замуж за испанского певца М. Падилья-и-Рамос. Чайковский был потрясен этим известием и еще больше погрузился в работу.

Его тяготила постоянная нужда в деньгах, а также преподавательская работа в консерватории, которая отнимала «самое драгоценное в жизни» — время для собственного творчества. В сентябре 1877 г. он решает изменить свою жизнь и неожиданно для всех женится на А. И. Милюковой, совершенно чуждой ему женщине и по характеру, и по духу. Этот необдуманный поступок едва не закончился трагедией. Вскоре после женитьбы, в том же месяце композитор в состоянии «близком к безумию» уезжает с братом за границу. А уже в начале 1878 г. он пишет: «Я покоен, здоров, счастлив...»

В 1878 г. разрешилась наконец и другая проблема. После 12 лет преподавательской работы он уходит из консерватории. Это решение Чайковский принял по настоянию Надежды Филаретовны фон Мекк, своего «лучшего друга», как он всегда называл ее. Их необычную дружбу называют «романом в письмах». Они ни разу не встретились и общались только в письмах, начиная с конца 1876 г. Н. Ф. фон Мекк, вдова железнодорожного предпринимателя, одна из богатейших женщин Москвы, была страстной поклонницей музыки Чайковского, предложившая ему ежегодную субсидию в 6 тыс. рублей. Сохранилось более 1200 писем их переписки. Она также оказывала поддержку Московской консерватории и Русскому музыкальному обществу. Александр III в 1888 г. назначил Чайковскому пенсию в 3 тыс. рублей. У общительного и доброго Чайковского было много друзей, в том числе и среди композиторов. В числе близких ему людей были А. Г. и Н. Г. Рубинштейны (особенно последний, который был не только строгим судьей сочинений Чайковского, но и самым энергичным их пропагандистом), а также П. И. Юргенсон, бескорыстный издатель произведений композитора, брат Чайковского Модест, его верный сотрудник во многих оперных произведениях, сестра его А. И. Давыдова. По своему характеру Чайковский не мог подолгу оставаться на одном месте, с 1877 г. вел кочевую жизнь. Он совершил множество поездок по России и за границу (Германия,

Франция, Англия, Америка), дирижируя операми и концертами, составленными из его произведений.

Концертные поездки укрепили творческие и дружеские связи Чайковского с западно-европейскими музыкантами (Х. фон Бюлов, Э. Григ, А. Дворжак, Г. Малер, А. Никиш, К. Сен-Санс и др.). Концерт 16 октября 1893 г. в Петербурге, где он дирижировал в первый раз своей Шестой симфонией, стал его лебединой песней. Там он скоропостижно скончался 25 октября от холеры и похоронен в Александро-Невской лавре.

В 1880—1890-е гг. формируется творчество А. К. Глазунова, С. И. Танеева, А. К. Лядова, А. С. Аренского, Вас. С. Калинникова, М. М. Ипполитова-Иванова, А. Т. Гречанинова, С. М. Лядова и др.

Выдающиеся достижения отечественных композиторов на поприще создания новых опер оказали глубокое влияние на развитие оперной сцены. Они значительно расширили жанровые и тематические рамки русской оперы, обогатили ее образный строй и круг драматически-выразительных средств. «При многообразии творческих индивидуальностей, — писал музыковед Ю. В. Келдыш, — общей основой их творчества являются народность и реализм. Русские композиторы искали пути обновления оперного жанра прежде всего в обращении к живой человеческой речи, интонациям народной и бытовой музыки». Широко используются в русской опере народно-хоровые сцены, которые играют важную роль в музыкальной драматургии («Борис Годунов», «Хованщина» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Снегурочка», «Садко» Римского-Корсакова). Для опер Чайковского характерен тонкий психологизм, раскрытие душевного мира человека («Евгений Онегин», «Чародейка», «Пиковая дама»). Композитор разрабатывал также и историко-патриотические темы («Орлеанская дева», «Мазепа») и народно-бытовые («Черевички»). Новые страницы в оперном искусстве открыли сочинения С. И. Танеева («Орестея») и С. В. Рахманинова («Алеко»).

Под давление общественности в 1882 г. была проведена театральная реформа, которая способствовала более свободному доступу русской музыки на сцены театров. В том же году в С.-Петербурге прекратилась постоянная деятельность итальянской оперы. Она стала приезжать только на гастроли. Московский Большой театр занял равноправное положение с Мариинским и превратился в крупнейший центр передовой русской оперной культуры. Средоточием передовых тенденций в оперном искусстве с 1885 г. явилась Московская частная русская опера С. И. Мамонтова.

В 80—90-е гг. на подмостках казенных и частных театров выступали артистические силы национальной оперы, не уступавшие первоклассным итальянским мастерам. С именами Ф. И. Стравинского, И. А. Мельникова, П. А. Хохлова, Д. М. Леоновой, Е. А. Лавровской, Б. Б. Корсова, А. Е. Ростовцевой, Е. Я. Цветковой неразрывно связаны упрочение русского классического репертуара, становление единства музыкального и драматического начал, создание цельного, жизненно убедительного психологического образа. В эти годы оперное искусство прочно утверждается в провинции. Расширяют свой репертуар «оперные города» Киев, Одесса, Харьков, Тифлис, Казань, Саратов, Рига, Вильна.

Наряду с оперой в изучаемые нами годы развивался и балет. Лучшие представители эстетической мысли в сфере балета отстаивали понятие о нем как хореографической драме и настаивали, чтобы художественные средства балета служили выражением характеров, мыслей и чувств, чтобы балет стремился к правде и простоте. Совершенствованию балета способствовала деятельность выдающихся русских композиторов, создававших прекрасные образцы танцевальной музыки в виде танцевальных номеров в операх или специальных концертных пьес. Качественно новый этап в развитии балетного искусства связан с творчеством Чайковского, который внес в музыку балета глубокое образное содержание, принципы симфонического развития и конфликтной драматургии. Балеты его «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» (последние два созданы в тесном содружестве с балетмейстерами М. И. Петипа и Л. И. Ивановым) значительно обогащали танцевальную лексику и драматургию. Традиции симфонизации балета были продолжены Глазуновым («Раймонда», «Времена года»). Следует отметить, что многое сделал для русского балета уроженец Франции М. И. Петипа, который сочинил и поставил на нашей сцене до 50 балетов. Носил звание солиста двора Его Величества. Рядом с Петипа проходило творчество Л. И. Иванова (в 1885—1901 гг. второй балетмейстер Мариинского театра). Обладая феноменальными музыкальными способностями, Иванов особенно большое значение придавал музыке, видя в ней источник хореографической образности. Среди его постановок выделялись «Половецкие пляски» в опере «Князь Игорь» Бородина. Шедеврами танцевального симфонизма Иванова стали «Танец снежных хлопьев» («Щелкунчик», 1892 г.), 2-я картина балета Чайковского «Лебединое озеро» (1894). На балетной сцене Петербурга раскрылись таланты замечательных танцовщиц Е. О. Вазем, М. Н. Горшенковой, В. А. Никитиной, Е. П. Соколовой, в Москве блистали балерина Л. Н. Гейтен, артисты В. Ф. Гельцер, В. Ваннер и др.

80—90-е гг. сыграли важную роль в формировании русской школы инструментального исполнительства. Крупный испол-

нительский талант проявили видные композиторы-пианисты А. Рубинштейн, Танеев, Рахманинов. Выдающейся пианисткой была воспитанница Петербургской консерватории, а потом ее профессор А. Н. Есипова. Одним из самых прославленных скрипачей своего времени был Л. С. Ауэр, создавший в Петербургской консерватории скрипичную школу мирового значения. Среди виолончелистов мира не имел соперников преподаватель этой же консерватории К. Ю. Давыдов.

Особым, самостоятельно развивающимся направлением в русской музыке в рассматриваемый период, как и на протяжении веков, была музыка духовная. Известно, что в конце XVIII — начале XIX вв. русское церковное пение испытало на себе западное влияние. Сочинялись произведения и в итальянском стиле, и в стиле протестантских хоралов. Идея возвращения к национальным основам, поисков своей, русской гармонии и своего контрапункта получила сначала теоретическое обоснование в трудах В. Ф. Одоевского, протоиерея Д. В. Разумовского и других авторов, преимущественно связанных с Москвой как хранительницей древних традиций. Затем эта идея рассматривалась в творческих опытах М. И. Глинки, а начиная с рубежа 1880-х гг. — в сочинениях и переложениях Чайковского, Римского-Корсакова, Лядова, Балакирева, Танеева и др. Деятельность выдающихся русских композиторов оказала непосредственное влияние на подъем музыкального театра.

Все большее место в репертуаре Большого и Мариинского театров занимали русские оперы и балеты. К 1893 г. относится начало выступлений на оперной сцене великого певца Ф. И. Шаляпина.

Таким образом, рассматриваемый период был временем дальнейшего могучего расцвета русской музыки, как и всего русского искусства. Доступность музыкального образования привела к тому, что в России появилась целая плеяда талантливых профессиональных композиторов и исполнителей. Русская музыка, богатая и самобытная, вышла за пределы нашей страны и была признана во всем мире.

Александр III по воспоминаниям графа Шереметева «очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всяких претензий на музыкальность (411, с. 494).

Он постоянно интересовался новинками, знакомился со всеми новыми произведениями, был осторожен с отзывами, «никогда не судил... по первому впечатлению». Обожал Чайковского. Однажды, в 1893 г. глава государства «был как-то особенно музыкально настроен и потребовал, чтобы сыграли одну из пьес Чайковского. Хор

(вероятно, оркестр. — *Е. Т.*) играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением... Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда это происходило в Гатчине, умирал Чайковский». «Казалось, — отмечает Шереметев, — мы слышали его лебединую песнь. И тот, кто слушал ее так внимательно и так наслаждался ею, недолго пережил его. Мог ли кто из нас тогда это предчувствовать? В этот день государь меня особенно поразил. Он слушал как-то особенно задумчиво и грустно, дивная гармония была ему доступна, и весь он был проникнут красотою этих звуков, весь отдался этому чувству и ясно было, как сильно в нем самом сказалось художественное чутье» (там же).

Царь «восторгался Глинкой и знал многие его романсы. Особенно любил он: «В крови горит огонь желанья». Рубинштейна он не переваривал как человека, его коробило его самомнение и самоуверенность. Раз даже он передавал свой разговор с ним и ответы Рубинштейна, не замечавшего тонкой иронии государя. К Балакиреву относился сочувственно и снисходительно к его невменяемости». Римского-Корсакова Александр III ценил не столько как композитора, а как знатока оркестровой части. Из зарубежных композиторов симпатизировал сочинениям Вагнера и вальсам Штрауса. Очень любил монарх церковную музыку. Ценил Бортнянского, но предпочитал Львова за его душевность.

4. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

В 80—90-х гг. реалистическое направление в русской живописи в отличие от Запада приобрело господствующее положение. По мнению многих художников того времени, живопись должна была отражать действительность со всеми ее недостатками и достоинствами. В этом направлении творили И. М. Крамской, В. Г. Перов, И. И. Шишкин и др. Чтобы поддерживать друг друга, организовывать выставки, художники создавали различные общества и кружки.

Художественные организации

Одной из таких организаций стал *Абрамцевский (Мамонтовский) художественный кружок* представителей творческой интеллигенции, по преимуществу московской, объединившихся вокруг известного предпринимателя и мецената С. И. Мамонтова. Кружок существовал в 1878—1893 гг., при этом он никогда не был официальным обществом или художественной группировкой. Встречи и

собрания художников и любителей живописи происходили в доме Мамонтова на Спасской-Садовой улице в Москве, а летом — в подмосковном имении Абрамцево близ Сергиева Посада. Мамонтов материально помогал художникам, поддерживал многие их творческие начинания. В Абрамцево художники нередко приезжали на все лето с семьями. Здесь они могли работать и общаться. В Абрамцевском кружке изучение русской истории и культуры сочеталось со стремлением оживить традиции народного творчества. В имении были организованы мастерские по возрождению старинных художественных ремесел (резьба по дереву, майолика, шитье). В парке Абрамцево были возведены постройки в русском стиле — «Терем» (по проекту И. П. Ропета, 1873 г.), церковь и «Избушка на курьих ножках» (по проектам В. М. Васнецова, 1881—1883 гг.). Одним из самых известных начинаний Мамонтовского кружка стали любительские спектакли. С 1871 г. они ставились каждый сезон: зимой — в особняке на Спасской-Садовой улице, летом — в Абрамцеве. Декорации, костюмы, афиши и программы к ним создавали сами художники, они же зачастую были и исполнителями ролей. Наиболее удачной постановкой Мамонтовского кружка считается «Снегурочка» А. Н. Островского, показанная в 1882 г. Эти спектакли во многом способствовали появлению 1890-х гг. Московской частной русской оперы. В Абрамцевский кружок входили М. М. Антокольский, А. М. и В. М. Васнецовы, М. А. Врубель, К. А. и С. А. Коровины, И. И. Левитан, М. В. Нестеров, И. С. Остроухов, В. Д. и Е. Д. Поленовы, Н. А. Римский-Корсаков, В. А. Серов, К. С. Станиславский, М. В. Якунчикова и др.

Другим подобным объединением стало *Московское общество любителей художеств (МОЛХ)* — объединение художников, меценатов, коллекционеров, издателей, основанное в 1860 г. любителями искусства М. Е. Криштафовичем и братьями С. И. и П. И. Миллерами, с 1858 г. еженедельно собиравшими у себя кружок художников и коллекционеров. В МОЛХ входили почетные члены (в разные годы — П. М. Третьяков, Д. П. Боткин, вел. кн. Сергей Александрович, московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков, Л. Н. Толстой, В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, И. Е. Репин, В. И. Суриков, и др.), члены-любители (А. А. Бахрушин, И. Н. Кнебель, И. А. и С. Т. Морозовы и др.), члены-художники (И. К. Айвазовский, С. М. Волнухин, Н. Н. Ге, А. С. Голубкина, И. Н. Крамской, И. С. Остроухов, Л. О. Пастернак, В. Г. Перов, А. К. Саврасов, И. И. Шишкин, В. П. Верещагин, Н. А. Касаткин и др.). С 1867 г. общество находилось под августейшим покровительством великой княгини (с 1881 г. императрицы) Марии Федоровны. Первым председателем до 1863 г. стал С. И. Миллер, в дальнейшем МОЛХ возглавляли Уваров, Д. П. Боткин, С. М. Третьяков, К. М. Быковский, И. Е. Телешов, кн. В. Д. Голицын. В задачи МОЛХ входила поддержка молодых художников, обеспечение их заказами, а главное — создание доступной для публики национальной художественной галереи. Такой галереей и стала постоянно действующая выставка МОЛХ (существовала до 1893 г.). На ней, в частности, были впервые показаны картины «Явление Христа народу» А. А. Иванова и «Тайная вечеря» Н. Н. Ге, вызвавшие в свое время широкий общественный резонанс. Кроме того, общество устраивало и периодические выставки картин, рисунков и акварелей; занималось организацией тематических и персональных временных экспозиций. Так, общество познакомило москвичей с экспозициями русских отделов лондонской (1862) и парижской (1867) всемирных выставок. В 1880—1913 гг. оно устраивало периодические «Рождественские» выставки, персональные экспозиции К. А. Трутовского (1893), К. П. Брюллова (1899), Левитана (1911). Именно МОЛХ было инициатором и организатором Первого съезда русских художников, состоявшегося в Москве в 1894 г., приуроченного к передаче в дар городу галереи Третьяковых. С начала своего существования общество оказывало и материальную поддержку молодым художникам. Оно проводило художественные конкурсы, за победу в которых присуждались специальные премии (имени В. П. Боткина, Л. Н. Панина, И. Е. Репина и др.). Молодые талантливые мастера могли совершить заграничную поездку за счет МОЛХ. Был создан специальный «Фонд для вспомоществования бедным и престарелым художникам и их семьям». С 1870 г. работали рисовальные классы при МОЛХ (среди преподавателей — В. О. Шервуд, В. Г. Перов, И. М. Прянишников), действовала библиотека для художников. В 1910 г. общество учредило ряд стипендий для учащихся Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В 1900-х гг. общество насчитывало около 300 участников. В 1900—1910 гг. значение общества в художественной жизни Москвы заметно уменьшилось. Оно занималось главным образом устройством различных благотворительных мероприятий. В 1918 г. общество прекратило существование.

В 1881 г. в Петербурге по инициативе Е. И. Мюссара возникло общество *«Мюссаровские понедельники»* (первоначальное название — Общество для вспомоществования сиротам и семействам художников, требующих призрения). Оно объединяло профессиональных художников, меценатов, коллекционеров. Деятельность общества носила клубный характер. Еженедельные собрания проводились по понедельникам в особняке на Английской набережной, д. 6. После смерти Мюссара в 1896 г. общество получило

название «Мюссаровские понедельники». Собрания включали в себя совместные рисования, концертную часть и товарищеский ужин. Исполненные художниками работы продавались, а вырученные средства использовались на благотворительные цели. С 1914 г. общество организовывало выставки своих старейших членов. Участниками «Мюссаровских понедельников» в разные годы были А. К. Беггров, Я. Я. Бельзен, В. А. Бобров, Ф. Ф. Бухгольц, П. К. Вениг, В. В. Верещагин, А. К. Денисов-Уральский, Н. Н. Каразин, И. Е. Крачковский, Л. Ф. Лагорио, В. В. Матэ, Л. О. Премацци, Н. К. Рерих, М. В. Рундальцов и др. Весной 1917 г. общество художников «Мюссаровские понедельники» вошло в Союз деятелей искусств.

В 1877 г. в Париже было основано *«Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже»*. Учредителями его стали художники М. М. Антокольский, А. К. Беггров, А. П. Боголюбов, Ю. Я. Леман, а также другие влиятельные лица: писатель И. С. Тургенев, банкир Г. О. Гинцбург, коллекционер О. Ф. Онегин. В 1878 г. был утвержден устав общества. Цели общества: знакомить парижскую публику с русским искусством; оказывать денежную помощь русским художникам и их семьям в Париже, помогать художникам в получении образования, а также в получении заказов и продаже произведений. В общество влилась созданная ранее *«Русская касса взаимного вспоможения в Париже»*. Общество выдавало ссуды и денежную помощь художникам и учащимся, проводило рисовальные вечера, концерты, литературные чтения и т. п. Кроме того, оно предоставляло мастерскую нуждающимся в ней художникам. Все мероприятия проходили в клубе общества, где также действовала библиотека. В деятельности общества принимали участие многие деятели русской культуры. Общество проводило в Париже периодические выставки, много сделало для увековечения памяти И. С. Тургенева (собрало средства на надгробный памятник писателю, учредило стипендию его имени и т. п.). С 1896 г. называлось *«Обществом русских художников в Париже»*. С 1887 г. общество получало ежегодное пособие от русских властей. К концу XIX в. постепенно утратило свое влияние, прекратило деятельность в 1917 г.

В 1880 г. в Петербурге по инициативе Э. С. Вилье де Лиль Адана, преподавателя рисовальной школы при ОПХ, основано творческое объединение художников, работающих в технике акварели, — *«Общество русских акварелистов»* (*«Императорское акварельное общество»*, до 1887 г. — *«Кружок русских акварелистов»*) для организации акварельных выставок. В 1887 г. кружок получил официальный статус «Общества русских акварелистов»

со своим уставом. Действительными членами общества могли стать «художники, живущие в России и уже достойно заявившие о себе своими работами, преимущественно на выставках общества в качестве экспонентов». Как правило, число действительных членов составляло около 20, многие из них одновременно являлись членами других объединений. Первым главой общества был Альберт Н. Бенуа. Выставки общества устраивались ежегодно (до 1895 г. — в залах ОПХ, позже — в Академии художеств и Пассаже). Параллельно было организовано 12 выставок в Москве, выставки в Риге (1888), Гельсингфорсе (1893) и Мюнхене (1908). По инициативе А. Н. Бенуа прошли графические выставки Blanc et Noir («Белое и черное») в залах ОПХ (1890, 1892, 1895). В 1891 г. акварелисты участвовали в Международной выставке в Риме. Кроме того, были организованы посмертные выставки работ С. И. Ендогурова, К. О. Хис, А. А. Писемского. В 1880—90-х гг. на выставках преобладали работы традиционного, академического направления. Позже появилось разнообразие художественных стилей, включая русский стиль и модерн. С начала 1892 г. общество проводило в Академии художеств еженедельные «акварельные пятницы», которые постепенно трансформировались в популярные литературно-художественные и музыкальные вечера. «Пятницы» посещали члены царствующей династии. В 1900-х гг. деятельность общества постепенно угасала, что прежде всего было связано с падением интереса к технике акварели и, соответственно, снижением уровня профессионального мастерства. Последняя, 38-я выставка, прошла в 1918 г. и после нее общество прекратило свое существование:

С 1882 по 1917 г. существовало *«Императорское общество поощрения художеств»*. Основано оно было в Петербурге в 1820 г. как *«Общество поощрения художеств»* (ОПХ) по инициативе меценатов И. А. Гагарина, П. А. Кикина, Ф. Ф. Шуберта и художников-любителей А. И. Дмитриева-Мамонова и Л. И. Киля. Главными целями ОПХ были помощь одаренным художникам и способствование распространению всех изящных искусств. В 1870 г. при ОПХ был основан художественно-промышленный музей, основой которого стала коллекция прикладного искусства, пожалованная Александром II, а также подаренный обществу фарфор производства Императорского завода. С 1917-го по 1929 г. вышеназванная организация была преобразована во *Всероссийское общество поощрения художеств*.

Одним из наиболее деятельных и известных нам явилось *Товарищество передвижных художественных выставок* (ТПХВ) — объединение, созданное в 1870 г. передовыми художниками

Петербурга и Москвы в процессе борьбы за демократические идеалы и в противовес официальному центру искусства — Петербургской академии художеств. В числе ее членов-учредителей — Н. Н. Ге, И. Н. Крамской, Г. Г. Мясоедов, В. Г. Перов, А. К. Саврасов и др.

В принятом уставе товарищества, утвержденным министром внутренних дел 2 ноября 1870 г., говорилось: «Товарищество имеет целью устройство, с надлежащего разрешения передвижных художественных выставок, в видах: а) доставления возможностей желающим знакомиться с русским искусством и следить за его успехами; б) развития любви к искусству в обществе; в) облегчения для художников сбыта их произведений». Примечательно, что на первом месте стояли задачи просвещать и прививать любовь к русскому искусству, а на втором — коммерческая сторона дела. Поставленным высоким целям товарищество было верно на протяжении всего времени своего существования.

Освободившись от регламентации и опеки Академии художеств в создании, показе и реализации своих произведений, они организовали внутреннюю жизнь товарищества на кооперативных началах и развернули просветительскую деятельность. Немощным академическим выставкам противостояли широко популярные, имевшие большое общественное значение выставки Товарищества передвижных художественных выставок. ТПХВ имело отделения в Москве и Петербурге.

Непосредственно организацией выставок занималось правление товарищества. Первая выставка состоялась в 1871 г. в Петербургской академии художеств, затем она была показана в Москве, Киеве и Харькове. В состав выставки входили такие известные полотна, как «Петр I допрашивает царевича Алексея» Н. Н. Ге, «Охотники на привале» В. Г. Перова, «Грачи прилетели» А. К. Саврасова. Выставка имела не только большой общественный резонанс, но и серьезный коммерческий успех. В дальнейшем географические рамки передвижных выставок расширились: Астрахань, Варшава, Вильно, Воронеж, Казань, Киев, Одесса, Рига, Ярославль и другие города. Выставки в провинции регулярно показывались до 1909 г. С 1884 г. выставки ТПХВ сопровождались иллюстрированными каталогами. Всего товарищество устроило 48 передвижных выставок.

В разные годы в ТПХВ входили такие видные художники, как А. К. Беггров, А. П. Боголюбов, А. М. и В. М. Васнецовы, Н. Н. Ге, К. Ф. Гун, Н. П. Дубовской, С. Ю. Жуковский, Н. А. Касаткин, А. И. Корзухин, И. Н. Крамской, К. В. Лемох, В. Е., К. Е. и Н. Е. Маковские, Г. Г. Мясоедов, В. М. Максимов,

Я. Д. Минченков, А. А. Мурашенко, Н. В. Неврев, В. Д. Поленов, В. Г. Перов, И. М. Прянишников, И. Е. Репин, А. К. Саврасов, В. И. Суриков, И. И. Шишкин, В. И. Якоби, Н. А. Ярошенко и др. В 1870—80-е гг. роль ТПХВ в русской художественной культуре была необычайно велика. В товариществе собрались лучшие художественные силы, они сумели выработать новую эстетическую программу, противопоставив себя Академии художеств, соперничество с которой продолжалось до начала 1890-х гг., когда после академической реформы многие передвижники были приглашены возглавить мастерские в Академии художеств. На первых выставках товарищества лидировали жанровые картины, в которых поднимался широкий круг проблем, волновавших русское общество. Передвижники ставили своей задачей изображение «правды жизни», то есть критику пороков и воспевание того прекрасного, что есть в обществе.

С деятельностью ТПХВ В. В. Стасов связывал становление подлинно национальной школы живописи. «От картин передвижников, — отмечал Репин, — веяло такой свежестью, новизной и, главное, подлинной правдой русской жизни». Огромную помощь передвижникам оказал П. М. Третьяков, покупавший все их лучшие произведения. Свое собрание картин, ставшее сокровищницей национального искусства, и особняк Третьяков в августе 1892 г. подарил Москве. К тому времени в коллекции насчитывалось 1287 живописных и 518 графических произведений русской школы, 75 картин и 8 рисунков западно-европейской школы, 15 скульптур и коллекции икон. 15 августа 1893 г. состоялось официальное открытие музея под названием «Городская художественная галерея Павла и Сергея Третьяковых» (ныне Третьяковская галерея). Приобретение картины для Третьяковской галереи было фактом общественного признания ее большой художественной ценности. В 1890-х гг. ее посещали до 150 тыс. человек ежегодно. Также передвижникам помогал меценат С. И. Мамонтов. Он превратил свою усадьбу Абрамцево, как говорилось выше, в своеобразный центр русского национального искусства. Приглашал к себе художников и даже выстроил для них студию. Представление о значении Абрамцева в русской культуре дают хотя бы следующие факты: Репин в Абрамцеве писал «Крестный ход», сделал первые эскизы картин «Иван Грозный и сын его Иван», «Запорожцы»; Васнецов писал здесь «Трех богатырей» и «Аленушку», Серов — «Девочку с персиками» (это портрет Веры, дочери С. И. Мамонтова).

К 25-летию существования товарищества члены его создали свыше трех с половиной тысяч картин. Ужесточение уставных требований в 1890 г. привело к оттоку из ТПХВ ряда художников

и во многом обусловило кризис товарищества. Многие экспоненты передвижных выставок вошли впоследствии в другие художественные объединения *«36 художников»*, *«Союз русских художников»*. В 1900-х гг. товарищество окончательно утратило былое влияние, хотя выставки продолжались до 1920-х гг.

Художники и основные темы их творчества

Главным идеологом и выдающимся организатором движения передвижников был художник мыслитель, критик и педагог И. Н. Крамской (1837—1887). В основе его эстетической программы лежали принципы реализма, идейности и народности, создания национального искусства и служения художника обществу. «Ведь художник есть критик общественных явлений: какую бы картину он не представил, — говорил он, — в ней ясно отразится его мирозерцание, его симпатии, антипатии и главное — та неуловимая идея, которая будет освещать его картину». Он оказал очень сильное влияние на поколение художников 60—80-х гг. «Вся деятельность Крамского, — писал А. Бенуа, — сводится к призыву: «Вперед без оглядки» к жизни, подальше от мертвенных формул». Крамской прославился как автор реалистических портретов, отмеченных глубиной социальной и психологической характеристик, составивших галерею образов крупнейших деятелей русской истории и культуры, композиций на морально-философские темы, своим огромным искусством передачи внутреннего мира человека и сложнейших душевных переживаний: «И. И. Шишкин» (1880), «А. С. Суворин», «В. В. Самойлов» (1881), «Мина Моисеев» (1882), «Неизвестная» (1883), «Неутешное горе» (1884), «Вл. С. Соловьев» (1885) и др. В картине «Неутешное горе» Крамской с большой силой передал трагедию матери, потерявшей ребенка. Это произведение живописи несет отчасти автобиографический характер, на нем изображена жена художника. Картина «Неизвестная» вызвала много споров. В ней изображена красивая, изысканно одетая молодая женщина с высокомерным выражением лица в коляске посреди Невского проспекта, против Аничкова дворца. В картине усматривали обличительный смысл, портрет общественной нравственности. Критики назвали ее «одним из исчадий больших городов, которые выпускают на улицу женщин презренных под их нарядами, купленными ценою женского целомудрия».

Крамской занимался также гравированием на меди крепкою водкой. Из его офортов лучшие — портреты императора Александра III (в бытность его наследником), Петра Великого и Т. Шевченко. Иван Николаевич был автором ряда художественно-критических статей, оставил большое эпистолярное наследие.

Полотна духовного воспитанника Крамского И. Е. Репина (1844—1930 гг.) явились вершиной передвижничества. Таковы остросоциальные и исторические картины «Бурлаки на Волге» (1870—1873, написанная для великого кн. Владимира Александровича), «Крестный ход в Курской губернии» (1880—1883), «Иван Грозный и сын его Иван» (1885), «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1871—1891), «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года» (1901—1903, с учениками Б. М. Кустодиевым и И. С. Куликовым). Характерная черта Репина — постоянное стремление найти и запечатлеть активное начало в русском народе, начало протеста и борьбы за свободу. Ряд картин он посвятил историко-революционной теме: «Отказ от исповеди» (1879—1885), «Арест пропагандиста» (1880—1892), «Не ждали» (1884—1888) и др. Многие произведения Репина были крупными общественными событиями. Репин создал также ряд замечательных портретов («А. Ф. Писемский», 1880; «М. П. Мусоргский», 1881; «П. А. Стрепетова», 1882; «В. В. Стасов», 1883; «Л. Н. Толстой», 1887) и др., принадлежащих к числу самых совершенных образцов этого рода живописи.

Величайшим историческим живописцем XIX в. по праву считается В. И. Суриков (1848—1916). С 1881 г. он член ТВПХ. Живопись для него была средством изображения народной жизни. «Я не понимаю, — заявлял он, — действия исторических личностей без народа, без толпы». Художник создал изумительные по силе и правдивости эпические, монументальные картины прошлого русского народа: «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Березове» (1883), «Боярыня Морозова» (1887), «Покорение Сибири Ермаком» (1895), «Переход Суворова через Альпы» (1899), «Степан Разин» (1903—1910) и др. В произведениях Сурикова русская история предстает в подлинном своем величии и драматических конфликтах, в которых раскрываются могучие народные характеры, прекрасные качества русского человека. Высокой патриотической целью его искусства было прославление народа, его стойкости, твердой веры в добро и справедливость.

С начала 1880-х гг. к историческим, сказочным и былинным темам обращается член ТПХВ В. М. Васнецов (1848—1926), создавая свои своеобразные поэтические, глубоко национальные композиции: «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880), «Аленушка» (1881), «Богатыри» (1881—1898) и другие. По заказу Мамонтова художник написал картины «Ковер-самолет», «Битва русских со скифами», «Три царевны подземного царства» (1880—1881). В 1883—1885 гг. выполнил монументальное панно «Каменный век» для Исторического музея в Москве, в

1885—1896 гг. — большую часть росписей Владимирского собора в Киеве. По рисункам Васнецова сооружены церковь и сказочная «Избушка на курьих ножках» в Абрамцеве (1883) и выстроен фасад Третьяковской галереи (1902).

Одним из крупнейших мастеров пейзажа 70-х — 90-х гг. является И. И. Шишкин (1832—1898), член-учредитель ТПХВ. Его лучшие полотна достигают подлинного эпического звучания, русская природа предстает такой, какой воспел ее народ в своих песнях. Наиболее известные его картины — «Рожь» (1878), «Среди долины ровныя...» (1883), «Лесные дали» (1884), «Дубовая роща» (1887), «Утро в сосновом лесу» (1889, медведи написаны К. А. Савицким).

Наряду с Шишкиным крупным мастером эпического пейзажа был А. И. Куинджи (1841—1910). В картинах художник старается передать одухотворенность природы, задать определенный эмоциональный настрой. Это, например, «Лунная ночь на Днепре» (1880), «Березовая роща», «Днепр утром» (1881), «Эльбрус. Лунная ночь» (1890—1895). В его пейзажах важную роль играют эффекты освещения, повышенные светотеневые контрасты, обобщенная трактовка форм.

Реалистический переворот в батальной живописи осуществил В. В. Верещагин (1842—1904), по духу своего творчества близкий к передвижникам. Пытаясь наиболее полно отобразить исторические события, он объединял свои картины в тематические серии: «Туркестанская» серия (1871—1874), «Балканская» серия (1877—1878 и 1880-е), цикл на тему Отечественной войны 1812 г. (1887—1904) и др. Отвергнув ложную героизацию, условности и парадности академической батальной живописи, художник одним из первых дал правдивое изображение войн, колониальных экспедиций, кровавых расправ над мирным населением, жестоких и кровавых будней солдат: «Перед атакой. Под Плевной», «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной» (1881), «Подавление индийского восстания англичанами» (ок. 1884). Картины Верещагина воспринимались и в России и в Западной Европе, как сильный и убедительный протест против милитаризма. Один прусский генерал даже советовал Александру III сжечь все военные картины Верещагина, «как имеющие самое пагубное влияние». Вместе с тем Верещагин умел изображать народную войну против иноземных захватчиков. Такова его знаменитая серия картин о войне 1812 г., мастерски запечатлевшая богатырский дух русского народа, отстаивающего национальную независимость, мужество и самоотверженность наших воинов — «Не замай — дай подойти!» (1887—1895). Выставки картин Верещагина одно время сделали

его самым популярным лицом не только в России, но и во всем мире, заставили «волноваться и горячиться до одурения не только Петербург и Москву, но и Берлин, Париж, Лондон и Америку. В 1903 г. Василий Васильевич отправился в Японию. Чувствуя приближение новой войны, он убедился, что эта страна подготовлена к ней лучше. Верещагин написал даже несколько писем Николаю II, в которых высказал свои впечатления о японской армии и некоторые советы. Вскоре после начала Русско-японской войны он был на Дальнем Востоке, где и погиб. Произошло это 31 марта 1904 г. Во время возвращения в Порт-Артур после боевого похода он стоял рядом с вице-адмиралом С. О. Макаровым на мостике флагманского броненосца «Петропавловск» с альбомом в руках и делал карандашом очередной набросок. В 9 часов 40 минут утра неподалеку от входа в порт-артурскую гавань палуба корабля содрогнулась от взрыва чудовищной силы. Через две минуты огромный броненосец, подорвавшийся на японской мине, исчез в волнах Желтого моря на глазах гарнизона крепости. Из семисот с лишним человек спасли только семерых офицеров и пятьдесят двух матросов. Верещагина среди них не обнаружили. Удалось спасти великого князя Кирилла Владимировича, единственного из тех, кто находился с адмиралом в момент взрыва.

Скульптура

Достижения, хотя, в общем, меньшие по сравнению с живописью, имела скульптура. И в скульптуре с успехом велась борьба за преодоление академических канонов, за реалистическое национальное искусство.

Выдающимся скульптором вошел в историю XIX в. М. О. Микешин (1836—1896). Это был художник, окончивший Академию художеств по классу батальной живописи, но посвятивший себя главным образом работам в области монументальной скульптуры. В 1859 г. он участвовал в конкурсе проектов памятника «Тысячелетие России». Из представленных более 50 проектов был принят к исполнению проект тогда 23-летнего Микешина. Ему пришлось изучить скульптурную технику под руководством И. Н. Шредера, чтобы руководить работами специалистов, приглашенных для осуществления его проекта, и самому участвовать в их работе. Над моделью и самим бронзовым памятником, открытым в Новгороде в 1862 г., под руководством Микешина трудилась целая группа архитекторов и скульпторов, среди которых были отец и сын Лаверецкие, а также А. М. Опекушин и М. А. Чижов, тогда еще ученики Академии художеств. Памятник тысячелетия России создал Микешину репутацию выдающегося русского ваятеля. По

проекту Микешина выполнен памятник Екатерине II в 1873 г. в Петербурге на площади Александринского театра.

В 1870 г. во время поездки в Николаев, где Микешин ставил, при участии Опекушина и А. Р. Бока, бронзовый монумент адмиралу Грейгу, он был приглашен в Киев для переговоров о памятнике Богдану Хмельницкому. Увлеченный этой задачей, Микешин за одну ночь в Киеве нарисовал эскиз, легший почти целиком в основу памятника, поставленного 23 июня 1888 г. на Софийской площади (ныне площадь Богдана Хмельницкого). По проекту Микешина памятник лепили П. А. Велионский и А. Л. Обер.

Композиция предварительного проекта памятника включала фигуру гетмана на коне, полного внутреннего благородства и величия. Внизу под выступом скалы, располагалась группа из нескольких фигур. Вокруг кобзаря, в котором автор пытался воплотить образ Т. Г. Шевченко, изображены фигуры украинца, русского и белоруса, символизирующие единство славянских народов. С другой стороны, фигуры поверженных врагов украинского народа. Барельефы на постаменте воссоздавали битву под Збаражем, въезд казацкого войска в Киев, Переяславскую раду. Первоначальный проект памятника воплощен в модели, представленной в Русском музее (1869, бронза). Из-за недостатка средств в Петербурге на заводе Берга была отлита только фигура всадника, который был установлен на гранитном постаменте (архитектор В. Н. Николаев) в центре площади.

Микешин создал проекты памятников «победам Черноморского флота» и матросу Игнатию Шевченко — в Николаеве; адмиралам В. А. Корнилову, П. С. Нахимову и В. И. Истомину — в Севастополе, императору Александру II — в Ростове-на-Дону; Ермаку — в Новочеркасске; императрице Екатерине II — в Екатеринодаре; К. З. Минину — в Нижнем Новгороде и многие другие. Важно отметить, что искусство Микешина ценилось очень высоко. Ему заказывали памятники не только на родине. Известны его проекты памятников португальскому королю Педро IV, в честь португальской конституции для Лиссабона, сербскому князю Михаилу Обреновичу, Мицкевичу для Варшавы, Линкольну для Вашингтона и др.

Одним из самых талантливых мастеров в области монументальной скульптуры второй половины XIX в. был А. М. Опекушин (1838—1923). В первую пору своей деятельности он произвел немало орнаментальных лепных работ для петербургских зданий и был одним из главных сотрудников М. О. Микешина по осуществлению его памятника Екатерине II. В 1875 г. Опекушин победил в конкурсе на проект памятника А. С. Пушкину, представив несколько вариантов.

Жюри отдало предпочтение одному из этих вариантов, как соединяющему в себе простоту, непринужденность и спокойствие позы — «тип, наиболее подходящий к характеру наружности поэта». Памятник был установлен 6 июня 1880 г. на Тверском бульваре (на нынешнее место, изначально выбранное самим автором, перенесен в 1950 г.). В Петербурге на Николаевской (ныне Пушкинской) улице был установлен вариант статуи Пушкина, оказавшийся менее значительным, хотя и ему свойственна выразительная простота. Опекушин интенсивно работал в декоративной скульптуре, заведовал фигурным отделением скульптурной мастерской А. С. Козлова в Москве, изготавливавшей статуэтки из терракоты, портландского цемента, алебастра и папье-маше. Для Всероссийской промышленной выставки в Москве (1882) совместно с Микешиным и архитектором Д. Н. Чичаговым создал две парные композиции «Волга» и «Нефть».

В 1886 г. Опекушин вылепил памятник знаменитому русскому естествоиспытателю Карлу Бэру, установленный на родине ученого в городе Тарту. Проект памятника был удостоен первой премии на Всемирном конкурсе. Скульптор успешно использовал здесь традиции классицизма. В 1889 г. он создал памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске. В 1891 г. в Хабаровске, на берегу Амура, воздвигнут памятник его работы графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому.

Более поздние работы Опекушина — памятники Александру II (торжественно открыт в Кремле 18 августа 1898 г.) и памятник Александру III (открыт 30 мая 1912 г. у храма Христа Спасителя. Оба эти памятника были снесены в 1918 г.

Видную роль в скульптуре второй половины XIX в. сыграл М. М. Антокольский (1843—1902). Творчество его формировалось под влиянием Стасова, Крамского, идей передвижников. Антокольскому в русском искусстве было дорого то, что оно «старается понять человеческую душу, дух народа, его радости и горе, его настроение и стремление». В 1871 г. Антокольский создает скульптуру «Иван Грозный» (бронза; Петербург, Русский музей), которую Тургенев тогда же назвал шедевром по историческому проникновению, психологии и выполнению. По словам автора, он создал царя «мучителя и мученика». Скульптура эта открыла серию произведений Антокольского на темы из русской истории: «Петр Великий» (1872), «Нестор-летописец», «Ярослав Мудрый» (1889), «Ермак Тимофеевич» (1891). Объясняя идейный смысл этих произведений, Антокольский говорил, что в них он воспевал будущность России. Вдохновенно Антокольский работал и над другим циклом — морально-философским, над образами

тех, в ком видел мучеников «за светлые идеи, за любовь к человечеству»: «Христос перед судом народа» (1876), «Смерть Сократа» (1875—1877), «Спиноза» (1882).

Высокую оценку современников получила деятельность И. Н. Шредера (1835—?), который создал несколько произведений монументальной скульптуры. В числе их памятники Петру I в Петрозаводске (1873), мореплавателям И. Ф. Крузенштерну в Петербурге (1874), Ф. Ф. Беллинсгаузену в Кронштадте (1873) и др. В 1890—1900 гг. Шредер выполнил по эскизам А. А. Бильдерлинга (1846—1912) памятники Пржевальскому в Петербурге и на могиле путешественника возле озера Иссык-Куль, а также героям обороны Севастополя Корнилову, Нахимову и Тотлебену, установленные в городе в 1890—1900 гг. Им же выполнены памятники принца П. Г. Ольденбургского в Петербурге, Петра Великого в Петрозаводске, императора Александра II там же, графа А. А. Бобринского в Киеве, а также большое число портретных бюстов для московского исторического музея и др.

Вместе со скульпторами-монументалистами весомый вклад в развитие скульптуры 80—90-х гг. внесли жанристы М. А. Чижов, Л. В. Позен и анималисты А. Л. Обер и Е. А. Лансере.

В целом надо признать, что в рассматриваемый нами период обильное результатами реалистическое направление в изобразительном искусстве — живописи и скульптуре, графике — сблизило искусство с обществом, сильно расширило круг интересующихся искусством.

Архитектура

> Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания...
>
> *Н. В. Гоголь*

Я позволю себе напомнить, что архитектура является искусством проектировать и строить объекты, оформляющие пространственную среду для жизни и деятельности человека в соответствии с назначением, современными техническими возможностями и эстетическими воззрениями общества. Произведения архитектуры — это здания, ансамбли, а также сооружения, организующие открытые пространства (монументы, террасы, набережные и т. д.). Планировка и застройка городов и населенных мест составляют особую область строительного искусства — градостроительство.

Основы общей теории архитектуры сложились к середине XIX в. Трудами А. К. Красовского, М. Д. Быковского, И. И. Свиязева и других архитекторов создается весьма стройная система знаний о законах исторического развития архитектуры (с использованием французской рационалистической теории конца XVIII — начала XIX в.). В частности, был сформулирован, закон зависимости архитектуры от физических и духовных условий ее создания. К первым отнесены климат, строительные материалы, экономические ресурсы, ко вторым — мировоззрение, обычаи, религия народа. Было также доказано, что зодчество изменяется в соответствии с периодами подъема или упадка культуры созидающего народа, его творческим началом и уровнем знаний.

Укрепление капитализма в России 80—90-х гг., промышленное освоение Сибири и юга России, вовлечение в хозяйственную жизнь Бессарабии, Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока стимулировали быстрый рост городов, возникновение новых типов производственных, торговых, транспортных и других сооружений. Местоположение железнодорожных вокзалов вносило серьезные коррективы в расположение фабрично-заводского и связанного с ним жилищного строительства, крытых рынков, универсальных магазинов, выставочных павильонов, конторских зданий, банков, бирж и т. д. В то же время строительство объектов индустрии, не сдержанное серьезной градостроительной регламентацией приводило к тому, что исторические центры Петербурга, Москвы, уральских, сибирских, приволжских городов оказались в промышленном кольце, что и в настоящее время является препятствием для нормализации их градостроительного развития и причиной экологических конфликтов.

Наряду с частными особняками строились многоэтажные «доходные» жилые дома, с квартирами, сдающимися в наем, бараки и казармы для рабочих. Рост строительства и требования рентабельности определяли методы, обеспечивающие сокращение времени на производство работ, экономию труда и материалов. В этих целях использовались достижения промышленной техники. Широкое применение находят металл и стекло, а в конце века и железобетон. Развивается стандартизация строительных материалов. Создаются новые конструктивные системы для перекрытия больших пролетов и каркасные конструкции многоэтажных зданий. Архитектура получила возможности для совершенствования функциональных, технических и художественных качеств в создании новых конструктивных систем и принципов архитектоники (строительного искусства).

Типичным направлением архитектуры второй половины XIX в. становится эклектика. Зодчие этого направления использовали приемы различных эпох, создавая здания и сооружения в сти-

ле неоклассицизма, неоренессанса, русско-византийском и др. Представителями эклектизма в России были К. А. Тон, А. И. Штакеншнейдер, Л. Н. Бенуа, М. М. Перетяткович и другие известные архитекторы конца XIX — начала XX вв. Следует заметить, что своеобразным манифестом архитектуры эпохи эклектизма стала статья Н. В. Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени», написанная им еще в 1831 г. «Город должен состоять из разнообразных масс, если хотим, чтобы он доставлял удовольствие взорам, — уверял он. — Пусть в нем совокупится более различных вкусов. Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое... Пусть как можно реже дома сливаются в одну ровную однообразную стену, но клонятся то вверх, то вниз. Пусть разных родов башни как можно чаще разнообразят улицы...» (142, с. 429—430).

В рассматриваемый нами период активная архитектурная жизнь в основном была сосредоточена в Петербурге и Москве. В 1870-е гг. в столицах работают соответственно 300 и 200 архитекторов, в Киеве — 7, в Пскове — 8 и т. д. Однако на всей территории страны и во всех сферах архитектуры сказывается влияние общих процессов; относительно замедленные в провинции, активные в центре, они приводят к радикальному преобразованию архитектурной среды.

Кроме государственного заказа, сооружение ряда уникальных зданий связано с деятельностью различных объединений. Например, торговые сообщества возводят выставочные комплексы, научные общества строят свои клубы и музеи, дачные товарищества ведут строительство и благоустройство дачных поселков и т. д. Важным стимулом архитектурного развития становится личная инициатива, поддержанная личными средствами. Знакомясь с произведениями архитектуры, мы должны помнить о сотнях и тысячах безымянных мастеров-строителей, самоотверженный труд которых позволял зодчим и инженерам осуществлять их творческие замыслы. Всякое архитектурное сооружение, и тем более архитектурный ансамбль являются результатом напряженного коллективного труда.

В 1880—1890-х гг. ежегодно в Северной Пальмире строилось в среднем 280 каменных домов, да еще надстраивалось около 300. А в 1897 г. «строительная горячка» стала особенно бурной, было построено 498 каменных домов и надстроено около 400 домов.

Многоквартирные многоэтажные доходные дома стали основными элементами застройки города. Они строились, как правило, пятиэтажными, а в самом конце века попадались и семиэтажные. Действовали старинные запрещения — не строить жилой дом выше Зимнего дворца (11 саженей) и не строить дом, высотой превышающий ширину улицы. Эти запрещения часто незначительно нарушались за счет устройства мансард. В плотной застройке пышного города образовывались однообразные коридоры улиц, замкнутые дворы-колодцы. Вместе с рабочими казармами и ночлежками они стали жилищами бедноты, где в основном обитали мелкие чиновники, ремесленники, фабричные пролетарии. Неупорядоченность капиталистического строительства приводила также и к тому, что на окраинах города образовывались глухие производственные зоны, препятствующие выходам из центральных районов на залив, на Неву. Капиталистическое строительство было сумбурным, но плодотворным. Именно в этот период существенно увеличились площадь и население города. В 1869 г. оно составляло 667 900, а к 1900 г. достигло 1 439 600 человек. Прокладывались новые улицы, рушились старые постройки, устраивались сады и бульвары. Возводились торговые, банковские, зрелищные, учебные, больничные здания и комплексы. Сооружались постоянные мосты через Неву и ее рукава. Внедрялись разнообразные инженерно-технические новшества — металлические конструкции, оригинальные способы монтажа. Прозаические инженерные сооружения художники пытались превращать в произведения искусства с помощью изящных фонарей и чугунного кружева перил.

Соревновательность была главным принципом. Банк соревновался с банком, дом с домом, богач с богачом, архитектор с архитектором. Поэтому в архитектуре этого периода проявилось стремление к подчеркнутой представительности форм, к наибольшей насыщенности декора, к использованию дорогих материалов.

Люди постепенно отвыкали от однородной системности времен барокко и классицизма. Петербург XVIII в. можно было себе представить выстроенным по какому-то эталону. Но спустя сто лет, когда город стал в пять-шесть раз больше, когда загудели фабричные и паровозные гудки, улицы запестрели витринами и рекламой, появились сооружения и корпуса неизвестного доселе назначения, об однородности и единоначалии пришлось забыть. Зодчие, художники стали пробовать на одном здании разные стили. Это был путь к новым средствам выразительности. Так, на фасаде сложного и пышного декоративного оформления здания Общества взаимного кредита на Екатерининском канале архитектора П. Ю. Сюзора (1888—1890) можно видеть элементы стилей Возрождения, барокко и классицизма, на здании Певческой

капеллы (1887—1889) — стилей Возрождения и эпохи Людовика XVI и др.

Одним из крупных градостроительных преобразований в этот период было устройство Адмиралтейской набережной. В начале 1870-х гг. Адмиралтейскую верфь закрыли, канал засыпали. В середине 1870-х гг. берег Невы был укреплен гранитной подпорной стенкой, устроен проезд и бульвар, территория, расположенная между крыльями Адмиралтейства, была разделена на семь участков и продана частным владельцам. В 1880 г. завершилось строительство первого дома с западной стороны (архитекторы А. К. Кракау и Л. И. Бенуа). Строительство всех домов было закончено в 1890-х гг.

Одним из самых известных петербургских памятников архитектуры тех лет является храм Воскресения Христова. Заложен он был 6 октября 1883 г. на берегу канала Грибоедова (бывшего Екатерининского). Ему предстояло подняться на месте, где революционеры убили императора Александра II. Поэтому и храм вскоре стали называть Спас на крови.

Конкурсы 1881—1882 гг., собравшие много именитых участников, показали, что «русско-византийский стиль» не проходит. Александр III рекомендовал обратиться к русским образцам XVII столетия и к архитектуре Ярославля и Москвы, построить храм «в чисто русском стиле». Среди многих видных архитекторов, участвовавших в конкурсах (Л. Н. Бенуа, А. И. Резанов, В. А. Шретер, Р. И. Кузьмин, А. М. Павлинов), получил одобрение проект И. В. Малышева и А. А. Парланда в краснокирпичном московско-ярославском стиле с использованием композиционных приемов и форм храма Василия Блаженного в Москве и Владимирского собора в Киеве. В нишах цоколя установлены двадцать гранитных досок с высеченными на них надписями о выдающихся событиях царствования Александра II. Во внутренней отделке применены итальянские разноцветные мраморы и русские самоцветы. Над мозаикой и живописью работали художники В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, А. П. Рябушкин, Н. А. Бруни и др. Храм был завершен в 1907 г. Он стал единственным в стране своеобразным музеем русского мозаичного искусства.

А. А. Парланд писал: «Задача состояла не только в изучении и разборе богатого материала, дошедшего до нас в памятниках старины, но, главным образом, в удачном выборе только тех приемов и деталей, тех типично русских оттенков, представляющих собой как бы последний фазис развития стиля XVII в. Но этим еще не исчерпывается задача зодчего, стремящегося соорудить постройку, которая производила бы впечатление естественного,

нормального продолжения прерванного национально-художественного развития. Одно повторение, воспроизведение, хотя бы с величайшей верностью и точностью подходящих к задачам приемов и деталей, было бы здесь не вполне уместным. Необходимо, чтобы чувствовалось, созерцалось, так сказать, это продолжение развития в художественно-национальном направлении, что может быть достигнуто лишь одним путем, а именно: дальнейшей разработкой избранных приемов и деталей, стараясь приблизить их к идеалу совершенства». А. А. Парланд в определенной мере создавал собирательный образ русского храма.

Собор привлекает многочисленностью декора — фигурными наличниками, кокошниками, заполненными мозаичными вставками, поясками, изразцами, разноцветной черепицей. Особый интерес представляет покрытие пяти глав собора ювелирной эмалью площадью 1000 квадратных метров. Применение эмали в таком объеме в истории русского зодчества уникально. Впервые широко применялось и наружное декорирование зданий мозаикой.

К зданию с западной стороны примыкает двухъярусная колокольня, которую от цоколя до карниза оформляют мозаичные гербы городов и губерний Российской империи. Завершает колокольню купол на высоком барабане.

С северо-запада и юго-запада к колокольне примыкают крыльца, оформляющие вход в храм. Крыльца идентичны, имеют шатровый верх, увенчанный двуглавым орлом. У подножия шатра — три яруса округлых кокошников с мозаичными тимпанами. Шатры и скаты покрыты разноцветной черепицей. По гребню скатов установлена медная позолоченная решетка с растительным орнаментом.

В целом декоративное убранство собора включает в себя черты, близкие к стилевым приемам эклектики: повышенная декоративность, обилие и заметная измельченность деталей, не связанные с конструктивной основой элементы композиции.

Разнообразие силуэта, игра живописных форм здания невольно выделяет его из классического ансамбля центра города, внося оживление в строгие, стройные, математически выверенные архитектурные формы классицизма.

В период царствования Александра III продолжались работы по преобразованию центра Москвы. Место площади постепенно заняла улица, система улиц и площадей. Вновь, как в классицизме, большое внимание уделяется ансамблю центра. В «русском стиле» реконструировалась система площадей, опоясывающих Кремль и Китай-город. Этапным событием в русской культуре явилось завершение строительства Исторического музея.

Перед архитектором ставилась задача создать такое сооружение, которое бы образно выразило идею национальной самобытности русской культуры. Кроме того, само место, выделенное под строительство, вынуждало использовать в декоре мотивы стоящего напротив храма Василия Блаженного, что гармонировало бы с ансамблем Красной площади. Конкурс проектов выиграли архитектор В. О. Шервуд и инженер А. А Семенов. 20 августа 1875 г. состоялась торжественная закладка здания Исторического музея, который открылся в 1883 г. В оформлении залов принимали участие выдающиеся русские художники В. М. Васнецов, И. К. Айвазовский и другие. Образ здания построен на идее воплощения исторической памяти, соблюдении принципов средневекового зодчества, созвучии силуэта и пластики стенам и башням Кремля.

К коронации Александра III в Москве 15 мая 1883 г. были реставрированы соборы Кремля и расписана стенною живописью Грановитая палата (1881), в том виде как она выглядела встарь при царе Алексее Михайловиче.

Принимается решение соорудить на Красной площади Верхние торговые ряды и Средние торговые ряды на месте прежних, перестроенных О. И. Бове после 1812 г. На проект Верхних торговых рядов был объявлен конкурс. Из 23 поданных предложений предпочтение было отдано проекту архитектора А. Н. Померанцева и инженера В. Г. Шухова, которые начали строительство в 1889 г. Совершенное для своего периода сооружение сочетало конструкцию из железа и стекла (перекрытия-дебаркадеры). Став неотъемлемой частью ансамбля Красной площади, здание развернуто параллельно Кремлевской стене. Занимающие целый квартал ряды состоят из 3 протяженных пассажей, в которых разместилось более тысячи магазинов.

Обе стороны каждой галереи на уровне второго этажа связывают легкие бетонные мостики. Новые материалы — бетон и металлические конструкции позволили возвести строение, во много раз превосходящее своими размерами петербургский Пассаж. Но, чтобы не нарушать ансамбль древней площади, фасад Торговых рядов также выполнили в русском стиле, основанном на мотивах зданий XVI—XVII столетий. Декоративная отделка напоминала старинные постройки Ростова Великого. Над центральной частью размещены 2 башни, повторяющие завершение здания Исторического музея. И это решение также было оправдано близостью ансамбля Кремля. Строительство было завершено в 1893 г. После 1917 г. в рядах размещались различные учреждения. По окончании реставрации в 1953 г. в здании открылся Государственный универсальный магазин (ныне АО ГУМ).

Средние торговые ряды были возведены в 1889—1893 гг. по проекту архитектора Р. И. Клейна на месте старых, созданных О. И. Бове в 1815 г. и в целом повторяют их план. Выстроенное в форме каре здание расположено по периметру целого квартала (Москворецкий пр., улицы Варварка и Ильинка, Хрустальный пр.). Внутри каре размещаются 4 отдельных небольших корпуса. Протяженные ряды по главному фасаду состоят из 2 как бы самостоятельных разновысоких зданий, что подчеркивает характер рельефа, сильно падающего к Москве. Более высокий корпус повторяет композицию Верхних торговых рядов — его средняя и боковые части выделены высокими кровлями. Объем низкого корпуса нейтрален и служит как бы фоном для стоящего напротив собора Василия Блаженного. В Средних торговых рядах находилось крупнейшее в России оптовое торговое заведение, отличавшееся высокой технической оснащенностью. После 1917 г. в помещениях Средних торговых рядов размещались различные учреждения.

Рядом с Историческим музеем в 1890—1892 гг. для размещения городской думы было сооружено здание в русском стиле по проекту архитектора Д. Н. Чичагова (276, т. 6, с. 247). В убранстве фасадов здесь широко использованы декоративные детали московского зодчества XVII в. С 1930-х гг. в здании размещался Музей В. И. Ленина. В настоящее время оно передано Историческому музею.

При Александре III московское купечество на свои пожертвования выстроило целый ряд университетских клиник на Девичьем поле. Тогда же в Белокаменной возводится множество уникальных зданий на частные средства. П. М. Третьяков, В. А. Бахрушин, С. И. Мамонтов, С. Т. Морозов — крупные меценаты, которым многим обязана русская культура конца XIX — начала XX в. На средства братьев Бахрушиных в городе построены и оборудованы Бахрушинская больница (открыта в 1887 г.), Дом призрения для неизлечимых больных в 1892 г., Дом бесплатных квартир для нуждающихся вдов и учащихся девиц в 1898 г., ремесленное училище для мальчиков и школа рукоделия для девочек. На принадлежавшей Бахрушиным земле в Москве построен театр Корша. Всего в 1892—1912 гг. Бахрушины пожертвовали городу 4 млн руб. Одним из оригинальнейших московских особняков считается дом А. А. Морозова на Воздвиженке, построенный в 1894—1899 гг. архитектором В. А. Мазыриным. Путешествуя по Португалии заказчик А. А. Морозов был покорен средневековым замком в Синтре. По возвращении в Москву он построил дом в испано-мавританском стиле. Выходящая на улицу часть украшена двумя башенками с затейливой каменной резьбой, а к стенам при-

лепились высеченные из камня раковины. Сейчас в этом здании расположен Дом дружбы с народами зарубежных стран.

* * *

Облик многих городов России в то время стремительно менялся. Доходные дома занимали центральные улицы, вытесняя особняки. Театры, музеи, банки, пассажи (универсальные магазины) и вокзалы соперничали по размерам и обилию украшений с храмами и дворцами. Среди значимых построек 80—90-х гг. являются здания вокзалов в ряде городов, Театр оперы и балета в Одессе (1884—1887 гг., архитекторы Ф. Фельнер и Г. Гельмер) и Оперный театр в Киеве (архитектор В. А. Шретер).

Со временем критики стали осуждать эклектизм за его чрезмерное потакание вкусам заказчиков. «Архитектура, копирующая со старых образцов, — писал русский архитектор В. П. Стасов, — ...архитектура ловких людей, навострившихся в классах и... отпускающих товар на аршин и фунт... Угодно — вот вам пять аршин «греческого классицизма», а нет — вот три с четвертью итальянского «ренессанса»... а не то хороший ломтик романского, шесть золотников готики, а то вот целый пуд русского».

Дальнейшие этапы развития архитектуры в России будут связаны с постепенным отказом от образного строя эклектики; однако завоевания профессионализма этой эпохи сохранят свою ценность и значение в деятельности архитекторов следующих поколений.

Эклектизм с его свободой выбора разнообразных архитектурных и орнаментальных мотивов оказал значительное влияние на становление изысканного, рафинированного модерна — стиля целостного, но черпающего из самых разных источников.

Глава двадцать третья

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА III

1. КРУШЕНИЕ ЦАРСКОГО ПОЕЗДА

Короткий миг может поменять
Местами верх и низ.

Сенека Младший

18 октября 1888 г. центральные газеты России сообщили о крушении царского поезда на пути из Севастополя в Москву. Как выяснилось, трагическое происшествие случилось 17 октября в

1 час 14 минут дня на 277-й версте Курско-Харьково-Азовской железной дороги между станциями Тарановка и Борки. Императорский поезд, следовавший со скоростью более 60 верст в час по насыпи, сошел с рельсов.

Произошла тяжелейшая катастрофа: задние вагоны со страшной силой налетели на передние, ломая и разбивая все вдребезги... От всего состава остались целыми и неповрежденными оба паровоза да три задних вагона. Остальные вагоны были совершенно разбиты и искорежены... Картина разрушения было ужасна.

Все смешалось: тела убитых, изуродованные железные фермы, согнутые рельсы, обломки дерева, багаж, битая посуда, инструменты... Шел дождь, грязь была непролазная. Из этой ужасной смеси выходили те, у кого хватало сил, некоторые стонали и метались, не в состоянии освободиться из под навалившихся на них обломков. Погибло 19 человек, ранено — 14. Царская семья, находившаяся в столовом вагоне, по счастливой случайности, оказалась спасенной.

Известно, что в августе-октябре того года Александр III с семьей совершил поездку в Елисаветград, Спалу, Новороссийск, оттуда морем на пароходе «Кострома» прибыл в Батум, затем по железной дороге в Баку и обратно. Повсеместно были восторженные встречи и приемы. Императрица, впервые побывавшая на Кавказе, была поражена величественной панорамой белоснежных горных вершин, шумными водопадами и быстрыми реками. Перед отъездом она радостно объявила супругу, что отныне «не желает больше ничего видеть». В октябре августейшая семья отправилась домой в северную столицу. До Севастополя добрались морем, а оттуда по железной дороге.

На станции Лозовой-Азовской, для ведения поездов двойною тягою, прицепили два локомотива — товарный и товарно-пассажирский. За ними следовало 13 вагонов: вагон электрического освещения, вагон-мастерская, вагон министра путей сообщения К. Н. Посьета, вагон II класса для прислуги, кухня, буфетная, столовая, вагон великих княжен литера «Д», литера «А» — вагон государя и царицы, литера «С» — цесаревича, дамский свитский — литера «О», конвойный № 40 и багажный — «Б». По словам Посьета, поезд шел со скоростью 65 верст в час между станциями Тарановка и Борки. Опаздывали на 1½ часа по расписанию и нагоняли, так как в Харькове предполагалась встреча.

Был полдень. Ранее обыкновенного сели завтракать, чтобы кончить его до Харькова, который уже отстоял только на 43 версты. Посьет, выходя из своего вагона, по пути в царскую столовую зашел в купе к главному инспектору железных дорог

барону К. Г. Шернвалю, с тем чтобы идти вместе, но тот отказался, сославшись на чертежи, которые ему необходимо рассмотреть. Посьет ушел один.

В столовой собралась вся царская семья и свита, всего 23 человека. Маленькая великая княжна Ольга оставалась в своем вагоне с нянькой. Столовая была разделена на 3 части: посредине вагона — большой стол, с двух боков столовая была отгорожена: с одной стороны помещался обыкновенный стол для закуски, а за другой перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты. Посередине стола, с одной стороны разместился государь, имея по бокам двух дам, а с другой стороны — императрица, справа у нее сидел Посьет, а слева военный министр П. С. Ванновский. Там, где стояла закуска, сели царские дети: цесаревич, его братья, сестра и с ними гофмаршал В. С. Оболенский. В ту минуту, когда подавали уже последнее блюдо, гурьевскую кашу, и лакей поднес государю сливки, началась страшная качка, затем сильный треск.

В считанные секунды царский вагон слетел с тележек, на которых держались колеса, все в нем превратилось в хаос, все упали. Полвагона, казалось, уцелел, стены же приплюснулись, крышу сорвало с одного бока вагона и покрыло ею бывших в нем. Императрица при падении захватила Посьета за бакенбарды.

Первый на ноги поднялся 68-летний Посьет. Увидя его стоящим, царь, под грудой обломков, не имея сил подняться, закричал ему: «Константин Николаевич, помогите мне выкарабкаться». Когда монарх поднялся и императрица увидела, что он невредим, она вскричала: «Et nos enfants?» («Что с детьми?»).

Ксения стояла на полотне дороги в одном платье под дождем; телеграфный чиновник накинул на нее свое пальто. «Она явилась мне как ангел, — вспоминала позже Мария Федоровна, — явилась с сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно также как и его брат Михаил.

После них удалось, наконец, государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненых около нас. Во всем этом была основательно видна рука провидения, нас спасшего» (221, т. 1, с. 100). Маленькую же Ольгу сидевшая рядом нянька, увидев, что стенка вагона разбита, выбросила на насыпь и сама последовала за ней. Это было сделано кстати, поскольку их вагон в мгновение ока был переброшен через столовую и стал поперек между буфетным вагоном и столовой. Возможно, он избавил от беды всех находящихся в столовой. Заведующий конторой детей Александра III В. В. Зи-

новьев рассказал Посьету, что он видел, как бревно врезывалось в столовую в двух вершках от его головы. Он перекрестился и ждал смерти, как вдруг оно остановилось. Человек, подававший сливки, был убит у ног императора, так же, как и собака, бывшая в вагоне, подарок Норденшильда. Четыре официанта, которые находились в столовой за перегородкой погибли.

При виде невредимо вышедшей из опасности всей семьи своей, царь перекрестился... Во время крушения поезда государь получил ушиб ноги, «его серебряный портсигар в боковом кармане был от удара сплюснут в лепешку, следовательно, удар должен был получить и государь. Но о себе он не молвил ни слова ни тогда, ни после» (186, с. 617). Императрица повредила левую руку, кроме того она получила легкие поранения и царапины. Тем не менее она не вошла в вагон, а осталась на дожде без верхней одежды, в легкой обуви и вся отдалась заботам о раненых. Несмотря на боль в ноге, государь взял на себя общее распоряжение. Удивительное спокойствие и самообладание его ободряли окружающих. Императрица, после всего, что она пережила как мать и как супруга, не обращая внимания на ушиб руки, не отходила от раненых ни на шаг, переходя от одного к другому, ободряя и утешая их. Она обратилась в сестру милосердия: Сама рвала простыни для бинтов, разрывала обувь на тяжело раненых и т. п. Из свиты царя все более или менее получили ушибы, но все легкие. Посьету ушибло ногу, у Ванновского оказались три шишки на голове, Черевину придавило ухо. Больше всех пострадал начальник конвоя В. А. Шереметев. У него оторвало второй палец на правой руке и сильно придавило грудь. Вагоны лежали на обе стороны. Как было установлено, первым сошел с рельс вагон Посьета и разлетелся в прах. Шернваль был выброшен на откос, где его нашли сидящим без фуражки. Когда его спросили, сильно ли он ранен, он ничего не отвечал, только махал руками. Он был нравственно потрясен, не зная, что произошло. Когда императрица и государь подошли к нему, она сняла с себя башлык и надела на Шернваля, чтобы ему было теплее. У него оказались переломаны три ребра и помяты щеки. В вагоне Посьета находились и другие. У инспектора дороги Н. А. Кронеберга (сына известного переводчика Шекспира), выброшенного на кучу щебня, было оцарапано все лицо, а управляющего дорогой В. А. Кованько выбросило так удачно, что он не запачкал даже перчаток. В том же вагоне был убит кочегар. В первом электрическом вагоне людям, находящимся там, было жарко и они открыли дверь. Трое из них поэтому были спасены. Их выбросило на дорогу невредимыми, но другие были убиты. В мастерской, где находились колеса и разные принадлежности на случай поломки, все было перебито.

В вагоне II класса, где находилась прислуга, мало кто остался жив. Все получили сильные раны Большинство тех, кто не был убит на месте, было придавлено передними скамейками. В кухне повара были ранены. Инспектор императорских поездов барон А. Ф. Таубе находился в свитском поезде у Ширинкина. Когда он узнал о происшедшем, то бросился бежать в лес. Солдаты, охранявшие путь, чуть его не убили, думая, что это злоумышленник. Ширинкин послал конвойных догнать его и привести обратно (см. 74, с. 79). Люди в других вагонах отделались легким испугом. Только тогда, когда все раненые были перенесены в санитарный поезд, государь с августейшим семейством и свитою отбыл назад на станцию Лозовую. Здесь ожидали прибытия царя с семьей два священника: С. Штепенко и Ф. Строцев. Император и императрица, приняв благословение у первого, облобызали руку простого сельского священника. После этого был отслужен благодарственный молебен и первая панихида по убитым. После богослужения к общей трапезе были приглашены все, не исключая прислуги, причем обоим священникам было дано место возле венценосной четы (см. 164а, с. 88). 23 октября государь прибыл в Петербург. В этот же день в церквах столицы читался высочайший манифест «О чудесном сохранении жизни Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всем детям Их Императорских Величеств», составленный Победоносцевым. Весть о крушении императорского поезда и чудесном спасении царской семьи быстро разнеслась повсюду. Все сословия, общества и учреждения спешили наперебой друг перед другом принести государю императору выражения верноподданнических чувств. Священники С. Штепенко и Ф. Строцев, служившие молебен и панихиду в присутствии Их Величеств 17 октября на станции Лозовой, были всемилостивейше награждены золотыми наперсными крестами, украшенными драгоценными каменьями, а в те церкви, при которых они состоят, государь пожаловал по одному церковному священническому облачению малинового бархата, шитых золотом и серебром.

4 ноября 1888 г. адмирал К. Н. Посьет был уволен в отставку от должности министра путей сообщения. Знающие его люди говорили, что ему не везло. Как моряк, он командовал фрегатом «Александр Невский», потерпевшим крушение, как министр путей сообщения, он понес нравственную ответственность за крушение царского поезда на станции Борки.

Расследование причин катастрофы велось специальной комиссией во главе с выдающимся прокурором А. Ф. Кони. Спустя месяц после начала следствия, министр юстиции Н. А. Манасеин

телеграммой вызвал в Петербург Кони «для представления государю личных объяснений по делу». Вместе с Манасеиным 23 ноября Кони прибыл в Гатчинский дворец. Для нас интересны не только причины происшедшего крушения, но и облик Александра III, который довольно подробно обрисовал в своих воспоминаниях талантливый юрист. Во дворце в «комнате, — вспоминал Кони, — очень небольшой, квадратной и низкой, с двумя небольшими окнами, выходившими в парк, покрытый свежим снегом, с очень скудной мебелью и небольшим столом посредине, покрытым до полу синим сукном с находившимися на нем горящей толстой восковой свечкой, подносиком с гусиными перьями и карандашами, белой протечной бумагой и холстяной тряпочкой для вытирания перьев, я увидел властелина судеб России. На нем была серая тужурка, из-под которой выглядывала русская рубашка с мягким воротником и рукавами, вышитыми русским цветным узором. Его рост и могучее телосложение казались в этой низенькой комнате еще больше, и тощая фигура Манасеина, находившегося тут же представляла резкий контраст. Государь подал мне руку, сказал, что желал от меня лично слышать о подробностях дела крушения, указал мне на очень неудобный пуф, стоявший против него через стол, и закурил толстую папиросу, которую сменял несколько раз в течение нашего почти часового разговора» (161, т. 1, с. 449—450). Кони очень достоверно и ясно передает свое впечатление от встречи с первым лицом империи. «Передо мною, в двух шагах, — рассказывает Анатолий Федорович, — находился человек, который являлся выразителем государственного сознания стомиллионного народа и носителем в своей единой воле его благоденствия и несчастий... Никогда во время самых интересных и трудных обвинительных речей, приковывавших к себе общее внимание, когда в зале суда «man horte wie de Wolken ziehen» («было слышно, как плывут облака» (нем.)), я не встречал со стороны присяжных заседателей такого напряженного внимания, такого стремления проникнуть, так сказать, в сердцевину каждого слова. Александр III, подпирая по временам голову рукою, не сводил с меня глаз, и взор его был совсем другим, чем холодный и недоброжелательный взгляд, виденный мною в 1885 году и потом неоднократно замеченный во время официальных приемов и представлений. В этих глазах, глубоких и почти трогательных, светилась душа, испуганная в своем доверии к людям и беспомощная против лжи, к коей сама была неспособна. Они произвели на меня глубокое впечатление. Если Александр III так смотрел в лицо своим министрам при их докладах, то мне становится просто непонятным, как могли некоторые из них, нередко совершенно сознатель-

но, вводить его в заблуждение и направлять его сильную волю на узкие и беспросветные пути. Или он так на них не смотрел, привыкнув к ним и замкнувшись в своем недоверии, или, в противном случае, он имел дело с людьми хотя и трусливыми, но глубоко нечестными. Вся его фигура, с немного наклоненною на бок головою, со лбом, покрытым глубокими морщинами — следом тяжелых дум и горьких разочарований — вызывали в душе прежде всего чувство искренней жалости к человеку, поднявшему на плечи «бремена неудобоносимые». Кони прекрасно понимает мощь, величие и слабость венценосца: «От него — самодержца и повелителя всея Руси, могущего одним росчерком пера перевернуть весь наш гражданский и политический быт, одним мановением руки двинуть несметные полчища против действительных или предполагаемых врагов, — веяло такой беспомощностью по отношению к обману и лукавству окружающих, что солгать ему казалось мне равносильным нанесению удара дряхлому старику или малому, слабому ребенку. Вся повадка государя давала чувствовать, что с ним не только должно, но и можно говорить смело и прямодушно... и я стал говорить со спокойствием и уверенностью, как говорил бы с обыкновенным и внимательным слушателем» (там же, с. 450—451). В самом начале своего доклада Кони подчеркнул, что в результате предварительного следствия установлено полное отсутствие следов какого-либо террористического акта. Затем он подробно обрисовал картину «преступной небрежности всех лиц», имевших отношение к катастрофе, что выразилось в неправильном составлении поезда, его тяжести, чрезмерном превышении скорости, некачественной постройке дороги, слабости полотна и «к опьянению усердия». Особое внимание он обратил на хищнические действия правления частной компании, безответственное растление служебного персонала, стремление любым путем к наживе, с одной стороны, и формальное, попустительское отношение Министерства путей сообщения, с другой. Как отмечает Кони, Александр III слушал его сначала молча, затем прерывал вопросами, без всяких «признаков нетерпения». «Вы, значит, — спросил государь, — отдадите под суд всех лиц, о которых говорите?» — «Я не имею на это права, — ответил Кони, — я могу только предложить судебному следователю привлечь в качестве обвиняемых членов правления, управляющего, инспектора Кронеберга, машинистов и инспектора высочайших поездов барона Таубе, но привлечение генерал-адъютантов Посьета и Черевина, а также барона Шернваля как действительного тайного советника зависит не от меня, а должно совершиться в особом порядке, с соизволения Вашего Величества и по постановлению Государст-

венного совета» (там же, с. 456—457). Кони добавил к сказанному, что ответственность министров и высших должностных лиц вообще слабо определена законом и необходимо было бы дать этому вопросу «большую определенность». Александр III согласился с этим и тут же дал указание министру юстиции подготовить проект соответствующего закона. «Итак, — сказал государь Кони, — ваше мнение, что здесь была чрезвычайная небрежность?» — «Если характеризовать все происшествие одним словом, независимо от его исторического и нравственного значения, — ответил Кони, — то можно сказать, что оно представляет сплошное неисполнение всеми своего долга. Из железнодорожных служащих, в сущности, исполнили свой долг только Витте и Васильев». Надо отметить, что железнодорожная катастрофа в Борках послужила стимулом для головокружительной карьеры будущего министра путей сообщения, финансов и председателя Совета министров Российской империи С. Ю. Витте. Незадолго до катастрофы он, будучи управляющим Юго-Западных железных дорог, подал рапорт министру путей сообщения, в котором предупреждал о возможных опасностях при движении тяжелого императорского состава с повышенной скоростью по отечественным путям «со сравнительно легкими рельсами (у нас в то время рельсы были обыкновенно от 22 до 24 фунт в погонном футе, а за границей... от 28—30 и более фунт...), при наших деревянных шпалах (за границей — металлические шпалы), при нашем балласте (у нас балласт песочный, тогда как за границей почти везде балласт из щебенки) — путь, естественно, является неустойчивым» (84, т. 1, с. 194). Александр III, прощаясь, поблагодарил Анатолия Федоровича за его работу и за интересный доклад и пожелал успеха в завершении трудного дела. При этом, признает Кони, «он, конечно, бессознательно пожал мне своей железной рукой руку так сильно, что, когда я вышел из кабинета, пальцы у меня были совсем белые» (161, т. 1, с. 458). По возвращению в Харьков, Кони с участием следователя Марки и прокурора Дублянского предъявил обвинение некоторым должностным лицам дороги, а затем в начале января 1889 г. убыл в Петербург. По желанию императора 6 и 13 февраля в Мариинском дворце состоялось особое совещание при Государственном совете, на котором был рассмотрен вопрос о возможности привлечения к ответственности Посьета, Шернваля и Черевина. На совещании присутствовали великие князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович, председатели департаментов Государственного совета и министры внутренних дел, юстиции, императорского двора, морского ведомства, сменивший Посьета Г. Е. Паукер, Государственный секретарь А. А. Половцов. Суть дела докладывал

А. Ф. Кони. За привлечение к ответственности Посьета и Шернваля (Черевин был реабилитирован) высказались оба великие князя, Манасеин, Воронцов-Дашков, Паукер, Половцов и Стояновский; против: Абаза, Николаи, Толстой и Чихачев. В соответствии с новым, разработанным министром юстиции Манасеиным, рассмотрение вопроса продолжилось в департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета. В результате Посьет и Шернваль отделались выговором, даже без занесения его в формуляр. Как признавался Кони, он был «возмущен до боли», а Манасеин «подавлен и сконфужен». Когда министр юстиции в Гатчине доложил царю о результатах обсуждения дел в департаменте Государственного совета, тот проговорил: «Как?.. Выговор и только? И это все?! Удивляюсь!.. Но пусть будет так. Ну, а что же с остальными?» — «Они, — объяснил Манасеин, — будут преданы суду Харьковской палаты и в ней судиться». — «И будут осуждены?» — спросил государь. «Несомненно!» — «Как же это так? Одних судить, а другим мирволить? Это неудобно и несправедливо. Я этого не хочу! Уж если так, то надо прекратить все дело; я их хочу помиловать, тем более, что в Харькове есть обвиняемые, которых искренно жаль» (161, т. 1, с. 485).Так закончилось дело о железнодорожной катастрофе.

* * *

В память чудесного события 17 октября, в течение 1888—1890 гг. было сооружено, пожертвовано и учреждено 126 храмов, 32 придела, 320 часовен, 17 колоколен, 116 иконостасов, 30 церковных оград, 2873 киота и 54 ризы на иконы, 152 запрестольных и выносных креста, 434 хоругви, 685 колоколов, 324 лампады и проч., учреждено 107 церковно-приходских школ, несколько богаделен и приютов как памятников благодарной народной молитвы за спасение государя и его семьи. Кроме того, во многих селах открыты общества трезвости и народные библиотеки, закрыты питейные заведения и т. п. В Петербурге на добровольные пожертвования изготовлена драгоценная плащаница, стоимостью в 12 тыс. руб., которая отправлена к святому Гробу Господню с тем, чтобы там ежегодно 17 октября совершалось молебствие о благоденствии царской семьи и русского государства.

Свято-Андреевским скитом, находящимся на Афонской горе, сооружен в Петербурге на Песках храм в память этого события. Невдалеке от места крушения Харьковским святогорским монастырем основана обитель Спасов скит, быстро разросшаяся и привлекающая множество богомольцев. На железнодорожном

пути, в одной версте от места крушения, создана полустанция Спасовка.

Вслед за крушением императорского поезда возникла мысль — для увековечения памяти о неизреченной милости Божией освятить и само место крушения постройкой на нем храма. На том месте, где остановился вагон-столовая, устроена пещерная часовня с высокой каменной башней, возвышающейся над полотном дороги, а там, где в открытой степи в сильнейшую осеннюю непогоду царская семья милосердно помогала раненым и утешала умирающих, сооружен величественный храм во имя Христа Спасителя. Храм и часовня выстроены на частные пожертвования, которых собрано до 340 000 тыс. рублей. Почти две трети этой суммы составилось из мелких приношений, поступивших со всех концов России, так что этот храм с часовней есть действительно народный памятник, воздвигнутый на его средства. Новосозданный храм расположен приблизительно в 50 саженях от железнодорожной насыпи и в 65 от Спасова скита и производит сильное впечатление своей величественностью. Его золоченый купол, окруженный башнями, далеко виден со всей окрестности. Иконостас замечательной художественной работы; в нем 38 образов написаны известным художником В. Г. Маковским.

Освящение храма совершено 14 июня 1894 г. с чрезвычайной торжественностью в присутствии тех же самых высочайших особ, которые около 6-ти лет тому назад вышли невредимыми из-под груды обломков после крушения поезда.

В воспоминание о великой милости Божией, явленной земле Русской Св. синод установил совершать ежегодно 17 октября во всех православных храмах империи торжественное служение Божественной литургии и благодарственное молебствие с коленопреклонением по особому чину.

2. ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

Император Александр III был глубоко верующим человеком и старался для православной церкви сделать все, что считал нужным и полезным. Главным идеологом проведения государственно-церковной политики, пользующейся полной поддержкой правителя России, был обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, занимавший этот пост свыше 25 лет, с 24 апреля 1880 г. до 19 октября 1905 г. «К его имени, — писал публицист Б. Б. Глинский, — в течение с лишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед

ним преклонялись и его благословляли, одни видели в нем ангела — спасителя России, другие — ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба» (217, с. 6). Нам хорошо известны хрестоматийные строки Александра Блока:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла,
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

Однако более развернутую характеристику политического опекуна императора дал известный русский историк и общественный деятель А. А. Кизеветтер. «Победоносцев, — по его утверждению, — центральная фигура в правящих кругах эпохи контрреформ. Его личность властная, боевая, воинствующая представляла собой тот узел, в котором сходились все нити государственной политики в царствование Александра III. На посту обер-прокурора Синода он хотел и сумел стать фактически главою правительства, твердо и цепко сжимающим в своей руке руль государственного корабля» (214, с. 6).

Хотя роль Победоносцева здесь сильно преувеличена, надо признать, что русская православная церковь, была главным делом его жизни, его поприщем, на котором он достиг феноменальных результатов. Он способствовал расширению сети приходов Русской православной церкви, увеличению числа церковно-приходских школ. При нем духовенство стало получать государственное содержание. В 80-х гг. Победоносцев оказывал исключительное влияние на Александра III и проводившийся им правительственный курс. Этот «русский папа» был самым влиятельным и фанатичным инициатором реконструкции реформ предыдущего царствования.

Крупный сановник Е. М. Феоктистов подчеркивал, что Победоносцев «обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, все его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он все мог понять и о многом судил верно» (327, с. 219).

Сила Победоносцева в том, что в каждом явлении и в любом проекте он, по словам Феоктистова, «тотчас подмечал слабые стороны», но бессилен был предложить какое-либо положительное

решение. «К сожалению, — писал Феоктистов, — слабых своих сторон К. П. Победоносцев не замечал, напротив, имел о себе весьма высокое мнение» (там же, с. 211).

Важно подчеркнуть, что этот тайный властитель России не пользовался своим положением для личных целей. Был он ярым противником западно-европейской культуры и буржуазных форм общественной жизни.

Выступал против демократизма, реформизма, парламентаризма и всех «новоиспеченных теорий общественного развития», которые пытались представить последним словом науки. С. Ю. Витте, который был противником идей и дел Победоносцева, тем не менее писал, что это «был редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности в благах мира сего, которые приобрели такое преимущественное влияние на решение дел в последние годы... Несомненно, что он был самый образованный и культурный русский государственный деятель, с которым мне приходилось иметь дело» (84, т. 3, с. 420, 56—57).

В 1883 г. Победоносцев произведен в действительные тайные советники. В 1894 г. пожалован в статс-секретари к Его Императорскому Величеству. Он являлся членом многих особых комитетов и совещаний, в том числе для составления проекта нового положения об императорской фамилии (1886), для помощи нуждающимся в местностях, пострадавших от неурожая (1891—1893). Был действительным членом Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете (с 1875 г.), Юридического общества при Императорском Петербургском университете (с 1877 г.). Неоднократно избирался членом совета и вице-председателем Императорского Русского исторического общества. Почетный член Императорской академии наук (с 1880 г.), Императорского православного палестинского общества (с 1882 г.), Московского публичного и Румянцевского музеев (с 1901 г.) и многих других научных, общественных и религиозных организаций. Кавалер орденов Св. Александра Невского (1883 г., алмазные знаки к ордену — 1888 г.), Св. Владимира 1 степени.(1896), Св. Андрея Первозванного (1898 г., алмазные знаки к ордену — 1904 г.) и других.

Победоносцев был женат с 1866 г. на Екатерине Александровне Энгельгардт, дочери надворного советника А. А. Энгельгардта. Она была организатором (в конце 1880-х гг.) и в течение более чем 30 лет руководителем Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы в С.-Петербурге. У них была приемная дочь Марфа, подкинутая неизвестным лицом 9 июня 1897 г. к квартире Победоносцева в доме № 62 по Литейному проспекту.

Умер Константин Петрович 10 марта 1907 г. в С.-Петербурге на 80-м году жизни и похоронен согласно его завещанию у восточной алтарной стены церкви во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы, находившейся в Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе (в настоящее время это одно из зданий, принадлежащих городской больнице № 21 им. И. Г. Коняшина).

Победоносцев оставил дневники, пропавшие согласно воспоминаниям жены в 1920-х гг.

Вскоре после вступления Александра III на престол Святейший синод издал 5 апреля 1881 г. свое пастырское послание, за которым последовал известный высочайший манифест 29 апреля. По настоянию Победоносцева церковные реформы, проведенные при Александре II, подверглись пересмотру. 9 января 1882 г. Александр III подписал «определение» о прекращении действия закона 16 апреля 1869 г. о сокращении численности приходских храмов и причтов. Последовательно восстанавливались прежние приходы и создавались новые. 16 февраля 1885 г. вышло повеление императора «О закрытии (Главного) Присутствия по делам православного духовенства и об изменении некоторых постановлений, касающихся устройства церковных приходов и состава причтов» (220, т. 5, № 2753), которое закрепило курс на расширение штата духовенства.

В результате в период царствования Александра III существенно увеличилось число епархий, монастырей и храмов. Были открыты новые епархии: Екатеринбургская, Владикавказская, Финляндская и Забайкальская. Увеличилось число викарных епископов с 28 до 37. К концу царствования в России было 64 епархии (248, с. 167), 3 митрополита, 17 архиепископов, 44 самостоятельных епископа и 37 викарных (164а, с. 67). Число священников и диаконов увеличилось на 20%, достигнув 56 900. Численность черного духовенства возросла на 64% — с 27 700 до 45 500. Ежегодно в среднем открывалось до 250 храмов и 10 монастырей (197, с. 8, 68—69). Многие монастыри были преобразованы в общежительные, возобновлялись древние исторические обители. К концу царствования Александра III насчитывалось 774 монастыря (число их увеличилось на 143, среди которых было 75 мужских и 68 женских).

Важными событиями в жизни православной церкви явились собрания епископов в Киеве в 1884 г., в Казани и Иркутске в 1885 г., проведенные по почину Победоносцева. Вместе с миссионерскими съездами в Москве в 1887 и 1891 гг. они представляли собой давно забытое, неслыханное несколько столетий, явление, напоминающее соборы допетровской Руси. Большое значение

придавалось празднованию церковно-общественных юбилеев, которых в рассматриваемый период состоялось 17, в том числе 1000-летие кончины св. Мефодия (1885), 900-летие Крещения Руси (1888), 500-летие кончины Сергия Радонежского (1892), 300-летие присоединения Сибири (1882), 100-летие присоединения Крыма (1883). Собрания архипастырей и празднование юбилеев способствовали подъему религиозно-нравственной жизни общества.

Александр Александрович во время своих многочисленных поездок до вступления на престол и после любил посещать святые обители, где осматривал исторические памятники, посещал ризницы и др. Нередко из собственных средств он отпускал на монастыри значительные суммы, жертвовал им драгоценные облачения и утварь. Правитель государства довольно тонко понимал своеобразную красоту старинной русской архитектуры и постоянно требовал на свое рассмотрение все проекты новых церковных сооружений. Многие из отечественных храмов обеих столиц и вне их видели императора в своих стенах. Обычно ему всегда сопутствовала супруга и дети.

Александр III присутствовал на освящении и закладке целого ряда известных храмов и положил первый камень в их основание. Так 20 июля 1881 г. молодой царь с супругой и великими князьями Алексеем и Георгием Александровичами участвовал в освящении ярмарочного храма в Нижнем Новгороде, сооруженного в память пребывания здесь Александра II в 1858 г. 26 мая 1883 г., в день коронования Александра III, торжественно освящен в Москве храм Христа Спасителя в память избавления России от наполеоновского нашествия (см. § 4 гл. 9). 6 октября 1883 г. в С.-Петербурге на месте смертельного ранения своего отца император положил первый камень в основание при закладке храма во имя Светлого Христова Воскресения. Храм был завершен в 1907 г. (см. § 6 гл. 21).

Во время больших маневров на Волыни в 1890 г. состоялась закладка собора в г. Ровно, причем первый камень в основание его положил Александр III, а второй — наследник цесаревич. Незадолго до смерти, 20 августа 1894 г., державный хозяин Беловежа, посетив строившийся там по его воле великолепный храм, осмотрел все работы и удостоил милостивого одобрения участников постройки.

При Александре III были произведены значительные реставрационные работы на древних храмах. В числе их Успенский собор во Владимире-на-Клязьме, построенный в 1158 г. великим князем Андреем Боголюбским, а также Богоявленский храм в г. Остроге (ныне в Ровенской области), возведенный в XV в. князем Василием Острожским.

В Митаве (ныне г. Елгава в Латвии) заново перестроена Симеоно-Аннинская церковь на средства, лично дарованные Александром III в количестве 30 тыс. руб. с добавлением церковных сумм. Закончена постройка таких храмов, как Николаевский храм в Благовещенске (на Амуре), кафедральный собор в Риге, Владимирский храм в Херсонесе Таврическом (ныне в черте г. Севастополя, крест заново восстанавливающегося храма освящен 28 июля 2001 г.), кафедральный собор в Самаре, в основание которого были положены камни в 1871 г. Александром II и великими князьями Александром и Владимиром Александровичами. 30 августа 1894 г. торжественно совершена закладка нового кафедрального собора в Варшаве.

С учреждением Комитета Сибирской железной дороги, на создание вблизи ее церквей и школ были отпущены особые суммы в распоряжение этого комитета. Одновременно при Канцелярии комитета был открыт прием добровольных пожертвований на образование капитала имени императора Александра III на дело постройки церквей и школ в пределах указанной дороги. Почин в этом святом деле положил протоиерей о. Иоанн Кронштадтский (в миру Сергиев Иоанн Ильич), пожертвовавший 22 апреля 1894 г. 200 руб. и затем неоднократно вносивший значительные суммы. Капитал этот к 1 января 1900 г. возрос до 1 200 000 руб. и дал возможность создать свыше 250 церквей и школ. Общее количество всех церквей Российской империи в период 1881—1894 гг. возросло на 5000.

Если прикинуть это число к дням царствования Александра III, то придется по одной церкви на каждый день (247, с. 219). Всего церквей насчитывалось около 46 000 (164а, с. 71).

Важные шаги были приняты по обеспечению всего духовенства жалованьем. В 1893 г. Александр III утвердил мнение Государственного совета о ежегодном выделении 250 тыс. руб. на эти цели. Значительно улучшилось положение духовенства военного ведомства. Открыты были 4 новых духовных семинарии: Оренбургская, Якутская, Красноярская и Кутаисская.

Продолжала развиваться сеть школ, находившихся в ведении Синода (см. § 3, гл. 9).

В царствование Александра III Русская православная церковь вела решительную и открытую борьбу с вредными влияниями иноверцев и инославцев. Благодаря различным мерам в последние годы его правления стало увеличиваться число обращенных инородцев из язычества в христианство. Успеху миссионерского дела в азиатских владениях России эффективно способствовало Всероссийское православное миссионерское общество, созданное в Москве в 1870 г. и состоящее под высочайшим покровительством императрицы Марии Федоровны. Оно ежегодно выделяло на это дело довольно крупные суммы.

Особенно значительное для западной окраины России и отрадное для русской церкви явление составляет обращение в православие чехов Волынской губернии, начавшееся в знаменательном для России 1888 г. В 1888 и 1889 гг. присоединилось к православию 6901 человек. Присоединение чехов продолжалось в 1890—1891 гг. и совпало с высочайшим посещением Волынской епархии в августе и сентябре 1890 г. Император прибыл сюда вместе с августейшей супругой, наследником цесаревичем, великой княжной Ксенией Александровной и великим князем Владимиром Александровичем. Города, села, станции железных дорог на пути следования августейших особ украшались, как только могли. Помещики и крестьяне приветствовали хлебом-солью державного хозяина Русской земли. В Луцком соборе царское семейство осматривало христианские древности: иконы, ризы, Евангелие, кресты, облачения, древние требники и другие предметы, собранные православным Свято-Владимирским братством. Вызвав у местного населения неподдельный интерес, высочайшее посещение Волыни вместе с тем имело благодетельные последствия для православия и русских людей в этом крае, бывшем некогда под чуждым и враждебным России владычеством. После высочайшего посещения многие из чехов, живших на Волыни, решили присоединиться к православию, которого держится русский царь, чтобы вместе с русским народом быть не только под одним скипетром державной власти, но и исповедывать одну с ним веру. В 1890—1891 гг. присоединилось всего чехов 2062 лица обоего пола.

Какого великого покровителя и заступника имели в лице Александра III присоединившиеся к православию в Прибалтийском и Привислинском краях, подтверждается следующим. В начале 80-х гг. среди эстов Прибалтийского края началось сильное движение населения в православие, напоминавшее подобное же движение латышей в конце 40-х гг. История показывает, что единственно благой воле императора Александра III русская церковь обязана тем, что на этот раз не удалось заглушить движения, как оно было заглушено в 40-х гг. Движение эстов в православие встретило как в местном дворянстве, так и в лютеранском духовенстве чрезвычайно враждебное противодействие. Не только начали запугивать народ наказанием в будущей жизни, но и притеснять материально. Пасторы произносили возбуждающие проповеди, поносили с кафедры православную церковь, говорили, что православных обложат непомерными податями и т. п. Дворянство действовало заодно с пасторами,

притесняло арендаторов и батраков, сочувствовавших православию, лишая их всякого заработка. Но самым трудным для лиц, готовившихся к переходу в православие, был шестимесячный срок испытания, придуманный в 40-х гг. Лютеране, заявлявшие о желании присоединиться к православной церкви, могли только через полгода после заявления совершить это присоединение, и пасторы с замечательным искусством пользовались этой мерой. Они заявляли пастве, что для записавшихся в православие не будут совершать никаких треб, что в случае смерти не допустят погребения по христианскому обряду, а будут хоронить вместе с самоубийцами и т. п. Это не были пустые угрозы. Кончалось тем, что заявлявшие о присоединении к православию отрекались от своего намерения и давали пасторам обет никогда не покидать лютеранской церкви.

Вникнув в существо вопроса, Александр III оказал защиту движению эстов. Распоряжение о шестимесячном сроке испытания было отменено как несогласное с достоинством православной церкви, а духовному начальству было вменено в обязанность «самому иметь наблюдение за достаточным приготовлением лютеран, принимающих православную веру, в познании оной и в искреннем расположении к ней, с назначением потребного времени для такого приготовления по его усмотрению». Когда рижский преосвященный, будучи в С.-Петербурге, имел возможность принести императору благодарность за высочайшее соизволение эстам свободно принимать православную веру, государь спросил: «Вы разумеете шестимесячный срок испытания?» — и, получив утвердительный ответ, сказал: «И следовало их защитить».

Надо подчеркнуть, что Александр III был истинным утвердителем православной церкви на балтийской, столь враждебной православию окраине. Аналогичные заботы проявлял государь и в Привислинском крае. Принимаемые в Холмско-Варшавской епархии меры к упрочению православия среди воссоединенного населения постоянно привлекали его царственное внимание.

Одну из самых важных и наиболее трудных задач миссионерской деятельности составляло обращение на истинный путь заблудших чад православной церкви — раскольников и сектантов (пашковцев, толстовцев, штундистов, духоборов). Общие меры, используемые для этого, отличались просветительным характером, воздействием на заблуждающихся не путем внешнего давления, а путем убеждения.

Законом 3 мая 1883 г. раскольникам были дарованы некоторые права по совершению духовных треб. Правда, вначале это законоположение было неверно понято и возбудило некоторые недора-

зумения, но со временем они были устранены. Св. синодом было издано много сочинений противораскольнического содержания и устроены аналогичные библиотеки. В селах с раскольническим населением открыты мужские и женские школы и пр. Но едва ли не самым действенным средством борьбы с расколом являлись публичные собеседования. Борьба с расколом в рассматриваемое нами царствование была не бесплодна. За 13 лет из раскола перешло в православие около 60 тыс. душ. Безусловно, в борьбе с иноверцами, расколом и сектантством допускались и серьезные ошибки. Как писал в своих воспоминаниях князь С. М. Волконский, затрагивая вопросы совести: «Смешение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства. Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность (86, т. 2, с. 55). В 1894 г. штундистам были вовсе запрещены молитвенные собрания. В Западном крае и в Царстве Польском такие же меры применялись к униатам, формально обращенным в православие, но не желавшим этому подчиниться. Особенно громкую известность приобрела тяжба под названием «Мултанское дело», продолжавшаяся в течение 1892—1896 гг. Одиннадцать крестьян-удмуртов (вотяков) были обвинены в человеческом жертвоприношении языческим богам. Дело это всколыхнуло широкие круги общественности. Большую роль в оправдании удмуртов сыграли выступления в печати и на последнем разбирательстве защитника В. Г. Короленко, а также заключение, данное по жалобе защиты А. Ф. Кони (см. 161, т. 3, с. 474—486).

3. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА III

Болезнь и смерь составляют сердцевину
нашей участи.

Габриэль Оноре Марсель

1894 г. стал роковым для Александра III. Никто не мог представить, что этот год будет последним для властелина России, человека, который своим внешним обликом напоминал былинного богатыря. Казалось, могучий глава государства был олицетворением цветущего здоровья. Однако жизнь не щадила его. В юности глубоко потрясла его безвременная кончина любимого старшего брата Николая.

В двадцатисемилетнем возрасте он перенес тяжелую форму тифа, в результате которого лишился половины своих густых

волос. Серьезным испытанием для него стали кровавые месяцы Русско-турецкой войны и террористическая вакханалия против отца в завершающий период его царствования. Высказывалось мнение, что Александр III особенно надорвал свой организм из-за чрезмерных усилий 17 октября 1888 г. во время крушения поезда в Борках, когда поддерживал своими руками крышу вагона, в котором находилась почти вся его семья. Говорили, что при падении дна вагона «государь получил ушиб в почки». Однако «по поводу этого предположения... профессор Захарьин высказался скептически, так как, по его будто бы мнению, последствия такого ушиба, если он был, проявлялись бы раньше, ибо катастрофа в Борках имела место пять лет до обнаружившейся болезни» (186, с. 662).

В первой половине января 1894 г. монарх простудился и почувствовал себя нездоровым. У него поднялась температура и усилился кашель. Лейб-хирург Г. И. Гирш установил, что это инфлюэнца (грипп), но возможно и начало воспаления легких.

Вызванный 15 января в Аничков дворец л.-хирург Н. А. Вельяминов, к которому царская чета питала особое доверие, совместно с Гиршем выслушал больного. Оба врача нашли при очень высокой температуре гриппозное воспалительное гнездо в легком, о чем было доложено императрице и министру двора Воронцову. Последний 15 января тайно вызвал из Москвы авторитетного терапевта Г. А. Захарьина, который, исследовав больного, подтвердил установленный диагноз, несколько преувеличил серьезность положения и назначил лечение.

При активном контроле Захарьина и Вельяминова, лечение шло вполне нормально. Чтобы нейтрализовать распространившиеся по городу небылицы и сплетни о болезни государя, было решено по предложению Вельяминова выпускать бюллетени за подписью министра двора. Болезнь 49-летнего самодержца явилась неожиданностью для его ближайшего окружения и настоящим потрясением для царской семьи. «Как сообщают, — записал в своем дневнике 17 января В. Н. Ламздорф, — ввиду появления некоторых тревожных симптомов граф Воронцов-Дашков с согласия государыни телеграфно вызвал из Москвы профессора Захарьина. Состояние государя оказалось весьма серьезным, и вчера вечером профессор составил бюллетень, опубликованный сегодня в печати. Вчера около часа дня великий князь Владимир, выйдя из комнаты государя, расплакался и ужасно напугал детей Его Величества, сказав, что все кончено и остается только молиться о чуде» (274, с. 24).

По словам Вельяминова, со времени, как столица узнала о болезни Александра III, перед Аничковым дворцом собирались группы людей, желавших получить сведения о здоровье императора, а при появлении нового бюллетеня у ворот, напротив вырастала многолюдная толпа. Как правило, проходившие набожно снимали шапки и крестились, некоторые останавливались и, повернувшись лицом к дворцу, с обнаженными головами истово молились за здравие популярного императора. К 25 января венценосец поправился, но еще долго ощущал слабость и разбитость и стал работать в своем кабинете, несмотря на просьбы врачей дать себе отдых. Указывая на диван, на котором от одной ручки до другой лежали кипы папок с делами, он сказал Вельяминову: «Вот посмотрите, что здесь накопилось за несколько дней моей болезни; все это ждет моего рассмотрения и резолюций; если я запущу дела еще несколько дней, то я не буду уже в состоянии справиться с текущей работой и нагнать пропущенное. Для меня отдыха быть не может» (390, 1994, в. 5, с. 284). 26 января царь уже не принимал врачей, Захарьин был награжден орденом Александра Невского и 15 тыс. руб., его ассистент доктор Беляев получил 1,5 тыс. руб., а несколько позже Вельяминов удостоился звания почетного лейб-хирурга.

Вельяминов отмечает, что Александр III, как и его братья Владимир и Алексей Александровичи, был типичным наследственным артритиком с резкой наклонностью к тучности. Царь вел довольно умеренный образ жизни и, как отмечают многие из его окружения, вопреки воспоминаниям П. А. Черевина, спиртным не увлекался.

Здоровью монарха, конечно, не способствовал целый ряд дополнительных факторов, таких, как постоянный пряный поварской стол, излишнее поглощение жидкости в виде охлажденной воды и кваса, многолетнее курение большого количества папирос и крепких гаванских сигар. Александр вынужден был с юных лет принимать участие в многочисленных праздничных столах с употреблением шампанского и других вин, тезоименитствах членов царской фамилии, приемах, раутах и других подобных мероприятиях.

В последние годы, борясь с тучностью, он перегружал себя физическим трудом (пилил и рубил дрова). И пожалуй, главное, сказывалось психическое переутомление от постоянного скрытого волнения и непосильной работы, обычно до 2—3 часов ночи. «При всем этом, — говорит Вельяминов, — государь никогда не подвергался лечению водами и хотя бы временно — противоподагрическому режиму. Смертельная болезнь, поразившая его осенью того же года, не была бы неожиданностью, если бы врачи-терапевты не просмотрели бы у государя громадное увеличение сердца (гипертрофия), найденное при вскрытии. Этот промах, сделанный

Захарьиным, а потом и Лейденом объясняется тем, что государь никогда не допускал тщательного исследования себя и раздражался, если оно затягивалось, поэтому профессора-терапевты всегда исследовали его очень поспешно» (там же). Естественно, если бы врачи знали об острой форме сердечной недостаточности у монарха, возможно они «при помощи соответствующего режима» смогли бы оттянуть печальный исход на несколько месяцев. Перенесенное недомогание резко изменило внешний облик царя. Описывая бал в Зимнем дворце 20 февраля, Ламздорф в своем дневнике замечает: «Как обычно, государь приближается к дипломатам, выстроившимся в порядке старшинства у входа в Малахитовый зал. Наш монарх выглядит похудевшим, главным образом лицом, его кожа стала дряблой, он сильно постарел» (174, с. 44).

Сам же Александр III мало заботился о своем здоровье и часто игнорировал предписания врачей. Однако, как отмечает Витте, «в течение времени от Пасхи до моего последнего всеподданнейшего доклада (который был, вероятно, так в конце июля или в начале августа) болезнь государя уже сделалась всем известной» (84, с. 436—437). В течение лета 1894 г. погода в Петербурге была все время сырой и холодной, что еще более усиливало болезнь государя. Александр III чувствовал себя слабым и быстро уставал. Вспоминая свой день свадьбы 25 июля в Петергофе с великой княжной Ксенией Александровной, Александр Михайлович позже писал: «Все мы видели, каким утомленным выглядел государь, но даже он сам не мог прервать ранее положенного часа утомительный свадебный обед» (50, с. 110). Об этом же дне крупный чиновник Министерства императорского двора В. С. Кривенко вспоминает, что присутствовавшие на спектакле в летнем театре при появлении в ложе самодержца «были поражены его болезненным видом, желтизной лица, усталыми глазами. Заговорили о нефрите» (47, оп. 2, д. 672, л. 198). С. Д. Шереметев уточняет: «День свадьбы Ксении Александровны — тяжкий день для государя... Я стоял в ряду, когда все было кончено и возвращались выходом во внутренние покои Большого Петергофского дворца. Государь шел под руку с императрицей. Он был бледен, страшно бледен и словно переваливался, тяжко выступая. У него был вид полного изнеможения» (354, с. 599).

Однако властитель России крепился и 7 августа, когда болезнь его была в полном разгаре, объезжая войска в Красносельском лагере, сделал более 12 верст.

«7 августа около 5 часов дня, — пишет Н. А. Епанчин, — государь посетил наш полк в лагере при Красном Селе... О болезни государя было уже известно, но, когда он вошел в собрание, нам сразу стало очевидно, что он чувствует себя весьма нехорошо.

Он не без труда передвигал ноги, глаза были мутные, и веки припущены... Видно было, с каким усилием он говорил, стараясь быть любезным и ласковым... Когда государь уехал, мы с горечью и тревогой обменивались впечатлениями. На другой день во время беседы с цесаревичем на призовой стрельбе я спросил его, как здоровье государя, и сказал, что вчера все мы заметили болезненный вид Его Величества. На это цесаревич ответил, что государь уже давно чувствует себя нехорошо, но что врачи не находят ничего угрожающего, но они считают необходимым, чтобы государь уехал на юг и меньше занимался делами. У государя неудовлетворительно действуют почки, и врачи считают, что это в значительной степени зависит от сидячей жизни, которую в последнее время ведет государь» (172, с. 163—164). Личный хирург царя Г. И. Гирш констатировал признаки хронического поражения почек, вследствие чего обычное пребывание царя в Красном Селе и маневры были сокращены.

После того как Александр III занемог от резкой опоясывающей боли в пояснице, из Москвы в Петербург был вновь срочно вызван выдающийся клиницист-практик Г. А. Захарьин, который прибыл 9 августа в сопровождении терапевта профессора Н. Ф. Голубова. По признанию Захарьина, после проведенного исследования выяснилось «постоянное присутствие белка и цилиндров, то есть признаков нефрита, некоторое увеличение левого желудочка сердца при слабоватом и частом пульсе, то есть признаки последовательного поражения сердца и явления уремические (зависящие от недостаточного очищения почками крови), бессонница, постоянно дурной вкус, нередко тошнота». Врачи сообщили о диагнозе императрице и Александру III, не скрывая, что «подобный недуг иногда проходит, но в высшей степени редко» (167, с. 59). Как отмечает дочь Александра III великая княгиня Ольга Александровна, «ежегодную поездку в Данию отменили. Решили, что лесной воздух Беловежа, находящегося в Польше, где у императора был охотничий дворец, окажет благоприятное воздействие на здоровье государя...» (112а, с. 225).

Во второй половине августа двор переехал в Беловеж. Вначале император вместе со всеми «выезжал на охоту, но затем стал к ней безразличен. Потерял аппетит, перестал ходить в столовую, лишь изредка велел приносить еду к нему в кабинет». Слухи об опасной болезни монарха росли и давали повод для самых разнообразных и нелепых рассказов и небылиц. «Как рассказывают, — записал 4 сентября 1894 г. Ламздорф, — дворец в Беловежской Пуще, на строительство которого было затрачено 700 000 рублей, получился сырым» (174, с. 70). Подобные домыслы случаются, когда населе-

ние остается без официальных сведений. 7 сентября вездесущая А. В. Богданович занесла в дневник: «В Беловеже, на охоте, он простудился. Началась сильная лихорадка. Ему предписали теплую ванну в 28 градусов. Сидя в ней, он охладил ее до 20 градусов, открыв кран с холодной водой. Пошла в ванне у него горлом кровь, сделался с ним там же обморок, лихорадка увеличилась. Царица дежурила до 3 часов ночи у его постели» (73, с. 180—181). Мария Федоровна вызвала из Москвы доктора Захарьина. «Знаменитый этот специалист, — вспоминала Ольга Александровна, — был маленьким толстеньким человечком, который всю ночь бродил по дому, жалуясь, что ему мешает спать тиканье башенных часов. Он умолял Папа приказать остановить их. Думаю, от его приезда не было никакого толка. Разумеется, отец был невысокого мнения о враче, который, по-видимому, был главным образом занят собственным здоровьем» (112а, с. 227).

Ухудшение самочувствия больной приписывал климату Беловежа и переехал в Спалу, охотничье угодье недалеко от Варшавы, где ему стало еще хуже. Вызванные в Спалу терапевты Захарьин и профессор Лейден из Берлина присоединились к диагнозу Гирша, что у властелина России хроническое интерстициальное воспаление почек. Александр III тотчас же вызвал телеграфом в Спалу своего второго сына. Известно, что вел. кн. Георгий Александрович в 1890 г. заболел туберкулезом и жил в Аббас-Тумане у подножия Кавказских гор. По словам Ольги Александровны, «папа хотел увидеться с сыном в последний раз». Приехавший вскоре Георгий «выглядел таким больным», что царь «часами просиживал ночью у постели сына» (112а, с. 228).

Между тем 17 сентября 1894 г. в «Правительственном вестнике» появилось впервые тревожное сообщение: «Здоровье Его Величества со времени перенесенной им в прошлом январе тяжелой инфлюэнци не поправилось совершенно, летом же обнаружилась болезнь почек (нефрит), требующая для более успешного лечения в холодное время года пребывания Его Величества в теплом климате. По совету профессоров Захарьина и Лейдена государь отбывает в Ливадию для временного там пребывания» (388, 1894, 17 сентября). Греческая королева Ольга Константиновна сразу же предложила Александру III свою виллу Монрепо на острове Корфу. Доктор Лейден считал, что «пребывание в теплом климате может благотворно подействовать на больного». 18 сентября решили отправиться в Крым и на несколько дней остановиться в Ливадии, прежде чем отплыть на Корфу.

21 сентября царская семья прибыла на пароходе Добровольного флота «Орел» в Ялту, откуда проследовала в Ливадию. Государь

остановился в маленьком дворце, где жил раньше наследником. Дворец этот напоминал своим видом скромную виллу или дачу. Кроме императрицы здесь же разместились великие князья Николай и Георгий Александровичи, младшие дети жили в другом доме. Прекрасная погода, казалось, немного приободрила удрученного болезнью господина страны. 25 сентября он даже позволил себе отстоять обедню в придворной церкви, после чего ездил в Ай-Тодор к дочери Ксении. Однако самочувствие царя не улучшалось. Он никого не принимал и ежедневно катался с супругой в открытом экипаже по скрытым дорогам, временами к водопаду Учан-Су и в Массандру. Только немногие знали о его безнадежном состоянии. Государь сильно похудел. Генеральский мундир висел на нем, как на вешалке. Появился резкий отек ног и сильный зуд кожи. Наступили дни жестокой тревоги.

По срочному вызову 1 октября в Ливадию прибыл лейб-хирург Вельяминов, а на следующий день — доктора Лейден, Захарьин и Гирш. Тогда же в покои государя был введен харьковский профессор, хирург В. Ф. Грубе, пожелавший подбодрить его. Монарх с удовольствием принял Грубе, спокойного, очень уравновешенного старика, с которым познакомился в Харькове после железнодорожной катастрофы 17 октября 1888 г. в Борках. Грубе весьма убедительно объяснил царю, что от воспаления почек можно выздороветь, примером чего может служить он сам. Довод этот показался Александру III вполне убедительным, и он после визита Грубе даже несколько повеселел.

Вместе с тем, следует заметить, с 3 октября, когда врачи довольно поверхностно исследовали больного, он больше уже не покидал своих комнат. С этого дня и до самой кончины почти бессменным дежурным при нем днем и ночью стал Вельяминов. После посещения царя докторами проходило совещание под председательством министра двора и составлялись бюллетени, которые с 4 октября посылались в «Правительственный вестник» и перепечатывались в других газетах. В первой телеграмме, заставившей содрогнуться всю Россию, сообщалось: «Болезнь почек не улучшилась. Силы уменьшились. Врачи надеются, что климат берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья Августейшего Больного». Как показало время, этого не произошло.

Сознавая безнадежность своего положения, страдая от отека ног, зуда, одышки и ночной бессонницы, царь не терял присутствия духа, не капризничал, был одинаково ровен, любезен, добр, кроток и деликатен. Он ежедневно вставал, одевался в своей уборной и большую часть времени проводил в обществе супруги и детей.

Несмотря на протесты врачей, Александр III пытался работать, подписывать дела по Министерству иностранных дел и военные приказы. Последний приказ он подписал за день до своей смерти.

Здоровье его было настолько ослаблено, что нередко во время разговора с близкими он засыпал. В некоторые дни тяжелый недуг заставлял его после завтрака ложиться в постель и спать.

После выхода первых бюллетеней о болезни Александра III в Ливадию постепенно стали съезжаться члены императорской фамилии и некоторые высочайшие особы двора.

8 октября прибыли великая княгиня Александра Иосифовна — тетка царя — с королевой эллинов Ольгой Константиновной, двоюродной его сестрой. Великая княгиня привезла к умирающему и отца Иоанна Кронштадтского, имевшего при жизни славу народного святого и чудотворца. В тот же вечер приехали в Ливадию два брата царя — Сергей и Павел Александровичи.

В понедельник 10 октября прибыла высоконареченная невеста цесаревича принцесса Алиса Гессенская. Наследник престола отметил этот факт в дневнике: «В $9^1/_2$ отправился с д. Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой… На каждой станции татары встречали с хлебом-солью… Вся коляска была заполнена цветами и виноградом. Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим Родителям. Папа был слабее сегодня и приезд Аликс, кроме свидания с о. Иоанном, утомили его» (115, с. 41).

За все время до своего рокового конца Александр III никого не принимал и только между 14 и 16 октября, почувствовав себя лучше, пожелал видеть своих братьев и великих княгинь Александру Иосифовну и Марию Павловну.

Утром 17 октября больной причастился св. тайн у отца Иоанна. Видя, что государь погибает, у него опухли ноги, появилась вода и в брюшной полости, терапевты Лейден и Захарьин подняли вопрос о производстве страдающему монарху небольшой операции, предусматривавшей введение под кожу ног через маленькие разрезы серебряных трубочек (дренажей) для стока жидкости. Однако хирург Вельяминов считал, что подкожное дренажирование никакой пользы не принесет, и энергично воспротивился против такой операции. Экстренно из Харькова был вызван хирург Грубе, который после осмотра государя поддержал мнение Вельяминова. 18 октября состоялся семейный совет, в котором приняли участие все четыре брата Александра III и министр двора. Присутствовали также все доктора. Председательствовали престолонаследник и великий князь Владимир Александрович. В результате мнения относительно операции разделились поровну. Никакого решения принято не было.

19 октября умирающий монарх снова исповедовался и причастился. Несмотря на невероятную слабость, августейший больной встал, оделся, перешел в кабинет к своему письменному столу и подписал в последний раз приказ по военному ведомству. Здесь на какое-то время силы покинули его, он потерял сознание.

Бесспорно, этот случай подчеркивает, что Александр III был человеком сильной воли, считал своей обязанностью исполнить свой долг, пока у него еще билось сердце в груди.

Весь этот день царь провел, сидя в кресле, страдая от одышки, усилившейся из-за воспаления легкого. Ночью он пытался уснуть, но сразу просыпался. Лежать для него было большой мукой. По его просьбе в постели ему устроили полусидячее положение. Он нервно закуривал и бросал одну папиросу за другой. Около 5 часов утра умирающего пересадили в кресло.

В 8 часов появился наследник престола. Императрица вышла в соседнюю комнату переодеваться, однако тут же цесаревич пришел сказать, что государь зовет ее. Войдя, она увидела мужа в слезах.

«Чувствую свой конец!» — произнес царственный страдалец. «Ради бога, не говори этого, ты будешь здоров!» — воскликнула Мария Федоровна. «Нет, — мрачно подтвердил монарх, — это тянется слишком долго, чувствую, что кончина близка!»

Императрица, видя, что дыхание затруднено и что ее супруг слабеет, послала за великим князем Владимиром Александровичем. В начале 10-го часа собралась вся царская фамилия. Со всеми входившими Александр III ласково здоровался и, сознавая близость своей кончины, не выражал никакого удивления тому, что так рано пришла вся императорская семья. Самообладание его было столь велико, что он даже поздравил великую княгиню Елизавету Федоровну с днем ее рождения.

Умирающий властелин России сидел в кресле, императрица и все близкие вокруг него на коленях. Около 12 часов дня царь внятно сказал: «Я желал бы помолиться!» Пришедший протоиерей Янышев начал читать молитвы. Немного спустя государь довольно твердым голосом произнес: «Желал бы приобщиться». Когда священник приступил к таинству причащения, державный больной отчетливо повторил за ним слова молитвы: «Верую, Господи, и исповедую…» — и крестился.

После ухода Янышева царь-мученик хотел видеть отца Иоанна, который в это время служил обедню в Ореанде. Пожелав отдохнуть, самодержец остался с императрицей, цесаревичем с невестой и детьми. Все остальные перешли в соседние комнаты.

Между тем, окончив обедню в Ореанде, прибыл Иоанн Кронштадтский. В присутствии Марии Федоровны и детей он

совершил молитву и помазал угасающего государя елеем. Уходя, пастырь громко и многозначительно произнес: «Прости, царь».

Императрица все время стояла на коленях с левой стороны супруга, держа его руки, которые начинали холодеть.

Поскольку на ладан дышащий больной тяжело стонал, доктор Вельяминов предложил ему слегка помассировать его опухшие ноги. Все вышли из комнаты. Во время массажа ног, страдалец сказал Вельяминову: «Видно профессора меня уже оставили, а вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной». Некоторое время царь чувствовал облегчение и на несколько минут пожелал остаться наедине с престолонаследником. По всей видимости, перед смертью он благословил сына на царствование.

В течение последних часов император целовал свою супругу, под конец же промолвил: «Не в силах даже поцеловать тебя».

Голова его, которую обнимала стоявшая на коленях императрица, склонилась набок и прислонилась к голове жены. Уходящий из жизни больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица вполне спокойно.

Все члены царской семьи стояли на коленях, священнослужитель Янышев читал отходную. В 2 часа 15 минут остановилось дыхание, повелитель могущественнейшей державы мира Александр III скончался.

В этот же день его сын — Николай Александрович, ставший императором Николаем II, записал в своем дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобным ужасная действительность… Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!..» (115, с. 43.)

Доктор Вельяминов, который последние 17 дней почти безотлучно находился возле Александра III, в своих воспоминаниях отметил: «Теперь уже прошло более сорока лет, что я врач, видел я много смертей людей самых разнообразных сословий и социального положения, видел умирающих, верующих, глубоко религиозных, видел и неверующих, но такой смерти, так сказать, на людях, среди целой семьи, я никогда не видел ни раньше, ни позже, так мог умереть только человек искренно верующий, человек с душой чистой, как у ребенка, с вполне спокойной совестью. У многих существовало убеждение, что император Александр III был человек суровый и даже жестокий, но я скажу, что человек жестокий так умереть не может и в действительности никогда и не умирает» (390, вып. V, 1994, с. 308).

Когда с усопшим по православному обычаю прощались родственники, чины двора и прислуга, императрица Мария Федоровна совершенно неподвижно продолжала стоять на коленях обнимая голову любимого мужа, пока присутствовавшие не заметили что она без сознания.

На какое-то время прощание было прервано. Государыню подняли на руках и положили на кушетку. Вследствие тяжелого душевного потрясения она около часа находилась в глубоком обмороке.

Весть о кончине Александра III быстро облетела Россию и другие страны мира. Жители ближайших к Ливадии окрестностей Крыма узнали об этом по редко следовавшим один за другим выстрелам с крейсера «Память Меркурия».

Скорбное известие разнеслось по Петербургу около пяти часов дня. Большинство населения России, как отмечалось в газетах, было глубоко опечалено кончиной царя-миротворца.

«Даже погода и та изменилась, — отметил 21 октября в своем дневнике Николай II, — было холодно и ревело в море!» В этот же день газеты на первых страницах опубликовали его манифест о вступлении на престол. Через несколько дней было произведено паталого-анатомическое вскрытие и бальзамирование тела покойного императора. При этом, как отмечал хирург Вельяминов, «была найдена очень значительная гипертрофия сердца и жировое перерождение его при хроническом интерстициальном воспалении почек… о столь грозном увеличении сердца врачи, бесспорно, не знали, а между тем в этом и крылась главнейшая причина смерти. Изменения в почках были сравнительно незначительны» (там же).

4. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ИМПЕРАТОРА

Для того чтобы дать возможность местным жителям проститься с почившим монархом, его тело было вечером 25 октября перенесено в Вознесенскую ливадийскую церковь. Здесь у гроба день и ночь дежурили высочайшие особы двора, а священнослужители беспрерывно читали Евангелие.

27 октября, когда море успокоилось, траурная процессия с усопшим монархом двинулась из Ливадии к ялтинскому молу. Вдовствующая императрица и члены императорской фамилии провожали гроб пешком. Весь трехкилометровый путь был усыпан лаврами и хвоей и представлял как бы зеленый бесконечный ковер. Когда шествие достигло Ялты, начался перезвон трех городских церквей и пальба из орудий с минутными промежутками между выстрелами. После литии на пристани гроб с телом усоп-

шего был перенесен на крейсер «Память Меркурия» и установлен на шканцах под тентом из Андреевского флага.

С приспущенным штандартом Его Величества, под конвоем эскадренного броненосца «Двенадцать апостолов» и корабля «Орел», крейсер отошел от Ялты и взял курс на Севастополь.

В городе русской славы задолго до прихода крейсера на внешнем рейде у Константиновской батареи вытянулся в одну линию Черноморский флот. Все склоны горы и Царской пристани были усеяны народом. Едва показался крейсер, как с батареи и с судов началась стрельба, продолжавшаяся до тех пор, пока крейсер не пристал к пристани. Все головы обнажились. Посреди палубы на высоком катафалке возвышался гроб с телом безвременно почившего монарха. Гроб был поднят гребцами государева катера и установлен на пристани. Панихида, отслуженная архимандритом Александром произвела потрясающее впечатление: тысячи народа вместе с императором Николаем II и царской семьей остро чувствовали потерю и рыдали. После панихиды гроб был перенесен в траурный вагон, усыпанный цветами. Императорский поезд отошел в 5 часов 20 минут вечера, затем два свитские. В этот же день для 1200 бедных людей от императорского двора был устроен поминальный обед, повторенный на следующий день для других сотен бедных.

Толпы людей провожали поезд почти до Инкермана, где он был встречен духовенством, стоявшим на площадке церкви, высеченной в горе. По пути в Москву везде, где останавливался поезд, совершались панихиды. Все железнодорожные станции были облечены в траур, на всех лицах была видна неподдельная печаль. Верстах в шести от станции Тарановки траурный поезд встретила в поле масса народа, стоявшая на коленях и набожно крестившаяся.

Место это имеет историческое значение. Лет 20 назад почивший государь, будучи еще наследником престола, остановился здесь и, выйдя из вагона под руку с супругой, долго беседовал с народом об его нуждах и жизни. Благодарные крестьяне в воспоминание об этом поставили здесь два каменных столба с врезанными в них иконами и собрались у этого простого памятника величия и отеческой заботливости усопшего монарха, со слезами молясь об упокоении его души.

28 октября в 6-м часу вечера императорский поезд подошел к Боркам и Спасову скиту и остановился на памятном месте крушения 17 октября 1888 г. у так называемой Царской платформы, покрытой глубоким трауром и освещенной факелами. Всего за три месяца перед этим здесь торжественно развевались флаги при освящении храма Христа Спасителя, устроенного в память чудесного спасения царской семьи.

В Харькове, Курске, Орле и Туле были совершены особенно торжественные панихиды местными архипастырями. По пути от Ялты до Москвы различными депутациями было возложено на гроб почившего императора 99 венков, сделанных из цветов, 31 металлический и фарфоровый и 66 серебряных. Для помещения венков было отведено два вагона.

30 октября в воскресенье в 10 часов 30 минут утра поезд с телом императора Александра III прибыл в Москву. Митрополит Сергий совершил литию при пении чудовских певчих. При провозглашении вечной памяти Николай II, вдовствующая императрица, царская семья и все присутствующие склонились на колена. Затем гроб почившего был поставлен на золотую колесницу. В соответствии с церемониалом, печальное шествие тронулось в 11 часов по третьему пушечному выстрелу. Во всех церквах Первопрестольной начался перезвон, сливавшийся с пушечными выстрелами, боем барабанов и трогательными звуками похоронного марша. В 12 часов 30 минут колесница остановилась возле Архангельского собора, на паперти которого тело почившего императора было встречено митрополитом Московским с высшим духовенством. Николай II совместно с августейшими особами внесли гроб в собор и поставили на катафалк, устроенный посреди него на широком помосте, над которым возвышалась сень в виде шапки Мономаха, увенчанная царской короной. После панихиды при гробе почившего государя началось чтение Евангелия священниками, продолжавшееся без перерыва днем и ночью. Весь день 30 октября, а затем и всю ночь, когда в Архангельском соборе не было церковной службы, народ допускался к прощанию с усопшим монархом.

По выходе из Москвы 31 октября траурный поезд имел более продолжительные остановки на станциях Тверь, Спирово и Любань.

1 ноября в 10 часов утра поезд прибыл на Николаевский вокзал С.-Петербурга. У открытого вагона перед гробом почившего монарха митрополитом Палладием была совершена лития. По окончании ее генерал-адъютанты сняли императорский покров, а Николай II с членами августейшей семьи вынесли из вагона гроб, который был поставлен на катафалк дворцовыми гренадерами. При величественных звуках гимна «Коль славен» и бой барабанов печальная колесница тронулась в путь. За нею следовали Николай II с великими князьями пешком и кареты с вдовствующей императрицей и другими высочайшими особами.

В процессии было 52 знамени и 12 гербов. За депутатами, сановниками и министрами несли государственные мечи, 57 иностранных орденов, 13 русских орденов и знаков отличия, за ними

12 императорских регалий. Внимание народа привлекали латники, двигавшиеся между знаменами и гербами. Один, весь в золоте, ехал на коне, держа в руках обнаженный меч, другой — пеший латник — печальный, весь в черном уборе, с опущенным вниз мечом.

В 2 часа дня печальная колесница, пройдя восьмиверстное расстояние, при колокольном звоне всех церквей и пушечной пальбе, прибыла к Петропавловскому собору. Гроб с телом почившего был снят с колесницы и поставлен на катафалке под грандиозной сенью, устроенной в соборе. Величественная сень эта имела вид громадной шапки Мономаха, сделанной из золота. По борту она была обведена рядом щитов с гербами русских земель и областей и оторочена внизу широким белым бортом наподобие горностая. Верх шапки был украшен императорской короной с крестом. Из-под горностаевой оторочки к четырем столбам храма спускались белые глазетовые драпировки, перехваченные у столбов золочеными коронами. Гроб императора был установлен на малиновом с золотым обводом катафалке, а у изголовья стоял аналой для чтения Св. Евангелия.

Со времени перенесения и до самого погребения ежедневно у гроба дважды совершались панихиды в присутствии высочайших особ.

Погребение почившего императора свершилось в понедельник 7 ноября 1894 г. Наряду с родственниками царя и высшим духовенством в погребении приняли участие короли: Датский, Эллинов и Сербский, князь Черногорский, королева Эллинов, все великие князья и княгини, иностранные владетельные особы и принцы, приехавшие со своими свитами и состоящими при них лицами.

Всего на гроб почившего монарха было возложено более 800 венков, общей стоимостью свыше 2 млн руб.

* * *

В связи со смертью Александра III из большинства стран мира в Россию поступило множество телеграмм с выражением глубокого соболезнования. Заграничная пресса была исполнена сочувствия к политике почившего императора, к его личному благородному характеру, к необыкновенной энергии, с какой он отстаивал интересы европейского мира, к настойчивости, с какой он отдавал свое время трудам правления, наконец, к его прямодушию, искренности и твердости. Вот некоторые отзывы крупнейших французских газет:

«В бозе почивший император Александр III — один из тех монархов, которые больше всех влияли на свою эпоху. С высокоразвитым и могучим умом, с твердым характером, хладнокровный, с неодолимой волей император Всероссийский внушал глубокое почтение и вызывал обожание».

«Франция ему многим обязана, в особенности же она обязана ему тем, что в полной безопасности пережила свои затруднения и успела спокойно докончить свою военную реорганизацию. Кроме того, она обязана ему тем, что может спокойно и доверчиво взирать на грядущие события».

«Не надо забывать, что царь неоднократно останавливал войну, готовую разразиться над миром, и это дает ему вечную славу».

Немецкие газеты писали: «Неисчислимые изъявления сочувствия и соболезнования, слившиеся в величественный поток и относящиеся к прославляемому и ныне всей Европой искренно оплакиваемому Великому Миротворцу, в бозе почившему императору Александру III, доказывают не только высокое уважение, которым почивший пользовался повсюду, но и чрезвычайное значение, которое во всей нашей части света придают ныне Русской империи, как могущественному члену европейского государственного концерта».

Итальянские газеты говорили, что Европа лишилась самого честного, искреннего и могущественного защитника мира царя Александра III. Военные и морские власти получили приказ носить траур...

В день погребения царя практически во всех европейских странах были совершены заупокойные литургии.

* * *

26 октября 1894 г. Николай II разрешил открыть по всей России подписку на постановку в Первопрестольной — Москве памятника безвременно почившему государю. Тогда же было решено поставить памятники Александру III в С.-Петербурге, Харькове и Одессе.

В Северной Пальмире памятник был открыт на Знаменской площади 29 мая 1909 г. (скульптор П. П. Трубецкой). В октябре 1937 г. 20-тонный памятник был снят, а через 60 лет установлен во дворе Мраморного дворца, на месте ленинского броневика.

13 апреля 1895 г. по указу царя был учрежден Императорский музей русского искусства Александра III, открытие которого прошло 7 марта 1898 г. в бывшем Михайловском дворце. Музей занимал 37 залов, разделенных на 10 отделов. Основу коллекции составили 80 картин, перевезенных из Эрмитажа, 120 — из Академии художеств, 200 — из царских дворцов (Зимнего, Гатчинского, Большого и Александровского в Царском Селе).

В память Александра III в 1895 г. в Петербурге было основано Общество ревнителей русского исторического просвещения, которое просуществовало до октября 1917 г.

Глава двадцать четвертая

СУДЬБА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ИМПЕРАТОРА

1. ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА (1847—1928)

28 октября 1866 г., как отмечалось выше, Александр III и Мария Федоровна обвенчались. Этой свадьбой была нарушена многолетняя традиция российского императорского дома выбирать для наследников престола невест из владетельных домов немецких государств. В течение 28 лет эта августейшая чета служила «образцом идеальной доброй семейной жизни». Мария Федоровна была прекрасной женой, другом и матерью. За редкими исключениями она повсеместно сопровождала своего супруга.

Современники отзывались о Марии Федоровне, как правило, с глубоким уважением, видели в ней сильную, цельную личность, женщину властную, наделенную большим природным обаянием. Как писал Феликс Юсупов, Мария Федоровна «обладала поразительным шармом, какой передала и детям, и внукам своим. Была она мала ростом, но ходила столь величаво, что всюду, где появлялась, затмевала всех... Ее ум и политическое чутье оказались полезны и в государственном деле» (363а, с. 148—149). «Ласковая, любезная, простая в обращении, — отмечала М. П. Бок (дочь П. А. Столыпина), — Мария Федоровна была императрицей с головы до ног и умела сочетать свою врожденную царственность с такой добротой, что была обожаема всеми своими приближенными. Меня с первого же взгляда очаровали ее глаза: глубокие, прекрасные, на редкость притягивающие к себе...»

Не случайно великий князь Константин Константинович (К. Р.) посвятил этим глазам следующие строки:

На балконе цветущей весною,
Как запели в садах соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя в кроткие очи твои.
Тихий голос в ушах раздавался,
Но твоих я не слушал речей:
Я как будто мечтой погружался
В глубину этих мягких очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живет в задушевных мечтах,
Все сказалось так просто и ясно
Мне в чарующих этих очах.
Не могли бы их тайного смысла
Никакие слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Светозарная, вешняя ночь!

«Должен сказать, — вспоминал о своей встрече с царской четой художник, историк искусства А. Н. Бенуа, — что я вообще был очарован императрицей. Даже ее маленький рост, ее легкое шепелявенье и не очень правильная русская речь нисколько не вредили чарующему впечатлению. Напротив, как раз тот легкий дефект в произношении вместе с ее совершенно явным смущением придавал ей нечто трогательное, в чем, правда, было мало царственного, но что зато особенно располагало к ней сердца. Одета государыня всегда была очень скромно, без какой-либо модной вычурности, и лишь то, что ее лицо было сильно нарумянено (чего не могла скрыть и черная вуалька), выдавало известное кокетство — das ewig Weibliche (вечно женственное). Отношения супругов между собой, их взаимное внимание также не содержало в себе ничего царственного. Для всех было очевидно, что оба все еще полны тех же нежных чувств, которыми они возгорелись четверть века назад. Это тоже было очень симпатично» (65, с. 695).

После смерти Александра III для Марии Федоровны начался новый сложный период жизни. В первые годы царствования ее первенца она пыталась помогать ему и оказывать на него свое влияние. К супруге Николая II Александре Федоровне она испытывала неприязнь, что не могло сказаться и на отношениях с молодым императором. В то же время, как позже отмечала фрейлина А. Вырубова, Мария Федоровна «так никогда и не сошла со сцены, продолжая занимать первое место во всех торжественных случаях» (89а, с. 220).

Как и раньше, она много внимания уделяла ведомству учреждений императрицы Марии, попечительницей которого была согласно манифесту Александра II с 29 мая 1880 г. Под ее патронажем находились также Российское общество Красного креста, Общество спасания на водах, Женское патриотическое общество, Общество покровительства животным. Кроме того, она являлась шефом л.-гв. Кирасирского и Кавалергардского Ее Величества полков, Гвардейского экипажа и других частей. За помощью к ней обращались люди разных сословий и званий, и всем она обычно старалась помочь.

Императрица-мать вела активную переписку со многими лицами. В часы досуга Мария Федоровна с увлечением занималась живописью. До настоящего времени сохранились некоторые ее картины в Русском музее в Петербурге и в Петрозаводском музее изобразительных искусств.

Судьба безжалостно наносила ей удар за ударом. В 1899 г. она похоронила на 28 году жизни своего сына Георгия. Глубоко переживала вдовствующая императрица трагические события, связанные с Русско-японской войной и революцией 1905—1907 гг. В 1906 г. внезапно умер отец — король Дании Кристиан IX, затем в 1912 г. — ее брат Фреди (король Дании Фредерик VIII), в 1913 г. от руки убийцы погибает ее второй брат — Вильгельм (греческий король Георг I).

В период Первой мировой войны Мария Федоровна организовала широкую работу по линии Красного Креста, оказывая помощь военнопленным, больным и раненым воинам. В 1915 г., например, в ведении Российского общества Красного Креста находилось 71 крупный госпиталь, 118 подвижных и этапных лазаретов, 58 передовых отрядов, 11 санитарных поездов, 185 питательных пунктов, действовавших в прифронтовых зонах, 22 дезинфекционных и 5 хирургических отрядов, 34 санитарных транспортных средства и другие полевые учреждения. Крупнейшими госпитальными центрами были Киев и Тифлис, как наиболее близкие к районам Западного и Кавказского фронтов (168, с. 269).

В начале 1915 г. Мария Федоровна вместе с дочерью Ольгой Александровной переезжает в Киев к своей старшей дочери Ксении и ее мужу Александру Михайловичу, главнокомандующему русской авиацией, штаб которого располагался в этом древнем русском городе. Здесь она продолжала свою попечительскую деятельность, ежедневно посещая госпитали и встречаясь с представителями российского и датского Красного Креста.

После Февральской революции в конце марта 1917 г. Мария Федоровна вынуждена по предписанию нового правительства переехать в Крым. Несмотря на то, что пребывание здесь фактически было домашним арестом, сопровождавшимся лишениями, угрозами, унижениями и тревогой о своих близких, оно позволило ей избежать трагической судьбы многих членов царской фамилии. Вдовствующей императрице пришлось провести здесь два с половиной года, до апреля 1919 г., сначала в Ай-Тодоре, затем в Дюльбере и Харакce.

12 апреля 1919 г. Мария Федоровна покинула ялтинский порт на английском крейсере «Мальборо». В ту пору ей было 72 года, из которых 52 были прожиты в России, ставшей для нее второй родиной. 10 мая того же года она вместе с Ольгой и Ксенией

прибыла в Лондон, где задержалась недолго. 15 августа Мария Федоровна отправилась в Копенгаген, где поселилась во флигеле королевского дворца Амалиенборг. Материальное положение бывшей русской императрицы было довольно сложным: собственных средств она практически не имела, а ее племянник король Дании Кристиан X не отличался щедростью. Положение ее несколько улучшилось, когда английский король Георг V (ее племянник) назначил ей пенсию в 10 тыс. фунтов в год, что составляло тогда примерно 200 тыс. датских крон. Скончалась Мария Федоровна на 81 году жизни 30 сентября (13 октября) 1928 г. на вилле Видере под Копенгагеном, где она проживала последние годы. 14 октября была отслужена панихида в церкви Александра Невского в Копенгагене, построенной в свое время Александром III.

Для участия в погребении в Копенгаген съехались сотни русских эмигрантов, многие уцелевшие члены Дома Романовых, среди них — великие князья Кирилл Владимирович, Гавриил Константинович и Александр Михайлович. На похороны прибыли представители всех королевских домов Европы, в их числе — король Дании Кристиан X, норвежский король Хокон, племянник императрицы бельгийский король Альберт с наследником Леопольдом, будущие короли Англии братья Эдуард и Георг. Около ста тысяч копенгагенцев вышли на улицы, отдавая должное этому печальному событию.

Мария Федоровна была погребена в городе Роскилле, в капелле Кристиана IX, усыпальнице датских королей, рядом со своими родителями. В сентябре 2006 г. останки Марии Федоровны торжественно перезахоронены в Петропавловском соборе С.-Петербурга в усыпальнице Российского императорского дома.

* * *

Известно, что в августейшей семье Александра Александровича появилось шестеро детей: Николай (1868), Александр (1869), Георгий (1871), Михаил (1878) Ксения (1875), Ольга (1882). Хотя их детство протекало в грандиозных дворцах, оно было подчинено строжайшей дисциплине и размеренному порядку в близких к спартанским условиям. Распространено немало сказочных историй о роскоши быта, который вела царская семья. Безусловно, в конце XIX столетия русский императорский двор был самым блестящим среди других монархий евразийского континента, но великолепие императорских гостиных не достигало детских покоев. Августейшие дети спали на жестких кроватях с твердой плоской подушкой и очень тонким матрасом. Скромный ковер покрывал пол. Стулья с прямыми спинками и плетеными сиденьями, самые обычные столы и этажерки для книг, рукоделия, игрушек составляли всю

обстановку. Единственная богатая деталь в красном углу — серебряный оклад иконы Пресвятой Богородицы, унизанный жемчугом и другими драгоценными каменьями. Августейшей бабушкой, супругой Александра II, были введены английские обычаи: по утрам обязательные холодные ванны, овсяная каша на завтрак и неизменная прогулка на свежем воздухе. В целом детство было радостным и безоблачным: не только дорогие игрушки, выписанные из Европы гувернеры, преданные слуги, но и тепло родительской любви. Ни Александр Александрович, ни Мария Федоровна не могли предвидеть, сколь драматично сложатся судьбы их сыновей и дочерей, которым суждено дожить до революции (Александр умер во младенчестве, Георгий в 1899 г.). Александр III любил детей. Только в их присутствии он мог быть самим собой. Он наслаждался их шутками и проказами, а его дочери Ольге разрешалось играть и сидеть у него под столом, прижавшись к сибирской лайке по имени Камчатка, когда он работал; а в особые дни даже прикладывать императорскую печать к официальным документам, Александр был ласков со всеми детьми, находившимися в императорском доме. Он играл с ними в снежки, учил пилить дрова и помогал им лепить снеговиков. Эти симпатичные черты были обратной стороной глубокой антипатии, которую императорская чета питала к дворцовой жизни и представительским обязанностям. И все-таки оставим на время Александра III и его место в истории России и обратимся к его детям.

2. ВЕЛ. КНЯЗЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ (1868—1918)

> Император Николай II является одной из наиболее патетических фигур в истории. Если бы он жил в классические времена, то история его жизни и смерти послужила бы поэтам Древней Греции сюжетом для какой-нибудь великой трагедии. Они бы изобразили его как жертву, обреченную судьбой, преследуемую на каждом шагу безжалостным фатумом вплоть до последней раздирающей душу сцены, разыгравшейся в подвале дома в Екатеринбурге.
>
> *Дж. Бьюкенен*

Великий князь Николай Александрович был первенцем наследника цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III, и его супруги Марии Федоровны. Он

появился на свет 6 мая 1868 г., в день, когда православная церковь чтит память святого Иова Многострадального, и это совпадение стало знамением той странной обреченности, которую замечали в нем многие из окружавших его людей. Позднее, в тяжелые годы царствования, император не раз упоминал это обстоятельство, говоря о своей внутренней готовности принять испытания, которые одно за другим обрушивались на него в государственной и личной жизни. Получил прекрасное образование: расширенный курс гимназии, университетский курс по объединенной программе государственного и экономического отделений юридического факультета, курс Академии Генерального штаба. Преподаватели Николая, среди которых были видные государственные и военные деятели, авторитетные ученые, отбирались самым тщательным образом и представляли собой поистине блестящую когорту специалистов. Роль духовного и идеологического наставника цесаревича бесспорно принадлежала К. П. Победоносцеву, который читал Николаю курсы законоведения, государственное, гражданское и уголовное право. Каноническое право, богословие, историю церкви и религий излагал протопресвитер И. Л. Янышев. Е. Е. Замысловский вел политическую историю; профессор-экономист, министр финансов в 1881—1886 гг. и председатель Комитета министров в 1887—1895 гг. Н. Х. Бунте преподавал Николаю статистику и политэкономию; министр иностранных дел России в 1882—1895 гг. Н. К. Гирс вводил цесаревича в сложный мир европейских международных отношений; академик Н. Н. Бекетов читал курс общей химии. Профессору и члену-корреспонденту Петербургской академии наук, главному редактору многотомных изданий — «Энциклопедии военных и морских наук» и «Обзора войн России от Петра Великого до наших дней» — генералу от инфантерии Г. А. Леру были доверены курсы стратегии и военной истории. Военный инженер-генерал Ц. А. Кюи, он же известный композитор, проводил занятия по фортификации. Историю военного искусства читал А. К. Пузыревский. Этот ряд успешно дополняли профессора Академии Генштаба генералы М. И. Драгомиров, Н. Н. Обручев, П. К. Гудима-Левкович, П. Л. Лобко и другие.

Углубленное изучение военных дисциплин сочеталось у Николая с прохождением действительной службы в рядах гвардии. Еще в семилетнем возрасте он был произведен в прапорщики и зачислен в лейб-гвардии Эриванский полк; в последующие годы он последовательно зачислялся в различные гвардейские полки и получал очередные офицерские звания. С особенной радостью встретил Николай зачисление в 1887 г. в прославленный Преображенский полк, которым в те годы командовал его любимый дядя, великий

князь Сергей Александрович; в составе этого полка он провел два лагерных сбора. Военная карьера Николая достигла своей вершины 6 августа 1892 г., когда он был произведен в полковники. Из-за преждевременной кончины Александра III его сыну не суждено было стать генералом российской армии, которыми были все его предшественники на престоле и большинство великих князей. Императоры не присваивали воинских званий самим себе...

С мая 1889 г. Николай Александрович стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В 1890—1891 гг. совершил путешествие на Дальний Восток, по пути посетив много стран. В Японии на него в апреле 1891 г. было совершено покушение. Во время голода 1891—1892 гг. возглавлял Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая. С 1892 г. состоял председателем Комитета Сибирской железной дороги, на который было возложено руководство строительством самой протяженной в мире магистрали.

21 октября 1894 г. вступил на престол. В ноябре того же года сочетался браком с Алисой-Викторией-Еленой-Бригиттой-Луизой-Беатрисой, дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и Алисы Английской, после перехода в православие принявшей имя Александры Федоровны. Она была болезненно застенчива, замкнута и раскрепощалась, превращаясь в настоящую Spitzbube (озорницу), как называли ее при германском дворе, только в кругу самых близких ей людей. В 1884 г. двенадцатилетняя Алиса Гессенская впервые оказалась в России, прибыв с родственниками на свадьбу старшей сестры Эллы (Елизаветы Федоровны) с великим князем Сергеем Александровичем. Там и состоялось ее знакомство с наследником цесаревичем, положившее начало детской романтической влюбленности, переросшей затем в сильнейшую любовь. «Alix, Niki», — тайком нацарапали они тогда на одном из окон итальянского домика в Петергофе. Первым мрачным предзнаменованием новому царствованию стала знаменитая Ходынская катастрофа, случившаяся в мае 1896 г. на коронационных торжествах в Москве. Именно это зловеще-символическое событие стало для Николая началом длинного пути личных, семейных и государственных трагедий и неудач, который с роковой неотвратимостью вел последнего царя к гибельному исходу. 14 мая состоялся день священного коронования, «великий, торжественный, но тяжелый в нравственном смысле день», как охарактеризовал его Николай. «Все это произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!» Значение этого действа, имевшего вековую традицию, он осознавал в полной мере. До совершения таинства

миропомазания вступление монарха во власть не считалось окончательным — только церковь в лице ее высших иерархов давала императору последние полномочия. Вера императора, по сравнению с религиозной одержимостью Александры Федоровны, была гораздо более спокойной, без ее экзальтации. Она естественно сочеталась в Николае с неизменной приверженностью всему отечественному, к идущим из глубины веков традициям России. Внешним выражением этого было и нерасположение к Петру I, и явное предпочтение наследию Московской Руси. Это предпочтение сказывалось буквально во всем: при Николае в официальной, прежде всего храмовой архитектуре начинает преобладать неорусский стиль, ориентированный на традиции допетровского зодчества, в церемониале двора возрождаются многие архаичные ритуалы, особенно связанные с религией. Возник даже проект смены формы для всех служащих при дворе, от лакеев и поваров до высших чинов, которых предполагалось одеть в старинное русское платье XVII в. От этой идеи пришлось отказаться из-за огромных издержек, требовавшихся на ее осуществление, но тяга императора к традиционной одежде предков проявилась в менее масштабных мероприятиях — костюмированных балах начала XX в., последних больших балах при дворе империи. Хотя император в совершенстве владел французским, английским и немецким языками, он не любил употребления иностранных слов в государственных документах. «Русский язык так богат, — говорил он начальнику Канцелярии Министерства императорского двора генералу А. А. Мосолову, — что позволяет во всех случаях заменить иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать нашего языка. Я подчеркиваю красным карандашом все иностранные слова в докладах. Только Министерство иностранных дел совершенно не поддается воздействию и продолжает быть неисправимым». Та же верность отечественным традициям была характерна и для повседневного быта Николая, его вкусов и привычек, проявляясь подчас даже в мелочах. «Как и его отец император Александр III, — вспоминал флигель-адъютант А. А. Мордвинов, — государь Николай Александрович не любил стеснявшей его движения одежды и предпочитал в домашней жизни старую, поношенную, подвергавшуюся из-за этого частым починкам. Являвшихся к нему лиц он принимал в своем кабинете также одетый совершенно просто: или в серой тужурке, или иногда в шелковой малиновой рубашке стрелков императорской фамилии, которую он очень любил, потому что она была не только удобна, но и национально-русская. В дни войны он неизменно носил очень некрасивую защитную,

из грубого толстого солдатского сукна рубашку и такую же солдатскую шинель». Скромный и непритязательный, как, впрочем, и остальные члены его семьи, Николай был очень умерен и в еде и также предпочитал простые русские блюда всевозможным деликатесам — изысканные кулинарные шедевры подавались только на официальных придворных обедах и торжествах.

На протяжении всего царствования ведущей политической идеей Николая II оставалась убежденность в необходимости укрепления самодержавия, отождествляемая с понятием общего блага народа и государства. В конце 1890-х гг. поддерживал министра финансов С. Ю. Витте с его программой ускоренной модернизации российской экономики, призванной укрепить могущество России, не затрагивая при этом самодержавной системы государственного управления. При Николае II была осуществлена денежная реформа, введена винная монополия, упразднены выкупные платежи крестьян за полученную в 1861 г. землю, преобразован паспортный устав, сковывавший свободу передвижения низших сословий, приняты законы об ограничении продолжительности рабочего дня на предприятиях, страхования рабочих от болезней и несчастных случаев. После революции 1905—1907 гг. содействовал политике председателя Совета министров П. А. Столыпина по переустройству землевладения и землепользования на принципах частной собственности. Под влиянием революционных событий 1905 г. дал согласие на издание манифеста 17 октября, согласно которому впервые населению были дарованы политические свободы, легализованы партии и профсоюзы, в качестве органа центрального народного правительства с законодательными функциями учреждена Государственная дума, а Государственный совет преобразован в верхнюю палату парламента. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, будучи не готова к ведению боевых действий в условиях высокого уровня развития науки и техники. В 1915 г. во время «великого отступления» Николай II уволил с поста верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (которого поддерживала Дума) и занял этот пост сам, что вызвало осуждение в правительстве и обществе. Война обострила социально-политические противоречия и привела страну к глубокому внутреннему кризису. В феврале — марте 1917 г. Николай II отказался следовать советам многих близких ему людей, которые призывали «даровать конституцию стране».

У Николая и Александры Федоровны родилось 4 дочери: Ольга (1895), Татьяна (1897), Мария (1899), Анастасия (1901) и сын Алексей (1904), рождение которого все ждали. 2 марта 1917 г. Николай подписал манифест об отречении за себя и сына,

в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. Он пытался хоть как-то спасти Россию, уходившую из его рук и переходившую к другим людям — большевикам, которые главным своим долгом считали бороться за права угнетенных и обиженных в царской России. В марте — июле 1917 г. бывший император находился под арестом в Царском Селе.

В начале августа Николай и его близкие были переправлены в Тобольск, где и содержались в бывшем губернаторском доме. В апреле 1918 г. они были перевезены в Екатеринбург и расстреляны в ночь с 16 на 17 июля в доме инженера Ипатьева. В июле 1988 г. останки Николая II, его жены Александры Федоровны, их трех дочерей и слуг, расстрелянных в Екатеринбурге, были торжественно перезахоронены в Петропавловском соборе С.-Петербурга — в усыпальнице Российского императорского дома. На юбилейном архиерейском соборе 13—16 августа 2000 г. царственные страстотерпцы прославлены в лики святых. В апреле 2001 г. на могиле семьи последнего российского императора было установлено надгробие из каррарского мрамора. 17 июля 2003 г. на месте гибели царской семьи в Екатеринбурге был освящен Храм на Крови.

3. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ (1871—1899)

Георгий — третий сын Александра III и Марии Федоровны родился 27 апреля 1871 г. На всю его жизнь легла печать неизлечимой болезни — туберкулезного процесса в легких, обнаружившегося еще в ранней молодости. Со дня своего рождения состоял шефом 93-го пехотного иркутского полка. Начал службу во флоте, но был вынужден прервать ее после обострения болезни из-за перемены климата во время плавания великих князей на Восток в 1890—1891 гг. 22 июня 1891 г. великий князь был назначен флигель-адъютантом. Георгий был помолвлен с младшей дочерью греческого короля Марией Георгиевной, но тот не пустил ее на коронацию, и вообще был недоволен тем, что его дочь помолвлена с Романовым, так как его старшая дочь Александра — жена и двоюродная племянница великого князя Павла Александровича (1860—1919) — умерла во время замужества. Как признавали окружающие, у Георгия особенно было развито чувство юмора. Всякий раз, когда он выдавал очередную удачную шутку, его старший брат Николай записывал ее на клочке бумаги и прятал в «шкатулку курьезов» вместе с другими памятками своего отрочества. Шкатулку эту он хранил у себя в кабинете. Говорят, когда

он стал царем, зачастую оттуда слышался веселый смех: Николай прочитывал из тайника шутки брата.

С 1894 г. Георгий официально считался наследником престола и был назначен атаманом всех казачьих войск, но из-за состояния здоровья не мог принимать участия в государственных делах. Вынужденный почти все время проводить в своем высокогорном имении Абас-Тумане, расположенном в 200 км к западу от Тбилиси на горе Канобили (1650 м над уровнем моря). Условия этого имения способствовали некоторому замедлению развития туберкулеза, великий князь увлекся астрономическими наблюдениями. На его средства была выстроена первая горная обсерватория в России, названная в честь ее учредителя Георгиевской. Проведя последние годы жизни в удалении от двора, Георгий Александрович был найден 28 июня 1899 г. в Абас-Тумане на обочине дороги возле опрокинутого мотоцикла. Умирал он на руках крестьянки. Изо рта у него текла кровь, он кашлял и задыхался. Женщина, принадлежавшая к религиозной секте молокан, была доставлена в Петергоф, где поведала убитой горем вдовствующей императрице о последних минутах жизни ее любимого сына. По всей видимости, смерть его была вызвана легочным кровоизлиянием, вызванным тряской при езде на мотоцикле. Погребен Георгий в Петропавловском соборе Петербурга 14 июля того же года.

4. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА РОМАНОВА (1875—1960)

Родилась 25 марта 1875 г. в Санкт-Петербурге. Она вместе с братьями Николаем и Георгием условно относилась к старшим детям Александра III. Ксения воспитывалась непосредственно под руководством Марии Федоровны, достаточно требовательной, но никогда не занимавшейся мелочной опекой, и довольно много времени была предоставлена сама себе. С Николаем они очень дружили в детские и юношеские годы, проводя вместе часы досуга и делясь секретами. Другом детства был и супруг Ксении Александровны двоюродный дядя великий князь Александр Михайлович, в браке с которым она счастливо прожила большую часть своей жизни. 25 июля 1894 г. Ксения Александровна и Александр Михайлович обвенчались. В память бракосочетания Ее Императорского Высочества в Петербурге был открыт Ксенинский институт. У них было семеро детей: шестеро мальчиков — Андрей (1897—1981), Федор (1897—1968), Никита (1900—1974), Дмитрий (1901—1980), Ростислав (1902—1978), Василий (1907—1989) и девочка Ирина (1895—1970), которая

стала потом особенно известна своим косвенным участием в убийстве Григория Распутина.

Знавший великую княжну много лет С. Ю. Витте характеризовал ее как «женщину безусловно образцовую во всех отношениях», о которой «ничего, кроме самого хорошего, сказать нельзя». В годы Первой мировой войны она возглавляла госпиталь, участвовала в благотворительных акциях. Судьба спасла ее от гибели в 1918 г. Они оказались в Крыму и избежала участи других Романовых. В 1919 г. они навсегда покинули Россию. Вся семья эмигрировала сначала в Данию, потом во Францию и Англию. Ксения Александровна скончалась в 1960 г. в эмиграции.

5. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ (1878—1918)

Михаил — младший, четвертый сын Александра III и Марии Федоровны — родился 12 ноября 1878 г. Со дня рождения был шефом 129-го пехотного полка. По свидетельству современников, он был любимцем родителей. Отец охотнее уделял ему свое время, чем старшим сыновьям Николаю и Георгию. Может быть, причиной этого был характер мальчика — добрый и более непосредственный, открытый людям, чем у сдержанного и замкнутого брата-цесаревича. В 1898 г. произведен в корнеты л.-гв. Кирасирского Е. И. В. полка. В 1901 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. С учебной целью нес офицерскую службу в л.-гв. Преображенском полку и в Конной артиллерии.

С 1899 по 1904 г. — после смерти Георгия и до рождения Алексия — Михаил считался наследником престола, в последующие же годы получил титул правителя государева и права условного регентства при малолетнем цесаревиче. 7 мая 1901 г. назначен членом Государственного совета. С 1905 г. командовал эскадроном л.-гв. Кирасирского Е. И. В. полка. С 1908 г. — командир 17-го гусарского Черниговского полка, в 1912 г. — Кавалергардского полка.

В 1912 г. против воли Николая II женился в Вене по взаимной любви на дважды разведенной Наталии Сергеевне Мамонтовой-Вульферт (урожденной Шереметевской). Этот брак привел к очередному скандалу в доме Романовых. В 1912—1914 гг. Михаил жил за границей, так как Николай II запретил ему въезд в Россию, уволил с занимаемых должностей и подписал указ о передаче в опеку его имущества. С началом Первой мировой войны был прощен по ходатайству матери — вдовствующей императрицы Марии Федоровны, что позволило супругам вернуться в Россию, причем жена Михаила получила титул графини Брасовой (по названию

поместья, принадлежавшего Михаилу). Про них в высшем свете говорили: «Великий князь Михаил Александрович — безвольный, слабоумный в руках еврейки Вульферт. Он так же, как и молодая царица (Алиса Гессенская — жена Николая II), страшен России как царь». У Михаила Александровича и Натальи Сергеевны родился сын Георгий, который погиб в 1931 г. во Франции в автокатастрофе. Великий князь принял командование Кавказской кавалерийской туземной (Дикой) дивизией, с которой участвовал в боях в Галиции и за отличие был награжден Георгиевским оружием. С февраля 1916 г. Михаил командовал 2-м кавалерийским корпусом. С конца того же года стал генерал-инспектором кавалерии. Был почетным членом Николаевской инженерной и Михайловской артиллерийской академий и Института инженеров путей сообщения. В 1905—1917 гг. являлся председателем Императорского исторического музея имени Александра III. Однако отношения с императорской семьей продолжали оставаться напряженными из-за открытой взаимной неприязни жен обоих братьев и отрицательного отношения Михаила к влиянию Распутина. В начале Февральской революции 1917 г. по вызову председателя Государственной думы М. В. Родзянко он прибыл в Петроград.

Отречение Николая II 2 марта 1917 г. формально передавало престол Михаилу Александровичу, однако в условиях нарастающей революции занять его становилось невозможным. На следующий день Михаил также отрекся, заявив, что будущее России должно определить всенародно избранное Учредительное собрание. Этот шаг вызвал многочисленные приветствия в его адрес, причем одна из телеграмм пришла даже от ссыльных большевиков в Туруханске.

После Февральской революции Михаил продолжал жить в Гатчине как частное лицо, в политической деятельности не участвовал. По постановлению Совнаркома в марте 1918 г. был выслан в Пермь вместе с несколькими людьми из личного окружения. В ночь на 13 июня 1918 г. Михаил и его личный секретарь, англичанин Джонсон, были похищены из номеров пермской гостиницы «Королевская» группой чекистов, тайно вывезены за город и зверски убиты.

6. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА РОМАНОВА (1882—1960)

Ольга Александровна — младшая дочь Александра III родилась 1 (14) июня 1882 г. в Петергофе и была единственным «багрянородным» ребенком в семье. Багрянородным назывался

ребенок, рожденный от царствующего императора — от помазанника Божьего. Древние греки называли такого ребенка «пурпурогенным». В Византийской империи этому придавалось особое значение. Замечательными чертами ее характера была простота, непосредственность и сердечность, вообще свойственные детям Александра III.

Но если остальным, и прежде всего Николаю, приходилось учитывать строгие требования этикета императорского двора, подчинять свои взгляды и желания обязанностям «первой семьи России», то для Ольги Александровны официальные условности значили значительно меньше. Быть может, потеряв горячо любимого и требовательного отца, она не успела пройти строгую школу дисциплины императорского дома, за которой бдительно следил Александр III и поддерживать которую в той же степени не мог, а скорее всего не очень и хотел его мягкий и деликатный сын. Очень рано у великой княжны начал проявляться талант художницы. «Даже во время уроков географии и арифметики, — вспоминала она позже, — мне разрешалось сидеть с карандашом в руке, потому что я лучше слушала, когда рисовала кукурузу или дикие цветы».

Ольга Александровна вела жизнь не столько княжны, сколько обычного человека, искренне интересующегося людьми, разнообразной, главным образом благотворительной деятельностью и искусством. В августе 1901 г. она вступила в брак с принцем Петром Александровичем Ольденбургским, заключенный в рамках старой династической традиции. Замужество оказалось неудачным, и через несколько лет Ольга Александровна оставила супруга и связала свою жизнь с человеком, любимым ею по-настоящему, — капитаном лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским. После назначенного Николаем II испытательного срока в 7 лет 4 ноября 1916 г., буквально накануне революции, они обвенчались в Киеве. Этот брак оказался выбором на всю жизнь. У них родились 2 сына (Гурий и Тихон), не имевшие никаких династических прав.

В годы Первой мировой войны великая княжна отправилась на фронт сестрой милосердия, где была награждена Георгиевской медалью за проявленную храбрость. После революции она покинула Россию вместе с матерью и оставалась рядом с ней в Дании. Как вспоминал ее сын Тихон, Ольга Александровна «была в контакте со всем миром, ведя обширную переписку со старыми друзьями... Великая княгиня стала почетной председательницей ряда эмигрантских организаций. Тогда же был оценен ее художественный талант и она стала выставлять свои картины не только в Дании, но и в Париже, Лондоне, Берлине. Значительная часть

выручennых таким образом денег шла на благотворительность». После Второй мировой войны Ольга Александровна пыталась помочь оказавшимся в плену соотечественникам. Эта гуманистическая деятельность вызвала недовольство советского правительства, ставшего грозной силой на европейском континенте, и ей пришлось переехать в Канаду, где и прошли последние годы ее жизни. Великая княгиня скончалась 24 ноября 1960 г. и была похоронена на Русском кладбище Норт-Йорк в Торонто рядом со своим горячо любимым мужем Николаем Александровичем Куликовским, умершим всего на два года раньше нее.

Всю жизнь Ольга Александровна покровительствовала богоугодным учреждениям и организациям, благодетельствовала детским приютам, больницам, богадельням, женским курсам. Большую помощь оказывала неимущим талантливым художникам. Старалась помочь каждому нуждающемуся, насколько хватало ее личных сил и средств.

Продолжили великое дело своей матери сын Тихон Николаевич Куликовский-Романов (1917—1993) и его супруга Ольга Николаевна, которые основали Фонд великой княгини. В 1991 г. по поручению Тихона Николаевича Ольга Николаевна открыла первое в России Петербургское отделение Фонда. Вскоре были созданы филиалы Фонда в Москве и других регионах Российской Федерации. В октябре — ноябре 2002 г. по инициативе Ольги Николаевны Куликовской-Романовой в Москве, в музейно-выставочном комплексе школы акварели Сергея Андрияки состоялась выставка «Искусство Великой Княжны», на которой было представлено 114 ее прекрасных акварельных произведений и ряд исторических документов, связанных с ее жизнью. Автору этой книги посчастливилось побывать на этой выставке в день ее открытия 3 октября. Должен отметить, что выставка дала зримое представление о том, что сегодня нам почти не известно, — о содержательной, разносторонне прожитой духовной и культурной жизни талантливой русской художницы, сохранившей Россию в своей душе. Такая жизнь может служить примером для наших современников.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Царствование Александра III занимает достойное место в многовековой истории Российского государства. Исследование показывает, что немало деяний этого монарха было продиктовано особенностями его личности. По своему физическому складу Александр Александрович был русским богатырем, ведущим началом в жизни которого была высочайшая честность,

справедливость, ответственность за порученное дело и глубокая религиозность.

Как отмечал К. П. Победоносцев: «Душа его была чуткая в отзывчивости ко всему, в чем сказывалась ей природа своей земли и своего народа. Он вырос возле старшего брата, наследника престола, можно сказать, в тени его, питая свою душу дружбой с ним, воспринимая от него впечатления и вкусы его умственного и нравственного развития» (217, с. 407).

После смерти его брата в 1865 г. до вступления на престол в 1881 г. воспитание Александра Александровича «совершалось в духе исторических заветов народа русского и Русского государства». Он получил домашнее образование в объеме юридического факультета университета и военное образование в объеме Академии Генерального штаба. Учителями и наставниками великого князя были выдающиеся педагоги того времени.

Семейная жизнь Александра III, на всем своем протяжении наполненная миром, согласием и любовью, выгодно отличала его от предшествующих монархов. Он не просто отдыхал в кругу семьи, по его словам, он «наслаждался семейной жизнью», общением с женой и детьми.

По свидетельству близких ему людей, государь «не обладал выдающимися умственными способностями, но бесспорно не был лишен большого природного «здравого смысла» и известной житейской мудрости (390, 1994, в. V, с. 311). Он был убежден, что является помазанником Божьим, в то же время не забывал русской пословицы «На бога надейся, но сам не плошай». Говорят, как писал Н. А. Вельяминов, император «мечтал о широко конституционном образе правления для России в будущем, но был действительно глубоко убежден, что Россия к такому образу управления не подготовлена и пока на таковое не способна» (там же, с. 312).

Александр III был искренним, православным человеком, любящим правду. Крайне строго относясь к себе, глава империи не терпел лжи и лести от своих приближенных, а нарушивших его доверие навсегда отстранял от себя. «Александр III, — утверждал С. Ю. Витте, — был человек своего слова, царски благородный и с царскими возвышенными помыслами, у него не было ни личного самолюбия, ни личного тщеславия, его «я» было неразрывно связано с благами России так, как он их понимал. Он был обыкновенного ума и образования, он был мужествен и не на словах и театрально, а попросту... Александра III могли не любить, критиковать, находить его меры вредными, но никто не мог его не уважать. И его уважал весь мир и вся Россия».

Царствование Александра III прошло под знаком православного консерватизма и укрепления самодержавия. После первых месяцев острой внутриправительственной борьбы манифестом 29 апреля 1881 г. был определен твердый курс, сохранявший всю полноту единоличной власти монарха.

Вслед за ним последовали кардинальные меры о сохранении государственной безопасности и общественного спокойствия. Под строгий административный контроль подпадают печать и учебные учреждения.

Национальная политика обеспечивала единство и неделимость Российской империи. Заметно оживилась церковная жизнь, создано большое число православных храмов.

Важные шаги предприняты для повышения благосостояния крестьянства — понижены выкупные платежи, отменена подушная подать, упорядочены переселения, учрежден Крестьянский банк, ограничены переделы общинной крестьянской земли.

Серьезно упрочены позиции дворянства во всех сферах общественной жизни, усилена его административная власть, что закреплялось в Положениях о земских начальниках, земских учреждениях и Городовом положении, создан Дворянский банк, предоставлены преимущества в системе просвещения.

Император сократил расходы на содержание двора и на личные нужды членов царской фамилии. По инициативе министров финансов Бунге, Вышнеградского и Витте приняты энергичные меры по развитию отечественной промышленности. Свою роль сыграли: развитие акционерных обществ, капиталистического кредита, использование опыта европейских стран, открытия и изобретения ученых и инженеров, совершенствование техники производства в ведущих отраслях, усиление железнодорожного строительства, форсирование экспорта, покровительственный таможенный тариф 1891 г., льготы и пособия русским предпринимателям, упорядочение денежного обращения и достижения бюджетного равновесия, усовершенствование способов добычи, транспортировки и хранения нефти. По повелению Александра III построена Закаспийская железная дорога, скрепившая среднеазиатские территории с берегом Каспийского моря. При нем развернуто грандиозное строительство Великого Сибирского пути, соединившего Европейскую Россию с Тихим океаном. Впервые в России вводится контроль за условиями труда рабочих. В 1882 г. принят закон об ограничении работы малолетних, для надзора за его исполнением учреждается фабричная инспекция. С 1885 г. запрещается ночной труд женщин и детей, а в 1866 г. последовал закон об определении условий найма и порядок расторжения договоров рабочих с предпринимателями.

Резко возросли объемы внутренней и внешней торговли. Продолжало расти число ярмарок. Появились новые формы торговли: кооперативная, по образцам, оптовая биржевая торговля, монополистические конторы по продаже, торговые музеи, народнохозяйственные выставки, институт коммивояжерства. Возникают акционерные торговые общества. Значительную роль во внешнем рынке приобрела отечественная кооперация. Российские промышленники, торговцы и деятели культуры успешно демонстрировали свои достижения на всемирных выставках.

Радикальные меры проведены по переоснащению армии и военно-морских сил. Построено большое число броненосных судов. Восстановлен Черноморский флот. Сооружен Либавский порт. Коренной перестройке подвергся Добровольный флот.

Внешняя политика в основном направлялась самим Александром III. Вначале она характеризовалась укреплением Союза трех императоров (договоры 1881, 1884 гг.), заключением после его ликвидации «Перестраховочного договора» 1887 г., а затем поворотом от сотрудничества с Германией к союзу с Францией. После заключения русско-французского договора в 1891—1893 гг. император стал именоваться в официальной литературе Миротворцем (единственный из монархов, при котором Россия не воевала). «К началу 90-х годов прошлого века, — отметил заместитель министра внутренних дел генерал В. И. Гурко, — Александр III был общепризнанным суперарбитром Европы. К редко, но веско высказываемым им мнениям прислушивались все государи мира» (106а, с. 33). При Александре III было завершено присоединение к империи Средней Азии. Территория России за счет этого увеличилась примерно на 430 тыс. км^2. Петербург стремился поддерживать добрососедские отношения со странами Дальнего Востока, выступал за укрепление независимости Кореи. Вплоть до Японо-китайской войны 1894—1895 гг. Россия ошибочно считала Китай потенциальным соперником в Корее.

В сфере идейной борьбы и общественного движения в России четко обозначились три основные направления — консервативное, либеральное и радикальное. Основой теории государственного консерватизма вновь была возрождена триада Уварова — «православие, самодержавие и народность». Главными идеологами государственного консерватизма в рассматриваемый период стали К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Д. А. Толстой и В. П. Мещерский, которые центральное место в означенной триаде отводили самодержавию.

Среди религиозно-философских консерваторов того времени наиболее яркими представителями были К. Н. Леонтьев и Л. А. Тихомиров.

При всех своих достижениях консерватизм однако не смог эффективно противостоять либеральным и социалистическим идеям.

Либерализм представлял собой пестрый конгломерат разнообразных социальных групп, течений и взглядов. Определенный вклад в становление умеренного либерализма внесли известные ученые Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, которые были сторонниками умеренных реформ при сохранении монархии. С созданием земства организационной опорой либералов становится земское движение. Ведущую роль в земствах играла интеллигенция. Основной идеей буржуазного либерализма была идея борьбы за политическую свободу, за конституцию. Теоретическое обоснование либерального народничества сопровождалось отказом от революционной борьбы, критикой марксизма и русских социал-демократов.

К числу радикалов — сторонников решительных, коренных преобразований принято относить участников рабочего движения и социал-демократов.

80-е — начало 90-х гг. XIX в. явились периодом роста рабочего движения, распространения марксизма и зарождения социал-демократии в России.

В этот же период революционно-демократическое движение проявлялось в стихийных крестьянских волнениях, отдельных выступлениях революционной части студенчества и в деятельности разрозненных народовольческих и народнических кружков, испытывавших идейный кризис, незрелость и фанатизм.

1 марта 1887 г. произошел последний всплеск терроризма — попытка покушения на царя, предпринятая студенческой группой А. Ульянова (старшего брата В. И. Ленина), за что 5 активных ее членов поплатились жизнью.

В период царствования Александра III продолжается дальнейшее развитие отечественной культуры, начатое в эпоху Великих реформ. Растут и ширятся объединения ученых, писателей, композиторов и других представителей художественной интеллигенции. Ощутимо вырастает сеть консервативных изданий. В университетских городах возникают научные центры, множатся плеяды ученых, складываются и развиваются отечественные научные школы.

Новые направления науки разрабатывали ученые и конструкторы: Жуковский, Можайский, Циолковский, Лебедев, Бредихин, Павлов, Джевецкий, Ковалевский, Яблочков, Лодыгин, Попов, Бенардос, Славянов, Буслаев, Ключевский.

Талантливо порицают все формы социального неравенства писатели Л. Толстой, Чехов, Островский, Салтыков-Щедрин, Лесков, Гиляровский, Горький. Тенденции русского романтизма продолжают Фет, Майков, Полонский, К. Р. (Константин Романов).

Вдохновенно и эмоционально трудились в драматических театрах крупнейшие артисты Федотова, Ермолова, Савина, Стрепетова, Южин, Рыбаков, Андреев-Бурлак и многие другие.

Целый ряд музыкальных шедевров создают композиторы Чайковский, Римский-Корсаков, Балакирев, Кюи, Глазунов, Танеев.

Высоким мастерством, реалистичностью и идейностью отличаются полотна художников Крамского, Ге, Репина, Сурикова, Шишкина, Верещагина, братьев Васнецовых, Левитана.

Совершенные образцы скульптуры и архитектуры оставили потомкам Микешин, Опекушин, Антокольский, Шредер, Бах, Парланд, Померанцев, Шервуд, Клейн, Чичагов.

Выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский нашел замечательные слова для оценки трудов царя-миротворца: «...наука отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание и сделал это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III И ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ

1845 26 февраля — рождение Александра Александровича в Санкт-Петербурге.
17 марта — крещение великого князя Александра.
1852 26 февраля — пожалован в прапорщики.
1853 26 февраля — в подпоручики.
1855 18 февраля — смерть императора Николая I. Воцарение императора Александра II.
1859 26 февраля — произведен в штабс-капитаны.
1863 6 сентября — произведен в полковники.
1865 12 апреля — смерть цесаревича Николая Александровича. Александр Александрович становится престолонаследником.
1866 11 июня — помолвка цесаревича Александра Александровича с дочерью датского короля Христиана IX Марией-Софией-Фредерикой-Дагмарой.
14 сентября — приезд невесты цесаревича в Россию. Присоединение ее к православию с именем Мария Федоровна.
28 октября — бракосочетание Александра Александровича и Марии Федоровны.
1867 26 февраля — принял звание почетного председателя Русского исторического общества.
1868 17 апреля — назначен генерал-адъютантом к Его Императорскому Величеству.
6 мая — рождение сына Николая.
24 сентября произведен в генерал-лейтенанты

1869 20 мая — рождение сына Александра
1871 27 апреля — рождение сына Георгия.
1872 26 апреля — назначен начальником 1-й гвардейской Пехотной дивизии.
1874 30 августа — произведен в генералы от инфантерии и генералы от кавалерии с назначением командиром Гвардейского корпуса.
1875 25 марта — рождение дочери Ксении.
1877 12 апреля — начало Русско-турецкой войны.
21 мая — отъезд цесаревича в действующую армию.
22 июня — назначен командующим Рущукским отрядом.
25 августа — бой Рущукского отряда возле местечка Аблово с турецкими войсками Мехмет Али-паши.
9 сентября — победа Рущукского отряда возле местечка Чаир.
15 сентября — награждение цесаревича орденом Святого Владимира первой степени.
30 ноября — разгром Рущукским отрядом армии Сулеймана-паши у села Мечки. Награждение цесаревича орденом Святого Георгия II степени.
1878 1 февраля — возвращение цесаревича из армии в Петербург.
22 ноября — рождение сына Михаила.
1880 5 февраля — покушение на императорскую семью (взрыв) в Зимнем дворце.
22 мая — смерть матери Александра Александровича императрицы Марии Александровны.
6 июля — морганатический брак Александра II с княгиней Е. М. Долгорукой.
1881 1 марта — убийство императора Александра II членами «Народной воли». Восшествие на престол Александра Александровича.
2 марта — интронизация императора Александра III.
8 марта — совещание в Зимнем дворце по выбору политического курса.
3 апреля — казнь народовольцев — участников убийства Александра II.
29 апреля — царский манифест о политическом курсе.

6 июня — возобновление Союза трех императоров.

14 августа — закон об усиленной и чрезвычайной охране. Закон о выкупе крестьянами земли и уменьшении выкупных платежей.

1882 — учреждение Крестьянского банка. Закон об ограничении труда малолетних, создание фабричной инспекции. Введение временных правил о печати.

1883 28 апреля — закон о государственном флаге. Установление бело-сине-красной расцветки. Предоставление гражданских прав старообрядцам.

15 мая — коронация Александра III в Москве.

26 мая — освящение храма Христа Спасителя в Москве. Указ о сельскохозяйственных школах.

1884 — закон о школьном обучении малолетних фабричных работников. Закон о церковно-приходских школах.

23 августа утверждение нового университетского устава. Ликвидация автономии университетов. Запрещение высшим чиновникам участвовать в коммерческих предприятиях.

1885 7—17 января — стачка на фабриках Морозова в Орехово-Зуеве Владимирской губернии. Запрет ночной работы женщин и детей. Законодательное ужесточение ответственности за забастовки. Учреждение Дворянского земельного банка. Закон об обязательном выкупе государственными крестьянами наделов. Открытие железной дороги между Донбассом и рудным месторождением Криворожья.

29 августа — договор с Англией о разграничении границы с Афганистаном.

1886 — Закон о семейных крестьянских разделах. Отмена подушной подати. Закон о найме рабочих и об ответственности за забастовки.

2 июля — утверждение «Учреждения об императорской фамилии».

1887 1 марта — арест заговорщиков, готовивших покушение на Александра III. Казнены 3 мая.

6 июня — заключение договора между Россией и Германий («Договор перестраховки»).

1888 18 июня — издание циркуляра «о кухаркиных детях» министром народного просвещения И. Д. Деляновым.

22 июля — открытие Томского университета.

17 октября — крушение царского поезда около станции Борки.

1889 — закон о земских начальниках.

1890 — принятие нового «Положения о губернских и уездных земских учреждениях».

1891 — начало строительства Транссибирской магистрали.

29 апреля — покушение в городе Оцу (Япония) на цесаревича Николая Александровича.

15 июля — политический договор России с Францией о совместных действиях в случае угрозы миру. Подписан 5 августа 1892 г.

1892 — Городовое положение.

5 августа — открытие Третьяковской галереи в Москве.

1893 — закон о сроках перераспределения общинных земель. Запрет залога и продажи общинных земель.

1894 29 января — заключение торгового договора с Германией.

8 апреля — помолвка цесаревича Николая Александровича с принцессой Алисой Гессенской.

20 октября — кончина императора Александра III в Ливадии, в Крыму.

7 ноября — погребен в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. Установлены памятники в Феодосии (1896), Кувшиновском заводе Верхотурского у. Пермской губ. (1901), Иркутске (1908), С.-Петербурге (1909), Москве (1912).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза Александр Агеевич (1821—1895), действительный статский советник, член Государственного Совета, гофмейстер при дворе великой княгини Елены Павловны; 1874—1880 гг. и 1883—1892 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета; 1880—1881 гг. — министр финансов.

Абдул-Хамид II (1842—1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г.

Абрамов Яков Васильевич (1858—1906), публицист и статистик, либеральный народник.

Авелан Федор Карлович (1839 — после 1905), генерал-адъютант, адмирал, начальник Главного морского штаба с 1896 г., с 1905 г. в отставке. По личному выбору Александра III командовал русской эскадрой на Тулонских торжествах по случаю заключения франко-русского союза.

Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888), граф, генерал-адъютант, командующий императорской Главной квартирой, член Главного управления цензуры; 1872—1881 гг. министр императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов; член Государственного совета.

Адольф Нассауский (1817—1905), герцог, с 1844 г. муж великой княжны Елизаветы Михайловны (1798—1849).

Айвазовский Иван Константинович (1817—1900), художник-маринист.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, славянофил, редактор газет «День», «Русь», «Москва» и журнала «Русская беседа», член Московского славянского комитета.

Аликс (Alix) — см. Александра Федоровна, супруга Николая II.

Александр I Павлович (1777—1825), император с 1801 г.

Александр II Николаевич (1818—1881), император с 1855 г.

Александр III Александрович (1845—1894), император с 1881 г.

Александр Александрович (1869—1870), великий князь, второй сын цесаревича Александра Александровича и Марии Федоровны, умер в младенчестве.

Александр Баттенбергский (1857—1893), принц, сын принца Александра Гессенского от морганатического брака с графиней Юлией Гауке, с 1879 г. князь Болгарский. После отречения в 1886 г. принял титул графа Гартенау.

Александр Гессенский (1823—1888), принц Гессенский, брат императрицы Марии Александровны.

Александр Михайлович (1866—1933), великий князь, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, адмирал, с 1894 г. женат на дочери Александра III великой княжне Ксении Александровне.

Александра Александровна (1842—1849), великая княжна, первая дочь Александра II, умерла в детстве.

Александра Английская (1844—1925), урожденная принцесса Датская, с 1863 г. жена наследника английского престола принца Альберта-Эдуарда Уэльского (с 1901 г. — английский король Эдуард VII), старшая сестра императрицы Марии Федоровны.

Александра Иосифовна (1830—1911), урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, великая княгиня, с 1848 г. жена великого князя Константина Николаевича.

Александра Федоровна (1798—1860), урожденная принцесса Прусская Шарлотта, жена императора Николая I.

Александра Федоровна (1872—1918), урожденная принцесса Гессенская Алиса-Виктория-Елена-Луиза, с 1894 г. жена императора Николая II.

Алексей Александрович (1850—1908), великий князь, четвертый сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства 1880—1905 гг., член Государственного совета.

Алтухов Николай Владимирович, коллежский советник, прозектор Московского университета участвовал в паталого-анатомическом исследовании тела Александра III.

Альберт Виктор Эдуард (1864—1892), герцог Кларенс, старший сын принца Уэльского, сватавшийся к Алисе, принцессе Гессенской, но получивший отказ.

Альберт-Эдуард (1841—1910), герцог Уэльский, наследник престола Великобритании, с 1901 г. король Эдуард VII.

Альфред-Эрнест-Альберт Саксен-Кобургский (1844—1900), герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории, с 1874 г. муж великой княжны Марии Александровны, дочери Александра II.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938), писатель, журналист.

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843—1888), актер.

Андреюшкин Пахомий Иванович (1865—1887), студент С.-Петербургского университета, народоволец, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г., казнен.

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902), скульптор.

Антоний (Рафальский) (умер в 1848 г.), митрополит Новгородский и Петербургский.

Апухтин Александр Львович, военный топограф, попечитель Варшавского учебного округа 1879—1897 гг.

Аренский Анатолий Степанович (1861—1906), композитор, пианист, дирижер.

Арнольди Александр Иванович (1817—1890), генерал от кавалерии, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., военный губернатор Софии в 1877 г., с 1884 г. в отставке.

Арто Дезире (1835—1907), франц. певица (меццо-сопрано).

Ауэр Леопольд Семенович (1845—1930), скрипач, дирижер.

Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), профессор политической экономии Московского университета с 1857 г. Преподаватель цесаревича Александра Александровича.

Бабухин Александр Иванович (1827 или 1835—1891), гистолог и физиолог.

Бадмаев Александр (Сультим) Александрович (ум. 1873 г.), сын богатого бурятского скотовода, с 1857 г. жил в Петербурге, занимался тибетской медициной, владел аптекой.

Бажанов Василий Борисович (1800—1883), протопресвитер, член Св. синода, с 1849 г. духовник императорской семьи, писатель, богослов.

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), англ. поэт, романтик, чл. палаты лордов.

Балакирев Милий Алексеевич (1836/37—1910), композитор, пианист, дирижер.

Баранов Эдуард Трофимович (1811—1884), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, председатель совета Главного общества российских железных дорог, в 1866 г. прибалтийский, в 1866—1868 гг. виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, с 1868 г. член Государственного совета, в 1871—1874 гг. управлял Министерством двора и уделов, председатель Комиссии по разработке Общего устава железных дорог.

Бартенев Владимир Иванович (1834 — после 1909), сенатор.

Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929), театральный деятель, коллекционер.

Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902), ботаник-эволюционист, один из основоположников морфологии и географии растений, основатель научной школы, чл.-корр. (1891), поч. член (1895) Петерб. АН.

Беккер Карл Людвиг Фридрих (1820—1900), немецкий исторический живописец.

Белелюбский Николай Аполлонович (1845—1922), инженер и ученый.

Белопольский Аристарх Аполлонович (1854—1934), астроном, акад. Петерб. АН (1903), Рос. АН (1917), АН СССР (1925).

Белостоцкий А. В. — сенатор.

Белоусов Алексей Константинович, прозектор Харьковского университета, надворный советник, участвовал в паталогоанатомическом исследовании тела Александра III.

Беляев Митрофан Петрович (1836—1903/04), музыкальный деятель, нотоиздатель.

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), русский художник, историк искусства, критик, один из основателей объединения «Мир искусства», с 1926 г. в эмиграции.

Бенуа Николай Леонтьевич (1813—1898), архитектор.

Бердяев Н. С. полковник, начальник Московского охранного отделения.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948), русский религиозный философ, с 1922 г. в эмиграции.

Березовский Антон Иосифович (1847 — ок. 1916) — террорист, участник Польского восстания 1863 г., 6 июня 1867 г. стрелял в Александра II в Париже.

Бернс А. А., полковник лейб-гвардии Преображенского полка, член духового оркестра императора Александра III, автор воспоминаний.

Бисмарк фон Отто Эдуард Леонид (1815—1898), с 1867 г. граф, с 1871 г. князь, в 1859—1862 гг. прусский посол в России, в 1871—1890 гг. германский канцлер.

Биппен Н. Н. — сенатор.

Блейхредер Герзон (1822—1893) — немецкий банкир, доверенное лицо Бисмарка.

Блинов Ф. А. (1832—1902), изобретатель.

Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны.

Блуменфельд Феликс Михайлович (1863—1931), пианист, дирижер, композитор, засл. деят. искусств РСФСР (1927).

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921), писатель, поч. акад. Петерб. АН (1900).

Бове Осип Иванович (1784—1834), архитектор.

Богданович Александра Викторовна, урожденная Бутовская, жена генерала от инфантерии Е. В. Богдановича, автор опубликованных дневников «Три последних самодержца».

Богдановский Евстафий Иванович (1833—1888), доктор медицины с 1861 г., профессор по кафедре хирургии Медико-хирургической академии с 1869 г.

Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896), художник, с 1858 г. академик, участник Товарищества передвижников, давал уроки рисования и живописи цесаревне Марии Федоровне, основатель т. н. Радищевского музея в Саратове.

Бодуэн де Куртенэ Иван *Александрович* (Игнатий Нецислав) (1845—1929), русский и польский языковед, чл.-корр. Петерб. АН (1897).

Борзенков Яков Андреевич (1825—1883), зоолог, физиолог.

Боровиковский Владимир Лукич (1758—1826), русский художник.

Бородин Александр Порфирьевич (1833—1870, композитор и химик, проф. (с 1864 г. — Военно-мед. академии (С.-Петербург)).

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор духовной музыки, с 1796 г. директор придворной капеллы.

Боткин Сергей Петрович (1832—1889), профессор Военно-медицинской академии, основоположник русской клинической школы, лейб-медик Александра II и Александра III.

Боткина Александра Павловна (1867—1959), урожденная Третьякова, дочь коллекционера П. М. Третьякова.

Боткин Василий Петрович (1811/12—69), писатель, критик.

Брашман Николай Дмитриевич (1796—1866), математик и механик, чл.-корр. Петерб. АН (1853).

Бредихин Федор Александрович (1831—1904), астроном, акад. Петерб. АН (1890).

Бренко Анна Алексеевна (1849—1934), актриса, театр. деятель, засл. арт. Республики (1934)

Брокгауз Эдуард (1829—1914), немецкий издатель русского энциклопедического словаря.

Бруни Федор Антонович (1799—1875), русский художник, итальянец по происхождению. Ректор Петербургской академии художеств в 1855—1871 гг. Участвовал в росписи Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве.

Брюллов Карл Павлович (1799—1852), живописец и рисовальщик.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940), русский писатель.

Бунге Николай Христианович (1823—1895), ученый-экономист, товарищ министра финансов в 1879—1881 гг., министр финансов в 1881—1886 гг., председатель Комитета министров в 1887—1895 гг.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), русский писатель, Нобелевский лауреат 1933 г., в эмиграции с 1920 г.

Буренин Виктор Петрович (1841—1926), писатель.

Бурцев Владимир Львович (1862—1942), публицист и издатель журналов «Свободная Россия» «Народоволец», «Былое» и др., с 1921 г. в эмиграции.

Буслаев Федор Иванович (1818—1897), филолог, профессор Московского университета. Преподавал словесность цесаревичу Александру Александровичу.

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886), химик-органик, акад. Петерб. АН (1874).

Быковский Константин Михайлович (1841—1906), архитектор.

Бюлов Ханс Гвидо фон (1830—1894), нем. пианист, дирижер, композитор, муз. писатель.

Вагнер Рихард (1813—1883), нем. композитор, дирижер, режиссер.

Вазем Екатерина Оттовна (1848—1937), артистка, педагог.

Валуев Петр Александрович (1814—1890), граф с 1880 г., курляндский губернатор в 1853—1858 гг., член редакционных комиссий по выработке «Положения 19 февраля 1861 г.», министр внутренних дел в 1861—1868 гг., министр государственных имуществ в 1872 г., председатель Комитета министров 1877—1881 гг.

Ваннер Вильгельм (1820—1889), артист.

Ванновский Петр Семенович (1822—1904), генерал от инфантерии с 1883 г., генерал-адъютант, во время Русско-турецкой войны — начальник штаба Рущукского отряда, военный министр 1881—1898 гг., министр народного просвещения в 1901—1902 гг.

Варламов Константин Александрович (1848—1915), актер.

Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856—1933), живописец и график, археолог.

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926), русский художник.

Вельбицкий, начальник харьковского жандармского управления в 1887 г.

Вельяминов Николай Александрович (1855—1920), профессор Военно-медицинской академии, в 1910—1912 гг. начальник академии, с 1890 г. лейб-хирург. Издатель журнала «Хирургический вестник» с 1885 г.

Верди Джузеппе (1813—1901), итал. композитор.

Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), русский художник-баталист. Участник Русско-турецкой и Русско-японской войн. Награжден орденом Св. Георгия IV ст. Погиб в Порт-Артуре во время взрыва броненосца «Петропавловск».

Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор и театральный деятель.

Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), философ, акад. Петерб. АН (1880).

Виктория I Александрина (1819—1901), королева Великобритании с 1837 г. и императрица Индии с 1876 г.

Виктория-Мелита (Виктория Федоровна) (1876—1936), великая герцогиня Саксен-Кобург-Готская, жена герцога Эрнста Гессен-Дармштадтского, во втором браке за великим князем Кириллом Владимировичем.

Виктория, принцесса Уэльская (1868—1935), племянница Марии Федоровны, дочь принца Альберта-Эдуарда Уэльского и Александры.

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), историк, акад. Петерб. АН (1914), РАН (1917), АН СССР (1925).

Вильгельм II (1858—1941), германский император в 1888—1918 гг.

Вильгельмина-Луиза (1755—1776), принцесса Дармштадтская, первая жена великого князя наследника Павла Петровича (с 1773 г.). В православии — великая княгиня Наталья Алексеевна.

Вильгельмина-Луиза (1788—1836), жена герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского с 1804 г., мать императрицы Марии Александровны.

Витберг Александр Лаврентьевич (1787—1855), архитектор, автор первого проекта храма Христа Спасителя в Москве.

Витол (Витолс) Язепс (Витоль Иосиф Иванович) (1863—1948), латыш. композитор, педагог.

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), граф с 1905 г., директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов в 1889—1892 гг., министр путей сообщения в 1902 г., министр финансов в 1892—1903 гг., председатель Комитета министров в 1903—1905 гг., председатель совета министров в 1905—1906 гг., член Государственного Совета.

Владимир Александрович (1847—1909), великий князь, третий сын Александра II, генерал от инфантерии, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа 1884—1905 гг., член Государственного совета, президент Академии художеств (с 1876 г.).

Вово — см. Мещерский Владимир Петрович.

Вогюэ (Vogue) Эжен-Мельхиор (1848—1910), виконт, французский дипломат.

Воейков Александр Иванович (1842—1916), климатолог и географ, основоположник климатологии в России, чл.-корр. Петерб. АН (1910).

Волнухин Сергей Михайлович (1859—1921), скульптор.

Волохов Степан Александрович (1866—1887), участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Вороной Георгий Феодосьевич (1868—1908), математик, чл.-корр. Петерб. АН (1907).

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, министр императорского двора и уделов в 1881—1897 гг., наместник на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа в 1905—1915 гг.

Врубель Михаил Александрович (1856—1910), живописец.

Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913), философ, химик.

Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895), профессор, инженер, ученый в области механики, управляющий Министерством финансов в 1887 г., министр финансов в 1888—1892 гг.

Ган Александр Федорович (1809—1895), генерал от инфантерии с 1878 г., член военного совета. Участник Польской кампании 1831 г., Крымской войны 1853—1855 гг., в составе Рущукского отряда командовал 12-м армейским корпусом.

Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель.

Ге Николай Николаевич (1831—1894), живописец, один из создателей Товарищества передвижников.

Гейкинг Густав Эдуардович, барон, штабс-капитан, адъютант киевского губернского жандармского управления. Смертельно ранен 25 мая 1878 г. террористом Г. А. Попок-Голопупенко. Скончался 29 мая.

Гейтен Лидия Николаевна (1857—1920), артистка.

Гельмерсен Григорий Петрович (1803—85), геолог, акад. Петерб. АН (1850).

Гельфман Геся Мироновна (1852—1882), народоволец, участница заговора на Александра II 1 марта 1881 г. Незадолго до смерти была помилована. Умерла в тюрьме.

Гельцер Василий Федорович (1841—1908), артист, педагог.

Генералов Василий Денисович (1867—1887), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Повешен.

Георг V (1865—1936), король Англии с 1910 г.

Георгий Александрович (1871—1899), великий князь, третий сын Александра III, наследник престола, цесаревич в 1894—1899 гг. Умер от туберкулеза в местечке Абастус (Абас-Туман) на Кавказе.

Герард Владимир Николаевич (1839—1903), известный русский адвокат, член совета присяжных поверенных с 1869 г., защитник Н. И. Кибальчича на судебном процессе по делу о покушении на Александра II 1 марта 1881 г.

Герке Август Антонович, присяжный поверенный, защитник на процессах по делу о покушении на Александра II 1 марта 1881 г. и на Александра III 1 марта 1887 г.

Герье Владимир Иванович (1837—1919), историк, общественный деятель, чл.-корр. Петерб. АН (1902).

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, ин. поч. чл. Петерб. АН (1826).

Гиляровский Владимир Алексеевич (1853—1935), писатель.

Гинцбург Гораций Осипович (1833—1909), барон, банкир, меценат, член Общества взаимного вспоможения русских художников в Париже.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945), писательница. Идеолог символизма.

Гирс Николай Карлович (1820—1895), статс-секретарь, товарищ министра иностранных дел 1875—1882 гг., министр иностранных дел в 1882—1895 гг.

Гирш Густав Иванович (1828—1907), лейб-хирург Александра III и Николая II.

Глазунов Александр Константинович (1865—1936), композитор, дирижер, нар. артист Республики (1922).

Глинка Михаил Иванович (1804—1857), русский композитор.

Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874/75—1956), композитор, дирижер, педагог.

Гоби Христофор Яковлевич (1847—1919), ботаник, проф. Петерб. университета (1885).

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), русский писатель.

Годунов Борис Федорович (1552—1605), русский царь с 1598 г.

Гога — см. Юрьевский Георгий Александрович, сын Александра II.

Голенищев-Кутузов Павел Павлович (1843—1914), граф, гофмаршал.

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913), поэт, прозаик.

Голенищева-Кутузова Аглаида Васильевна (1853—?), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны, получила серьезные травмы во время катастрофы царского поезда в Борках 17 октября 1888 г.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения в 1861—1866 гг., член Государственного совета.

Голубкина Анна Семеновна (1864—1927), скульптор.

Голубов Николай Федорович (1856—1916?), профессор с 1893 г. и директор факультетской терапевтической клиники Московского университета.

Гончаров Иван Александрович (1812—1893), писатель, чл.-корр. Петерб АН (1860).

Горев (наст. фам. Васильев) *Федор Петрович* (1850—1910), актер.

Горкун Петр Степанович (род. в 1866 г.), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Горохов, фельдшер, очевидец убийства Александра II 1 марта 1881 г.

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), светлейший князь, советник посольства в Вене 1833—1838 гг., посланник в Штутгарте в 1841—1850 гг., министр иностранных дел 1856—1882 гг., государственный канцлер с 1867 г.

Горшенкова Мария Николаевна (1857—1938), артистка.

Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), писатель, публицист.

Граве Дмитрий Александрович (1863—1939), математик, чл.-корр. (1924) и поч. чл. (1929) АН СССР.

Гранси де Август-Людвиг, барон, шталмейстер Людвига II Гессен-Дармштадтского.

Гранси де (m-lle de Grancey) — воспитательница императрицы Марии Александровны.

Граф Парижский — см. Людовик-Филипп Альберт.

Грессер Петр Аполлонович (1832—1892), генерал-адъютант, петербургский градоначальник в 1882—1892 гг.

Гречанинов Александр Тихонович (1864—1956), композитор.

Григ Эдвард (1843—1907), норв. композитор, пианист, дирижер, муз. деятель.

Гриневицкий Игнатий Иоахимович (1856—1881), народоволец, убийца Александра II, казнен.

Грот Яков Карлович (1812—1893), академик, историк литературы, вице-президент Академии наук, преподаватель русского языка у цесаревича Александра Александровича.

Грудзинская Иоанна Жанетта Антоновна (1795—1831), графиня, морганатическая супруга великого князя Константина Павловича, после брака получила титул княгини Лович.

Гумбольдт Вильгельм (1767—1835), нем. филолог, философ, языковед, гос. деятель, дипломат, ин. поч. член Петерб. АН (1832).

Гун Карл Федорович (1830—1877), художник, профессор Академии художеств, член совета Академии с 1872 г.

Гурилев Александр Львович (1803—1858), композитор, пианист, скрипач.

Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901), генерал-адъютант, фельдмаршал, участник Руссю-турецкой войны, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, одесский (1882—1883), варшавский (1883—1894) генерал-губернатор, член Государственного совета.

Гюго Виктор Мари (1802—1885), франц. писатель-романтик.

Давидов Август Юльевич (1823—1886), математик, один из основателей и президент Московского математического общества.

Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Иван Николаевич Горелов), актер.

Давыдов Карл Юльевич (1838—1889), виолончелист, дирижер, композитор.

Дагмар — см. Мария Федоровна, императрица, супруга Александра III.

Даки (Ducky) — см. Виктория-Мелита, принцесса Дашкова Софья Андреевна (в замужестве княгиня Гагарина) (1822—1908), фрейлина императрицы Марии Александровны.

Данте Алигьери (1265—1321), итал. поэт, создатель итал. лит. языка.

Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869), композитор, один из основоположников рус. классической музыки.

Дворжак Антонин (1841—1904), чеш. композитор, дирижер, педагог.

Дворжицкий Адриан Иванович (1830—1887), полковник, обер-полицмейстер Петербурга, сопровождал Александра II 1 марта 1881 г. Во время покушения на императора был тяжело ранен.

Дейер Петр Антонович, сенатор, председатель суда над участниками покушения на Александра 1 марта 1881 г.

Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф, статс-секретарь, министр народного просвещения в 1882—1897 гг.

Демидов Павел Павлович (1839—1885), князь Сан Донато, муж М. Э. Мещерской, сын от первого брака А. К. Карамзиной, горнозаводчик и землевладелец. Во втором браке —муж княжны Е. П. Трубецкой (1852—1917). Один из организаторов «Священной дружины».

Джевецкий Степан Карлович (1843—1938), изобретатель.

Дмитрий Константинович (1860—1919), великий князь, третий сын великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1897—1905 гг. главноуправляющий государственного коннозаводства. Расстрелян в Петропавловской крепости большевиками.

Докучаев Василий Васильевич (1846—1903), естествоиспытатель, проф. Петерб. университета (с 1883 г.).

Долгорукая (Долгорукова) Вера Гавриловна (урожденная Вишневская), княгиня, мать морганатической супруги Александра II Е. М. Юрьевской.

Долгорукая (Долгорукова) Екатерина Михайловна — см. Юрьевская Екатерина Михайловна.

Долгорукая (Долгорукова) Мария Михайловна, княжна, сестра Е. М. Юрьевской.

Долгорукая (Долгорукова) Ольга Александровна, княжна, юношеская симпатия цесаревича Николая Александровича (Ники).

Долгорукий Михаил Михайлович (1815—?), князь, отец Е. М. Юрьевской.

Долгорукий Василий Александрович (1868—1918), князь, обер-гофмаршал, генерал-майор свиты, руководил траурными мероприятиями в Санкт-Петербурге при похоронах Александра III.

Долгоруков Владимир Андреевич (1810—1891), князь, московский генерал-губернатор.

Доливо-Добровольский Михаил Осипович (1861/62—1919), электротехник, создатель техники трехфазного тока.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), русский писатель.

Достоевская Любовь Федоровна (1869—1926), дочь Ф. М. и А. Г. Достоевских, автор воспоминаний об отце.

Дохтуров Дмитрий Петрович (1838—1905), генерал от кавалерии с 1898 г., член Военного совета с 1901 г., участвовал в Русско-турецкой войне в составе Рущукского отряда.

Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), генерал-адъютант, военный историк и теоретик, участник Русско-турецкой войны, начальник Академии Генерального штаба в 1878—1889 гг., командующий войсками Киевского военного округа, киевский генерал-губернатор в 1897—1903 гг., член Государственного совета. Преподавал цесаревичу Александру Александровичу теорию военного искусства.

Дрентельн Александр Романович (1820—1888), генерал-адъютант, генерал-губернатор Юго-Западного края и командующий войсками Киевского военного округа в 1881—1888 гг., член Государственного совета.

Дризен Александр Федорович, барон, генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны, в составе Рущукского отряда командовал 12-й кавалерийской дивизией.

Дубинский Николай Иванович, генерал-майор, участник Русско-турецкой войны, в составе Рущукского отряда командовал 2-й бригадой 1-й пехотной дивизии.

Дубяго Дмитрий Иванович (1849—1918), астроном.

Дюрер Альбрехт (1471—1528), немецкий живописец и график.

Евгения-Мария (1826—1920), урожденная графиня Монтихо, с 1852 г. жена императора Наполеона III.

Егоров Дмитрий Федорович (1869—1931), математик, чл.-корр. РАН (1924) и поч. член АН СССР (1929).

Екатерина I Алексеевна (урожденная Марта Скавронская) (1683—1727), жена Петра I, российская императрица в 1725—1727 гг.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) (принцесса Софья-Фредерика-Августа Анхальт-Цербстская), жена Петра III, русская императрица в 1762—1796 гг.

Екатерина Михайловна (1827—1894), великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича, в замужестве — герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.

Елена Павловна (1806—1873), принцесса Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича.

Елизавета Петровна (1709—1761), русская императрица в 1741—1761 гг.

Елизавета Михайловна (1826—1845), великая княжна, жена герцога Адольфа Нассауского с 1844 г.

Елизавета Федоровна (1864—1918), урожденная принцесса Гессенская, великая княгиня, жена великого князя Сергея Александровича. Основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита 18 июля 1918 г. под Алапаевском.

Епанчин Николай Алексеевич (1857—1941), генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой войны, директор Пажеского корпуса с 1900 г., профессор Николаевской академии Генерального штаба. Автор воспоминаний «На службе трех императоров».

Еремеев Павел Владимирович (1830—1899), минералог, акад. Петерб. АН (1894).

Ермолова Мария Николаевна (1853—1928), актриса.

Есипова Анна Николаевна (1851—1914), пианистка, педагог.

Ефрон Илья Абрамович (1845—1917), издатель русского энциклопедического словаря.

Желябов Андрей Иванович (1851—1881), один из руководителей террористической организации «Народная воля».

Жерве Альфред-Альберт (1837—1921), французский адмирал, командовал эскадрой, прибывшей в Кронштадт в 1891 г.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, критик, публицист, просветитель. Наставник цесаревича Александра Николаевича.

Жуковский Николай Егорович (1847—1921), основоположник соврем. аэродинамики, чл.-корр. Петерб. АН (1894), РАН (1917).

Заварзин Павел Павлович — полковник, офицер 16-го стрелкового полка в 1894 г., начальник Московского, затем Одесского охранного отделения.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), русский писатель.

Зайцев Александр Михайлович (1841—1910), химик-органик, чл.-корр. Петерб. АН (1885).

Засулич Вера Ивановна (1849—1919), член террористической группы «Освобождение труда». В 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, была оправдана судом присяжных.

Захарьин Григорий Антонович (1827—1897), профессор и директор факультетской терапевтической клиники Московского университета. Один из лечащих врачей Александра III.

Здекауер Николай Федорович (1815—1897), профессор госпитальной клиники Медико-хирургической академии, с 1860 г. лейб-медик Александра II, в 1884—1889 гг. председатель медицинского совета.

Зернов Дмитрий Николаевич (1843—?), с 1875 г. профессор анатомии Московского университета, действительный статский советник, участвовал в патолого-анатомическом исследовании тела Александра III.

Зинин Николай Николаевич (1812—1880), химик-органик, основатель научной школы, акад Петерб. АН (1865).

Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), генерал-адъютант, воспитатель детей Александра II, в 1862 г. председатель Особого временного комитета о пожарах, председатель комиссии по предоставлению пособий пострадавшим от неурожая 1867 г.

Зичи Михаил Александрович (1827—1906), придворный художник, академик.

Иван Васильевич Грозный (1530—1584), великий князь Московский с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.). Сын Василия III от второго брака с Еленой Глинской.

Иванов Александр Андреевич (1806—1858), живописец.

Иванов Лев Иванович (1834—1901), артист балета, балетмейстер.

Иванов-Козельский (наст. фам. Иванов) *Митрофан Трофимович* (1850—1898), актер.

Игнатьев Николай Павлович (1832—1902), граф, генерал-адъютант, посол в Турции в 1864—1877 гг., министр внутренних дел в 1881—1882 гг., член Государственного совета.

Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920), историк, публицист.

Иноземцев Федор Иванович (1802—1869), профессор кафедры практической хирургии Московского университета в 1837—1859 гг., основал первую в России факультетскую хирургическую клинику (1846), первым в России применил эфирный наркоз (1847), основатель Общества русских врачей в Москве.

Ипполитов-Иванов (наст. фам. Иванов) *Михаил Михайлович* (1859—1935), композитор и дирижер, нар. арт. Республики (1922).

Исидор Иаков Сергеевич (Никольский) (1799—1892), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский с 1860 г.

Калиновская Северина (Ольга) Осиповна, возлюбленная цесаревича Александра Николаевича, в первом браке Плаутина, во втором — Огинская.

Калинников Василий Сергеевич (1866—1900/01), композитор, дирижер, педагог.

Каменский Николай Михайлович (1778—1811), граф, генерал от инфантерии, младший сын фельдмаршала М. Ф. Каменского, в 1810 г. главнокомандующий молдавской армией, одержал победы при Батине, Рущуке, Ловчи.

Канчер Михаил Никитич (1865—?), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Каприви Лео фон (1831—1899), граф с 1891 г., генерал, командир 10-го армейского корпуса в 1888—1890 гг., в 1890—1894 гг. рейхсканцлер.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), террорист, совершивший покушение на Александра II 4 апреля 1866 г. Повешен на Смоленской площади в Санкт-Петербурге.

Кареев Николай Иванович (1850—1931), историк, чл.-корр. Петерб. АН (1910), РАН (1917), АН СССР (1925).

Карл I Фридрих (1823—1891), король Вюртембергский, муж сестры Александра II Ольги Николаевны.

Карл XII (1682—1718), король Швеции с 1697 г.

Карл, принц Дармштадтский, брат императрицы Марии Александровны.

Карл (Кароль) (1839—1914), король Румынии.

Карпинский Александр Петрович (1846/47—1936), основатель русской геологической научной школы, акад. Петерб. АН (1896), РАН (1917), АН СССР (1925), первый выборный през. РАН (1917—25), през. АН СССР (1925).

Коровин Константин Алексеевич (1861—1939), живописец, театральный художник.

Коровин Сергей Алексеевич (1858—1908), живописец.

Каронин С. (наст. имя и фам. Николай Елпидифорович Петропавловский) (1853—1892), писатель-народник.

Каррель Филипп Яковлевич (1806—1886), лейб-медик, тайный советник.

Каррингтон Чарльз Роберт (1843—1928), барон, лорд-гофмейстер английской королевы Виктории.

Касаткин Николай Алексеевич (1859—1930), живописец, нар. худ. Республики (1923).

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), известный публицист, с 1851 г. редактор газеты «Московские ведомости», с 1856 г. издатель журнала «Русский вестник».

Квятковский Александр Александрович (1853—1880), член террористической организации «Народная воля». Участвовал в организации покушений на Александра II. Повешен в Петропавловской крепости.

Кедрин Е. И., адвокат в 1881 г.

Келдыш Георгий (Юрий) Всеволодович (1907—1995), музыковед, засл. деят. иск-в РСФСР (1966).

Келлер-Вилианди Иван Петрович (1826—1899), русский художник.

Кибальчич Николай Иванович (1853—1881), народоволец, участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Казнен.

Клейн Иван Федорович, профессор патологической анатомии Московского университета, действительный статский советник, участвовал в патолого-анатомическом исследовании тела Александра III.

Клейн Роман Иванович (1858—1924), архитектор.

Климент (Василий Друмлев) (1841—1910), митрополит Терновский, болгарский религиозный и политический деятель.

Клодт фон Юргенсон Петр Карлович (1805—1867), барон, русский скульптор и литейный мастер; профессор Академии художеств.

Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк, акад. (1900), поч. акад. Петерб. АН (1908).

Кнебель Иосиф Николаевич (1854—1926), российский издатель и книгопродавец.

Ковалевсая Софья Васильевна (1850—1891), первая в мире женщина — профессор математики, а также писатель и публицист, чл.-корр. Петерб. АН (1889).

Ковалевский Александр Онуфриевич (1840—1901), биолог, акад. Петерб. АН (1890).

Ковалевский Владимир Онуфриевич (1842—1883), зоолог.

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), историк, юрист, социолог.

Ковалевский Павел Михайлович (1823—1907), писатель, мемуарист.

Ковальский Марианн Альбертович (Войтехович) (1821—1884), астроном, чл.-корр. Петерб. АН (1862).

Кожевников Алексей Яковлевич (1836—1902), один из основоположников невропатологии в России.

Кокшаров Николай Иванович (1818—1892/93), минералог-кристаллограф, акад. Петерб. АН (1866).

Комаров Александр Виссарионович (1830—1904), генерал от инфантерии (1890), выиграл сражение на реке Кушке 18 марта 1885 г. Известный археолог

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), действительный тайный советник, сенатор с 1891 г., с 1877 г. председатель Петербургского окружного суда, с 1885 г. обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, почетный академик, руководитель следствия по крушению императорского поезда в Борках, с 1918 г. профессор кафедры уголовного судопроизводства Петроградского университета.

Константин Константинович (1858—1915), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1891 г. командир Преображенского полка, начальник военно-учебных заведений в 1900—1910 гг., генерал-инспектор военно-учебных заведений с 1910 г., президент Академии наук с 1889 г. Поэт, драматург, литературный критик (псевдоним К. Р.).

Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, второй сын Николая I. Генерал-адмирал, с 1855 г. управлял флотом и морским ведомством на правах министра, в 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, наместник Царства Польского в 1862—1863 гг.,

председатель Государственного совета и Главного комитета обустройства сельского состояния в 1865—1881 гг.

Константин Павлович (1799—1831), великий князь, цесаревич, сын Павла I.

Коркин Александр Николаевич (1837—1908), математик.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), писатель и публицист.

Корсаков Сергей Сергеевич (1854—1900), психиатр.

Корсов Богомир Богомирович (наст. имя и фам. Готфрид Геринг) (1845—1920), певец (баритон).

Корш Федор Адамович (1852—1923), театральный деятель, антрепренер.

Корш Федор Евгеньевич (1843—1915), филолог, акад. Петерб. АН (1900).

Кох Карл-Юлиус Иоганнович (1846—?), жандармский капитан, в 1876—1881 гг. начальник охранной стражи Александра II.

Коцебу Павел Евстафиевич (1768—1884), граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, в 1862—1874 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1874—1880 гг. варшавский генерал-губернатор.

Крамской Иван Николаевич (1837—1887), русский художник-передвижник.

Кронштадтский (И. И. Сергиев) (1829—1908), протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Канонизирован Русской православной церковью в 1990 г.

Кропоткин Дмитрий Николаевич (1836—1879), князь, генерал-майор, харьковский губернатор, убит 9 февраля 1879 г. террористом Г. Гольденбергом.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921), князь, теоретик анархизма.

Крылов Алексей Николаевич (1863—1945), кораблестроитель, механик и математик, акад. Петерб. АН (1916), РАН (1917), и АН СССР (1925), Герой Соц. Труда (1943).

Ксения Александровна (1875—1960), великая княгиня, старшая дочь Александра III, жена великого князя Александра Михайловича.

Кузнецова Анна Васильевна, балерина, гражданская жена великого князя Константина Николаевиича.

Кузьмин Роман Иванович (1811—1867), архитектор, перестраивал Гатчинский дворец.

Куинджи Архип Иванович (1841—1910), живописец-передвижник.

Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927), живописец, график, театральный художник.

Кшесинская Матильда Феликсовна (1872—1971), балерина, фаворитка цесаревича Николая Александровича и великого князя Сергея Михайловича, жена великого князя Андрея Владимировича.

Кэмпбель Джордж Джон Дуглас, герцог Аргальский (1823—?), английский государственный деятель, пэр, министр по делам Индии в 1868—1875 гг., хранитель государственной печати.

Кюи Цезарь Антонович (1835—1918), композитор.

Лавров Вукол Михайлович (1852—1912), журналист и переводчик.

Лавровская Елизавета Андреевна (1845—1919), певица (контральто).

Лажечников Иван Иванович (1792—1869), автор исторических романов.

Ламздорф Владимир Николаевич (1844—1907), граф, директор канцелярии МИД с 1880 г., товарищ министра иностранных дел с 1897 г., министр иностранных дел в 1900—1906 гг.

Лансере Евгений Александрович (1848—1886), скульптор.

Лебедев Петр Николаевич (1866—1912), физик, профессор Московского университета, основатель Московского физического общества.

Левитан Исаак Ильич (1860—1900), живописец-передвижник.

Лейден Эрнст (1832—1910), профессор-терапевт в Кенигсберге, Страсбурге и Берлине, привлекался к лечению Александра III.

Лейкин Николай Александрович (1841—1906), писатель-юморист.

Лейхтенбергский герцог Максимиллиан-Евгений-Иосиф-Наполеон (1817—1852), президент Академии художеств с 1839 г., главнозаведующий Горным институтом. С 1839 г. в браке с великой княжной Марией Николаевной, дочерью Николая I.

Лейхтенбергский герцог Николай Максимиллианович князь Романовский (1843—1890), принц, генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка, президент Минералогического общества с 1865 г. Во время Русско-турецкой войны командовал кавалерией в отряде генерала Гурко.

Лейхтенбергский герцог Сергей Максимилианович князь Романовский (1849—1877), погиб во время Русско-турецкой войны.

Ленский (наст. фам. Веранциотти, носил ее до 1897 г.) *Александр Павлович* (1847—1908), актер, режиссер, педагог.

Леонова Дарья Михайловна (1829 или 1834—1896), певица, контральто.

Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), писатель, публицист и литературный критик.

Лесевич Владимир Викторович (1837—1905), философ.

Лесков Николай Семенович (1831—1895), русский писатель.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), русский поэт.

Ливен Вильгельм Карлович (1800—1880), барон, генерал от инфантерии, шталмейстер цесаревича Александра Николаевича, генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1871 г. обер-егермейстер.

Литзинов Николай Павлович, генерал, состоял при цесаревиче Николае Александровиче, старшем сыне Александра II.

Лобко Павел Львович (1838—1905), генерал от инфантерии, профессор Николаевской академии Генерального штаба, начальник канцелярии Военного министерства. Участник Русско-турецкой войны.

Логановский Александр Васильевич (1810—1855), русский скульптор. Участвовал в украшении Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве.

Ломброзо Чезаре (1835—1909), итальянский психиатр и криминалист.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), первый рос. ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, языковед и литературовед, художник, историк, поборник развития отеч. просвещения, науки и экономики.

Ломакин Гавриил Якимович (Иоакимович) (1812—1885), хор. дирижер, педагог, композитор.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), граф, генерал-адъютант, командир Отдельного корпуса на Кавказе в 1877—1878 гг., с 1879 г. временный харьковский генерал-губернатор, с февраля по август 1880 г. начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880—1881 гг. министр внутренних дел.

Луиза, королева Дании (1817—1898), урожденная Вильгельмина-Фредерика-Каролина-Августа-Юлия, принцесса Гессен-Кассельская, жена датского короля Христиана IX, мать императрицы Марии Федоровны.

Львов Алексей Федорович (1798—1870), скрипач, композитор, дирижер, музыкальный писатель.

Людвиг II, герцог Гессен-Дармштадтский (1777—1848), отец императрицы Марии Александровны.

Людвиг IV, герцог Гессен-Дармштадтский (1837—1892), отец великой княгини Елизаветы Федоровны и императрицы Александры Федоровны, жены Николая II.

Лядов Анатолий Константинович (1855—1914), композитор, дирижер.

Ляпунов Александр Михайлович (1857—1918), акад. Петерб. АН (1901), математик и механик.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, чл.-корр. Петерб. АН (1853).

Макаров Степан Осипович (1848—1904), адмирал, ученый-океанограф, с 1891 г. главный инспектор морской артиллерии, командующий эскадрой Средиземного моря в 1894—1899 гг., главнокомандующий Кронштадтским портом, командующий Тихоокеанским флотом, погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре.

Маков Лев Саввич (1830—1883), товарищ министра внутренних дел в 1876—1878 гг., министр в 1878—1880 гг., министр почт и телеграфов и директор Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий в 1880—1881 гг., член Государственного совета.

Маковский Константин Егорович (1839—1915), художник, действительный член Академии художеств с 1898 г., член-учредитель Товарищества передвижных выставок.

Малер Густав (1860—1911), австр. композитор, дирижер, оперный режиссер.

Мамин Я. В., изобретатель-самоучка.

Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин) *Дмитрий Наркисович* (1852—1912), писатель.

Мамонтов Савва Иванович (1841—1918), театр. деятель, меценат.

Манасеин Николай Аксентьевич (1835—1895), сенатор, министр юстиции в 1885—1894 гг., член Государственного совета.

Маргарита принцесса Прусская (1872—1954), сестра Вильгельма II, замужем за принцем Фридрихом-Карлом Гессенским.

Мария Александровна (1824—1880), урожденная Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария принцесса Гессен-Дармштадтская, императрица, жена Александра II.

Мария Александровна (1853—1920), великая княжна, дочь Александра II, жена Альфреда-Эрнста-Альберта, принца Великобританского, герцога Эдинбургского, впоследствии герцога Саксен-Кобург-Готского.

Мария Николаевна (1819—1876), великая княгиня, старшая дочь Николая I. В первом браке за герцогом Лейхтенбергским, во втором — за графом Г. А. Строгановым.

Мария Павловна (1854—1923), урожденная герцогиня Мария Мекленбург-Шверинская, жена великого князя Владимира Александровича.

Мария Федоровна (1847—1928), урожденная принцесса Мария-София-Фредерика-Дагмара, жена Александра III.

Маркевич Болеслав Маркович (1822—1884), писатель и публицист.

Маркелов Иван Иванович (1799—1872), секретарь русского посольства во Франкфурте в 1839 г.

Марков Андрей Андреевич (1856—1922), математик, акад. Петерб. АН (1890).

Марковников Владимир Васильевич (1837—1904), химик, основатель научной школы.

Маркус Федор Федорович, дежурный медик в Зимнем дворце, 1 марта 1881 г. оказывал первую медицинскую помощь Александру II.

Мачнев Кузьма, ординарец Александра II, унтер-офицер лейб-гвардии 2-го Кубанского эскадрона императорского конвоя. Ранен бомбой Рысакова 1 марта 1881 г.

Мекк Надежда Филаретовна фон (1831—1894), меценатка, покровительствовала П. И. Чайковскому.

Мензбир Михаил Александрович (1855—1935), зоолог, основатель научной школы, поч. акад. (1926), акад. АН СССР (1929).

Медников Евстратий Павлович (1853—1914), руководитель наружного наблюдения Московского охранного отделения, с 1902 г. возглавил наблюдательное отделение Департамента полиции.

Мезенцев (Мезенцов) Николай Владимирович (1828—1878), генерал-майор, с 1864 г. управляющий III Отделением и начальник штаба корпуса

жандармов, с 1876 г. шеф жандармов и начальник III Отделения. Убит террористом.

Мельников Иван Александрович (1832—1906), певец (баритон).

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), химик, открывший периодический закон химических элементов.

Меньшиков Михаил Осипович (1859—?), публицист.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941), писатель, религиозный деятель.

Мехмет-Али, турецкий генерал.

Мечников Илья Ильич (1845—1916), биолог и патолог, чл.-корр. (1883), поч. чл. Петерб. АН (1902).

Мещерская Мария Элимовна (1844—1868), княжна, фрейлина императрицы Марии Александровны, возлюбленная цесаревича Александра Александровича. В 1867 г. вышла замуж за П. П. Демидова, князя Сан-Донато.

Мещерский Владимир Петрович (Вово) (1839—1914), князь, действительный статский советник, камергер. Известный публицист, с 1872 г. редактор-издатель газеты «Гражданин».

Микешин Михаил Осипович (1835—1896), рисовальщик, скульптор.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), граф, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, поч. чл. АН, военный министр в 1861—1881 гг., член Государственного совета.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943), историк, лидер конституционно-демократической партии, министр иностранных дел Временного правительства.

Минни, см. Мария Федоровна, супруга Александра III.

Минский Николай Максимович (наст. фамилия Виленкин) (1855—1937), писатель.

Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, младший сын Александра III, брат Николая II, наследник престола в 1899—1904 гг., генерал-майор, член Государственного совета. Убит большевиками в Мотовилихе (Пермская губ.).

Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, младший сын Николая I, генерал-фельцейхмейстер, наместник на Кавказе в 1863—1881 гг., генерал-фельдмаршал, председатель Государственного совета в 1881—1905 гг. Женат на великой княгине Ольге Федоровне, урожденной принцессе Цецилии Баденской.

Михаил Павлович (1798—1849), великий князь, младший сын Павла I, генерал-фельцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части, главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами. Женат на великой княгине Елене Павловне, урожденной принцессе Каролине Вюртембергской.

Михайлов Александр Владимирович, присяжный поверенный, адвокат на суде над участниками покушения на Александра III 1 марта 1881 г.

Михайлов Тимофей Михайлович (1859—1881), участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Повешен.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904), социолог, публицист, критик, идеолог т. н. либерального народничества.

Млодецкий Ипполит Осипович (1855—1880) — террорист, совершивший покушение на М. Т. Лорис-Меликова. Повешен.

Млодзеевский Болеслав Корнелиевич (1858—1923), математик, президент (1922) Московского математического общества.

Мод, принцесса Уэльская (1869—1935), племянница императрицы Марии Федоровны, дочь ее сестры Александры.

Можайский Александр Федорович (1825—1890), исследователь и изобретатель.

Мольер (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен) (1622—1673), франц. комедиограф, актер, театральный деятель, реформатор сценич. искусства.

Мольтке Гельмут Карл Бернард (1800—1891), граф, генерал-фельдмаршал, начальник германского Генерального штаба в 1858—1888 гг.

Монигетти Ипполит Антонович (1819—1878), придворный архитектор, профессор (1858 г.), перестраивал Аничков дворец для цесаревича Александра Александровича.

Моренгейм Артур Павлович (1824—1907), барон, русский посол во Франции в 1884—1898 гг.

Морозов Николай Александрович (1854—1946), революционер, был приговорен к пожизненному заключению, 1882—1905 гг. находился в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости. Писатель, поч. член Академии наук СССР, директор Естественно-научного института им. Лесгафта.

Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905), промышленник и меценат.

Мосин Сергей Иванович (1849—1902), генерал-майор, конструктор стрелкового оружия. Создатель магазинной трехлинейной винтовки (1890).

Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф, министр государственных имуществ 1857—1861 гг., Виленский генерал-губернатор 1863—1865 гг., член Государственного совета.

Муравьев Николай Валерианович (1850—1908), статс-секретарь, товарищ прокурора Петербургской судебной палаты в 1881 г., министр юстиции в 1894—1905 гг., посол в Риме в 1905—1908 гг.

Мусоргский Модест Петрович (1839—1881), композитор.

Мушкетов Иван Васильевич (1850—1902), геолог, исследователь Средней Азии, Урала, Кавказа.

Мюссе Альфред де (1810—1857), франц. поэт, романтик.

Мясоедов Григорий Григорьевич (1834—1911), живописец.

Набоков Дмитрий Николаевич (1826—1904), гофмейстер великого князя Константина Николаевича, сенатор, управляющий Канцелярией

по делам Царства Польского в 1867—1871 гг., министр юстиции в 1878—1885 гг., член Государственного совета.

Надсон Семен Яковлевич (1862—1887), поэт.

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март — июнь 1815 г.).

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873), племянник Наполеона I, император Франции в 1852—1870 гг., в 1870 г. свергнут с престола, умер в Англии.

Направник Эдуард Францевич (1839—1916), дирижер, композитор.

Неделин (наст. фам. Недзвецкий) *Евгений Яковлевич* (1850—1913), актер.

Неклюдов Николай Андриянович (1840—1896), криминалист, магистр уголовного права, обер-прокурор общего собрания кассационных департаментов Сената с 1885 г., товарищ государственного секретаря 1894—1895 гг., товарищ министра внутренних дел с 1895 г., обвинитель на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Непокойчицкий Артур Адамович (1813—1881), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 1874 г. председатель Особой временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией, во время Русско-турецкой войны начальник штаба главнокомандующего русской армии великого князя Николая Николаевича, член Государственного совета.

Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, статс-секретарь, управляющий Министерством иностранных дел в 1812—1816 гг., министр иностранных дел в 1816—1856 гг., государственный канцлер с 1845 г.

Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), живописец, засл. деятель искусств РСФСР (1942).

Низи — см. Николай Николаевич старший, великий князь.

Ники — см. Николай II Александрович.

Николай I Павлович (1796—1855), русский император в 1825—1855 гг.

Николай II Александрович (1868—1918), русский император в 1894—1917 гг., старший сын Александра III. Расстрелян большевиками в Екатеринбурге.

Николай Александрович (1843—1865), великий князь, цесаревич, сын Александра II, наследник престола.

Николай Михайлович (1859—1919), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича генерал от инфантерии, генерал-адъютант, командующий Кавказской гренадерской дивизией с 1897 г. Известный историк, писатель, энтомолог. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

Николай Николаевич-старший (1831—1891), великий князь, третий сын Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор по инже-

нерной части с 1852 г., командир Отдельного гвардейского корпуса 1862—1864 гг., генерал-инспектор кавалерии с 1864 г., во время Русско-турецкой войны главнокомандующий русской армией на Балканах. Женат на великой княгине Александре Петровне, урожденной принцессе Ольденбургской (1838—1900).

Никитин Иван Платонович, студент Харьковского университета, находился под следствием в связи с покушением на Александра III 1 марта 1887 г.

Никитин Сергей Николаевич (1851—1909), геолог, чл.-корр. Петерб. АН (1902).

Никитина Варвара Александровна (Ивановна) (1857—1920), артистка.

Никиш Артур (1855—1922), венг. дирижер.

Никольский Ксенофонт Яковлевич (ум. в 1886 г.), протоиерей Большого собора Зимнего дворца, 6 июля 1880 г. обвенчал Александра II с княжной Е. М. Долгорукой.

Никса — см. Николай Александрович, цесаревич, сын Александра II.

Новицкий В. Д. — генерал, начальник Киевского жандармского управления, автор воспоминаний.

Новорусский Михаил Васильевич (1861—1925), участник подготовки покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в крепости. Освобожден в 1905 г.

Новоселов Семен Корнилович (1812—1876), генерал-майор в отставке, участник Сербско-турецкой войны 1876 г. в должности командующего Ибарской армией сербов.

Ньюмен Джон Генри (1801—1890), англ. богослов, педагог, публицист, церков. деятель.

Оболенский (Оболенский-Нелединский-Мелецкий) Владимир Сергеевич (1847—1891), князь, флигель-адъютант, генерал-лейтенант, гофмаршал.

Оболенская Александра Александровна (Апрак) (урожденная Апраксина), княгиня, фрейлина и близкий друг императрицы Марии Федоровны, жена флигель-адъютанта гофмаршала князя В. С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого.

Обручев Николай Николаевич (1830—1904), генерал-адъютант, генерал от инфантерии с 1887 г., в 1856—1878 гг. профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1867 г. управляющий делами Военно-ученого комитета, член Государственного совета в 1897—1904 гг., поч. чл. АН.

Одоевский Владимир Федорович (1803/1804—1869), князь, писатель,, муз. критик, один из зачинателей русского классического музыковедения.

Озеров Сергей Сергеевич, флигель-адъютант, генерал-майор свиты.

Окулов Николай Михайлович, сенатор, член суда над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Ольга Александровна (1882—1960), великая княгиня, младшая дочь Александра III, в первом браке за принцем Петром Александровичем Ольденбургским 1901—1915 гг., после развода вступила в морганатический брак с ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским (1881—1958).

Ольга Константиновна (1851—1926), великая княгиня, королева Греции, дочь великого князя Константина Николаевича, замужем за принцем Датским Вильгельмом, в дальнейшем королем Греции Георгом I.

Ольга Николаевна (1822—1892), великая княгиня, королева Вюртембергская, вторая дочь Николая I, с 1846 г. жена принца Карла Вюртембергского, с 1864 г. короля.

Ольга Николаевна (1895—1918), великая княжна, старшая дочь Николая II, расстреляна большевиками в Екатеринбурге.

Ольга Федоровна, урожденная принцесса Цецилия Баденская (1839—1891), жена великого князя Михаила Николаевича с 1857 г.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), принц, сын великой княгини Екатерины Павловны и принца Георгия Ольденбургского, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1861—1881 гг. главноуправляющий IV Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярией. Учредитель и попечитель Училища правоведов в Петербурге.

Оом Федор Адольфович (1826—1898), тайный советник, секретарь императрицы Марии Федоровны, воспитатель старшего сына Александра II великого князя-цесаревича Николая Александровича.

Опекушин Александр Михайлович (1838—1923), скульптор.

Оппольцер Иоганн Риттер фон (1808—1871), профессор медицинского факультета Венского университета, привлекался к лечению великого князя-цесаревича Николая Александровича.

Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, генерал-адъютант, шеф жандармов в 1845—1856 гг., председатель Государственного совета и Комитета министров в 1856—1860 гг.

Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), граф, генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II.

Орлов И. Н., сенатор, член суда над участниками покушения на Александра II.

Осипанов Василий Степанович (1861—1887), студент Петербургского университета, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Повешен.

Остен-Сакен Николай Дмитриевич (1831—1912), граф, русский посланник в Баварии и Гессене в 1884—1895 гг., посол в Германии в 1895—1912 гг.

Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург, писатель.

Остроумов Алексей Александрович (1844—1908), профессор и заведующий клиникой госпитальной терапии Московского университета в 1880—1903 гг., председатель Московского медицинского общества в 1879—1889 гг.

Остроухов Илья Семенович (1858—1929), живописец-передвижник.

Павел Александрович (1860—1919), великий князь, младший сын Александра II, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка в 1890—1896 гг., командир Гвардейского корпуса в 1898—1902 гг. Женат первым браком на греческой принцессе Александре Георгиевне (1870—1891), с 1902 г. в морганатическом браке с О. В. Пистолькорс (урожденная Карнович, с 1915 г. — княгиня Палей). Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

Павел I Петрович (1754—1801), русский император с 1796 г.

Павлов Иван Петрович (1849—1936), физиолог, акад. Петерб. АН (1907), акад. РАН (1917), акад. АН СССР (1925).

Пален Константин Иванович (1833—1912), министр юстиции в 1867—1878 гг., председатель Комиссии для пересмотра законов о евреях в 1883 г., член Особой комиссии для составления проектов местного управления, член Государственного совета.

Палеолог Морис Жорж (1859—1944), французский дипломат, посланник в Софии в 1907—1912 гг., посол в Петрограде в 1914—1917 гг.

Парланд Альфред Александрович (1842 —?), архитектор.

Паскевич Иван Федорович (1782—1856), светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал, наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией в 1832—1856 гг.

Пастернак Леон Осипович (1862—1945), живописец и график.

Перетц Егор Абрамович (1833—1899), статс-секретарь с 1871 г., Государственный секретарь 1878—1883 гг., член Государственного совета, председатель Попечительского совета ведомств учреждений императрицы Марии Федоровны.

Перетяткович Марьян Марьянович (1872—1916), архитектор.

Перов Василий Григорьевич (1833/34—1882), живописец.

Перовская Софья Львовна (1853—1881), графиня, член исполнительного комитета террористической организации «Народная воля», возглавляла подготовку покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Повешена.

Перовский Борис Алексеевич (181—1881), граф, генерал-адъютант, заведовал конторой «августейших детей» Министерства императорского двора, с 1874 г. член Государственного совета.

Пестель Павел Иванович (1793—1825), полковник, декабрист. Повешен.

Петерсон Карл Михайлович (1828—81), математик, основатель моск. научной школы по геометрии. По происхождению латыш.

Петипа Мариус Иванович (1818—1910), артист балета, балетмейстер и педагог.

Петр I Алексеевич (1672—1725), с 1721 г. первый русский император.

Петр III (1728—1762), император с 1761 г.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881), профессор госпитальной хирургической клиники, патологической и хирургической анатомии Медико-хирургической академии, участник Крымской, Русско-турецкой и Франко-прусской войн. Основоположник военно-полевой хирургии.

Писарев Модест Иванович (1844—1905), актер, педагог, критик.

Писарев Н. С., сенатор, член суда над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.

Плетнев Петр Алексеевич (1792—1866), русский поэт, критик, ректор Петербургского университета 1840—1861 гг., преподавал русский язык и словесность цесаревичу Александру Николаевичу, будущему императору Александру II.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт некрасовской школы.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918), теоретик революционного движения.

Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг., член Государственного совета, преподаватель детей Александра II и Александра III.

Позье Иеремия (Еремей Петрович) (1716—1779), женевский ювелир, в 1729—1764 гг. жил и работал в России, придворный ювелир императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927), художник, член Академии художеств.

Поленова Елена Дмитриевна (1850—1898), живописец и график.

Половцов Александр Александрович (1832—1909), действительный статский советник, сенатор, Государственный секретарь в 1883—1892 гг., секретарь Русского исторического общества, издатель «Русского биографического словаря».

Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт.

Померанцев Александр Никанорович (1848/49—1918), архитектор.

Попов Андрей Андреевич (1832—1896), художник.

Попов Митрофан Алексеевич, профессор анатомии Харьковского университета, участвовал в патолого-анатомическом исследовании тела Александра III.

Посьет Константин Николаевич (1819—1899), генерал-адъютант, адмирал, министр путей сообщений в 1874—1888 гг., член Государственного совета.

Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929), беллетрист, драматург.

Принтц Густав Густавович, присяжный поверенный, адвокат на процессе над участниками покушения на Александра III.

Прянишников Илларион Михайлович (1840—1894), живописец.

Путилов Николай Иванович, учредитель акционерного общества Путиловских заводов.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), русский поэт.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), литературовед, акад. Петерб. АН (1898).

Радецкий Федор Федорович (1820—1890), генерал-адъютант, участник Русско-турецкой войны, командующий войсками Харьковского военного округа в 1882—1888 гг., член Государственного совета.

Разумовский Дмитрий Васильевич (1818—1889), историк музыки, археолог, педагог.

Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803), граф, генерал-фельдмаршал, с 1764 г., член Государственного совета, последний гетман Украины.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943), композитор, пианист, дирижер.

Резанов Александр Иванович (1817—1888), архитектор.

Репин Илья Ефимович (1844—1930), русский художник.

Рерих Николай Константинович (1874—1947), живописец, театральный художник, археолог, путешественник, писатель.

Рибо Александр Феликс Жозеф (1842—1923), министр иностранных дел Франции в 1890—1893 гг., премьер-министр 1892—1895 гг.

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908), композитор, педагог, дирижер.

Рихтер Отгон Борисович (1830—1908), генерал-адъютант, комендант Главной Императорской квартиры в 1881—1898 гг., член Государственного совета.

Рицонни Александр Антонович (1836—1902), русский художник, академик.

Розбери Арчибальд Филипп Примроз (1847—1929), английский государственный деятель.

Робер Гюбер (1733—1808), французский художник, член Королевской академии живописи и скульптуры с 1767 г. С 1802 г. — почетный вольный общник Академии художеств Петербурга.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919), писатель, публицист и философ.

Романов Константин Константинович (1958—1915), великий князь, поэт и переводчик, подписывался криптонимом К. Р.

Романовский Дмитрий Ильич (1825—1881), генерал-губернатор Туркестанской области.

Ропет Иван Павлович (наст. имя и фам. Иван Николаевич Петров (1845—1908), архитектор.

Росси Карл Иванович (1775—1849), рос. архитектор.

Ростовцева Александра Емельяновна (1872 — после 1942), певица (меццо-сопрано).

Ротшильд Альфонс (1827—1905), парижский банкир.

Рощин-Инсаров (наст. фам. Пашенный) *Николай Петрович* (1861—1899), актер.

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894), пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель.

Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881), пианист, дирижер, муз.-общественный деятель.

Руссо Жан-Жак (1712—1778), французский философ-просветитель.

Рыбаков Константин Николаевич (1856—1916), актер.

Рыбаков Николай Хрисанфович (1811—1876), актер.

Рылеев Александр Михайлович (1830—1907), генерал-адъютант, в 1864—1881 гг. комендант Главной Императорской квартиры. Племянник К. Ф. Рылеева.

Рысаков Николай Иванович (1861—1881), участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Повешен.

Сабинина Мария, фрейлина императрицы Марии Александровны.

Сабуров Андрей Александрович (1838—1916), сенатор, член Государственного совета в 1880—1881 гг., министр народного просвещения (1880—1881).

Савина (урожд. Славич) *Мария Гавриловна* (1854—1915), актриса.

Савинков Борис Викторович (1879—1925), революционер-террорист, лидер партии эсеров, писатель, литературный псевдоним В. Ропшин.

Савицкий Константин Аполлонович (1844—1905), русский художник-передвижник.

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897), живописец-передвижник.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (наст. фам. Салтыков, пс. Н. Щедрин) (1826—1889), писатель, публицист.

Самойлов Василий Васильевич (1813—1887), актер.

Сандро — см. Александр Михайлович, великий князь.

Саффет-паша, в 1876 г. министр иностранных дел Турции.

Сверчков Николай Егорович (1818—1898), русский художник.

Свирский Алексей Иванович (1865—1942), писатель.

Северцов Николай Алексеевич (1827—1885), зоолог, зоогеограф и путешественник.

Семевский Василий Иванович (1848/49—1916), историк народнической ориентации.

Серафим Саровский (1759—1833), иеромонах Саровского монастыря, в 1903 г. канонизирован Русской православной церковью.

Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902), русский художник, академик.

Сен-Санс Камиль (1835—1921), франц. композитор, пианист, органист, дирижер, муз. критик, писатель, педагог, муз.-обществ. деятель.

Сергеев Фрол, лейб-кучер Александра II.

Сергей Александрович (1857—1905), великий князь, сын Александра II, московский генерал-губернатор и командующий войсками военного округа в 1891—1905 гг. Убит боевиком-эсером И. П. Каляевым.

Серов Валентин Александрович (1865—1911), живописец и график.

Сеченов Иван Михайлович (1826—1905), основоположник русской физиологической школы, профессор физиологии Московского университета с 1891 г.

Синицин А. Н., сенатор, член суда над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.

Скалон Василий Юрьевич (1846—1907), общественный деятель и публицист, с 1874 г. председатель московской уездной земской управы. Редактор газеты «Ведомство» (1880—1882).

Склифосовский Николай Васильевич (1836—1906), с 1871 г. профессор Медико-хирургической академии, с 1880 г. профессор и декан медицинского факультета Московского университета, в 1893—1900 гг. директор Института усовершенствования врачей в Петербурге. Участник Русско-турецкой войны.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал от инфантерии с 1881 г., генерал-адъютант с 1878 г., во время Русско-турецкой войны командовал 16-й пехотной дивизией, участвовал в блокаде Плевны и зимнем переходе через Балканы. В 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения.

Скрябин Александр Николаевич (1871/72—1915), композитор, пианист.

Смирнов Александр Дмитриевич, товарищ обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента Сената, обвинитель на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Снегирев Владимир Федорович (1847—1916/17), один из основоположников научной гинекологии в России.

Соколов Николай Александрович (1859—1922), композитор, муз. теоретик, педагог.

Соколова Евгения Павловна (1850—1925), артистка, педагог.

Соловьев Александр Константинович (1846—1879), террорист, совершивший покушение на Александра II. Повешен.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), религиозный философ, поэт, публицист.

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879), историк, член Академии наук, автор многотомной «Истории России с древнейших времен».

Станиславский (наст. фам. Алексеев) *Константин Сергеевич* (1863—1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театра, поч. акад. РАН (1917), поч. акад. АН СССР (1925).

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства, поч. член Петерб. АН (1900).

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист, общественный деятель.

Стеклов Владимир Андреевич (1863/64—1926), математик, акад. Петерб. АН (1912).

Столетов Александр Григорьевич (1839—96), физик. Основатель физ. лаборатории в Московском университете (1874), глава научной школы.

Станюкович Константин Михайлович (1843—1903), писатель.

Стравинский Федор Игнатьевич (1843—1902), певец (бас).

Стрельников В. С., генерал, погибший в 1882 г. от рук террориста С. Н. Халтурина.

Стрепетова Пелагея Антипьевна (1850—1903), актриса.

Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882), граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1860 г. воспитатель младших детей Александра II, в 1863—1865 гг. председатель Комитета железных дорог.

Струксов, полковник, возглавлявший передовой отряд в Дунайской армии в Русско-турецкой войне.

Стюрлер Александр Николаевич (1825—1901), флигель-адъютант с 1854 г., генерал-майор свиты, шталмейстер двора цесаревича Александра Александровича с 1865 г., позднее генерал от кавалерии, генерал-адъютант.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), издатель, публицист, театральный критик.

Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), князь, генерал-адъютант, член Государственного совета, военный генерал-губернатор Петербурга в 1861—1866 гг., с 1866 г. генерал-инспектор пехоты.

Сулейман-паша (1838—1883), турецкий генерал, командующий турецкой армией на Балканах в 1877—1878 гг.

Сумароков Александр Петрович (1717—1777), писатель, один из видных представителей классицизма.

Суриков Василий Иванович (1848—1916), русский исторический живописец, действительный член Академии художеств.

Танеев Александр Сергеевич (1785—1866), статс-секретарь, обергофмейстер, помощник управляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией, член Государственного совета.

Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель.

Тихомиров Лев Александрович (1852—1923), теоретик монархической государственности, в 1909—1913 гг. сотрудник «Московских ведомостей».

Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), литературовед, археограф, представитель культурно-исторической школы, акад. Петерб. АН (1890).

Толстая Александра Андреевна (1818—1904), графиня, фрейлина императрицы Марии Александровны, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны.

Толстая Софья Андреевна (урожденная Берс) (1844—1919), графиня, жена Л. Н. Толстого.

Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, сенатор, в 1861 г. исполнял должность директора Департамента народного просвещения, в 1865—1880 гг. обер-прокурор Синода и одновременно в 1866—1880 гг. министр народного просвещения, с 1882 г. министр внутренних дел, член Государственного совета.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель.

Толстой Федор Петрович (1783—1873), граф, русский медальер, скульптор, рисовальщик, вице-президент Академии художеств в 1828—1858 гг., товарищ президента Академии художеств в 1859—1868 гг.

Тон Константин Андреевич (1794—1881), архитектор.

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1768), поэт, филолог, акад. Петерб. АН (1745).

Трепов Федор Федорович (1812—1889), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер в 1866—1873 гг., петербургский градоначальник в 1873—1878 гг.

Третьяков Павел Михайлович (1832—1898), коллекционер, основатель первой публичной художественной галереи в Москве (Третьяковской галереи), действительный член Академии художеств.

Троицкий Матвей Михайлович (1835—1899), психолог и философ.

Трутовский Константин Александрович (1826—1893), русский художник.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель, чл.-корр. Петерб. АН (1860).

Турчанинов Александр Николаевич, присяжный поверенный, адвокат на суде над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873), русский поэт, с 1859 г. возглавлял Комитет иностранной цензуры.

Тютчева Анна Федоровна (1829—1889), дочь Ф. И. Тютчева, жена А. С. Аксакова, фрейлина императрицы Марии Александровны.

Уваров Сергей Семенович (1786—1855), граф, президент Академии наук, министр народного просвещения в 1833—1849 гг., президент Академии наук (1818—1855).

Ульянов Александр Ильич (1866—1887), старший брат В. И. Ленина, революционер-народник, студент Петербургского университета, один из организаторов покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Казнен.

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870—1924), российский политический деятель, организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель советского государства.

Ульянова Мария Александровна (урожденная Бланк) (1835—1916), вдова действительного статского советника, мать А. И. и В. И. Ульяновых.

Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), с 1857 г. предводитель дворянства Тверской губернии, в 1859 г. удален от должности и в 1860 г. сослан в Вятку, присяжный поверенный, участвовал в процессе над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.

Усов Сергей Александрович (1827—1886), зоолог.

Успенский Глеб Иванович (1843—1902), писатель.

Фаминицын Андрей Сергеевич (1835—1918), физиолог растений, акад. Петерб. АН (1884), РАН (1917). Основатель петерб. научной школы.

Фауд-паша, турецкий дивизионный генерал.

Федоров Евграф Степанович (1853—1919), один из основоположников соврем. структурной кристаллографии и минералогии, создатель научной школы, акад. РАН (1919).

Федоров Николай Павлович, генерал-майор, профессор Михайловской артиллерийской академии, эксперт на процессе над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Федоров Николай Федорович (1828—1903), религиозный мыслитель.

Федотов Александр Филиппович (1841—1895), актер, режиссер, педагог, драматург.

Федотова Гликерия Николаевна (1846—1925), актриса, педагог.

Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898), писатель.

Фердинанд I Кобургский (1861—1948), князь Болгарский в 1887—1908 гг., король Болгарский I в 1908—1918 гг. После отречения от престола бежал в Германию.

Фет Афанасий Афанасьевич (наст. фам. Шеншин) (1820—1892), поэт, чл.-корр. Петерб. АН (1886).

Фигнер Вера Николаевна (1852—1942), член террористической организации «Народная воля», участвовала в подготовке покушения на Александра II в 1881 г. В 1884—1904 гг. была заключена в Шлиссельбургскую крепость.

Филатов Нил Федорович (1847—1902), один из основоположников педиатрии в России.

Филофей (Тимофей Григорьевич Успенский) (1808—1882), с 1876 г. митрополит Киевский и Волынский, член Святейшего синода.

Фонвизин Денис Иванович (1744/45—1792), писатель.

Фортунатов Филипп Федорович (1848—1914), языковед, акад. Петерб. АН (1898).

Фофанов Константин Михайлович (1862—1911), поэт.

Франц-Иосиф I (1830—1916), австрийский император с 1848 г., венгерский король с 1867 г.

Фредерик, принц Датский (1843—1912), старший брат императрицы Марии Федоровны, король Дании Фредерик VIII с 1906 г.

Фредерикс Владимир Александрович, барон, директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Департамента иностранных дел, член духового оркестра Александра III.

Фреди — см. Фредерик, принц Датский.

Фролов, палач.

Фукс Эдуард Яковлевич, сенатор, председатель суда над участниками покушения на Александра II 1 марта 1881 г.

Халтурали Константин Федорович, присяжный поверенный, защитник на процессах над участниками покушений на Александра II и Александра III.

Халтурин Степан Николаевич (1856—1882), террорист, в 1880 г. произвел взрыв в Зимнем дворце. Повешен.

Харламов Алексей Алексеевич (1840—1922), русский художник.

Хилков Михаил Иванович (1834—1909), князь, министр путей сообщения.

Хохлов Павел Акинфиевич (1854—1919), певец (баритон).

Христиан IX (1818—1906), король Дании с 1863 г., с 1842 г. женат на Луизе Гессен-Кассельской (1817—1898). Отец императрицы Марии Федоровны.

Цветкова (урожденная Барсова) *Елена Яковлевна* (1872—1929), певица (лирико-драм. сопрано).

Цераский Витольд Карлович (1849—1925), астроном, чл.-корр. Петерб. АН (1914).

Циолковский Константин Эдуардович (1857—1935), ученый и изобретатель, основоположник космонавтики.

Чайковская Анна, акушерка Воспитательного дома в Петербурге.

Чайковский Модест Ильич (1850—1916), драматург, либретист, муз.-обществ. деятель. Брат П. И. Чайковского.

Чайковский Петр Ильич (1840—1893), русский композитор.

Чарторыский Адам Адамович (1770—1861), князь, министр иностранных дел России в 1804—1806 гг., один из ближайших друзей Александра I, член Негласного комитета.

Чебышев Пафнутий Львович (1821—1894), математик, создатель петербургской научной школы, акад. Петерб. АН (1856).

Черевин Петр Александрович (1837—1896), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел в 1880—1883 гг., начальник охраны Александра III.

Чернов Дмитрий Константинович (1839—1921), ученый, основоположник металловедения и теории термическоей обработки стали в России.

Чернышова Елизавета Александровна (1826—1902), жена князя В. И. Барятинского (1817—1875), княгиня, тетушка М. Э. Мещерской.

Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898), генерал-майор, генерал-губернатор Туркестанской области, в 1875—1876 гг. редактор-издатель газеты «Русский мир», по приглашению сербского правительства в 1876 г. командовал Главной сербской армией, в 1882—1884 гг. туркестанский генерал-губернатор, член Государственного совета.

Чернышев Феодосий Николаевич (1856—1914), геолог и палеонтолог, акад. Петерб. АН (1899).

Чехов Антон Павлович (1860—1904), писатель.

Чивелев (Чивилев) Александр Иванович (1808—1867), директор Дворянского института в Москве, доктор политической экономии, руководитель научного образования Александра III и великого князя Владимира Александровича.

Чижов Матвей Афанасьевич (1838—1916), скульптор.

Числова Екатерина Гавриловна (1845—1889), балерина (1862—1876), любовница великого князя Николая Николаевича старшего.

Чихачев Николай Матвеевич (1830—1916), генерал-адъютант, адмирал, начальник Главного морского штаба в 1884—1888 гг., управляющий Морским министерством в 1888—1896 гг, член Государственного совета.

Чичагов Дмитрий Николаевич (1835—1894), архитектор.

Чупров Александр Иванович (1842—1908), экономист, статистик и публицист, чл.-корр. Петерб. АН (1887).

Шаляпин Федор Иванович (1873—1938), певец (высокий бас), нар. артист Республики (1918).

Шамиль (1797—1871), глава горцев Дагестана и Чечни во время Кавказской войны с Россией. В 1859 г. сдался в плен, жил с семьей в Калуге, в 1870 г. выехал в Мекку.

Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), филолог, акад. Петерб. АН (1894).

Шебалин Виссарион Яковлевич (1902—1963), композитор, педагог, общественный деятель. Нар. арт. РСФСР (1947).

Шебеко Варвара (урожденная Гончарова), подруга княгини Е. М. Юрьевской.

Шевырев Петр Яковлевич (1863—1887), один из организаторов покушения на Александра II 1 марта 1887 г.

Шекспир Уильям (1564—1616), англ. драматург, поэт, актер.

Шервуд Владимир Осипович (1833—1897), архитектор, живописец, скульптор.

Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869—1943), граф, в 1892 г. поступил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк; император Александр III хотел назначить его адъютантом цесаревича Николая; впоследствии — флигель-адъютант императора Николая II. После 1918 г. — в эмиграции в Италии.

Шереметева Екатерина Павловна, графиня, урожденная княжна Вяземская, жена графа С. Д. Шереметева.

Шереметева Елена Григорьевна (1861—1908), дочь великой княгини Марии Николаевны и Г. А. Строгонова. В первом браке за В. А. Шереметевым, во втором — за Милашевичем.

Шидловский А. Р., харьковский предводитель дворянства, член Особого совещания при Министерстве внутренних дел с 1886 г.

Шишкин Иван Иванович (1832—1898), живописец и график.

Шольц, лейб-акушер.

Шредер Иван Николаевич (1835—?), скульптор.

Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802—1865), архитектор.

Штраус Иоганн (сын) (1825—1899), австрийский композитор, скрипач, дирижер.

Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), граф, генерал-адъютант свиты, в 1866—1874 гг. шеф жандармов и управляющий III Отделением, в 1874—1879 гг. посол в Англии, член Государственного совета.

Шухов Владимир Григорьевич (1853—1939), инженер, изобретатель, поч. чл. АН СССР (1929), Герой Труда (1932).

Щеглов Владимир Владимирович, заведующий библиотекой Зимнего дворца.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918), статс-секретарь, сенатор, министр юстиции в 1906—1915 гг., председатель Государственного совета. В 1917 г. расстрелян большевиками.

Эдди (Eddy) — см. Альберт Виктор Эдуард, герцог Кларенс.

Элла — см. Елизавета Федоровна, великая княгиня.

Эрисман Федор Федорович (настоящее имя Фридрих Гульдрейх) (1842—1915), профессор кафедры гигиены Московского университета в 1882—1896 гг. С 1896 г. жил в Швейцарии.

Эрни — см. Эрнст-Людвиг, принц Гессенский.

Эрнст-Людвиг (1868—1937), принц Гессенский, с 1892 г. великий герцог Гессен-Дармштадтский, брат принцессы Алисы Гессенской.

Эртель Александр Иванович (1855—1908), писатель.

Эфрос Николай Ефимович (пс.: Чужой, Старик, Москвич и др.) (1867—1923), театральный критик, историк театра.

Южин (наст. фам. Сумбатов) *Александр Иванович* (1857—1927), актер, драматург, театральный деятель, почетный академик РАН (1917).

Юргенсон Петр Иванович (1836—1903/04), рус. музыкальный издатель.

Юсупов Феликс Феликсович, князь, граф Сумаров-Эльстон (1887—1967), убийца Г. Распутина.

Юсупова Ирина Александровна (1895—1970), княгиня, дочь великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны.

Юрьевская Екатерина Александровна (1878—1959), светлейшая княжна, дочь Александра II и Е. М. Юрьевской, жена Ф. Ф. Юсупова.

Юрьевская Екатерина Михайловна (1847—1922), урожденная княжна Долгорукая, с 1880 г. морганатическая супруга Александра II.

Юрьевская Ольга Александровна (1873—1925), светлейшая княжна, дочь Александра II и Е. М. Юрьевской. В браке за Георгом-Николаем, графом Меренбергским.

Юрьевский Георгий Александрович (1872—1913), светлейший князь, сын Александра II и Е. М. Юрьевской.

Ягич Ватрослав (Игнатий Викторович) (1838—1923), филолог-славист, акад. Петерб. АН (1881).

Янг Николай Иванович, сенатор, член суда над участниками покушения на Александра III 1 марта 1887 г.

Янжул Иван Иванович (1846—1914), экономист и статистик, д. чл. Петерб. АН (1895).

Яныпев Иоанн Леонтьевич (1828—1910), протопресвитер, духовник семьи Александра III, профессор богословия Петербургского университета с 1856 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

№	№ фондов
1.	102 (Департамент полиции МВД)
2.	542 (В. В. фон Валь).
3.	543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца)
4.	564 (А. Ф. Кони)
5.	569 (М. Т. Лорис-Меликов)
6.	583 (А. А. Половцов)
7.	597 (С. С. Татищев)
8.	601 (император Николай II)
9.	641 (императрица Мария Александровна)
10.	642 (императрица Мария Федоровна)
11.	646 (Николай Николаевич)
12.	647 (Елена Павловна)
13.	648 (Сергей Александрович)
14.	649 (Михаил Николаевич)
15.	652 (Владимир Александрович)
16.	660 (Константин Константинович)
17.	662 (Ксения Александровна)
18.	665 (Николай Александрович)
19.	668 (Михаил Александрович)
20.	674 (Ольга Федоровна)
21.	675 (Георгий Александрович)
22.	677 (император Александр III)
23.	678 (император Александр II)
24.	681 (Алексей Александрович)
25.	686 (Ольга Константиновна)
26.	694 (Мекленбург — Стрелицкие)
27.	704 (Н. В. Зиновьев)
28.	722 (Константин Николаевич)
29.	728 (Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца)
30.	730 (Н. П. Игнатьев)

Российский государственный исторический архив (РГИА)

№	№ фондов
31.	Н. В. Муравьев
32.	Департамент законов
33.	Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел
34.	Канцелярия министра внутренних дел
35.	1148 (Общее собрание Гос. совета)
36.	П. А. Валуев
37.	1574 (Канц. обер-прокурора Синода)
38.	Кахановская комиссия
39.	1642 (А. Н. Куломзин)
40.	Департамент народного просвещения

Российский государственный военно-исторический архив (РГ ВИА)

№	№ фондов
41.	802
42.	831

Российский государственный архив ВМФ

№	№ фондов
43.	417

Архив внешней политики Российской империи

№	№ фондов
44.	Канцелярия министра. Отчеты министра иностранных дел

Российская государственная библиотека (РГБ)

№	№ фондов
45.	126 (А. А. Киреев)
46.	169 (Д. А. Милютин)
47.	253 (Романов Сергей Александрович)
48.	492. (Собрание материалов из дворцовых библиотек)
49.	Победоносцев

Российская национальная библиотека (РНБ)

№	№ фондов
50.	И. С. Аксаков
51.	120 М. Н. Катков
52.	126 Киреевых
53.	1000 Министерство императорского двора

54. *Абаза К. К.* Завоевание Туркестана. СПб., 1902.
55. Авиация в России. К 100-летию отечественного самолетостроения. М., 1983.
56. *Аксаков И. С.* Сочинения, т. I—VII. М., 1886—87.
57. Александр II и Царское Село. Каталог выставки. СПб., 2000.
58. *Александр Михайлович, великий князь.* Воспоминания. М., 2001.
59. Александр III в Гатчине. СПб., 2001.
60. *Анненков Г. П.* Царствование императора Александра III. СПб., 1895.
61. *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881—1904 гг. М., 1984.
62. *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. СПб., 1903.
63. *Архангельский Г. И.* Плевненские военнопленные турки. «Протоколы заседания Общества русских врачей в Спб. за 1879/80 гг.».
64. *Арцимович В. А.* Воспоминания-характеристики. СПб., 1904.
65. *Асафьев Б. В.* Избранные труды, т. II—IV. М., 1954—1955.
66. *Балабанов М. С.* Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 1—2. Киев, 1923 —1924.
67. *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971.
68. *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995.
69. *Барковец О., Крылов-Толстикович А.* Неизвестный император Александр III: очерки о жизни, любви и смерти. М., 2002.
70. *Белый А.* На рубеже двух столетий. — Т. 1. М., 1987.
71. *Белоконский И. П.* Земское движение. Изд. 2-е. М., 1914.
72. *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956.
73. *Бенуа А.* Мои воспоминания. Кн. I—III. М., 1990.
74. *Бенуа А.* История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
75. *Берви-Флеровский В. В.* Положение рабочего класса в России М., 1938.
76. *Бернштейн-Коган С. В.* Очерки географии транспорта. М.—Л., 1930.
77. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.
78. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1—3. М., 1940—1941.
79. *Блудова А. Д.* Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. М., 1888.
80. *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России: Конец XIX — 1908 г. М., 1984.
81. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1924.
82. *Боголепов А. П.* Воспоминания о в бозе почившем императоре Александре III профессора живописи А. П. Боголепова. СПб., 1895.
83. Большая советская энциклопедия. Т. 1—30. М., 1970—1978.
84. Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. Т. 16. СПб., 1900—1909.

85. *Боханов А. Н.* Император Александр III. М., 1998.
86. *Боханов А. Н., Кудрина Ю. В.* Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884—1894 годы. М., 2001.
87. *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. СПб., 1899.
88. *Валуев П. А.* Дневник. 1877—1884. Пг., 1919.
89. *Вдовин В. А.* Крестьянский поземельный банк. 1883—1895. М., 1959.
90. *Верещагин А. В.* Дома и на войне. 1853—1881. Воспоминания и рассказы. СПб., 1886.
91. *Верещагин В. В.* На войне. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877 г. М., 1902.
92. *Веселовский В. В.* История земства за сорок лет. Т. 1—4. СПб., 1909—1911.
93. Вечная память. Воспоминания о почивших. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1896.
94. *Витте С. Ю.* Воспоминания. В 3 т. М., 1994.
95. Власть и реформы. Отв. редактор Б. В. Ананьич. СПб., 1996.
96. *Волков А. А.* Около царской семьи. М., 1993.
97. *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.
98. *Волконский С. В.* Воспоминания. Т. 1—2. М., 1992.
99. Военная энциклопедия. Т. 1—18. Спб., 1911—1915.
100. *Волошин М. А.* Лики творчества. М., 1887.
101. *Вострышев М. И.* Августейшее семейство. Россия глазами вел. князя Константина Константиновича. М., 2001.
102. Всемирная история. Т. 7. М., 1960.
103. *Вырубова А. А.* Фрейлина Ее Величества. Минск, 2002.
104. *Вяземский П. А.* Вилла Бермон. СПб., 1865.
105. *Вяземский П. А.* Речь, произнесенная при открытии Русского исторического общества в 1876 году. СПб., 1910.
106. *Гавриил Константинович, великий князь.* В мраморном дворце. Мемуары. М., 2001.
107. *Георгиевский Г. П.* Коронование русских государей. Исторический очерк. М., 1896.
108. *Гернет Н. М.* История царской тюрьмы. Т. 3. М., 1961.
109. *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948.
110. *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960.
111. *Гирс Ф. К.* Отчет ревизующего по высоч. повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884.
112. *Гливиц И. Б.* Железная промышленность России. СПб., 1911.
113. *Головин К. Ф.* Мои воспоминания. Т. 1—2. СПб., 1908—1909.
114. Государственные деятели России глазами современников. Александр II. М., 1995.
115. Гос. контроль. 1811—1911. СПб., 1911.

116. Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Словарь справочник. Кн. 1—4. М., 1996—2001.

117. Государственный совет. 1801—1901. СПб., 1901.

118. *Готье Ю. В.* Победоносцев и наследник Александрович. 1865—1881// Труды публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Сборник 2. М., 1928.

119. *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.

120. *Грубе В. Ф.* Воспоминания об императоре Александре III. СПб., 1898.

121. Группа «Освобождение труда и общественно-политическая борьба в России. М., 1984.

122. *Гулишамбаров С. О.* Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб., 1898.

123. *Гузов А. В., Яблочкин Ю. Н.* Гатчина. Исторический очерк. Л., 1959.

124. *Гуревич А.* Война и народное хозяйство России. СПб., 1898.

125. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. М., 2000.

126. *Дедов М. Г.* Священное коронование русских государей (1114—1883). Новгород, 1896.

127. Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в бозе почивший император Александр II. СПб., 1881.

128. Дела и дни. Пг., 1920.

129. *Дельвиг А. И., барон.* Мои воспоминания. Т. 1—4. М., 1912—1913.

130. *Дебагорий-Мокриевич В. К.* От бунтарства к терроризму, кн. I—II. М.-Л., 1930.

131. *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. Изд. 2-е. М., 1897.

132. *Ден В. И.* Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена (1823—1888). СПб., 1890.

133. *Ден Л., Воррес Й.* Подлинная царица. Последняя Великая Княгиня. СПб., 2003.

134. Дневник П. А. Валуева. Т. 1—2. М., 1961.

135. Дневники императора Николая II. М., 1991.

136. *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987.

137. Документы по истории монополистического капитализма в России // Материалы по истории СССР. В 7 т., т. 6. М., 1959.

138. *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. — Памфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992.

139. *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

140. *Думин С.* Романовы. Императорский дом в изгнании. М., 1998.

141. *Егоров О. А.* Шедевр русской охотничьей литературы // Охотничьи просторы. Кн. 2. М., 1996.

142. *Енсен Б.* Среди цареубийц: Вдовствующая императрица, семья последнего русского царя и Запад. М., 2001.

143. *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.

144. *Есин Б. И.* Русская газета и газетное дело в России. М., 1981.

145. *Есин Б. И.* История русской журналистики XIX в. М., 1989.

146. *Жигарев С. А.* Русская политика в восточном вопросе. М., 1896. Ч. 1—2.

147. *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX—XX вв. М., 2001.

148. *Жуйков Г. С.* Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л. 1975.

149. Журнал военных действий Рущукского, впоследствии Восточного отряда в войну 1877—78 гг. СПб., 1883.

150. *Жучков Г. С.* Группа «Освобождение труда». М., 1962.

151. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.

152. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

153. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

154. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973.

155. Записки графа Николая Егоровича Комаровского. М., 1912.

156. *Зарницкий Я.* Священное коронование и помазание православных царей на царство. СПб., 1896.

157. *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

158. *Зегер В.* Император Александр III в Фреденсборге. СПб., 1913.

159. *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1996.

160. *Змеев В. А.* Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998.

161. *Золотарев В. А., Козлов И. А., Шломин В. С.* История флота государства Российского. Т. 1. М., 1996.

162. *Золотухин М. Ю.* Россия, западно-европейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885—1888) М., 1993.

163. *Игнатьев А. А.* 50 лет в строю. М., 1950.

164. *Игнатьев Н. П.* Сан-Стефано. Записки гр. Н. П. Игнатьева. Пг., 1916.

165. Из истории русской культуры, том V (XIX век). М., 1996.

166. *Ильин В. В., Панапин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996.

167. Император Александр III. СПб., 1894.

168. Императорское Русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916.

169. *Ипполитов-Иванов М. М.* 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934.

170. *Ирошников М., Процай Л., Шелаев Ю.* Николай II. Спб., 1992.

171. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее 20-летие (1884—1904). СПб., 1909.

172. Искусство великой княгини. Альбом. М., 2002.

173. Исторический очерк Министерства государственных имуществ за 50 лет, 1837—87 годы. СПб., 1887.

174. История русской архитектуры: Учеб. для вузов под ред. Ю. С. Ушакова, Т. С. Славиной. СПб., 1994.

175. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997.

176. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.

177. История дипломатии. Т. II, изд. 2-е. М., 1959.

178. История Московского университета. М., 1955.

179. История России XIX — начала XX вв. Учебник для исторических факультетов университетов. Под ред. В. А. Федорова. М., 1998.

180. История Правительствующего сената за 200 лет. 1711—1911. Т. 3, СПб., 1912.

181. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия первая. Том V. М., 1968.

182. История Туркменской ССР. Т. 1—2. Ашхабад, 1957.

183. *Кабанов П. И., Ерман Р. К.* Морозовская стачка 1885 г. М., 1963.

184. *Казакевич Р. А.* Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х гг. (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960.

185. *Карлетти Томасо.* Современная Россия. Перевод с итальянского. Т. 1—2. СПб., 1895—1896.

186. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1882. М., 1898.

187. *Керсновский А. А.* История русской армии в 4-х томах. Т. 3. М., 1994.

188. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881—1914). Прага, 1929.

189. *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

190. *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. XVIII в. — 80-е годы XIX в. М., 1994.

191. *Киняпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994.

192. *Кириченко Е. И., Нащокина М. В.* Градостроительство России середины XIX — начала XX века. М., 2001.

193. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). М., 1979.

194. *Клейнмихель М.* Из потонувшего мира. Пг.—М., 1923.

195. *Кованько П. Л.* Главнейшие реформы, проведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Опыт критической оценки деятельности Н. Х. Бунге как министра финансов (1881—1887). Киев, 1903.

196. *Козлинина Е. И.* Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.

197. *Кони А. Ф.* Отцы и дети Судебной реформы. М., 1914.

198. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений в восьми томах. М., 1966—1969.

199. *Константинов Н. А., Струминский В. Я.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953.

200. Константин Николаевич, великий князь. СПб., 2002.

201. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Лондон—СПб., 1893.

202. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

203. *Корнилов А. А.* Курс истории России. М., 1993.

204. *Корольков А.* Жизнь и царствование императора Александра III. Киев, 1901.

205. *Коршунов Ю. Л.* Генерал-адмиралы Российского Императорского флота. СПб., 2003.

206. *Кошелев А. И.* Записки. Берлин, 1884.

207. Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования 1798—1898. СПб., 1898.

208. Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг. Сборник документов. М., 1960 г.

209. Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Сборник документов. М., 1959.

210. Крестьянское движение в России. Сборник документов. Т. 1—10. М., 1959—1968.

211. *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. М., 1963.

212. *Крылов А.* Неизвестный император. М., 1997.

213. *Крюковских А. П.* Скульптура Санкт-Петербурга. Художественно-исторический очерк. СПб., 2001.

214. *Кудрина Ю. В.* Императрица Мария Федоровна. 1847—1928 гг. М., 2000.

215. *Куликовская-Романова О. Н.* Под благодатным покровом. М., 2000.

216. *Куторев Л. Н.* Россия и Япония. М., 1988.

217. *Кшесинская М.* Воспоминания. М., 1992.

218. *Лаверычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982.

219. *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России: 1861—1900. М., 1974.
220. *Лавров М. В.* Туркестан. М.—Пг., 1916.
221. *Ламсдорф В. Н.* Дневник. 1886—1890. М., 1926.
222. *Ламсдорф В. Н.* Дневник. 1891—1892. М., 1934.
223. *Ламсдорф В. Н.* Дневник. 1894—1896. М., 1991.
224. *Лаптева Л. Е.* Земские учреждения в России. М., 1993.
225. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967.
226. *Леонтович С. Ф.* История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.
227. *Либрович С. Ф.* На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг., 1916.
228. *Лившиц Я. И.* Монополии в экономике России (Экономическая организация и политика монополистического капитала). М., 1961.
229. *Лопатин В.* Патриотическая хрестоматия. Часть III. СПб., 1897.
230. *Лосицкий А. Е.* Выкупная операция. СПб., 1906.
231. *Любош С.* Последние Романовы. Пг., 1924.
232. *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. Т. I. Изд. 4-е. Л., 1925.
233. Май 1883 года. (Из писем баронессы Эдиты Раден к своей сестре). М., 1896.
234. *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975.
235. Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг. Под редакцией А. И. Буковецкого. Вып. 1. Пг.—М., 1922.
236. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1. М., 1925.
237. *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998.
238. *Мельгунов С.* Студенческие организации 80—90-х гг. в Московском университете. М., 1908.
239. *Мещерский В. П.* Император Александр III. СПб., 1895.
240. *Мещерский В. П.* Воспоминания. М., 2001.
241. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1995.
242. *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 1—4. М., 1947—1950.
243. Министерство внутренних дел. 1802—1902. СПб., 1902.
244. Министерство финансов 1802—1902 годов, ч. II. СПб., 1902.
245. Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902. СПб., 1902.
246. *Миронов Г. Е.* История государства Российского. Историко-библиографические очерки. XIX век. М., 1995.
247. *Миронов Н. Б.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис, личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 1999.
248. Михаил Греческий, князь. В семье не без урода. М., 2002.
249. Михаил Скобелев: Сборник / Сост. Носков И. Д. М., 1997.

250. Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990.
251. *Мухин В.* Церковная культура Санкт-Петербурга. СПб., 1994.
252. *Назаревский В. В.* Царствование императора Александра III. 1881—1894. М., 1910.
253. *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984.
254. *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956.
255. *Нарочницкий А. Л. и др.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. М., 1973.
256. *Нарышкина Е. А.* Мои воспоминания. СПб., 1906.
257. *Неведенский С.* Катков и его время. М., 1888.
258. Некоторые материалы для истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III. М., 1903.
259. *Новиков А. В.* Российские консерваторы М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев и самодержавие (середина XIX — начало XX вв.): Автореферат диссертации... канд. ист. наук. М., 2001.
260. *Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
261. Обзор деятельности ведомства православного вероисповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901.
262. Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894. СПб., 1903.
263. Обзор деятельности Министерства Императорского двора и уделов (1881—1894 гг.), ч. 1—2 и приложения. СПб., 1901.
264. Обзор деятельности морского ведомства за царствование государя императора Александра III. СПб., 1901.
265. *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802—1902). СПб., 1902.
266. *Ольга Николавна, королева Вюртембергская.* Сон юности. Париж, 1936.
267. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1902.
268. *Ольденбург Ф. Ф.* Народные школы Европейской России в 1892—93 годах. СПб., 1896.
269. *Орехова А. М.* Первые марксисты в России. Петербургский «Рабочий союз» 1887—1893. М., 1979.
270. Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. В 3 т. М., 1961—1967. Т. 1—3.
271. Отечественная история: энциклопедия. В 5 т., т. 1—3. М., 1994—2000.
272. От народничества — к марксизму. Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883—1884 гг.) / Сост. И. Н. Курбатова, Т. А. Аркущенко. Л., 1987.
273. Очерк деятельности Военного министерства за десятилетие (1881—1890). СПб., 1892.

274. Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902. СПб., 1902.
275. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.
276. Очерки русской культуры XIX века. Т. 1—3, 6. М., 1998—2002.
277. *Пажитнов К. А.* Городское и земское самоуправление. СПб., 1913.
278. *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России, т. II. Изд. 3-е. Л., 1924.
279. *Пак Б. Д.* Россия и Корея. М., 1979.
280. *Палеолог Морис.* Роман Императора. Александр II и княгиня Юрьевская. М., 1990.
281. Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883—1903. М., 1984.
282. 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II. Составитель Кельнер В. Е. Л., 1991.
283. Первое марта 1887. Центрархив. М.—Л., 1927.
284. *Перетц Е. А.* Дневник государственного секретаря Е. А. Перетца (1880—1883). Л., 1927.
285. *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.
286. *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.
287. Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 1—2. М., 1925—1926.
288. *Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. 1—21. М.—Л., 1923—1927.
289. *Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб., 1996.
290. Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1—2. М.—Пг. 1923.
291. Победоносцев К. П.: PRO ET CONTRA. Антология. СПб., 1996.
292. *Победоносцев К. П.* Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866—1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. Сост. Т. Ф. Прокопов. М., 2001.
293. *Покровский В. И.* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли. СПб., 1902.
294. *Покшишевский В. П.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
295. Полное собрание законов Российской империи, 3-е собрание.
296. *Половцов А. А.* Дневник Государственного секретаря. Т. 1—2, П.—М., 1966.
297. *Поляков А. С.* Второе 1-е марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. М., 1919.
298. *Потемкин А. И.* Развитие российского капитализма во второй половине XIX века. СПб., 1993.
299. *Прахов А. В.* Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. СПб., 1903.
300. *Преображенский И. В.* Последние дни и часы жизни государя императора Александра III. СПБ., 1914.

301. Присоединение Туркмении к России (Сборник документов). Ашхабад, 1960.
302. Производительные силы России (сборник под редакцией В. И. Ковалевского). СПб., 1896.
303. *Пунин А. Л.* Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990.
304. *Пчелов Е. В.* Генеалогия Романовых. 1613—2001.
305. *Пчелов Е. В.* Романовы. История династии. М., 2001.
306. Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. 1—4 (т. 1—3 под ред. А. М. Панкратовой, т. 4 под ред. Л. М. Иванова). М., 1950—1963.
307. *Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М., 1994.
308. *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1—2. М., 1999.
309. Река времен. Книга I—V. М., 1995—1996.
310. *Репин И.* Далекое близкое. М., 2002.
311. Рождественский С. В. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.
312. *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л—М., 1925.
313. *Розенберг Вл., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи. М., 1905.
314. *Романов Б. А.* Россия и Маньчжурия (1892—1906). Л., 1928.
315. *Романов П. В.* Застольная история государства Российского. СПб., 2000.
316. Российская музейная энциклопедия в двух томах. М., 2001.
317. Российские консерваторы. Сб. статей под ред. А. Н. Боханова. М., 1997.
318. Российские самодержцы (1801—1917). М., 1993.
319. Российское законодательство X—XX веков. Судебная реформа. Т. 8. М., 1991.
320. Россия в конце XIX в. Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900.
321. Россия и Франция: XVIII—XX века. Вып. 4. М., 2001.
322. Россия под скипетром Романовых. М., 1991.
323. Россия: Энциклопедический словарь. СПб.—Л., 1898—1991.
324. *Рудкевич Н. Г.* Великий царь-миротворец Александр III. СПб., 1900.
325. Русские художники. СПб., 1998.
326. Русские художники от А до Я. М., 2000.
327. Русский балет. Энциклопедия. М., 1997.
328. Русский биографический словарь. В 33 т. СПб.—М., 1896—2002.
329. Русский биографический словарь. В 20 т. М., Терра, 1998—2001.
330. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000.
331. Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. Колл. Е. Т. М., 1994.

332. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. (Колл. мон.) / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.

333. Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991.

334. *Руткевич А. М.* Что такое консерватизм М., 1999.

335. *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993.

336. *Рыбников А. А.* Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. М., 1913.

337. *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России. (60—80-е годы XIX в.). М., 1966.

338. *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века. М., 1983.

339. *Садовничий В. А., Белокуров В. В., Сушко В. Г., Шикин Е. В.* Университетское образование: приглашение к размышлению. М., 1995.

340. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 10 томах. М., 1989.

341. Санкт-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет (1878—1903). Очерки и материалы. СПб., 1903.

342. Сборник. Великий князь Александр Александрович. М., 2002.

343. Сб. 1 марта 1887 г. М.—Л., 1927.

344. Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России за 1900 г. СПб., 1903.

345. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 1, 2. СПб., 1902—1906.

346. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902—1906. Вып. 1—3.

347. *Святловский В. В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908). СПб., 1911.

348. *Секиринский С. С., Шолохаев В. В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX вв.). М., 1995.

349. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837—1912). П., 1914.

350. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Император Александр III как покровитель отчизноведения. СПБ., 1892.

351. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1—4. Пг., 1915—1916.

352. *Сенявский А. С.* Российский город 60—80-х гг. XIX в. М., 1994.

353. *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1—5. СПб., 1902.

354. *Синдаловский Н. А.* Легенды и мифы пригородов Санкт-Петербурга. СПб., 2001.

355. *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.

356. *Скалон В. Ю.* В переходное время. Сборник статей. СПб., 1905.

357. *Скалон Д. А.* Мои воспоминания. 1877—1878. Т. 1—2. СПб., 1913.

358. *Скотт С.* Романовы. Биография династии (1613—1999). М., 2000.

359. Советская историческая энциклопедия. Т. 1—16. М., 1961—1976.

360. *Соловьев И.* Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов-на-Дону, 2000.

361. *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973.

362. *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

363. *Соловьева А. М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990

364. *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1962.

365. Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. СПб, 1912.

366. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 г. СПб., 1902.

367. *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998.

368. Столетие Военного министерства (1802—1902 гг.). Т. 1—13. СПб., 1902—1914.

369. *Суворин А. С.* Дневник. М.—Пг., 1923.

370. *Тальберг Н. Д.* Александр III. М., 2000.

371. *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России. Историко-географические очерки. М., 1995.

372. *Татаров И.* Классовая борьба вокруг законов о труде и образовании рабочей молодежи во второй половине XIX в. М.—Л., 1928.

373. *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1—2. СПб., 1903.

374. *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

375. *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969.

376. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. I—III. СПб., 1906.

377. *Тернер Ф. Г.* Воспоминания жизни. Ч. 1—2. СПб., 1910—1911.

378. *Тихомиров М. Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960.

379. *Токмаков И.* Историческое описание всех коронаций Российских царей, императоров и императриц. М., 1896.

380. *Толмачев Е. П.* Александр II и его время. М., 1988.

381. *Толстая А. А.* Записки фрейлины. М., 1996.

382. *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882. М., 1978.

383. *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997.

384. *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. 3-е изд. СПб., 1909.

385. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 10. М. 1982.

386. *Тхоржевский.* Исторический обзор Комитета министров. Т. IV. СПб., 1902.
387. *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990.
388. *Урланис Б. Ц.* История военных потерь. СПб., 1994.
389. *Фальборг Г., Чернолуский В.* Народное образование в России. СПб., 1899.
390. *Федорченко В. И.* Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий: В 2 т. Красноярск. М., 2000.
391. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929.
392. *Филиппов Р. В.* Пионеры марксизма в России (1883—1893). Историографический очерк. М., 1989.
393. *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Воспоминания. Лондон, 1897.
394. *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг. XIX в.). М., 1965.
395. *Хевролина В. М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878—1894 гг. М., 1999.
396. Художники-передвижники. Под редакцией Т. А. Савицкой. М., 1980.
397. *Цейтлин С. И.* Земское самоуправление и реформа 1890 г. В кн. «История России в XIX веке».
398. *Черникова Н. В.* Князь В. П. Мещерский в общественной жизни России. Последняя треть XIX — начало XX века. Автореферат диссертации... канд. ист. наук. М., 2001.
399. *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе восточного кризиса. 1875—1878 гг. М., 1984.
400. *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.
401. *Чичагов Л. М.* Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995.
402. *Чичерин Б. Н.* Земство и Московская дума. 1868—1893. М., 1934.
403. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Т. 1—4. М., 1929—1934.
404. *Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А.* Экономическая история СССР. М., 1987.
405. *Шацилло К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России: Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.
406. *Шевелев А. А.* Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III Александровича. Т. 1—3. М., 1897—1903.
407. *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973.
408. *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблема торгово-промышленной политики. Л., 1981.
409. *Шепелев Л. Е.* Крупная буржуазия в России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.

410. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 1999.
411. *Шереметев С. Д.* Мемуары графа. М., 2001.
412. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Библиографический справочник. СПб., 2002.
413. *Шрейдер Г. И.* Городская контрреформа 11 июля 1892 г. в кн. «История России в XIX веке».
414. *Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х годов XIX века. М., 1991.
415. *Щетинина Г. И.* Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976.
416. *Щетинина Г. И.* Университетский вопрос в 70—80-х годах XIX века и Университетский устав 1884 г. М., 1992.
417. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1960.
418. Энциклопедический словарь изд-ва Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 1—82. 1890—1904.
419. *Юсупов Ф., князь.* Мемуары в двух книгах. До изгнания. 1887—1919. В изгнании. М., 2001.
420. *Яровой В. В.* Краткий очерк истории Добровольного флота в сб.: Гангут, в. 3. СПб., 1992.

Периодические издания

421. «Атеистические чтения»
422. «Былое»
423. «Вестник Европы»
424. «Военно-исторический журнал»
425. «Военный сборник»
426. «Вопросы истории»
427. «Голос минувшего»
428. «Гражданин»
429. «Дворянское собрание»
430. «День»
431. «Златоструй»
432. «Исторические записки»
433. «Исторический архив»
434. «Исторический вестник»
435. «История СССР»
436. «Источник»
437. «Красный архив»
438. «Литературное наследство»
439. «Новая и новейшая история»
440. «Новое русское слово»
441. «Московский журнал»
442. «Московские ведомости»
443. «Отечественная история»

444. «Отечественные записки»
445. «Правительственный вестник»
446. «Родина»
447. «Российский архив»
448. «Русская литература»
449. «Русская мысль»
450. «Русская старина»
451. «Русские ведомости»
452. «Русский архив»
453. «Русский вестник»
454. «Русский дом»
455. «С.-Петербургские ведомости»
456. «Старина и новизна»
457. «Страна»
458. «Туременоведение»

Библиография литературы на иностранных языках

459. *Gever W. M.* The Rise of Nationalism in the Balkans 1800—1930. N.Y., 1931.

460. *Monypenny W. T. and Buckle G. E.* Life of Benjamen Oisraeli, earl of Beaconsfield. vol. VI. New York, 1913.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ЧАСТЬ I
ДОРОГА К ТРОНУ

Глава первая. ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО (1845—1860) 7
1. Истоки 7
2. Первые воспитатели 12
3. Я. К. Грот 20
4. В. П. Титов 25
5. А. Ф. Гримм 27

Глава вторая. ЮНОСТЬ (1860—1865) 32
1. Наставник Б. А. Перовский 32
2. Ведение дневника 35
3. Свежие силы преподавателей 41

Глава третья. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ 46
1. Попечитель С. Г. Строганов 46
2. Путешествия по России 50
3. Заграничное путешествие 56
4. Обострение болезни 62
5. Смерть Николая Александровича 64

Глава четвертая. НОВЫЙ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДНИК 69
1. Великое предназначение 69
2. Расширение кругозора будущего венценосца 74
3. Первая любовь 82
4. Помолвка 104
5. Поездка цесаревича Александра по России в 1866 г. 112
6. Династический брак 117

Глава пятая. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕСАРЕВИЧА 124
1. Занятия благотворительностью 126
2. Влечение к истории 129

3. Духовой оркестр ... 133
4. Участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. ... 137
5. Создание Добровольного флота ... 156

Глава шестая. ГОДЫ ВОЛНЕНИЙ И ТРЕВОГ (1878—1881) ... 159
1. Кризис верхов ... 159
2. Тернии августейшей семьи ... 162
3. Диктатура Лорис-Меликова ... 166
4. Тайный брак царя с Екатериной Долгорукой ... 172
5. «Конституция Лорис-Меликова» ... 175
6. Цареубийство 1 марта 1881 г. ... 177

ЧАСТЬ II
ВЛАСТИТЕЛЬ ИМПЕРИИ.
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Глава седьмая. ПЕРВЫЕ ШАГИ МОЛОДОГО ЦАРЯ ... 183
1. Воцарение Александра III ... 183
Последний путь Александра II ... 185
Отклики на смерть Александра II ... 188
2. Проекты спасения России ... 189
3. Колебания новой власти ... 192
4. Переезд в Гатчину ... 199
5. Гатчинский дворец ... 206
6. Царская охота и рыбная ловля ... 212
7. Суд над цареубийцами и их казнь ... 215
8. Противоборство в окружении Александра III ... 225

Глава восьмая. ВЫБОР ПУТИ ... 231
1. Манифест 29 апреля 1881 г. ... 231
2. «Священная дружина» ... 233
3. Министерство Н. П. Игнатьева ... 234
4. Каховская комиссия ... 243

Глава девятая. ПРОБЛЕМЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ ... 247
1. Великий князь Константин Николаевич (1827—1892) ... 247
Драма старшего сына ... 252
2. Великий князь Николай Николаевич (старший) (1831—1891) ... 257
3. Законоположение об императорской фамилии ... 262

Глава десятая. ПОВОРОТ ВПРАВО ... 264
1. Новый курс Д. А. Толстого ... 264
2. Карательная цензура ... 267
3. Политика в области просвещения ... 273
Высшее образование ... 279
Высшее женское образование ... 283
Средняя школа ... 285
Ведомство учреждений императрицы Марии ... 288
Начальная школа ... 290

4. Коронация Александра III ... 294
5. Национальная политика ... 304

Глава одиннадцатая. «РЕКОНСТРУКЦИЯ» РЕФОРМ ... 310
1. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. ... 313
2. Земское положение 12 июня 1890 г. ... 315
3. Городовое положение 11 июня 1892 г. ... 319
4. Попытка «модернизировать» судебную реформу 1864 г. ... 322

Глава двенадцатая. ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ... 330
1. Министр-либерал Н. Х. Бунге ... 330
2. Ученый и предприниматель И. А. Вышнеградский ... 337
3. Великий реформатор С. Ю. Витте ... 343

Глава тринадцатая. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III ... 354
1. Сельское хозяйство в 80—90-х годах XIX в. ... 355
Аграрно-крестьянский вопрос ... 355
Поддержка помещичьего хозяйства ... 360
Новые тенденции в развитии сельского хозяйства ... 362
2. Рост крупной машинной индустрии ... 368
3. Транспорт ... 371
4. Промышленный подъем 90-х годов ... 374
5. Рабочее законодательство ... 381
6. Торговля ... 385
Внутренняя торговля ... 385
Внешняя торговля ... 388
Участие России во Всемирных выставках ... 391

Глава четырнадцатая. АРМИЯ И ФЛОТ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III ... 394
1. Преобразования в армии ... 394
Управление войсками ... 394
Состав и комплектование войск ... 406
Изменения в боевой выучке ... 410
Подготовка офицерских кадров ... 416
Перевооружение армии ... 420
2. Меры по усилению флота ... 422
Управление флотом ... 422
Строительство броненосного флота ... 427
3. Краткие выводы по армии и флоту ... 434
4. Итоги внутренней политики самодержавия ... 434

ЧАСТЬ III
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 80—90-Е ГОДЫ

Глава пятнадцатая. ПОЛИТИКА РОССИИ В ЕВРОПЕ ... 440
1. Осторожный дипломат Н. К. Гирс ... 440
2. Восстановление «Союза трех императоров» ... 443
Тройственный союз 1882 г. ... 446

3. Политика России в Болгарии в 80-е годы XIX в. ... 448
4. Продление «Союза трех императоров» ... 451
Болгарский кризис в 1885—1887 гг. ... 453
Ухудшение отношений России с Германией и Австро-Венгрией ... 457
5. Образование русско-французского союза ... 461
6. Итоги ... 466

Глава шестнадцатая. ПОЛИТИКА РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ... 467
1. Туркмения во второй половине XIX в. ... 467
Территория, население и хозяйство Туркмении ... 467
2. Присоединение Туркмении ... 469
Причины продвижения России в Туркмении ... 469
Первая экспедиция в Ахалтекинский оазис ... 470
Вторая Ахалтекинская экспедиция ... 471
3. Афганский кризис 1885 г. ... 475
4. Значение присоединения Туркмении к России ... 478

Глава семнадцатая. ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ... 481
1. Русско-китайские отношения ... 483
2. Россия и Япония ... 485
3. Отношения с Кореей ... 488
4. Итоги дальневосточной политики ... 494

ЧАСТЬ IV
ИДЕЙНАЯ БОРЬБА И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ III

Глава восемнадцатая. КОНСЕРВАТИВНОЕ И ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ ... 497
1. Консерваторы ... 497
Государственный консерватизм ... 498
Религиозно-философские консерваторы ... 500
2. Либералы ... 503
Земское движение ... 506
Партия «Народное право» ... 509
Либеральное народничество ... 510

Глава девятнадцатая. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ... 511
1. Рабочее движение ... 511
Забастовки 80-х годов ... 511
Морозовская стачка 1885 г. ... 512
2. Г. В. Плеханов. Группа «Освобождение труда» ... 515
3. Первые социал-демократические кружки и организации в России ... 518

Глава двадцатая. РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ... 524
1. Крестьянское движение ... 524
2. Студенческое движение ... 530
3. Группы революционных народников в 80-х — начале 90-х годов ... 535
4. Неудавшееся покушение на Александра III 1 марта 1887 г. ... 537

ЧАСТЬ V
РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 80—90-х ГОДАХ XIX В. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА III. СУДЬБА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ИМПЕРАТОРА

Глава двадцать первая. НАУКА ... 547
1. Естественные науки ... 548
2. Изобретения ... 555
3. Общественные дисциплины ... 557
4. Научные общества ... 560

Глава двадцать вторая. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ... 563
1. Литература ... 563
2. Театр ... 567
3. Музыка ... 572
4. Изобразительное искусство ... 583
Художественные организации ... 583
Художники и основные темы их творчества ... 590
Скульптура ... 593
Архитектура ... 596

Глава двадцать третья. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА III ... 604
1. Крушение царского поезда ... 604
2. Отношение к религии ... 613
3. Болезнь и смерть Александра III ... 621
4. Последний путь императора ... 631

Глава двадцать четвертая. СУДЬБА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ИМПЕРАТОРА ... 636
1. Императрица Мария Федоровна (1847—1928) ... 636
2. Вел. князь, император Николай II Александрович Романов (1868—1918) ... 640
3. Великий князь Георгий Александрович (1871—1899) ... 645
4. Великая княгиня Ксения Александровна (1875—1960) ... 646
5. Великий князь Михаил Александрович (1878—1918) ... 647
6. Великая княгиня Ольга Александровна (1882—1960) ... 648
7. Заключение ... 650

Основные даты жизни Александра III и важнейшие события царствования ... 656
Указатель имен ... 660
Список источников и литературы ... 696

20 октября 1894 г. в 2 часа 15 минут пополудни в Ливадии на пятидесятом году жизни скончался император Александр III, который в течение тринадцати лет и восьми месяцев крепко держал в руках штурвал государственного корабля и успешно вел его вперед через все трудности, бури и штормы. Разумеется, деятельность этого народоправителя и его время привлекают внимание литераторов и историков. Тем не менее, чуть ли не до конца XX в. не было создано достойных работ, показывающих реально, взвешенно и объективно период царствования Александра III.

Автор книги «Александр III и его время», Е.П. Толмачев, профессор, доктор исторических наук, опираясь на многочисленные источники и труды своих предшественников, расширяет представление о личности царя-миротворца, показывает основные проблемы его времени, людей, которые оказывали серьезное влияние на его становление и решение стоящих проблем.

ISBN 978-5-275-01507-2